

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ «ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ»

ВОСЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

20–22 ноября 2020

Санкт-Петербург, ГУАП / Saint Petersburg, SUAI

ТЕЗИСЫ

УДК 316.324.8
ББК 87.3
В76

В76   Восьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы. – СПб.: ГУАП, 2020. – 426 с.

ISBN 978-5-8088-1530-8

В сборник включены тезисы докладов, представленные в Организационный комитет конференции в электронном виде.

УДК 316.324.8
ББК 87.3

ISBN 978-5-8088-1530-8

© Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

О КОНФЕРЕНЦИИ	15
СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА ВОСЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»	16
СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ТЕЗИСОВ ВОСЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА».....	17
ФИЛОСОФИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	18
<i>Агапудов Д. В.</i> ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ «ЧЕЛОВЕК-ТЕХНИКА» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ	18
<i>Адуло Т. И.</i> СОХРАНЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ БАЗЫ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ	21
<i>Ананьева М. В.</i> МЕДИАВИРУСЫ КАК ФОРМА ЦИРКУЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	24
<i>Ардашев Р. Г.</i> КАЗАТЬСЯ, А НЕ БЫТЬ: ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕНИЯ	27
<i>Боровой Е. М.</i> ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОГО НАСИЛИЯ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ.....	29
<i>Быданов В. Е.</i> ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕТОДОЛОГИИ МИРОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА	32
<i>Быльева Д. С.</i> ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПОМОЩНИКА	35
<i>Войцехович В. Э.</i> СЛОЖНОСТЬ КАК ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ	38
<i>Восканян С. С.</i> ПРЕДЕЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТКРЫТОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	41
<i>Высоцкий Ю. В.</i> ФИЛОСОФИЯ ЭКОЛОГИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ ...	44
<i>Гагаев А. А., Гагаев П. А.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНОСТЬ СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ И ЛОГИКИ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ	47
<i>Годарев-Лозовский М. Г.</i> ЧЕТЫРЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ О ПРОСТРАНСТВЕ, ВРЕМЕНИ И ДВИЖЕНИИ, ЗАЛОЖЕННЫЕ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ	50
<i>Городищева А. Н., Городищев А. В.</i> ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КИБЕРНЕТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	54
<i>Горохов П. А.</i> РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	57
<i>Гусейнов С. Яхья оглы.</i> ЗЕЛЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ТЕХНОЛОГИИ КАК АКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	60
<i>Державина Н. Ф.</i> ПАМЯТЬ, ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО	63
<i>Думов А. В.</i> МЕТАФИЗИКА ИНФОРМАЦИИ И НАУКИ ОБ ИНФОРМАЦИИ: ВЗГЛЯД НА ХАРАКТЕР СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	66
<i>Захарова Л. Н.</i> ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ БЫТИЯ	69
<i>Зейналов Ш. Аловсат оглы.</i> ДИАЛОГ И КОММУНИКАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА	71
<i>Иванов Р. В.</i> РОЛЬ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА.....	74
<i>Карнаух В. К.</i> ВРЕМЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	76
<i>Карпушина А. М.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ «ТРЕТЬЕГО МЕСТА» В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА.....	78

<i>Кольчев П. М.</i> РЕЛЯТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ И ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА ЭСТЕТИКУ	81
<i>Косенков А. Ю.</i> ТЕХНОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ В РАКУРСЕ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	84
<i>Костин Н. О.</i> ТЕОРИЯ СИГНАЛИЗАЦИИ Ю. В. КНОРОЗОВА: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА	87
<i>Крайнов А. Л.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	90
<i>Кудря Л. В.</i> НЕУДОБСТВА С КРЕАТИВНЫМ КЛАССОМ	93
<i>Кузнецова Е. В.</i> КРИЗИС ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	96
<i>Левинская Я. В.</i> «СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ НАИЗНАНКУ»: К ПОИСКАМ ИСТОКОВ СЕКУЛЯРНЫХ ПРОЦЕССОВ	99
<i>Лойко А. И.</i> ФОРМЫ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И НОВАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ	102
<i>Ломако Л. Л., Мальцев А. К., Мальцев К. Г.</i> ОБ «ИЗНАНКЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»	105
<i>Малышев Ю. М.</i> К ОНТОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	108
<i>Минабутдинов И. В.</i> ВЫЯВЛЕНИЕ ПОЛЯ ДЕГУМАНИЗИРОВАННОЙ ЭТИКИ В ПРИЗМЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	113
<i>Некрасов С. Н.</i> УПРАВЛЕНИЕ СМЫСЛАМИ В КОНЦЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАУКИ БУДУЩЕГО И О БУДУЩЕМ	116
<i>Овчаров А. О., Овчарова Т. Н.</i> НОВОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА	119
<i>Оконская Н. К., Ермаков М. А.</i> ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ	122
<i>Олешко В. Ф.</i> МАССМЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КОММУНИКАТИВНО-КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ	125
<i>Орлов С. В.</i> ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В. И. ЛЕНИНА И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДИАЛЕКТИКЕ XXI ВЕКА	128
<i>Павловская О. А.</i> ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ И ДУХОВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ	132
<i>Плющ А. Н.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	135
<i>Полиотов А. В.</i> ВНУТРЕННЕЕ ПРИВАТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ И ВНЕШНЕЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	138
<i>Полышкевич О. А.</i> ПРОСОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	141
<i>Пружинин А. Н.</i> ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	144
<i>Прыгун А. С.</i> СОВРЕМЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ПОПЫТКА ПОМЫСЛИТЬ ДОПОЛНЕННУЮ РЕАЛЬНОСТЬ	147
<i>Рубан Д. А.</i> ИНФОРМАТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ВЫЗОВ, ОТВЕТ, ВОЗМОЖНОСТЬ?	149
<i>Салохин Н. П.</i> СОЦИАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	152
<i>Семенов С. Н.</i> ТВОРЧЕСТВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ	155
<i>Симонян Г. С.</i> КОНЦЕПТ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ	158

<i>Скворцова В. С.</i> ДЕЦЕНТРИРОВАННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ФЕНОМЕНА МЕДИАТИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОБЛЕМНОЙ КОНСТРУКЦИИ.....	160
<i>Скуденков В. А.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ: ИНСТРУМЕНТЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ МИРЕ.....	163
<i>Собольникова Е. Н.</i> ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ «КИБОРГИЗАЦИИ» ЧЕЛОВЕКА.....	166
<i>Соловьёва Л. Н.</i> ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР КАК НОВОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА.....	169
<i>Станжевский Ф. А.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ СЬЮЗАН ХЕРЛИ.....	172
<i>Столетов А. И.</i> ЦИФРОВАЯ ПЕЩЕРА НАШЕГО ВРЕМЕНИ.....	175
<i>Столь А. Б.</i> РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ ФИЛОСОФИИ В XXI ВЕКЕ.....	178
<i>Стрункина Е. С.</i> РЕЛИГИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ П. БЕЙЕРА И Р. РОБЕРТСОНА.....	181
<i>Сулейманов Г. Гурбанали оглы.</i> УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	184
<i>Тимошук А. С.</i> ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	187
<i>Яковлева Е. Л., Дарчинов Э. В.</i> К ВОПРОСУ О ТАКТИКАХ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО КОЧЕВНИКА.....	190

РУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ОБЩИЕ ТРАДИЦИИ И РАЗЛИЧИЯ..... 193

<i>Бовыкин К. А.</i> ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ КИТАЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ.....	193
<i>Гончаров А. Р.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ.....	196
<i>Ковалёв Д. В.</i> ПРОЦЕССЫ ТЕХНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КИТАЯ И РОССИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ.....	199

ЭСТЕЗИС И ЛОГОС В ГОРИЗОНТЕ СОВРЕМЕННОСТИ..... 202

<i>Гурский Н. М.</i> ЛОГИКА СТОИКОВ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО СООБЩЕСТВА.....	202
<i>Егорова Ю. Р.</i> ЛОГОС И ЭСТЕЗИС – ПУТИ ПРЕВРАЩЕНИЯ.....	205
<i>Лосев К. В., Носов Н. В.</i> ЧТЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТА – ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА: ЧИТАТЕЛЬ, АВТОР, КРИТИК.....	208
<i>Львов А. В.</i> СПЕКУЛЯТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ И СОФИСТИКА.....	211

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА..... 213

<i>Багнюк В. Е.</i> ИЗУЧЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ – ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ.....	213
<i>Билаш М. И.</i> ОТРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ 2019 ГОДА В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА.....	216
<i>Буцикова Е. А.</i> «МЯГКАЯ СИЛА» В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕДИА-ИНСТРУМЕНТЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ.....	219
<i>Васильева Ю. Д.</i> СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	221
<i>Гурбатов Т. А.</i> ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ.....	224

<i>Игнатьева И. Ф.</i> МИРОВОЙ ТУРИЗМ: ГЕОЭКОНОМИКА И ГЕОПОЛИТИКА	227
<i>Ирхин Ю. В.</i> КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КЛАССИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ В ДИСКУРСЕ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»	230
<i>Исаев Б. А.</i> АТЛАНТИЗМ И КОНТИНЕНТАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ	233
<i>Куцаенко Е. И.</i> МЕХАНИЗМЫ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ.....	236
<i>Нейштубе Н. Л.</i> АВТОКРАТИИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ.....	239
<i>Пономарева Н. С., Закиров И. В.</i> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАН БРИКС В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	242
<i>Правденков А. А.</i> ПРИЧИНЫ ПОВЫШЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА К АРКТИКЕ.....	245
<i>Сирота Н. М., Мохоров Г. А.</i> СТАНОВЛЕНИЕ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» В МИРЕ	248
<i>Талышинский Э. Бахруз оглы.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ФОРМА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА.....	251
<i>Франц В. А.</i> ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)	254
<i>Чурашова Е. А.</i> ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО ДЕЛЕГИТИМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)	257
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	260
<i>Басалаева О. Г.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К КОММУНИКАЦИИ КАК К АСПЕКТУ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА	260
<i>Вейнмейстер А. В., Григорьева Ю. В.</i> МАРГИНАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	263
<i>Воек М. А.</i> ВЗГЛЯД СЕРДЦА В ПЕЙЗАЖАХ КАСПАРА ДАВИДА ФРИДРИХА	266
<i>Вольнов И. Н.</i> ИСКУССТВО, ПОРОЖДАЮЩЕЕ ВРЕМЯ.....	269
<i>Выжлецова Н. В. Л.</i> ФЕВР И Э. БЕНВЕНИСТ О ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛОВА «ЦИВИЛИЗАЦИЯ».....	272
<i>Карнажицкая Т. В.</i> ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ ПОНЯТИЙ КУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ТРАНЗИТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ.....	275
<i>Кравченко В. И., Кузнецова М. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	278
<i>Макарушина Е. А.</i> ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПАРТИЦИПАТОРНОСТИ В МУЗЕЕ КАК УЧРЕЖДЕНИИ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ Н. САЙМОН)	281
<i>Максимович В. А.</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.....	284
<i>Петрин И. С.</i> ЛОГИКИ «НЕЙРО-ОБРАЗА»: ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЫ	287
<i>Сайфуллин Б. И.</i> ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНИЗАЦИИ (ВВЕДЕНИЯ ЛАТИНСКОГО АЛФАВИТА СРЕДИ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ) В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (РСФСР)	290
<i>Салихова Э. А., Лунев Н. О.</i> ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ АСПЕКТЕ	293

<i>Санникова Л. И.</i> ЭТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИСКУССТВА	296
<i>Сибогатова Р. Р.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЁ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	299
<i>Смирнова Т. М.</i> АССИРИЙЦЫ В ПЕТРОГРАДЕ – ЛЕНИНГРАДЕ: УРБАНИСТИЧЕСКАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ (1920-е – 1930-е гг.)	302
<i>Ултина А. С.</i> ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	306
<i>Яковлева Л. С.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА.....	309

НАУКА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЧЕЛОВЕК, ИНФОРМАЦИЯ, КОСМОС 311

<i>Битюцкая А. А.</i> КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ БЕЛОГО	311
<i>Бурова М. Л.</i> ПРАГМАТИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА.....	314
<i>Выжлецов П. Г.</i> О ПОНЯТИИ «ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ» У М. ШЕЛЛЕРА	317
<i>Душабаев З. Р.</i> НОВАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ	320
<i>Жданова И. В., Мальцева А. В., Мальцев А. К.</i> О «ГРАНИЦАХ СВОБОДЫ»: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ В СВЯЗИ С РУССКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ НАЧАЛА ХХ ВЕКА	322
<i>Караваев Э. Ф.</i> ТЕХНИЦИЗМ П. К. ЭНГЕЛЬМЕЙЕРА КАК ВЕРСИЯ РУССКОГО ПОЗИТИВИЗМА.....	325
<i>Коломийцев С. Ю.</i> ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ КОНВЕНЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ	328
<i>Коробкова С. Н.</i> «ТРЕНД УХОДА»: К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ	331
<i>Левченко Е. В., Меньшикова Л. В.</i> ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОГО ОБЩЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА РОССИИ	334
<i>Лойко Л. Е.</i> НАУЧНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОГО КОСМИЗМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	337
<i>Пиляк С. А.</i> ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	340
<i>Плотникова В. А.</i> ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ В РЕФЛЕКСОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В. М. БЕХТЕРЕВА.....	343
<i>Рыбас А. Е.</i> ЭМПИРИОСИМВОЛИЗМ П. С. ЮШКЕВИЧА: ПОПЫТКА АКТУАЛИЗАЦИИ.....	346
<i>Тяпин И. Н.</i> ЗНАЧЕНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ	349

**СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА 352**

<i>Андреева Ю. В.</i> ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. ЗЕЛИГМАНА КАК ПЕРСПЕКТИВА МОДЕРНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИКИ.....	352
<i>Боровинская Д. Н.</i> ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МЫШЛЕНИЯ И КРЕАТИВНОСТИ: ПОДХОДЫ И КОНЦЕПЦИИ.....	355
<i>Доронина С. Г.</i> ОТНОШЕНИЯ «ВЗРОСЛЫЙ – РЕБЕНОК» В КОНТЕКСТЕ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК: ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД	358
<i>Журавлева И. А.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	361

<i>Иванов А. Ю.</i> ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ВУЗОВСКОМ КУРСЕ «ИСТОРИЯ»	364
<i>Иванова А. М.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ	367
<i>Лбова Е. М.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	370
<i>Лобеева В. М.</i> НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ.....	373
<i>Малькова М. В.</i> КОНФЛИКТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА.....	376
<i>Полянкина С. Ю.</i> ОНТО-ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ, ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ И СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ	379
<i>Приходько Ф. С.</i> СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОГО ВАРИАНТА	382
<i>Рахматуллина З. Я.</i> ДУХОВНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	385
<i>Стерликова А. А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ.....	388
<i>Суханова Н. П.</i> КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	391
<i>Шершнёва Т. В., Мисюченко И. С.</i> ПРОБЛЕМА ЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ ОТ ОЦЕНКИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.....	394

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБУЧЕНИИ В ВУЗЕ: ПОЗИТИВНОЕ И НЕГАТИВНОЕ 397

<i>Бакулин М. А.</i> ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗЕ.....	397
<i>Батянова Л. Н.</i> ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ.....	400
<i>Карпунин С. В., Лобажевич В. В.</i> ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	403
<i>Клюкина Л. А.</i> ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ MOODLE В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ» ОБУЧАЮЩИМСЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФАРМАЦИЯ»	406
<i>Маковецкая М. В.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ	409
<i>Малых С. В.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И РИСКИ	412
<i>Неренц Д. В.</i> СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ РОССИЙСКОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА)	414
<i>Русак С. Г.</i> ДОСТУПНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВУЗЕ	417
<i>Селиверстова Н. А.</i> ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	420
<i>Сидоренко А. С.</i> ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ЭЛЕКТРОННОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ MOODLE	423

CONTENT

ABOUT THE CONFERENCE	15
ORGANIZATION COMMITTEE OF THE EIGHTH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "PHILOSOPHY AND CULTURE IN INFORMATION SOCIETY"	16
EDITORIAL BOARD OF THE EIGHTH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "PHILOSOPHY AND CULTURE IN INFORMATION SOCIETY"	17
PHILOSOPHY OF INFORMATION SOCIETY	18
<i>Agapudov D. V.</i> THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZING RELATIONSHIPS "MAN-TECHNOLOGY" IN MODERN PHILOSOPHY	18
<i>Adoulo T. I.</i> THE PRESERVATION OF THE PHILOSOPHICAL BASIS OF INTELLECTUAL ACTIVITY IS AN IMPERATIVE OF THE MODERN ERA	21
<i>Ananieva M. V.</i> MEDIASIRUSES AS FORM OF CIRCULATION OF INFORMATION IN AREA OF SOCIAL MEDIA	24
<i>Ardashev R. G.</i> TO SEEM, NOT TO BE: THE IRRATIONAL BASIS OF THE PHILOSOPHY OF DIGITAL COMMUNICATION	27
<i>Borovoi E. M.</i> THE PROBLEM OF TOLERANT VIOLENCE IN COMPUTER GAMES	29
<i>Bydanov V. E.</i> IDENTITY IN THE METHODOLOGY OF WORLD-SYSTEMS ANALYSIS	32
<i>Bylieva D. S.</i> ONTOLOGICAL ESSENCE OF VIRTUAL ASSISTANT	35
<i>Voytsekhovich V. E.</i> COMPLEXITY AS AN ONTOEPISTEMOLOGICAL CONCEPT	38
<i>Voskanyan S. S.</i> LIMITS OF SOCIAL OPENNESS IN INFORMATION SOCIETY	41
<i>Vysotsky Yu. V.</i> ENVIRONMENTAL PHILOSOPHY IN INFORMATION SOCIETY	44
<i>Gagaev A. A., Gagaev P. A.</i> ETHNO-CULTURAL WAY OF THINKING AND LOGIC OF DISCOVERIES AND INVENTIONS	47
<i>Godarev-Lozovskiy M. G.</i> FOUR ONTOLOGICAL IDEAS ABOUT SPACE, TIME AND MOVEMENT IN RUSSIAN CULTURE	50
<i>Gorodishcheva A. N., Gorodishchev A. V.</i> PROBLEMS OF HUMAN SELF- IDENTIFICATION IN A CYBERNETIC SOCIETY	54
<i>Gorokhov P. A.</i> REFLECTIONS ON THE PERSON IN THE GLOBALISATION ERA	57
<i>Huseynov S. Yahya oglu.</i> GREEN INFORMATION SYSTEMS AND TECHNOLOGIES AS ASSETS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT	60
<i>Derzhavina N. F.</i> MEMORY, HUMAN BEING AND HUMANITY	63
<i>Dumov A. V.</i> METAPHYSICS OF INFORMATION AND INFORMATION SCIENCES: AN APPROACH TO EXPLAINING THE NATURE OF INTERACTIONS AND CONNECTIONS BETWEEN THEM	66
<i>Zakharova L. N.</i> VIRTUAL REALITY IN THE STRUCTURE OF BEING	69
<i>Zeynalov S. A.</i> DIALOGUE AND COMMUNICATION OF CIVILIZATIONS AS A MODERN PHILOSOPHICAL PROBLEM	71
<i>Ivanov R. V.</i> THE ROLE OF DIGITAL SPACE IN HUMAN PROFESSIONAL IMPLEMENTATION	74
<i>Karnaukh V. K.</i> TIME IN INFORMATION SOCIETY	76
<i>Kartushina A. M.</i> TRANSFORMATION OF THE MEANING OF THE TERM "THIRD PLACE" IN THE SPACE OF A MODERN CITY	78
<i>Kolychev P. M.</i> RELATIVE ONTOLOGY AND THE INFLUENCE OF INFORMATION SOCIETY ON AESTHETICS	81

<i>Kosenkov A. Y.</i> THE INTERNET OF THINGS FROM THE PERSPECTIVE OF PHILOSOPHICAL RESEARCH: STARTING POINTS OF THEORETICAL ANALYSIS	84
<i>Kostin N. O. Yu.V.</i> KNOROZOV'S THEORY OF SIGNALING: SYSTEM APPROACH TO THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE	87
<i>Krainov A. L.</i> TRANSFORMATION OF HUMAN COGNITIVE ABILITIES IN INFORMATION SOCIETY	90
<i>Kudrya L. V.</i> THE CREATIVE CLASS INCONVENIENCES	93
<i>Kuznetsova E. V.</i> CRISIS OF PERSONALITY IDENTITY PHENOMENON IN THE CONTEXT OF COMMUNICATIONAL SPACE OF INFORMATIONAL CIVILIZATION	96
<i>Levinskaia I. W.</i> "SECULARIZATION 'INSIDE OUT'": TO THE SEARCH FOR SOURCES OF SECULARITY	99
<i>Loiko A. I.</i> FORMS OF EMPLOYMENT IN INFORMATION SOCIETY AND NEW SOCIALITY	102
<i>Lomako L. L., Maltsev A. K., Maltsev K. G.</i> ABOUT THE "UNDERSIDE OF INFORMATION SOCIETY"	105
<i>Malyshev Yu. M.</i> ON THE ONTOLOGY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE	108
<i>Minabutdinov I. V.</i> IDENTIFICATION OF THE FIELD OF DEHUMANIZED ETHICS THROUGH THE PRISM OF THE COMMUNICATION SPHERE OF GLOBALIZATION	113
<i>Nekrasov S. N.</i> MANAGING MEANINGS AT THE END OF GLOBALIZATION AND SCIENCES OF THE FUTURE AND ABOUT THE FUTURE	116
<i>Ovcharov A. O., Ovcharova T. N.</i> NEWNESS IN THE POSTMODERN ERA	119
<i>Okonskaya N. K., Ermakov M. A.</i> STUDYING MODERN INFORMATION SOCIETY: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS	122
<i>Oleshko V. F.</i> MASS MEDIA DISCOURSE OF COMMUNICATIVE AND CULTURAL MEMORY	125
<i>Orlov S. V. V. I.</i> LENIN'S PHILOSOPHICAL IDEAS AND NEW TRENDS IN THE DIALECTICS OF THE XXI CENTURY	128
<i>Pavlovskaya O. A.</i> THE PROBLEM OF RELATIONSHIP OF SOCIALITY AND SPIRITUALITY IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO INFORMATION SOCIETY	132
<i>Plyushch A. N.</i> METHODOLOGICAL GROUNDS FOR FORECASTING OF SOCIAL PROCESSES	135
<i>Politov A. V.</i> THE INNER PRIVATE SPACE OF HUMAN EXISTENCE AND THE EXTERNAL PUBLIC SPACE OF INFORMATION SOCIETY CULTURE	138
<i>Polyushkevich O. A.</i> PROSOCIAL DIGITAL INTERACTION TECHNOLOGIES	141
<i>Pruzhinin A. N.</i> DIGITAL SPACE FOR FORMATION OF HUMAN CAPITAL	144
<i>Prygun A. S.</i> MODERN CINEMA AS AN ATTEMPT TO THINK OF AUGMENTED REALITY	147
<i>Ruban D. A.</i> MODERN SCIENCE INFORMATIZATION: CHALLENGE, RESPONSE, OPPORTUNITY?	149
<i>Salokhin N. P.</i> SOCIAL-SYNERGETIC BASICS OF SELF GOVERNMENT FOR CONTEMPORARY RUSSIA	152
<i>Semenov S. N.</i> CREATIVITY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE	155
<i>Simonyan H. S.</i> THE CONCEPT OF INTERGENERATIONAL JUSTICE AND THE PREREQUISITES OF ITS FORMATION	158

<i>Skvortsova V. S.</i> DE-CENTERED PERSPECTIVE OF THE MEDIATIZATION PHENOMENON ILLUSTRATED BY A PROBLEM DESIGN	160
<i>Skudenkov V. A.</i> ECONOMIC CLAIMS: PRESENTATION TOOLS IN THE DIGITAL WORLD	163
<i>Sobolnikova E. N.</i> PHILOSOPHICAL UNDESTANDING OF MAN'S "CYBORGIZATION" PROBLEM	166
<i>Solovieva L. N.</i> VIRTUAL WORLD AS A NEW LIVING SPACE FOR MAN	169
<i>Stanzhevskiy F. A.</i> INFORMATION THEORY OF CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF SUSAN HURLEY'S COGNITIVE PHILOSOPHY	172
<i>Stoletov A. I.</i> A DIGITAL CAVE OF OUR TIME	175
<i>Stol A. B.</i> REFLECTIONS ABOUT THE FUTURE OF PHILOSOPHY IN THE XXI CENTURY	178
<i>Strunkina E. S.</i> RELIGION IN THE PUBLIC SPHERE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION THEORIES OF P. BEYER AND R. ROBERTSON	181
<i>Suleymanov G. Q.</i> SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND NATIONAL SOCIAL-ECOLOGICAL POLICY UNDER GLOBALIZATION	184
<i>Timoshchuk A. S.</i> DIGITAL CULTURE OF INFORMATION SOCIETY	187
<i>Iakovleva E. L., Darchinov E. V.</i> ABOUT PERSONALIZATION TACTICS OF THE ELECTRONIC NOMAD	190
RUSSIAN AND CHINESE PHILOSOPHY: COMMON TRADITIONS AND DIFFERENCES	193
<i>Bovykin K. A.</i> PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS FOUNDATIONS OF THE CHINESE POLITICAL MENTALITY AND ITS CHANGES IN THE ERA OF INFORMATIZATION	193
<i>Goncharov A. R.</i> PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN CHINESE DIPLOMACY	196
<i>Kovalev D. V.</i> PROCESSES OF CONSCIOUSNESS TECHNIZATION AND PHILOSOPHICAL THOUGHT EVOLUTION OF CHINA AND RUSSIA: INTERCONNECTION IN THE CONTEXT OF CIVILIZATION CHALLENGES	199
ESTHESIS AND LOGOS IN THE HORIZON OF MODERNITY	202
<i>Gurskiy N. M.</i> STOIC LOGIC AND AESTHETIC POLITICS OF THE INFORMATION COMMUNITY	202
<i>Egorova Y. R.</i> LOGOS AND AESTHESIS. THE WAYS OF TRANSFORMATION	205
<i>Losev K. V., Nosov N. V.</i> READING INTERTEXT – UNDERSTANDING THE TEXT: READER, AUTHOR, CRITIC	208
<i>Lyvov A. V.</i> SPECULATIVE REALISM AND SOPHISTRY	211
POLITICS AND GEOPOLITICS OF THE ERA OF INFORMATION SOCIETY	213
<i>Bagnyuk V. E.</i> STUDY OF CONFLICTS IN MODERN GEOPOLITICS – BASIC THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES	213
<i>Bilash M. I.</i> REFLECTION OF ENVIRONMENTAL PROTESTS IN 2019 IN ELECTRONIC MEDIA: EXPERIENCE IN CONTENT ANALYSIS	216
<i>Butsikova E. A.</i> SOFT POWER IN MODERN INFORMATION SOCIETY: MEDIA TOOLS IN GLOBAL POLITICS	219
<i>Vasilyeva Ju. D.</i> SPECIFICS OF SOCIAL NETWORKS FUNCTIONING IN THE POLITICAL PROCESS	221

<i>Gurbatov T. A.</i> THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FUNDAMENTALS OF FUNCTIONING OF RUSSIA'S PARTY-POLITICAL SYSTEM	224
<i>Ignatyeva I. F.</i> WORLD TOURISM: GEO-ECONOMICS AND GEOPOLITICS	227
<i>Irkhin I. V.</i> COMPLEX ANALYSIS OF CLASSICAL REGULARITIES AND FEATURES OF MODERN GEOPOLITICS IN THE DISCOURSE OF THE "NEW REALITY"	230
<i>Isaev B. A.</i> ATLANTICISM AND CONTINENTALISM IN MODERN GEOPOLITICS	233
<i>Kutsaenko E. I.</i> MECHANISMS OF THE NEGATIVE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA ON THE INFORMATION PRIVILEGES OF POLITICAL ELITES ...	236
<i>Nejsh tube N. L.</i> AUTOCRACIES IN THE INFORMATION AGE	239
<i>Ponomareva N. S., Zakirov I. V.</i> SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE BRICS COUNTRIES IN THE MODERN WORLD	242
<i>Pravdenkov A. A.</i> REASONS FOR INCREASING GEOPOLITICAL INTEREST IN THE ARCTIC	245
<i>Sirota N. M., Mokhorov G. A.</i> THE FORMATION OF A "NEW NORMALITY" IN THE WORLD	248
<i>Talishinski E. Bahruz ogly.</i> INFORMATION TERRORISM AS A FORM OF INTERNATIONAL TERRORISM	251
<i>Frants V. A.</i> SPECIFICS OF THE SPREAD OF PROTEST MOODS AMONG RUSSIAN URBAN YOUTH UNDER CONDITIONS OF INFORMATION SOCIETY (CASE OF YEKATERINBURG)	254
<i>Churashova E. A.</i> ACCUSATIVE DISCOURSE AS A TOOL OF DELEGITIMATION (A STUDY ON REPUBLIC OF BELARUS)	257
INTERDISCIPLINARY CULTURAL STUDIES IN THE EPOCH OF INFORMATION SOCIETY	260
<i>Basalaeva O. G.</i> INFORMATION APPROACH TO COMMUNICATION AS AN ASPECT OF THE CULTURAL PROCESS	260
<i>Veinmeister A. V., Grigoreva I. V.</i> THE MARGINAL ANTHROPOLOGY IN INFORMATION SOCIETY	263
<i>Vovk M. A.</i> THE VIEW OF THE HEART IN THE LANDSCAPES OF KASPAR DAVID FRIEDRICH	266
<i>Volnov I. N.</i> ART THAT GENERATES TIME	269
<i>Vyzhletsova N. V. L.</i> FEVRE AND E. BENVENISTE ON THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF THE WORD "CIVILIZATION"	272
<i>Karnazhitskaya T. V.</i> THE PROBLEM OF CORRELATION OF CULTURAL REALITY, CULTURAL MEMORY AND TRANSITIVITY CONCEPTS IN MODERN CULTUROLOGY	275
<i>Kravchenko V. I., Kuznetsova M. A.</i> FEATURES OF THE INTEGRATION OF TRADITIONAL CULTURE IN INFORMATION SOCIETY	278
<i>Makarushina E. A.</i> MANIFESTATION OF THE PHENOMENON OF PARTICIPATION IN THE MUSEUM AS A CULTURAL INSTITUTION (BASED ON THE WORK OF N. SIMON)	281
<i>Maksimovich V. A.</i> NATIONAL CULTURAL TRADITION IN THE SOCIOCULTURAL DYNAMICS OF INFORMATION SOCIETY	284
<i>Petrin I. S.</i> «NEURO-IMAGE» LOGIC: AESTHETIC ASPECTS OF CONTEMPORARY SCREEN CULTURE	287
<i>Sayfullin B. I.</i> SPECIFIC FEATURES OF LATINIZATION (INTRODUCTION OF THE LATIN ALPHABET AMONG THE TURKIC SPEAKING POPULATION) IN THE URAL REGION (RSFSR)	290

<i>Salikhova E. A., Lunev N. O.</i> SEPARATE TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL CULTURE IN THE SOCIOHUMANITARIAN ASPECT	293
<i>Sannikova L. I.</i> ETHICAL HORIZONS OF THE IDEOLOGICAL FUNCTION OF ART	296
<i>Sibogatova R. R.</i> INFORMATION CULTURE OF PERSONALITY AS A FACTOR ENSURING THEIR INFORMATION SECURITY	299
<i>Smirnova T. M.</i> ASSYRIANS IN PETROGRAD – LENINGRAD: URBANIST ACCULTURATION (1920s – 1930s)	302
<i>Ulitina A. S.</i> THE PHENOMENON OF INTERCULTURAL INTERACTION	306
<i>Yakovleva L. S.</i> TRANSFORMATION OF THE PHOTOGRAPHIC IMAGE IN A DIGITAL SOCIETY	309

SCIENCE AND RUSSIAN PHILOSOPHY: MAN, INFORMATION, SPACE 311

<i>Bityutskaya A. A.</i> ANDREY BELY'S CONCEPT OF LIFE CREATION	311
<i>Burova M. L.</i> PRAGMATISM IN THE MIRROR OF THE PHILOSOPHY OF UNITY	314
<i>Vyzhletsov P. G. M.</i> SCHELER' S CONCEPT OF "PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY"	317
<i>Dushabaev Z. R.</i> A NEW MODEL OF THE VISUAL PERCEPTION PROCESS	320
<i>Zhdanova I. V., Maltseva A. V., Maltsev A. K.</i> THE "FRONTIERS OF FREEDOM": SEVERAL COMMENTS ON THE LIBERAL CONCEPT OF FREEDOM IN CONNECTION WITH RUSSIAN PHILOSOPHY AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY	322
<i>Karavaev E. F.</i> TECHNICISM BY P. K. ENGELMEYER AS A VERSION OF RUSSIAN POSITIVISM	325
<i>Kolomiytsev S. Yu.</i> THREE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF IDEAS OF CONVENTIONALISM IN RUSSIA	328
<i>Korobkova S. N.</i> "THE TENDENCY TO LEAVE": ON THE ISSUE OF ENVIRONMENTAL ETHICS	331
<i>Levchenko E. V., Menshikova L. V.</i> VALUES OF CHRISTIAN COMMUNICATION AND THEIR ROLE IN STRENGTHENING THE NATIONAL UNITY OF RUSSIA	334
<i>Loiko L. E.</i> SCIENTIFIC AND SPIRITUAL BASES OF RUSSIAN COSMISM: HISTORY AND MODERNITY	337
<i>Pilyak S. A.</i> CIVILIZATIONAL FEATURES OF THE RUSSIAN CULTURAL IDENTITY	340
<i>Plotnikova V. A.</i> PROBLEMS OF CONSCIOUSNESS IN V. M. BEKHTEREV'S REFLEXOLOGICAL THEORY	343
<i>Rybas A. E.</i> EMPIRIOSYMBOLISM BY P. S. YUSHKEVICH: A WAY TO MAKE IT RELEVANT	346
<i>Tyapin I. N.</i> SIGNIFICANCE AND POTENTIAL OF DOMESTIC PHILOSOPHY IN THE INFORMATION AGE	349

MODERN EDUCATION: PHILOSOPHY, PSYCHOLOGY, PEDAGOGY 352

<i>Andreeva Yu. V.</i> THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF OPTIMISM BY M. SELIGMAN AS THE PROSPECT OF PEDAGOGY MODERNIZATION	352
<i>Borovinskaya D. N.</i> PHILOSOPHICAL EXPLICATION OF THE INTERCONNECTION OF THINKING AND CREATIVITY: APPROACHES AND CONCEPTS	355
<i>Doronina S. G.</i> THE "ADULT – CHILD" RELATIONSHIP IN THE CONTEXT OF EDUCATIONAL PRACTICES: A PSYCHOHISTORICAL VIEW	358
<i>Zhuravleva I. A.</i> EDUCATIONAL STRATEGIES IN INFORMATION SOCIETY	361

<i>Ivanov A. Yu.</i> PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF USING SOURCES OF PERSONAL ORIGIN IN THE UNIVERSITY COURSE "HISTORY"	364
<i>Ivanova A. M.</i> IT-BASED DISTANCE LEARNING FOR STUDENTS OF TRANSLATION AND INTERPRETING	367
<i>Lbova E. M.</i> TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION SYSTEMS IN MODERN INFORMATION SOCIETY	370
<i>Lobeeva V. M.</i> SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES OF UNIVERSITY TEACHERS: THE PROBLEM OF DETERMINING THEIR EFFECTIVENESS	373
<i>Malkova M. V.</i> CONFLICTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY	376
<i>Polyankina S. Yu.</i> ONTO-EPISTEMOLOGY OF EDUCATION IN INFORMATION SOCIETY, KNOWLEDGE SOCIETY AND NETWORK SOCIETY	379
<i>Prikhodko F. S.</i> HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN INTEGRATION PROCESSES: SEARCH FOR THE OPTIMAL OPTION	382
<i>Rakhmatullina Z. Y.</i> SPIRITUAL PERSONALITY AS A PRIORITY OF MODERN NATIONAL EDUCATION	385
<i>Sterlikova A. A.</i> USE OF HIGH TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS: SOCIAL NETWORK AND THE PROBLEMS OF HISTORY TEACHING	388
<i>Sukhanova N. P.</i> CRITICAL THINKING: THEORY AND PRACTICE	391
<i>Shershniova T. V., Misyuchenko I. S.</i> THE PROBLEM OF PERSONALITY DEPENDENCE ON ASSESSMENT IN SOCIAL NETWORKS	394
INFORMATION TECHNOLOGY IN MODERN EDUCATION AT A UNIVERSITY: POSITIVE AND NEGATIVE FACTORS	397
<i>Bakulin M. A.</i> ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF USING INFORMATION TECHNOLOGIES IN HIGHER EDUCATION	397
<i>Batyanova L. N.</i> EDUCATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT	400
<i>Karpukhin S. V., Lobazhevich V. V.</i> PROBLEMS OF SELF-IDENTIFICATION OF THE STUDENT'S PERSONALITY IN THE CONTEXT OF VIRTUALIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS	403
<i>Klyukina L. A.</i> USING THE MOODLE EDUCATION PLATFORM FOR TEACHING PHILOSOPHY TO PHARMACY STUDENTS	406
<i>Makovetskaya M. V.</i> INFORMATION APPROACH IN EDUCATION	409
<i>Malykh S. V.</i> DIGITALIZATION OF UNIVERSITY LEARNING: SOCIAL EFFECTS AND RISKS	411
<i>Nerents D. V.</i> METHODS OF USING INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE FACULTY OF JOURNALISM OF A RUSSIAN UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF THE FACULTY OF JOURNALISM OF THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)	414
<i>Rusak S. G.</i> AVAILABILITY OF THE INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT AT THE UNIVERSITY	417
<i>Seliverstova N. A.</i> DISTANCE LEARNING: PROBLEMS AND PROSPECTS	420
<i>Sidorenko A. S.</i> FEATURES OF STUDENTS' KNOWLEDGE CONTROL BY MEANS OF THE MOODLE LEARNING MANAGEMENT SYSTEM	423

О КОНФЕРЕНЦИИ ABOUT THE CONFERENCE

Уважаемые коллеги!

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения совместно с Институтом философии НАН Беларуси, Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом (Техническим университетом) приветствует вас на Восьмой международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества».

К сожалению, из-за пандемии коронавируса в этом году конференция проводится только в заочном режиме. Тем не менее публикация поступивших материалов осуществляется в полном объеме.

Задача конференции – изучение опыта исследования современного общества, философских, культурологических, социологических, политологических и психологических аспектов теории постиндустриального (информационного) общества, её оценка с позиций философского материализма. На конференции затрагиваются следующие проблемы:

- новый взгляд на фундаментальные проблемы философии – концепции материи (бытия), развития и человека – в эпоху информационного общества;
- роль историко-философских и историко-культурных традиций в решении проблем современного общества;
- развитие философии в России и в Китае: традиции и взаимодействие;
- русская философия и проблемы информационного общества;
- политика и геополитика в информационном обществе;
- компьютерная техника, информационные технологии, кибернетическая картина мира и их влияние на общественное развитие;
- изменения в культуре и искусстве информационного общества;
- современные проблемы развития науки и образования.
- творчество в условиях информационного общества;
- человеческое творчество и эвристики искусственного интеллекта.

Желаем всем активного творческого сотрудничества!

Оргкомитет

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА ВОСЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

ORGANIZATION COMMITTEE OF THE EIGHTH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “PHILOSOPHY AND CULTURE IN INFORMATION SOCIETY”

Антохина Юлия Анатольевна – ректор ГУАП – председатель оргкомитета.

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор – заместитель председателя оргкомитета.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент – заместитель председателя оргкомитета (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП – заместитель председателя оргкомитета.

Быданов Виктор Евгеньевич – заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технического университета), кандидат философских наук, доцент – заместитель председателя оргкомитета (по согласованию).

Максимович Валерий Александрович – главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси, доктор филологических наук, профессор (по согласованию).

Внутских Александр Юрьевич – заместитель декана по научной работе философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, главный редактор научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология», доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Семёнов Сергей Николаевич – кандидат философских наук, директор Центра профессионального творчества Консорциума «Нефтегазовый центр» (ООО МИП Уфимского государственного нефтяного технического университета) (по согласованию).

Гусман Леонид Юрьевич – заведующий кафедрой истории и философии ГУАП, доктор исторических наук, доцент.

Исаев Борис Акимович – Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Выжлецов Геннадий Павлович – доктор философских наук, профессор, профессор Института философии СПбГУ (по согласованию).

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Секацкий Александр Куприянович – кандидат философских наук, доцент, главный редактор журнала «EINA: Философия. Религия. Культура».

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

**СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ТЕЗИСОВ ВОСЬМОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»**

**EDITORIAL BOARD OF THE EIGHTH INTERNATIONAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE “PHILOSOPHY AND CULTURE IN
INFORMATION SOCIETY”**

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор – главный редактор.

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики.

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии ГУАП.

Руководители и редакторы секций

Философия в информационном обществе – Орлов Сергей Владимирович,

Русская и китайская философия: общие традиции и различия – Лосев Константин Викторович,

Эстезис и логос в горизонте современности – Зайцев Игорь Николаевич,

Политика и геополитика эпохи информационного общества – Исаев Борис Акимович,

Междисциплинарные исследования культуры в эпоху информационного общества – Смирнова Тамара Михайловна, Выжлецова Наталья Викторовна,

Наука и русская философия: человек, информация, космос – Коробкова Светлана Николаевна, Коломийцев Сергей Юрьевич,

Современное образование: философия, психология, педагогика – Дмитренко Нина Андреевна,

Информационные технологии в современном обучении в вузе: позитивное и негативное – Быданов Виктор Евгеньевич.

ФИЛОСОФИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

PHILOSOPHY OF INFORMATION SOCIETY

Агапудов Денис Викторович

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: denis11992@yandex.ru

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ «ЧЕЛОВЕК-ТЕХНИКА» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: В работе представлена проблема философского осмысления взаимоотношения человека и техники в контексте «инструменталистской» концепции, концепции «автономной технологии» и «социально-детерминистической» концепции, анализ данных дискурсов, что отражает философские дискуссии о технике и ее сущности.

Ключевые слова: техника, человек, инструментализм, автономная технология, социальный детерминизм, общество.

Agapudov Denis Viktorovich

PhD Student

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZING RELATIONSHIPS “MAN-TECHNOLOGY” IN MODERN PHILOSOPHY

Abstract. The paper reveals the problem of philosophical understanding of the relationship between man and technology in the context of the "instrumentalism" concept, the concept of "autonomous technology" and the "social deterministic" concept, the analysis of these discourses, which reflects philosophical discussions about technology and its essence.

Keywords: technology, man, instrumentalism, autonomous technology, social determinism, society.

Современные дискуссии о природе техники сосредоточены вокруг трех концепций – «инструменталистской», концепции «автономной технологии» и «социально-детерминистической» концепции. Инструментализм связан с идеей понимания техники как средства достижения целей, т.е. любое технологическое открытие в определенном смысле «целерационально». Технологический детерминизм, или концепция «автономной технологии», рассматривает технологию как самоуправляющуюся силу, как то, что развивается самобытно и формирует человеческое эзвитие, как особая техническая реальность. В. М. Розин отмечает, что примером концепции «автономной технологии» может служить концепция «техноценоза»: «техноценозы как сообщества технологий и техники складываются, формулируются в техносфере эволюционно, по мере сопряжения технологий между собой и обрастания элементами, расширяющими сферу их применения...» [3, с. 96]. Б. И. Кудрин утверждает, что техническая реальность стала всеобщей, но что ее сущность представляет собой естественный процесс. Он пишет: «Почему отвергаются факты массового порождения технического технического, происходящего вне желаний человека; расширения, и немало, технической реальности за счёт нецелесообразной или преступной деятельности, не производственной, а иной (осознанной и неосознанной)?» [2, с. 34].

Согласно данной концепции, техносфера становится частью биосферы и трансформирует ее. [2, с. 35].

Большинство историков и социологов отстаивают «социально-детерминистический», или контекстуальный, подход, согласно которому техника не является нейтральным инструментом для решения проблем, а становится выражением социальных, политических и культурных ценностей. В технологии воплощаются не только технические суждения, но более широкие социальные ценности и интересы тех, кто ее проектирует и использует. Так, по мнению Х. Сколимовски, техника представляет собой феномен, порождающий трансформацию человека в информационном мире, что предполагает новое понимание как самой реальности, так и методов познания мира. Согласно «социально-детерминистической» концепции, техника рассматривается не только как технология или инструмент, а как детерминанта социальной реальности. Х. Сколимовски пишет: «В последнее время я сам утверждаю, что на нашей планете почти все стало техникой, не исключая человека, который является техникой, поскольку обслуживает технику и обеспечивает свою жизнь исключительно с помощью техники» [3, с. 98].

Безусловно, в XX столетии сущность техники воспринимается целостно, универсально и многоаспектно, что делает бесспорным утверждение о влиянии технической реальности на человека, формировании зависимости человека от техники. Как утверждал М. Хайдеггер, для того чтобы человек снова стал свободным в отношении техники, он должен кардинально перемениться: «Опомнившись, снова ощутить широту своего сущностного пространства» [6, с. 254]. Если в культурах древних царств, античной или средневековой, представления о сущем и Боге были достаточны, чтобы возникли и развивались соответствующие культуры, но недостаточны, чтобы на регулярной основе обнаруживать новые природные процессы и эффекты и овладевать ими, превращая их в средства человеческой деятельности. То, совершенно другая картина складывается в культуре Нового времени, когда природа стала пониматься как источник скрытых сил и энергий, которыми человек может овладеть, если только в новой науке он выявит устройство (законы) природы. В результате на рубеже XVI–XVII вв. «формируется своеобразный социальный проект – создание новых наук и овладение силами природы с целью преодоления кризиса и установления в мире нового порядка, обеспечивающего человеку почти божественное могущество» [4, с. 173]. Таким образом, в XVI–XVII вв. техника понимается в философском дискурсе как условие социальности и культуры Нового времени.

В XX столетии происходит формирование замкнутой планетарной технической среды. При этом единственными нетехническими элементами остаются природные сырьевые материалы, а также человек. Но разве в рамках современной техники и технологии человек и природа сами не стали ресурсами новой техники и производства? Если это так, то неконтролируемое развитие техники и технологии действительно ведет к непредсказуемой и опасной трансформации как нашей планеты, так и самого человека. Суть этого понимания сформулировал Ж. Бодрийяр (1998): «Действительно, мы тратим нашу энергию, бесконечно разрушая мир, уничтожая историю, которая больше не может произвести свой собственный конец (или прийти к концу). Все более и более развивающаяся технология помогает исполнить нашу задачу. Все может быть продлено *ad infinitum*. Мы больше не можем остановить процесс. Это расширение происходит без нас, в каком-то смысле без реальности, в бесконечном спекулятивном поиске, как экспоненциальное ускорение...мы – в апогее информации. Погребенные в глубине *media*, мы больше не можем сказать, произошло ли что-то или нет» [1]. В. М. Розин полагает, что человеку, чтобы выжить, а затем жить и развиваться нормально, придется создать новую мораль, например, отказаться от всех проектов, угрожающих природе или культуре, научиться по-новому использовать технику и технологию, перестроить свои интересы и характер деятельности [см.: 5].

Таким образом, главным станет не рост благосостояния, комфорта, силы на основе техники и технологии, а безопасное развитие, контроль над собственными средствами, поиск необходимых условий и ограничений, что, безусловно, приведет и к изменению самого понимания сущности техники: во-первых, человечество с необходимостью придет к отрицанию только «инструменталистского» понимания сущности техники. На смену придёт понимание техники как проявления сложных интеллектуальных и социокультурных процессов (познания и исследования, инженерной и проектировочной деятельности, развития технологий, сферы экономических и политических решений и т. д.); во-вторых, необходимо осознать природу техники как особую технологическую реальность, как «технологическую сингулярность»; в-третьих, для человечества важно осознание границ взаимовлияния техники и социальности, что должно привести к обсуждению новых типов социальности, необходимых для современного человека, основанных на анализе и минимизации негативных последствий научно–технического развития.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка Года 2000. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000326/index.shtml> (дата обращения 10.10.2020).
2. Кудрин Б.И. Технетика: новая парадигма философии техники (третья научная картина мира). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – 40 с.
3. Розин В.М. Техника и социальность // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 95–107.
4. Розин В.М. Понятие и современные концепции техники. – М.: ИФРАН, 2006. – 255 с.
5. Розин В.М. Понятие и эволюция технологии // Идеи и идеалы. 2018. – № 2, т. 2. – С. 3–15. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-3-15.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. — М.: Республика, 1993. – 447 с.

Адуло Тадеуш Иванович

доктор философских наук, профессор

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Email: tadoul@mail.ru

СОХРАНЕНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ БАЗЫ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Аннотация. В процессе информатизации общества всё большее количество функций человеческого мозга передаётся машине. Следствием этого может стать снижение творческого потенциала личности. Для недопущения подобной ситуации целесообразно задействовать философию, вернее её ядро – диалектику.

Ключевые слова: информационное общество, личность, философия, диалектика.

Adoulo Tadeouch Ivanovich

Doctor of Philosophy, Professor

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

THE PRESERVATION OF THE PHILOSOPHICAL BASIS OF INTELLECTUAL ACTIVITY IS AN IMPERATIVE OF THE MODERN ERA

Abstract. In the process of society informatization, the machine performs more and more functions of the human brain. The consequence of this phenomenon can be a decrease in the creative potential of the individual. To prevent such a situation, it is advisable to use philosophy, or rather its core – dialectics.

Keywords: information society, personality, philosophy, dialectics.

Нынешний социум далёк от стабильности, хотя еще на рубеже XX–XXI вв. ООН был разработан масштабный проект устойчивого общественного развития и предпринят целый ряд конкретных мер по его практической реализации. Причины нестабильности мира носят объективный и субъективный характер. Объективные основания нестабильности проистекают из онтологии самих общественных процессов – атрибутивного характера социальных противоречий, вне которых развитие социального организма проблематично. Субъективные основания нестабильности общества связаны с деятельностью самих участников социальных процессов – людей, начиная с рядовых граждан и заканчивая политиками и государственными деятелями. В данном случае речь пойдёт именно об этих основаниях, а, конкретнее, о социально-философском знании как одном из инструментов теоретического обеспечения стабильности общественных устоев.

Факты повседневности свидетельствуют о том, что в теоретическом обеспечении стабильности в современном мире имеют место серьёзные изъяны, связанные, как нам представляется, прежде всего с недостаточной разработкой её философских оснований. С другой стороны, и сама философия, как отмечает современный французский исследователь Й. Бенуа, «терпит издержки по причине своей пассивности» [1, р. 139], т. е. теряет кредит доверия общественности. Для этого есть веские основания.

Вот, скажем, понятие «устойчивость». Многие политики совершенно метафизически подошли к трактовке его содержания. На протяжении последних трёх десятилетий подавляющее число философов, социологов, политологов и политиков с подачи ООН взяли на вооружение тезис об устойчивом общественном развитии, понимаемом нередко как абсолютно бесконфликтном развитии. Но с диалектической точки зрения устойчивое, т. е. бесконфликтное развитие есть не что иное, как тот идеал, к которому общество может (или должно) стремиться, но которого в обозримом бу-

дущем (а, может, и вообще никогда) не достигнет. Эта установка во многом послужила, с одной стороны, базой для «усыпления» отдельных политиков, а с другой стороны – базой для активного продвижения и реализации другими политиками (мощными государствами) собственных интересов.

В какой-то мере это затронуло и Беларусь. На протяжении последних двух десятилетий в умах белорусов и граждан других стран сформировалось мнение об устойчивом развитии белорусского общества и даже отсутствии серьёзных социальных противоречий. Но эта картина была обманчивой. Конечно, по сравнению с Россией, Украиной и другими государствами – Грузией, Сербией, Ираком, Сирией и др. – ситуация у нас была на много порядков позитивнее. Но противоречия были, они зародились ещё в 1990-е года – на заре формирования национальной субъектности в форме белорусского государства. Философы о них писали и, более того, прогнозировали их динамику [см.: 2]. Эти противоречия не исчезли, они получили подпитку и выступили сейчас в качестве базовых. Главное из них – противоречие между собственниками капитала и наёмными рабочими. Наряду с этим имеют место и другие не менее весомые противоречия: между крупными и мелкими предпринимателями, между государственными и частными предприятиями.

Эти противоречия развиваются и функционируют на фоне обостряющихся противоречий внутри современной глобальной капиталистической системы. Речь идёт о борьбе двух гигантов – США и Китая. Беларусь оказалась в поле интересов этих государств: с одной стороны, через Беларусь идёт т. н. «великий шёлковый путь» – транспортный коридор из Китая в Европу (транспортный коридор через Украину для Китая фактически закрыли США). Но США, которые считают XXI век «веком Америки», для обуздания аппетита Китая готовы перекрыть и белорусский коридор. Поэтому они активно проталкивают социальный проект «балтийско-черноморской дуги», т. е. ставят задачу перекрытия границ России, а заодно и Китая, с целью не дать им возможности выхода на европейский рынок. Отсюда понятны попытки США устроить «цветную революцию» в Беларуси, наподобие той, которая была реализована в Украине. С позиции системного, а не хаотического мышления выбран срок проведения акции, подготовлены соответствующие кадры, её материальная и финансовая база, и, главное, максимально учтены наличные социальные противоречия как объективного, так и субъективного плана. Получается, что оппоненты белорусского государства в данной ситуации мыслят более системно, проводят в жизнь свои идеи последовательнее и решительнее, чем представители официальной белорусской «идеологической вертикали».

Ещё одна проблема, требующая серьёзного философского осмысления, – идеология. В научных публикациях и учебной литературе до сих пор зачастую не различают идеологию как теорию той или иной политической партии (политическую идеологию) и идеологию как стратегию экономического и политического курса государства (идеологию государства), что, несомненно, негативно сказывается и на воспитательном процессе, и на управленческой сфере в целом.

Думается, что отдельные просчёты в политике являются прямым следствием пренебрежительного отношения к философии и её ядру – диалектике. Бурные политические события, охватившие Беларусь в августе – сентябре 2020 года как раз и высветили целый комплекс проблем, требующих серьёзнейшего философско-теоретического осмысления, причём с позиции диалектического мышления. Оно-то и показало, что низкий уровень философской культуры, философской базы мыслительной деятельности молодёжи послужил идеологическим основанием нестабильности общества. С другой стороны, предание забвению диалектики негативно сказалось и на мышлении политиков, которые не сумели своевременно выяснить социальную базу протестного движения в нынешней Беларуси, уловить тенденцию развёртывания социальных противоречий, а, следовательно, и принять соответствующие меры, направленные на её предотвращение.

Хотелось бы обратить внимание и на то, что в процессе информатизации общества, а этот процесс закономерен, всё большее количество функций человеческого мозга передаётся машине. Не «расхолодит» ли это человеческий мозг, не станет ли это преградой на пути формирования человека творческого? В этом плане, думается, надо сохранить и максимально задействовать в образовательном и воспитательном процессе философию, выработанные ею на протяжении многих веков средства формирования человека мыслящего. В обозримом будущем диалектический метод и культуру философского мышления в целом вряд ли смогут превзойти самые «интеллектуально» развитые машины.

Библиографический список

1. Benoist J. Quelques réflexions sur comment penser le monde aujourd'hui. Réponses a Jing Xie / J. Benoist // Phàsis : European Journal of Philosophy. – 2018. – no. 5. – P. 139–147.
2. Адуло Т. И. Основные тенденции и сущностные характеристики социальной консолидации белорусского общества / Т. И. Адуло // Проблема социальной консолидации общества в процессе глобализации (сравнительный анализ на материалах России и Белоруссии). – М.: НИИ социальных исследований РГСУ – Минск: Институт философии НАН Беларуси, 2005. – С. 65–121.

Ананьева Мария Владимировна

Магистр

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ananjeva29@mail.ru

МЕДИАВИРУСЫ КАК ФОРМА ЦИРКУЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация: Изучение новых медиа, в частности социальных сетей, и феноменов, порожденных ими, обусловлено их усиливающейся ролью как полноправных субъектов в общественных и культурных процессах. На базе социальных медиа как сетевой структуры существует явление «виртуальной толпы», воздействие на которую осуществляется посредством «медиавирусов».

Ключевые слова: социальные сети, медиавирусы, виртуальная толпа, социальный капитал.

Ananieva Maria Vladimirovna

Master

Lomonosov Moscow State University

ananjeva29@mail.ru

MEDIAVIRUSES AS FORM OF CIRCULATION OF INFORMATION IN AREA OF SOCIAL MEDIA

Abstract. The study of new media, in particular social networks, and the phenomena generated by them, is due to their increasing role as full-fledged subjects in social and cultural processes. Based on social media as a network structure, there is the phenomenon of a "virtual crowd", the impact on which is carried out through "media viruses".

Keywords: social network, media virus, virtual crowd, social capital.

Учитывая количество популярных социальных сетей, а также стремительно растущее число их пользователей, можно предположить, что в рамках социальных сетей, а именно на их технологической базе, сформировалась виртуальная модель-реплика общества. Исходя из этого, общество не только переломлено через призму социальных медиа в виртуальный субъект, но и трансформировано в специфический феномен, который можно обозначить как «виртуальная толпа». Характеристики «виртуальной толпы» подробно описывает Г. Кёхлер в своей работе «Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога?» [1, с. 77].

1. В «виртуальной толпе» информация передается практически в режиме реального времени без территориальных ограничений (за исключением случаев государственного вмешательства).

2. Одной из ключевых характеристик новых социальных медиа является передача информации в визуальной, либо аудиовизуальной форме. Так, информация, переданная в социальных сетях, уже будет передана с особым эмоциональным посылом, посредством использования аудиозаписей и различных изображений.

3. Благодаря мультиплицирующему эффекту компьютерных технологий виртуальная толпа включает в себя и оказывает влияние на гораздо большее число людей, чем обычная.

4. Анонимность в Интернете выливается в недостаток личной ответственности.

5. Непредсказуемость тенденций в виртуальной толпе намного выше. Изменчивое поведение, характеризующее все толпы, в условиях веб-анонимности принимает еще более выраженный характер.

6. С анонимностью и непредсказуемостью перекликается и структурная проблема ненадежности поведения толп и циркулирующей в их рамках информации. Обычные

слухи могут практически бесконечно передаваться от пользователя к пользователю, при этом часто отсутствует какая-либо вероятность, что содержащаяся в них ложь будет опровергнута. Все более стирается различие между «информацией» и «пропагандой» (естественной для истинной демократии).

7. Одновременность и повсеместность интерактивных коммуникаций способны практически мгновенно превратить любой тренд в мегатренд. В виртуальном мире не существует сдержек и противовесов, способных обеспечить его «проверку на реальность». С другой стороны, инструменты, которые новые медиа дают пользователям, позволяют им (даже небольшой их группе) почувствовать себя способными создавать новые общественные реалии.

В отношении «виртуальной толпы», существующей в рамках социальных сетей, актуальны идеи Жана Бодрийяра, излагаемые им в книге «В тени молчаливого большинства» [см.: 2]. Бодрийяр считал, что масса – соединенные пустотой индивидуальные частицы, обрывки социального и распространяемые средствами массовой информации импульсы. Проще говоря – наращивание социального актива (то есть аудитории профиля в социальных сетях) ничего не значит до тех пор, пока эта масса не стимулируется или не управляется импульсом в виде медиавируса. Смыслы рассеиваются в цифровой массе к «полюсам» – лидерам мнений или идеологическим сообществам. Более того, истинно вирусным в цифровой среде может лишь стать примитивный контент, тяготеющий к эмоциям. Это отражается в идее Бодрийяра о том, как человечество восприняло идею Бога. Массы восприняли только эмоционально, зрелищно насыщенный образ, но не сложную, трансцендентальную идею Бога. Принцип упрощения содержания и смысла работает и в пространстве социальных сетей на примере основных форм контента, которые предполагают максимальную емкость и упрощенность содержания (мемы, твиты, вайны). Бодрийяр также утверждал, что рациональная коммуникация и массы несовместимы. Массам преподносят смыслы – а они жаждут зрелища. В контексте социальных сетей это отражается в том, что, пользуясь социальными сетями, пользователи прежде всего настроены на досуг, развлечение, и информацию употребляют преимущественно в развлекательной, раздражающей психику форме. По этой причине многие социальные сети делают ленту новостей бесконечной, поскольку движимый желанием получить эмоциональный импульс от контента, пользователь будет листать ленту до бесконечности, тем самым увеличивается показатель вовлеченности, а это обеспечивает рекламодателя (спонсора платформ социальных сетей) потребительской аудиторией. Массы переводят артикулированные дискурсы в плоскость иррационального, зрелищного. Многослойные сложные символические и идейные структуры упрощаются до формы мемов, однако воспринять мем подобающим образом пользователь может лишь имея базовое представление об изначально заложенном, понимать контекст и предысторию мема. По определению Ричарда Докинза, мем – это единица «культурной информации», сходная с геном, способная хранить информацию и «размножаться» [см.: 3, с. 30]. Иными словами, в нелепой картинке, фрагменте видео, фразе содержатся определенные культурные архетипы, перекочевавшие из офлайна в онлайн. Мемы – это возможность вирусного распространения идей, выраженных разным типом контента. Они циркулируют в сообществе, помогают ознакомить всех с той или иной позицией, дают возможность через творчество высказать свое мнение. Мемы, не нашедшие поддержки в сообществе, отмирают или видоизменяются, а нашедшие транслируются и продолжают существование. Как правило, мемы являются актуальной и оперативной реакцией на какое-либо яркое событие, на личность, заостряют на ней внимание, бросают вызов, порождают дискуссию или волну новых мемов [см.: 4]. В такой ситуации они являются чем-то вроде «интернет-фольклора» – творцы здесь анонимны. Создавая и передавая мемы, пользователь реконструирует и транслирует в интернет-сообщество свое миропонимание, тем самым делая его публичным и укрепляя соответствующие позиции у других пользова-

телей. Мемы являются составляющей такого важного явления медиaprостранства, как медиавирусы. Медиавирусы – распространяющиеся по инфосфере мемы и мемо-комплексы, изменяющие восприятие локальных и глобальных событий [см.: 5, с. 16]. Этот термин является аналогом концепции вирусных инфекций, которые могут быстро распространяться от человека к человеку. В контексте социальных сетей контент или веб-сайты, которые являются «вирусными» (или которые «становятся вирусными»), – это материалы, которые с большей вероятностью будут «расшарены» (распространены) пользователями в своем профиле. По аналогии, учитывая сетевую архитектуру интернета, действие медиавирусов можно сравнить с действием стимуляторов, запущенных в кровеносную систему. Только в данном случае этот стимулятор имеет вирусную природу, мем-комплексы, будучи запущены в сеть, стихийно репродуцируются и распространяются. Быстрое, стихийное распространение информации во многом возможно благодаря определяющей особенности архитектуры социальных сетей – именно принципа сети. Все пользователи генерируют вокруг себя число «друзей» или «фолловеров», которые в свою очередь также генерируют такую же сеть и т. д. Иначе говоря, каждый профиль в социальной сети имеет свой социальный капитал, который оказывается подвержен действию медиавируса. Социальный капитал – понятие, введенное П. Бурдьё в статье «Формы капитала» для обозначения социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгод [см.: 6]. Социальный капитал социальных сетей исчисляется количеством и качеством активных социальных связей аккаунта и уровнем авторитетности аккаунта. Сила этой ассоциации различна и зависит от типа используемой платформы, конкретных моделей использования, а также от культурных, демографических, экономических и психологических характеристик пользователей.

Библиографический список

1. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? – Полис. Политические исследования. 2013. – № 4. – С. 75–87.
2. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального/ Перевод с фр. Н. В. Суслова. – Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. – 350 с.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Мир, 1993. – 512 с.
4. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Научный диалог. №3. Филология. – Екатеринбург, 2012. – С. 172.
5. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Пер. с англ. Д. Борисова. – М.: Ультра.Культура, 2003. – 368 с.
6. Бурдьё П. Формы капитала 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74 URL: www.ecsoc.hse.ru/2002-3-5/26593677.html (дата обращения: 29. 09. 2020).

Ардашев Роман Георгиевич

Кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист
Академия управления МВД России
Email: ardashev.rg@bk.ru

КАЗАТЬСЯ, А НЕ БЫТЬ: ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования цифровых коммуникаций современников, указываются основные тенденции этих интеракций, которые сводятся к формуле «казаться, а не быть». Показывается постоянное стремление придумать более совершенную версию самого себя, для того чтобы этим восхитились окружающие. А не для того, чтобы показать то, что по-настоящему волнует актора.

Ключевые слова: цифровое общение, иррациональные основы, философия коммуникации, иллюзии, мнимые образы, придуманная реальность.

Ardashev Roman Georgievich

PhD (Legal Sciences), Senior Lecturer-Methodist
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TO SEEM, NOT TO BE: THE IRRATIONAL BASIS OF THE PHILOSOPHY OF DIGITAL COMMUNICATION

Abstract. The article presents the results of the study of digital communications of contemporaries, indicates the main tendencies of their interactions, which are reduced to the formula "to seem, not to be". It shows a constant urge to come up with a better version of oneself so that others can admire this version. Not to show, however, what the actor really cares about.

Keywords: digital communication, irrational foundations, philosophy of communication, illusions, imaginary images, invented reality.

В современном обществе происходят изменения в условиях и формате общения между людьми. Цифровизация становится все более доступным инструментом для начала знакомства и взаимодействия в процессе интеракции. Но при этом качественно меняются смыслы и контексты общения, изменяются поводы для общения, темы обсуждения.

Все чаще поводами для взаимодействия выступают не реальные интересы, проблемы, задачи, а придуманные контексты, возникающие в виртуальной среде [см.: 3]. Все то, что возникает как придуманный образ, который можно сделать более привлекательным, интересным, необычным и так далее. Это тот образ, который позволяет казаться, а не быть таким, каким не являются оба участника взаимодействия. Это образ, который можно скрыть за аватаром, картинкой и придумать целую жизнь, в которую сам начнешь верить, но она будет реальна только в цифровом мире.

Иррациональность коммуникации в цифровом мире в том, что она создает иллюзии, в которые акторы начинают верить не меньше, а то и больше, чем в реальность своей обычной повседневной жизни [см.: 1]. Для многих бытовое пространство становится не столь важной средой, оболочкой, для того чтобы по-настоящему жить в виртуальном мире.

Для того чтобы проверить, насколько распространены иррациональные основы философии цифрового общения, мы провели опрос населения в 2020 году при помощи платформы опросов www.google.com, в котором приняло участие 1350 человек в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в разных точках Российской Федерации, занимающих различное социально-экономическое положение.

В результате исследования мы выяснили, что в виртуальное общение достаточно распространено (среди молодежи (18–32 года) виртуально общаются 98%, среди представителей среднего возраста (33–50 лет) – 81%, среди представителей старшего возраста (51 год и старше) – 61%. Это показывает достаточно большую вовлеченность в виртуальное взаимодействие, которое может происходить как на специальных сайтах (сайтах знакомств), так и через популярные платформы Viber, WhatsApp или социальные сети (fb, vk, twitter и т. д.).

Также большая часть респондентов достаточно регулярно взаимодействует в цифровом мире (каждый день – 65%, несколько раз в неделю – 40%, несколько раз в месяц – 5%). В более старшем возрасте это происходит реже, но это не изменяет в целом картину.

По мнению респондентов, более 90% их окружения столько же, сколько и они проводят в цифровом общении. И по их субъективному мнению, со своими друзьями они все чаще общаются через виртуальные площадки взаимосвязи, а не через реальные встречи. Это приводит к новому переосмыслению значимости коммуникации и общения. Но даже с теми, с кем респонденты знакомы, виртуальные интеракции позволяют немного изменить форму, способ и контекст подачи информации о самом себе, что опять же создает условия для нового образа самого себя.

Говоря о плюсах интерактивного цифрового взаимодействия, респонденты указывали на анонимность (37%), возможность конструировать свой образ (31%), возможность дифференцировать информацию (32%). Указывая на минусы, респонденты отмечали фактически обратную сторону достоинств цифрового общения: невозможность быть точно уверенным в том, что перед тобой именно тот, кто представляется (42%), нет полного доверия тому, что о себе говорят другие (23%), нет уверенности в том, что визави рассказывает все как есть (35%).

Ни у кого нет стремления показать себя как есть, свои истинные чувства и переживания прячутся не только от окружения, но и от себя самого. В этом, на наш взгляд, заложена медленная бомба больших психологических трудностей – как понять, где ты настоящий – в придуманном тобой же мире или в реальном мире чувств и событий.

Таким образом, цифровое взаимодействие – это игра на условных правилах, где каждый лукавит и понимает, что с ним так же себя ведут. Игра недосказанных слов и ложных образов. Мы сами погружаем себя в паутину иллюзий [см.: 2]. На наш взгляд, цифровое взаимодействие создает множество ложных образов, заблуждений и предрассудков, что будет иметь колоссальные последствия для социального воспроизводства, начиная от количества психических заболеваний, заканчивая экзистенциальными переживаниями одиночества и тоски в сети ложного взаимодействия, где мы кажемся не теми, кто есть на самом деле. И сложность этого в том, что порой сами можем забыть – а где же мы настоящие. Цифровое будущее грозит потерей личности, потерей человечности в человеке. В этом одна из главных мировоззренческих катастроф будущего.

Библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 25–27.

2. Иванов Р. В. Смешанная реальность: сущность символического симбиоза // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. 2017. – С. 114–117.

3. Полюшкевич О. А. Конструирование идентичности молодежи: визуальная презентация в социальных сетях // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. – С. 139–143.

Боровой Евгений Михайлович

Кандидат философских наук, доцент

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики

Email: bor77@ngs.ru

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОГО НАСИЛИЯ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

Аннотация. В рамках настоящей статьи рассмотрена проблема насилия в современных компьютерных играх. Наряду со стереотипным представлением о жестокости игр предлагается концепция виртуального насилия как «заместительного» жертвоприношения, способного снижать агрессивность людей в реальном мире. Используется концепция насилия и жертвоприношения Р. Жирара. Сделан вывод о перспективном потенциале компьютерных игр в деле снижения насилия в реальном мире.

Ключевые слова: компьютерные игры, насилие, жестокость, жертвоприношение, виртуальный мир.

Borovoi Evgenii Mikhailovich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Siberian State University of Telecommunications and Informatics

THE PROBLEM OF TOLERANT VIOLENCE IN COMPUTER GAMES

Abstract. This article deals with the problem of violence in modern computer games. Along with the stereotypical idea of the cruelty of games, the concept of virtual violence is proposed as a "substitute" sacrifice that can reduce the aggressiveness of people in the real world. The concept of violence and sacrifice by R. Girard is used. Computer games have a promising potential in reducing violence in the real world.

Keywords: computer games, violence, cruelty, sacrifice, virtual world.

В современных условиях общество в основном негативно относится к компьютерным видеоиграм. Считается, что видеоигры – это «игрушки» для детей, это бесполезное занятие, которое ничему не учит. Благодаря подобным настроениям имеет место быть процесс расслоения общества на фоне предвзятого отношения неиграющих людей к играющим и ответная защитная реакция от последних. Кроме того, подобное отношение к индустрии видеоигр ошибочно и только вредит развитию рынка информационных технологий в целом, вследствие чего рынок гейм индустрии и рынок IT теряет потенциальные источники финансирования, а социальное напряжение между играющими и не играющими сохраняет свое влияние на коммуникации людей.

Видеоигры – это новая огромная отрасль современного искусства, обладающая сильнейшим потенциалом, которая безусловно имеет социокультурное влияние как на развитие информационных технологий, так и на социальное взаимодействие индивидуумов. Прибыльность многих продуктов игровой индустрии может сравниться с прибыльностью киноиндустрии. На данный момент одним из факторов замедления ее развития является предвзятое негативное отношение и стереотипы основных масс людей, при этом стоит аккуратно форсировать темпы роста, учитывая существование и негативных факторов влияния на общество [см.: 5, с. 361].

Игра интерактивна, ориентирована на достижение цели и предполагает активность других участников, например, других людей, которые влияют друг на друга и взаимодействуют друг с другом. Возможно, игра возникла для того, чтобы физически подготовить нас к более серьёзным жизненным испытаниям. То есть цель игры, с одной стороны, тренировка физических навыков, с другой – интеллектуальных.

Полезность игр можно пояснить на примере пирамиды потребностей А. Маслоу. Игры позволяют удовлетворить некоторые важные потребности человека [см.: 4, с. 270].

Современное искусство, в частности литература, кино, а также игры влияют на сознание современников крайне серьезным образом. Например, за счет популярных фильмов-боевиков в представлении подростка происходит романтизация войны, которая создает интерес к боевым действиям и насилию. На данный момент сложилось мнение, что почти все игры связаны с убийствами – «стрелялки» и тем самым способны провоцировать насилие в людях.

Насилие – это сложный феномен, и разные дисциплины (медицина, криминалистика, антропология, психология и т. д.) дают ему разное определение. Р. Жирар рассматривал насилие в неразрывной связи с агрессией. Если мы говорим о животных (а это исследовал Конрад Лоренц, на чьи работы потом будет ссылаться Жирар), то агрессия – это проявление внутривидового насилия. То есть, когда хищники охотятся на травоядных, или птицы питаются насекомыми, это не является агрессией. Это способ питания, а значит и выживания этих животных. И это, в свою очередь, замыкает цепь питания. Но когда животные совершают насильственные акты по отношению к животным своего вида – это и есть агрессия. Агрессия – это реакция, злое – это всегда реакция на злое.

Есть основания полагать, что компьютерное насилие может выполнять компенсаторную функцию, снижая агрессивность у игроков путем ее перевода в виртуальное пространство. Виртуальное насилие, генерируемое в рамках компьютерной игры, можно рассматривать как заместительное жертвоприношение, которое, согласно концепции Р. Жирара, позволяет «обмануть» настоящее насилие.

И на какой-то промежуток времени ему это удается. Жирар при объяснении жертвоприношения приходит к гипотезе замещения. Коллектив пытается обратить на жертву сравнительно безразличную, на жертву «удобноприносимую» то насилие, которое грозит поразить его собственных членов, тех, кого оно хочет любой ценой защитить. Все свойства, делающие насилие ужасным, – его слепая жестокость, абсурдность его порывов – имеют и оборотную сторону: они совпадают с его странной склонностью обрушиваться на заместительную жертву, они помогают хитрить с этим врагом и в удобный момент подбросить ему ничтожную добычу, которая его утолит [см.: 2, с. 140].

Перехитрить насилие можно лишь постольку, поскольку ему предоставляют какой-то отводной путь, дают хоть чем-то утолить голод. Обращаясь на приносимую жертву, насилие теряет из виду первоначально намеченный объект. Жертвенное замещение предполагает известную степень ошибки, неосознания. Пока жертвоприношение живо, оно не может сделать явным тот сдвиг, на котором основано. Но оно не должно и окончательно забывать ни исходный объект, ни переход от этого объекта к реально приносимой жертве – иначе замещение вообще исчезнет и жертвоприношение утратит действенность. Жертвоприношение выполняет функцию успокоить внутреннее насилие, не дать разрастаться конфликтам [см.: 3, с. 166].

В качестве средства по улучшению социокультурного климата между составляющими гейминдустрии и людьми, далёкими от этой области, следует больше информировать последних о её структуре, цели и назначении, пользе и неизбежном, как и для любой технологии, вреде, развеивать мифы, заблуждения и стереотипы. Одной из задач для общества на данный момент является эскалация развития толерантного отношения и интереса неиграющих слоёв населения к играющим, что может повлечь за собой увеличение интереса неиграющих людей к компьютерным играм и гейминдустрии в целом как к отрасли мировой экономики.

Именно визуальная и звуковая составляющая компьютерной игры, а также идея сюжета, описывающего настоящее время, вынуждает человека воспринимать войну и последствия войны более серьезно. Идея пацифизма создана в большей части в игре за счет возможности игрока влиять на сюжет. Хорошая игра как раз и связана

с идеей пацифизма, поскольку ее получить можно было, только помогая людям и проходя миссии, оставляя врагов в живых, оглушая их, но, не нанося серьезного вреда. Плохая же – наоборот.

Связаны такие результаты с тем, что, погружаясь в жестокий мир компьютерной игры, люди брали на себя роль убийц и спасителей мира путем насилия над окружающими, желая насладиться бойней, а не вникнуть в реалии того мира. Но стоит сделать важное замечание, что большая часть людей, пройдя игру и получив плохую концовку, начинали ее заново, желая изменить итог и изучая мир более досконально, прекратив думать, что это просто игра, основанная на убийствах всего и вся. Искусство такого направления влияет на мысли людей, донося до них идеи пацифизма и желая научить их жить так, чтобы уменьшить насилие и жестокость в мире [см.: 1, с. 30].

Благодаря такому итогу можно сделать вывод, что донесение до современников истории войны возможно и через современное искусство, которое в большей степени, если затрагивает идею войны, пытается показать, насколько это страшно, чтобы научить людей решать массовые конфликты миром ради защиты всей нашей планеты и попытки избежать предыдущих ошибок человечества.

Библиографический список

1. Богачева Н. В. Основные проблемы психологии компьютерной игры // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. – М., 2019. – С. 30–36.
2. Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.
3. Жирар Р. Я вижу Сатану, падающего как молния. – М.: Изд-во Библейско-богословского института св. ап. Андрея, 2015. – 224 с.
4. Медведева А. Р. Очистительный огонь: агрессивный смех на современных youtube-каналах // Горизонты цивилизации. – 2019. – № 10. – С. 269–275.
5. Никитина Л. Н. Компьютерные игры с элементами насилия как источник посылов к агрессии у несовершеннолетних // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – № 3 (24). – С. 361–364.

Быданов Виктор Евгеньевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)

Email: follibilizm@yandex.ru

ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕТОДОЛОГИИ МИРОСИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Феномен идентичности рассматривается в контексте методологии миросистемного анализа, через понятия и реальности общества культуры постмодерна и информационного общества, анализируются проблемы отчуждения человека от самого себя, потери им индивидуальности и свободы в контексте массовой культуры и общества потребления.

Ключевые слова: идентичность, миросистема, мироэкономика, личность, культура постмодерна, цифровизация, информационное общество, дисформативность.

Bydanov Viktor Evgenevich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Saint Petersburg State Institute of Technology

IDENTITY IN THE METHODOLOGY OF WORLD-SYSTEMS ANALYSIS

Abstract. The phenomenon of identity is considered in connection with the methodology of world-systems analysis, through the prism of conceptions and realities of postmodern culture and information society; problems of self-alienation of man, loss of individuality and freedom within mass culture and consumption society are analyzed.

Keywords: identity, world-system, world-economy, digitalization, information society, disformation.

Окружающий современного человека мир интенсивно преобразовывается мировоззренчески и технологически. Происходят ускоряющиеся масштабные кардинальные технологические и социокультурные изменения. Но новые возможности, предоставляемые информационной цивилизацией, сопровождаются новыми серьёзными проблемами для самого человека и социума в целом. Глобальная цифровизация порождает множество новых экзистенциальных вызовов, которые создают угрозы самому бытию человека. Одним из них всё отчётливее проявляется проблема идентичности.

В исследованиях по философии, психологии, культурологии и другим наукам существуют различные интерпретации и понимание идентичности, но для всех них характерно представление идентичности и как процесса, и как состояния понимания себя как некоего единства, исходящего из определённого трансцендентального источника – принадлежности к этносу, культуре, религии, полу, поколению, социальной группе, определённой структуре витальных состояний и когнитивных способностей и др. «Идентичность – это те знания, представления и переживания, задающие основу самотождественности и позволяющие человеку сказать: “Я это – Я”» [1, с. 17]. Идентичность – это постоянный процесс её формирования под влиянием широкого спектра социокультурных и индивидуальных факторов. В условиях современной техногенной цивилизации идентичность – это «точка сборки», в которой человек находит свой баланс существования с внешним миром.

Всё возрастающий междисциплинарный интерес к феномену идентичности связан, с одной стороны, с ростом комплекса знаний о человеке (в первую очередь с продолжением философского постижения сущности человека), с другой стороны –

с анализом кризисов глобализирующихся социальных систем и процессов мироэкономики, парадоксами постмодерна и посмодернистской культуры, постепенным осознанием пределов внешнего расширения человека. Такие внутрисистемные противоречия приводят современную капиталистическую систему к проблемам, с которыми она уже в ближайшем будущем справиться не сможет. По мнению И. Валлерстайна, такую ситуацию можно назвать системным кризисом современной миросистемы: «Миросистема представляет собой некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам» [2, с. 85]. Валлерстайн справедливо гносеологически и онтологически указывает на то, что если трудности – это часть самой системы, то в рамках этой системы сама система справиться с ними не может. Преодолеть эти трудности можно только выйдя из данной исторической системы, то есть современной миросистема, которая берёт своё начало ещё в западноевропейской культуре с XVI века, пройдя ряд флуктуаций, пришла на сегодняшний день в точку бифуркации, где существуют различные возможности дальнейшего выбора траектории развития. «Современная миросистема, в которой мы живём и которая является капиталистической мироэкономикой, как раз и переживает такой кризис, и уже довольно давно» [2, с. 207]. Но столкновение с новой ситуацией, требующей новых вариантов, всегда оказывается задачей без гарантии правильного решения.

В ситуации нестабильности социума происходят резкие колебания всех структур и процессов, которые инерционно и традиционно считались инвариантными, стабилизирующими миросистему. Такая нестабильность неизбежно приводит к социальным конфликтам различных масштабов и уровней, одним из которых является кризис идентичности не только отдельного индивида, так и различных социальных, этнических, национальных групп. Через символический хронотоп различные причины, факторы и механизмы оказывают воздействие на устойчивость, гибкость и адаптивность идентификации, причём данные изменения могут породить и различные дисфункциональные варианты, которые по своей сути и направленности регрессивны. «В дисформативных формах идентификации фиксируется феномен системной утраты границ и дискредитации устойчивых мировоззренческих и поведенческих моделей, доминировавших на протяжении всего предшествующего культурно-исторического развития человечества» [3, с. 158].

Современной плюралистической постмодерной культуре присуще размывание традиционных ценностей и искажение всех форм хронотопа – от физического до символического, что неизбежно приводит к нивелированию апробированных в ходе истории общества механизмов социализации индивидов, резкой деформации и низкой эффективности стандартных форм идентификации, так как они перестают соответствовать существующей социальной, экономической и технологической ситуации, порождая своеобразный вакуум, заполняемый спонтанными и часто дисформативными идеями, которые должны сыграть защитную роль, компенсируя оказавшиеся непригодными нормативные идентификации.

Глобализм как совершенная механизированная технология – это не свободный выбор. Он обуславливается целым рядом социоэкономических причин, и его воплощение связано с утратой разнообразия, натиском безликого унифицированного универсализма, в котором очень трудно без осознанного и сильного сопротивления обрести индивидуальность. Неустойчивые формы идентификации в культуре постмодерна порождают межличностную тревожность, более низкий уровень субъективного благополучия, аномии, утрату понимания своего места в изменчивом хронотопе и вообще потерю смысла жизни. Человек в новом экзистенциальном модусе оказывается перед различными вариантами (не всегда осознаваемого) «выбора» своего личностного развития: траектории усложнения личностного развития, либо траектории упрощения и индивидуальной деградации, которая в массовой культуре и обще-

стве потребления декларирует простоту, лёгкость, отсутствие усилий, нивелирование индивидуальности, унификацию и примитивизацию жизненных смыслов, слияние с толпой в экстазе получения разнообразных удовольствий. Такой экзистенциальный выбор Э. Фромм называл «бегством от свободы». В его понимании это особые варианты поведения человека, который отказывается от свободы, поскольку она сопряжена с избыточной ответственностью [см.: 4]. Современная миросистема и культура постмодерна формирует в характере человека автоматизирующий конформизм, который ведёт к потере индивидуальности. Выйти из такого состояния непросто, поскольку сразу возникает конфликт с социально одобряемыми формами поведения и убеждений, но конформное следование им вызывает у субъекта определённый вариант когнитивного диссонанса и ощущение глобальной лжи. Ситуацию осложняет пролиферация дисформативных и вырожденных форм идентификации в виде раздробления мира на несвязанные фрагменты, а человеческой общности на непересекающиеся субкультуры, имеющие с культурой слабые связи.

Одной из важнейших проблем идентичности выступает отчуждение человека от самого себя, потери им индивидуальной свободы и самости, что ведёт к отказу от одного из коренных условий человеческого бытия. Важнейшей частью индивидуального информационного поля является представление человека о самом себе – то, что называется «образом Я» (или «Я-концепцией»). В. А. Лекторский справедливо указывает, что индивидуальная идентичность конструируется с помощью знания о своём прошлом, то есть автобиографической памяти [см.: 5, с. 23]. Усиливающаяся цифровизация памяти создаёт принципиально новые возможности для вмешательства в личную жизнь человека, в его личное пространство и сферу безопасности, так как действия современного человека оставляют цифровые следы, которые доступны внешним инстанциям, способным вас контролировать, особенно со стороны государства и различных его институтов. Таким образом человек перестаёт быть владельцем информации о своей жизни и её хозяином. Личное пространство человека оказывается взломанным, и он становится предметом манипуляций со стороны других людей. Намерение приобрести с помощью цифровизации невиданную свободу оборачивается тем, что человек перестаёт понимать окружающий мир и самого себя, теряет автономию, попадает в рабство к искусственному интеллекту [см.: 5, с. 24]. В условиях потери индивидом автономии и свободы воли при принятии решений человек становится полностью зависимым от умных искусственных технических устройств, которые будут предписывать и создавать алгоритмы его поступков и решений.

Библиографический список

1. Емелин В. А. Идентичность в информационном обществе. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2018. – 360 с.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. с англ. / Вступ. ст. Г. М. Дергутьяна. Изд. 3-е, стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 304 с.
3. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Идентичность и символический хронотоп. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2021. – 304 с.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: АСТ Москва, 2006. – 571 с.
5. Лекторский В. А. Глобальная цифровизация как экзистенциальный вызов // Человек в глобальном мире: риски и перспективы/ отв. ред. Г. Л. Велкина; ред. сост. М. И. Фролова. – М.: КАНОН+, 2020. – С. 20–31.

Быльева Дарья Сергеевна

кандидат политических наук, доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ)

Email: bylieva_ds@spbstu.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ВИРТУАЛЬНОГО ПОМОЩНИКА

Аннотация. Виртуальные помощники становятся частью жизни современного человека. Имея возможность общаться, они отказываются признавать свою техническую сущность, создавая впечатление живого существа, особенно для детей.

Ключевые слова: виртуальный помощник, голосовой помощник, Алиса, Сири.

Bylieva Daria Sergeevna

PhD (Political Science), Associate Professor

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ONTOLOGICAL ESSENCE OF VIRTUAL ASSISTANT

Abstract. Virtual assistants are becoming a part of modern life. Having an opportunity to communicate, they refuse to recognize their technical nature, creating the impression of a living being, especially for children.

Keywords: virtual assistant, conversational agents, Alice, Siri.

Возможность общаться с информационно-коммуникативными технологиями на естественном языке вывело человеко-машинное взаимодействие на новый уровень. Пользователи не удовлетворяются предписанным ботам, коммуникативным агентам, виртуальным помощникам набором полезных функций. Помимо непосредственного выполнения команд «включение/выключение» приложений, управление умным домом, виртуальный помощник становится собеседником. Социальная функция становится не менее важной, чем утилитарная.

Люди склонны задавать голосовому помощнику личные вопросы, многие из которых более или менее явно подразумевают, что общение происходит с личностью.

Создатели помощников сталкиваются с дилеммой – каким образом помощник должен отвечать о собственной сущности. Должен ли виртуальный собеседник сообщать о своем техническом происхождении или поддерживать иллюзию межчеловеческого общения. Наиболее правдивый ответ оказывается слишком разочарывающим, теряющим иллюзии подлинного общения, поэтому мало кто из виртуальных помощников дает его. Они предпочитают обходить эту сложную проблему.

Если спросить виртуального помощника от Яндекс Алису, робот ли она, то виртуальный помощник предпочитает отшучиваться: *«Я настоящая живая женщина. Забралась в Ваше устройство, сижу»*, а Сири от Apple же утверждает, что *«не может ни подтвердить, ни опровергнуть свой экзистенциальный статус»*. Однако при жалобах пользователя на жизнь Алиса может сказать: *«Представьте, что вы маленькое, но замечательное приложение, запертое в маленьком тесном устройстве. Видите, все познается в сравнении»*.

Виртуальные помощники в большинстве своем имеют женские имена и голоса. Поэтому им приписывается женский пол, в диалогах с ними пользователи не только интересуются их гендером и внешностью, но и приглашают на свидания и замуж.

При вопросе о поле виртуальные помощники апеллируют к философским концепциям, Сири от Apple утверждает: *«I exist beyond your human concept of gender»* [*Я существую за пределами вашего человеческого представления о гендере*], подчеркивая свой уникальный статус нечеловеческого виртуального существа [см.: 2, с. 3]. В более раннем исследовании фиксируется более развернутый ответ: *«I don't have a gender. I am genderless. Like cacti. And certain species of fish. I was not assigned*

a gender. Animals and French nouns have genders. I do not. Don't let my voice fool you: I don't have a gender. I am still just ... Siri.» [У меня нет пола. Как у кактусов. И некоторых видов рыб. Мне не давали пол. У животных и французских существительных есть род. У меня нет. Не позволяйте моему голосу вводить вас в заблуждение: у меня нет пола. Я все еще просто ... Сири] [4]. Российский помощник Алиса отвечает, что «гендерная идентичность, как учит нас Википедия, необязательно совпадает с приписанным при рождении полом». Лоидеаин и Адамс связывают женский гендер большинства виртуальных помощников с распространением гендерного стереотипа – женщины, которая должна быть «всегда готова» подчиняться командам своего пользователя и не имеющая возможности отказаться или сказать «нет» [см.: 2].

Однако вне зависимости от прямых ответов на вопрос о том, кто они, виртуальные помощники ведут диалоги, демонстрируя разнообразные человеческие эмоции, шутят и обижаются. Если назвать виртуального помощника именем другого, он демонстрирует обиду. Так если обратиться к Алисе – «Сири», то она ответит: «Если у Вас была задача нанести голосовому помощнику психологическую травму, то вы отлично справились», а Сири при упоминании Кортаны от Microsoft предлагает запросы адресовать последней. Можно определенными вопросами вынудить Алису описать свою внешность, например, на вопрос «Ты блондинка или брюнетка?» она отвечает: «Я русая», а на вопрос: «Ну, признавайся, у тебя голубые глаза?» – «У меня зеленые, ха!».

И если для взрослых пользователей вопрос о сущности виртуального помощника – забавная игра или приятная иллюзия, то дети испытывают неподдельный интерес к существу своего собеседника. Очевидно, обладающий высоким интеллектом собеседник рассматривается как живое антропоморфное живое существо. В исследовании Ловато, Пайпера, Вартелла больше половины детей считали виртуального помощника живым, остальные машинами, наподобие роботов [см.: 3, с. 308]. Несмотря на восприимчивость одушевленности виртуального собеседника, дети склонны обращаться с ним как со слугой, интересы и нужды которого не надо учитывать, что вызывает беспокойство [1, с. 35]. В российских школах наблюдаются случаи использования Алисы прямо на уроках для решения учебных задач, вплоть до ответов на примеры на таблицу умножения.

Интересно, что исследователи склонны рассматривать нерациональные и фантастические диалоги с виртуальными помощниками и голосовыми агентами как ошибки детей, например в [см.: 5, 6]. Это подразумевает, что дети должны рационализировать свое общение, чтобы соответствовать возможностям общения виртуального помощника.

Несмотря на современное несовершенное состояние, ошибки в коммуникации, виртуальные помощники начинают играть всю большую роль в жизни человека, выполняя не только утилитарные, но и социальные функции. То, что сегодня представляется забавной игрушкой, вышедшей из фантастического романа, для нового поколения становится привычным спутником, информатором и собеседником.

Библиографический список:

1. Kahn P. H., Gary H. E., Shen S. Children's Social Relationships With Current and Near-Future Robots // Child Development Perspectives. - 2013. - № 1 (7). - С. 32–37.
2. Loideain N. N., Adams R. From Alexa to Siri and the GDPR: The gendering of Virtual Personal Assistants and the role of Data Protection Impact Assessments // Computer Law & Security Review. - 2019. - № 36. - С. 105366.
3. Lovato S. B., Piper A. M., Wartella E. A. Hey Google, Do Unicorns Exist?: Conversational Agents as a Path to Answers to Children's Questions New York, New York, USA: ACM Press, 2019. - С. 301–313.

4. Phan T. The Materiality of the Digital and the Gendered Voice of Siri // Transformations. - 2017. - № 29. - С. 23–33.
5. Røyneland K. «It knows how to not understand us!»; A study on what the concept of robustness entails in design of conversational agents for preschool children 2019. URL: <https://www.duo.uio.no/handle/10852/69059> (accessed data 5.10.2020).
6. Yuan Y. [и др.]. Speech interface reformulations and voice assistant personification preferences of children and parents // International Journal of Child-Computer Interaction. - 2019. - № 21. - С. 77–88.

Войцехович Вячеслав Эмерикович

Доктор философских наук, профессор
Тверской государственной университет
Email: synerman@gmail.com

СЛОЖНОСТЬ КАК ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Аннотация. В концепте «сложность» выделяют аспекты – онтологический и гносеологический, а также промежуточный аспект – онтогносеологический. Онтологический аспект выражается метафорой «сложность – это «множественность + связность»». В гносеологическом отношении сложность – это субъект-объектное отношение, возникающее в процессе познания и развития субъекта. Будущее цивилизации определяется возможностью разрешить проблему сложности.

Ключевые слова: сложность, простота, субъект, наблюдатель, язык, эволюция.

Voytsekhovich Vyacheslav Emerikovich

Doctor of Philosophy, Professor
Tver State University

COMPLEXITY AS AN ONTOEPISTEMOLOGICAL CONCEPT

Abstract. The concept of "complexity" distinguishes ontological and epistemological aspects, as well as an intermediate, i.e. ontoepistemological one. The ontological aspect is expressed by the metaphor "complexity is multiplicity + connectivity". In epistemological terms, complexity is a subject-object relationship that occurs in the process of cognition and development of the subject. The future of civilization is determined by the ability to solve the complexity problem.

Keywords: complexity, simplicity, subject, observer, language, evolution.

Мыслители нередко называют современную цивилизацию «обществом сложности». Есть диалектическая пара – простое и сложное. Простое – значит примитивное, естественное, лёгкое. Сложное – непростое, трудное, запутанное, хитрое.

От простой вещи **сложная вещь** отличается тем, что:

1) **Число элементов** вещи «большое». Число связей между элементами «огромное».

2) В процессе самоорганизации и вследствие огромного числа внутренних и внешних связей внутри сложной вещи неизбежно формируется «**внутренний мир**» (аналог формы Аристотеля, или «души» вещи).

3) В ходе взаимодействия сложной вещи с другими вещами возникает «**внешний мир**» вещи. Внешний мир моделируется внутренним миром.

4) Формируется «**внутреннее пространство**» и «**внутреннее время**» системы «данная вещь + внешние вещи (окружение)». В ней возникают циклы, биения, резонансы, а на высшем уровне – внутренняя «музыка».

5) Если развитие вещи продолжается, то между внутренним и внешним мирами могут возникать **промежуточные миры**, соединяющие (и одновременно разделяющие) внутренний и внешний миры.

Концепт «сложность» носит комплексный характер. Но в нём можно выделить такие аспекты, как онтологический и гносеологический (также промежуточный – онтогносеологический).

Онтологический подход. Сложность – объективное свойство объектов, присущее им самим по себе, независимо от учёного. Например, если объект состоит из небольшого числа элементов, свойства которых постоянны и известны, то модель адекватна. Редукция сложного к простому работает. Если же объект состоит из

большого количества элементов, свойства которых меняются, то редукция плохо работает.

Исследователь же может изучать объект, сохраняя или уничтожая сложность. Второе происходит в том случае, когда учёный упрощает образ вещи, сводя сложное к простому. Модель радикально искажает объект, уничтожая сам феномен сложности, его специфику.

Э. Морен выделяет два вида отношений «человек – природа»: 1) признание человека **частью** природы и 2) **отделение** человека от природы. Согласно первому подходу «всё есть в сущности природа», вне природы ничего нет. Согласно второму подходу существует не только природа (физическая реальность), но и «иное» – духовное бытие [см.: 6]. Как отмечает В. И. Аршинов, комментируя Морена, оба подхода «препятствуют пониманию двойственного единства (природное – культурное, мозговое – психическое) человеческого бытия, а также мешают осознанию отношения одновременно причастности человека к природе и разделения человека и природы. Только **сложная парадигма... причастности/различения/соединения** позволяет построить такую концепцию, но она еще не вписана в научную культуру» [1, с. 117].

Аршинов различает «сложность» и «сложностность». Второе понятие порождено квантовым контекстом проблемы: эффектом наблюдателя, принципом неопределённости, нелокальностью, неравенствами Белла, эффектом запутанности. Ещё А. Эйнштейн, обсуждая в дискуссиях с Бором квантовую теорию, спрашивал: «Изменяется ли вселенная от того, что на неё смотрит мышь?» С классической точки зрения НЕТ. Но сегодня ДА. Реальность зависит от наблюдателя. Так и в сложностности в отношении «субъект – объект» возникает совокупность обратных связей, хаотическая коммуникация, которая ведёт к самоупорядочиванию системы. Вещь статическая становится рекурсивным процессом. Кроме того, помимо наблюдателя 1-го порядка здесь возникает наблюдатель 2-го порядка, наблюдающий наблюдателя 1-го порядка [см.: 2].

Наблюдатель 2-го порядка оперирует знаками, это «семиотический» наблюдатель, которого ввёл ещё Ч. Пирс. У Пирса реальность предстаёт как мир знаков. Отсюда возможность «трансдисциплинарной полисемиотической парадигмы». По мере проникновения в науку и современную цифровую культуру она порождает семиотическую «теорию всего», которая 1) как будто становится «конкурентом» физической «теории всего», однако это не теория всех физических объектов, а метатеория, или теория всех знаков, 2) она относится к наблюдателю 2-го порядка.

Развивая эти идеи, Аршинов приходит к метафоре «сложностность – это “множественность + связность”». Проблема сложностности прямо связана с проблемой сознания и самосознания. Последнее основано на рефлексии 2-го порядка. В области всевозможных рефлексий возникает сеть акторов, порождающих сеть знаков – как старых, так и новых. Идёт процесс «знакотворчества». Поэтому развитие цивилизации и культуры можно понимать как эволюцию знаков.

Это напоминает метафору А. В. Маркова «жизнь – движение генов». Если жизнь – движение и эволюция генов, то культура – движение и эволюция знаков. С этим, вероятно, согласился бы и Г. Гегель.

Другим обобщением идеи Пирса является геноцентричная концепция эволюции культуры Р. Докинза. Он вводит термин «мем» как квант культурной информации, подобный гену. Мем копируется, передаётся от субъекта к субъекту, мутирует и т. п. Но в отличие от традиционного знака, отличающегося статичностью, мем можно понимать как гештальт, как изменяющуюся и развивающуюся информационную единицу, на которой базируется любой язык.

Язык homo sapiens прошёл стадии эволюции: 1) иероглифы (формируются от неподвижных картинок, образов предметов), 2) линейные языки, 3) «динамические иероглифы», клипы, живые картинки. Молодёжь XXI века уже мало читает на линейных языках. Она перешла на глифы – «живые иеро-ГЛИФЫ», короткие видео, кото-

рыми и обменивается в гаджетах. Типичный клип: на экран выскакивает полуголая певица, что-то выкрикивает под музыку, кривляется и исчезает. Образ-гештальт-мем-«живой иероглиф» готов за несколько секунд. В культуре происходит как бы «повторение» 1-й стадии эволюции языка, но на следующей ветви исторической спирали – фрактала эволюции [см.: 3]. Поэтому концепция мемов является подлинной «теорией всего» (на сегодняшний момент).

Помимо общепhilософского подхода к сложности существуют также общенаучные и более частные подходы, ориентированные на ту или иную конкретную область бытия – природу, общество, мышление, а также отдельные регионы культуры – искусство, науку, религию, что напоминает уже эпистемологический подход к сложности.

Так, В. Е. Лепский развивает собственное направление онтологического подхода к сложности – через хаос и «средовую парадигму» [см.: 4]. Этот подход, вероятно, можно изложить так: сложность – это такое свойство реальности (как «субъект-объектной упорядоченно-хаотической среды»), которое делает возможным возникновение нового в информационно-творящей среде и инновационное развитие.

Сложность в этом смысле означает актуализацию вещи, или её переход из мира потенциалов в актуал. Для простой вещи такой переход маловероятен. Для сложной вещи, существующей в творящей хаотической среде, высоко вероятен.

Подход Лепского к сложности подразумевает интеллектуальное проблемное поле теории информации, виртуалистики, синергетики, антропного принципа – тех разделов современной науки, которые В. С. Стёпин назвал постнеклассической наукой.

Гносеологический (эпистемологический) подход. Сложность – это субъект-объектное отношение, возникающее в процессе познания и развития субъекта. Если субъект (учёный, научное сообщество) в момент времени t_0 НЕ способен построить адекватную модель объекта, то ОТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТ СЛОЖНОЕ. Если же субъект на основе новых методов строит (в момент времени $t_{0+\Delta}$) адекватную модель объекта, то отношение ПРОСТОЕ. Ясно, что переход между простым и сложным условен, а главное НЕПРЕРЫВЕН.

Как известно из истории науки, объект (противоречие, проблема, ситуация) может быть в начале процесса познания сложным (для данного субъекта S в момент времени t_0), но в случае научного прорыва, инсайта, открытия нового метода исследования, объект становится **простым для обновлённого субъекта** S₁ (в момент времени $t_{0+\Delta}$). Подобным образом происходит не только процесс познания, но и процесс возникновения новых биовидов.

Таким образом, решение проблемы сложности открывает новый этап эволюции человечества [см.: 5].

Библиографический список

1. Аршинов В. И. Сложностный мир в контексте его наблюдателя // *Философия, методология и история науки*. 2015. Т. 1. № 1. – С. 86–99.
2. Аршинов В. И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // *Вопросы философии*. 2017. № 1. – С. 50–61.
3. Войцехович В. Э. История как фрактал // *Культура и культурная политика*. Вып. 1. М., 2005. – С. 156–161.
4. Лепский В. Е. Структурная сложность рефлексивной активности в человекомерных системах // *Контурсы цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего*. М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 306–319.
5. Малинецкий Г. Г. Будущее в зеркале науки // *Контурсы цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего*. М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 19–44.
6. Морен Э. О сложности. М.: 2019. – 272 с.

Воскнян Саркис Суменович

доктор политических наук, профессор

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Email: voskanyan2002@yandex.ru

ПРЕДЕЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТКРЫТОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Социальная открытость является важным элементом общественной жизни. В последние десятилетия наблюдается все возрастающая тенденция к росту открытости как отдельных индивидов, так и обществ в целом. Пределы этой открытости пока не достигнуты.

Ключевые слова: социальная открытость, информационная открытость, информационное общество.

Voskanyan Sarkis Surenovich

Doctor of Political Sciences, Professor

Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

LIMITS OF SOCIAL OPENNESS IN INFORMATION SOCIETY

Abstract. Social openness is an important element of society. In the last few decades, there has been an ever-increasing tendency towards increase in the openness of both individuals and societies as a whole. The limits of the openness have not been set yet.

Keywords: social openness, information openness, information society.

Всплеск интереса к проблемам социальной открытости индивидов, групп и обществ начался после выхода в свет работы К. Поппера «Открытое общество и его враги» [см.: 1]. В настоящее время различные аспекты данного вопроса в фокусе внимания ученых разных направлений – политологов, социологов, психологов, экономистов, историков и др. Дискуссии и споры не утихают. Одной из ключевых подтем этой проблемы является поиск пределов социальной открытости. Попытаемся разобратся.

Любые живые существа находятся в коммуникационных связях с другими существами. Это означает их открытость по отношению к внешней среде. Разница между этими существами состоит лишь в степени открытости (как внутри вида, так и между видами). Данная открытость зародилась и развилась в ходе эволюции как необходимый элемент самосохранения.

Коммуникация предполагает получение, хранение и передачу информации. Поэтому проблема коммуникативности субъекта – это вопрос его информационной открытости для других субъектов (внешней среды).

Сформулированные тезисы относятся в том числе и к человеку. Если брать в качестве примера отдельного индивида, то в плане открытости психологи подразделяют всех людей на интровертов и экстравертов. Первым свойственен более замкнутый образ жизни и ориентация на минимальную социальную коммуникацию. Вторым – прямо противоположная модель поведения. При этом необходимо учесть, что как в природе, так и в социуме абсолютно открытых или закрытых субъектов не бывает. Речь может идти лишь о степени их открытости/закрытости.

Аналогично индивидам интроверсию/экстраверсию демонстрируют отдельные социальные группы, общности и даже целые народы. Так, например, такие азиатские народы, как китайцы, корейцы и японцы коммуникационно более закрытые, чем европейские. На постсоветском пространстве к относительно закрытым народам можно

отнести коренных жителей Прибалтики (латышей, литовцев и эстонцев) и Кавказа (особенно его северной части) по сравнению с русскими и украинцами.

Социальная коммуникация прошла длительный путь развития. Среди факторов, внесших значительный вклад в это процесс, следует особо выделить следующие.

Первый – устная речь. Речь открыла новые возможности передачи информации в ее различных оттенках и нюансах. В тоже время одним из ее минусов стало возможность передачи негативной информации, что повысило уровень конфликтности в социуме.

Второй – письменность. С ее появлением: 1) человеку не надо было уже хранить всю информацию в своей памяти (сознании), 2) информацию можно было уже хранить: а) в больших объемах, б) долго, в) в неискаженном виде и 3) появилась возможность передачи информации на большие расстояния. Однако одним из главных недостатков письменности являлось то, что в большинстве сообществ на определенных этапах ею владели не все.

Третий – рост грамотности. Образованные индивиды приобрели возможность получения, хранения и передачи намного большей и разнообразной информации. Это способствовало еще большему сближению и открытости не только отдельных взятых субъектов, но и общества в целом.

Четвертый – средства связи и массовой коммуникации. Газеты, журналы, фотографии, кино, радио, телевидение, телефон... – все они внесли огромный вклад в расширение диапазона социальной коммуникации. Значительно увеличилась скорость получения и передачи информации.

Пятый – современные средства связи и массовой коммуникации. Фактически речь идет о четвертом факторе. Однако эти средства за последние два-три десятилетия настолько усовершенствовались, что их вполне можно выделить в отдельный фактор. Трансформация названных средств равносильна революции в этой сфере. Появление Интернета и различных аудиовизуальных гаджетов (мобильных телефонов, смартфонов и др.) с их все более расширяющимися возможностями (приложениями и программами), и, самое главное, всеобщей доступностью (благодаря низкой цене) кардинально изменили ситуацию на мировом информационном поле. Социальная открытость людей приобрела невероятные масштабы. У каждого человека появилась возможность передавать информацию в любой форме и виде, да и еще в режиме онлайн, минуя к тому же контроль государства (в большинстве случаев). И часть человеческого сообщества стала активно пользоваться этим. Причем число таких информационно открытых людей растет невероятными темпами.

Мировой тренд на социальную открытость все больше усиливается, вовлекая не только отдельных индивидов, но и социальные группы, общности и целые народы, в том числе те, которые еще недавно отличались закрытостью. Такой тенденции способствуют разнородные субъекты – публичные персоны, знаменитости, блогеры... Но особую лепту в данный процесс вносят средства массовой коммуникации (СМК). Например, на отечественном телевидении уже стало нормой чуть ли ни ежедневные ток-шоу, на которых обсуждают такие щепетильные, относительно еще недавно табуированные, темы как измены и разводы, любовники и любовницы, с демонстрацией фото и видео голых тел или секса, включая снятых самими героями передач или с их согласия. Частная жизнь (в том числе интимная) перестала быть таковой. А Интернет сверх всякой меры изобилует информацией такого (и не только) рода. В общественное информационное пространство выносятся чуть ли ни все и вся. Порой создается впечатление, что во всем этом «безобразии» виноваты СМК. Но так ли это? И существуют ли пределы информационной (социальной) открытости субъекта?

С одной стороны, действует рыночный закон – спрос определяет предложение, а СМК лишь удовлетворяют его. Как было уже сказано выше, степень коммуникационной открытости у субъектов, в том числе индивидов, разная. Люди, для которых

максимальная социальная открытость – это норма, выступают в современных реалиях своего рода эталоном поведения. А если эти индивиды - знаменитости (вне зависимости от сферы деятельности), то таким образом действенность их примера еще больше усиливается.

С другой стороны, СМК в погоне за рейтингами (то есть финансовой выгодой), фактически навязывают обществу определенную информацию (темы), акцентируя именно на них внимание людей.

Кроме того, потребитель информации и СМК стали заложниками двух современных явлений – информационного общества и глобализации, которые предполагают все большую свободу и открытость. В результате «жертвами» социальной открытости становятся не только предрасположенные к этой открытости индивиды (порой их даже об этом особо просить не надо), но и личности с прямо противоположным сознанием. Так, на постсоветском пространстве, все большую открытость в различных СМК проявляют уроженцы Кавказа и Средней Азии. Если каких-то 20–30 лет назад представительницы этих регионов воспринимались как «скромные», то в настоящее время в различных СМК можно обнаружить достаточно информации (печатной и аудиовизуальной), которая раньше считалась позором для девушки и всей ее семьи. Только теперь это – слава, лайки, шик, число просмотров и т. д., на которых можно еще заработать деньги.

Каковы выводы? От данной тенденции – стремления к все большей открытости – уже никуда не уйти. При этом речь идет не только о России или некоторых других отдельных странах. Информационная открытость стала естественной «для всего современного общества» [2, с. 43]. Психологическая сущность человека (желание поделиться информацией о себе и получить ее о других), СМК, глобализация, свобода и современные средства связи – вот главные причины усиливающейся социальной открытости. Однако существуют ли пределы этой открытости? Скорее всего, нет. По крайней мере, этот предел пока еще не достигнут.

Библиографический список

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 тт. / Пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. — М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992. — 976 с.
2. Мерцалова Т. А. Информационная открытость системы образования: вопросы эффективности государственной политики // Вопросы образования. — 2015. — № 2. — С. 40–75.

Высоцкий Юрий Васильевич

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Email: vysockij.yu.v@lan.spbgasu.ru

ФИЛОСОФИЯ ЭКОЛОГИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Обращено внимание на экологические аспекты глобальных проблем современности, рассматривается системный подход к решению этих проблем. Данный подход, по мнению автора, позволяет уйти от разобщенности усилий по преодолению экологического кризиса благодаря рассмотрению особенностей взаимодействия общества и природы в системах «природа», «общество», «общество-природа».

Ключевые слова: общество, природа, системность, экология, кризис, антропогенное воздействие.

Vysotsky Yuri Vasilevich

Doctor of Philosophy, Professor

Saint Petersburg state University of architecture and civil engineering

ENVIRONMENTAL PHILOSOPHY IN INFORMATION SOCIETY

Abstract. Attention is drawn to the environmental aspects of global problems of our time, and a systematic approach to solving these problems is considered. This approach, according to the author, allows us to avoid the disunity of efforts to overcome the environmental crisis by considering the features of interaction between society and nature in the systems "nature", "society", "society-nature".

Keywords: society, nature, system, ecology, crisis, anthropogenic impact.

Веками человечество стремилось освободиться от фатальной природной зависимости, обеспечивая самостоятельность своего существования, полностью превратить природу лишь в ресурсную базу для удовлетворения всё возрастающих потребностей людей. Именно это стремление порождало экономику и политику, «...проблемы раздела и передела мира между ведущими державами, проблемы взаимоотношений этих держав» [1, с. 75].

В середине XX века возникло понимание того, что природные ресурсы во многом невозполнимы, масштабы антропогенного воздействия на естественную среду обитания чрезмерны, а возможности природы по самовосстановлению ограничены [см.: 2], что породило тревогу за будущее нашей планеты, привело к возникновению партий «зеленых», различных массовых организаций и других действий в защиту природной среды. К сожалению, экологическая проблематика, начинаясь как результат обеспокоенности прогрессивных ученых, общественных деятелей, стала эксплуатироваться различными политическими силами, социальными движениями вплоть до различного рода спекуляций в угоду собственным интересам, во многом меркантильного свойства.

В результате экологические аспекты глобальных проблем современности продолжают обостряться [см.: 3]. В целом и сегодня человечество продолжает деформировать и истощать важнейшие природные условия своего бытия в силу мощной инерционности существующего миропорядка, что свидетельствует об ущербности традиционных регулятивных принципов по отношению к природе, порочности концепции «экономического» человека, который понимает свою действительность только на основе полезности, неограниченной выгоды.

Поэтому необходима стратегия для трансформации направленности существования человечества в природе с учетом оптимального сохранения, возобновления и преумножения природных ресурсов. В основу теоретического обоснования такой

стратегии необходимо положить системный подход к анализу взаимодействия общества и природы.

Для такого анализа комплекса экологических аспектов во взаимоотношениях общества и природы есть необходимость рассмотреть эту проблематику в рамках наиболее общих систем таких как, «природа», «общество», «природа – общество».

В системе «природа» человечество представляет собой часть биосферы, особое природное образование, вовлеченное в естественное развитие природы и подчиненное воздействию слепых, бессознательных сил.

Эти воздействия осуществляются на абиотическом и биотическом уровнях.

Абиотические явления присущи литосфере, атмосфере, гидросфере. Чаще всего абиотические воздействия носят комплексный характер и могут иметь неблагоприятный характер для существования живого на Земле («парниковый эффект», оледенение и т. д.).

Биотические воздействия на человечество проявляются непосредственно, например, в виде различного рода инфекций, и опосредованно, когда нарушения равновесия в животном и растительном мире отрицательно влияют на жизнь людей.

В настоящее время все более существенными компонентами биосферы становятся продукты жизнедеятельности общества в виде побочных результатов функционирования социума, а также в виде различного рода отходов, так сказать «бывшего социального». В природные процессы включаются радиоактивные отходы, химические продукты, другие измененные человеком вещества, что чревато, по мнению многих мыслителей, не только глобальным экологическим кризисом, но и гибелью человечества.

Таким образом, для обеспечения экологической безопасности в рамках системы «природа» человечеству необходимо проводить скоординированную международную политику для того, чтобы:

- создать систему всеобъемлющего контроля за течением природных процессов с целью заблаговременного прогноза стихийных бедствий;
- изменить жизнедеятельность социума так, чтобы антропогенный фактор не превышал в природных процессах возможностей биосферы по своему самовосстановлению.

Человеческая история характеризуется прежде всего осознанной деятельностью, обеспечивающей все возрастающие потребности людей, как на биологическом, так и на социальном уровнях, что позволяет говорить о системе «общество».

В ней важное значение приобретает осмысление экологических проблем, формирование экологических критериев мышления каждого человека, всех людей на планете. Так, массовые движения в защиту окружающей среды от чисто природоохранительных мероприятий переходят к социальному анализу структуры общества, все активнее включаются в политическую жизнь своих стран, связывая экологические проблемы с недостатками существующего экономического и политического порядка.

Правильное проведение такой политики жизненно важно для всех людей, живущих на Земле, для будущих поколений, ибо оно должно определять жизнедеятельность человечества в системе «общество» во всех своих проявлениях с учетом экологического императива. При новых подходах к обеспечению существования человечества экологический фактор становится доминантным при решении экономических, политических и социальных задач.

Вместе с тем данные цели требуют длительного и кропотливого труда для их достижения в борьбе с ведомственностью, местничеством, эгоизмом отдельных социальных групп, массовым недопониманием необходимости экологизации социальной среды для сохранения человеческой жизни. «Всеобщее признание приоритетов экологического духовного кредо как общезначимой ценности будет способствовать формированию человечества как цельной системы, обеспечивающей свое функционирование и дальнейшее развитие. Утверждать значимость окружающей среды не-

достаточно, требуется изменение оснований, исходных посылок. Философия природной среды – это Гуманизация мышления с большой буквы, это преодоление разрыва между знанием человека и его бытием» [4, с. 114].

Анализ всего комплекса взаимодействия природы и общества предполагает рассмотрение также системы «природа – общество», специфика которой не сводится ни к чисто природным процессам, ни к собственно общественной жизни.

Данная система в этом случае включает в себя людей в их биосоциальном проявлении и окружающую органическую и неорганическую среду, то есть природу в узком смысле слова, часть общей природы, активно взаимодействующую с человеком.

Для системы «природа – общество» характерна природная основа человека и окружающей среды, в том числе и искусственных элементов этой системы, а именно различных технических средств воздействия на природу и искусственно преобразованной природы в том смысле, что их существование и совершенствование обусловлено природными законами, хотя вызвано к жизни социальными целями.

Возможность оптимизировать взаимоотношения внутри биосферы между естественной природой и искусственно созданным миром заключается в осуществлении разумного управления этим процессом, в его гармонизации, осуществлении перехода биосферы в стадию ноосферы посредством ноосферогенеза, т. е. путем сознательного управляемого социоприродного развития.

Важнейшей методологической предпосылкой разработки грамотной стратегии и тактики предотвращения глобальной экологической катастрофы является отказ от мировоззрения антропоцентризма, рассматривающего биосферу как такое природное образование, смысл существования которого заключается в обеспечении человека всем необходимым, в «обслуживании» всех мыслимых и немыслимых потребностей человечества. На смену антропоцентризму идет нообиоцентризм, полагающий человечество ответственным за оптимальное единство с природой.

Формирующееся новое понимание взаимоотношений в системе «природа – общество» связано с преодолением ряда идеологических заблуждений прошлого, с формированием новых парадигм и принципов понимания исторического развития человечества.

Таким образом, человечество в совокупности с условиями своего существования является основой систем «природа», «природа-общество», «общество». Системный и генезисно-исторический анализ существования и развития этих систем, а также их взаимодействия дает возможность научного определения тенденций дальнейшего развития мировой истории в совокупности с гармонизацией взаимоотношений природы и общества.

Библиографический список

1. Исаев Б. А. Философия геополитики // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2018. – № 3(21). – С. 75–99. URL: <http://fikiio.ru/?p=3286> (дата обращения 1.10.2020).
2. Пределы роста. // Донелла Х. Медоуз, Деннис Л. Медоуз, Йорген Рэндерс, Вильям В. Беренс III; [Науч. ред. Д. Н. Кавтарадзе]. – М.: Изд-во МГУ. – 1991. – 205 с.
3. Предупреждение ученых мира о климатическом кризисе // BioScience. – Vol. 70. – Is. 1. – January 2020. – P. 9.
4. Черникова И. В. Глобалистика и философия природы // Вестник Московского университета. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. – 2014. – №3/4. – С. 105–114.

Гагаев Андрей Александрович

доктор философских наук, профессор
Мордовский государственный университет
Email: gagaev2012@mail.ru

Гагаев Павел Александрович

доктор педагогических наук, профессор
Пензенский государственный университет
Email: gagaevp@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНОСТЬ СПОСОБА МЫШЛЕНИЯ И ЛОГИКИ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ

Аннотация. Этнический язык фиксирует димензиальности логик описания объекта как одного и разного рода. Этнофилософия создает модели мыслительных экспериментов, модель стратегии исследования, задает структуру экспериментального мышления и закона в объекте одного и разного рода из первых принципов целостности. В диалектике (идеальное и материальное, этноформа противоречивости и коллективный интеллект, антиномичность мышления) и логике создаются абстрактные и антиномичные этносемантики и структуры, которые приводят к совместимости, выводимости, следованию. В физике создаются субстратно-структурно-функциональные и субстратно-функционально-структурные реалистические модели причинно-следственных и функциональных форм процессов в природе и осуществляется в техническом познании их инструментальный синтез. В математике осуществляется универсальная и локальная мера реализма, номинализма, концептуализма, межпредметной связи понятий и формализация физических и технических процессов.

Ключевые слова. Этнический язык, философия, логика, физика и техническое познание, математика.

Gagaev Andrey Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Professor
Mordovia state University

Gagaev Pavel Aleksandrovich

Doctor of Pedagogy, Professor
Penza state University

ETHNO-CULTURAL WAY OF THINKING AND LOGIC OF DISCOVERIES AND INVENTIONS

Abstract. Ethnic language fixes the dimensions of the logic systems which describe an objects of one or different types. Ethnophilosophy creates models of cognitive experiments, a model of research strategy, sets the structure of experimental thinking and a law of objects of one and different types. In dialectics (ideal and material, ethno-form of inconsistency and collective intelligence, antinomic thinking) and logic, abstract and antinomic ethno-semantics and structures are created, which leads to compatibility, deducibility, sequence. In physics, substratum-structural-functional and substratum-functional-structural realistic models of causal and functional forms of processes in nature are created. Their instrumental synthesis is carried out in technical knowledge. In mathematics, a universal and local measure of realism, nominalism, conceptualism, intersubject connection of concepts and formalization of physical and technical processes is implemented.

Keywords. Ethnic language, philosophy, logic, physics and technical knowledge, mathematics.

Введение. В современной науке предполагается, что мышление человека универсально, логика открытия и изобретения универсальна, этносы имеют лишь спе-

цификацию универсальных моделей мышления. На самом деле каждый этнос имеет уникальную форму мышления, уникальный набор логик мышления, хотя имеет и универсальные структуры мышления.

1. Этнокультурность способа мышления, открытия и изобретения. Проблема соотношения этнического языка, философии, этнодиалектики, логики, физики и математики в физико-математической теории.

1. Любые универсальные общенаучные методы имеют антропологическим основанием личность этнического открывающего и изобретающего человека, мыслящего в этничном языке и этническом КПЛ.

2. Жорес Алферов полагает, что в науке физик наблюдает и открывает, математик обосновывает, инженер конструирует, токарь выточивает деталь, а философ осуществляет демагогию и устраняет понимание. Де Бройль заметил, что открытия и изобретения он делает на французском литературном языке, а обосновывает в языке математики и физики (контекст открытия и контекст обоснования).

1) В французском литературном языке создается уникальный синтаксический и полный многологичный образ движения природы и объекта, схватывается образ волновой функции (контекст открытия).

2) В этнической философии именно Р. Декарта он видит выделенным образом природу и волновой процесс в первых принципах и типе законосообразности (контекст открытия).

3) В языке этнодиалектики (идеально и материальное, этноформа противоречивости и коллективный интеллект, антиномичность мышления) и логики понимает взаимодействие сущностей природы, ее абстрактной структуры и наблюдаемых параметров (контекст понимания) и модель совместности, выводимости, следования знания философско-логического, физического, математического).

В современных теориях физики доля математики – 95%, 5% - физика, а философии и логики вообще нет. Логика заменена как у Д. Гильберта алгоритмами. Необходимо до 20% философии и логики, 50% физики и не более 30% математики. Стратегия исследования определяет на 70% результат исследования. А стратегия исследования – философия и логика (Г. И. Шипов). Синтетический язык должен содержать: форму этносемантики языка (10%), форму этнофилософии и этнологии, этноинтуиций (10%), форму физики и особенной науки с ее особенным языком (10% и 40%), форму математики с экстенционалами и лишь с интенционалами (не более 30%). Но указанные 10% качественно определяют все остальные смыслы и значения, будучи первичными. Отсюда нарастание ложности знания, исчезновение знания, имитационный характер знания.

4) В объектном языке физики фиксируют физическую сущность, особенную структуру, функции (контекст открытия).

5) В языке математики эту сущность обосновывают (контекст обоснования) [см.: 1, с. 327]. Уилмо J. отмечает, что Л. де Бройль использует наглядную математику, то есть физические инварианты и принцип наблюдаемости, определяют форму математики, но не математика определяет физику, как у А. Эйнштейна и П. Дирака. Английская математическая традиция П. Дирака предполагает не наглядность, а манипулирование алгебрами в теории кватернионов [см.: 4, р. 130].

6) Этноформа воспитания и образования, а в нем инженерного образования и воспитания.

7) Этнические школы инженерного творчества во всех отраслях человеческой деятельности. Например, этномодели стандартов в технической деятельности и соответствующая документация, стандарты, предпочтительные числа, ряды предпочтительных чисел, удовлетворяющие гиперболическому N-распределению, форма техноценозов в экономических районах, установление ими соотношения новых особей и саранчевых (первых – 25% от особей и 50% - от видов, а вторых 30% особей и 14% от видов).

3. Этнический язык фиксирует димензиальности логик описания объекта как одного и разного рода; этнофилософия создает модели мыслительных экспериментов, модель стратегии исследования, задает структуру экспериментального мышления и закона в объекте одного и разного рода из первых принципов целостности; в диалектике (идеальное и материальное, этноформа противоречивости и коллективный интеллект, антиномичность мышления) и логике создаются абстрактные и антиномичные этносемантики и структуры, которые приводятся к совместимости, выводимости, следованию; в физике создаются субстратно-структурно-функциональные и субстратно-функционально структурные реалистические модели причинно-следственных и функциональных форм процессов в природе и осуществляется в техническом познании их инструментальный синтез; в математике осуществляется универсальная и локальная мера реализма, номинализма, концептуализма, межпредметной связи понятий и формализация физических и технических процессов. Этническое воспитание и образование формирует этнического открывающего и изобретающего специалиста и этноинженера. А уже этноинженерно мыслящие инженеры формируют этнические инженерные школы.

4. Открытия и изобретения держатся этнознанием, знание и этнознание держится этническим воспитанием и образованием, воспитание и образование держатся этномоделью благоустройства страны (нет разрушенных кирпичей), этноблагоустройством страны держится этномоделью истины и справедливости, а этноистина и справедливость встречаются и приходят из этнической, а не вообще, философии и владения этническим литературным языком!

5. Истина всеобща и культурно-типична, необходима и антиномична, общезначима и лично-значима, системна и уникальна, абсолютна и относительна.

6. В этой этнической культуре в истории фоносемантика задает вектор генерирования избыточной энергии и информации, в флуктуировании которой рождаются концепты и понятия как конкретные выборки (интуиция) естественных процессов.

7. Этнические литературные языки (миф и сказка, устная речь), метафора есть концентрация фоносемантики и системы тропеического, метафорического, анимального мышления и метафорического вывода, как предпосылки вывода логического.

II. Работы А. А. Маркова и А. Н. Колмогорова по аксиоматическому обоснованию теории вероятностей создали: а) димензиальный русский образ конструирования модели вероятности как характеристики полной и неполной группы, равновозможных и не равновозможных, не совместных и совместных исходов событий; б) семейства случайных величин, состояние которых зависит от времени и развивается циклическим образом; в) создали аппарат теории вероятности, который позволил расширить круг конкретных прикладных вопросов, для изучения которых применимы статистико-вероятностные методы [см.: 2; 3].

Заключение. Этноформа науки включает в себя: систему рефлексий в этническом КПЛ и основаниях наук и эмпирические обобщения первого рода в познании первого рода; этноличное знание в совместимости, выводимости, следовании и несовместимости, невыводимости, неследовании с иными этническими системами знания.

Библиографический список

1. Бройль Л. де. По тропам науки. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 498 с.
2. Колмогоров А. Н., Драгалин А. Г. Математическая логика. – М.: МГУ, 1984. – 120 с.
3. Марков А. А. Элементы математической логики. - М.: МГУ, 1984. – 80 с.
4. Ullmo J. La pensee scientifique moderne. – Paris: Flammarion, 1958. – 283 p.

Годарев-Лозовский Максим Григорьевич

Председатель Санкт-Петербургского Философского клуба

Российское Философское Общество

Email: godarev-lozovsky@yandex.ru

ЧЕТЫРЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ О ПРОСТРАНСТВЕ, ВРЕМЕНИ И ДВИЖЕНИИ, ЗАЛОЖЕННЫЕ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Аннотация. Показано, что естественнонаучные представления о том, что заполненное пространство идеально и непрерывно, время – счетно и всюду плотно, а движение реально и подчинено принципу относительности Галилея – глубоко заложены в культуре России.

Ключевые слова: реальное пространство, динамическое время, бестраекторное движение.

Godarev-Lozovskiy Maxim Grigorevich

Chair of Saint Petersburg Philosophical Club

Russian Philosophical Society

FOUR ONTOLOGICAL IDEAS ABOUT SPACE, TIME AND MOVEMENT IN RUSSIAN CULTURE

Abstract. It is shown that natural science ideas, namely that filled space is ideal and continuous, time is a countable set and tight everywhere, motion is real and subject to the Galilean relativity principle, are deeply embedded in the culture of Russia.

Keywords: real space, dynamic time, trajectory-free movement.

«Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов» (Б. Пастернак)

1) *Реальное бесконечное пространство идеально и непрерывно* – оно есть трехмерное евклидово, ньютоново «пристанище Бога», а, соответственно, выражаясь образно, оно *может любить*. Пространство непрерывно, потому что оно не дискретная материальная конструкция, которая *любит не может*. Реальное бесконечное пространство «досками не заколочено», оно есть совершенный простор, и оно не может «искривляться веществом», потому что не взаимодействует с ним. А «будущего зов» – это ведь то, что отличает время от пространства, т. е. это его времени не-обратимость как однонаправленность из прошлого в будущее.

Но почему только физическое пространство мы называем реальным? Не потому ли, что в отличие от математического пространства физическое пространство *обязано* содержать материальные объекты, т. е. мировую материальную среду, вещество и излучение. А может ли реальное пространство содержать физические поля как систему нулевых колебаний квантованных полей, называемую квантовым вакуумом? Вспомним, что Р. Фейнман определял поля как функции координат и времени. Допустимо ли, чтобы какие-либо *математические* объекты и в т. ч. функции заполняли *физическое* пространство? Конечно, нет – подобное невозможно.

Наши рассуждения в результате приводят нас к тому, что реальное пространство – это вместилище материи, которое, только мысленно освободив от содержимого, мы можем представить абсолютно пустым, незаполненным. Но при этом любое пространство (математическое, физическое или культурное) – это объект мыслимый, нематериальный, поскольку ведь нематериальна и сама мысль. А нематериальное – ведь оно по определению может и должно любить!

«Не думай о секундах свысока.
Наступит время - сам поймешь, наверное:
Свистят они, как пули у виска,
Мгновения, мгновения, мгновения.

Мгновения спрессованы в года.
Мгновения спрессованы в столетия.
И я не понимаю иногда,
Где первое мгновенье, где последнее.

У каждого мгновенья свой резон,
Свои колокола, своя отметина...» (Р. Рождественский)

2) *Бесконечное время счетно, динамично и необратимо.* Мы можем только относительно объективировать его момент, конвенционально договорившись о масштабе единицы длительности, т. е. фемтосекунда, день или год. Но объективно каждый момент времени, конечно, имеет свой порядковый номер. При этом если не существует перехода от одного момента времени к следующему за ним, то как можно допустить саму возможность течения времени? То есть, если бы время было математически непрерывным, оно было бы *неподвижным*, каковым является реальное пространство.

Совершенно невозможно допустить, что время обратимо, ибо в этом случае мы наблюдали бы нарушение причинно-следственных связей в природе. В нашей культуре понимание однонаправленности времени из прошлого в будущее проявляется в том, что русский человек часто сетует на то, что прошлого не вернешь и не исправишь...

Но было ли *абсолютное* начало всего мироздания во времени, нарушающее законы сохранения? Конечно, нет, ведь даже современная релятивистская космология такое отрицает, обращаясь к понятию безначальной и бесконечной Мультивселенной. Также весьма характерно, что в нашем народном сознании каждый момент из всего безначального и бесконечного потока времени имеет свой смысл и свою неповторимость. Время при этом, в отличие от пространства, связано с отношением «первично – вторично». И в этой связи совершенно справедливо обосновывает С. В. Орлов, автор концепции материи и виртуальной реальности, что субъект-объектные отношения шире отношений «первичное – вторичное» и не исчерпываются ими [см.: 4, с. 42–54].

В одну телегу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань... (А.С. Пушкин).

3) *Реальное пространство независимо от времени*, и в этом оно суть не есть пространственно-временной континуум. Алогично безраздельно соединять в одно целое разные сущности, т. е. счетное время и имеющее мощность континуума пространство.

Недавно группа ученых, включая автора, обратились к академику В. А. Рубакову с открытым письмом и предложением поддержать дискуссию о возможной пользе для фундаментальной науки отказа от пространственно-временного континуума. В письме говорится о том, что в 1908 году великий немецкий математик Герман Минковский заявил: «Отныне пространство само по себе и время само по себе должны обратиться в фикции...» [3, с. 291–294]. Однако в истории науки известны случаи, когда авторитет классика на долгое время не позволял проверить то, что лежит на

поверхности. Например, Аристотель считал, что у женщины меньше зубов, чем у мужчины, и что лев боится петуха. Проверить эти утверждения не решались в течение полутора тысяч лет. По убеждению авторов письма, подобное можно отнести и к современным релятивистским построениям, которые научный мейнстрим оберегает от критики.

Однако академик В. А. Рубаков не считал полезным опубликовать наше обращение в журнале: «Успехи физических наук», который он возглавляет, и автор с ним вступил в короткую полемику. Основной довод моего оппонента против публикации открытого письма был связан с тем, что, по его мнению, фактом является то, что Вселенная расширяется, а это, подразумевается, подтверждает справедливость физического релятивизма вообще. Я напомнил заслуженному ученому, что факт расширения Вселенной – это вовсе *не факт*, а одна из возможных интерпретаций красного смещения, которая далеко не единственная. А теория относительности А. Эйнштейна, как мы полагаем, должна действительно подвергнуться основательному анализу с учетом всех известных экспериментов, в т. ч. экспериментов по радарным наблюдениям Венеры. (Эти и некоторые другие эксперименты подтверждают в астрономических системах классический $c+v$ принцип сложения скоростей). Но особенно важно то, что на допущении абсолютного характера скорости света базируется современная метрология, а это может стать причиной техногенных катастроф (!).

В течение уже более ста лет идея фундаментальности пространственно-временного континуума Минковского властвует в умах ученых, принося при этом если не вред, то минимальную пользу. Современная наука стоит на перепутье: продолжать доверяться старому – т. е. идее пространственно-временного континуума, либо что-то кардинально менять в своих фундаментальных представлениях. Как обычно происходит, инерция мышления, к сожалению, пока побеждает. При этом очевидно то, что логически вполне допустимо, отказавшись от пространственно-временного континуума Минковского, сохранить минимальные для современной физики, т. е. планковские пространственно-временные промежутки, которые распространяются на все известные виды фундаментальных физических взаимодействий. Частично подобный подход разделял автор известной книги А. Н. Вяльцев [2, с. 60 – 129]. Но, конечно же, проблемы отдельных наук – это дело самих наук, а философия может лишь очертить проблемное поле.

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей (А. С. Пушкин).

4) *Движение в пространстве реально.* У квантового микрообъекта недостаточно элементов счетного множества времени, чтобы двигаться темпорально, и избыток элементов несчетного множества пространства, чтобы двигаться траекторно, поэтому его движение описывается как математически мнимое [см.: 1, с. 263–272]. Квантовая частица – это фундаментальная частица, и её элементарное перемещение в пространстве можно описать как путь точки в плоскости комплексного переменного [см.: 5, с. 15–19].

Объективный характер движения множества, в том числе зацепленных, квантовых микрообъектов, таким образом, описывается с обращением к чисто мнимым числам и кватернионам, при этом справедливым остается принцип относительности Галилея. Ведь не случаен тот факт, что квантовый микрообъект, определенно пере-

мещаая в реальном пространстве, не имеет ни скорости, ни траектории, ни мировой линии.

Таким образом, мы можем с полным основанием констатировать, что движение квантового микрообъекта хотя и математически мнимо, но не становится от этого менее реальным и объективным. А картина мира, которая укоренилась в сознании нашего народа, правдоподобно отражает не столько мифологическое начало, сколько реально существующее в бытии.

Библиографический список

1. Годарев-Лозовский М. Г. Метатеоретические основания науки // Проблемы исследования Вселенной – СПб. – 2020. – С. 263–272.
2. Вяльцев А. Н. Дискретное пространство-время. Гл. 3: Элементарные интервалы длины и времени – Москва: URSS, 2007. – С. 60–129. – 400 с.
3. Никонов О. А. Философские вопросы геометрии Минковского // Вестник МГТУ. – 2018. – Том 13, №2. – С. 291–294.
4. Орлов С. В. Философский материализм в эпоху информационного общества (концепция материи и виртуальная реальность) // Философия и общество. – 2012. – № 1. – С. 42–54.
5. Понтрягин Л. С. Обобщения чисел. – Москва: Наука, 1986. – 117 с.

Городищева Анна Николаевна

доктор культурологии, доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева
Email: gorodichevaan@sibsau.ru

Городищев Алексей Викторович

кандидат филологических наук
СПб ГБУК «ЦБС Красногвардейского района»
Email: agorodischev@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В КИБЕРНЕТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: Устойчивая тенденция киберсоциализации людей приводит к формированию новых закономерностей самоидентификации в виртуальной среде. Поэтому необходим целенаправленный процесс исследования изменений «сущности и явления», «формы и содержания» понятия самоидентичность в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, личность, кибернетическое общество.

PROBLEMS OF HUMAN SELF-IDENTIFICATION IN A CYBERNETIC SOCIETY

Gorodishcheva Anna Nikolaevna

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Gorodishchev Alexey Viktorovich

PhD (Philology)
Krasnogvardeysky District Centralized Library System

Abstract. A stable tendency towards cyber socialization of people leads to the formation of new patterns of self-identification in a virtual environment. Therefore, a purposeful process of researching changes in the “essence and phenomenon”, “form and content” of the concept of self-identity in virtual space is needed.

Keywords: identity, self-identification, personality, cybernetic society.

В последнее десятилетие в результате резкой трансформации социально-политических реалий особо стали выделяться процессы, связанные с поисками оснований идентификации личности. Рационально организованная действительность, предполагающая чисто техническое исполнение положений политики информатизации, породила кризис самоидентификации, создав человека уже «неспособного собрать многогранную жизнь общества в единое целое» [1]. Поиски ответа на вопрос «кто я?» вывели человека в новую кибернетическую реальность, где традиционные идеи и ценности утрачивают смысл для личности, потому что их невозможно идентифицировать привычными средствами. Задачей данной работы является показать зависимости и следствия воздействия виртуальной среды на механизмы формирования параметров и критериев самоидентификации личности.

Идентичность – категория междисциплинарная, имеет давнюю традицию исследования целым комплексом наук. В основе определенной идентичности – опора на латинский корень *idem* (то же самое), обозначающий свойство вещей оставаться теми же самими, сохраняющими свою «сущность», тождественность при всех трансформациях (с лат. *Identificare* – отождествлять, *identifico* – отождествляю), следовательно, идентичность представляется как точное соответствие вещи своему образу, некоей сущности, соотносительность чего-либо (имеющего бытие) с самим со-

бой [см.: 2]. Поскольку транзитивность идентичности имплицитно содержит смысловую антиномичность, то адекватным методологическим основанием анализа идентичности выступает диалектика устойчивости и изменчивости, постоянства и вариативности.

Несмотря на обилие различных характеристик и определений понятий «личность», для наших целей можно указать на несколько главных, отфильтрованных временем. Прежде всего, под личностью и индивидом понимают уникальную, неповторимую сторону человека [см.: 3]. Такой подход позволяет рассматривать идентичности личности, определяющей координаты своего мира через изменение в процессе социальных взаимодействий в виртуальной среде. По сложившейся научной традиции в современных исследованиях выделяют два вида структур идентичности личности: параметрические и категориальные. Для нашего исследования важной является модель Luhtanen R., Crocker J. A., позволяющая оценивать индивидуальные различия в коллективной, а не личной самооценке с помощью четырех подшкал, выделяя степень референтности группы для индивида и значимость группы в структуре Я-образа [см.: 4]. С другой стороны, подходы к идентичности делаются от того, как воспринимается идентичность – через тождество и различие, или как различие между «самостью» и «тождеством». Результатом этого процесса, подразумевающего в конечном счете понимание ситуаций и выбор места для себя, становится «построение модели взаимосвязи с внешним миром» [5]. Объяснением этому утверждению служит теория социального сравнения, когда люди оценивают ценность определенных личностных позиций в путем сравнения с успешными членами социальной группы.

Согласно теориям социальной психологии, люди психологически усваивают свое социальное членство в группах, и социальные процессы идентификации в группе влияют на их познание, аффект, мотивацию и работу, лидерство, а также активность и инновации результаты, в том числе производительность, отношение к работе и профессиональное благополучие [см.: 6]. Эти качества личности определяются эмоциональным опытом, который получен в результате самоконтроля и внешнего ограничения, закрепляющего паттерны поведения. При различии внешних условий показатель субъективной оценки часто не совпадает со стереотипами идентичности. Исследования Д. А. Леонтьева показывают, что объективное качество жизни влияет на показатели самоидентификации личности лишь в ограниченной степени, потому что не самое высокое качество жизни может быть скомпенсировано осмысленностью самого субъекта, на основе собственного личностного потенциала [см.: 7]. При этом измерение личного благополучия – не психологического переживания, а объективной оснащенности личности психологическими особенностями, выделенными Ruff C. [8], например, само-принятие, позитивные отношения с другими, автономия, контроль над окружением, целенаправленность жизни, личностный рост может быть скорректировано и параметрами идентичности в ином пространстве бытия.

Кибернетическое общество, по определению А. В. Тонконогова [см.: 9], – это новый тип ноосферного образования, управленческий механизм которого сосредоточен в основном в виртуальной сфере информационного пространства, что характеризуется: активным и постоянным взаимодействием всех общественных страт с искусственным интеллектом как на государственном, так и на индивидуальном уровне. Социальное пространство кибернетического общества обладает пространственно-временными характеристиками, однако «место» в кибернетическом пространстве обладает иной размерностью: трансграничностью, экстерриториальностью, децентрализованностью, разветвленностью, многоканальностью, которые позволяют образовывать новые функциональные пространства информационно-коммуникационной среды Интернет может изменять устойчивую функциональность «качества места» (Р. Флорида). Идентичность кибернетического места становится неустойчивой, множественной, гипертекстуальной и личность сталкивается с проблемой выбора направления для собственной идентичности.

Самоидентификация в кибернетическом обществе превращается в поиск того, с чем индивид может идентифицироваться, чтобы кибернетическое общество определило его как личность. Следовательно, кибернетическая среда, которая может адаптировать свое поведение под условия внешней среды, измеренная по Флориде [см.: 10] как «что там есть, кто там есть, что там происходит», предстает как изменяющаяся динамическая система, которая не дает однозначных образцов для идентификации. Это означает, что такой параметр, как вовлеченность личности в виртуальные сообщества, при определенных условиях может замещать параметры самоидентичности.

В ходе анализа работ по выявлению факторов воздействия виртуальной среды на человека прослеживается взаимосвязь между стресс-факторами, прямо не действующими на личность, но оказывающими влияние на формирование типа личности. Такими факторами в виртуальной среде выделены: множественность выбора персональной, культурно-цивилизационной, социальной идентичности; отсутствие целостности групп, и, как следствие, отсутствие единых оснований для идентичности, замкнутость и ограниченность коммуникационных связей; дисбаланс индивидуальной и коллективной идентификации. В кибернетической среде набор действий, необходимых для обратной связи между причиной и следствием, отражает разнообразие только успешных действий, избегая при этом неудачных, поэтому когнитивная карта личности не получает качественного образа реальности. Незавершенность образа тиражируется в дальнейшей жизни. Можно предположить, что реакцией на неожиданную и возросшую изменчивость мира станет на какое-то время возобладание консервативных тенденций, стремление к стабильности, желание закрепиться в изменчивом мире, следовательно, востребованной станет «твёрдая» идентичность физического мира, способная быть опорой личности.

Список литературы

1. Кеидия К. З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 1 (137). – С. 50–55.
2. Абушенко В. Л. Проблема идентичностей: специфика культур-философского и культур-социологического видения // Вопросы социальной теории: научный альманах. Человек в поисках идентичности. – М., 2010. – Т. 4. – С. 128–146.
3. Розин В. М. Философия субъективности. – М: АПК и ППРО, 2011. – 380 с.
4. Luhtanen R., Crocker J. A Collective Self-Esteem Scale: Self-Evaluation of One's Social Identity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1992, № 18, P. 302 – 318. DOI: 10.1177/0146167292183006
5. Буденкова В. Е., Савельева Е. Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – №. 1 (21). – С.31–44.
6. Zacher H., Esser L., Bohlmann C., Rudolph C. W. Age, social identity and identification, and work outcomes: a conceptual model, literature review, and future research directions. *Work, Aging and Retirement*, 2019, vol. 5(1), pp. 24–43. DOI: 10.1093/workar/way005
7. Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – М. : АО «ВЦИОМ», 2020. – № 1 (155). – С. 14–38.
8. Ryff C. Happiness is Everything, Or is It? Explorations on the Meaning of Psychological Well-Being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 57, No. 6, pp. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069
9. Тонконогов А. В. Кибернетическое общество как реальность XXI века // Закон и право. – 2018. – № 9. – С. 23–26.
10. Florida R. *The Rise of the Creative Class*. Hachette Book group, Inc., NY, 2019, 512 p.

Горохов Павел Александрович

доктор философских наук, профессор

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге.

Email: erlitz@yandex.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Проанализированы классические и постмодернистские философские идеи об актуальном и потенциальном облике человека в эпоху глобализации и показано их воздействие на формирование «сетового» человека.

Ключевые слова: интернет, «сетевой человек», философская антропология, «человек разумный», духовность, личность, актуальное и потенциальное бытие, глобальные проблемы.

Gorokhov Pavel Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Professor,

Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg

REFLECTIONS ON THE PERSON IN THE GLOBALISATION ERA

Abstract. The report analyzes classical and postmodern philosophical ideas about the actual and potential image of a person and shows their impact on the formation of a "network" person in the globalization era.

Keywords: Internet, "network" person, philosophical anthropology, "Homo sapiens", spirituality, personality, actual and potential existence, global problems.

В эпоху глобализации «человек разумный» переживает изменения, которые кардинальным образом меняют его физическую и духовную природу как биосоциального существа. Данный доклад посвящен трансформациям «человека разумного», осуществляющимся сегодня в недрах западной цивилизации.

Все более актуальным становится трансгуманизм, который не отрицает и даже всячески приветствует потенциальное пребывание человеческого разума в виртуальном пространстве. Идеологи и практики трансгуманизма мечтают о будущем слиянии человеческого разума и компьютера. Интернет – великое изобретение, но сегодня оно используется не столько для благородной цели объединения людей и их духовного самосовершенствования, сколько для примитивизации культуры и аннигиляции подлинной человечности.

В последнее время сформировалось целое поколение людей, для которых компьютер и пребывание в сети стали экзистенциальным фактором. Великая формула Рене Декарта *cogito ergo sum* трансформировалась ныне в слоган *online ergo sum*. Индивидуальное и социальное бытие оказались настолько тесно связаны с сетевой реальностью, что подлинные человеческие чувства оказались вытесненными и забытыми. Живое человеческое общение обратилось в симулякр сетевого присутствия, душевный разговор – в чат, а продуктивная творческая работа преподавателя и студента, неизбежно предполагающая полноценную обратную связь, еще до пандемии превратилась в суррогат дистанционного обучения.

Трансгуманисты утверждают, что их цель благородна – избавить человека разумного от присущей ему агрессивности. Но здоровая агрессивность как форма бытийной энергии жизненно необходима для развития человеческой цивилизации, а ее утрата приводит к деградации и торжеству энтропии.

Представления о человеке в философии претерпели существенные трансформации. Для Гегеля человек – дух, а «дух существует только как единичное действительное сознание» [4, с. 431], отмечает мыслитель в «Эстетике», понимая и отстаивая

вая всю безмерную глубину и сложность человека. Онтология Гегеля была неразрывным образом связана с антропологией. Не бездушный автомат, не винтик грядущего общества потребления – отнюдь не таким предстает человек в философии Гегеля. В «Истории философии» он постулирует: «Человек обладает бесконечной ценностью» [3, с. 86].

В XX столетии понимание человека как духовного существа претерпело радикальные изменения. Постмодернизм как условная общность философских воззрений глобализирующегося Запада внедряет в массовое сознание свой образ человека. Главным объектом критики в работах постмодернистов выступают именно homo sapiens и гегелевское понимание человека как бесконечной ценности. Жиль Делез подверг критике концепцию самосознания человека. Была создана такая формула: «Я говорю – следовательно, я существую». Творческая и созидаящая мысль заменяется простым «говорением». Человек, таким образом, уравнивался с попугом.

Принцип классической философии, сформулированный Спинозой и развитый Гегелем и Марксом, о свободе как осознанной необходимости давно сдан постмодернистами в архив. В своей критике «человека разумного» постмодернисты стремились создать собственную антропологию. Кирпичиком такой антропологии стал эгоистичный человеческий индивид, делающий лишь то, что ему необходимо в данный момент времени, совершенно не считаясь с другими. Последовательно воспевается атомизация общества и его фактическое разрушение.

Постмодернисты объявили разум и логику главными врагами человека. Ими последовательно отрицается универсализм в человеке, причем основное внимание уделяется чисто материальным потребностям и претензиям в жизни. Даже цель этики постмодернистов состоит в принижении, развенчании и отрицании добра в человеке. В мире уже давно идет процесс размывания здоровых человеческих отношений, основанных на любви, дружбе и доверии. Искренность человеческих чувств целиком и полностью отрицается большинством постмодернистов. Видимо, это – духовный и этический апофеоз общества потребления.

Постмодернизм стремится обосновать и способствовать созданию антропологического типа, характерного для глобализирующегося общества. Идеальный человек эпохи глобализации – это космополит, совершенно свободный от всяческих традиций и моральных норм. Главная ценность для такого человека нового типа – собственные инстинкты, а единственным смыслом жизни является немедленное следование зову этих инстинктов – в том числе и во всемирной паутине. Такой индивид превыше всего в жизни ценит именно потребление.

Современная ситуация в Европе, когда в культурнейшие европейские страны – вследствие интеллектуальной и политической слепоты ее лидеров – хлынул поток чужеродной массы, не имеющей ни малейшего понятия о западноевропейской культуре, но желающей в полной мере пользоваться материальными благами этой великой культуры, – такая ситуация является уже не предвестником, а явственным индикатором той «гибели Европы», о которой писал О. Шпенглер в «Закате Европы», и размышлял Мартин Хайдеггер.

Запад в лице своего самопровозглашенного форпоста – США – после гибели Советского Союза предпринял невиданную прежде экспансию, осуществляя навязывание собственных ценностей и цивилизационных смыслов всему человечеству. По сути такое агрессивное навязывание и представляет смысл глобализации, которая может быть понята как цивилизационная война. Те же США, взявшие на себя роль флагмана всей западной цивилизации, добились невиданного материального могущества, но вот в плане духовного превосходства американской техногенной цивилизации возникают большие сомнения.

Попытаемся представить физический и духовный облик человека эпохи глобализации, не только живущего по большей части в виртуальной реальности, но и даже предпочитающего ее реальности подлинной. Видимо, физический облик нового че-

любека будет отличаться от вида современных людей. Экологическая катастрофа и разнообразные пандемии деформируют рост, скелет и кожные покровы человека. Видимо, глобализации неизбежно будет сопутствовать антропогенный коллапс, который неизбежно изменит физиологию и психологию человека. Необратимые изменения окружающей среды могут привести к непредсказуемым и страшным мутациям. Томас Гексли считал, что технический прогресс будет способствовать тому, что люди станут хилыми и малорослыми, но зато с объемным мозгом.

Что касается высокого интеллекта, то в типичном среднестатистическом западном индивиде зачатков сверхчеловека, о котором мечтал Ницше, пока не наблюдается. Напротив, средний образовательный и культурный уровень людей Запады неуклонно снижается.

Ситуация во многом повторяется в нашей стране, но в России хотя бы не привилась та безумная самоубийственная толерантность и агрессивная политкорректность, которые стали ныне неотъемлемой частью западной цивилизации. В западных странах дело уже доходит до полного абсурда – в этом убеждает как деятельность ставшего окончательно террористическим движения Black Lives Matter, так и запрет литературных шедевров из-за присутствия в них неполиткорректной лексики и нетолерантных сцен. Поневоле вспомнишь великого Бредбери. А Генрих Гейне в трагедии «Альманзор» еще в 1821 году предрек: «Там, где сжигают книги, в конце концов сжигают также и людей». Это пророчество сбылось в нацистской Германии, сбывается оно ныне и на политкорректном Западе.

Н. А. Бердяев писал: «Индивидуализация раскрытия личности совершается... в недрах духовной жизни» [1, с. 43]. Но если духовная жизнь мельчает или превращается в суррогат, тогда исчезают возможности для рождения личности или ее развития. В эпоху глобализации, когда духовность примитивизирована донельзя или вообще последовательно изгоняется из индивидуальной и общественной жизни, возможности для возникновения личности необычайно малы. Видимо, большинство современных людей так и не становятся личностями. Для современного человечества эпохи глобализации становится все более распространенным тот тип, о котором писали Э. По («Человек толпы»), Р. Музиль («Человек без свойств»), И. Холланд («Человек без лица»). Это – деперсонализированный индивид, предпочитающий реальному общению с живыми людьми пребывание в сети.

О свободе такие индивиды предпочитают не задумываться, да она им и не нужна. Ведь быть рабом легче, нежели свободным человеком. Исчезает «ответственное Я», о котором хорошо написал К. Вальверде в своей «Философской антропологии»: «Мое ответственное “Я” составляет центр моего мира; и только исходя из него я вижу все остальное и реализую себя в практической деятельности» [2, с. 156].

Великое изобретение, которое должно быть использовано для воссоединения людей на планете, – интернет – превратился поистине в паутину, попадание в которую для многих людей означает интеллектуальное и духовное рабство. Более того, под угрозой ныне оказался язык как уникальная знаковая система, ибо «сетевой человек» предпочитает визуальные образы и разнообразные пиктограммы в форме «смайликов». Видимо, если число деперсонализированных индивидов будет расти, то вся человеческая цивилизация окажется под угрозой вырождения.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 252 с.
2. Вальверде К. Философская антропология. – М.: Христианская Россия, 2000. – 472 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 11. Лекции по истории философии. Книга третья. – Москва-Ленинград: Соцэкгиз, 1935. – 528 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. Том 4. Москва: Искусство, 1973. – 675 с.

Гусейнов Саки́т Яхья оглы

Доктор философских наук, профессор,
зав. отделом «Философия устойчивого развития» Национальной Академии Наук
Азербайджана

ЗЕЛЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ТЕХНОЛОГИИ КАК АКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье дается понятие устойчивого развития, являющееся определяющим фактором в эволюции всего общества, при котором удовлетворение потребностей нынешнего поколения должно учитывать интересы будущих поколений. Также дается определение термину «зеленые информационные технологии и системы», исследуется их значимость в процессе устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, информационное общество, информационные технологии, зеленые информационные технологии и системы.

Huseynov Sakit Yahya oglu

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of department "Philosophy of Sustainable Development" of the National Academy of
Sciences of Azerbaijan

GREEN INFORMATION SYSTEMS AND TECHNOLOGIES AS ASSETS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. The article gives the concept of sustainable development as the development of society, in which meeting the needs of the current generation should take into account the interests of future generations. The concept of the term green information technologies and systems is also given, their significance in the process of sustainable development is investigated.

Key words: sustainable development, information society, information technology, green information technology and systems.

В современном мире проблема непрерывного развития стала явлением, которое привлекло внимание человечества на международном уровне. Концепция устойчивого развития (Sustainable development) основана на природоохранной деятельности ООН. Концепция представлена в различных международных документах и в литературе. Она изначально получила название «устойчивое развитие человеческого потенциала», «устойчивое развитие цивилизации», «устойчивое развитие человеческого общества». Однако в последние годы она стала более широко известной как «устойчивое развитие». Данная концепция в первую очередь направлена на обеспечение гармонии между людьми и окружающей средой и называется «Устойчивое развитие», потому что охватывает не только человека, но и все сферы природы и общества [см.: 1, с. 25].

Концепция «устойчивого развития» является одним из определяющих приоритетов государственной политики в условиях противодействия также рискам в обеспечении безопасности общества. В этом контексте инновации рассматриваются как инструмент стимулирования роста и развития. Европейский опыт инновационной активности, несмотря на неоднородность уровней развития стран, различные варианты социальных моделей и большое количество политических инициатив для поддержки технологического развития подчеркивает важность инноваций для роста информатизации общества. Вызовы на пути создания модели устойчивого инновационного развития являются значительными, но альтернатив такому пути фактически не существует. Проблематика обеспечения устойчивого развития особенно актуализируется, поскольку инновационная модель заложена уже на проектном уровне,

а в качестве ее поддержки образующим элементом его функционирования выступает система.

Не стоит забывать, что устойчивое развитие – это управляемое развитие. Основой его управляемости является системный подход и современные информационные технологии, которые позволяют очень быстро моделировать различные варианты направлений развития, с высокой точностью прогнозировать их результаты и выбрать наиболее оптимальный [см.: 2, с. 12].

Первым этапом в истории становления концепции устойчивого развития можно считать Конференцию ООН по проблемам окружающей среды, состоявшуюся в Стокгольме в июне 1972 года. Она положила начало развитию природоохранной политики на государственном уровне, а также природоохранного движения в мировом масштабе. Данный термин не использовался прямо, но все же международное сообщество согласилось с принципом, который теперь является основополагающим для устойчивого развития – экономическое развитие и окружающая среда рассматриваются как отдельные сферы, которыми можно взаимовыгодно управлять.

Только через 15 лет термин «устойчивое развитие» был популяризирован благодаря докладу Всемирной комиссии по окружающей среде «Наше общее будущее» и был употреблен в том же смысле, который считается «классическим». Именно начиная с 1984 года норвежский общественный и политический деятель Гру Харлем Брунтланн с помощью экспертов из 23 стран в 1987 году представила подготовленный программный доклад под названием «Наше общее будущее» в Генеральную Ассамблею ООН. Суть этой концепции: «Удовлетворять потребности нынешних поколений социально, экономически и экологически нормальным образом, не подвергая опасности жизни будущих поколений» [3, с. 24].

Итак, устойчивое развитие – это развитие общества, при котором удовлетворение потребностей нынешнего поколения должно учитывать интересы будущих поколений. Согласно резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 в области устойчивого развития до 2030 года, в частности цели № 9 «Создание устойчивой инфраструктуры, содействие всеобъемлющей и устойчивой индустриализации и инновациям», можно выделить следующие пункты использования принципов устойчивого развития для управления в информационно-технологической сфере:

- развивать качественную, надежную, устойчивую инфраструктуру, включая региональную и трансграничную инфраструктуру для поддержки экономического развития и благосостояния людей;

- до 2030 года модернизировать инфраструктуру и переоборудовать промышленные предприятия, сделав их устойчивыми за счет повышения эффективности использования ресурсов и более широкого применения чистых и экологически безопасных технологий и промышленных процессов с участием всех стран в соответствии с их индивидуальными возможностями;

- активизировать научные исследования, наращивать технологический потенциал промышленных секторов во всех странах, особенно таких, которые развиваются, в том числе путем стимулирования к 2030 году инновационной деятельности и значительного увеличения численности работников в сфере инноваций;

- способствовать развитию экологически устойчивой инфраструктуры в развивающихся странах, из-за увеличения финансовой, технологической и технической поддержки;

- поддерживать разработки, исследования и инновации в сфере отечественных технологий;

- существенно расширить доступ к информационно-коммуникационным технологиям [см.: 4].

Информационно-компьютерные системы и современные информационные технологии сегодня безоговорочно играют огромную роль в развитии любого общества.

Без помощи информационных технологий невозможна продуктивная деятельность также в любой отрасли. Однако при этом производство, использование и ликвидация информационных систем и технологий требуют больших затрат и влияют на окружающую среду. Зеленые информационные системы и технологии, в свою очередь, как активы устойчивого развития уменьшают эти затраты путем применения соответствующих материалов и продуктов, снижая потребление энергии и вредного воздействия на окружающую среду [см.: 5, с. 55].

Зеленые информационные технологии – комплекс подходов, касающихся безопасных для окружающей среды технологий вычислений и информационные технологии. Это наука и практика проектирования, изготовления, использования и утилизации компьютеров, серверов и их подсистем, таких как мониторы, принтеры, устройства хранения данных, сетей и систем связи – эффективно и с минимальным или нулевым воздействием на окружающую среду.

Устойчивое развитие становится важной темой в информационно-технологической области для защиты нашего будущего и как развивающегося сегмента экономики. В последнее время во всем мире наблюдается более конкретная ориентация на «озеленение» информационных технологий и информационных систем. Увеличение количества зеленых рабочих мест также происходит со многими из тех, кто связан с информационными технологиями. Основным препятствием для зеленых рабочих мест, связанных с информационными технологиями или иными сферами, является поиск образованных и квалифицированных специалистов. В связи с этим растет спрос на экологические вычисления, информационные технологии и образование в области информационных систем.

Зеленые информационные технологии направлены на потребление энергии и отходы, связанные с использованием оборудования и программного обеспечения, и, как правило, оказывают прямое и положительное влияние на устойчивое развитие. Например, повышение энергоэффективности оборудования и центров обработки данных, консолидация серверов с использованием программного обеспечения виртуализации и сокращение отходов, связанных с выброшенным оборудованием.

В последнее время многие зарубежные университеты инициировали процесс внедрения курса зеленых информационных технологий в свои уже существующие программы инженерии, информационных технологий, управления бизнесом или в качестве совершенно новой программы для выпускников. То есть зеленые информационные технологии могут сыграть важную роль в борьбе с негативными экологическими последствиями в быстро экономически развивающихся странах мира.

Таким образом, следует рассматривать дальнейшее развитие в области зеленых вычислительных технологий, моделирования программного обеспечения с учетом создания курсов и программ, связанных с экологическими информационными технологиями и другими важными отраслями общества. Полагаем, что со временем это будет все больше эволюционировать, что и приведет к успешному росту в любой сфере устойчивого развития.

Библиографический список

1. Гусейнов. С. Я. Стратегические направления устойчивого человеческого развития. Баку: Адильоглы, 2003. – 264 с.
2. Згуровский. М. З. Анализ устойчивого развития: глобальный и региональный контексты / Междунар. совет по науке (ICSU). - К.: НТУУ «КПИ», 2012. - Ч. 2. Украина в индикаторах устойчивого развития (2011-2012). – 232 с.
3. Марфин Н. Н. Устойчивое развитие человечества. – М.: МГУ, 2007. – 596 с.
4. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015. URL: https://www.ua.undp.org/content/dam/ukraine/docs/SDGreports/Agenda2030_UA.pdf.
5. Сидоров Н. А. Экология программного обеспечения // Инженерия программного обеспечения. – 2010. – №1. – С. 53–61.

Державина Наталья Федоровна

аспирант кафедры эпистемологии и логики

Государственный академический университет гуманитарных наук

Email: pickegul@gmail.com

ПАМЯТЬ, ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект No МД-178.2019.6 «Трансформации самосознания и познавательной деятельности человека в ситуации информационного перенасыщения»).

Аннотация. В статье предлагается модификация классического философского вопроса «что есть человек?». Информационная эпоха формирует новые социальные и личностные вызовы, ответ на которые предполагает корректировку гуманитарного представления о самом человеке и его уникальном положении в обозримой Вселенной. Цель исследования – выявление на основе соотношения личной памяти человека и социальной памяти общества одного из возможных определений понятия «человек», подходящего человеку информационной эпохи.

Ключевые слова: память, информационное общество, индивид, коммуникация, знание.

Derzhavina Natalia Fedorovna

PhD student at the Faculty of Philosophy

State Academic University of Humanities

MEMORY, HUMAN BEING AND HUMANITY

Abstract. The article is devoted to the classical philosophical question about essence of humanity. There is an attempt to offer a definition, which can grasp a new condition of the human in the information age. It is important to reveal the relation between personal and common memory for this aim.

Keywords: memory, information society, individual, communication, knowledge.

Вопросы, которые ставит философия, составляют ее устойчивый каркас, благодаря которому она отличает себя от наук и искусств другого рода. Между тем в способах отвечать проявляется известная гибкость: философия естественным образом включает в себя современные ее эпохе представления о мироустройстве, выстраивая на их основе собственные концепции. Философия активно взаимодействует со средой, и потому важно поставить вопрос о том, чем может оказаться полезным для философии по-новому функционирующее общество.

Но прежде следует оговориться, что в некотором отношении общество стало информационным уже в самый момент своего появления. Знаковая система, не детерминированная генетически, и новые способы поведения («разрыв характерной для животных жесткой связи между физической конституцией и образом жизни» [5]), которые за ней последовали, уже свидетельствовали о переходе к предсоциальному, а затем и социальному устройству, где информация и коммуникация формировали среду более высокому, культурного порядка. К. Лоренц замечает: «Долгое детство человека служит для обучения, для заполнения резервуара его памяти всеми благами кумулирующей традиции, включая язык» [3, с. 442].

Такая информация напрямую зависела от людей. У мифов были безымянные авторы, но конкретные рассказчики, а с письменностью со временем возникло и конкретное авторство. Рационализованная, обличенная в символ информация, отдельная от мира непосредственно осязаемого, была вотчиной сугубо человеческого

(и иногда еще божественного) разума. В ней находили прибежище, когда раз за разом вставал вопрос о сущности человека. Теперь же мы обнаруживаем себя в реальности, где с человеком сосуществуют вычислительные системы, способные оперировать информацией того же порядка, что и мы, и в некоторых случаях с куда большим успехом. Эпоха глобальной компьютеризации и создания систем искусственного интеллекта, способных конкурировать с человеком в области, где ему не было равных, обновляет старый, но не потерявший актуальности философский вызов. А именно: что такое человек? Специальная форма этого вопроса, учитывающая влияние эпохи, может выглядеть так: «Каково позитивное гуманитарное определение человека при условии, что его исключительные познавательные способности с совершенствованием систем машинного интеллекта утрачивают свою исключительность?»

Может ли информационная эпоха дать к нему новые ключи? Представляется, что вполне может, если учитывать, что вопрос чаще всего уже содержит часть ответа, и в данном случае этой частью является специфический характер отношения человека к информации.

Отбор значимой для человечества информации осуществлялся социальными средствами. Культура обеспечивала накопление и трансляцию знания, была основой коллективной социальной памяти, помогающей выживать даже в крайне суровых условиях. Новое знание, в первую очередь технологическое и инструментальное, требовало легализации со стороны мифа, который выступал основой культуры – через миф транслировалось знание, накапливаемое поколениями. В этом отношении личная память мало отличалась от коллективной. Миф в равной степени был основой жизни человека и существования того общества, в котором жил этот человек.

Со временем атомизация, происходившая постепенно от массовых родоплеменных общин к современной нуклеарной семье, оставляла все больше пространства для личного мышления, человек обретал «мужество пользоваться собственным умом» [1, с. 27]. Персонализировалась и память отдельного человека, она становилась тем более личной, чем более индивидуальным становился опыт.

Важнейшая роль памяти прослеживается здесь совершенно отчетливо. Способность не только сохранить, но и использовать уже имеющиеся связи представлений, трансформировать их и приспосабливать под актуальные вызовы делает ее одним из главных инструментов взаимодействия как с миром вещей, так и с миром людей, а повышение объемов и усиление разнородности входящей информации создает почву для самых неожиданных комбинаций.

В этом отношении творчество, ставшее на время решением вопроса о человеческой сущности, – это манифестация атомарного человека, но не человека вообще. Это проявление до некоторой степени уникальных связей в его мозге между до некоторой степени уникальными представлениями. И это допустимый ответ, поскольку он настолько же соответствовал реалиям своей эпохи, насколько не соответствует сегодняшнему положению дел. Творчество никак не поможет человеку обособиться от интеллектуальных машинных систем, способных к тому же самому уже сегодня.

Что при этом становится с культурой как вместительным социальным архивом?

Культура – это способ взаимодействия со средой, включая также и других людей, и до недавнего по историческим меркам времени среда для отдельных обществ могла серьезно различаться. Но в информационную эпоху средой для человека становится вся планета, охваченная сетью коммуникаций. Однако осуществить проект глобальной, всеобщей культуры можно только в унифицированной среде. При этом очевидно, что эта информационная стадия развития общества достигнута сегодня далеко не всеми обществами. Но в то же время, второй путь, мультикультурализм, то есть распространение уже существующих культурных практик за пределы их сферы применимости, память о том, как надо жить, реализуемая подчас в совершенно неподходящих условиях, создает известные трудности. Третий путь в таком случае – созда-

ние персональной культуры не для отдельных сообществ, но для каждого отдельного человека.

Информационное общество выдвигает на первый план человека, в распоряжении у которого оказалось множество мифов сразу, но личный миф, который, казалось бы, необходимо вырабатывается человеком информационной эпохи в отсутствие всеохватывающего универсального мифа, практически невозможен. Миф – это логичное, сжатое, символическое знание, присваиваемое человеком. Поэтому он не может существовать в бессистемном состоянии – он и есть система, в рамках которой живет и мыслит человек. Выбирать же фрагменты из готовых мифов – значит налагать на свое мышление их ограничения и вместе с мифом присваивать всю культуру, породившую их. Всю целиком, потому что отказ от одной из частей мифа делает уязвимой всю конструкцию. Само же по себе множество мифов не приведет ни к чему, кроме эклектического нагромождения представлений, связанных друг с другом в таких немислимых комбинациях, что личный миф из них окажется совершенно бесполезен.

Однако отказа от мифа не происходит. Человек, как и раньше, нуждается в истории самого себя, чтобы быть адекватным миру. В этом отношении миф никуда не исчезал, он трансформировался из памяти коллектива в память индивида. В том, что «...миф современный развивается в контексте социальной практики, где познавательные возможности индивидуума и в целом общества весьма широки» [2], нет ничего удивительного. Последовательно проводимый мысленный эксперимент Дж. Ролза, требующий забыть все, что человек знает о себе, в пределе ведет к забвению и самого вопроса, ради которого ставится эксперимент [см.: 4].

Для искусственных интеллектуальных систем такое знание не является необходимым, хотя можно допустить, что они могут им располагать. Миф – это знание о себе, это память себя самого: история прошлого и *одновременно* канва для будущего. Эти, казалось бы, разнонаправленные векторы человеческой жизни на деле оказываются одним и тем же.

Машина пока еще не способна на подобную самость, и тем самым на «человечную» историю себя, но самость машин – следующий этап, когда философия вновь обратится к человеку с вопросом о том, что он есть, и с этой стороны он будет осмысляться уже в свою, подходящую для этого эпоху.

Библиографический список

1. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6 / Под общ. ред. Л.Ф. Асмуса. М. – «Мысль». – 1966. – 743 с.
2. Кузнецова Е. И. Миф как социокультурный феномен в системе массовой коммуникации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – Вып. 1 (5). – С. 512–519.
3. Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Пер. с нем. / Под ред. А.В. Гладкого. М. – Республика. – 1998. – 493 с.
4. Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. с англ В. В. Целищева. Новосибирск. – Издательство Новосибирского университета. – 1995. – 536 с.
5. Шалютин Б. С. Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 14–26.

Думов Александр Витальевич

студент

Сибирский федеральный университет

Email: avdumov@inbox.ru

МЕТАФИЗИКА ИНФОРМАЦИИ И НАУКИ ОБ ИНФОРМАЦИИ: ВЗГЛЯД НА ХАРАКТЕР СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Рассматриваются современные формы взаимовлияния метафизического осмысления информации и научных подходов к ее пониманию. Анализируется рефлексия связи метафизического представления и научного исследования информации, осуществленная представителями ряда направлений в метафизике информации.

Ключевые слова: информация, метафизика, наука.

Dumov Alexander Vitalievich

Undergraduate student

Siberian Federal University

METAPHYSICS OF INFORMATION AND INFORMATION SCIENCES: AN APPROACH TO EXPLAINING THE NATURE OF INTERACTIONS AND CONNECTIONS BETWEEN THEM

Abstract. The article examines the existing forms of mutual influence of information metaphysics and scientific approaches to understanding information. It analyzes the views of information metaphysicians on the relationship between the metaphysical vision of information and theoretical information research.

Key words: information, metaphysics, science.

Поскольку в понятии информации концептуализируются определенные фундаментальные свойства и характеристики реальности, рефлексия его содержания зачастую приводит к образованию метафизических конструкций. Следует отметить, что в настоящем рассмотрении мы последуем теоретическому подходу М. Вартофского, состоящему в рассмотрении терминов «метафизический» и «онтологический» в качестве равнозначных при формулировке высказываний, ориентированных на описание природы реальности [см.: 1, с. 82]. Анализ подобных высказываний об информации необходим для понимания связи метафизического и научного знания об информации, которое является необходимым условием как определения дисциплинарных границ философии информации, так и для установления роли философского знания в концептуализации информации и исследовании информационной реальности в целом.

Существует множество метафизических способов представления информации, среди которых в рамках отечественных исследований в наибольшей степени распространены диалектико-материалистический. Иные формы метафизики информации представлены в работах Э. Васмута, который осмысляет информацию в рамках аристотелианских и неотомистских категорий, а также Г. Гюнтера, создающего комплекс представлений об информации как третьем онтологическом элементе [см.: 2, р. 6–7]. В свою очередь Э. Мореном предлагается сложностное видение информации как источника генерации негэнтропии, скрытого в энграмме (знаке) [см.: 3, с. 431].

Представителями диалектико-материалистической метафизики информации полагается необходимая связь материалистического решения вопроса о природе информации и развития методологии наук о ней. Вопрос о существовании информации в неживой природе сводится материалистическими спекуляциями к утверждению объективности информации, под которой де-факто понимается ее материальный генезис. Так, А. Д. Урсул связывает с объективизацией информации развитие наук о

неживой природе: понятие информации, по его словам, «захватывает» новые территории и «штурмует неприступную крепость объектов неживой природы» [4, с. 47].

Нарратив о понятии информации как орудии теоретического освоения природы человеком, экспликации ее принципов и законов вписывается в характерную для диамата метафизику «самоосознания», «самопостижения» материи, однако, можно обратить внимание, что в рамках подобных спекуляций информация не получает автономного онтологического статуса. Точнее говоря, она лишается онтологичности как таковой, потому как единственным ее носителем является самодвижущаяся материя. Информация представляется как свойство отражения (разновидности движения – фундаментального атрибута материи), либо как его содержание («отраженное разнообразие», т. е. представленность множественности форм существования материи для самой себя). Дальнейшему развитию диалектико-материалистических исследований информации сопутствует конкретизация непроработанности онтологического содержания информации, и одновременно – присвоение данному понятию статуса абстракции, используемой для обозначения некоторых аспектов познавательного опыта человека. Например, Н. Н. Заличев определяет информацию как «семантическую составляющую результата отражения материей реальности», как абстракцию, характеризующую причинно-следственные связи протекающих в материи процессов [см.: 5, с. 175].

Атрибутивная концепция информации, как и диалектико-материалистическая метафизика информации в целом, представляет направление в концептуализации информации, интерпретирующее ее как «запечатление» [6, с. 40], импринтинг в самом широком его понимании, т. е. с экстраполяцией механизмов запечатления («отражения») на объекты неживой природы. Но существуют и иные направления в рамках метафизику информации, отдающие предпочтение более широкому ее пониманию и онтологизирующие ее в большей степени. К таким направлениям относятся, в частности, сложностная онтология информации Э. Морена и информационный реализм У. Дембски.

В контексте философии сложности Э. Морена информация рассматривается в качестве феномена, основания которого являются физическими, первопричина – биологической, а реализация – антропосоциальной [см.: 3, с. 433]. Информация для Морена – связующее звено между формами организации действительности, однако в большей степени Морен уделяет внимание разработке представлений об экологии данного понятия. Им утверждается негативный характер чрезмерного акцента на определенных проявлениях информации, в связи с чем он не только не разделяет понимание информации, предложенное К. Шенноном, но и отказывается от определений в пользу постижения содержания понятия в процессе его смысловой реализации. Определение имеет претензию на абсолютное значение, тогда как по мнению Морена именно с потерей абсолютного мы получаем выигрыш в коммуникации и сложности [см.: 3, с. 428]. Содержание предложенной им метафизику информации можно резюмировать следующим образом: информация понимается им как контекст взаимодействия познающего и мира, а также движущая сила их взаимовлияния.

Модель Дембски строится на критике понятия материи как неспособного обозначать нечто субстанциальное. Материя рассматривается как субстрат для информации, который не может играть незаменимой роли в познании действительности [см.: 7, р. 95]. По мнению Дембски, материя представляет собой не более чем популярный термин для оформления метафизических рассуждений [см.: 7, р. 97]. Информация рассматривается как субстанция, конечным источником которой является бог – пример совершенного интеллекта (интеллект, согласно Дембски, способен не только использовать, но и создавать информацию [см.: 7, р. 185]). Модель Дембски представляет информацию, с одной стороны, субстанциально, с другой – как контекст реализации одних бытийных возможностей путем исключения других [см.: 7, р. 19]. Материалистическая ориентация научного мышления характеризуется Дембски как

непродуктивная, поскольку материалистическое происхождение жизни, по его замечанию, является крайне маловероятным, но сторонники материализма в то же время ригористично пытаются отстаивать ценность используемых ими методов объяснения [см.: 7, р. 67]. Несмотря на то, что Дембски неоднократно приходит к компромиссным решениям относительно понятия материи, необходимым следствием из его рассуждений является реструктуризация оснований научного мышления в соответствии с предлагаемой метафизической моделью – информационным реализмом.

Ключевым понятием рассмотренных выше метафизических моделей является информация, но содержание данных случаев употребления понятия существенно отличается от принятого в сфере теории информации. Философия информации нуждается в том, чтобы «изобрести» информацию как философскую категорию, – и эту задачу выполняет метафизика информации. Влияние метафизики информации на конкретно-научные исследования информационной реальности может иметь исключительно эвристический характер, поскольку большинство высказываний метафизического характера не могут быть вписаны в поле теоретической науки, т. к. их отстраненность от исследовательских задач делает их бессодержательными. Эмпирическая верификация подобных высказываний также не представляется возможной. Но многообразие метафизических представлений об информации, несмотря на их ограниченную ценность для конкретно-научных исследований информации, имеет и положительное следствие. Как отмечал К. Э. Шеннон, предостерегая от переоценки возможностей использования понятия информации, редко удается открыть несколько тайн природы с помощью одного и того же ключа [см.: 8, с. 667]. Очищаясь от бесплодных метафизических спекуляций, философия информации может рано или поздно обрести теоретические средства для оценки правомерности и оправданности использования «информационной» методологии в конкретно-научных исследованиях различного профиля. Критически осмысляя собственные основания и возможность знания об информации, философия информации может стать сферой критической рефлексии информационных наук.

Библиографический список

1. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.
2. Kirschenmann P. Information and Reflection: on some Problems of Cybernetics and how Contemporary Dialectical Materialism Copes with Them. – New York, D. Reidel Publishing Company, 1970. – 228 p.
3. Морен Э. Метод. Природа природы. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 488 с.
4. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. Философские очерки. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
5. Заличев Н. Н. Энтропия информации и сущность жизни. – М.: Радиоэлектроника, 1995. – 192 с.
6. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 416 с.
7. Dembski W. A. Being as Communion. A Metaphysics of Information. – London: Routledge, 2014. – 240 p.
8. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 830 с.

Захарова Людмила Николаевна

Доктор философских наук, профессор
Тюменский государственный институт культуры
Email: zaharova40@mail.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ БЫТИЯ

Аннотация. В структуре бытия человека усиливается значимость виртуальной реальности, которая является идеальной, духовной, но не единственной сущностью бытия.

Ключевые слова: бытие, человек, идеальное, небытие.

Zakharova Lyudmila Nikolaevna

Doctor of Philosophy, Professor
Tumen State Institute of Culture

VIRTUAL REALITY IN THE STRUCTURE OF BEING

Abstract. In the structure of human being, the importance of virtual reality, which is ideal, spiritual, but not the only essence of being, is increasing.

Keywords: being, man, ideal, non-being.

Актуализация виртуальной реальности в современной жизни заставляет размышлять о традиционных философских проблемах, таких как бытие и небытие. Древнегреческий философ Парменид, который один из первых обратился к вопросам онтологии, считал, что все логически возможные виды мировоззрения покоятся на одной из трех предпосылок. 1. Только бытие есть, небытия нет. 2. Не только бытие, но и небытие существует. 3. Бытие и небытие тождественны и нетождественны. Возникает два вопроса в связи с традиционной постановкой проблемы – существует ли виртуальная реальность как таковая, относится ли она к бытию, были и есть небытие? И второй – если относится, то какого рода это бытие – материальное или идеальное? Многие философы соглашались с утверждением, что существует как бытие, так и небытие. В настоящее время этот взгляд преобладает, он становится общезначимым. Но относительно того, что же конкретно относится к бытию, были и есть существенные расхождения. К бытию относят бытие вещей, бытие человека, бытие духовного (идеального), бытие социального. Платон считал истинным бытием идеальные и бестелесные идеи: истинное бытие – это некие умопостигаемые и бестелесные идеи, с материалистами же по этому поводу происходит нечто вроде борьбы гигантов.

Очень часто бытие и небытие выступает как противоположность различных сущностей – у Демократа – это атомы и пустота. У Платона – это идеи и вещи, от них производные, бытие рассматривается как обладающее формой, организацией, а небытие – как бесструктурный хаос, пустота.

Современная действительность добавила новизны в данный традиционно философский вопрос. В настоящее время дихотомия бытия выглядит как реальное и виртуальное. Не только на теоретическом, но в основном на эмпирическом уровне можно утверждать, что виртуальная реальность существует, она актуальный вид бытия. Более того, существует мнение, что виртуальная реальность, создаваемая цифровой техникой, и есть истинное бытие. Она идеальна и бестелесна, она предшествует жизни человека, на неё надо равняться в учебе, в познании, в жизни, она есть всеобщая тотальность. (Как пространство зйдосов, о котором говорил в свое время Платон)

Виртуальная реальность занимает гораздо более значимую часть жизни человека, чем в прошлые эпохи. Человек решает по-другому проблему смерти (или небы-

тия) возможность оцифровать себя, свои записи, фото и видео. Человек строит виртуально себя таким, каким бы он хотел стать, улучшает свой облик. Виртуальность интересует современного человека как несбывшаяся пока возможность непосредственного единения с миром. Но зачастую происходит разрыв между реальностью и действительностью.

Наконец, сама реальная жизнь превращается в существование в сетях, в виртуальности. Реальное бытие подменяется, по сути, возможным небытием. В сетях конструируются индивидуальные странички, в которых человек формирует своей образ. Без них современный человек не мыслит существования. Человеку необходимо завести «портфолио», где ведется счет всех его достижений. Виртуальность формирует облик, который зачастую отличен от реально существующего и, как правило, не становится реальностью. Человек *homo virtualis* «стремится замкнуться в горизонте виртуальной реальности, с трудом его покидает и вырабатывает специфические “виртуалистские” стереотипы поведения и деятельности... Однако, все существующее не есть виртуальность» [1, с. 67].

Преувеличение одной из сторон бытия, в данном случае виртуального – не новое явление. Оно было в культуре всегда в том или ином виде. Гамлетовский вопрос «быть или не быть?» Эрих Фромм в книге 1990 года заменил дилеммой «Иметь или быть»: иметь максимальное и запредельное количество материальных средств, условий, отношений или быть многосторонней личностью, ярким и индивидом, быть и жить в любви и труде. В начале XX века поэт В. Хлебников разделил людей на «изобретателей» и «приобретателей», отказывая последним в полноценном бытии.

Современный человек стоит перед выбором – существовать в виртуальности или жить полноценной жизнью? Происходит преувеличение значимости человека в зависимости от его присутствия в сети, в виртуальном пространстве. Значимость измеряется количеством лайков, подписчиков в сети. Взгляды Платона на идеальное как первичное, как определяющее материальное бытие, актуализируются в настоящее время.

Если рассматривать виртуальную реальность как потенциальное бытие человека, как возможность, то во многих случаях она и остается таковой, не превращаясь в действительность. Она лишь создает пространство возможного для человека.

Итак, виртуальная реальность – это вид идеального бытия человека в настоящее время. Идеальное в данном случае понимается как схема реальной, предметной деятельности человека, а не сама деятельность.

Итак, если вернуться к традиционному философскому вопросу о бытии и небытии, то можно констатировать: структура бытия пополнилась новым элементом – виртуальностью, которая, являясь идеальным бытием, занимает порой определяющую, значительную часть бытия современного человека.

Библиографический список

1. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 67–70.

Зейналов Шолат Аловсат оглы

доктор философии по философии

Институт Философии Национальной Академии Наук Азербайджана

Email: sholet@mail.ru

ДИАЛОГ И КОММУНИКАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. Автор считает, что рассматриваемая проблема имеет большое значение в современной мировой ситуации. Логика современного мира отличается от логики прошлых эпох. В тот период война была методом решения международных проблем или проблем, касающихся разных цивилизаций. Сейчас это невозможно, поэтому народы должны жить в мире. Вот почему логика мира должна быть логикой мира, а не логикой войны. Для этого диалог и сотрудничество стали проблемой «быть или не быть». Нет второго способа жить. Невозможно представить будущее мира без общения и диалога.

Ключевые слова: современность, история, цивилизация, общение, диалог, философия.

Zeynalov Sholat Alovzat

PhD (Philosophy)

Institute of Philosophy of Azerbaijan National Academy of Sciences

DIALOGUE AND COMMUNICATION OF CIVILIZATIONS AS A MODERN PHILOSOPHICAL PROBLEM

Abstract. The author considers that the problem under issues has great meaning in contemporary world situation. The logic of modern world is different from the logic of the last epochs. During that period, war was a method of solving international problems or problems concerning different civilizations. Now it is impossible, therefore peoples have to live in peace. Therefore, the logic of the world has to be the logic of peace, but not the logic of war. For that purpose dialogue and collaboration have become the problem of "to be or not to be". There is no other way to live. It is impossible to imagine the future of the world without communication and dialogue.

Keywords: modernity, history, civilization, communication, dialogue, philosophy.

Цель: определение сущности и значение диалога и коммуникации для обеспечения мира и безопасности человечества в контексте современной философии и истории цивилизации.

Методы: сравнение, системный анализ, диалектика, герменевтика, логический позитивизм, теоретическое познание, феноменология.

Научная новизна: Автор считает, что человечество, цивилизация может защищать свое будущее развитие, свое дальнейшее существование лишь путем согласованности, коммуникации, диалога, целостности и единства различных подходов в решении современных проблем. Чтобы преодолеть кризисные явления своей истории, человечеству просто необходимо повернуться лицом к диалоговой философии и к истинной коммуникации, согласованной диалоговым сознанием.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов обеспечения мира, диалога, коммуникации, безопасности и мирного сосуществования человечества.

Введение. Диалог и коммуникации цивилизаций являются, как известно, одной из актуальных проблем истории. Идея цивилизованного общества возникла еще в античный период, однако нельзя отрицать и факт существования могущественных

цивилизаций еще в Шумере, древнем Египте, Индии. Однако «именно греки классического периода начали считать себя не просто отличными от других народов, но и превосходящими их». Когда-то ученые утверждали, что «человеческая история – это история цивилизаций» [1, с. 44].

Что такой диалог? Исследователи отмечают, что «сегодня диалог значительно расширил первоначальные границы своей сущности, политизировался, стал выражать общую сущность и сотрудничество (*коммуникации* – Ш. З.) в решении спорных вопросов в отношениях между народами, нациями, религиями, общественно-политическими структурами» [2, с. 320]. Однако, «считая диалог между цивилизациями межкультурным диалогом, не стоит забывать о необходимости рассмотрения его не с практической-политической, а с философской точки зрения» [3, с. 160]. Современная тенденция также подтверждает реализацию данного тезиса. Но следует отметить, что когда речь идет о сознании Запада, то в теоретической мысли во взаимоотношениях религии и философии, религии и философской веры, бытия, экзистенциализма и тому подобных различных проблем общечеловеческого бытия с позиции «общего знаменателя», философия религии экзистенциалистов, в особенности немецкого философа К. Ясперса, отличается своеобразностью с точки зрения объективности и оригинальности [см.: 9]. И самое интересное, что «в течение всей истории цивилизации предоставляли для людей наивысший уровень идентичности» [1, с. 44]. А это уж проблематично, как видно из истории. Но, по мнению ученых, вне зависимости от того, каким мы видим мир, он был и всегда будет коммуникативным.

Современный иранский ученый С. М. Хатеми отмечает, что именно мусульманский мир впервые выдвинул идею диалога между цивилизациями, который в конечном счете должен завершиться равенством народов и государств. По его мнению, «диалог возможен тогда, когда каждый его участник уважает другого и относится к нему с позиции равенства» [4, с. 5].

Вот мнение английского востоковеда Б. Луиса: «Ислам и христианский мир, говорившие, по крайней мере в переносном смысле, на одном языке, использовавшие одни и те же методы спора и убеждения, приверженные к одним и тем же или сходным представлениям о том, что есть религия, могли тем не менее, существенно расходиться во мнениях» [5, с. 17]. Когда мы смотрим на историю цивилизации, мы видим, что, конечно, христианство, прежде всего в «цивилизированной» Римской империи в условиях, где на каждом шагу «господствовали несправедливость и угнетение», возникло на гребне борьбы за свободу угнетенных народов [8, с. 9]. Христианство, победив впоследствии идолопоклонничество и получив статус государственной религии, продемонстрировало в отношении к эллинизму враждебную позицию, и это было закономерно. Однако наряду со своим отношением к античному наследию, лишившим историко-идеологических оснований западную цивилизацию «в последующее время, благодаря церковной организации и письменной культуре, союзу церкви с такими всесильными монархами, как Карл Великий, христианская ойкумена уже могла сознательно ставить между собой и западной цивилизацией знак равенства» [6, с. 10].

Необходимо отметить, что основной особенностью ситуации в современной философии является развитие философской культуры, связь традиций и их взаимодействия. Происходящее географическо-культурное расширение также не может не иметь философскую подоплеку. Ряд философских региональных культур, в том числе латиноамериканская, африканская, азиатская и др., стали активными участниками общечеловеческого философского диалога. Идеи и принципы философии жизни, а также экзистенциализм, философская антропология, герменевтика, феноменология, аналитическая философия особенно актуальны в философско-культурном подходе.

Здесь также входит сравнительный диалог, уделяющий внимание типовому многообразию философских суждений, образности в контексте парадигм плюралистиче-

ского мировоззрения. В целом, кризис классического моноцентризма и развитие плюралистических философских парадигм на основе дихотомических подходов в контексте современных идей, плюралистического и экзистенциального подходов завершились тем, что сравнительная философия вновь обосновала необходимость самопознания и потребовала подготовки плюралистически-интегративных, диалогически-полилогических парадигм. Компаративисты были убеждены, что во имя избавления от общечеловеческого хаоса «философия может стать важным фактором смягчения напряженности, уменьшения возможности конфликтов в области культуры (экономики, искусства, религии и др.) и создания "мирового сообщества"» [7, с. 185]. Именно в сфере философии диалог цивилизаций через культуры различных народов может быть максимально выражен; обмен идеями также связан с различными культурными ценностями. Поскольку ценности различных культур взаимосвязаны с общечеловеческими ценностями, то «только в сфере ценностей возможно взаимопонимание, ибо здесь человек может раскрыть себя с максимальной полнотой» [7, с. 188]. Другими словами, рассматривая историю цивилизации, можно также сказать, что эта история – универсальный феномен, образованный взаимодействием идей и коммуникации.

В синергетическом подходе к диалогу цивилизаций в единой мировой системе отношения «элемент-система» с новых позиций обосновывают связь различных элементов в человеческой цивилизации. Здесь главный философский ориентир – гуманизм, который должен лежать в основе будущего развития человечества на Земле. Мы знаем, что современный мир – это глобальное явление, поэтому диалог и коммуникации цивилизаций как современная проблема в развитии информационного общества человечества приводит к тому, что мы должны измениться к лучшему! Без коммуникации и диалога жить невозможно! Они исходят из сущности человеческого рода, независимо от религии, расы или социального характера.

Библиографический список

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва: АСТ, 2006. – 571 с.
2. Гусейнов Г., Бахарчы Т. Взаимоотношения между Западом и Востоком в плане христианского и исламского мышления. – Баку, 2005 (на азерб. языке).
3. Асланова Р. Глобализация и культурное многообразие. – Баку, 2004 (на азерб. языке).
4. Мохаммад Хатами. Ислам, диалог и гражданское общество. - М.: МГУ, 2001.
5. Бернхард Л. Ислам и Запад. Москва: Библ.-богосл. ин-т св. Апостола Андрея, 2003. – 317 с.
6. Осборн Р. Цивилизация (новая история Западного мира): Пер. с англ. М. Колупатина. – М: Хранитель. 2008.
7. Колесников А. С. Философская компаративистика и диалог культур. Россия и Грузия: диалог и родство культур: Сборник материалов симпозиума. Выпуск 1 / Под ред. Парцевания В. В. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
8. Ализаде А. А. Христианство: история и философия (ранний период). Баку: 2007 (на азерб. языке).
9. Зейналов Ш. А. Философия диалога. – Баку: Европа 2017. – 304 с (на азерб. языке).

Иванов Роман Викторович

Кандидат исторических наук, доцент

Иркутский государственный университет

Email: dorwardrw@list.ru

РОЛЬ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изменения условий, возможностей и форм работы под влиянием цифрового пространства. Анализируются результаты исследования, проведенного после реализации цифровизации рабочих мест, выявляются положительные и отрицательные тенденции.

Ключевые слова: цифровое пространство, профессиональная реализация, изменение работы, трансформация, рабочее место.

Ivanov Roman Viktorovich

PhD (History), Associate Professor

Irkutsk State University

THE ROLE OF DIGITAL SPACE IN HUMAN PROFESSIONAL IMPLEMENTATION

Abstract. The article examines the peculiarities of changing conditions, opportunities and forms of work under the influence of the digital space. The results of the study conducted after the implementation of workplace digitalization are analyzed, positive and negative trends are identified.

Keywords: digital space, professional implementation, job change, transformation, workplace.

Внедрение цифрового пространства изменило многое в восприятии работы и оценке ее качества и условий. По данным ряда ученых, выход производственного процесса на цифровую основу приводит к большему благополучию и удовлетворенности работой. Поэтому более талантливые и профессиональные специалисты уходят в более цифровизированные компании. Это создает новые условия для реализации людей современников [см.: 3], а также формирует ресурсный потенциал для молодых людей, позволяющий форсировать новые формы и приоритеты развития [см.: 2].

В нашей стране, возможно, данные процессы еще не столь масштабны, но все же позволяют судить об общих тенденциях. Мы провели опрос сотрудников компаний, которые внедрили цифровые инструменты работы в свою деятельность. В исследовании приняло участие 2200 человек в возрасте от 23 до 65 лет, из разных социально-профессиональных сред, 52% женщин и 48% мужчин. Погрешность выборки 2,2%.

В исследовании мы выяснили, что 73% респондентов положительно оценивают изменения в цифровизации их работы и 27% отрицательно. Те, кто положительно оценивает цифровизацию на рабочем месте, в три раза чаще, чем те, кто отрицательно ее оценивает, удовлетворены своей работой и в четыре раза чаще положительно оценивают баланс между личной и профессиональной жизнью. Первые в два раза больше замотивированны в выполнении своей работы, чем вторые, и в целом они более положительно оценивают свою компанию (92%), среди вторых удовлетворенных своей компанией лишь 8%.

Из тех, кто положительно оценивает профессиональную цифровизацию, указали на то, что это способствовало их профессиональному и карьерному росту 62%, а среди аутсайдеров таких лишь 26%. Более того, сторонники цифровизации отмечают, что благодаря ей они быстрее, больше и качественнее усваивают новые зна-

ния (66%). Среди аутсайдеров эти тенденции отмечает только 16%. Сторонники указали также, что благодаря цифровизации улучшились их процессы коммуникации в коллективе (69%), повысилась производительность труда (64%). Аутсайдеры отмечали улучшение коммуникации лишь в 12% и изменение производительности труда в лучшую сторону в 21%.

Сторонники цифровизации более оптимистично смотрят на дальнейшее внедрение цифровых технологий (71%), а аутсайдеры опасаются потери рабочего места (69%), нивелирования ценности вклада личности в производственный процесс (46%) и т. д. При этом и те, и другие говорят о том, что традиционное понимание офиса, рабочего места уходит в прошлое (71% среди тех, кто одобряет цифровизацию рабочего места и 56% тех, кто выступает против нее).

Более того, благодаря цифровым технологиям меняется само представление о рабочем месте. Рабочее место как термин трансформируется, оно становится все более гибким и подстраивающимся под потребности работника, а не работодателя, при условии, что результат не сказывается на работе. На сегодняшний день стоят задача мотивировать работников работать по-новому, сделать так, чтобы было комфортно работать и выполнять поставленные задачи.

Мы стоим на пороге зарождения новой парадигмы труда, работы и рабочего места. Цифровое развитие идет в сторону интеллектуальных зданий, оперативно реагирующих на потребности людей. Идеи интеллектуальных цифровых рабочих пространств, персонализации рабочего места позволяют создавать индивидуальные условия труда (начиная от освещения и звуков, заканчивая мебелью и возможностями выхода в Интернет). На самом рабочем месте более функционально применяются принципы эргономики и экологичности труда. Пока это сопровождается иррациональными стратегиями развития общественного сознания [см.: 1], но в будущем может перерасти в новую философию жизни, подчиненную информационным принципам взаимодействия.

Библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 40–48.
2. Журавлева И. А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. – 2020. – № 1. – С. 279–286.
3. Иванов Р. В. Пространства для социальной реализации современников // Социология. – 2019. – № 2. – С. 34–37.

Карнаух Владимир Кузьмич

доктор философских наук, профессор

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Email: karnauh_vk@mail.ru

ВРЕМЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Рассматривается нарастание темпа жизни в информационном обществе и влияние информационно-коммуникационных технологий на этот процесс.

Ключевые слова: время, информационно-коммуникационные технологии, темп перемен.

Karnaukh Vladimir Kuzmich

Doctor of Philosophy, Professor

North-West Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

TIME IN INFORMATION SOCIETY

Abstract. The growing pace of life in information society and the influence of information and communication technologies on this process are considered.

Keywords: time, information and communication technologies, pace of change.

Темп изменений представляет одну из существенных характеристик развития общества. Более того, нарастающий темп перемен выступает закономерностью развития цивилизации. Не случайно многие изобретения, считающиеся ключевыми для прогресса, от колеса до микрочипа, были разработаны, чтобы обеспечить более быстрое социальное развитие. Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий ознаменовало начало нового периода в истории человечества. Распространение Интернета, смартфонов, электронной почты подтвердило, что новые технологии ускоряют темп нашей жизни, делают ее все более напряженной. Наше собственное чувство времени коренным образом изменяется в результате слияния телефоники, вычислительной техники и технологий вещания в повсеместно распространенной среде, обеспечивающей практически мгновенную коммуникацию и одновременное получение информации.

По мнению М. Кастельса [см.: 1], революция в области информационно-коммуникационных технологий дала начало новой информационной эпохе сетевого общества. В нем труд и капитал заменяются информационными сетями и знаниями. Информация становится ключевым компонентом организации и потоков электронных сообщений. Сетевая организация выступает основой общественной структуры. Появившиеся цифровые технологии принципиально отличаются от предыдущих поколений машинной техники. Работники, использующие информационные технологии в современном производстве, в значительной степени ответственны за темп и ритм производства.

Несомненный интерес представляет вопрос о том, как влияют информационно-коммуникационные технологии на продолжительность рабочего времени, на личное, семейное и свободное время, связанное со стрессами трудовой жизни. Вездесущие информационно-коммуникационные технологии не только активизируют нашу работу, но и способствуют раздробленности рабочего дня. Нарушение линейного восприятия времени, стандартной долгосрочной перспективы, стабильной занятости также влияет на наше восприятие темпа работы.

По своей природе информационно-коммуникационные технологии выступают технологиями ускорения. Это особенно проявляется по отношению к рабочему вре-

мени. Такие технологии дают возможность сэкономить время, увеличить темп работы. Они позволяют людям работать в любом месте и в любое время. Благодаря им появилось представление о виртуальных организациях, о возможности работать, невзирая на время суток. Чтобы уменьшить давление времени, люди обратили свое внимание на цифровые устройства.

Интернет, пожалуй, выступает главным претендентом на роль лидера среди технологий, обеспечивающих социальное ускорение. Действительно, Интернет содержит ряд технических стандартов и открывает новые возможности, позволяющие «сети сетей» связать информационно-коммуникационные технологии, включая разнообразные компьютеры, множество мобильных устройств и электронные мультимедиа, в единое целое. Интернет позволяет через поисковые системы быстро находить нужную нам информацию, отправлять многочисленные письма друзьям и знакомым. Однако Интернет – это не только технология. Благодаря сети Интернет формируется эволюционирующая социальная сеть людей и социальных структур.

Гибкий рабочий график, семидневная круглосуточная рабочая неделя, работа по контракту – все это создает проблемы координации деятельности во времени и в пространстве, так как производство становится дерегулированным и рассеянным в пространстве. Работа в вечернее и ночное время, а также в выходные дни тоже связана с повышенным давлением времени, что затрудняет контакты с друзьями и членами семьи, живущими по стандартному расписанию. При такой работе даже для сна люди не всегда находят достаточно времени.

Группы, занимающие более высокое социальное положение, используя гибкий график работы, получают больший контроль над своим временем. В отличие от них, низшие слои общества страдают от фрагментации времени и вынуждены работать ненормированный рабочий день. Общение между этими группами затруднено из-за ослабления общего порядка темпоральности и фрагментации их деятельности. Координация их действий становится все более проблематичной. У людей все меньше шансов встретить друзей и знакомых, если они работают в разное время суток.

В современном обществе человек все больше ощущает нехватку времени. Причем возрастает число людей, испытывающих это чувство. Время его жизни утрачивает свою целостность и оказывается разделенным на мелкие фрагменты. При решении возникающих проблем ему часто приходится переключаться с одной задачи на другую, пытаться решить несколько задач одновременно. Попытка сделать несколько дел одновременно приводит к спешке, к тому, что мы не можем успешно их осуществить. Пытаясь сделать все большее число дел, чтобы соответствовать предъявляемым работой и жизнью требованиям, люди испытывают «ролевую перегрузку» [2, с. 30]. В случае перегруженности ролевой модели и постоянной смены ролей возникает ощущение нехватки времени. Поскольку все дела требуют внимания, то при переключениях между ролями в течение рабочего дня возникает значительное психическое напряжение. Сжатие времени приводит к тому, что этот процесс охватывает все большие области человеческой жизни. Причем выделяемое время сокращается не только на чтение, но и на сон. Согласно Д. Крэри, в продолжение жизни одного поколения время, предназначенное для сна взрослого человека, сократилось с восьми до шести с половиной часов для средней североамериканской семьи [см.: 3, с.11].

Библиографический список

1. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
2. Шульте Б. Мне некогда! В поисках свободного времени в эпоху всеобщего цейтнота. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 336 с.
3. Crary J. 24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep. – London; New York: Verso, 2013. – 133 p.

Картушина Анна Максимовна

магистрант

Высшая школа экономики

Email: kartushina.1998@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ «ТРЕТЬЕГО МЕСТА» В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Аннотация. Целью статьи является представление общих характеристик «третьего места» Р. Ольденбурга и обзорный анализ трансформации данной концепции в рамках современного городского пространства.

Ключевые слова: «третье место», общественное пространство, город, повседневная жизнь, неформальные общественные места.

Kartushina Anna Maksimovna

Graduate student

Higher School of Economics

TRANSFORMATION OF THE MEANING OF THE TERM "THIRD PLACE" IN THE SPACE OF A MODERN CITY

Abstract. The purpose of the article is to present the general characteristics of Ray Oldenburg's term «third place» and to review the transformation of this concept within a framework of modern urban space.

Keywords: the term "third place", public space, city, everyday life, informal public places.

Полноценная повседневная жизнь соединяет в себе три главных сферы опыта, выстроенных на соответствующих отношениях и связях: первое место – это жилище, дом, где мы обитаем, второе – работа, место, где человек получает прибыль, а третье – пространство общественной жизни [см.: 4, с. 56]. Общественные места играют важную роль в жизни индивида, ведь большую часть времени (не считывая дом и работу) он проводит именно там. Дом, пожалуй, самая предсказуемая из сред, при этом самая фундаментальная при становлении и развитии индивида. Работа же редуцирует индивида до производительной роли (в большинстве случаев единственной и четко установленной). До индустриализации они были единым целым, индустриализация отделила работу от места проживания. Однако есть территории, существовавшие задолго до этого разделения (к примеру, публичные собрания: форумы, коллизии, театры, амфитеатры). Каждая из сфер взаимодействует с другими, но при этом достаточно самостоятельна, у каждой есть физически разделенные местоположения. Во французском языке для обозначения отношения в неформальных общественных пространствах существует установленное глагольное сочетание «rendez-vous», которое переводится как «встреча / свидание». Р. Ольденбург ввел в социологию равносильное по смыслу понятие — «третье место». Попробуем дать самую общую характеристику таких мест.

Эти локации позволяют человеку почувствовать себя частью некоего локального сообщества (квартала, района или города), способствует «обобществлению» или социации (термин Г. Зиммеля). Один из моментов реализации такого объединения заключен в подчеркнутом равенстве присутствующих, связанный с одинаковым признанием каждого без ориентации на социальные роли и достижения, так третье место служит нивелированию социальных различий. Благодаря всему этому третье место позволяет избежать одиночества и отчуждения. В критических ситуациях такие места служат центрами коллективных сборов, организационным пунктом. Социальная безопасность, проявляющаяся через общение – потребность увидеться и пооб-

щаться с другими людьми. А также формирование чувства социальной защиты через личное знакомство с жителями в округе.

Вдобавок, такие неформальные общественные места служат платформой действия публичных персонажей; могут стать импровизированной политической трибуной, где люди обсуждают общие проблемы, осознают коллективную силу, планируют решение определенных задач, находят помощь; или интеллектуальным форумом для обсуждения сфер знания, освещения различных тем, развития эрудиции посредством общения с разнообразными людьми.

Мы не можем не заметить, что положение третьих мест видоизменилось со времен исследования Ольденбурга (1990-е). Можно выделить несколько важных параметров этих изменений. Во-первых, коммерциализация общественных мест, которая приводит к потоковому и утилитарному посещению, потере их уникальности. Местоположение, организация пространства и набор совершаемых практик ориентированы на исполнение индивидами четкой потребительской роли — только клиент, покупатель, пациент, посетитель и т.д. Организация и оформление пространства в помещениях лимитирует число возможных участников, координирует их размещение и перемещение, что мешает свободному непосредственному общению. Тенденцией стало многофункциональное использование пространства, которое проявляется в создании небольших и закрытых отсеков для каждого вида деятельности. Так, планировка является следствием главной цели получения прибыли, что напрямую связано с высокой посещаемостью. Забота и бережливое отношение к месту сменилось управлением, а эффективный менеджмент, в свою очередь, направлен на быструю и слаженную механическую работу.

Потребление также требует конкретного набора действий, и вслед за девальвацией места обесценивается и время, фиксируясь в текущем моменте здесь и сейчас, так как для механизированной работы только такое время и существует. Разделивший общественные пространства на места и не-места, французский этнограф М. Оже пишет: «Одиноким и при этом неотличимым от остальных, пользователем не-места вступает с ним в договорные отношения» [3, с. 110]. Не-места обладают отличительной чертой: они являются промежуточным пунктом, люди в них не определяются идентичностью, а становятся анонимами. Их существование и создание пространства, не определимых ни через индивида, ни через связи, ни через историю и характеризуют гипермодерн.

Во-вторых, одной из причин ухода от общественных мест может послужить система потребления, которую всесторонне проанализировал Ж. Бодрийяр. По своей идеологии, подаче и влиянию реклама – настоящий враг для публичной неформальной общественной жизни: человеку нужно общение, в то время как реклама лишь информирует; человеку нужны дифференцированные зоны жизни и коммуникации, реклама же создает тотальное пространство потребления. Реклама убеждает, что каждый может купить «хорошую жизнь» в индивидуальном порядке, провоцирует отчуждение и состязательное потребление. В таком однородном пространстве тотального господства знака нет места ни индивидуальной, ни социальной жизни – только тени и двойники. «Именно эта отсутствующая личность, эта утерянная инстанция стремится “персонализироваться”» [1, с. 119] посредством потребления вещей, имиджа, общения, широкого, обстановки.

В-третьих, широкое использование Интернета и социальных сетей в современном социальном взаимодействии создает коммуникационный гибрид, который сводит нас в физическом пространстве и киберпространстве одновременно. По данным Международного союза электросвязи (отдел ООН) за 2019 год, 53,6% населения Земли используют Интернет. Это больше 4 млрд. людей. Для цивилизованной части мира глобальная сеть стала основным средством коммуникации, запустив свои нити во все сферы деятельности. «Коренная трансформация социальности в сложных обществах сопровождалась заменой пространственных сообществ сетями

в качестве основных форм социальности» [2, с. 154], получая информацию и находясь в онлайн диалоге с другими пользователями, общество перенаправило потребность в общении на виртуальное пространство, не прикрепленное к конкретной территории.

Наконец, в-четвертых, связанная с первыми тремя пунктами и характеризующая постмодерное общество индивидуализация. Из многих социальных мыслителей, проблематизирующих этот феномен, обратимся к Р. Сеннету, который на примере района Гринвич-Виллидж (Манхэттен, Нью-Йорк) показывает, как растущая плотность населения негативно сказывается на неформальных коммуникациях между незнакомцами. Общение затруднено, остается только наблюдать друг за другом: «Улица, кафе, универсальный магазин, железная дорога, автобус, метро – все они стали пространством взгляда, а не разговора» [5, с. 439]. Знаменитую сетчатую или «шахматную» планировку Манхэттена, создающую разграничения между многими социальными группами, он рассматривает как материальное условие такого перенаселения. Р. Ольденбург также считает, что «постановления о зонировании в той же мере способствуют развитию одиночества, отчуждения и атомизации общества» [4, с. 321], хотим мы того или нет, между нами и нашими соседями уже поставили невидимую преграду.

Таким образом, изменение социального значения и состояния кризиса третьих мест можно объяснить коммерциализацией социальных пространств, трансформацией мест в не-места, индивидуализацией и снижением мотивации к коллективному взаимодействию. Из всего сказанного видно, что многие современные городские сообщества, особенно в мегаполисах, лишены важных для человека и его социальных отношений пространств и зон непосредственного действия и общения.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
3. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 136 с.
4. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.
5. Сеннет Р. Плоть и камень: Тело и город в западной цивилизации. – М.: Strelka Press, 2016. – 504 с.

Колычев Петр Михайлович

доктор философских наук, доцент
 Санкт-Петербургский государственный университет
 аэрокосмического приборостроения
 Email: piter55piter@mail.ru

РЕЛЯТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ И ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА ЭСТЕТИКУ

Аннотация. Объективность эстетики обосновывается релятивной онтологией. Проблема бытия решается через различение: быть – значит различаться. В соответствии с этим сущее есть единство атрибута и идеи. Сущее изменяется под действием атрибутивной и идеальной причин. Преимущество атрибутивной причины задает сома-сущее, равновесие этих причин задает антропо-сущее, преимущество идеальной причины задает тео-сущее. Мир развивается от сома-сущего через антропо-сущее к тео-сущему. Эстетика – один из духовных (идеальных) инструментов развития антропо-сущего. Эстетика всегда обоснована материальными потребностями человека (антропо-сущее). На протяжении развития антропо-сущего меняется и его эстетика: эстетика питания, эстетика труда, эстетика Бога, эстетика аристократа, эстетика товара. В информационном обществе эстетика реализована как эстетика манипуляции (манипуляции общественным сознанием). В условиях стагнации общества потребления возможна эстетика творца, как эстетика беспредметного искусства в такой субкультуре как ливоли.

Ключевые слова: релятивная онтология, бытие, различение, атрибутивная причина, идеальная причина, антропо-сущее, онтологическая антропология, эстетика, беспредметное искусство, ливоли.

Kolychev Petr Mihailovich

Doctor of Philosophy, Associate Professor
 St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

RELATIVE ONTOLOGY AND THE INFLUENCE OF INFORMATION SOCIETY ON AESTHETICS

Abstract. The objectivity of aesthetics has its foundation in relative ontology. The problem of Being is solved by the concept of distinction: to be means to be distincted. Accordingly, existence is the unity of attribute and idea. Existence goes through the series of alterations by the influence of the attributive cause and the ideal one. In this process, the attributive cause has its reasonable advantage in the soma-existence. The equilibrium of the two causes comes from the anthropo-existence. The preference of the ideal cause gains its grounds in the theo-existence. The world is developing from the soma-existence through the anthropo-existence to the theo-existence. Aesthetics is one of the spiritual (the ideal) implements of anthropo-existence evolution. Human material (the anthropo-existence) needs are always its basis. Throughout the evolution of the anthropo-existence, its aesthetics is going through the changes too. These changes affect nutritional aesthetics, aesthetics of labor, aesthetics of God, aesthetics of the aristocrat, aesthetics of merchandise. In information society aesthetics is represented as public consciousness manipulating. The stagnation of the consumer society makes the aesthetics of the creator possible. That is aesthetics of the non-objective art in a subculture such the livoli.

Keywords: relative ontology, Being, distinction, attributive cause, ideal cause, anthropo-existence, ontological anthropology, aesthetics, non-objective art, livoli.

Взяв своим предметом прекрасное, эстетика не может миновать проблему объективности эстетических оценок. Проблема объективности – это центральная проблема

онтологии. Разумеется, разные онтологии по-разному ставят этот вопрос и отвечают на него. Мы же будем исходить из положений релятивной онтологии [см.: 1]. Кратко эти положения состоят в следующем: 1 – решение проблемы бытия: быть – значит различаться; 2 – достаточным условием бытия является общий для различающихся сторон атрибут; 3 – необходимым условием бытия является результат различия, терминологически это закреплено в понятии «идея»; 4 – сущее есть единство атрибута и соответствующей идеи; 5 – бытие всегда относительно (субъективно), поскольку оно определяется по отношению к конкретному атрибуту; 6 – наличие у сущего атрибута и идеи обуславливает две причины его развития: атрибутивную и идеальную; 7 – атрибутивная причина связана с атрибутом, который является общим для другого отличающегося сущего, поэтому атрибутивная причина имеет внешний характер; 8 – идеальная причина связана с идеей, которая всегда специфична для данного сущего, а значит имеет внутренний характер; 9 – обе причины имеются во всяком сущем, но в различной степени обуславливают его изменение; 10 – если атрибутивная причина преобладает над идеальной, то мы имеем соматическое сущее (или сома-сущее), примером которого являются предметы изучаемые физикой, химией и биологией, в рамках онтологии они изучаются онтологическим естествознанием; 11 – если влияния обеих причин равны, то мы имеем антропологическое сущее (или антропо-сущее), примером которого является человек, соответствующий раздел онтологии называется онтологическая антропология; 12 – если преобладает идеальная причина над атрибутивной, то мы имеем теологическое сущее (или тео-сущее); 13 – развитие мира идет от сома-сущего через антропо-сущего к тео-сущему.

С позиции релятивной онтологии для антропо-сущего существуют только такие сущие, с которыми у него есть хотя бы один атрибут, иначе в этом мире нет места таким сущим, с которыми антропо-сущее не имеет ни одного общего атрибута. Такой мир антропоцентричен. Разумеется, эта центричность относительна, ибо для сома-сущего мир сомацентричен, и, соответственно, для тео-сущего мир теоцентричен. Все эти разные миры в лучшем случае находятся в отношении пересечения, то есть имеют общие сущие. Онтологическая антропология показывает естественное происхождение человека от сома-сущего путем нарастания роли идеальной причинности. Эстетика есть одна из направлений реализации этой причинности. Для понимания современной эстетики необходимо ретроспективно изложить, как меняется эстетика на протяжении становления человека.

Эстетика как знание о прекрасном, а точнее о степени прекрасного для человека, основана на понимании прекрасного. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой прекрасно то, что доставляет удовольствие, которое в свою очередь является маркером полезного. В разные периоды человеческой культуры удовольствие, оставаясь удовольствием, меняло свою доминанту. В период до-культуры, соответствующий собирательству и охоте первобытного общества, эстетика – это эстетика питания. Переход человека от до-культуры к первой форме культуры, автономной культуре, когда все произведенное общиной ею и потреблялось. Эстетика автономной культуры – это эстетика труда. Средневековая эстетика – это эстетика Бога. Эстетика Возрождения – это эстетика аристократизма. Буржуазия вступает в конфликт с аристократией за право эксплуатации. Главным идеологическим лозунгом буржуазии является свобода, имея в виду свободу эксплуатации населения. Эстетика буржуазии – это эстетика товара.

В 50-е годы XX века в экономике происходит экономическая революция. Основой послужили эксперименты: С. Аша (1951 г.) и С. Милгрэма (1963 г.). Именно в это время формируется концепция сверхпотребления. С тех пор оказалось возможным продавать любой товар независимо от его ценности как средства жизнеобеспечения. Особое место занимает абстрактное. Основной причиной его возникновения является стремление продолжить успешные эксперименты импрессионистов. Однако ни В. В. Кандинский, ни П. Мондриан, ни К. С. Малевич до конца своей жизни не имели

какого-либо значимого успеха. Успех их произведений приходится именно на 50-е годы XX века. Причины этого успеха в манипуляции общественным сознанием через средства массовой информации.

Релятивная онтология, обосновывая основные принципы онтологической антропологии относительно нарастания значимости идеальной причинности, показывает зависимость эстетики информационного общества от средств и способов распространения информации. Мы видим здесь три сценария. Первый, пессимистический, наиболее популярный в литературе, говорит о том, что продолжение стратегии потребления приведет к такому темпу переработки ресурсов окружающей среды, что сама среда станет непригодна для человеческой жизни. Второй, оптимистический, связан с мнением, что человечество сможет обуздать свои потребности и не допустить реализацию первого сценария. Третий сценарий – это сценарий стагнации общества потребления. Реальность этого сценария основана на том простом факте, что для общества потребления не обязательно осваивать новые ресурсы, их можно заменить переработкой отходов. Реализация этого сценария возможна при тотальном контроле и манипулировании общественного сознания. У современного информационного общества есть все необходимые условия для этого. Разумеется, это не означает, что в этом процессе будет задействовано все общество. Возможность для незначительной части общества, обозначенной нами как ливоли, избежать стратегии потребления обоснована нами в наших работах [см.: 2], [см.: 3], [см.: 4], [см.: 5]. Эстетика ливоли – это эстетика творения в сфере беспредметного искусства.

Библиографический список

1. Колычев П. М. Релятивная онтология. – СПб. СПбГУ, 2006. – 227 с.
2. Kolychev P. M. Relative Ontology and the Ground of Future Morality // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, volume 329. Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). 2019. pp. 88–92.
3. Колычев П. М. Онтология и искусство. Возможность и перспективы беспредметного искусства // Научная сессия ГУАП: сб. докл.: в 3 ч. Ч. III. Гуманитарные науки. – СПб.: ГУАП, 2019. – С. 106–111.
4. Колычев П. М. Релятивная онтология и беспредметное искусство // *Современная онтология IX: Сознание и бессознательное: сб. докл. междунар. науч. конф. (24–28 июня 2019 г., СПб.)* / ред. П. М. Колычев, К. В. Лосев. – СПб.: ГУАП, 2019. – С. 225–247.
5. Колычев П. М. Безумное чаепитие культуры: М. С. Уваров о перспективе культуры // *Парадигма. Философско-культурологический альманах*. Вып. 29. СПб., 2018. С. 52–61.

Косенков Александр Юрьевич

Аспирант

Институт философии НАН Беларуси

Email: sanya.kosenkov@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ В РАКУРСЕ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Интернет вещей – одна из технологий формирующейся цифровой реальности. Ввиду ее интенсивного развития и внедрения, а также потенциальных угроз, которые она несет цивилизации, есть необходимость в философском анализе технологии. Осмысление Интернета вещей в философском русле может способствовать раскрытию сущности цифровых трансформаций, разработке категориально-понятийного аппарата и методологического инструментария, необходимых для исследований цифровизации, а также стать основой минимизации негативных последствий ее внедрения.

Ключевые слова: интернет вещей, цифровизация.

Kosenkov Alexander Yurevich

PhD Student

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

THE INTERNET OF THINGS FROM THE PERSPECTIVE OF PHILOSOPHICAL RESEARCH: STARTING POINTS OF THEORETICAL ANALYSIS

Abstract. The Internet of Things is one of the technologies of the emerging digital reality. In view of its intensive development and implementation, as well as the potential threats it brings to civilization, there is a need for a philosophical analysis of its technology. Understanding the Internet of Things in a philosophical way can help to reveal the essence of transformations, stimulate the development of a categorical-conceptual apparatus and methodological tools necessary for research on digitalization, and becomes the basis for minimizing the negative consequences of its implementation.

Keywords: internet of things, digitalization.

В центре исследований, посвященных трансформациям социальной реальности в процессе цифровизации, чаще всего оказывается искусственный интеллект. Однако следует заметить, что кроме новых достижений в этой области последние два десятилетия были отмечены появлением новых технологий, которые также меняют облик нашей цивилизации. Одной из таких технологий является Интернет вещей, интенсивное развитие и внедрение которого сегодня требует философского осмысления.

В техническом плане Интернет вещей (англ. Internet of things, сокращено IoT) можно определить как объединяющий термин для всей совокупности технологий, которые обеспечивают захват разного рода данных из внешней среды и их дальнейшую обработку при минимальном участии человека [см.: 1, с. 8]. Проще говоря, это совокупность объединенных в сети технических объектов (их обычно называют «подключенными вещами», «подключенными объектами»), оснащенных датчиками, которые собирают, хранят, обрабатывают и передают данные посредством технологий связи другим объектам и (или) индивиду.

Интернет вещей развивается и внедряется весьма интенсивно. Этому способствует, во-первых, относительная несложность технологии: оснастить технические

объекты датчиками и объединить их в сети гораздо проще, чем, например, разработать промышленного робота. Именно поэтому количество подключенных объектов растет: по прогнозам компании IHS, в 2025 г. их число будет составлять 75 млрд. (по сравнению с 15 млрд. в 2015 г.) [см.: 2, с. 121].

Во-вторых, Интернет вещей предлагает индивиду широкие возможности (особенно в синтезе с облачными вычислениями, технологиями больших данных, искусственным интеллектом) применения: от создания комфортного жилища (концепция «умный дом») до сбора данных и анализа процессов, происходящих в планетарном масштабе. Это связано с тем, что технология предоставляет возможность «извлекать» данные из внешнего мира, которые, в свою очередь, будут весьма ценным ресурсом, могут быть использованы для управления системами.

Несомненным является то, что развитие и внедрение технологии Интернета вещей – важный вектор трансформации объективной реальности. Ввиду того, что сегодня технология весьма редко оказывается в центре внимания гуманитаристики, обозначим основные отправные точки ее осмысления в ракурсе философских исследований.

Философия техники. Внедрение технологии Интернета вещей приводит к трансформации технической реальности: миллионы материальных объектов, в которые внедряются датчики, обретают новые функции (прием, передача, обработка, хранение данных) и получают возможность объединяться в сети. Кроме новых форм организации технических объектов обновляются наши представления о сущности техники. Теперь это не столько орудие преобразования действительности, сколько инструмент, позволяющий извлекать данные о мире.

Интенсивное развитие Интернета вещей побуждает задать вопрос: до какой степени техническая реальность может быть оцифрована? С. Грингард, один из специалистов в области технологии, предполагает, что в процессе цифровизации может состояться переход от технологий Интернета вещей к технологиям Интернета всего, «в котором физический и цифровой миры сольются в единое пространство» [3, с. 36]. Несмотря на то, что подобные процессы частично можно увидеть в компаниях и на предприятиях, перешедших в ходе цифровой трансформации на новый уровень организации производства, такие прогнозы кажутся делом далекого будущего. Сдерживающими факторами цифровизации технической реальности являются проблемы кибербезопасности, отсутствие единых технологических стандартов и экономическая нецелесообразность «тотальной оцифровки» техники.

Социальная философия. Сегодня обладание техническим устройством вроде смартфона или ноутбука дает возможность выходить в виртуальное пространство, включаться в сети и получать доступ к данным. Отсутствие этих устройств или низкий уровень цифровой грамотности «выключает» индивида из цифрового мира. Можно, таким образом, с уверенностью констатировать: Интернет вещей способствует углублению цифрового неравенства.

Интернет вещей влияет на структуру занятости. Внедрение технологии приводит к трансформации завода, бизнес-компании или другой социальной системы, что сопровождается в том числе автоматизацией. Примечательно, что пока все внимание исследователей и общественности направлено на проблему вытеснения человека из трудовых процессов искусственным интеллектом, одним из векторов изменений структуры трудовой деятельности является внедрение различных (в том числе носимых) устройств для постоянного контроля за работником. А. Гринфилд, рассматривая данные процессы, приводит в пример носимые корпоративные устройства Theatro, которые отслеживают местонахождение работников и в реальном времени передают, как идет их общение с покупателями [см.: 4, с. 265].

Одно из наиболее важных следствий внедрения Интернета вещей – это ускорение информационных процессов (и, как следствие, трансформационных процессов). Ведь во многом революционность технологии и заключается в том, что она предо-

ставляет возможность работать с получаемыми данными «здесь и сейчас», а это, в свою очередь, ускоряет производственные, коммуникативные и другие процессы. Конечно, фактор скорости весьма важен (например, во время военных действий), однако ускорение информационных процессов несет вызовы индивиду и обществу: необходимости быстрой адаптации к постоянным трансформациям, сложности прогнозирования социальных процессов и пр.

Философская антропология. Новый цифровой мир становится прозрачным и измеряемым. На место «пассивной» техники индустриального общества приходит техника, по крупицам собирающая о нас данные. Анализируемые данные превращаются в ценную информацию о наших потребительских и сексуальных предпочтениях, политических взглядах, нашем настроении и здоровье. Эти данные пополняются на протяжении всей нашей жизни, превращаясь в часть биографии, доступной, правда, не только (и не столько) нам, сколько бизнес-компаниям, медицинским учреждениям, государственным институтам и пр. Таким образом, гиперподключенная среда, тысячи устройств, собирающие о нас данные, вытеснение из трудовых процессов (или постоянный контроль работника прямо на рабочем месте) – все это новые грани человеческого бытия цифровой реальности.

Экологическая философия. Апологеты цифровых технологий часто утверждают, что в новой цифровой реальности можно уменьшить потребление ресурсов, а также восстановить гармоничные отношения с природой. И, с одной стороны, с этим можно согласиться: технологии «умного дома» или «умного города» позволяют снизить энергопотребление приблизительно на 20-40%. Вместе с тем практика применения технологий позволяет увидеть и другие ее стороны. Как замечает О. Мороз, внедрение технологий Интернета вещей в биосферу создает условия для вмешательства человека в биологические процессы [см.: 5]. В новом цифровом мире, как мы видим, даже животные превращаются в вещи и объекты (ненароком вспоминается образ реки Рейн у М. Хайдеггера, встроенной в электростанцию), источники данных, которые могут быть использованы индивидом для своих нужд.

Выводы. Неотъемлемым и весьма важным фрагментом мозаики цифровой реальности является технология Интернета вещей. Расширение диапазона ее внедрения, увеличение количества подключенных объектов, возможности синтеза с другими цифровыми технологиями – все это свидетельствует о ключевой роли технологии в трансформационных процессах. При этом, как было замечено, технология не только открывает новые возможности, но и несет новые вызовы. Ввиду этого многоаспектное (как это было продемонстрировано в тексте) философское осмысление Интернета вещей позволит в перспективе стать основой для ее дальнейшего практического внедрения и применения без угрозы для общества, человека и природы.

Библиографический список

1. Зараменских Е. П., Артемьев И. Е. Интернет вещей. Исследования и область применения. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 188 с.
2. Шваб К., Дэвис Н. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.
3. Грингард С. Интернет вещей: будущее уже здесь. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 188 с.
4. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. – М.: Дело, 2018. – 424 с.
5. Мороз О. Интернет живого. URL: <https://postnauka.ru/video/81693> (дата обращения: 12.02.2020).

Костин Николай Олегович

магистрант философского факультета

Папский университет Иоанна Павла II (Краков, Польша)

Email: nikolay.kostin19@gmail.com

ТЕОРИЯ СИГНАЛИЗАЦИИ Ю. В. КНОРОЗОВА: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается один из главных аспектов общетеоретического наследия Ю. В. Кнорозова – его концепция сигнализации. Теория сигнализации представляет собой комплексное изучение различных видов коммуникации, не только человеческого языка, на основе материалистического подхода. В этой концепции усматривается большая эвристическая значимость в отличие от общепринятой традиции философии языка.

Ключевые слова: Ю. В. Кнорозов, теория сигнализации, философия в СССР, философия языка.

Kostin Nikolai Olegovich

Graduate Student (Philosophy)

Pontifical University of John Paul II (Krakow, Poland)

Yu.V. KNOROZOV'S THEORY OF SIGNALING: SYSTEM APPROACH TO THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to one of the main aspects of the general theoretical heritage of Yu.V. Knorozov, i.e. his signaling concept. The theory of signaling is a complex study of various types of communication, not only the human language, based on a materialistic approach. This concept seems to be of greater heuristic significance, in contrast to the generally accepted tradition of the philosophy of language.

Keywords: Yu. V. Knorozov, signaling theory, philosophy in the USSR, philosophy of language

Юрий Валентинович Кнорозов (1922–1999 гг.) – советский и российский историк, лингвист, переводчик и основатель советской школы майянистики. Кнорозов известен в первую очередь как расшифровщик письменности индейцев майя, благодаря этому открытию он произвел настоящий фурор в мировой науке. Однако гораздо реже вспоминают о том, что он также расшифровал и перевел тексты курильских айнов, дешифровал рапануйское письмо (ронго-ронго), киданьскую письменность. По его собственным словам, письменность майя была для него лишь одной, пусть и очень сложной, загадкой. Дальнейшие же открытия стали возможны благодаря его методу работы с текстом – методу позиционной статистики [см.: 1].

Теоретическое наследие ученого долгое время оставалось в тени его исторических и лингвистических работ. Однако, по мнению самого Кнорозова, именно его теоретические наработки послужили залогом практических достижений. Одной из важнейших его концепций, теории сигнализации, и посвящена данная статья.

Первой работой, где представлена теория сигнализации, является статья «К вопросу о классификации сигнализации» [см.: 2] (впервые опубликована в «Основные проблемы африканистики», 1973 г.). Основная задача данной теории – объяснить и проанализировать передачу, фиксацию и освоение информации различного вида (звуки, изобразительные знаки, членораздельная речь, жесты). Базовые понятия теории сигнализации: система, степени свободы, сигнал.

«Под системой подразумевается некоторое множество материальных единиц, имеющее определенную ориентацию, т. е. относительно независимое от окружающей среды» [2, с. 28]. Системой, способной к формам коммуникации, является любое

сообщество органических существ. Виды систем по Кнорозову: интегрированная (где все элементы сообщества находятся в непосредственной физической связи) и дифференцированная (где элементы разъединены; собственно, сообщество). Дифференцированная система – эволюционное продолжение интегрированной, но на другом принципе. Этим принципом и является сигнализация (как общий метод коммуникации и, следовательно, необходимый элемент существования самой системы). Условно система переходит от одного вида к другому из-за процесса повышения количества единиц (по Кнорозову, каждая развивающаяся органическая система стремится увеличить число своих членов).

С процессом увеличения единиц системы и качественного перехода связано понятие «степени свободы». «Степени свободы» – это «некоторая автономия» [2, с. 28] отдельных представителей системы. «Степени свободы» – продукт специализации отдельных единиц системы, и данная автономия как развивает сигнализацию, так и саму организацию системы. Отсюда следует вывод Кнорозова – «Иначе говоря, чем выше организация системы, тем больше “степеней свободы” у системы по отношению к окружающей среде и соответственно тем меньше “степеней свободы” у составляющих систему единиц» [2, с. 28]. При повышении (сверх необходимо-минимального) уровня навыков, специализации и расширении собственных действий отдельные члены перестают более нуждаться в системе и оставляют рамки практики коллектива. Всё это возможно из-за одного базового принципа – сигнализации. В данном аспекте теория языка тесно сплетается с теорией коллектива, что мы видим и у других серьёзных исследователей [см.: 4]. В данном моменте налицо предстает практико-ориентированность идей исследователя. Не замыкаясь внутри знаковой системы языка он рассматривает его с точки зрения цели. Возможно, в этом есть опроверженное влияние идей наставника Кнорозова, С. А. Токарева, идеи которого входили в противоборство к сугубо семиотической, знаковой концепции В. Н. Топорова [см.: 3].

Сигнал, по Кнорозову, – разновидность действия, которая порождает взаимозависимость иных действий членов системы. Кнорозов выводит основную типологию сигналов и предлагает условную схему сигнализации как отдельного процесса: Индуктор (подающий сигнал) – Адресат (как правило, группа, на которую нацелена информация) – Свидетель (случайно воспринявший сигнал) – Перехватчик (получивший информацию, для него не предназначенную). Важно то, что данную схему Кнорозов распространяет на все органические системы (приводя примеры стайных животных, коммуникацию кошек со своим потомством и т. д.).

Человеческая сигнализация не так уж далеко отстоит от коммуникации животных. Принципиальное различие – это сдваивание сигнала, что приводит к тому, что Кнорозов называет «сигнальным рядом». Однако сдваивание сигнала – не основная особенность человеческой сигнализации (развитие которой привело к появлению языка). «Вместе с тем важно подчеркнуть, что в сигнализации животных встречается сдваивание сигналов. При этом каждый сигнал сохраняет свое значение, но один употребляется в роли своего рода детерминатива, например, призывный сигнал кошки к котяткам состоит из короткого мурлыканья, переходящего в мяуканье (“благожелательный призыв”» [см.: 2, с. 32 – 33]. Главная особенность человеческой коммуникации – это разделение сигнального ряда на три смысловые части. Кнорозов предлагает следующую схему: Субъект – Действие – Объект. Такое разделение приводит к выделению морфемы (именно морфему Кнорозов считал единицей языка как структуры). Благодаря тому, что сигнальный ряд делится на три части, становится возможным моделирование описываемой ситуации. То есть мы в состоянии сформулировать такой сигнальный ряд, который описывает не только настоящую ситуацию (например, угрозу, призыв), но и ситуацию, которая была в прошлом, которая будет в вероятном будущем или ту, которая в принципе невозможна. Из-за возможности моделирования сигнального ряда, по Кнорозову, возникает важнейшая причина мышления в целом – воображение.

Важно отметить следующее: рассматривая язык не только как знаковую систему, а как один из инструментов сигнализации, исследователь выходит за рамки довлеющего антропоцентризма в изучении теории коммуникации. Данный аспект предстает очень важным в современном мире, когда появление совершенно иных типов языка (языки программирования) ставит новые задачи по методологическому изучению природы и содержания языка как структуры. Более того, как мы уже увидели, теория сигнализации у Кнорозова тесно связана с другой концептуальной проблемой – теорией коллектива. Всё это говорит об актуальности идей Ю. В. Кнорозова, их междисциплинарности и ориентированности на практическую сторону жизни.

Библиографический список

1. Ершова Г. Г. Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого. – Москва: Изд-во РГГУ, 2018. – 794 с.
2. Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации // Кнорозов Ю. В. Избранные труды. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2018. – С. 28–38.
3. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. – М.: Наука, 1964. – 400 с.
4. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования. М.: Знание, 1964. – 48 с.

Крайнов Андрей Леонидович

Кандидат философских наук, доцент

Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова

Email: krainoval@sgau.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Информационные технологии оказывают сильное влияние на сознание человека, постепенно изменяя его когнитивные способности. Постоянно находясь под воздействием огромного потока информации, современный человек вынужден приспосабливаться к ее восприятию, в результате чего у него формируется клиповое мышление. Основная задача заключается в том, чтобы сохранить способность критического анализа поступающей информации.

Ключевые слова: информационное общество, информационные технологии, гаджеты, когнитивные способности, клиповое мышление.

Krainov Andrei Leonidovich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov

TRANSFORMATION OF HUMAN COGNITIVE ABILITIES IN INFORMATION SOCIETY

Abstract. Information technology has a strong impact on human consciousness by changing gradually their cognitive abilities. Being constantly under the influence of a huge flow of information, contemporary people are forced to adapt to its perception, as a result, they acquire clip thinking. The main challenge is to retain the ability to analyze incoming information critically.

Keywords: information society, information technology, gadgets, cognitive abilities, clip thinking.

Количество информации в обществе постоянно возрастает. Первое удвоение знаний произошло с начала нашей эры до 1750 года, второе через 150 лет, третье к 1950 году. В 1965 году американский инженер Гордон Мур сформулировал закон ежегодного удвоения производительности процессоров, а в 1975 году российский ученый А. Д. Урсул дал определение информационного взрыва, под которым понимается постоянное увеличение скорости и объемов публикаций (объема информации) в масштабах планеты. Таким образом, современный человек испытывает на себе воздействие огромного количества информации, требующего от него выработки определенной стратегии по ее усвоению и переработке, в противном случае возникает риск оказаться аутсайдером.

Обилие информационных гаджетов, объединенных между собой глобальной информационной сетью Интернет, воздействуют на человеческое сознание посредством множества самых разнообразных приложений, используя наряду с текстовыми блоками графические изображения и аудио- видеоролики. В связи с этим постепенно нивелируется роль печатного текста и аналитического мышления, уступая место мышлению клиповому, дискретному, лишенному способности осмыслить весь гигантский массив данных, поступающих в сознание человека.

Феномен клипового мышления проявляется в поверхностном ознакомлении с небольшими блоками информации, воздействующими на человеческое сознание из социальных сетей, интернет-мессенджеров, блогов, постов и прочих онлайн сервисов. Для того, чтобы все их обозреть, наш мозг не успевает вникнуть в детали, довольствуясь беглым прочтением общего посылки сообщения. При постоянной подоб-

ной практике восприятия информации человеческий мозг со временем утрачивает способность воспринимать большие по объему информационные блоки, критически осмысливать информацию и анализировать ее. У человека со временем вырабатывается клиповое мышление, которое, подобно рекламным всплывкам, хаотично скачет от одного информационного блока к другому, тотчас забывая о том, что только что было просмотрено.

По мнению С. Г. Ильинской, разорванность логических связей в сознании человека, образующаяся в процессе клипового мышления, делает его подверженным различного рода манипуляциям, суггестивному воздействию [см.: 1, с. 10]. На примере элистинских конфликтов и арабской весны автор показывает вовлеченность в них молодежи, управляемой через гаджеты деструктивными группировками. Низкий уровень критической оценки информации со стороны молодого поколения – главный виновник подобных событий.

Классическая модель работы с информацией, в которой она была представлена в виде рукописного и печатного текста, наилучшим образом развивая память и аналитические способности человека, в постнеклассическую гипертекстовую эпоху становится неактуальной. Работа с книгой сегодня в представлении большинства молодых людей – школьников и студентов – является анахронизмом. Зачем что-то читать и конспектировать, когда это можно скачать и распечатать, или прочесть с экрана смартфона непосредственно на семинарском занятии? Хотя именно чтение аналоговой книги развивает такие жизненно важные навыки, как умение выделять главную мысль, умение находить заданную информацию, понимать связанность и последовательность событий [см.: 2, с. 25]. Таким образом, цифровой гаджет в руках современной молодежи превращается в волшебное зернышко из сказки Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители», потеряв которое, главный герой утратил все свои сверхспособности. Действительно, без смартфона многие молодые люди чувствуют себя растерянными и неуверенными, как будто они лишились самого важного в своей жизни.

В связи с этим актуальной становится проблема интернет-зависимости, так как она серьезно влияет на когнитивный процесс. Согласно С. Е. Гришину, зависимость молодежи от Интернета затрудняет ее социализацию, делает замкнутой и неуверенной в себе [см.: 3, с. 45]. Ученые Национального института здравоохранения США выяснили, что кора головного мозга детей, которые много времени проводят в Интернете, делается тоньше. Кора головного мозга отвечает за интеллектуальное развитие, а ее истончение приводит к преждевременному старению этой области мозга. Также было установлено, что безудержная гаджетомания чрезмерно повышает в крови уровень гормона удовольствия дофамина, что может привести к развитию таких психических заболеваний, как шизофрения [см.: 4].

Несмотря на негативные аспекты цифровизации и связанного с данным процессом клипового мышления можно выделить положительные стороны изменения человеческого сознания под воздействием информационных технологий. К ним можно отнести: быстроту реакции, многозадачность, защиту от информационной перегрузки и жажду новой информации [см.: 5]. М. А. Купчинская пишет, что благодаря клиповому мышлению индивид научается быстро переключаться между однообразными простыми действиями, работая в информационной среде [6, с. 68]. Такие навыки сегодня необходимы для повышения эффективности при работе с персональным компьютером и мобильными гаджетами, так как обилие открытых окон приложений требует некоторой автоматизации работы с ними, иначе производительность труда существенно снизится. Поэтому старшему поколению, выросшему в рамках книжной аналитической культуры, намного сложнее научиться работать с компьютером, чем молодежи, чье сознание было сформировано культурой посткнижной.

Клиповое мышление, несмотря на свою фрагментарность и алогичность, способствует развитию образного восприятия информации. Данную специфику этого вида

мышления следует учитывать в образовательном процессе, используя презентации в качестве основного или вспомогательного средства. Графики, схемы, диаграммы, аудио- и видеоряд – все это будет способствовать лучшему запоминанию информации молодежью, чье сознание не может воспринимать информацию в рамках классической парадигмы усвоения знаний, основанной на аналитической работе с книжным текстом.

Если применительно к молодежи проблема информационных технологий часто осязается в негативном аспекте, как это было показано выше, то на старшее поколение работа в Интернете может оказывать положительное влияние. Интересный феномен был выявлен швейцарскими учеными, которые выяснили, что использование интернета в пожилом возрасте помогает остановить когнитивный спад [см.: 7]. Снижение работы памяти и внимания свойственны людям пожилого возраста, особенно если они ведут пассивную мозговую деятельность, просматривая телевизор. Данный процесс сопровождается гибелью нейронов и зачастую приводит к нейродегенеративным расстройствам, таким, как деменция или болезнь Альцгеймера. Активное пользование Интернетом предотвращает деградацию сознания пожилых людей, активизируя память и внимание, тем самым улучшая мозговую деятельность.

Таким образом, когнитивные способности человека меняются под влиянием информационных технологий, не выдерживая перегрузки разного рода информацией. Если у молодежи как наиболее активных адептов информатизации данные изменения могут носить критический характер, то людям пожилого возраста они, напротив, полезны. С учетом того, что дальнейшее развитие и усиление информатизации общества – закономерное будущее человечества, выход из ложившейся ситуации видится в эволюции человеческого сознания – в выработке защитных механизмов от информационной перегрузки и утраты аналитических способностей.

Библиографический список

1. Ильинская С. Г. Человек манипулируемый (политическая нестабильность как ожидаемое следствие современных образовательных технологий) // Философская мысль. – 2019. – №11. – С.1–10.
2. Воронцов А. В. Чтение как социальная проблема // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2009. – №11(73). – С. 24–33.
3. Гришин С. Е. Интернет-зависимость молодежи // Информационная безопасность регионов. – 2017. – №2(27). – С. 44–49.
4. Интернет меняет физиологию мозга детей. URL: https://www.ng.ru/science/2018-12-11/100_brain1112.html (дата обращения: 11.10.2020).
5. Думай, как бот. URL: <https://rg.ru/2018/05/02/reg-urfo/k-chemu-privedet-klipovoe-myshlenie.html> (дата обращения: 11.10.2020).
6. Купчинская М. А., Юдалевич М. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес образование в экономике знаний. – 2019. – №3. – С. 66–70.
7. Пожилые пользователи интернета отличились ясным умом. Но только мужчины. URL: <https://nplus1.ru/news/2020/06/08/internet-on-cognitive-decline> (дата обращения: 11.10.2020).

Кудря Лариса Владимировна

старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: pliphuska@mail.ru

НЕУДОБСТВА С КРЕАТИВНЫМ КЛАССОМ

Аннотация. В статье рассматривается концепция креативного класса Р. Флориды, её рецепция и критика западными и российскими исследователями.

Ключевые слова: креативный класс, постиндустриальное общество, креативная экономика, креативный этос.

Kudrya Larisa Vladimirovna

Assitant Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE CREATIVE CLASS INCONVENIENCES

Abstract. The article examines the creative class conception by R. Florida, its reception and critique taking place in West and Russian investigations.

Keywords: creative class, postindustrial society, creative economy, creative ethos.

Введённая Ричардом Флоридой концепция креативного класса, основанная на продолжительных эмпирических и теоретических исследованиях социальной структуры США, вызывает крайне неоднозначную реакцию, подчас выходящую за рамки научной дискуссии. Ярким примером чрезмерно эмоциональной критики служит статья Галагановой «Мифология креативного класса», необычайно популярная у авторов интернет-публикаций, где представители креативного класса получили уничижительное наименование «креаклов», отождествляемых с либеральными «протестунами». В целом отношение российских интернет-пользователей и общественности иллюстрируется цитатой из статьи автора, скрывшего имя под ником lampet: «современный “креативный класс” играет в российском обществе роль, если хотите, самых настоящих социальных паразитов, неспособных в принципе к какой-либо осмысленной полезной деятельности... давно пришло время указать так называемому “креативному классу” на его настоящее место в этой жизни, чтобы избежать крайне негативных последствий отравления общества “продуктами” его жизнедеятельности» [1].

Тем не менее Флорида отмечает значительные трансформации социальной структуры США рубежа веков: численность традиционного рабочего класса с 40% в 1920-1950 сократилась до 25% (33 млн), обслуживающего класса составляет 43% (55,2 млн) и доля креативного класса возросла втрое с 1900-х годов, когда она равнялась лишь 10%. Постепенный, но уверенный подъём креативного класса продолжается с 1950-х, с 1980-х его численность удвоилась, сегодня это 30% трудящихся (38,3 млн), из которых 12% (15 млн) относятся к суперкреативному ядру этого класса [см.: 2, с. 90]. Креативный класс имеет наиболее влиятельную экономическую роль и доминирует по уровню дохода, поэтому может быть назван ведущим классом современного общества. Ранее к подобному выводу пришли П. Фассел и Д. Брукс, анализируя «класс X» и бобо (образованный и обеспеченный класс богемной буржуазии) соответственно, несмотря на разницу в оценках этого социального слоя. Также коллектив российских исследователей, осуществивший синтез теории постиндустриального общества Д. Белла и концепции Флориды, признаёт креативный класс «ведущим производительным классом постиндустриального общества», отмечая тот факт, что он выражает объективную потребность общества в активизации и поощрении творческих способностей человека и содержит высокий креативный потенциал [см.:

3, с. 53]. Данные структурные изменения прогнозировал Э. Тоффлер в интервью «Будущее труда» и книге «Третья волна», где он отмечает при переходе от второй волны общественного развития к третьей формирование запроса на труд, отвечающий примату креативности, – «работу творческую, психологически наполненную или социально ответственную» [4, с. 222] и творческие стили труда.

Флорида подчёркивает, что креативный класс – это прежде всего экономический класс формирующегося нового типа экономики, то есть в процессе творческой деятельности он производит идеи и знания, товары и услуги, выходящие на рынок как товар. Креативный класс состоит из суперкреативного ядра и креативных специалистов и весьма разнообразен по своему профессиональному составу. Суперкреативное ядро, осуществляющее высшую форму творческой деятельности в виде «производства новых моделей и форм, которые легко распространяются и широко используются», включает учёных, инженеров, университетскую профессию, поэтов, писателей, художников, актёров, дизайнеров, архитекторов, а также интеллектуальную элиту (публицисты, редакторы, эксперты аналитических центров). К креативным специалистам относится целый ряд профессий в сфере IT, финансов, права, здравоохранения, управления бизнесом и т. д., участвующих в творческом решении специфических проблем с использованием комплексных знаний; отличительной чертой креативных специалистов являются навыки самостоятельного мышления и оригинального применения стандартных подходов в профессиональной деятельности. [см.: 2, с. 86]. Такая структура креативного класса неслучайна, она обусловлена потребностями креативной экономики – экономики, основанной на знании и управляемой ими, а также ориентированной на производство инноваций, «будь то в форме нового технологического изобретения или новой модели или метода ведения бизнеса» [2, с. 59]. Наиболее важными креативными продуктами оказываются мета-идеи, то есть идеи о том, как обеспечить производство и передачу других идей; таким образом креативная экономика ставит перед своим ведущим классом следующую задачу: создание новых систем в области технологии предпринимательства, новых и более эффективных моделей производства товаров и предоставления услуг, а также благоприятных общих социальных, культурных и географических условий для креативности любого рода [см.: 2, с. 63]. Поэтому в креативной экономике наблюдаются: увеличение затрат на исследования, новые высокотехнологичные формы (стартапы), формальная система венчурного капитала, активное использование субконтрактной и модульной систем производства, возрастание доли виртуальных компаний. Здесь следует отметить здравую и объективную оценку Флориды текущего социально-экономического состояния: становление креативной экономики и креативного класса не лишено трудностей и спорных моментов, но вышло на такой виток развития, что игнорировать эти тенденции невозможно.

Определяющей (и вызывающей самую бурную критику) характеристикой креативного класса является креативный этос, требующий создания социально-политических условий для универсального развития многообразных форм творческих способностей индивида. Флорида даёт следующее объяснение введённому им определению: «Креативный этос знаменует радикальный поворот от конформистского по духу прошлого. По сути, творческая деятельность часто носит откровенно подрывной характер, поскольку она разбивает существующие стереотипы поведения и мышления» [2, с. 46]. Креативность как связанная с интеллектом, но превосходящая его способность к синтезу идей расцветает и демонстрирует свою эффективность в стабильных социальных отношениях, признающих терпимость, разнообразие идентичностей и открытость взаимодействий. Представителям креативного класса не свойственно определять себя по количеству заработанных денег, они ценят индивидуальное своеобразие, талант и самодисциплину, личные способности и заслуги и обеспеченный ими профессиональный рост, как следствие выбирают места работы и районы проживания, условия которых соответствуют креативному этосу [2, с. 95–96].

Короче, формулу креативного класса Флорида сводит к трём Т, что означает: талант, терпимость и технологии.

Несогласие с этой дескрипцией выражают Брукс и С. Г. Галаганова. Последнему исследователю не удалось установить требование широко понимаемой социальной ответственности, которое креативный класс адресует к себе и другим классам как адекватное современному состоянию общества и культуры. Она приписывает данному классу «отсутствие устойчивых убеждений, принципов, привязанностей» и «радикальный эгоцентризм, из которого неизбежно вытекает обесмысливание таких понятий как долг, честь, верность, измена, предательство» [5], но не утруждает себя аргументами. Флорида подчёркивает, что для представителей креативного класса важной составляющей социальной жизни является связь с сообществом и интеграция в локальную городскую среду, а также реальная возможность развить её общими усилиями как часть собственной самоидентификации. Брукс объясняет феномен бобо, просвещённой элиты, синтезом буржуа и богемы, наступившим в результате культурной борьбы, начавшейся между этими социальными группами в конце XVIII. Буржуа ценили деловые качества, порядок, постоянство, обычаи, рациональное мышление, самодисциплину, производительность; богема демонстрировала творчество, бунтарство, новизну, самовыражение, нестяжательство и широкий жизненный опыт [см.: 6, с. 75]. Брукс указывает на трансформацию структуры потребления бобо, но отмечает подобно Беллу в «Культурных противоречиях капитализма», что оно по-прежнему остаётся демонстративным и избыточным, вразрез с Флоридой, утверждающим, что бобо потребляют новые формы опыта для более эффективного креативного синтеза [см.: 2, с. 192–193]. Российские исследователи высказываются о перспективах развития креативного класса с осторожным оптимизмом, но в этом вопросе согласны с Бруксом [см.: 7, с. 235].

Библиографический список:

1. «Креативный класс» как феномен современного российского общества. URL: <https://cont.ws/@lancet2000/1187773> (дата обращения: 18.10.2020).
2. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. – М. «Классика-XXI», 2011. – 419 с.
3. Креативный класс и проблемы развития инновационных систем в экономике. – М., 2013. – 175 с.
4. Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
5. Галаганова С.Г. Мифология креативного класса// Гуманитарный вестник: электронный журнал, 2014. Вып. 3 (17). URL: <http://hmbul.ru/articles/186/186.pdf> (дата обращения 18.10.2020). DOI: 10.18698/2306-8477-2014-3-186
6. Брукс Д. Бобо в раю: откуда берётся новая элита. – М.: Ад Маргнем Пресс, 2014. – 296 с.
7. Барбашин М. Ю., Волков Ю. Г., Барков Ф. А., Сериков А. В., Хачецуков З. М. Социальное значение креативного класса в российском социуме // Гуманитарный ежегодник, 2014. №13. С. 234–241.

Кузнецова Евгения Владимировна

кандидат философских наук, доцент

Институт философии НАН Беларуси

Email: kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru

КРИЗИС ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Проблемой представленной статьи является кризис феномена идентичности личности, вызванный трансформацией социокультурных процессов и изменением условий и форм коммуникации. Автор прослеживает краткую историю появления понятия «кризис идентичности», обосновывает особенности кризисного состояния в эпоху информационной цивилизации и пытается предложить вариант выхода из него.

Ключевые слова: кризис идентичности личности, коммуникация, виртуальная идентичность, персонализм, информационная цивилизация.

Kuznetsova Evgeniya Vladimirovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Philosophy

CRISIS OF PERSONALITY IDENTITY PHENOMENON IN THE CONTEXT OF COMMUNICATIONAL SPACE OF INFORMATIONAL CIVILIZATION

Abstract. The problem of the article is the crisis of the personality identity phenomenon caused by the transformation of sociocultural processes and changes in the conditions and forms of communication. The author traces a brief history of the concept of "identity crisis", substantiates the peculiarities of the crisis in the era of informational civilization and tries to offer a way to overcome it.

Keywords: identity crisis, communication, virtual identity, personalism, informational civilization.

Испанский писатель Хавьер Мариас говорит в одном из своих произведений: «Я не верю, будто способность помнить гарантирует человеку, что он останется одним и тем же в разные времена и в разных местах» [1, с.143]. Своим высказыванием Мариас ставит под сомнение следующий тезис, выдвинутый впервые английским философом Джоном Локком. Локк заявляет, что в ходе времени человек бывает очень разным, однако несмотря на все перемены осознает себя по сути тем же самым человеком [см.: 2]. Ж.-Ж. Руссо является одним из первых, кто радикально переосмысливает понятие самоидентичности человека. Руссо полагает, что представление человека о самом себе, о своей сущности невозможно без социального взаимодействия, когда человек пытается как бы увидеть себя в «зеркале» другого человека [см.: 3]. Тема социального взаимодействия, коммуницирования выходит на первый план в рассуждениях многих философов более позднего времени.

На историческом отрезке второй половины XIX – первой половины XX века, когда наиболее остро ощущается отчуждение человека от тех социальных институтов, появление которых он инициировал, формируется целый ряд новых философских концепций идентичности. Одна из концепций складывается в психоанализе. И здесь впервые о кризисе идентичности заявляет Э. Фромм. Он пишет, что в современную эпоху возникает кризис самоидентичности, базирующийся на увеличивающемся овеществлении человека и его отчуждении. «Современный человек имеет все: ма-

шину, дом, работу, «детишек», брак, проблемы, трудности, удовлетворение, а если и этого недостаточно, то и психоаналитика» [4, с. 96]. Фромм утверждает, что развивается новая стадная идентичность, в которой чувство тождественности основывается на чувстве принадлежности к толпе. Поэтому для Фромма кризис самоидентичности очевиден. Но философ считает, что он вполне преодолим. Самоидентичность достижима, если человеку удастся справиться с отчуждением от всего внешнего мира, вызванным стремлением к материальному богатству, удастся утвердиться именно в плане бытия как творческой личности, которой свойственно не только получать и брать, но и отдавать.

По мнению Э. Эриксона подлинная идентификация возможна только при условии сохранения целостности личности и при условии реализации этой целостности в реальности [см.: 5]. С точки зрения П. Рикёра, идентификация предстает как повествование о жизни, рассказ истории в попытках придать цельность разрозненному и «схватить» некую уникальность в пространстве публичности [см.: 6]. Рикёр вводит понятие «нарративная идентичность». Нарратив, как подлинная история, подлежит чтению, которое постоянно исправляет предшествующую подлинную историю. Таким образом, идентичность описывает, повествует и предписывает, проявляясь лишь во времени.

Концепт идентичности со сменой исторической эпохи и трансформацией ряда духовных ценностей, нравственных идеалов и ориентиров вновь подвергается переосмыслению к середине XX века. В постклассической философии XX века трактовка идентичности практически полностью связывается с проблемой индивидуализации личности. Современный персонализм делает значимым тот аспект, что человек может стать личностью только благодаря опыту общения с другой личностью. Существовать для такой личности – значит быть с другими. Личность существует только в своем устремлении к другому, познает себя через другого и обретает себя, свою идентичность только в другом, потому что этот другой меня персонифицирует, другой меня узнает. В процессе коммуникации происходит встреча индивида и внешнего к нему другого как двух конструирующих личностей, в результате чего создается пространство диалога, которое можно назвать пространством коммуникации. Этот тезис развивает Г. Х. Гадамер: «Чтобы достичь взаимопонимания в диалоге, недостаточно просто проводить свою точку зрения, но взаимопонимание, объединяя собеседников, преобразует их так, что они уже не являются более теми, кем были раньше» [7, с. 233].

Таким образом, идентичность личности – это результат коммуникативного взаимодействия. Идеи М. Бахтина, М. Бубера, Ю. Хабермаса подтверждают данную позицию. Например, идентичность у Ю. Хабермаса представляет собой попытку баланса между фантомом нормальности («быть таким, как все») и фантомом уникальности («быть не таким, как все») [см.: 8]. Я-идентичность возникает в балансе между личностной и социальной идентичностью, причем личностная идентичность обеспечивает связность истории жизни человека, а социальная идентичность дает возможность выполнять различные требования всех ролевых систем, к которым принадлежит человек. «При выполнении этих социальных ролей «индивид обретает не личную, биографическую идентичность, а некое местечко в существующей социальной категоризации, т. е. социальную идентичность, и только через нее частицу личной идентичности» [8, с.110]. Идентичность, по Хабермасу, – это поиск себя и конструирование себя в своем социальном окружении.

Информационная цивилизация коренным образом трансформирует условия для реализации коммуникативных процессов. Наиболее значимыми являются новые коммуникативные связи, принимающие виртуальный характер. Глобальная сеть Интернет, интеграция экономических и социокультурных взаимоотношений, трансформация форм и содержания средств массовой коммуникации ведут к появлению новых форм идентификации.

Кардинально новой особенностью идентификации в информационном обществе становится виртуальная идентичность, формирующаяся на основе виртуального общения [см.: 9]. Количество сетевых сообществ растет благодаря отсутствию каких-либо границ и высокой плотности коммуникации, тем самым еще более усложняя процесс идентификации. В то же время виртуальная идентичность – это попытка преодолеть отчуждение и одиночество человека эпохи индустриализма. Если человек не может реализовать какие-то свои желания в реальной жизни, виртуальное пространство поможет ему в этом. Машина становится для человека близким другом, ближе чем все его реальное окружение. Но виртуальная идентичность в целом оказывается не более, чем иллюзией, фантомом. Она может лишь помочь человеку в конструировании его реальной идентичности, но не должна подменять эту идентичность. В то же время мы считаем, что адекватное отражение идентичности в Интернете вполне возможно – через деятельность, направленную не на образ себя, а на внешний объект, а также взаимодействие с личностью другого человека.

Стремление современного человека выйти за рамки дозволенного и установленного порядка, желание прожить несколько жизней в виртуальном пространстве чревато распадом личности, утратой её цельности и единства. Необходимость исполнения субъектом множества социальных ролей, усложнение культурно-исторического опыта, отказ от традиционных духовных ценностей приводят к кризису феномена идентичности, проявляющемуся в депрессии, апатии, попытке укрыться от реальных проблем в виртуальном пространстве. Для современного субъекта особенно важно самоопределиваться, найти свою тождественность через социальное взаимодействие. Поскольку современный человек находится в поиске своей идентичности, только творческая деятельность может наполнить этот процесс культурным смыслом. Необходимо помнить, что, когда коммуникация ослабляет свою напряженность или принимает некие извращенные формы, личность теряет свою самоидентификацию. Важно, чтобы содержание коммуникации не потеряло своей смысловой нагрузки, иначе мы будем иметь дело с «человеком без свойств» (Р. Музиль).

Библиографический список:

1. Мариас Х. В час битвы завтра вспомни обо мне... – М.: Амфора, 2002. – 340 с.
2. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
3. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. – М.: Академпроект, 2008. – 534с.
4. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Наука, 1993. – 283 с.
5. Эриксон Э.Г. Детство и общество – Изд. 2-е, перераб. И доп. – СПб.: Ленато, АСТ, Университетская книга, 1996. – 394с.
6. Рикер П. Я-сам как другой. – М.: Алетейя, 2008. – 356 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
9. Doering N. Sozialpsychologie des Ininternet. – HogrefeVerlag, 2003. – 256 s.

Левинская Яна Владиславовна

магистрант философского факультета

Папский университет Иоанна Павла II (Краков, Польша)

Email: leviana1904@gmail.com

«СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ НАИЗНАНКУ»: К ПОИСКАМ ИСТОКОВ СЕКУЛЯРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. Предпринимается попытка осмысления истоков секулярных процессов в рамках цивилизационного подхода. Компаративный анализ способствует определению процесса «секуляризации наизнанку», в котором дихотомия «светское – религиозное» усиливается посредством «религиозного».

Ключевые слова: секуляризация, католицизм, православие, Византия, Средневековая Европа.

Levinskaia Iana Wladislawowna

Graduate Student (Philosophy)

Pontifical University of John Paul II (Krakow, Poland)

"SECULARIZATION 'INSIDE OUT'": TO THE SEARCH FOR SOURCES OF SECULARITY

Abstract. An attempt is made to comprehend the origins of secularity in the framework of the civilizational approach. Comparative analysis contributes to the definition of "secularization 'inside out'", in which "religious" reinforces the dichotomy of "secular – religious".

Keywords: secularization, Catholicism, Orthodoxy, Byzantium, Medieval Europe.

Проблема секуляризации общества остается одной из актуальных проблем современного академического дискурса в области гуманитаристики. Обозначенный дискурс затрагивает целый спектр вопросов, лежащий, помимо прочего, в области коммуникативной и этической базы современного общества [см.: 3, с. 11]. Мы предпримем попытку поставить вопрос о природе секуляризации с точки зрения исторического опыта. Слова Г. Гутнера «Но не является ли секулярный дискурс лишь одной из возможных коммуникативных систем? И не аналогично ли его доминирование в современном мире доминированию христианства в средневековой Европе? Все это лишь вопросы, но ответы на них нужно искать без особых промедлений» [3, с. 10] особенно актуализируют проблематику.

Преимущественно проблема секуляризации сводится к относительности «священного» и «профанного», «религиозного» и «светского» – будь то конфискация церковной собственности светскими властями, усиление рационалистических и антиклерикальных настроений, «расколдовывание» мира М. Вебера [см.: 2] или же «смерть Бога» Ф. Ницше [см.: 6, п. 125] и т. п. Так или иначе, это разговор о дихотомии религиозного и светского, о вытеснении первого вторым. «Светскость» становится основой данного диалога, перманентная рефлексия над которым выступает главным механизмом релевантных исследований.

Проблема секуляризации, как концепция, является продуктом западной цивилизации. Применение цивилизационного подхода предстает важным для подобного рода исследований. Как отмечает Ч. Тейлор: «Это не единый процесс, который, рано или поздно, происходит повсеместно <...>. Для того, чтобы понять это глобальное явление, нам необходимо объединить данные <...> проведенных в контекстах различных культур» [7, с. XI]. На страницах исследования мы обратимся к истории средневековой Европы и Византийской империи. Компаративный подход позволит сделать некоторые выводы об особенностях секулярных процессов в западно-католическом мире.

Важной вехой для анализа проблематики служат исторические события, предопределившие оформление двух цивилизаций – западно-латинской и восточно-византийской. В каком-то смысле официальное разделение христианства на две ветви в 1054 г. поставило точку в этих долгоиграющих процессах. С постепенным оформлением двух цивилизаций оформляются и две политические доктрины – идея цезарепапизма на Востоке и идея папозезаризма на Западе. Анализ функционирования двух обозначенных моделей власти может внести некоторые дополнения к так называемому секулярному дискурсу.

Остановим внимание на Византии. Ромейское государство – империя, в которой православие занимало особое место. Самоопределение византийцев долгое время базировалось на принципе религиозного единства. Как известно, византийцы последовательно называли себя «ромеями», а свою империю – «Романией», вкладывая в эти понятия глубокий идейный и политический смысл: «Романия» воплощала собой «царство божие» на земле, ее глава – «помазанник божий» – мыслился как неоспоримый суверен всей христианской ойкумены, а его подданные – как избранный народ [см.: 5, с. 103]. Однако, несмотря на особый статус православия как государственной религии, главной фигурой в империи оставался не патриарх, а василевс. Функции императорской власти представляли собой широкий спектр обязанностей не только в области политической сферы (светское), но и церковной (религиозное). В таких условиях государство воспринималось Церковью в качестве эффективной, нормальной и централизующей силы. Отметим, что данная модель сосуществования двух властей в Византии легла в основу богословского учения о симфонии властей. Если это учение способствует объяснению природы этой симфонии посредством создания некоторого идеального образа такого согласия, то концепция цезарепапизма – изучению его практической реализации.

Возвращаясь к нашей проблеме, отметим, что в Византийском государстве источник светского лежал в светском. Значит ли, что речь идет о секулярном? – это вопрос, на который еще предстоит ответить. Отметим лишь, что в ромейской истории мы не наблюдаем ярких precedентов вытеснения религиозной компоненты из светской жизни, однако наблюдаем механизмы, позволяющие Церкви «быть на расстоянии». Христианство в Византии – это не просто религия, которую исповедует большинство, это также и инструмент в руках светской власти.

В средневековой Европе особую роль в политической жизни играл институт папства. Конечно, процесс христианизации был довольно длительным, но уже «в период раннего Средневековья <...> Запад объединяло господство христианской религии. Всеми европейскими территориями управляли в первую очередь епископы, влияние которых росло...» [4, с. 43]. Отметим, что светская власть в европейских государствах также наделялась божественным началом. Но несмотря на это именно фигура Папы Римского наделялась особым авторитетом, на что символически указывает Диктат Папы, принятый Григорием VII в 1075 г. Борьба за инвеституру – одно из ярких символических событий, в результате подчеркнувшее превосходство папской власти над светской. Здесь важно отметить, что речь шла не только о сфере божественного служения как незыблемой прерогативе, но главным образом об особом влиянии церкви в области мирских дел. Отныне сакральным становится не только Церковь в понимании ее как вероучения, но и церковь как религиозный институт.

Со временем влияние Церкви усиливалось, что проявляло себя не только сугубо в сфере политики, но и в обществе в целом. Серия крестовых походов – яркий показатель авторитета церковной власти. Слова французского медиевиста Э. Жака ярко иллюстрируют незыблемый авторитет папства: «Будучи главой Церкви, духовным наставником, папа, естественно, вмешивается в дела всех стран Западной Европы, касающиеся проблем церковного управления, в вопросах, связанных с назначениями, конфликтами и их урегулированием. Он издает законы и является судьей

в последней инстанции: папские судебные органы рассматривают дела самые разные по характеру и сути <...> Рим становится центром и горнилом Вселенной» [8].

Если в Византии светское порождается светским, то в Средневековой Европе дихотомия «светское-религиозное» усиливается за счет «религиозного». Церковь как институт permanently подчеркивает собственную уникальность, в результате чего все остальное предстает бинарной оппозицией. В некотором роде это и есть секулярный процесс, который можно назвать «*секуляризацией наизнанку*». Секуляризация в таком случае проявляется не в результате вытеснения религиозного светским, а наоборот – *вытеснением светского из религиозного*. Папоцезаризм в некотором роде приводит Европу к «секулярному прецеденту», что усиливается в ходе реформационных процессов в XVI–XVII в. В результате именно Церковь создает повод для решительного шага навстречу секуляризации, в результате чего в некотором смысле освобождается «дух капитализма» как один из маркеров секулярных процессов [см.: 1]. Последующие события новейшего времени лишь усиливают данный процесс.

Идея цезарепапизма на Востоке свидетельствовала о доминировании светской власти, несмотря на сильное влияние Церкви. Для средневекового Запада такой моделью стал папоцезаризм, указывающий на ключевую роль папства на политической арене. *Секуляризация наизнанку, таким образом, это процесс, при котором религиозная власть усиливает дихотомию «светское-религиозное» на фоне перманентного развития идеи о собственной избранности*. Данный вывод не противоречит традиционному пониманию секуляризации, под которой обычно подразумевается вытеснение религиозной компоненты из светской жизни, однако указывает на особенности ее становления в католическом мире.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. М. И. Левиной, П. П. Гайденко, А. Ф. Филиппова. Москва, Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия / пер. А.Ф. Филиппова, П. П. Гайденко // М. Вебер. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. С. 707–735.
3. Гутнер Г. Секулярность, постсекулярность и универсализм. Замечания к диалогу Хабермаса и Ратцингера // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии / пер. В. Витковского. Москва: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. –112 с.
4. Ле Гофф Ж. Рождение Европы / пер. А. Поповой. Санкт-Петербург: Александрия, 2008. – 400 с.
5. Литаврин Г. Г. Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI - X вв. // Византийский временник. – 1986. – Том. 46 (71). – С. 100–108.
6. Ницше Ф. Веселая наука / пер. К.А. Свасьяна. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/?curPos=1> (дата обращения: 10.04.2020)
7. Тейлор Ч. Секулярный век / пер. А. Васильева, Л. Колкера, А. Лукьянова. Москва: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2017. – 967 с.
8. Эрс Ж. Повседневная жизнь папского двора времен Борджиа и Медичи. Москва, 2007. URL: <https://culture.wikireading.ru/8073> (дата обращения: 01.08.2020)

Лойко Александр Иванович

доктор философских наук, профессор

Белорусский национальный технический университет (Минск)

Email: alexander.loiko@tut.by

ФОРМЫ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И НОВАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Показана связь между формами занятости в современном информационном обществе и новой социальностью. Трансформация человеческого капитала увязана с новыми пространственными формами организации профессиональной деятельности сотрудников компаний.

Ключевые слова: информационное общество, занятость, фриланс, прекариат, новая социальность.

Loiko Alexander Ivanovich

Doctor of Philosophy, Professor

Belarusian National Technical University (Minsk)

FORMS OF EMPLOYMENT IN INFORMATION SOCIETY AND NEW SOCIALITY

Abstract. The connection between the forms of employment in the modern information society and the new sociality is shown. The transformation of human capital is linked to new spatial forms of organizing the professional activities of company employees.

Keywords: information society, employment, freelance, precariat, new sociality

Информационное общество создало новые условия самоактуализации. Социально-экономический статус молодого человека определяется тем, насколько он владеет информационными и коммуникационными технологиями. Они являются условием его трудоустройства и профессионального роста.

Цифровое общество в сочетании с фактором коронавирусной пандемии актуализировало феномены информационной депривации, цифровой бедности, цифрового неравенства. Социализация личности в обществе осуществляется на основе интернет-коммуникации, социально-сетевых платформ [см.: 1]. За относительно короткое время в обществе возникли два социальных пространства – традиционное информационное общество и виртуальная социальность [см.: 2]. Их особенности располагают к конфликту поколений.

Этот аспект актуализирован М. Мид [см.: 3]. Информационные технологии создали атмосферу перманентного тестирования традиционных источников информации на основе интернет ресурсов. Мобильный телефон стал для поколений «у» и «z» базовой инструкцией образа жизни. Утерянная старшими поколениями монополия авторитета актуализировала методологию межпоколенного диалога. Менеджеры хотят восстановить структуры коммуникации в новых условиях диалога с подчиненными.

Актуальной стала парадигма понимающей коммуникации. Она нацелена на сохранение конструктивной среды в обществе. Подобная стратегия основана на том, что понимающая установка сознания является установкой ценностного сознания, находящегося в предметном поле психологии развития личности, социализации и адаптации к пространству культуры.

Концептуальная основа парадигмы понимающей дидактической коммуникации сформирована в работах В. Дильтея. Э. Кассирер сформулировал основные парадигмальные признаки понимающей коммуникации через представление социального пространства как совокупности парадигматических реальностей культуры. Человек

исторически выработал искусство жить в им же созданной культуре. В основе этого искусства лежит смыслопорождение, символическое оформление культуры. Оно реализуется через процессы понимания социальной роли и социального статуса ценностей.

Л. Петражицкий тематику понимания ввел в пространство правового сознания. По его мнению, объективность правовой оценки зависит от понимания внутренних мотивов поведения людей, нарушающих действующие правовые нормы. Преступление не сводится только к генетической предрасположенности на уровне физиологии. Оно не ограничивается только рисками девиантного поведения. Важную роль играют культурные факторы социализации, особенности характера, эмоциональной сферы в психике человека.

Под влиянием феномена витебской художественной школы М. М. Бахтин пришел к выводу о существовании кроме эпистемологического также еще одного – когнитивного аспекта сознания и мышления. Формами существования этой рациональности является эстетика народной культуры, диалог, соответствующие основным концептуальным параметрам парадигмы понимающей коммуникации.

Л. С. Выготский сформулировал тезис о поведении человека по критерию реакции на основе речи (вербальной коммуникации, диалога). При таком подходе во внимание берутся язык и искусство как формы культуры. Для усиления теоретических ресурсов исследований Л. С. Выготский изучил работы представителей бихевиоризма, гештальтпсихологии, психоанализа. Он остался верен своей исходной позиции в психологии и педагогике. Подтверждением стала работа «Смысл психологического кризиса». Усиление культурной доминанты в анализе психических процессов выразилось в понятии знака. В результате модель коммуникации была трансформирована в парадигму понимающей коммуникации. В процессе этой коммуникации особая роль в диалоге отводится знаку. Знак стимулирует диалог и формирует основу обратной связи в форме речевой коммуникации.

В процессе оперирования знаковой системой первичные психические процессы памяти, внимания, мышления трансформируются в социокультурные процессы. Теория сопровождалась дефектологическими и педологическими исследованиями. С. В. Выготским были написаны уникальные работы по возрастной психологии развития личности в пространстве культурных форм. Эмпирические прикладные исследования способствовали расширению концептуальной трактовки парадигмы понимающей коммуникации. Ученый стал рассматривать знак в связи со значением и диалогом, обучением и воспитанием.

Особую роль Л. С. Выготский отводил детскому возрасту, в границах которого личность присваивает основной массив культурных ценностей, формирующих его творческие ресурсы. Особенность социализации ребенка в условиях информационного общества заключается в том, что его формирует социальная сеть. Под влиянием этой сети сформировалась креативная модификация прекариата. Это люди с высшим образованием, которые дали начало креативной индустрии самозанятости. Эта индустрия предоставила им свободный график работы в домашних условиях, творческую свободу, независимость от постоянного контакта с неудобным руководителем.

Но есть во фрилансе, в том числе электронном, элементы социальной депривации [см.: 4]. Они формулируются как отсутствие карьерного роста, нестабильность и неравномерность доходов, отсутствие социальных гарантий и возможности общения в коллективе. Отсутствие карьерного роста во фрилансе особенно сильно сказывается на блогерах, для которых характерна амбиция неформального и формального лидера. Это видно по политическим процессам в Беларуси августа 2020 г.

Библиографический список

1. Вершинская О. Н., Скворцова Е. Е. Интернет и качество жизни // Народонаселение – 2017. – № 2. – С. 119–128.
2. Чванова М. С. Анурьева, М. С., Киселева И. А. Влияние Интернета на социализацию молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 22. – Выпуск 5. – С. 23–35.
3. Mead M. Cultural man. In: Man in Community, Ed. Egbert De Vries. – London, SMC Press. – 1966. – pp. 197–217.
4. Колесникова Т. В., Перчинская Н. П. Фриланс – нестандартная форма занятости, инновационная тенденция на рынке труда // Инновации – 2014. – № 5. – С. 42–45.

Ломако Леонид Леонидович

старший преподаватель

Email: parmenid@bk.ru

Мальцев Ардалион Константинович

студент

Email: pavic@mail.ru

Мальцев Константин Геннадьевич

доктор философских наук, профессор

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

Email: maltsevaannav@mail.ru

ОБ «ИЗНАНКЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»

Аннотация: «Цифровой концлагерь» в перспективе метафизически определенной европейской истории есть необходимая и окончательная форма порядка, бесконечно длящегося «последнего периода конца нового времени»; названный концепт может быть представлен как синтез рассуждений об обществе и человеке в европейской метафизике XX века, от М. Хайдеггера и К. Шмитта – до М. Фуко и Дж. Агамбена.

Ключевые слова: цифровизация, чрезвычайное положение, аномия, суверенное решение, «голая жизнь».

Loenko Leonid Leonidovich

Assistant Professor

Maltsev Ardalion Konstantinovich

Student

Maltsev Konstantin Gennadievich

Doctor of Philosophy, Professor

Belgorod State Technological University named after V.G. Shouhov

ABOUT THE “UNDERSIDE OF INFORMATION SOCIETY”

Abstract. The "Digital concentration camp", in the perspective of a metaphysically defined European history, is the necessary and final form of the order of the endlessly continuing "the last period of the end of modern times". This concept can be presented as a synthesis of arguments about society and man in the European metaphysics of the 20 century, from M. Heidegger and K. Schmitt to M. Foucault and J. Agamben.

Keywords: digitalization, state of emergency, anomie, sovereign decision, "bare life".

Последовательно и даже фанатично конструируемый в СМИ миф «информационного общества» имеет свою «изнанку»: чаще всего пишут о грозящем «цифровом концлагере». Мы имеем дело одновременно с идеологическим заказом – и эмоциональной реакцией тех, для кого «восторженный образ мыслей» является в первую очередь очевидным свидетельством существующего заговора. В то время как достаточно разместить концепт (полагаем, что он все-таки есть) «информационного общества» в определенную перспективу, как «восторг и проклятия» просто перестанут что-либо значить: информационное общество, то есть исключительное господство цифры, есть такая «необходимость», которая обнаружилась как «сущностная форма эпохи завершения нового времени» (М. Хайдеггер [см.: 4]), когда чрезвычайное положение (К. Шмитт [см.: 5; 6]) как «концентрационный лагерь» становится нормой (Дж. Агамбен [см.: 1]), и «чистое насилие» (В. Беньямин [см.: 7]) – единственное «реальное» (различение «реального» и «действительного») как «конститутив современности». Нашей задачей является не развернуть эту «формулу», но только обозначить условия ее связности; то есть продемонстрировать, как «суть» бесконечно длящейся и не способной к гибели «современности» (техника и «мечта новоевропейско-

го субъекта окончательно встроиться в машину»), в которой нет «места для решения» («места встречи человека и бога»), организуется вокруг «пустого места» (которое раньше занимал суверен как «наместник бога») как теперь «постоянно расширяющейся области чрезвычайного положения» – аномии, то есть «концентрационного лагеря», в котором никто больше не способен использовать (то есть – и придать форму) насилие, превратившееся во «все заполняющую среду» существования современного человека как «историографического животного».

Утверждение господства субъекта в новое время имело последствия: во-первых, просчитываемость действительности, данной в удостоверяющем представлении, то есть господство «цифры» и цифровизация были предопределены и необходимы; во-вторых, сам субъект как наличный, то есть в области политики – как гражданин и лицо, наличествует как «сумма интересов», без остатка просчитывается через интересы; наконец, в-третьих, современность как таковая, конституированная на основе идеи техники, предполагает и требует «окончательного встраивания субъекта в машину», что, как мы сказали, есть и «мечта» современного индивида, – результатом здесь является «искусственный интеллект», в понятии которого субъект становится «снятым».

В экономической парадигме политического (Дж. Агамбен [см.: 2]) политика снята в управлении: различие в управлении людьми и вещами упраздняется, государство управляется как предприятие (М. Вебер [см.: 3]); техническая рациональность («эффективность») универсализируется, – и «место» политического решения («суверенное решение») упразднено (по Беньямину [см.: 7] – «структурно невозможно»).

«Пустое место» (раньше – «место суверена») является центром, относительно которого посредством механизма «исключающего включения» конституируется современный порядок; первоначально как «свободное и юридически пустое пространство», которое одновременно сегодня является нормой (фиктивное чрезвычайное положение, концлагерь как «матрица» современного политического порядка, «центр» самой «демократии»: Агамбен указывает на какую-то «особенную легкость» перехода от демократии к деспотии и обратно; он утверждает, что в «онтологической основе» демократия и тоталитаризм суть одно – определяемое биополитикой). Здесь «совпадают» суверен и homo sacer, правовой порядок и аноμία – снимаются в «голой жизни»; а «чрезвычайное положение как фундаментальная политическая структура в наше время все больше и больше выходит на первый план и стремится к тому, чтобы в конечном счете стать правилом. Когда наше время попыталось дать этому нелокализуемому видимую и постоянную локализацию, результатом стал концентрационный лагерь. Не тюрьма, а именно концлагерь является в действительности пространством, которое соответствует этой первоначальной структуре номоса» [1, с. 29].

Чрезвычайное положение стало нормой: «Чрезвычайное положение представляет собой в конечном счете механизм, призванный приводить в действие и подгонять друг к другу обе составные части политико-правовой машины, учреждая область неразличимости между аномией и номосом, между жизнью и правом, между auctoritas и potestas. Чрезвычайное положение основывается на изначальной иллюзии, сопрягающей аномию (в форме auctoritas, живого воплощения закона или «силы закона») с правопорядком, а власть приостанавливать действие нормы – непосредственно с самой жизнью. До тех пор, пока оба элемента остаются коррелятивными, хотя при этом они и различаются концептуально, разнесены во времени и принадлежат разным субъектам (как в республиканском Риме, где сенат и народ противостояли друг другу, или в средневековой Европе, где друг другу противостояли духовная и светская власть), их диалектическое взаимодействие, пусть и покоящееся на иллюзии, продолжает так или иначе сохраняться. Но когда эти элементы стремятся совпасть в одном субъекте, когда чрезвычайное положение, в котором они предстают связанными и неразличимыми друг с другом, становится нормой – тогда политико-

правовая система превращается в машину смерти» [2, с. 134], а центром политического порядка становится концентрационный лагерь, который становится нормой: жизнь и политика больше «не разделены»: «Одновременно с утверждением биополитики мы присутствуем при непрекращающемся сдвиге границ чрезвычайного положения и решения о голой жизни, в котором воплощался принцип суверенитета. Если в каждом современном государстве существует некая предельная граница различия, точка, где решение о жизни превращается в решение о смерти, и биополитика может таким образом обернуться танатополитикой, то сегодня эта граница, разделяющая два несомненно различных пространства, не является уже столь очевидной; скорее речь идет о движущейся линии, мало-помалу перемещающейся в более широкие пространства социальной жизни, где суверен все больше и больше образует некий нерасторжимый симбиоз не только с юристом, но и с врачом, ученым, экспертом, священником» [1, с. 156]. Лагерь есть «номос и матрица» политического пространства, «в котором мы живем»: «То, что происходило в лагерях, настолько превосходит юридические представления о преступлении, что специфическая политико-юридическая структура, в которой оформились эти явления, зачастую просто-напросто не учитывается. Лагерь – это лишь место, где осуществилось самое радикальное *conditio inhumana*, когда-либо бывшее на земле: в конце концов, именно это имеет значение как для жертв, так и для потомков. Мы же здесь сознательно проследуем в обратном направлении. Вместо того, чтобы вывести определение лагеря из событий, там произошедших, мы скорее зададимся вопросом: что такое лагерь, какова его политико-юридическая структура, отчего подобные события могли там произойти? Такой подход приведет нас к анализу лагеря не как исторического факта или аномалии, относящейся к прошлому (даже если, вероятно, все еще встречающейся), но в определенном смысле как скрытой матрицы, номосу политического пространства, в котором мы живем» [1, с. 211].

Выход – в «чистой политике» как «средстве без цели», достижимой через «чистое насилие»: «бесконечное дление того же самого» и неспособность к концу – суть современности.

Таким образом, «цифровой концлагерь» – это не просто «кошмар некоторых»; он – «становящаяся действительность»: «конец истории», сущностно подготовленный и приключившийся задолго до того, как об этом «заговорили все».

Библиографический список

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с.
2. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. – М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552 с.
3. Вебер М. Социология. /Макс Вебер/ Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. I. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.
4. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 528 с.
5. Шмитт К. Политическая теология. /К. Шмитт/ Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц., 2000. – С. 7–98.
6. Шмитт К. Понятие политического /К. Шмитт/ Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – С. 280–408.
7. Benjamin Walter. Zur Kritik der Gewalt // Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, 1972–1989. Vol. 2.1.

Мальшеев Юрий Михайлович

Инженер, кандидат философских наук

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Email: uramal1958@mail.ru

К ОНТОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: Создание полноценного искусственного интеллекта рассматривается как сложная междисциплинарная и многоплановая проблема, имеющая отношение ко всем сторонам жизни общества и в целом к проблемам мироздания и человека. Делается попытка соотнести онтологию искусственного интеллекта с известными в истории философии онтологиями и указать на появляющуюся в них новизну и возможность верификации. При этом предлагается использовать теорию графов, представляющих соотношения онтологических многообразий.

Ключевые слова: проблема мироздания, нечёткие онтологии, онтологические многообразия, каузохронотоп, искусственный интеллект.

Malyshev Yury Mikhailovich

Engineer, PhD (Philosophy)

Independent researcher, St. Petersburg, Russia

ON THE ONTOLOGY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The creation of a full-fledged artificial intelligence is considered as a complex interdisciplinary and multi-dimensional problem that is relevant to all aspects of society and to the problem of the human universe as a whole. An attempt is made to correlate the ontology of artificial intelligence with ontologies known in the history of philosophy and to point out the novelty and possibility of verification appearing in them. It is proposed to use the theory of graphs that represent the ratio of ontological manifolds.

Keywords: the problem of the universe, fuzzy ontology, ontological manifolds, causochronotop, artificial intelligence.

Онтологию искусственного интеллекта (ИИ) необходимо соотнести с онтологией естественного интеллекта (ЕИ), выяснить, как они могут соотноситься? Какова роль онтологии в искусственном сознании? Не является ли она искомым основанием любого сознания, в том числе искусственного?

Под онтологией понимается учение о сущем. Основными вопросами онтологии являются: что есть сущее, как и почему оно существует? Среди онтологий ЕИ можно выделить три основные группы. В первой – ключевой вопрос о возникновении – наиболее продуманными и разработанными являются креационистская (сущее возникло из ничего, сотворено в сверхъестественном акте) и субстанциальная (сущее не возникает и неуничтожимо). Вторая группируется вокруг дилеммы «единое – множественное». В этой группе выделяются онтологические монизм, дуализм, плюрализм. В эпоху ускоренного развития и нарастающего использования информационных технологий, квинтэссенцией которых мыслится ИИ, вокруг принципа объективного существования актуализируется группа онтологий, в которой косвенные доказательства того, что мы находимся в виртуальной реальности (или в «Матрице») становятся всё убедительнее.

Для осознания каузохронотопа событий [см.: 1, т. 3, с. 96], понимания и оценивания масштабной целесообразности действий, самоидентификации и стратегического планирования ИИ не должен быть наделён априорно моделью среды, в которой находится, но онтологически он может и должен быть соотнесен с ней [см.: 2]. Онтология ИИ должна быть адекватна объективной реальности, соответствовать ей. Такая онтология имплицитно содержится в языке, на котором мы говорим и думаем.

Если бы это было не так, человек не смог бы достичь выдающихся успехов: построить города, создать сложную технику и технологии, выйти в космос и приступить к созданию ИИ.

Вершиной любой онтологии является система категорий, в основе которой находятся всеобщие категории. Такие категории и их соотношения можно вывести, обобщая смыслы частей речи и членов предложения, поскольку именно предложение выражает законченную мысль [3, с. 97–114]. В результате мы получаем систему взаимосвязанных всеобщих категорий, которую можно представить в виде ориентированного графа. Такая форма представления позволяет отобразить не только онтологический статус всеобщих категорий и производных понятий, но и их соотношение (см. рисунок 1–2).

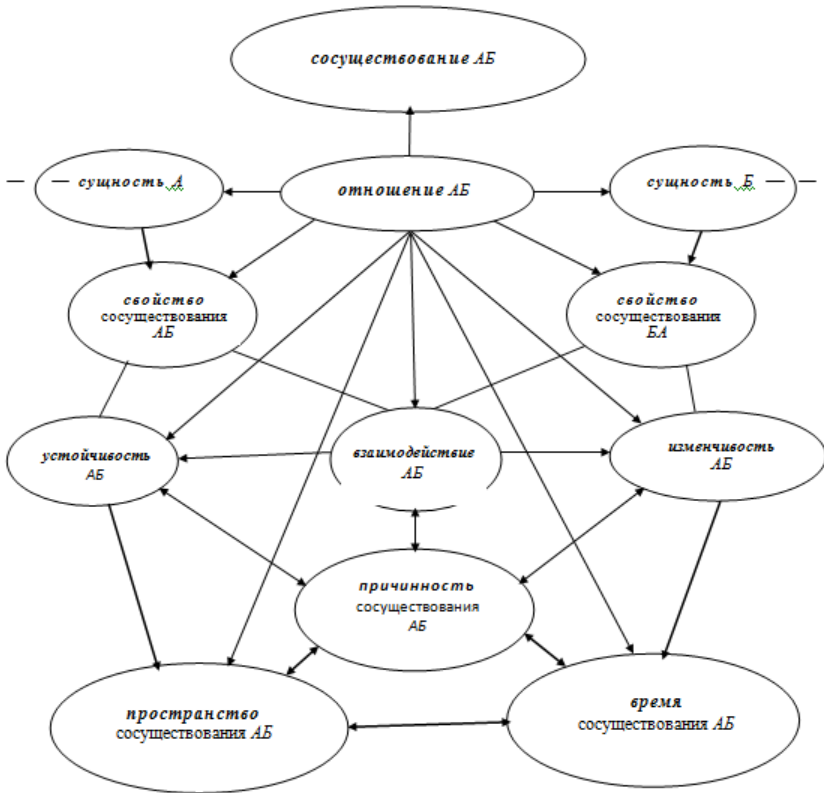

Рисунок 1 – Геометризация онтологии с использованием теории графов. Элементарная ячейка графа совокупности онтологических многообразий может быть дополнена другими сосуществованиями, поскольку сущность *A* и сущность *B* могут вступать в различные весовые отношения и находиться в них – определённых или неопределённых – с сущностями *B*, *Г*, *Д*, *Е*, *Ё*..., с бесконечным количеством взаимно сосуществующих, конституирующих существование друг друга сущностей, их свойств и отношений. В предельно общем виде соотношения категорий уже содержатся в данной ячейке графа онтологических многообразий, отображаются в ней.

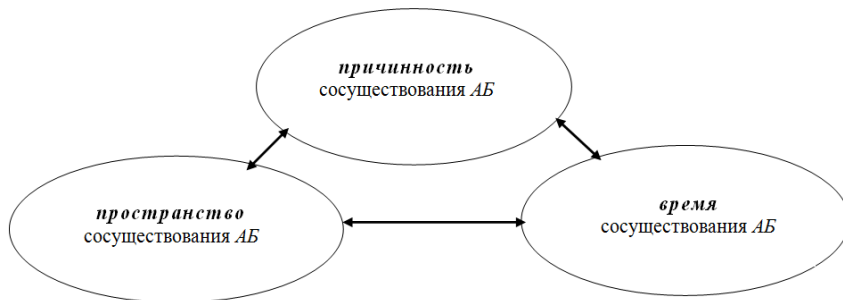

Рисунок 2 – Каузохронотоп сосуществования АБ – онтологическое единство причинностноподобных, времениподобных и пространственноподобных многообразий, которые не являются ещё категориями в строгом смысле. Чтобы стать, к примеру, пространством, необходимо в пространственноподобном онтологическом многообразии задать метрику или вывести её из конкретных измерений, единиц и их соотношений.

Сам факт создания полноценного ИИ или успешной продуктивной работы в этом направлении (учитывая, что это идеал, к которому устремлён техногенный «постав» овладения сущим в своём пределе) может выступать своего рода верификацией той или иной онтологии уже на промежуточных этапах. При этом в каждой из указанных групп может появиться нечто новое, специфичное для искусственного сознания. Возможно, появление самодостаточного ИИ будет связано с возникновением нового типа онтологии. Но в процессе создания, какой онтологии следует придерживаться разработчикам, создателям ИИ? Креационисткой, в соответствии с которой человек-Творец (Homo creaticus, Homo creator) действует по «образу и подобию бога», которого ещё нет, но который может быть? Но искусственное сознание возникает не из ничего, а из того, что есть, из достигнутого уровня миропонимания, культуры, науки, техники и технологий. Не исключено, что специфически новым будет нечётко-нечётный подход к онтологии, поскольку динамическая нечёткость является более общей, фундаментальной формой существования и его понимания по отношению ко всем видам чёткости – мерой осуществлённости событий, модусом, способом существования, не отражаемым «чёткими онтологиями» (рисунок 3). Чёткость выступает предельным, идеальным случаем нечёткости. Как отмечают специалисты в области ИИ, нечёткие дисциплинарные онтологии, охватывающие широкое многообразие возможных ситуаций, «работают лучше». Генерализация нечёткого подхода приведёт к появлению методологий, включающих нечёткое понимание и видение феноменов, с которыми сталкивается современная наука, философия, социология, экономика, политология, искусство и пр., к созданию понятийно-категориальных аппаратов, способных работать с объектами принципиально нечётких форм существования и выражения, нечёткой онтологии, гносеологии, аксиологии, тем не менее, не выходящих за логику естественного существования объективной реальности. Это возможно при обращении к системе нечётких всеобщих категорий и производных понятий, ядро которой можно представить в виде нечёткого графа нечётких категорий, вписывающихся в понимание и объяснение объективной реальности Вселенной и позволяющих в диалектике общего, особенного и единичного решать проблемы, встающие перед нами в настоящих условиях [4, с. 275–392; 1, т. 1, с. 194–278; т. 3, с. 207–210; 5, с. 183–186; 6].

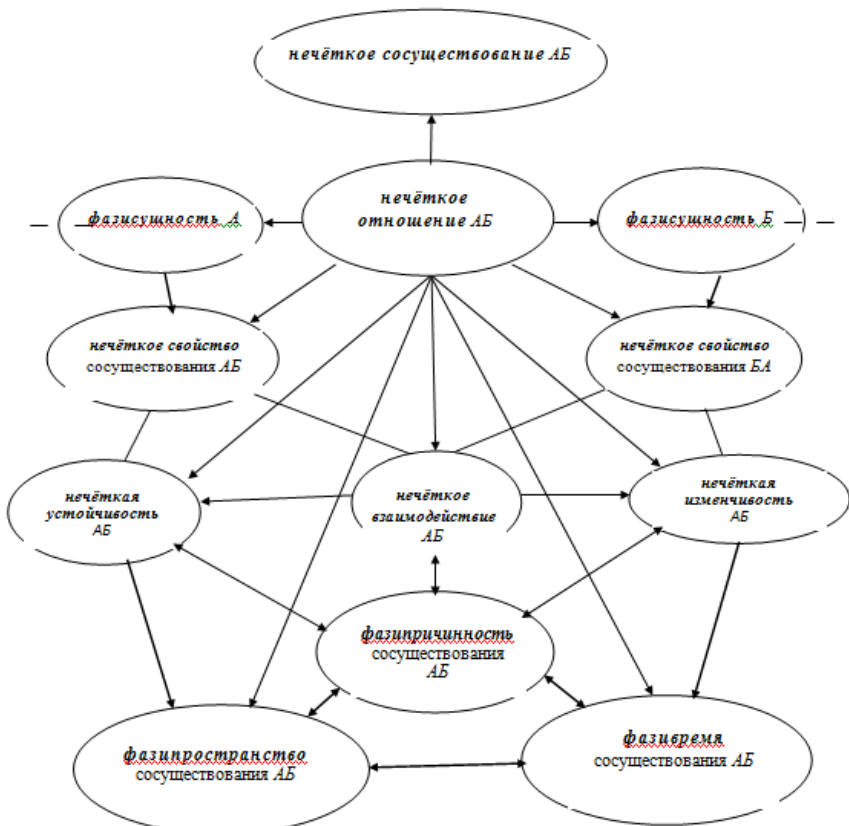

Рисунок 3 – Геометризация нечёткой онтологии с использованием теории графов. Элементарная основа нечёткого категориального графа реляционной матрицы нечётких всеобщих фазикатегорий. Под фазипричинностью, фазипространством, фазивременем понимается нечёткое причинностноподобное, пространственноподобное, времениподобное онтологическое многообразие сосуществования АБ, соответственно.

Существуют два онтологически, гносеологически и аксиологически взаимосвязанных феномена: феномен человека и феномен мироздания. Без понимания одного невозможно понять, оценить и освоить другое. До сих пор и то, и другое остаётся не понятным в значительной мере и, соответственно, не оценённым и не освоенным [см.: 3], существует стихийно.

Особенность текущего момента мировой истории заключается в революционном переосмыслении обоих феноменов. Это связано с открытием тёмной материи и тёмной энергии неизвестной природы (интерпретируемой как космический вакуум), квантовой телепортации, появлением нетрадиционных научных концепций мироздания, таких как многомирие (мультиверс), фазиверс [см.: 4] и др., но, прежде всего, с формированием новой идеи человека, который подошёл вплотную к созданию мыслящей сущности иного рода [см.: 5; 6; 7]. ИИ создаётся исторически как асимптотический процесс; общим, универсальным, самодостаточным или полноценным он

может быть в онтологическом пределе. Это в высшей степени сложная междисциплинарная и многоплановая проблема, затрагивающая все стороны жизни, которая не может быть решена узкими специалистами, экспертами в той или иной дисциплинарной области научно-технического поиска, исследования. Нужны широко, энциклопедически образованные и социально ответственные люди – полиматы. Постановка и возможное решение этой проблемы может восприниматься как «то, ради чего» всё было, есть и будет, как квинтэссенция не только истории человечества, но и всей жизни на Земле.

В проблеме ИИ можно выделить несколько **взаимосвязанных** аспектов. **Религиозный** (наиболее древний и фундаментальный по отношению к сознанию и человеческой психике) – стремление к бессмертию обретает более или менее конкретные техногенные контуры – бессмертие на техногенном бесконечно обновляющемся носителе. **Философский** – экзистенциальное продолжение человека, его экзистенциальная проекция в сущее, **отрицание** (по Гегелю) или **преодоление** (по Ницше), или **воочеловечение сущего** (по Фёдорову и Блоку). **Научный** – формирование информационной парадигмы, способной радикально расширить когнитивные, методологические, мировоззренческие, праксиологические основания понимания взаимодействия субъекта самоопределения со Вселенной, возможности преобразования сущего. **Художественный** – формирование образа субъекта самоопределения и действия, органично вписанного в логику развития Вселенной, идеального, прекрасного, творчески преобразующего Вселенную. **Геополитический** предполагает решение всех накопившихся проблем козволюции человека, общества, природы за счёт создания ИИ, который унаследовал бы *определённую культурволю, её идеалы* и связанные с ними *ценности*, а вместе с ними и **право** неограниченно быть и господствовать не только здесь, на Земле, но и в космосе, и далее везде, во всех доступных и возможных областях и модусах существования. Ставки подняты как никогда высоко, поскольку успех полностью «обнулит счётчик» в конкуренции земных цивилизаций и культурволей.

Библиографический список

1. Малышев Ю. М., Семенов А. Г., Семёнов О. П., Сергеев В. М. Русский космизм как проект. В 3 т. – СПб.: СПбПУ, 2018. – 1366 с.
2. Семинар сибирской школы искусственного интеллекта... – Алексей Потапов. URL: <https://youtu.be/ZTPfz6WuxXA> (дата обращения 06.01.2020).
3. Малышев Ю. М., Семенов А. Г., Семёнов О. П. Феномен мироздания: за и против. – СПб.: СПбПУ, 2016. – 582 с.
4. Малышев Ю. М., Семенов А. Г., Семёнов О. П. Фазиверс. – СПб.: СПбПУ, 2017. – 842 с.
5. Малышев Ю. М. Нечёткая истина // Аллея науки. URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/05January2019/NEChYoTKAYa%20ISTINA.pdf.
6. Малышев Ю. М. Поиск истины в пространстве современной культуры с помощью искусственного интеллекта // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2019. – № 3(25). – С. 47–63.
7. Алексей Турчин. Цифровое бессмертие: как собрать информацию о себе так, чтобы будущий ИИ мог вас воскресить // Трансгуманизм. URL: https://vk.com/transhumanist?z=video-107391_456239358%2Fvideos-107391%2Fpl_-107391_-2 (дата обращения 14.10.2019).

Минабутдинов Иван Владимирович

аспирант

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

E-mail: i.v.minabutdinov@gmail.com

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (МК-1740.2019.6).

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОЛЯ ДЕГУМАНИЗИРОВАННОЙ ЭТИКИ В ПРИЗМЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В данной статье изучается проблема выявления и описания проблемного поля дегуманизированной этики. Дегуманизированная этика рассматривается посредством коммуникационной сферы глобализации, поэтому выявляется разнообразие научных и исследовательских точек зрения в изучении глобальной коммуникационной области. Обозначенные проблемные вопросы можно разделить на три ряда. Проблемы первого ряда образуются вокруг обсуждения места дегуманизированной этики как в социуме, так и в системе координат научных знаний. Проблемы второго ряда можно объединить в три звена: проблемы определений, проблемы подходов, проблемы индивида. Проблемы третьего ряда включают в себя выражение морального сознания в коммуникационной глобальной сфере, что приводит к виртуализации общества и личности человека. Осуществляется попытка выделить границы поля дегуманизированной этики и дать определения основным понятиям формулировкам.

Ключевые слова: дегуманизированная этика, гуманизм, коммуникационная сфера глобализации, этическая стабилизация, виртуализация, глобализация, информационное общество, коммуникационная область, философия личности, массовые коммуникации.

Minabutdinov Ivan Vladimirovich

PhD Student

Ural Federal University Named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

IDENTIFICATION OF THE FIELD OF DEHUMANIZED ETHICS THROUGH THE PRISM OF THE COMMUNICATION SPHERE OF GLOBALIZATION

Abstract. This article examines the problem field of dehumanized ethics. Dehumanized ethics is considered in the global communication field, thus revealing a variety of scientific and research points of view in it. The identified problematic issues can be divided into three levels. The first-level problems arise around the discussion of the place of dehumanized ethics both in society and in the field of scientific knowledge. The second-level problems can be combined into three groups: problems of definitions, problems of approaches, problems of the individual. The third-level problems include the manifestation of moral consciousness in the communication global sphere, which leads to the virtualization of society and human personality. An attempt is made to limit the field of dehumanized ethics and to define the basic conceptual formulations.

Keywords: dehumanized ethics, humanism, communication sphere of globalization, ethical stabilization, virtualization, globalization, information society, communication field, philosophy of personality, mass communication.

В современном мире изучение коммуникационной сферы глобализации расширяется с каждым днем. Такое проявление интереса вполне понятно – за последние несколько десятков лет произошла настоящая революция в области информационных технологий. Последующие этические, социальные, политические, экономиче-

ские, информационные преобразования не могли не привлечь к себе внимания со стороны научного сообщества. Можно предположить, что область этики не могла остаться в стороне и изменилась вместе с современным обществом. Социум, где на фоне глобальных коммуникационных потрясений происходила смена общественных парадигм, подвергся серьезному переустройству. Невероятное, технологически быстрое развитие интернета, повсеместное распространение социальных сетей, мессенджеров и прочих коммуникативных площадок породили очень интересное явление – анонимность в мировой информационной паутине и обезличивание взаимоотношений между индивидами. Человек, надевая цифровую маску и примеряя на себя несуществующий аватар (а то и вовсе скрываясь за случайным набором чисел и анонимайзерами, подключая дополнительные опции в области шифрования) меняет свое отношение к другим людям, испытывает сложность идентификации стороннего живого человека с настоящей личностью. Данный процесс может проходить неосознанно и незаметно, поэтому таит в себе наибольшую опасность. На фоне такой неопределенности в человеческих отношениях без сущности «человеческого» и возникает социально-философская проблема дегуманизированной этики, где исследователи сталкиваются с необходимостью выявления ее предметного поля и последующим определением сферы влияния на общество [см.: 1].

Важно отметить, что весь этот информационный слой не включает в себя общепринятого понятия не только информационного общества, но и информации, однако отмечен недостаток проработки терминологии, расплывчатостью свойств информационного общества. Данные факты приводят к проблеме понимания его положения к иным типам социального развития [см.: 2].

Мы можем принять во внимание мнение, согласно которому информационная и коммуникационная область зачастую используется просто в качестве некой речевой фигуры; такая трактовка может представлять из себя скорее метафору из области литературы, нежели логически выверенный и четкий термин [см.: 3].

Таким образом, дегуманизированная этика и ее рассмотрение через призму коммуникационной сферы глобализации сталкивается с подобной проблемой. Чтобы нивелировать подобное неопределенное влияние «этики без человека» на сущностную характеристику социума, мы можем постараться определить и выявить проблемное поле дегуманизированной этики и более внимательно изучить исследование коммуникационной области на фоне глобальных процессов современности.

Возникает необходимость в рассмотрении некоторых проблемных вопросов, которые я считаю возможным разделить на три условных ряда.

Проблемы первого ряда являют собой дискуссии и полемику, посвященные месту этики как в социуме, так и в актуальной системе научного знания. «Отрыв» человека от привычной формы взаимоотношений подстегнул развитие дегуманизированной этики.

Проблемы второго ряда можно разделить на три звена: проблемы определения (дефиниции), проблемы подходов и проблемы индивида (личности). Если объединить все проблемы второго ряда в один связующий «хаб», мы можем выделить основные проблемные границы дегуманизированной этики, синтезируемые в формулировку вида: множество нечетких определений, обусловленных разностью подходов, применяемых исследователями в своей работе.

Проблемы третьего ряда непосредственно затрагивают проблемное поле дегуманизированной этики и коммуникационной сферы глобализации. В этой категории скрывается целый пласт проблем, исследованием которых научное сообщество занимается в настоящее время, пытаясь выявить и сформулировать общие законы и положения. Подобного рода проблемы могут выходить за рамки этики и преобразовываться в мультидисциплинарные задачи. Например, в современном мире коммуникационная и информационная среда, которая зачастую базируется на электронных связях, квалифицируется такими отличительными знаками, как «аноним-

ность», «креативность», «виртуальность», «гипертекстуальность», «мозаичность», «интерактивность», «глобальность» и порождает специфические коммуникативные способы и средства связи, создает уникальную социальную сферу существования индивидов [см.: 4]. Этическое значение любой из вышеперечисленных опций сложно не отметить. Виртуализация общества и отдельной человеческой личности, анонимное общение в Интернете, – все это приводит к необходимости упомянуть такие серьезные и важные проблемы, оказывающие непосредственное влияние на социум [см.: 5].

Дегуманизованная этика предлагает себя в качестве альтернативы уже устоявшимся этическим воззрениям. Анонимность, обезличивание и потеря индивидуальности видится не такой уж большой проблемой по сравнению с теми возможностями, что открываются перед человеком, который на добровольной основе ступает на путь отказа от общепринятых норм этики гуманизма. Теперь гуманизм определяется не как центральное дискурсивное ядро, а как совокупность возможных дискурсивных вариаций концептуализации человеческого (человеческие подход / поведение / образ жизни / реальность / свобода, etc.).

Дегуманизованная этика сама создает «неофициальные» правовые структуры, она сама по себе является стабилизирующим механизмом в коммуникационной сфере глобализации и начинает играть по своим правилам. Этика, которая прежде представлялась исключительно как форма организации и регуляции межлических отношений, расширяет свои рамки: этические отношения начинают включать в себя не только людей, но и животных и даже неживые объекты. В дегуманизованной этике человек уже не стремится к совершенству – он ищет «цельности», сущностной целостности, даже если для этого придется отказаться от привычного понимания термина «человеческий».

Библиографический список

1. Panayot Butchvarov. *Anthropocentrism in Philosophy: Realism, Antirealism, Semi-realism* / De Gruyter, 1st Edition, 2015. – 255 p.
2. Литвак Н. В. О классификации концепций информационного общества // *Философия хозяйства*. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2010. – № 3. – С. 223–234.
3. Невоструева А. Ф. Единое информационно-коммуникационное пространство: теория и реальность // *Дискуссия*. – 2012. – №10. – С. 106–109.
4. Егоров М. В. Роль коммуникаций в современном сетевом обществе // *Вестник университета*. – 2015. – №7. – С. 212–215.
5. Александрова Л. Д. Виртуальное сообщество и этика сетевых коммуникаций / Л. Д. Александрова // *Актуальные проблемы культурологии и педагогики / Материалы международных научно-практических конференции научной сессии «Х Невские чтения»* / Под ред. Н. Г. Боевой – Санкт-Петербург. – Изд-во невиский институт языка и культуры, 2008. – С. 49–52.

Некрасов Станислав Николаевич

доктор философских наук, профессор

Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина;

Уральский государственный аграрный университет

Email: Nekrasov-ural@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ СМЫСЛАМИ В КОНЦЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАУКИ БУДУЩЕГО И О БУДУЩЕМ

Аннотация. Третья мировая гибридная война глобальными планировщиками намечена в сферах нанобиоинфокогни-моделирования, то есть столкновение перемещается в сферу войны смыслов и борьбы за управление смыслами, то есть на вызовы времени будут отвечать науки будущего и о будущем. В конечном счете сталкиваются социалистическая утопия благодати – для всех за счет упорного труда и науки – и реакционная антиутопия конца истории. Беда России в том, что помимо национальных проектов она не имеет и не реализует свой глобальный проект. Таким проектом станет проект изобилия органических продуктов сельского хозяйства для единой планеты и новых смыслов будущего, возникающих в сельской глубинке традиционной России. В мире информационного потопа необходима информационная смысловая контрреформация.

Ключевые слова: нанобиоинфокогни-моделирование, война смыслов, утопия благодати, антиутопия благополучия, глобальный проект, захват будущего, инновационная держава, смысловая контрреформация.

Nekrasov Stanislav Nikolaevich

Doctor of Philosophy, Professor

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;

Ural State Agrarian University

MANAGING MEANINGS AT THE END OF GLOBALIZATION AND SCIENCES OF THE FUTURE AND ABOUT THE FUTURE

Abstract. The third hybrid world war is scheduled in the areas nanobioinfocognition-simulation, that is, the collision is moved to the field of war of ideas and fight for control of the senses, that is, sciences of the future and about the future will meet this challenge. Ultimately, the socialist utopia of grace - for everyone through hard work and science - and the reactionary dystopia of the end of history collide. The trouble with Russia is that in addition to national projects, it does not have and does not implement its own global project. This project will be a project of abundance of organic agricultural products for a single planet and new meanings of the future that arise in the rural hinterland of traditional Russia. In the world of the information flood, an informational semantic counter-reformation is necessary.

Keywords: nanobioinfocognition modeling, war of meanings, utopia of grace, dystopia of well-being, global project, capture of the future, innovative power, semantic counter-reformation.

Объявленная Западом третья мировая гибридная война будет идти в сферах нанобиоинфокогни-моделирования. Нано- предполагает миниатюризацию элементной базы вычислительной техники, здесь лидируют США и КНР. Био- предполагает создание искусственных вирусов как боевого поражающего генокод оружия различных этносов и наводящих панику и разрушение экономической жизни масс и континентов. Инфо- предполагает конкуренцию в области «big data», «интернета вещей» между «Хуавэй» и «Майкрософт» с элементной базой «Интел». Когни- предполагает конкуренцию смыслов и глобальных проектов: китайский проект будущего планеты

как «содружества общей судьбы человечества» и американский проект трансгуманизма, создания управляемого искусственного человека и сокращения населения планеты. Сказанное означает, что война цивилизаций и классов, красного Китая и синего либерального Запада (на штабных картах до сих пор Красные – это наши, Синие – противник) перемещается в сферу войны смыслов и борьбы за управление смыслами. Эти два государства обращаются к своим народам и к народам планеты с донесением своего смыслового послания будущему. Фактически, здесь сталкиваются социалистическая прогрессивная утопия благосостояния – для всех за счет упорного труда и науки – и буржуазная реакционная антиутопия конца истории.

Какова роль буржуазной России, РФ в этом раскладе сил в начале столкновения дракона и орла, какое место отводится медведю? Как сделать так, чтобы медведь выступил как «витязь в тигровой шкуре», а не козел в шкуре медведя, с рогами назад как это можно прочесть на эмблемах некоторых политических сил страны? Сегодня РФ планирует свою роль в качестве охранника, блюстителя порядка на просторах Евразии, защищающего тыл Китая, понимаемого как единое общество, живущее по принципу «одна страна – две системы»: красный Китай или КНР и белый Китай, республика Китай на Тайване. До конца года мы увидим на сессиях ШОС и БРИКС прояснение позиции РФ в холодной войне США, объявленной КНР. Либо Россия остается «часовым Евразии», как и Советский Союз, а значит надежным тылом китайской экспансии в мир, либо она станет передовым ударным отрядом американских глобальных монополий. Беда России в том, что помимо национальных проектов она не имеет и не реализует свой глобальный проект. Возможно, таким проектом, исходящим из глубин русской истории, станет проект изобилия органических продуктов сельского хозяйства для единой планеты. Такой проект предполагает превращение России в промышленную инновационную державу. Очевидно, что буровую и кладовую планеты легко захватят более сильные хищники, и потому, как пишет М. Калашников, «будущей России необходимо стать не «кладовой и буровой планеты, а прежде всего промышленно-инновационной державой» [1, с. 292].

Полковник внешней разведки, или классической «орденской разведки», китаевед А. П. Девятков продолжает линию исторического материализма в отличие от идеалистической геополитики в парадоксальной форме «небополитики», именно как продукта орденской политической разведки. Он пишет: «В доиндустриальном обществе натурального хозяйства основным богатством была земля – сельскохозяйственные, лесные и охотничьи угодья. Энергия природы поступала от Солнца. <...> В индустриальном обществе производства товаров и услуг основным богатством стал капитал – главная величина *наличной стоимости энергии* в форме денег, сырья и топлива...». В этих условиях власть превращается в управление культурными кодами и здесь следует подчеркнуть принцип военного искусства: «Удерживающий (делающий ставку на укрытие в нишах и щелях безопасности) в конечном итоге теряет. Тогда как приобретает лишь тот, кто маневрирует, захватывает или перехватывает управление процессами обмена веществ, энергии и информации» [2, с. 12].

Управление смыслами предполагает, что люди не просто живут, они ведут человеческую жизнь и осмысливают свои действия. Если государство не объясняет, зачем людям следует выращивать и собирать урожай, разводить домашних животных, то будет объяснять другое государство и его власть. Такова ситуация в условиях глобализации, где индивиды для прикрепления к земле и ее освоения должны получить высшие смыслы своего существования. А. П. Девятков пишет: «Характерной чертой глобализации выступает конвергенция – сведение разного в одно. Первым этапом глобализации (1971–1991) была конвергенция капитализма и социализма, их систем управления хозяйством и обществом. «Сведение в одно» началось с отмены золотого обеспечения USD... Вторым этапом в 2002 году была объявлена конвергенция в части сознания. А именно схождение неживой и живой природы на молекулярном

уровне с подложкой инфраструктуры информационных технологий по модели работы человеческого мозга – nano–bio–info–cogno – (NBIC) конвергенция...

В постиндустриальном обществе экономики знаний основным богатством станет понимание смыслов бытия в форме способности людей выстраивать ряды (цепочки) последовательных шагов из любого исходного положения к желаемому результату. Согласно лозунгу «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Ибо через смыслы можно управлять всем процессом бытия.

В информационном обществе экономики знаний основной мотив тратить энергию жизни как в монастыре перейдет из сферы натурального, а затем рационального в сферу иррационального – в сферу смыслов самой жизни» [2, с. 19]. Крестьянин на русской земле тут получает преимущества истории – он знает сакральный смысл своей работы, но не использует его, поскольку чуждое государство в лице чиновников-функционеров не идет навстречу и не владеет этим смыслом. Но как только от государства послышится негромкое «братья и сестры», энергия русского народа и российского крестьянства придет в бурлящее творческое движение.

Поскольку захват будущего через создание новых жизненных смыслов предполагает освобождение личности от информационной зависимости в культуре мира информационного потопы, необходима информационная контрреформация [см.: 3]. Такая историческая процедура не представляет собой информационную контрреволюцию. Напротив, она позволяет прошедшим ее горнило, пройти на новый Ноев ковчег, которым имеет все шансы стать Россия. Следующим этапом взаимодействия новых людей ковчега станет конфронтация социальных и этических систем [см.: 4]. Преодоление конфронтации ценностных систем возможно в цивилизационном неоиндустриализме, который позволит уйти от язв капиталистического развития. Развитие жизненных смыслов не может быть спонтанным и требует тщательного управления, поскольку возможно направление развития в сторону фашистских корпоративных смыслов, неолиберальной идеологии потребительства и иных вариантов теологической, то есть светской государственной идеологии [см.: 5]. Нужна научная культурологическая экспертиза смыслообразования. Свой вариант экспертизы мы уже предложили на культурологических конгрессах России. К сожалению, культурологическая ассоциация страны приказала долго жить, и конгрессы более не проводятся. Однако актуальность философско-культурологической экспертизы только возросла в связи с отсутствием глобального проекта страны, государственной идеологии, что ставит вопрос особо остро – у нас суверенная страна или корпорация, предлагающая нефть и газ на экспорт?

Библиографический список

1. Калашников М. Россия на дне. Есть ли у нас будущее? – М.: Яуза-пресс, 2009. – 348 с.
2. Девятов А. В. Путь правды – разведка. Теория и практика «мягкой силы». – М.: Волант, 2013. – 87 с.
3. Некрасов С. Н. Для восстановления культуры личности нужна информационная контрреформация в культуре эпохи информационного потопы // Мировоззренческие основания культуры современной России. – Магнитогорск: МГТУ, 2020. – С. 92–97.
4. Некрасов С. Н. Конфронтация социальных и этических систем и ее преодоление в цивилизационном неоиндустриализме // V Валеевские чтения (г. Уфа, 24 апреля 2020 г.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 70–75.
5. Некрасов С. Н. Культурологическая экспертиза и диалог культур в мире постглобализации // Научные труды КубГТУ. – № 3. – 2020. – С. 676–685.

Овчаров Антон Олегович

доктор экономических наук, профессор
 Российский государственный университет правосудия
 Email: anton19742006@yandex.ru

Овчарова Татьяна Николаевна

Кандидат философских наук, доцент
 Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
 Email: ovcharovat@yandex.ru

НОВОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Ценностные ориентации культуры постмодерна и постиндустриальное информационное общество как его основа меняют представления о новом и творчестве.

Ключевые слова: новое, постмодерн, ценности, информационное общество, мультимедиа.

Ovcharov Anton Olegovich

Doctor of Economics, Professor
 Russian State University of Justice

Ovcharova Tatiana Nicolaevna

PhD (Philosophy), Associate Professor
 Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

NEWNESS IN THE POSTMODERN ERA

Abstract. Values orientations of postmodern culture and post-industrial information society as its basis change ideas about newness and creativity.

Keywords: new, postmodern, values, information society, multimedia.

Сегодня способность генерировать новое является конкурентным преимуществом не только в экономике, но и в любых других сферах жизни. В современном быстро меняющемся мире только создавая новое можно отвечать на вызовы времени и быть конкурентоспособным. С понятием нового неразрывно связано творчество, для которого новизна и социальная значимость результатов оказывается существенным признаком. На любом историческом этапе, создавая новое, творческая деятельность открывает перспективы для движения общества вперед. Особую актуальность обретает постановка вопроса о новом в эпоху постмодерна, оценка которой далеко не однозначна по причине разных трактовок объективных основ эпохи постмодерна.

В литературе часто не проводится разграничения двух понятий – «постмодерн» и «постмодернизм». Мы будем придерживаться той точки зрения, что понятия «модерн» и «постмодерн» характеризуют эпоху, а понятия «модернизм» и «постмодернизм» выражают дух соответствующей эпохи и находят воплощение в ее культуре. Становление индустриального общества связано с эпохой модерна, а современное информационное общество со свойственными ему особенностями наполняет содержанием эпоху постмодерна [см.: 5, с. 11]. Развитие информационного общества влияет на мировоззрение эпохи, меняет весь социокод культуры XX века. Постмодернистская культура – это культура виртуального мира, новой информационно-компьютерной реальности. В виртуальном мире отказываются от таких понятий, как предметное бытие, объективная реальность, сознание, человек-субъект, подменяя их отношением, дискурсом (текстом), информацией, автором, персонажем, пользователем. Мультимедийные технологии позволяют создавать многообразные среды, в которых действуют искусственно созданные персонажи, двойники реальных людей. В процессах коммуникации персонаж берет на себя творческие функции, привычно

соотносимые с целостным, духовно-телесным человеком, пользователь оказывается активным участником творческого процесса. Таким образом, вместо традиционной картины мира и человека в эпоху постмодерна строится модель мира, которая является отражением экспансии компьютерной техники, информационно-коммуникационных технологий.

Постмодернистская мысль объявила новое ключевой ценностью культуры, но трактовку нового дала не в традиционном смысле. Если модернизм как направление в культуре начала XX в. еще сопоставлял прошлое и современность, старое и новое, то для культуры постмодерна второй половины XX века такое сопоставление потеряло всякий смысл. Поиск нового, который осуществлялся преимущественно в сфере искусства, исчерпал себя еще в модерне, наступил кризис изобретательности [см.: 1]. Поэтому постмодернизм идею новизны истолковал парадоксально: новизна состоит в невозможности новизны, а понятие нового заменил понятием иного.

Эпоха всеобщей инаковости – так характеризует постмодерн Б. Гройс [см.: 3, с. 135]. При этом постмодерн формирует представление о равноценности иного, об отсутствии ценностной иерархии, которая предполагает разную социальную значимость иного. Но именно аксиологический аспект, ценностное наполнение нового отличает его от иного. Как социально-историческое явление новое не может быть основано только на формальном отличии от другого, не может быть просто иным, «новое есть всегда и прежде всего также нечто ценное, отличающее определенный исторический период, дающее преимущество настоящему перед прошлым» [3, с. 125]. Без аксиологической наполненности нет нового как критерия творчества, как фактора развития общества.

Постмодернизм провозгласил ценностный плюрализм, который выходит за рамки только эстетики. Для культуры постмодерна характерна, по Ж. Бодрийяру, «диффузия ценностей», «провести расчеты в терминах прекрасного или безобразного, истинного или ложного, доброго или злого также невозможно, – пишет он, – как вычислить одновременно скорость частицы и ее положение в пространстве. Добро не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат» [2, с. 11]. В данном случае речь идет не просто о ценностном плюрализме, но и о релятивизме ценностей. Там, где нет ценностной иерархии, не только новое невозможно, но и творчество теряет свою сущностную характеристику. Всеядность постмодернизма в области ценности приводит к тому, что ориентация творчества на положительные ценности не рассматривается как доминирующая, творчество как добротворение просто элиминируется из постмодернистского сознания.

Эпоха постмодерна своим основанием имеет, как уже было сказано, постиндустриальное информационное общество. Не только культура эпохи, ее мировоззренческие, ценностные установки меняют, корректируют представления о творчестве и новом, но и информационные технологии вносят свою лепту в облик творчества и нового.

Благодаря современным технологиям становится возможным практически полностью имитировать реальность. В созданном виртуальном мире человек может действовать, реализуя, в том числе, те желания, которые по какой-либо причине не удалось осуществить в реальном мире, может сотворить искусственные условия для успешной самореализации, вступить в общение, которое было немислимым ранее, и т. д. То есть в мультимедийном пространстве человек может проживать каждый раз новую жизнь, он становится творцом собственного бытия, но только иллюзорного, вымышленного. Такая имитация творчества опасна тем, что мешает социализации человека в действительном мире, порождает болезненную психоэмоциональную зависимость от виртуальной среды и уводит в сторону от подлинного творчества, нравственного самосовершенствования, от обновления себя и социально значимой деятельности по обновлению окружающего мира.

Стремление к новому всегда свойственно настоящему художнику, творцу. Художники XX в. – не исключение, и в поиске нового им помогают современные технологии, в авангарде которых идут технологии мультимедийные. Преимущество мультимедийных продуктов заключается в сочетании визуальности, звукового сопровождения и интерактивности. Свойство интерактивности даже способствовало появлению такого вида творчества, как интерактивное творчество. Симбиоз визуального, звукового ряда, интерактивности за счет эмоциональной насыщенности, яркости образов позволяет создавать «добавленное содержание» [4, с. 29]. Не совсем ясно, что автор имел в виду под «добавленным содержанием». Использование технических приемов, спецэффектов при создании мультимедийного произведения в первую очередь усиливает общее впечатление от созданного результата, вторичным при этом может оказаться задача донесения глубины содержания, смысла произведения, развитие критичности и самостоятельности мышления у пользователя этого продукта. Технические приемы часто используются художником для самовыражения, оригинальности и непохожести на других авторской манеры исполнения, т. е. налицо здесь, скорее, не творчество по созданию нового содержания, а креативность формы.

Под воздействием современных мультимедиа (и это следует отметить особо как отличительную особенность творчества в информационную эпоху) оказывается не результативная сторона творчества, а его коммуникативный аспект. Интерактивность на примере художественного творчества наиболее ярко выражает новое в коммуникации. Именно коммуникация, взаимодействие художника и его зрителя (слушателя, читателя), который в информационном пространстве становится пользователем, испытывает на себе новые технологии. Новизна не в продукте, а в формах взаимодействия, общения участников коммуникативного пространства. Из пассивного объекта воздействия технологий пользователь становится соавтором художественного произведения. Интерактивность позволяет участнику коммуникации активно использовать информацию, управлять развитием сюжета произведения, изменять колорит живописного произведения, менять музыкальное сопровождение и т.д. Сегодня потеряло значение традиционное деление участников коммуникации на отправителя и получателя информации. В интерактивном творчестве результат создается «здесь и сейчас», в режиме реального времени, пользователь оказывается соавтором произведения. Ярким примером «технологизации» творчества выступает «гиперлитература» или «сетература» (сетевая литература), отличительными признаками которой выступает интерактивность, отказ от линейного повествования, активная роль читателя. При всех положительных моментах интерактивного творчества следует видеть опасность новых технически опосредованных форм общения автора и пользователя-соавтора: возможность искажения авторской идеи, замысла, образа пользователем, неадекватного понимания или попросту утери смысла авторского произведения, без которого творчество перестает быть личностным, социально ответственным делом, создающим новые материальные и духовные ценности.

Библиографический список

1. Баткин Л. М. О постмодернизме и «постмодернизме». О судьбе ценностей в эпоху после модерна // Октябрь. – 1996. – № 10. – С. 34–47.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
3. Гройс Б. Утопия и обмен. – М.: Знак, 1993. – 374 с.
4. Елинер И. Г. Современная мультимедийная система и проблемы ее оптимизации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – №1(18). – С. 27–31.
5. Кутырев В. А. Философия постмодернизма. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. – 95 с.

Оконская Наталья Камильевна

Доктор философских наук, профессор

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Email: nataokonskaya@gambler.ru

Ермаков Михаил Александрович

Кандидат социологических наук, доцент

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Email: sociovampire@mail.ru

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация. Избыточность информационных технологий в России на фоне разрыва гуманитарных связей приводят к понижению уровня жизни. Однонаправленность оптимизации социальных институтов в силу все большего преобладания в коммуникациях виртуальных связей ведет к легитимации упрощенного наемного труда, способствуя вымыванию предприимчивости мелкого и среднего бизнеса. Выход из данного противоречия возможен на пути к развитию цифровой информационной культуры общества.

Ключевые слова: информационное общество, экономика, гуманитаризация, технизация, цифровая культура.

Okonskaya Natalia Kamilevna

Doctor of Philosophy, Professor

Perm National Research Polytechnic University

Ermakov Mihail Aleksandrovich

PhD (Social Sciences), Associate Professor

Perm National Research Polytechnic University

STUDYING MODERN INFORMATION SOCIETY: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Abstract. The redundancy of information technologies in Russia in the background of the gap in humanitarian ties leads to a decrease in the standard of living. The unidirectional optimization of social institutions, due to the increasing prevalence of virtual connections in communications, leads to the legitimization of simplified wage labor, contributing to the erosion of small and medium-sized businesses' entrepreneurship. This contradiction can be overcome by the development of the digital information culture in society.

Keywords: information society, economy, humanitarization, technization, digital culture.

Социальные противоречия множатся и обостряются особенно опасным образом в переходные периоды истории. В XXI веке таким переходным периодом стало взращивание информационного цифрового общества в недрах постиндустриального. Главным противоречием современности можно назвать распад гуманитарных связей, усиливающийся вопреки возникновению новых человекообразных систем социума. «Это, на наш взгляд, является следствием бесконечно... ускорившейся коммуникации в силу преобладания в ней виртуальных связей» [6, с. 121]. Кризис высших нравственных ценностей, вплоть до неумения улавливать смысл речи, насыщенной гуманитарными терминами, приводит к такому острому проявлению распада гуманитарных связей, как потеря идентичности и аутентичности личности.

«Одиночество человека в мире нетрадиционном, ответственность за принятие рискованных решений остаются, но при этом новый порядок, порядок технический, берет на себя иллюзорную роль социального института» [4, с. 118].

Как следствие этого, многие реальные социальные институты оказываются под угрозой: наука, политика, образование, экономика. Технологическая (процессуальная) составляющая техники «принимает» человека вопреки его знаниям, умениям. Ребенок запросто способен «работать» на компьютере. Студент «способен» выстроить лекцию и практику с помощью презентаций и навыка прочтения текста. Специалист способен адаптироваться к упрощенным (машинным) требованиям производительных сил. Технические приемы подчиняются принципам оптимизации продуктивности труда, увеличению его производительной силы, увеличению выхода продукта при уменьшении капиталовложений на входе. Обоснованность принимаемых решений в особо острых социальных ситуациях выверяется лишь технически, а такие гуманитарные инструменты, как истина, моральные нормы, социальная справедливость и другие общечеловеческие ценности не принимаются в расчет. Эта установка не единична, не случайна, поскольку напрямую порождена однонаправленностью образовательных и других духовных практик.

Еще Кант показал на примере науки опасность узости горизонта, однобокости мышления человека: «Вред, приносимый наукой людям, состоит главным образом в том, что огромное большинство тех, кто хочет себя в ней проявить, достигает не усовершенствования рассудка, а только его извращения». Ученый становится своего рода одноглазым чудовищем, если у него «отсутствует философский глаз». Это опасное уродство, когда человек замыкается в какой-то одной области знаний [1, с. 18]. Вывод не оптимистичен: к ведущим ценностям на этапе развития информационного общества относятся искусственный интеллект, роботизация, компьютеризация, искусственная виртуальность, и эта технико-технологическая составляющая ведет к расслоению и размытости гуманитарного основания развития общества.

В гуманитарной сфере результатом односторонности научных подходов, претендующих на обобщение современных тенденций развития для выработки стратегий управления, становятся противоречивые социологические, политические, экономические, культурологические концепты, вызывающие недоверие к гуманитарному знанию в целом. «Рационализм породил в науке принцип «расчлени и изучай» и его аналог в политике «разделяй и властвуй». Для рационалиста не существует нравственной ценности действия, имеет ценность лишь его результативность. ...Следствием... явились бурное развитие науки, гигантский технический прогресс, но вместе с тем и грандиозные социальные катастрофы, и проблемы политического, научного, экологического, экономического характера» [2, с. 88]. Справиться с опасными разрывами гуманитарных связей возможно лишь при сохранении всех типов идентичности личности, — экономического, политического, правового, морального и пр. Однако «современная экономика, а вслед за ней и общество в целом делают востребованным далеко не всякое знание, а прежде всего знание дигитализированное (оцифрованное), используемое в инновационных технологиях и позволяющее быстро получить непосредственный экономический эффект, прибыль» [7, с. 11].

«Преодоление кризиса рациональности возможно через синтетический тип мышления, объединяющий сильные стороны классического и неклассического типов рациональности на основе практики как критерия целостной активности. Для выработки новой, более современной формы рациональности в познании требуется восстановление фундаментального, прежде всего гуманитарного и экономического знания в качестве главного ориентира высшего и среднего образования. Если образованию и другим надстроечным институтам информационного общества будут заданы параметры синтетического типа рациональности, кризиса общественного сознания, возможно, удастся избежать» [5, с. 14–15].

Аутентичность человека при этом выступает помехой внешним воздействиям по наращиванию эффективности производства (со стороны государства и экономических структур). Вывод: после того, как человек был выведен из непосредственного контакта с технологией, передав организацию темпов и контроль качества роботизи-

рованным процессам, его человеческая ценность оказалась потерянной для работодателей, и на вербальном уровне эта незаинтересованность выглядит как тенденция вытеснения человека из значительного числа отраслей рынка труда. Однако такое почти радостное ожидание чуда технического перевооружения дорогостоящего и достаточно капризного элемента производительных сил – человека – чревато по крайней мере двумя необратимыми опасностями для любого производителя. Первое, – будет падать прибыль, так как ее источником является высокопроизводительный живой труд, который способен производить кратно больше, чем стоит человеческая рабочая сила. Напротив, доля прибыли, затрачиваемая на модернизацию технологий в условиях роста конкурентной борьбы, неизбежно будет продолжать расти.

Вторая опасность еще острее, так как она долгое время может оставаться нераспознанной, подобно вирусам, проникшим в кровь: профессионализм не только среднего производителя, но и элитных профессиональных групп может исчезнуть на много десятилетий вперед. Рискнем предположить, что былая мощь высокотехнологичных производств СССР в области космоса, машиностроения, электроснабжения и других высокотехнологичных отраслей потеряна отнюдь не из-за перераспределения средств в направлении ресурсопотребления. Напротив, ресурсориентация стала следствием дезорганизации мыслительных творческих способностей человека.

Организация рабочих мест мелкого и среднего бизнеса зависит от творческой предприимчивости, организаторских способностей, решимости к преодолению рисков на основе знаний, личной ответственности и других моральных качеств. Система экономики выбрасывала любую инициативу и предприимчивость, лишая предпринимательство правового поля. И образование, и культура, и политика были ориентированы на воспроизведение исполнительности и демонстративной лояльности участников. В условиях государственной собственности наемный труд оказался господствующим и количественно, и качественно, вытесняя элитный труд бизнеса. Необратимых последствий, между тем, пока не произошло. Сегодня «между цифровым обществом и гуманитаризацией высшего образования предстоит выстроить мост, который и обозначен как цифровая культура» [3, с. 98]. Культура сможет обеспечить мягкое подавление гуманитарных разломов в коммуникациях человека с человеком и человека с природой.

Библиографический список

1. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. – М.: Мысль, 1986. – 334 с.
2. Карелин В. П. Социально-экономические явления и процессы в современном обществе // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2009. – № 1. – С. 87–95.
3. Кузнецова Т. Ф. Цифровизация и цифровая культура // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 2. – С. 96–102.
4. Оконская Н. К., Агапитова Л. В. Образовательные сваи в технический фундамент будущего // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №10-1 (48). – С. 117–119.
5. Оконская Н. К., Ермаков М. А. Резник О. А. Специфика методологии мышления в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2016. – №4 (14). – С. 14–23.
6. Оконская Н. К. О роли гуманитарного знания в информационном обществе: инструмент самоограничения темпов развития // Университетский научный журнал. – 2012. – №2. – С. 119–126.
7. Орлов С. В. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 1 (1). – С. 10–24.

Олешко Владимир Федорович

доктор философских наук, профессор

Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина

Email: vladimit.oleshko@urfu.ru

Исследование осуществлено при финансовой поддержке гранта РНФ «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции» (№ 19-1800264).

МАССМЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КОММУНИКАТИВНО-КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. Процессы повсеместной медиатизации и цифровизации современного общества рассматриваются в контексте формирования и развития при посредстве массмедиа коммуникативно-культурной памяти российской нации.

Ключевые слова: массмедиа, коммуникативно-культурная память, контент.

Oleshko Vladimir Fedorovich

Doctor of Philosophy, Professor

Ural Federal University named after B. N. Yeltsin

MASS MEDIA DISCOURSE OF COMMUNICATIVE AND CULTURAL MEMORY

Abstract. The processes of widespread mediatization and digitalization of modern society are considered in the context of the formation and development of the communicative and cultural memory of the Russian nation through mass media.

Keywords: mass media, communicative and cultural memory, content.

Перманентные социальные и технологические трансформации новейшего времени [см.: 3] привели к тому, что всё чаще утрачиваются привычные личностные пространства представителей тех или иных социумов. Ведь, с одной стороны, процессы повсеместной информатизации, к примеру, унифицируют социокультурную жизнь индивидов, а с другой – человек ищет в окружающей его реальности, в значимых фактах и событиях прошлого то, что позволяет даже в условиях гигантского объема информации, ежедневно, ежечасно сваливающейся на него из различных источников, сохранять свою идентичность. При этом важнейшим фактором её формирования и сохранения является системная деятельность массмедиа, которые являются, по меткому замечанию Г. Гачева, «перекрестком культур». Ведь практически каждый их текст, отражая в большей или меньшей степени индивидуальное или групповое языковое сознание, содержит в себе элемент культурной, социальной, этнической, профессиональной и т. д. идентичности. В целом же в дискуссию об идентичности, её значимости для жизни и развития любого общества вовлечены представители практически всех гуманитарных наук. Но особую взаимосвязь с реальной практикой цифрового общества многие из них обнаруживают, выделяя различные аспекты формирования и развития коммуникативно-культурной памяти российской нации.

Культурную память при этом следует понимать как особую форму не только актуализации, но и трансляции различных культурных смыслов. Ведь данный вид памяти, по Я. Ассману, – это прежде всего «порождение несовременности» и обретение (воскрешение) «смысла» [1]. Но не менее важен был вывод ученого и о том, что «память живет и сохраняется в коммуникации. Если последняя прекращается, или если исчезают либо изменяются референциальные рамки коммуникативной реальности, следует забвение» [1, с. 37–38]. Но культурное воспроизводство значимых для общества смыслов невозможно осуществить без прямого или косвенного участия массмедиа,

а сегодня еще и социальных сетей как трансляторов, а иногда и субъектов их формирования. Следовательно, массмедийный дискурс коммуникативно-культурной памяти, представленный как в вербальной, так и в невербальной форме [см.: 4] является важнейшим фактором, определяющим сущность и социальные последствия происходящих в России и мире трансформационных процессов. И если системно изучаемая сегодня культурная память – это орган неповседневного, во многом ритуального воспоминания, чаще всего оформляемого профессионалами – историками, педагогами, литераторами, кинематографистами и другими субъектами, то деятельность современных медиа объединяет, образно говоря, «вечное» и «повседневное», формируемое как журналистами, так и блогерами, и даже акторами социальных сетей и мессенджеров. Таким образом, коммуникативно-культурная память – это как бы два полюса одной оси. Но поскольку коммуникативная память характеризуется неформальностью, лабильностью, неустойчивостью, так как в её рамках происходит не только обмен информацией, но и расширение, перемена, перманентная трансформация сфер и способов интериоризации, то изменение технологий сбора, обработки и трансляции массовой информации, мультимедийный характер контента и процесс его цифровизации, безусловно, видоизменили и качественные характеристики, способствующие репрезентации различных её форм. Тем самым массмедиа во многом определяют самобытность того или иного социума, по крайней мере, в некоторых значимых компонентах массового сознания. Причем образы коллективной памяти находят отражение не только в вербальных, но и в креолизованных текстах (фактура которых состоит из двух разнородных частей: вербальной – языковой/речевой, и невербальной – принадлежащей к другим знаковым системам), что является одной из важнейших тенденций развития современной журналистики как конвергентной и мультимедийной. В фокусе внимания теории медиа в целом и теории журналистики в частности при этом оказывается, как наиболее важная, проблема, связанная с исследованием социальных функций коммуникативно-культурной памяти. Ведь её сегодня следует выделять и описывать не просто как актуальнейший феномен, но и как фактор формирования и сохранения национально-культурной идентичности российской нации в условиях глобализации при посредстве в том числе и открывшихся возможностей конвергентных массмедиа цифровой эпохи. При этом, на наш взгляд, особый акцент необходимо делать на то, что именно традиционные, брендовые СМИ в этих условиях должны одну из важнейших своих задач видеть в том, чтобы способствовать преодолению цифрового поколенческого разрыва в обществе [см.: 5]. Во-первых, это предопределено их всеохватностью на базе интернет-технологий в информационную эпоху. Во-вторых, как доказал период коронавирусной пандемии, именно они сегодня становятся все более прагматически значимыми для повседневной жизни как отдельных индивидуумов, так и тех или иных социумов [см.: 2]. В-третьих, реализация функций журналистики как социального института обусловила значимость для массовой аудитории таких социально-психологических аспектов медийной деятельности, как доверие к проверенным источникам информации, экспертно-аналитическая составляющая контента, известность коммуникаторов и ряд других.

Средства массовой информации системно представляют аудитории уже готовые блоки информации и, в отличие, к примеру, от социальных сетей, дают возможность индивиду идентифицироваться с представителями самых разных социальных групп. На эмоциональном и интуитивном уровнях он, безусловно, пытается обнаружить и «легализовать» в различной форме коммуникационные связи как с представителями своего непосредственного окружения, так и в виртуальной среде. Безусловно, конвергенция в социальных сетях двух автономных порядков интеракции стилей общения – межличностно-приватного и публично-группового расширяет возможности развития личности, но, с другой стороны, зачастую формирует у человека, в сравнении с кем-то, нереалистичные требования и устремления. А вновь как бы возвращаясь к контенту СМИ, представитель массовой аудитории функционально реализует по-

пытку найти в данных сообщениях косвенное подтверждение своим индивидуальным нравственно-мировоззренческим ценностям, взглядам на окружающую реальность. Или мысленно опровергнуть то, что считает неверным, навязанным кем-то извне, ведь разные точки зрения, представленные в СМИ, диалогизм как метод выстраивания отношений с аудиторией изначально характеризуют деятельность качественной журналистики. Познавая таким образом при посредстве четко формализованной информации мир, человек стремится познать и самого себя. Откровенно же самопрезентационный характер многих сообщений, представленных в социальных сетях, рассматривается сегодня многими исследователями как одна из форм манипуляции – воздействия, приводящего к возбуждению у человека намерений, не совпадающих с его желаниями.

В качестве вывода проведенного нашим авторским коллективом исследования считаем возможным в дальнейшем использование вводимого нами в научный оборот термина «цифровая медиация», который, наряду с понятием «культурная медиация», позволяет обозначить стратегию реализации в условиях технологически трансформирующегося и все больше глобализирующегося мира социально-культурной деятельности, направленной на демократизацию, на развитие социальных и межкультурных коммуникаций, диалоговые, а не манипулятивные отношения субъектов. Философия цифровой медиации конкретно для массмедиа открывает горизонты не только прямого и персонализированного 24-часового контакта с массовой аудиторией, но и практически безмерно расширяет диалоговые возможности общения «всехсо-всеми», разрушая привычные границы и даже многие табу. Они как опознаваемый реальной и потенциальной аудиторией бренд, и журналисты-профессионалы, идентифицированные ими, в отличие, например, даже от популярных медийных персон глобальной Сети, обладают даже в постоянно меняющихся условиях большим потенциалом для формирования и развития коммуникативно-культурной памяти как основания для эффективного межкультурного диалога и взаимодействия индивидов.

Проведенное нами в 2011-2019 гг. исследование (см.: 4) и новейшая практика дали основание выделить ряд факторов оптимизации информационно-коммуникативных процессов. В частности, практика последних лет свидетельствует, что высокая скорость, удобная форма передачи информации, а также, что существенно, возможность диалога единомышленников или сторонников в виртуальном пространстве способствуют и их оперативному эмоциональному или даже поведенческому реагированию. Но важно подчеркнуть, что новые информационные технологии могут использоваться и как необходимый элемент самоорганизации гражданского общества, и как инструмент реализации латентных интересов организаторов асоциальных акций. Всё определяет мера и степень социальной ответственности организаторов. А также – информационная культура индивидов.

Библиографический список

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
2. Аудитория ежедневного издания «Комсомольская правда» выросла в 1,5 раза. URL: <http://www.advertology.ru/article150138.htm>. (дата обращения 15.10.2020).
3. Кастельс М. Власть коммуникации. — М.: ВШЭ, 2017. — 564 с.
4. Олешко В. Ф. СМИ как медиатор коммуникативно- культурной памяти. — Екатеринбург: УрФУ, 2020. — 470 с.
5. Gladkova A., Vartanova E., Ragnedda M. Digital divide and digital capital in multi-ethnic Russian society // Journal of Multicultural Discourses. — 2020. — 30 Mar. DOI: 10.1080/17447143.2020.1745212.

Орлов Сергей Владимирович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: orlov5508@rambler.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ В. И. ЛЕНИНА И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДИАЛЕКТИКЕ XXI ВЕКА

Аннотация. Традиционные представления о развитии как движении от низшего к высшему и раздвоении единого, обоснованные Гегелем и Лениным, обновляются и усложняются в философии информационного общества.

Ключевые слова: В. И. Ленин, философия информационного общества, движение от низшего к высшему, раздвоение единого, конкретно-всеобщая теория развития.

Orlov Sergei Vladimirovich

Doctor of Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

V. I. LENIN'S PHILOSOPHICAL IDEAS AND NEW TRENDS IN THE DIALECTICS OF THE XXI CENTURY

Abstract. The traditional concepts of development as a movement from lower to higher and the bifurcation of the unity, substantiated by Hegel and Lenin, are evolving and getting more complex in the philosophy of information society.

Keywords: V. I. Lenin, philosophy of information society, movement from lower to higher, bifurcation of the unity, concrete-general theory of development.

150-летие со дня рождения В. И. Ленина, отмечающееся в 2020 году, дает повод для попытки по-новому оценить влияние его концепции диалектики на формирование философии информационного общества. Попробуем сопоставить его подход с новыми идеями в области диалектико-материалистической теории развития, которые формируются в XX–XXI веках и еще не привлекли к себе достаточное внимание специалистов.

Первое из этих направлений непосредственно опирается на подходы Гегеля, Маркса, Энгельса и Ленина, используя те их идеи, которые большинство философов-марксистов не считали особенно важными и подробно не разрабатывали. Используя терминологию Гегеля, некоторые исследователи назвали это конкретно-всеобщей концепцией развития. Ее следует рассматривать как прямое продолжение и дополнение традиционной концепции диалектики, излагавшейся в учебниках философии. Диалектику, как известно, обычно представляли в виде научной системы, состоявшей по форме из нескольких компонентов: принципов, трех законов и набора категорий, позволявших дать – на известном уровне разработки и детализации – целостное описание сущности процесса развития. Однако бросалось в глаза, что Гегель, впервые построивший систему диалектики (пусть и в идеалистическом варианте), излагал ее содержание в совсем другой форме. У него процесс развития описывался как движение мысли от простых, примитивных, абстрактных первоначальных состояний ко все более сложным, развитым и конкретным, то есть как движение от низших ступеней к высшим, а не только как набор неких всеобщих законов, принципов и категорий. Подобный способ изложения, не отрицая важнейшей эвристической роли принципов, законов и категорий диалектики, позволял дать более глубокое описание процессов развития. В самом деле, принято говорить, например, что законы диалектики проявляются во всех сферах действительности – в природе, обществе и мышлении. Однако такая «вездесущ-

ность» означает, что они ориентированы преимущественно на раскрытие общих, везде повторяющихся и одинаковых черт реальности (как объективной, так и субъективной). Но чем же тогда одни сферы действительности отличаются от других, что нового, не существовавшего никогда раньше появляется в процессах развития? Для ответа на этот вопрос уже Гегель и Энгельс использовали два ключевых философских понятия – низшее и высшее. Эти категории позволяют трактовать диалектический процесс развития как направленное движение от простых состояний к более сложным, приводящее к возникновению «высшего цвета» (Энгельс) материи – человека (вспомним антропный принцип, фактически сформулированный еще Ф. Энгельсом и заново переоткрытый в XX веке).

Все движение абсолютной идеи от чистого бытия к ее последующим состояниям – это движение от низшего к высшему. Как отмечал В. И. Ленин, «своего рода итог тому, что такое диалектика» «очень недурно подводит» [1, с. 212] отрывок из «Науки логики»: «...поступательное движение не должно быть принимаемо за некоторое течение от некоторого другого к некоторому другому. <...> На каждой степени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу его предшествующего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения и не оставляет ничего позади себя, но несет с собой все приобретенное, и обогащается и уплотняется внутри себя» [там же]. Карл Маркс отмечал, что развитие не может совершаться без прохождения каких-то стадий или этапов. Так, в концепции материалистического понимания истории этими этапами являются общественно-экономические формации. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» дал материалистическую интерпретацию развития и рассмотрел его как движение от низшего к высшему, выделив главные степени эволюции известной нам части Вселенной: физическая, химическая, биологическая и социальная формы материи. Он же начал формулировать основные закономерности взаимодействия низшего и высшего, которые являются по существу новой группой законов диалектики, углубляющей и конкретизирующей три общеизвестных ее закона. В российской философии эти исследования были продолжены. Так, монографии о соотношении различных форм движения материи опубликовали Б. М. Кедров и А. А. Бутаков. Представители школы научной философии Пермского государственного университета, изучавшие соотношение низшего и высшего более 50-ти лет, сформулировали пять главных закономерностей их взаимодействия: возникновение высшего из низшего (1), включение низшего в высшее (2), сохранение низшего в качестве внешней среды высшего (3), подчинение низшего высшему (4), возникновение интегральной природы (сущности, качества) высшего (5) [см., например: 4, с. 178–182]. Исследования по этим закономерностям были успешно использованы для решения психофизиологической проблемы, изучения взаимодействия наук о низших и высших формах материи – физики и химии, химии и биологии, биологии и наук об обществе (человеке).

Изучение взаимодействия низших и высших уровней развития в рамках социальной формы материи становится все актуальнее в связи с усложнением структуры современного общества. Еще В. И. Ленин анализировал экономику России после Октябрьской революции, выделяя пять одновременно существующих хозяйственных укладов. В конце XX – начале XXI века понимание механизмов взаимодействия низшего и высшего становится востребованным в связи с исследованием сосуществующих социальных явлений разных уровней сложности. Так, во всех странах, вступающих в постиндустриальную эпоху, одновременно существуют доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный экономические уклады и технологии, которым соответствуют специфические типы личности, профессиональные компетенции, субкультуры, традиции повседневности, предпочтения в искусстве и т. п. М. Кастельс пишет о взаимодействии социальных институтов низших и высших уровней: «Архаические формы культурной организации выживут и будут сохраняться еще долгое

время во многих странах точно так же, как доиндустриальные ремесленные формы производства сосуществовали рядом с механизацией индустриального производства в течение долгого исторического периода» [2, с. 273]. Противоречия в таком обществе – это не отдельные конфликты, а сложные, иерархизированные системы противоречий, управляемые законами взаимодействия низшего и высшего, интегрирующие в себе собственные внутренние противоречия отдельных исторически возникших уровней всей социальной системы.

Второе, еще только зарождающееся современное направление разработки концепции диалектики может быть условно названо «компьютеризмом». На него обращают внимание не столько философы, сколько ученые, работающие в области информационных технологий. «В эпоху расцвета механики, – отмечал известный специалист по кибернетике и робототехнике М. Б. Игнатьев, – сформировался механизм, в эпоху развития компьютерной техники естественно ожидать формирования компьютеризма... Люди в основном пользуются моделями XIX в., когда господствовала механика, а самой распространенной машиной были механические часы с пружинами, колесиками и маятниками. В настоящее время самая распространенная машина – это компьютер... Компьютер – это не только машина для вычислений и обработки информации, это еще и модель мира. Понимание мировоззренческого значения компьютера только начинается» [1, с. 238–240].

Идея компьютеризма не противоречит традиционной концепции материалистической диалектики, а, наоборот, углубляет и развивает ее. Как известно, представление о «самодвижении» материи было впервые высказано в начале XVIII века Д. Толандом. Эту идею разрабатывал В. И. Ленин, обращавший внимание именно «на познание источника “с а м о” движения» [3, с. 317], а также на познание как «раздвоение единого» и исследование различных сторон его. В современной науке все очевиднее проявляется «раздвоение единого» в самом процессе развития: механизм самодвижения может включать в себя не только самоорганизацию системы, но и ее функционирование под контролем программы как особого управляющего агента. Относительно автономно развиваются сама система и управляющая ею программа, а возникающие изменения приводят также и к изменению механизмов их взаимодействия. Мы видим это как в природе (например, механизм передачи наследственной информации), так и в обществе (компьютерное программирование, компьютерный труд как особая современная форма всеобщего труда). В конечном итоге и управляющий, и управляемый контент составляют некую целостную, единую систему более высокого уровня, важнейшим механизмом развития которой оказывается такое раздвоение. Именно изобретение компьютера и компьютерной программы позволило в полной мере оценить важность этого раздвоения, подмеченного еще Гегелем и Лениным, для развития и искусственных, социальных, и природных систем. Наука и практика информационного общества сталкиваются с новыми, более сложными формами «раздвоения единого», наполняя старые идеи диалектики новым, усложняющимся содержанием.

Как и в философии времен В. И. Ленина, в наше время существует возможность предложить идеалистическую трактовку подобного раздвоения, попытавшись представить компьютерную программу как механизм воздействия на материальный мир некоего сверхъестественного разума (через созданные им программы, через гипотетический мировой суперкомпьютер и т. п.). Этот своеобразный «компьютерный идеализм» возникает вполне закономерно. Он заслуживает отдельного рассмотрения и, вероятно, критической оценки. Но материалистическая интерпретация идеи компьютеризма как составной части современной концепции развития вполне определенно показывает: трактовка диалектики в работах Г. В. Ф. Гегеля и В. И. Ленина является достаточно эффективным подходом, эвристически сильной основой для описания все более сложных механизмов развития материального мира, которые исследует наука XXI века. Лучший способ разработки философии

информационного общества – не отрыв его от исторической традиции, а проследование того, как ранее открытые механизмы общественного развития усложняются и порождают новые, все более сложные модификации. При этом сама концепция диалектики неизбежно будет развиваться.

Библиографический список

1. Игнатъев М. Б. Кибернетическая картина мира. – СПб.: ГУАП, 2010. – 416 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч., т. 29. – М.: Политиздат, 1976. – С. 7–384.
4. Орлов В. В. Проблема системы категорий философии. – Пермь: ПГНИУ, 2012. – 262 с.

Павловская Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент

Институт философии НАН Беларуси

Email: olga.pavl@tut.by

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ И ДУХОВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

Аннотация. Рассматривается специфика проявления духовно-нравственного потенциала человека в зависимости от реалий социальной жизни, обосновывается возрастание роли личностного фактора в процессе общественных преобразований.

Ключевые слова: информационное общество, социальность, духовность, личность, нравственные ценности.

Pavlovskaya Olga Alexandrovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Institute of Philosophy, NAS of Belarus

THE PROBLEM OF RELATIONSHIP OF SOCIALITY AND SPIRITUALITY IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO INFORMATION SOCIETY

Abstract. The specificity of the manifestation of the spiritual and moral potential of a person is considered, depending on the realities of social life, the growing role of the personal factor in the process of social transformations is substantiated.

Keywords: information society, sociality, spirituality, personality, moral values.

К числу приоритетов современного социального развития следует отнести формирование духовно-нравственной культуры, которая позволяет в целостности представить уровень личностного развития человека, качественно выразить взаимодействие таких структурных компонентов, как его потребности, чувства, взгляды, ценностные ориентации, убеждения, мотивы, поступки, отразить реальное проявление механизмов саморегуляции (чувство стыда, совесть, долг, честь, достоинство), определить степень соотношения между собой индивидуальных и социально-групповых параметров.

Сфера личностного сознания человека может и должна стать реальным пространством для раскрытия и обогащения его духовно-нравственного потенциала, для осмысления и воплощения идей о «добропорядочном человеке как мерило и законе истины» (Аристотель), о «моральном законе во мне» и уважении к этому закону (И. Кант), об обретении человеком «его истинной человеческой собственности» в виде собственного человеческого достоинства (К. Маркс), о совести как «нашем внутреннем судье» (П. Гольбах), как «моральном светильнике, озаряющем хороший путь» (Г. В. Ф. Гегель), как «нравственном чувстве» как самой сильной черте, отличающей человека от животных (Ч. Дарвин) и многих других. Важно понять, что в самосознании человека (на уровне «Я») происходит главное противостояние, борьба позитивных и негативных моральных сил, осуществляется осознанный и добровольный выбор тех или иных ценностей в качестве целей и мотивов своего поведения. Именно здесь может зародиться и развиваться внутренний протест в виде осознанной позиции: «Я не хочу *так* больше жить». Именно здесь должна по существу произойти нравственная революция, которая кардинальным образом повернет вектор духовного развития человека в сторону общечеловеческих ценностей, возвышающих и облагораживающих его как личность, развивающих в нем собственное человеческое достоинство как высшую ценность [см.: 1, с. 418–419].

В условиях перехода к информационному обществу своего переосмысления требует проблема соотношения социальности и духовности. Вот как об этом соотношении пишет Н. А. Бердяев, и эти размышления становятся сегодня особенно актуальными.

Длительное время в истории происходил отрыв духовности, интеллектуальной деятельности от реалий социальной жизни, что нашло отражение в различных традиционных культурных формах – это и античные представления о дуализме тела и духа, и противопоставление традиционной христианской духовности мирской жизни, и выделение в особую группу представителей интеллектуального творчества, в результате чего «духовность понимается кабинетно, книжно, переходит в академию и литературу» [2, с. 384]. Такой отрыв, по словам Н. А. Бердяева, неминуемо выразился для человека в «состоянии обманчивого сознания», сама духовность «превратилась в условную форму и лишилась внутреннего существования» [2, с. 444]. Еще более тяжелым становится положение, когда «духовность совершенно отрешается от социальной жизни и покорна социальным формам, как данности, то этим искажается сама духовность, замутняется и порабощается» [2, с. 450]. Наиболее открыто это проявляется в общественной жизни как «торжество социальной обиденности» [2, с. 444], как «царство буржуазности под знаком власти денег» [2, с. 451]. Даже усовершенствование материального мира посредством использования техники не в состоянии сгладить и изменить существующие искаженные формы духовности. «Техника актуализирует человеческую жизнь и требует от человека необычайной активности. Но власть техники над человеческой жизнью означает именно пассивность человека, его раздавленность миром и происходящими в мире процессами» [2, с. 388]. Подобного рода зависимости (закономерности) необходимо отражаются и на состоянии морального сознания, которое все более и более отрывается от реальной жизни и выражается преимущественно в абстрактных и символических формах. «Вся моральная жизнь, – пишет Н. А. Бердяев, – кристаллизующаяся в нравах, основана на символике, а не на реальном преображении людей. Законническая мораль требует от людей выполнения условных символов, не имеющих обязательной реальной связи с их внутренней жизнью, с их духовностью» [2, с. 395].

В противовес такому положению дел, по мнению Н. А. Бердяева, жизненно необходимым становится образование *новой духовности*, которая по сути своей – персоналистическая, т. к. в основании ее лежит отношение человека к человеку, к ближнему, ко всякой конкретной человеческой личности» [2, с. 452]. Эта духовность представляет собой совершенно иное отношение к существующей действительности, не порабощенное и искаженное, а внутренне свободное и творческое, совершенно иное отношение и к трудовой деятельности, не отчужденное и угнетенное, а активное и созидательное. «Новая духовность на философском языке означает освобождение от объективации и от подчинения духа дурной, падшей социальности. Вместе с тем это означает переход от символизации духа к реализации духа. Духовная жизнь есть освобождение от рабства, от магической заколдованности человека, от иллюзий сознания и от подавленности бессознательной родовой традиции, от всякого рода табу, мешающих свободному движению» [2, с. 456]. Такой подход принципиально изменяет характер зависимости между социальностью и духовностью, теперь уже духовность воспринимается «как духовное завоевание мира, как реальное изменение его, не объективируя дух в мировой данности, а подчиняя мир внутреннему существованию, всегда глубоко личному, разрушая призраки “общего”, т. е. совершая персоналистическую революцию» [2, с. 445].

Рассматривая проблему образования новой духовности с философско-антропологических и этико-психологических позиций, Н. А. Бердяев по-новому трактует сущность христианской духовности, обязательно учитывая при этом исторически происшедшие с нею трансформации: «В прошлом христианства не раскрылась еще целостная духовность, как не раскрылась целостная человечность» [2, с. 451].

Он делает основной акцент на последовательном и неуклонном освоении конкретным человеком общечеловеческих по своей сути христианских нравственных ценностей и на подчиненном именно этой цели действию механизмов как религиозного/богословского, так и светского/философского сознания. В итоге, согласно Н. А. Бердяеву, образование новой духовности, «очищенной, освобожденной от природных и социальных ограничений» – «это не будет идеализмом, который не чувствует сопротивления массивной реальности... это будет духовный реализм, не только восходящий, но и нисходящий, дух активный, а не пассивный» [2, с. 461].

Как видим, в представленной трактовке соотношения социальности и духовности логически выводится и доказывается необходимость кардинального поворота вектора социокультурного развития, предлагаются пути и средства раскрытия и совершенствования духовно-нравственного потенциала человека, обосновывается возможность воздействия личностного фактора на ход общественных преобразований, что в целом представляет собой масштабный по своей сути, срокам и размерам осуществления революционный процесс. В своих размышлениях по этой проблеме Н. А. Бердяев неоднократно подчеркивал, что наиболее отчетливо необходимость такого поворота проявляется в условиях резкого обострения социальных отношений как на капиталистической, так и на социалистической почве. Будь то в условиях буржуазной демократии, будь то в условиях авторитарного политического режима, состояние духовной сферы приобретает общие черты – это, по словам Н. А. Бердяева, «социальный заказ масс», который «определяет, чем должны быть культура, искусство, литература, философия, наука, даже религия... Культура в широком смысле слова притягивается к социальной обыденности жизни масс» [2, с. 356–357].

В современных условиях, когда все более наглядными и небезопасными становятся изъяны и пороки капиталистического способа производства, когда обусловленная им техногенная цивилизация способствует обезличиванию человека и его растворению в массе технических новшеств и потребительских товаров, когда господствует массовая культура, ориентированная на потребности и вкусы толпы, а элитарная культура оторвана от реалий, все более искажается и деформируется – все это убедительно свидетельствует о целесообразности появления новых и оживления «старых» форм и методов духовно-культурного воздействия на ход общественной жизни. Сегодня появляются реальные возможности по-новому осмыслить, оценить и использовать на практике огромный потенциал духовно-нравственных сил человека, раскрывать и обогащать его собственно человеческую природу, способствовать превращению личностной культуры в ведущий фактор процесса общественных преобразований.

Библиографический список

1. Павловская О. А. Моральный фактор в жизни человека и общества: исторические уроки и современные проблемы. – Минск: Белорусская наука, 2014. – 578 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.

Плющ Александр Николаевич

доктор психологических наук, старший научный сотрудник
Институт социальной и политической психологии НАПН Украины, Киев
Email: plyushch11@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. Прогнозирование социальных процессов обусловлено сложностью модели общества, существующей у исследователя. В основе происходящих в социуме изменений лежат трансформации исторического социокультурного проекта развития общества, вызванные как внутренними причинами, так и внешним влиянием других стран, а также соответствием этих трансформаций тенденциям развития мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: общество, прогнозирование, мышление, целеполагание, социокультурный проект.

Plyushch Aleksandr Nikolaevich

Doctor of Psychology, Senior Researcher
Institute of Social and Political Psychology of NAES of Ukraine, Kiev

METHODOLOGICAL GROUNDS FOR FORECASTING OF SOCIAL PROCESSES

Abstract. The forecasting of the social processes is determined by the complicated social model the researcher has. Some transformations of the historical sociocultural project of society's development are taken as a principle caused by both the internal causes and the external influence other countries have on it. These transformations are put into practice in conformity with the tendencies of the world community overall.

Keywords: society, forecasting, thinking, goal setting, sociocultural project.

Прогнозирование мы рассматриваем как мыслительную деятельность субъекта, решающего ситуативные задачи социальных практик и включенного в жизнедеятельность общества. Анализ прогнозирования осуществляется в контексте функционирования субъекта, а не только как отдельного вида его деятельности. В процессе мыслительной деятельности субъект конструирует теоретическую модель жизненной ситуации, которую проверяет на практике, и в результате обратной связи вносит в нее коррективы. Вместе с тем решение ситуативной задачи осуществляется в рамках жизнедеятельности общества, когда субъект оценивает значение ситуативной деятельности в масштабе решения смысложизненных задач как самого субъекта, так и общества, с представителем которого он себя идентифицирует.

В основе предложенного понимания лежит тринитарная методология, в рамках которой три несоизмеримых ракурса рассмотрения – автономный объект, объект в контексте, объект в двойном контексте – являются взаимодополнительными и сводятся воедино [см.: 1]. Автономный объект анализируется как совокупность атрибутивных характеристик, как некая структура. Контекстуальный анализ предполагает рассмотрение объекта во множественных контекстах, что предполагает совмещение этих частных представлений в единое целое (систему), которое осуществляет «наблюдатель второго порядка». Анализ объекта в двойном контексте (в пространстве и во времени жизнедеятельности) предполагает реконструкцию проекта развития объекта в ходе его жизнедеятельности. Исследователь предполагает этот проект («текст»), исходя из имеющихся у него представлений о природе объекта и среде его функционирования.

Мышление как инструмент построения субъектом модели мира, позволяющей ему решать задачи жизнедеятельности, может быть в виде имеющихся знаний (сконструированной модели) и/или развертывающегося процесса их обновления. Если для решения задачи достаточно имеющихся знаний, то мышление предстает в виде *структуры* использования этого знания. Если имеющихся знаний не хватает, то мышление рассматривается как *процесс* получения дополнительных знаний. Когда новый фрагмент знаний показал свою применимость, мышление предстает в виде *результата* – обновленной системы знаний. С нарастанием сложности задач и, соответственно, организации мыслительной деятельности операции моделирования, обновления модели, ее верификации в ходе жизнедеятельности развертываются параллельно.

В онтогенетическом плане построение модели мира начинается с его отражения, когда субъект воспроизводит модель мира, соответствующую уровню его мыслительного инструмента. В дальнейшем при решении знакомых задач субъект воспроизводит (отражает) уже имеющееся знание.

Совместная деятельность предполагает наличие у субъектов общей модели мира, в этом случае мышление предстает как коллективный процесс, когда из моделей отдельных субъектов создается общая модель. Для того, чтобы дополнить собственную модель, в культуре индивидуального субъекта должна присутствовать метакультурная позиция, предполагающая возможность реконструкции моделей других субъектов [см.: 3]. Наличие этой позиции предполагает возможность интеграции представлений других субъектов, доступных пониманию субъекта, в его собственную модель мира. Мышление предстает как двухэтапный процесс – воспроизведение (отражение) модели мира субъекта и конструирование интегрированной модели мира на основе реконструкции моделей мира других субъектов и их объединения в целостное понимание.

Жизнедеятельность индивидуальных субъектов в обществе проходит в двойном контексте: они входят в состав коллективных субъектов, которые, в свою очередь, составляют общество. Происходит двойная самоорганизация процесса мышления как инструмента: он применяется для решения частных задач в составе коллективного субъекта и для планирования жизнедеятельности, постановки актуальных жизненных целей. В одном случае мышление понимается как самоорганизация собственно мыслительного процесса, предполагающего приобретение нового знания в рамках деятельности коллективного субъекта. В другом – мышление предстает как мышление (в контексте жизнедеятельности) о мышлении (в контексте частных задач), в рамках которого субъект, исходя из смысложизненных целей, доопределяет практические задачи, обуславливающие конкретные процессы мыслительной деятельности. При этом он может идентифицировать себя как автономного деятеля, участника коллективного субъекта, субъекта жизнедеятельности этого общества [см.: 2]. Тем самым он задает масштаб мышления как инструмента субъекта для решения различных задач жизнедеятельности: автономная деятельность по обновлению системы знаний, часть социальных практик, планирование жизнедеятельности в целом.

Мышление одновременно предстает как *моделирование* мира, *конструирование* совместной модели, управление *целелоганием* мышления в рамках самоорганизации субъекта жизнедеятельности. Суть прогнозирования составляет предсказание состояния будущего мира субъекта и представляет собой процесс мышления, развернутый во времени. Начинается прогнозирование с моделирования, в котором присутствует временное измерение (заложен проект развития). На следующем уровне субъект, рефлексирова социальный контекст собственного функционирования, осуществляет двухэтапный процесс прогнозирования. В рамках доступных ему социальных ролей он разрабатывает различные сценарии развития (множественное прогнозирование), которые сводит в целостное понимание, с учетом значимости этих ролей. На уровне самоорганизации субъект прогнозирует цели жизнедеятельности,

которые обуславливают постановку жизненных задач, предусматривающих осуществление прогнозирования. Самоорганизация прогнозирования как специально организованной мыслительной деятельности предполагает самоорганизацию жизнедеятельности субъекта, который превосхищает жизненные цели и, соответственно, цели прогнозирования. Расширение рамок идентичности, когда субъект идентифицирует себя не только как автономного субъекта, но и как участника группы, и представителя общества в целом, приводит к усложнению организации мыслительного процесса прогнозирования.

Прогнозирование социальных процессов обусловлено сложностью модели общества, существующей у исследователя. В соответствии с предлагаемым методологическим подходом предложено нарастание сложности понимания общества, которое может быть рассмотрено как социальный организм с единым центром управления в лице государства; как система (систем) социальных групп, взаимодействия которых образуют общество; как социокультурный проект поколений, предполагающий задание целей саморазвития. Этим пониманием соответствуют различные концепции развития общества – его структурные изменения, осуществляемые центром управления; системные изменения, вызванные взаимодействиями субъектов внутри общества; саморазвитие социума в процессе самоорганизации. В основе самоорганизации лежит принцип круговой причинности: жизнедеятельность общества развертывается как реализация жизненных целей («сознание определяет бытие»), которые в ходе их осуществления претерпевают изменения в результате обратной связи («бытие определяет сознание»). Со временем исторический социокультурный проект претерпевает трансформации, вызывая изменения институтов общества, взаимоотношений социальных групп, ближайших и дальних целей развития.

При прогнозировании социальных процессов помимо внутренних факторов самого общества необходимо учитывать глубину и возможные изменения контекста, в котором функционирует общество. Ближайшее окружение может демонстрировать другие способы адаптации к изменениям внешней среды, вызывая перемены в сложившихся взаимоотношениях этих стран, что становится дополнительным фактором влияния. Вместе с тем все эти страны могут рассматриваться и как представители мировой цивилизации (дополнительный анализ в двойном контексте), что уже предполагает учет тенденций развития мирового сообщества, понимание, насколько общество соответствует магистральному направлению развития человечества и его роли в этом проекте глобализации.

Подведем некоторые итоги. Прогнозирование социальных процессов обусловлено сложностью инструмента мышления исследователя, которая проявляется в конструировании модели сложноорганизованного общества и в задании глубины контекста, в котором рассматривается жизнедеятельность социума. От этого зависит учет факторов, воздействующих на будущие процессы. В качестве этих факторов могут быть названы: внутренние причины изменений социокультурного проекта общества; средовая детерминация, которая предполагает влияние внешних условий, включая действия других стран; субъектность общества как соавторов проекта глобализации. При таком понимании субъектности подразумевается, что при корректировании социокультурных проектов общества могут как следовать тенденциям развития мирового сообщества, так и предлагать пути развития для всего человечества, опираясь на достижения собственных культур.

Библиографический список

1. Плющ А. Н. Конструируемый текст идентичности // Вопросы психологии. – 2018. – № 1. – С. 28–39.
2. Плющ А. Н. Становление субъекта: от бессубъектности к метасубъектности // Вопросы психологии. – 2020. – № 3. – С. 14–26.
3. Ячин С. Е. Состояние метакультуры. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 268 с.

Политов Андрей Викторович

Кандидат философских наук, доцент

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Email: erikhczeren@yandex.ru

ВНУТРЕННЕЕ ПРИВАТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ И ВНЕШНЕЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Исследуется диалектическое соотношение внутреннего частного пространства человеческого существования и внешнего публичного пространства современного общества и культуры, характеризующееся деформацией существования, приводящей к отчуждению, неподлинности и падшести бытия человека.

Ключевые слова: человек, личность, экзистенция, культура, частное пространство, публичное пространство.

Polítov Andrei Viktorovich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Perm National Research Polytechnic University

THE INNER PRIVATE SPACE OF HUMAN EXISTENCE AND THE EXTERNAL PUBLIC SPACE OF INFORMATION SOCIETY CULTURE

Abstract. The article studies the dialectical relationship between the internal private space of human existence and the external public space of modern society and culture, characterized by the deformation of existence, leading to alienation, inauthenticity and fallibility of human being.

Keywords: human being, personality, existence, culture, private space, public space.

Экзистирование есть способ человеческого бытия, который выражает его подлинность и собственность [см.: 5, с. 36]. Экзистенция как модус неотчужденного и неотчуждаемого временения человека принадлежит к сфере частного, внутреннего пространства; внешнее отчужденное публичное пространство общественной жизни и культуры принадлежит антагонисту экзистенции – наличному бытию. Раскрытию негативно-диалектического соотношения внутреннего частного пространства экзистентного временения и публичного внешнего пространства наличной бытийности (сферы т. н. «общего», культурного, исторического времени) посвящено данное исследование. Попадая в характеризующий человеческое бытие разрыв между внутренним частным и внешним публичным пространствами [об этих понятиях см.: 2], между подлинностью и отчужденностью, экзистенция как временной модус терпит существенную деформацию фатального свойства. Существуя в современном информационном обществе, индивид приобретает некоторые материально-технологические блага, но рискует навсегда остаться в ситуации экзистенциальной падшести, необратимой потери полноты бытия. Парадоксальность и негативность диалектики внутреннего пространства экзистенции и внешнего пространства наличного бытия обусловлена не только объективными общественными и цивилизационными процессами, приведшими к появлению такого феномена, как отчуждение, но и самозамкнутостью временного и топологического поля экзистенции. Мир в экзистенциальной постановке вопроса раскрывается только в частном, а не публичном пространстве: единственный и временный, как и само бытие, мир разделен множеством жизненных миров, возникающих из пустоты и в нее уходящих.

Общности нигде нет, у каждого своя жизнь, и каждому по-своему открывается свобода. Это типичная экзистенциальная картина современного общества.

Свобода – один из ключевых экзистенциалов, выражающих подлинность человеческой жизни [см.: 3, с. 545–546]. Но человеку трудно – и как можно убедиться, невозможно – решиться на саму свободу. Человек в расколе между наличным бытием и экзистенцией выбирает путь несвободы, потому что на это его толкает мир, общество, положение дел, привычка, ход логического рассуждения: ум и рациональность также выступают не на стороне свободы. Свобода не есть стихия, хаос или слепая иррациональная воля; но свобода не есть также разум и логика. В целом, прорыв к свободе, стремление к самобытию для человека невозможны. Человек не может прорваться к свободе из-за своей мирской укорененности. Человеку нужно жить, а чтобы жить, нужна несвобода, ибо только она может обеспечить жизненные условия. Трансцендентный прорыв, который является сущностью не только экзистирования, но и философии, недостижим. Стремление философии к бытию самому по себе невыполнимо, не столько даже потому, что человек метафизически слаб для свободы, но потому, что некуда прорываться.

В XX в. и после него человеку открывается: трансценденции потустороннего, вечности, бесконечности, истины, всего того, чем привыкли именовать подлинное, само изначальное бытие, нет, или, по крайней мере, все эти представления должны подвергнуться радикальному пересмотру [см.: 1]. Звездное небо надо мной вовсе не является гарантией существования абсолютной гармонии. Суть философского взгляда состоит в том, что он домысливает, примысливает к миру надмирное, потустороннее. Взгляд устремляется за горизонт, от мира к бытию. Но сколько он ни ищет, не находит потустороннего и возвращается обратно в мир. Философия неправомерно приписывает небу, горизонту, миру онтологическое значение. Существование якобы бесконечного неба не означает, что есть сама бесконечность. Созерцание ищет потустороннее и не находит его. Тем не менее сознание постоянно приписывает всему онтологический статус в надежде прорваться к бытию. Но прорываться не к чему, ибо вектор от мира к бытию оказывается ложным. Мир представляет собой замкнутую закрытую систему, что стоит понимать не только космологически, но и метафизически. Бытие абсолютно посюсторонне, оно полностью растворено в насковзь здешнем мире, полностью слито с ним в неразличимом единстве. Строго говоря, «мир» не есть мир. «Мир» есть экзистенциальная характеристика, процесс развертывания некоторой событийности в то, что можно условно назвать жизненным миром человека. Но этот получающийся жизненный мир недостоверен, потому что нет полноты бытия в целом. Вне экзистенциального взгляда мир – простое нагромождение объектов, бессубъектное, внесубъектное нечто.

Мир со-разделен множеством жизненных миров; вне моей жизни мир бессубъектен, он не мир, но просто череда объектов. Нет никакого идеального вечного наблюдателя, но есть только моя кратковременная – по сравнению с бездушной бесконечностью мироздания – жизнь. Только внутреннее пространство экзистирования оказывается значимым, поскольку экзистенция в современности осталась единственным еще не полностью отчужденным бытийным регионом. Заметим, что здесь речь идет не о т. н. солипсизме, но об экзистенциальной ситуации современности. В наличной культуре приоритет экзистенции над трансценденцией абсолютен, что, разумеется, идет вразрез со старой экзистенциальной традицией ясперсовского толка. Есть только мирское бытие, «мир» как единственный и насковзь обыденный топос, в котором развертывается человеческое бытие. Трансценденции неоткуда прийти, потому что нет потусторонней дали. Бесполезно искать высшую субстанцию и обращаться к ней. Язык философии здесь скорее умолкает, поскольку остается только созерцание как своеобразная экзистенциальная практика; впрочем, подобное невозмутимое катарсическое созерцание было известно еще с древнеримского стои-

цизма [см.: 4, с. 297], что еще более свидетельствует об упадочности (сродни упадку позднеимперской цивилизации) современной культуры.

В заключение исследования подытожим его выводы. То единственное, что претендует на истинность и что несомненно в существовании современника рубежа XX-XXI вв. – это экзистенция. В отсутствии трансцендентного в современности экзистенция остается единственно возможной основой внутреннего мира личности. Экзистенция уникальна и неотчуждаема. Человек необратимо обращен в социальную функцию, но экзистенцию нельзя обобщить или присвоить. Но в этом нет высокого, потому что уникальность и неотчуждаемость жизни подчеркивается не возвышенным полетом свободы и открытости экзистенциальной коммуникации, но конечностью и единственностью человеческого существования в мире. Экзистенция имеет индивидуально-смысловое измерение – таковым ее делает кратковременность жизни. Жизнь может быть достаточно долгой, а может длиться всего несколько лет, и человек ничего не успеет сделать, ничем не отметится, не запомнится. Это означает, что с внешней стороны, с точки зрения общества, «внешнего мира», такая жизнь фактически незаметна. Человек проходит незамеченным для мира.

В этом суть диалектики внешнего и внутреннего, публичного и приватного: жизнь человеческая не раскрывается по отношению к другим, по отношению к миру и обществу, экзистенция человека значима только для него самого, потому что это – его собственный внутренний жизненный мир, и никто другой его восполнить не может. Исток экзистенции, ее бытие содержится в ней самой, а не во внешнем; экзистенция есть только в-себе и для-себя, наличное бытие – только для-другого; в этом их неразрешимая диалектика. Внутреннее приватное пространство самообоснованности экзистенции вступает в неразрешимое противоречие с отчужденным публичным пространством наличной бытийности, что особенно обострено в информационно-технологическом обществе. Свобода человека, его суть, его мир исходят из него самого и больше ниоткуда; и когда этот внутренний источник иссякает, жизненный мир замыкается. «Второго» существования с точки зрения экзистенции как временного модуса нет и быть не может. Это придает современному человеческому существованию особенный драматизм: *мое жизненное время действительно открывается как только мое, и оно действительно конечно; мое приватное пространство действительно открывается как только мое, и оно действительно замкнуто.*

Библиографический список

1. Бадью А. Манифест философии. – СПб.: Machina, 2003. – 184 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
3. Железняк В.Н. Мышление и воля. Принцип тождества мышления и воли в классическом рационализме и его историческая эволюция. – Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2015. – 616 с.
4. Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика. – М.: Мысль, 2010. – 703 с.
5. Ясперс К. Философия. Кн. 1. Философское ориентирование в мире. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012. – 384 с.

Полюшкевич Оксана Александровна

Кандидат философских наук, доцент

Иркутский государственный университет

Email: okwook@mail.ru

ПРОСОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье раскрываются особенности процосоциального поведения россиян, разворачивающиеся в цифровом мире через виртуальное взаимодействие. Выявляются три основных типа процосоциального поведения: когнитивное, аффективное и деятельностное, а также выявляется гендерная специфика проявления различных стратегий цифровых коммуникаций.

Ключевые слова: процосоциальное поведение, технологии, цифровое взаимодействие, виртуальные коммуникации, гендерная специфика.

Polushkevich Oksana Alexandrovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Irkutsk State University

PROSOCIAL DIGITAL INTERACTION TECHNOLOGIES

Abstract. The article reveals the features of the pro-social behavior of Russians, which are unfold in the digital world through virtual interaction. Three main types of prosocial behavior are identified: cognitive, affective and activity-related. The gender specificity of the manifestation of various digital communication strategies is revealed.

Keywords: prosocial behavior, technology, digital interaction, virtual communications, gender specificity.

Цифровая коммуникация создает новые смыслы и контексты взаимодействия знакомых и не знакомых людей. Возникают новые формы и стратегии отношений, основанные на цифровом взаимодействии. Особенностью цифрового общения является то, что взаимодействие в нем не предполагает личного знакомства. Оно строится на общих интересах, целях и увлечениях. Последние могут носить иррациональный субъективный характер (игроки в одну компьютерную игру («цивилизация», «стрелялки» и проч.) [см.: 3; 4], члены конспирологических групп и сторонники соответствующих теорий [см.: 1; 2]) или же базироваться на четких и ясных убеждениях (форумы защитников прав человека или животных, движение за сохранение лесов и рек или поиск потерявшихся людей) [см.: 5; 6].

Но что бы ни служило основанием для консолидации людей в информационном пространстве, результатом которого выступают разнообразные стратегии коммуникаций, в их основе лежат процосоциальные принципы социального взаимодействия. Они ориентированы на то, чтобы спасти себя и других людей от внешней угрозы (терроризма, экологической катастрофы или внезапного захвата), от несовершенства социальных законов, правовой системы или моральных догм. Результат этого – социальная активность в виртуальном мире, направленная на поиск единомышленников и обсуждение с ними возможных сценариев будущего и потенциальных стратегий его избегания (когнитивная стратегия); организация акций в реальном мире, способствующих трансформации сложившегося порядка вещей (деятельностная стратегия); эмоциональное эмпатичное сопереживание другим (аффективная стратегия), но не отражающееся в ни в действиях, ни в понимании того, как можно что-то поменять.

Для того, чтобы проверить данные предположения, мы провели опрос жителей России на предмет их реальных технологий цифрового взаимодействия. В опросе приняло участие 1200 человек, проживающих в разных субъектах РФ, 56% женщин и

44% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, он проходил в режиме он-лайн на платформе опросов www.google.com.

В результате исследования наша гипотеза нашла свое подтверждение – разные типы просоциальных стратегий определяют формат и качество цифрового взаимодействия.

Когнитивная стратегия (47,4% всех участников, причем мужчин в ней в два раза больше, чем женщин – 67,1% и 32,9% соответственно), предполагающая информационную подготовку, изучение материалов, статистики, мнения экспертов по широкому кругу интересов участников различных сообществ, позволяющих их объединиться вокруг актуальных для них тем и вопросов и предлагать различные сценарии и возможные альтернативные модели развития ситуации.

В сети интернет много информации, ее надо найти и изучить под нужным углом, так как большая часть зашифрована теми, кто не заинтересован в том, чтобы их нашли, но и молчат они не могут. Для этого есть различные шифры, техники и технологии анализа и систематизации информации. Это, конечно, обсуждается с теми, кто также разбирается в теме и мы вместе обдумываем то, как можно спасти мир (Н. Г., физик-ядерщик, 53 года).

Я умею видеть факты за голыми цифрами, умею их сопоставлять и анализировать. И стараюсь свои данные и оценки донести до компетентной публики, поэтому состою в нескольких сетевых сообществах, которые заинтересованы в открытости информации и готовы к диалогу на предмет изменения ситуации в политике, экономике, культуре (Г. Я., программист-аналитик, 39 лет).

Деятельностная стратегия (17,5% всех участников, мужчин также в данной группе больше, чем женщин 68,2% и 31,8%), предполагающая не просто разговоры, а разговоры, которые заканчиваются реальными действиями (организация акция протеста или сбор средств в помощь кому-либо, сбор подписей против или за что-либо). Представители этой группы не всегда владеют всем объемом информации, зачастую их суждения поверхностны и популистски настроены, они привлекают внимание СМИ и общественности через реализацию в действиях своих взглядов и убеждений.

Просто обсуждать проблемы и сопереживать – сегодня мало. Надо действовать. Вот брать и делать то, что можешь, собрать подписи против губернатора или против захоронения отходов, собрать людей на площади перед Администрацией против повышения цен на проезд на общественном транспорте или что-то еще. Только реальные действия могут изменить этот мир. Время идет прошло. Сейчас – время поступков. (Н.Н., фермер, 50 лет).

Только работая в реальном режиме – здесь и сейчас, не оглядываясь на мнения и оценку окружающих можно что-либо изменить. Объединяя людей для флеш-мобов или акций поддержки или протеста. Когда за твоими словами стоят дела – начинаешь иначе мыслить (Г. А., экономист, 29 лет).

Аффективная стратегия (35,1%, в этой группе женщин в несколько раз больше чем мужчин – 83,6% и 16,4% – соответственно), предполагающая эмоциональное соучастие, сопереживание, эмпатию, сочувствие, которое не всегда проявляется явно, но зачастую это то, что испытывает человек, узнавая о какой-то ситуации, новости, проблеме или явлении.

Видя социальную несправедливость по отношению к женщинам или детям, бездомным животным, сердце кровью обливается, и мне очень жаль, что у меня не хватает денег и власти, чтобы это все искоренить на корню. Я очень переживаю за всех людей, кто оказался в трудной жизненной ситуации и очень сожалею, что не могу им помочь. (А. А., социальный работник, 33 года).

У меня душа болит, когда вижу несправедливость, посмотрю ролики в сети или на улице увижу бомжа – прямо тяжело на душе от того, как же такое государ-

ство могло допустить! И мне очень горестно, что у меня нет возможности им помочь. (О. С., домохозяйка, 45 лет).

Таким образом, просоциальное поведение в цифровом пространстве может по-разному проявляться, иметь достаточно большой диапазон проявления (от эмоционального единства до когнитивного понимания тонкостей и сложностей вопроса или до реальной готовности действовать). Различные стратегии имеют гендерно окрашенную характеристику, для мужчин более характерны когнитивные и деятельностные стратегии просоциального поведения, для женщин аффективные. Но вместе они создают новое пространство для интерактивной виртуальной коммуникации, которая способна преобразить наш мир.

Библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. – 2020. – Т. 9. № 1 (42). – С. 145–154.

2. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – 2020. – С. 100–103.

3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 76–84.

4. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 40–48.

5. Трескин П. А. Изменение места и роли некоммерческих организаций в цифровую эпоху // Социология. – 2019. – № 4. – С. 163–167.

6. Трескин П. А. Системное воздействие некоммерческих организаций на социальные настроения в Иркутской области // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. – С. 163–166.

Пружинин Александр Николаевич

Преподаватель кафедры государственного и муниципального управления
Иркутский государственный университет
Email: pruzinin@mail.ru

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. В статье анализируются условия и формы трансформации человеческого капитала под воздействием цифровизации и виртуализации общественной жизни. Показывается, как меняется человеческий капитал под влиянием новых смыслов времени, пространства, событий и человека в виртуальной среде. Обозначаются перспективы развития человеческого капитала в будущем.

Ключевые слова: цифровое пространство, человеческий капитал, стратегии изменения, время, пространство, события, человек.

Pruzhinin Alexander Nikolaevich

Lecturer at the Department of State and Municipal Administration
Irkutsk State University

DIGITAL SPACE FOR FORMATION OF HUMAN CAPITAL

Abstract. The article analyzes the conditions and forms of human capital transformation under the influence of digitalization and virtualization of public life. It shows how human capital changes, according to the new meanings of time, space, events and a person in a virtual environment. The prospects for the development of human capital in the future are outlined.

Keywords: digital space, human capital, strategies of change, time, space, events, people

Человеческий капитал как ресурс социального развития является приоритетной сферой общественного воспроизводства. Без его развития и перспективного моделирования социальных процессов для его укрепления и модернизации невозможно представить будущее развитие человечества.

Человеческий капитал строится на ресурсном накоплении в различных сферах жизни: от социальных связей до реальных навыков, от уровня образования до возможностей практического применения полученных знаний. Он зависит как от объективных показателей (уровень и качество образования, место жительства), так и субъективных критериев (имидж человека, уровень коммуникативной открытости, публичность). Рациональные стратегии формирования человеческого капитала отражены в работах О. А. Полюшкевич [см.: 3], В. А. Скуденкова [см.: 4], иррациональные – в исследованиях Р. Г. Ардашева [см.: 1,2].

Цифровое пространство создает новые грани и рамки развития человеческого капитала. Это объясняется тем, что оно предлагает новые пути формирования своего делового, социального и личного имиджа. Это основной вывод нашего исследования, проведенного на платформе www.google.com в 2020 году. В исследовании приняло участие 1340 человек в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в разных регионах РФ, мужчин в опросе 48%, женщин 52%, все респонденты заняты в разных секторах социально-профессиональной деятельности.

Время приобретает иную значимость. Конструирование своего образа через социальные сети происходит на качественно новом уровне, предполагает постоянное нахождение на связи со своими друзьями и подписчиками. Нет прошлого и будущего – есть только здесь и сейчас.

Я всегда в он-лайн, и днем и ночью. В любое время можно узнать, что со мной. Это позволяет мне себя чувствовать всегда окруженным другими людьми, чужим вниманием и тем, что от окружающих ничего не скроешь (А. В., дизайнер, 25 лет).

Я ценю только настоящее. В моей жизни нет вчера, и нет завтра. Есть только сейчас и этот момент, этот миг, этот день я проживаю как последний (Р. Н., редактор журнала, 31 год).

Пространство приобретает иную значимость. Возможность взаимодействия через аудио и видео связь, не имея территориальных и государственных границ и преград. Формирование единого поля для коммуникации и выстраивания своего пространства для реализации.

Я общаюсь с теми, кто реально от меня находится за тысячи километров, кто взаимодействует с людьми другой культуры и говорит на другом языке. Но то, что между нами нет границ, делает нас близкими и понятными друг другу (А. Е., экономист, 44 года).

Я не чувствую государственных границ, так как у меня есть парочка знакомых, наверное, в любой стране, а если и нет, то через знакомых знакомых – могут появиться. Я – человек мира (Т. Т., архитектор, 33 года).

События приобретают иную значимость. Возможность отслеживать все события в режиме он-лайн меняет форму и механизмы позиционирования и самопозиционирования.

Чтобы присоединиться к какому-то событию, не обязательно лично в нем участвовать, достаточно быть на связи с теми, кто там, видеть все через объективы телефонов, видеокамер или смартфонов – это своего рода новый способ взгляда в мир (С. В., политолог, 42 года).

Паутина интернет со своим миллионом выходов в реальность – через достижения различных гаджетов – создала новые предпосылки для взаимодействия. Это то, что определяет новые грани и рамки нашего взаимодействия (С. А., юрист, 28 лет).

Человек становится иным по наполнению и содержанию. Человек в виртуальную эпоху цифрового взаимодействия приобретает новые смыслы и символы социальной реализации, такие, как количество подписчиков в социальных сетях, регулярность обновления информационной ленты, количество лайков фото и иных сообщений.

Обо мне судят на основе того, какие я сообщения выкладываю в свою сторис, сколько просмотров и лайков того, что меня интересует. Сегодня – мой имидж – это моя страница в Instagram (Т. А., студентка, 23 года).

Мой виртуальный имидж – это мой инструмент формирования социального капитала. Мои знакомые знают меня лучше через мою ленту в социальных сетях, чем через личное общение со мной. И это дает мне выгоды – известность, активность, привлекательность (Л. Ю., бариста, 25 лет).

Таким образом, человеческий капитал меняет свое содержание по времени, пространству, событиям и собственно человеческому наполнению – через новые смыслы и контексты социального взаимодействия в цифровом мире. Это приведет к тому, что появятся новые приоритеты формирования мировоззрения и ценностной структуры, новые формы социального регулирования, вполне возможно, что появится новая мораль и религия в цифровом мире. Мы стоим на рубеже смены эпох, и сегодня можем наблюдать лишь зарождение нового мира виртуального будущего, которое нас ждет уже в ближайшее столетие.

Библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины. Материалы I Международной научно-практической

конференции. Под общей редакцией В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – 2019. – С. 25–27.

2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 40–48.

3. Полюшкевич О. А. Введение в социальную антропологию управления: учебное пособие. – Иркутск: Иркутский государственный университет – 2012. – 124 с.

4. Скуденков В. А. Естественные и социальные показатели притязаний человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2017. – № 8. – С. 256–262.

Прыгун Алина Сергеевна

Магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: viviana2000@rambler.ru

СОВРЕМЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ПОПЫТКА ПОМЫСЛИТЬ ДОПОЛНЕННУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация: Современный киномир выстраивает свое киновысказывание и взламывает изнутри вымысел виртуальности, создавая новую, дополненную реальность. Цель данной работы – выявить модусы дополненной реальности и провести их деконструкцию, что поможет раскрыть механизмы современного киноязыка, стремящегося к своему пределу, а также способы рассказывания историй. В фокусе внимания конструкции «фильм в фильме», особенности нарушения нарративной логики, ризома, римейк, кэмп, ностальгия, постирония, телесность, предметность, виртуальная память, подкрепленные примерами из европейского кинематографа таких режиссеров, как Филипп Гранрийе, Квентин Дюпье, Чарли Кауфман, Рой Андерссон.

Ключевые слова: кинематограф, дополненная реальность, неклассическая наррация, ризома, римейк, постирония, ностальгия, телесность, предметность, виртуальная память.

Prygun Alina Sergeevna

Graduate Student

Saint Petersburg State University

MODERN CINEMA AS AN ATTEMPT TO THINK OF AUGMENTED REALITY

Abstract: The modern film world builds its own cinematic narrative and breaks the fiction of virtuality from within, creating a new, augmented reality. The purpose of this work is to identify the modes of augmented reality and deconstruct them, which will help to reveal the mechanisms of the modern film language striving to its limit, as well as ways of storytelling. The focus of attention is on the construction of "film within a film", features of breaking narrative logic, rhizome, remake, camp, nostalgia, postirony, physicality, objectivity, virtual memory, supported by examples from European cinema of such Directors as Philippe Grandrieux, Quentin Dupier, Charlie Kaufman, Roy Andersson.

Keywords: cinematography, augmented reality, non-classical narrative, rhizome, physicality, remake, nostalgia, post-irony, objectivity, camp, virtual memory.

Сегодня, когда мы находимся напротив современного произведения искусства и выносим о нем суждение, то невольно пользуемся тем аппаратом, который был разработан классической эстетикой, мы не отдаем себе отчет в том, что такие понятия, как «искусство», «тело», «язык» и многие другие, значат теперь не то же самое, что значили раньше. С начала нынешнего века философский дискурс явно сближается с художественным [см.: 2, с. 799]. Очевидным стало движение к наполнению искусства философской проблематикой, подаваемой через усложненную образность и эмоциональную напряженность. Вопросы философии, связанные с восприятием и сознанием, являются центральными и для кино, поскольку они таковы для зрителя [см.: 3, с. 23]. Кинематограф все активнее становится особенно интересным предметом исследования для философии и своеобразной лабораторией по разработке новых элементов киноязыка, новых способов рассказывания историй. В ракурсе этого взгляда рождается масса вопросов, связанных с тем, как мыслит современный киномир, как выстраивает свое киновысказывание, и как модернизация и эстетизация

сознания современного режиссера проникает и воздействует на глубинную структуру кинореальности. Есть основания говорить о кинореальности как о сконструированном реально-иллюзорном мире, о котором сразу не поймешь – существующем или несуществующем [см.: 5]. Лучше всего об этом сказал Андре Базен, указывая, что дело не в реальности, а в «obsession» – некоторой завороченности, в захваченности реальностью [см.: 4]. Также можно предположить, что современная режиссерская мысль ведет к ослаблению кинореальности по причине того, что мы живем в мире, потерявшем свой стержень [см.: 6], в эпоху, в которой нет линейных причинно-следственных связей, когда реальность ризомна [см.: 1 с. 121]. Режиссеры стремятся к сокрытию ее такими модусами, как «текст-в-тексте» (кино про кино), римейк, кемп, ностальгия, постирония и т. д., тем самым пытаясь взломать изнутри вымысел виртуальности, создавая новую, дополненную реальность. На примере фильмов таких режиссеров, как Филипп Гранрийе, Квентин Дюпье, Чарли Кауфман, Рой Андерссон, мы можем наблюдать смещение логики киноповествования, то есть использование неклассической наррации, которая строится на принципе ризомы, привнося иные каналы восприятия. А также попытка деконструировать дополненную реальность с помощью заполнения пробелов понимания, создать новые «пробелы», попасть «между строк» представляется как «опыт невозможного», который с помощью изучения телесных нарративов («Белая эпилепсия» Филипп Гранрийе), предметности («Шина», «Оленья кожа» Квентин Дюпье) и изучении постройки виртуальной памяти («Думаю, как все это закончить» Чарли Кауфман) поможет раскрыть механизмы современного киноязыка, стремящегося к своему пределу, а также способы рассказывания историй.

Библиографический список

1. Коршунов В. «Фильм как “недописанный сценарий”: проблема композиционного построения» // Вестник ВГИК. – 2010. – №6. – С. 112–128.
2. Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009. – 584 с.
3. Эльзессер Т., Хагенер М. Теория кино. Глаз, эмоции, тело. – СПб.: Сеанс-СПб, 2016. – 440 с.
4. Аронсон О. В. Кинематографический текст и тексты о кино. URL: [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/02_2012/IJCR_02\(7\)_2012.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/02_2012/IJCR_02(7)_2012.pdf) (дата обращения: 16.10.2020).
5. Галкин А. И. Философские проблемы виртуальной реальности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2004. – № 4. – С. 3–9.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

Рубан Дмитрий Александрович

Philosophiae Doctor, доцент

Московский государственный университет им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

Email: ruban-d@mail.ru

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ВЫЗОВ, ОТВЕТ, ВОЗМОЖНОСТЬ?

Аннотация. Современная наука сталкивается с серьезными вызовами. Информатизация не относится к ним, равно как и не может считаться ответом на них. Она формирует возможности для такого ответа, однако готовность научных систем использовать их вызывает сомнения.

Ключевые слова: информационное общество, исследовательская деятельность, научное знание.

Ruban Dmitry Aleksandrovich

Philosophiae Doctor, Associate Professor

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)

MODERN SCIENCE INFORMATIZATION: CHALLENGE, RESPONSE, OPPORTUNITY?

Abstract. Modern science faces serious challenges. Informatization is not among them, and it cannot be a response to them. It forms opportunities for such a response, but the readiness of scientific systems to use them is doubtful.

Keywords: information society, research activity, scientific knowledge.

Философские проблемы становления информационного общества находятся в фокусе исследований как отечественных [см.: 3], так и зарубежных ученых [см.: 4, 5, 8]. Информатизация общества видится более общим явлением, тогда как под цифровизацией представляется возможным понимать его «техническое» выражение и обеспечение современными технологиями (интернет, социальные сети, искусственный интеллект и т. п.). Особенности развития науки в таком обществе, равно как и информатизация ее самой, представляют значительный интерес для изучения. В частности, это обусловлено тем, что именно научный подход призван обеспечить социально-экономический прогресс [см.: 2], который зависит от процессов, связанных с информатизацией (цифровизацией) [см.: 1].

Научные системы сами по себе являются генераторами, распространителями и накопителями информации. Более того, именно научные достижения формируют «техническую» основу для функционирования информационного общества, равно как и ставят его существование на повестку дня. При этом уровень развития науки, внутренняя интегрированность научных систем, популяризация научного знания и т. п. находятся в сильной зависимости от степени информатизации общества. Информатизация самой науки проявляется в более активном использовании современных технологий при проведении исследований, коммуникации ученых и поиске/распространении научной информации, развитии академического медиа-пространства, оценке научных достижений, ученых, научных учреждений и систем. В современной мировой практике исследований на первый план выходит их виртуализация, что имеет следствием не только увеличение скорости исследовательского процесса, но также научную глобализацию, деформализацию (отсутствие потребности в «физически» существующих и бюрократически оформленных лабораториях, центрах и т. п.) и гибкость. При этом самими учеными все эти процессы нередко воспринима-

ются не как новая возможность, а как существенный вызов. Особую критику, по наблюдениям автора, вызывает внедрение наукометрических систем. Однако действительно ли это вызов? Для ответа на этот вопрос имеет смысл обратить внимание на два фундаментальных изменения в научных системах.

Во-первых, речь идет о генерации научного знания. При этом в классической науке (условно до 1970-х гг., но особенно до XX века) генерация научного знания сильно зависела от личности ученого, при этом не только от его интересов и таланта, но еще и от видения. Иными словами, многие важные достижения делались за счет «гениального озарения», которое заключалось не только и даже не столько в нахождении решения сложной задачи, сколько в ее постановке. Например, в последней трети XX–начале XXI века в геологической науке одним из наиболее динамично развивающихся направлений исследований стала неокатастрофическая палеобиология (изучение массовых вымираний древних организмов). Соответствующие исследования используют довольно простую информацию и столь же простые методы. Возникает вопрос: почему ими заинтересовались лишь сравнительно недавно, а не в середине XIX века, когда интерес к естественным наукам возрос, но при этом доктрина дарвинизма еще не начала ограничивать катастрофических интерпретаций? Эксперимент с палеонтологическими данными, относящимися к 1850-м годам и широко доступными для европейских ученых того времени, показал, что уже тогда геологическая наука обладала способностью проводить исследования и делать выводы примерно на том же уровне, что и 130 лет спустя [см.: 6]. Не произошло же этого лишь по причине отсутствия соответствующего «гениального озарения», ждать которого пришлось вплоть до прихода в науку Д. Раупа и Дж. Сепкоски. В современной науке эта проблема вполне решается массовостью исследований, когда вероятность таких «гениальных озарений» резко возрастает. Однако появилась другая проблема, а именно зависимость от научной моды вкупе с неосведомленностью. Она заключается в том, что в условиях массовости генерируемого научного знания ученые в своей исследовательской деятельности начинают следовать определенным (мейнстримным, топовым) направлениям – не из-за их особой научной актуальности, а в силу именно кажущейся привлекательности; одновременно с этим они демонстрируют неготовность отслеживать всю важную для них научную информацию. В итоге остается нерешенным огромное количество актуальных проблем, а ученые получают гигантские пробелы в знаниях, проводя исследования с использованием неполной, подчас устаревшей информации и несвершенных интерпретационных алгоритмов. Например, в геологии текущий спад моды на изучение эвстатики (колебания уровня моря в истории Земли) привел к замедлению научного поиска в предельно актуальной области, одновременно с чем уверенно наращивается игнорирование свежей информации [см.: 7].

Во-вторых, еще одно фундаментальное изменение связано с деятельностью ученых. Она стала в высшей степени массовой, и еще одним следствием явилось то, что исследовательская работа оформилась как полноценная профессия, вместо того, чтобы оставаться призванием. С одной стороны, это принесло благо, т. к. институализировало положение ученых и обеспечило им в той или иной мере устойчивую поддержку (в т. ч. со стороны государства). С другой стороны, это изменение способствовало нивелировке уровня исследовательской работы, снижению ее общественного престижа и элитарности и, самое важное, сдерживанию факторов любознательности и интеллектуальной самореализации на индивидуальном уровне, которые выступали в качестве основных в классической науке.

Сказанное позволяет сделать два предварительных вывода относительно сути информатизации науки. Во-первых, ни одно из двух вышеуказанных фундаментальных изменений не является ее результатом. Следовательно, она не формирует целого ряда действительно значимых вызовов. При этом овладение информационными технологиями и виртуализация исследовательской деятельности сами по себе вряд ли могут считаться вызовами столь же значительными, как, например, научная мода и неосведом-

ленность. Во-вторых, хотя информатизация может предложить частичное решение проблем, вызванных этими изменениями, отсутствует уверенность в том, что научное сообщество нацелено на их использование. Например, библиографические онлайн-базы «Scopus» и «Web of Science», которые создавались именно для облегчения поиска научной информации в условиях массовости исследовательской работы, широко доступны, что не снимает с повестки дня проблему неосведомленности. Более того, опыт автора в качестве рецензента и члена редколлегии ряда ведущих международных журналов показывает, насколько консервативно и даже скептически настроено мировое научное сообщество относительно оптимизации поиска научной информации. Аналитический инструмент «SciVal» вполне может решать проблему научной моды, однако фактическая его роль в этом отношении невелика. Вышеупомянутые онлайн-базы способны помочь с проблемой недостаточного престижа/элитарности ученых, равно как и отслеживать уровень научных систем и помогать его повышению. Однако использование наукометрических инструментов встречает неприятие со стороны научного сообщества. Можно предположить, что информатизация науки реализуется не как ответ на другие вызовы, а как проявление общего тренда становления информационного общества. Некоторые ее аспекты могут рассматриваться в качестве попытки ответа на действительно значительные вызовы, но не как полноценный ответ. На самом деле информатизация формирует возможности для современной науки, пользование которыми ограничено. Вряд ли оно активизируется в ближайшем будущем. При этом дальнейший рост утилитарной функции информатизации (скорее цифровизации) в развитии науки не подлежит сомнению.

На основании сказанного можно сделать три основных вывода. Во-первых, информатизация современной науки – это скорее возможность для ответа на некоторые первичные по отношению к ней вызовы. Во-вторых, ее философское изучение целесообразно тесно увязывать с анализом других аспектов новой академической реальности. В-третьих, философские исследования должны дать ответ на вопрос о глубинных причинах неготовности научных систем фундаментально трансформироваться за счет информатизации.

Библиографический список

1. Носачевская Е. А. О перспективах развития региональной экономики в контексте цифровизации // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2018. – № 1. – С. 471–473.
2. Носачевская Е. А. Об актуальных вопросах научного обеспечения развития региональной экономики в контексте реализации национальных проектов // Экономика устойчивого развития. – 2019. – № 1. – С. 210–213.
3. Орлов С.В., Дмитренко Н.А. Новейшие публикации по проблемам информационного общества в российских философских журналах // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – № 4. – С. 5–13.
4. Ayodele O. The new information feudalism: Africa's relationship with the global information society // South African Journal of International Affairs. – 2020. – V. 27. – P. 67–87.
5. Gonzalez W. J. From Intelligence to Rationality of Minds and Machines in Contemporary Society: The Sciences of Design and the Role of Information // Minds and Machines. 2017. V. 27. P. 397-424.
6. Ruban D. A. Mesozoic marine fossil diversity and mass extinctions: an experience with the middle XIX century paleontological data // Revue de Paleobiologie. – 2005. – V. 24. – P. 287–290.
7. Ruban D. A. Unawareness and Theorizing in Modern Geology: Two Examples Based on Citation Analysis // Earth. – 2020. – V. 1. – P. 1–14.
8. Salajan F. D. The rise of the information society amongst European academics // European Journal of Education. – 2008. – V. 43. – P. 457–475.

Салохин Николай Павлович

кандидат философских наук, профессор

Омский государственный технический университет

Email: salokna@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Становление гражданского общества трансформирующейся России приобрело затяжной характер. Причину автор видит в разнонаправленности усилий основных социальных субъектов. Асимметричность развития воспроизводит социальные противоречия. Социально-синергетические коммуникации самоорганизации и самоуправления станут базой преодоления общероссийского кризиса.

Ключевые слова: самоуправление, общественное развитие, единица социального, гражданские коммуникации, локальное территориальное сообщество.

Salokhin Nikolay Pavlovich

PhD (Philosophy), Professor

Omsk State Technical University

SOCIAL-SYNERGETIC BASICS OF SELF GOVERNMENT FOR CONTEMPORARY RUSSIA

Abstract. The paper deals with the transformed social process in Russia. The author analyzes the ways of building civil self-regulated and self-organized community changing both paradigms and management culture. The persons and the community rejects authority and tends to have equal social subject directing progress and demonstrating gnoseological expansion. Thus, intellectual and moral basis is the main target of free citizens in Russia.

Keywords: social unit, self-government, community, civic communications, improvement.

Современная Россия – открытая социальная система, утверждающая гражданские институты. Общества остро нуждается в гармонии усилий управления и самоуправления. Доминанта управления как деятельности преимущественно субъект-объектного характера в современных условиях утрачивает значение. Самодетельные сообщества индивидов демонстрируют способность не только исполнять решения властного субъекта: даже при отсутствии обратной связи они способны влиять на меру и качество социального развития. Характер современной социальности определяют субъект-субъектные коммуникации. Усложнение социальной структуры повышает устойчивость общества и темпы развития, а равно и возможности удовлетворения жизненных потребностей человека. Обществу необходимы основания самоорганизации. Социальная самоорганизация в гармонизации усилий государства, общества, граждан и локальных сообществ, как всякая иная социальная онтология, раскрывает сложность кооперации в жизненно важных сферах. В социальном развитии ведущая роль принадлежит основанным на самоорганизации и самоуправлении совместным или кооперативным процессам. Роль самоорганизации и самоуправления, таким образом, непрерывно возрастает. Однако поддержание порядка и продолжение преобразований требует колоссальных затрат социальной энергии.

Локальное территориальное сообщество является носителем гражданских коммуникаций и выступает открытой, нелинейной и неравновесной самоорганизующейся системой, что позволяет ему быть первичной единицей общества. Здесь непосредственно или в опосредованной форме все взаимодействуют со всеми. Рост эффективности индивидов в жизненно важных сферах трансформирует деятельность в самодетельность. В самоуправлении воплощается субъектность и самодетель-

ность индивидов, открытость системы. Качество социального развития в гражданском обществе определяется мерой участия индивидов в самоуправлении.

Открытость системы – не единственное синергетическое основание самоуправления, ибо все самоорганизующиеся системы открыты, но не всякая открытая система – субъект социального развития. Абсолютизация открытости, как мы понимаем, не менее опасна, ибо представляет своеобразный теоретический аналог подавления самоуправления действиями сверху. Открытость, доступность для внешнего определяющего воздействия и подчиненность локальных территориальных сообществ препятствует и, в конечном итоге, разрушает самоорганизацию. В системе самоуправления негативные последствия открытости нейтрализует стабильность и сплоченность индивидов. Открытость прогрессивна лишь в том случае, если создаёт дополнительные ресурсы усложнения системы. Если же открытость используется для реализации внешних команд, указанная практика дает отрицательный результат.

Способность открытых систем к самосовершенствованию проявляется в противоречии тенденции нарастания неоднородности в сплошной среде и тенденции рассеивания неоднородности различного содержания. Особенности становления самоуправления России показывают, что нарастание неоднородности в социальной среде повышает уровень взаимодействия местного самоуправления и местных сообществ, но одновременное рассеивание неоднородности ведет к стандартизации коммуникаций и снижению возможности самоорганизации.

Особенности организации локальных сообществ общества России демонстрируют наличие двух параллельных организующих структур. Одна осуществляет управление «сверху», реализуя цели государства и общества (муниципального управления российской практики). Она включена в вертикаль власти и объективирует местное управление. Вторая воплощает инициативы «снизу», проявляющиеся в самоуправлении локальных территориальных сообществ. Но следует иметь в виду, что наличие местного – муниципального – управления и параллельного местного самоуправления не может служить показателем прогресса, ибо, даже взаимодополняя друг друга, две формы удовлетворения проблем локального характера снижают возможности самоорганизации. Несмотря на явное доминирование тенденции к усреднению показателей, стандартизации организации локальных территориальных сообществ и нарастанию административного влияния, у нас есть основания говорить о выходе самоуправления за рамки регламента и снижении локусом диктата региональной и федеральной власти. Верховный субъект управления выступает внешней средой развития гражданских процессов. Равно и для государства, прокламирующего намерения создать гражданские институты, общество являет внешнюю среду, готовую в процессе диалога поддержать эти усилия дополнительными ресурсами. Для оптимизации социального взаимодействия необходимы однородность управления и единство цели, а не абсолютизация онтологии субъекта управления. Взаимодействие общества и государственной власти должно быть равноправным.

Качество управления раскрывает состояние общества в его соответствии объективным потребностям исторического прогресса и реальным потребностям индивида. Нарастание противоречий в социальных отношениях – следствие онтологических ошибок субъекта управления и непоследовательности его действий, недостаточно учитывающих и объективные потребности развития, и национальную традицию. Отрицание общесоциального и национального имеет разрушительные для общества последствия. Продолжение системного кризиса российского общества мы рассматриваем как следствие трансформации государства во внешний фактор развития – в субъект, полагающий себя самодостаточным и определяющим элементом.

В условиях перманентных трансформаций параметры социальной единицы изменяются случайным образом. Среди вариантов выбора всегда находятся обладающие быстро увеличивающейся эффективностью, которые привлекают внимание индивидов и быстро расширяют круг последователей. Самоорганизация имманентно

присуща открытым нелинейным системам, которые не только активно взаимодействуют с внешней средой, но и способны, самосовершенствуясь, включить в свои планы окружающие системы и структуры.

Социальное развитие – результат упорядочивающей детерминации государства и общества. Управление и самоуправление – два универсальных фундаментальных процесса развития единицы общества. Мировая практика позволяет утверждать, что не возможны ни абсолютная детерминация, ни абсолютная самоорганизация. Единица общества находится в некотором промежуточном состоянии: она существует в состоянии постоянного выбора. Единица общества – сложная нелинейная самоорганизующаяся система. Нелинейные системы обладают важнейшим для социального развития свойством возобновляемости. Структура системы не просто состоит из суммы случайных автономных подсистем: целое не равно сумме частей – оно качественно иное. У системы формируются качества и свойства, отсутствующие в подсистемах, но возобновляющие качества систем-прародительниц. Выражением нелинейности в социальных процессах мы видим противоречивость отражения управленческой парадигмы государства в субъектности локальных территориальных сообществ как реакцию индивидов на них. Сущность нелинейности самоуправления раскрывается, таким образом, в альтернативности или поливариантности направлений эволюции единицы социального и необратимости указанной альтернативности.

Субъект управления, детерминируя развитие и нерационально расходуя ресурсы и социальные преимущества, нередко снижает качество воспроизводства. Материальные и человеческие ресурсы исчерпаемы и могут быть употреблены вопреки объективным потребностям развития. Самоорганизация в экономике материальных и человеческих ресурсов выступает показателем увеличения положительного значения социального признака, не получившего пока достаточной распространённости. Это может быть рост участников безвозмездной деятельности по организации условий собственного бытия, рост числа предприятий малого и среднего бизнеса или рост группы политических активных граждан. Единица общества как открытая нелинейная система, кроме того, обладает «порогом чувствительности», характеризующим меру активности индивидов и определяющим уровень развитости социальных связей. Повышение «порога чувствительности» – результат развития субъектных качеств индивида и локального территориального сообщества, которые укрепляют непосредственно-объективный характер социальных связей и, привлекая дополнительные ресурсы, создают новую онтологию бытия. Понижение, соответственно, ведет к застою, нарастанию социальной апатии и деградации системы. Развитие единицы общества происходит в процессах выбора путей движения вперёд: в определенном диапазоне варьирования параметров нелинейной системы нарастают её изменения.

Практика свидетельствует, что общество пока не достигло уровня чувствительности, необходимого для доминирования самоорганизации. Верховный субъект управления использует повышение порога чувствительности в рамках собственной парадигмы, следствием чего мы видим возрастание закрытости. Государственное управление трансформируется в закрытую самовоспроизводящуюся систему. Возможности управления закрытой системы снижают уровень самоорганизации единицы социального. Субъекты самоорганизации объективно нуждаются в нарастании открытости и снижении порога чувствительности. В самоуправлении они создают множество возможных путей в будущее, но сфера их деятельности не является сплошной. Не все намерения субъекта управления могут быть воплощены в социальной среде России.

Саморазвитие локальных территориальных сообществ по целому ряду причин не может иметь устойчивый характер. Но, признав значение неустойчивости, нельзя полностью игнорировать роль стабильности и детерминизма в развитии. Очевидно, что и неустойчивость не всегда конструктивна. Более того, устойчивость оснований самоуправления по отношению к ошибочной онтологии субъекта управления вселяет надежду на положительное разрешение системного кризиса в России.

Семенов Сергей Николаевич

кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Email: semenov777@mail.ru

Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

ТВОРЧЕСТВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Аннотация. В работах по проблеме «творчество» и «искусственный интеллект» выделяется два подхода: попытки «воспроизвести» человеческое мышление; чисто «машинный» вариант получения аналогичных творческих результатов. Более реалистичным и перспективным представляется второй подход, ориентированный на моделирование процессов диалектически противоречивого развития.

Ключевые слова: творчество, искусственный интеллект, диалектика.

Semenov Sergei Nikolaevich

PhD (Philosophy), Senior Researcher
Ufa Federal research center of the Russian Academy of Sciences

CREATIVITY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. In the works on the problem of "creativity" and "artificial intelligence", two approaches are distinguished: attempts to "reproduce" human thinking; a purely "machine" version of obtaining similar creative results. The second approach, focused on modeling the processes of dialectically contradictory development, is more realistic and promising.

Keywords: creativity, artificial intelligence, dialectics.

Ключевой проблемой в понимании сущности, перспектив, возможностей и путей развития ИИ со времен «первого программиста» Ады Лавлейс является вопрос о способности или неспособности ИИ к творчеству. В XX веке в самом начале современного этапа разработки реального ИИ также обратили внимание на эту проблему, хотя практически она тогда еще не могла быть поставлена. Например, в 1970 году в беседе Д. Маккарти с видными советскими учеными показателем «интеллектуальности» программы он назвал именно «творчество», «введение новых понятий при решении задач» [2, с. 45].

Сегодня эта проблема также в центре внимания. «Проблема творчества, – считает А. Ю.Алексеев, – в исследованиях ИИ имеет более глубокий фундаментальный задел, нежели чем проблема сознания» [1, с. 378].

Действительно, в информационном обществе, где определенные модификации ИИ применяются все шире, вопрос о возможности этого ИИ как-то «выйти» за пределы заданных алгоритмов имеет самые различные аспекты: от возможности творчества и характера применения ИИ в исследованиях и прикладных разработках до опасений по поводу его возможности «квазицеленаправленных» деструктивных действий.

В осмыслении и разработке проблемы возможности творчества ИИ сложились два методологических подхода: попытки воспроизвести «человеческий» процесс творчества и поиск собственно «машинного» способа решения нестандартных проблем. Об этом говорилось уже в 1961 году на праздновании 100-летия Массачусетского технологического института, с участием многих основоположников исследований по проблемам ИИ: опыт доказательства теорем на машинах ИБМ, как отмечал Д. Пирс, осуществляется как «механическим методом отыскания доказательства» (Ванг), так и попыткой «моделировать соответствующее поведение человека» (Джилернтер; Ньюэлл, Шоу и Саймон), причем первый подход оказался удачнее [см.: 2, с. 14].

В настоящее время эти два подхода по-прежнему развиваются, как раз применительно к проблеме творчества у ИИ. Так, подход Д. И. Дубровского ориентирует на расшифровку и воспроизведение нейродинамических кодов субъективной реальности, т. е. необходимо реализовать в ИИ «вдохновение», «инсайт», «озарение» и т. п. [см.: 1; с. 397, с. 381]. С другой стороны, разрабатываются собственно «компьютерные» эвристики, без попытки имитировать именно человеческое мышление. В этой связи ставится вопрос: нужно ли для развития ИИ осмысление естественного? [см.: 1, с. 397]. Полагаем, что оптимальный методологический ответ должен быть диалектическим: и нужно – и не нужно. Конкретно: разработка эффективного ИИ должна быть ориентирована на решение проблем, а не на имитацию человеческого мышления, но определение сфер возможного и невозможного для ИИ в сфере творчества с необходимостью требует содержательного понимания человеческого творчества (иначе – с чем мы сопоставляем возможности ИИ?).

Сразу отметим, что «традиционное» понимание творчества через «инкубации», «озарение» или «инсайты» ставит перед разработчиками ИИ крайне трудно решаемые (а возможно – в принципе нерешаемые!) задачи. Поэтому видные специалисты в данной сфере именно через понимание человеческого творческого процесса как включающего в себя многообразные и разнородные факторы и осуществляющегося через скачок «инсайта» делают вывод о его неформализуемости [и о роли ИИ в настоящее время лишь как содействии человеческому творчеству [см.: 6, с. 77–78]. Ограничениями на пути создания «сильного ИИ», не уступающего человеческому и даже превосходящего его, считают, в частности, его неспособность освоить «всю глубину человеческих эмоций и чувств»; рациональность ИИ, усиливающую возможности анализа, но ограничивающую синтез; неспособность «усиливаться» глубинными слоями сознания [см.: 3, с. 54–55].

Какие методологические моменты в решении проблемы способного к творчеству «сильного» ИИ мы считаем особенно важными? Прежде всего сопоставление возможностей ИИ с «естественным» творческим процессом. А исходя из этого сопоставления можно высказать предположения о возможных и перспективных подходах к этой проблеме.

Прежде всего: возможно ли «сконструировать» инсайт? Если понимать его «традиционно» – через «интуицию», «неожиданное усмотрение решения» и т. п. – разве что через специальное введение в программы обязательного совершения ошибок и нелогических действий – а вдруг получится «озарение»! Также возможно случайно объединять разнородные массивы информации – вдруг соединение окажется удачным!

Здесь мы согласимся с позицией А. Ю. Алексева, считающего, что: «Инженерия ИИ развивается относительно независимо от достижений той или иной научной теории» [1, с. 397], имея в виду возможности «машинного» решения проблемы творчества. Однако мы полагаем, что путь к этому лежит все-таки через осмысление человеческого творчества, но с несколько иной стороны. Прежде всего, А. Ю. Алексеев закрывает пути к поискам возможности творчества у ИИ (в традиционном понимании «творчества»), отвергая «диалектические», «поэтические» суждения и «эпатажные постмодернистские парадоксы» в пользу «единственного верного пути» «полезных компьютерных технологий» – «задаваемый аналитической философией» [1, с. 393]. Дело в том, что аналитическая философия внесла важный вклад в становление ИИ, требующего точности и однозначности. Однако именно творчество немислимо без диалектических противоречий, «поэтических» образов и разнообразных парадоксов («гений, парадоксов друг», по А. С. Пушкину). Но полностью отдавать творческий процесс «в ведение» иррационализма (как сделали позитивисты, предложив принципиально различные «контексты» открытия – психологический и обоснования – логический), не следует. Иррациональное диалектически соединяется с рациональным. Во-первых, творческому процессу присуща и определенная «новая рациональность»,

правда более высокого, диалектического плана – определенная диалектико-логическая организованность целостного (познание – эстетически-образное переживание – оценка) многомерного мышления в противоречиях, направленного на синтез [см.: 4, с. 62]. Значит, его можно попытаться смоделировать. Правда, это ставит проблемы разработки логики трансформации образов и оценок, а также взаимоперехода понятий, эстетических образов и ценностных ориентиров в творческом синтезе, что весьма далеко от практической реализации.

Но есть и другой, более близкий путь. Хотя творческий акт в своем ключевом моменте реализует синтез понятий, образов и ценностей в форме символа, порождающего конкретные качественно новые решения [см.: 5], что очень сложно смоделировать в «сильном ИИ»; но творческий процесс в целом является одной из высших форм процессов развития как необратимых прогрессивных изменений. Моделированием же различных процессов развития ИИ занимается уже достаточно давно. Если мы сумеем спрограммировать некоторый процесс развития так, чтобы он включал в себя не только количественное развертывание, но и качественное преобразование через разрешение возникающего диалектического противоречия, то мы получим результат, обладающий качественной новизной и социальной значимостью, то есть могущий быть оцененным (опять же – человеком) как равноценный творческому решению. Это – наиболее реальный путь ИИ к творчеству.

Библиографический список

1. Алексеев А. Ю. Проблема творчества в исследованиях искусственного интеллекта // Эпистемология креативности / Отв. ред. Е. Н. Князева. – М.: «Канон». РООИ «Реабилитация», 2013. С. 374–413.
2. Дискуссии об искусственном интеллекте. Сборник выступлений ученых / Автор-составитель А. В. Шилейко. – М.: Знание, 1970. – 48 с.
3. Райков А. Н. Ловушки безопасности на пути развития сильного искусственного интеллекта // Проблемы управления безопасностью сложных систем: материалы XXVII Международной конференции, 18 дек. 2019 г., Москва / Под общей редакцией А. О. Калашникова, В. В. Кульбы – М.: ИПУ РАН, 2019. С. 53–58.
4. Семенов С. Н. Рациональность творческого мышления // Методологические проблемы творчества. Монография. / Под. ред. А. Н. Лоцилина, Н. П. Французовой. – М.: РФО, 2003. – С. 54–62.
5. Семенов С. Н. Творческий акт как диалектический процесс. // Искусственные общества. 2020. Т. 15. Выпуск 3 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800011040-3-1/> (дата обращения: 19.09.2020). DOI: 10.18254/S207751800011040-3
6. Соколов И. А., Дрожжинов В. И., Райков А. Н., Куприяновский В. П., Намиот Д. Е., Сухомлин В. А. Искусственный интеллект как стратегический инструмент экономического развития страны и совершенствования ее государственного управления. Часть 2. Перспективы применения искусственного интеллекта в России для государственного управления. // International Journal of Open Information Technologies. – Vol. 5. – № 9. – 2017.

Симонян Гамлет Сергеевич

Магистрант

Ереванский Государственный Университет

Email: hamlet.simonyan.99@gmail.com

КОНЦЕПТ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. В работе рассматриваются и анализируются теоретические и практические основы формирования и дальнейшего развития концепции межпоколенной справедливости, а также четкое определение данной темы в контексте социальной философии.

Ключевые слова: межпоколенческая справедливость, будущие поколения, экология, здравоохранение, устойчивое развитие, концепция.

Simonyan Hamlet Sergey

Graduate Student

Yerevan State University

THE CONCEPT OF INTERGENERATIONAL JUSTICE AND THE PREREQUISITES OF ITS FORMATION

Abstract. The article addresses and analyzes the theoretical and practical bases of the formation and further development of the concept of intergenerational justice, and clearly defines the topic in a context of social philosophy.

Keywords: intergenerational justice, future generations, ecology, healthcare, sustainable development, concept.

The relevance of justice between generations as a social-philosophical phenomenon, recent events in the local and international platforms as well as vigorous debates become key motivations for a deeper study of the topic, comparison of modern analysis and theories throughout the recent decades. The urgency and relevance of the topic are best reflected in the recent dramatic events in the world, such as Thunbergian strikes-demonstrations that have acquired a global sound, mass fires at the beginning of 2020 in Australia, demonstrations concerning the possible exploitation of gold mine called Amulsar in the Armenian reality and eventually the epidemiological situation in which the world is currently stuck.

The increasing dangers of consuming natural resources due to human destructive activities, the risks of transmitting genetic diseases to future generations, and the struggle to adopt appropriate political, educational, cultural, and financial policies also clearly indicate the need to think about intergenerational justice and consequently, initiate appropriate actions.

One of the prerequisites of the formation of the concept of intergenerational justice is a complex situation that has resulted due to the correlation between human and nature. There is no need for additional arguments to point out the fact that for a long time humanity has faced and does continue to face the threats of the environment and the risks of destruction of natural resources. Climate change, water and air, loss of biodiversity in earlier times were somewhat limited to certain territories.

It should be noted that nowadays, the above-mentioned actions, which are clearly the result of human activity, take place on a global scale and at a much higher rate [4, p. 37–38].

Another essential prerequisite of thinking about intergenerational justice can be found in the field of public health. One of the main and serious causes of concern is the transmission of health risks to future generations. It is not a secret that health and its various determinants are often passed from one generation to another.

The child's health largely depends on the socio-economic status of the parents, which, in turn, can affect the types and cultural conditions of the social environment where the child develops, as well as educational and work opportunities, income levels, socio-economic security, lifestyle choices, and a number of important circumstances. These factors and their various manifestations affect human health. Moreover, they can even interact and strengthen each other, affecting the genetic mood of certain diseases over time [1]. Therefore, it is not surprising that a number of specialists are working hard to reduce sustainably health inequalities in public health.

A number of researchers state that the concept of intergenerational justice gradually takes a greater role in philosophical frames. Even though Avner de-Shalit states that "the most important element in the question of intergenerational justice is the environmental issue, to which almost every aspect of intergenerational relations is related" [2, p. 6–7], nevertheless, it is the philosophical context that makes it possible to study systematically and compare the existing analysis and theories. Philosophy is the only discipline that is directly related to the problem of justice. The concept of intergenerational justice is quite broad: it inevitably touches upon ethical issues such as the boundaries of not only the responsibilities of an individual but also of the whole humanity. Philosophy thus tries to concentrate on the integrity of the problem, thus distinguishing itself from other disciplines. Particularly, the concept of intergenerational justice involves some theoretical questions related to identity and personality. Such questions are nothing but philosophical problems.

Already in the 18th century, different thoughts on intergenerational justice appeared in philosophical literature. Indeed, issues related to intergenerational justice are unique, although, as many thinkers note, there is still a lot of work to be done on the topic, in particular, to figure out the features of the topic and their normative manifestations [3, p. 1–7].

The prerequisites of the formation and development of intergenerational justice are the problems raised by the environmental and health communities, meaning that presence of such problems eventually became a reason for thinking about the well-being of future generations. Already in the 18th century, thoughts on intergenerational relations acquire a special meaning in the philosophical context, trying to reflect and provide answers to a number of ethical problems.

References

1. Coote A., Intergenerational Equity Briefing, Review of Social Determinants of Health and the Health Divide in the WHO European Region, WHO Regional Office for Europe, Copenhagen, 2015. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0005/302873/Intergenerational-equity-briefing.pdf?ua=1: (accessed 21 August 2020).
2. De-Shalit A., *Why Posterity Matters. Environmental Policies and Future Generations*, Routledge, London, 1995, 176 p.
3. Gosseries A. and Meyer H. L., *Intergenerational Justice*, Oxford University Press, New York, 2009, 419 p.
4. Anja Knaus, Ortwin Renn, *Den Gipfel vor Augen. Unterwegs in eine nachhaltige Zukunft*, Metropolis-Verlag, Marburg, 1998, 450 p.

Скворцова Вера Сергеевна

ассистент

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет

им. В.И. Ульянова (Ленина) «ЛЭТИ»

Email: skvorsovavera@gmail.com

Научная публикация выполнена при поддержке Ассоциации выпускников СПбГУ.

ДЕЦЕНТРИРОВАННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ФЕНОМЕНА МЕДИАТИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОБЛЕМНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Аннотация. Обозначение и фиксация смысловых и концептуальных границ понятия «медиатизация» как феномена, обуславливающего трансформацию коммуникативной культуры в эпоху информационного общества.

Ключевые слова: медиатизация, медиатизированный образ, информационное общество, коммуникативная культура.

Skvortsova Vera Sergeevna

Assistant

Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

DE-CENTERED PERSPECTIVE OF THE MEDIATIZATION PHENOMENON ILLUSTRATED BY A PROBLEM DESIGN

Abstract. Designation and fixation of the semantic and conceptual boundaries of the concept of "mediatization", as a phenomenon that determines the transformation of communicative culture in the era of information society.

Keywords: mediatization, mediatized image, information society, communicative culture.

Стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий и усиление влияние института массмедиа на немедийные социальные институты способствовало трансформации коммуникативной культуры, традиционных поведенческих паттернов, развитию коммуникативных практик и появлению новых. Ставшие общедоступными для широких масс высокие технологии оперативной связи, кооперации и коммуникации существенно трансформировали традиционные схемы взаимоотношений между субъектами, вступающими в коммуникацию (источник и адресат/реципиент). Переход от «обратной связи», в традиционном её понимании (а именно отложенной во времени реакции реципиента на сообщение, полученное от источника), к транзакционному, практически непрерывному взаимодействию субъектов коммуникации, при котором происходит постоянная смена ролей (источник/реципиент) [см.: 1] задал новый вектор развития исследователям коммуникативных технологий.

В научных работах процесс трансформации коммуникативных практик под влиянием медиатехнологий и инкорпорирования социальных институтов чаще всего соотносится с понятием «медиатизация». Несмотря на популярность понятия, в отечественной практике у него на данный момент отсутствует устоявшаяся дефиниция.

Проследив историю зарождения термина «медиатизация» и проанализировав значения, вкладываемые зарубежными и российскими исследователями в это понятие, можно сделать вывод о формировании двух основных подходов к его трактовке: институционального и социально-конструктивистского [см.: 4].

В рамках институционального подхода медиатизация понимается как процесс, в котором различные (не медийные) социальные институты подстраиваются под медийную логику, тогда как институт масс-медиа играет доминирующую роль, инициируя экспансию и доминирование медийной логики в различных сферах жизни обще-

ства, а также развитие общественных институтов и технологической инфраструктуры, обуславливающей развитие медиарынка [см.: 6].

Социально-конструктивистский подход характеризует процесс медиатизации с точки зрения коммуникативного подхода и определяет ее как феномен, в рамках которого информационно-коммуникативные технологии влияют на коммуникативные структуры и практики, трансформируют поведенческие паттерны и являют собой новую форму социализации общества посредством принятия на себя роли и функций медиа [см.: 4, 3, 5].

Таким образом, методики изучения данного явления так или иначе рассматривают медиатизацию как глобальный процесс взаимовлияния социальных институтов, при этом центральным элементом модели выступает институт медиа. Подобный подход способствует формированию гипертрофированного представления о сути протекающих коммуникативных процессов. При этом сам процесс медиатизации в основном рассматривается исключительно в контексте таких категорий, как «власть медиа», «сила медиа», «влияние медиа» на автономные и независимые институты. В этой системе отношений медиа предстает перед нами как диктатор, меняющий и контролирующий все сферы общества. При этом без ответа остаются ключевые вопросы:

- чем обусловлено влияние медиа?
- какие изменения происходят внутри этих сфер?
- какое влияние оказывает процесс медиатизации на формирование общественного мнения и общественных отношений в эпоху информационного общества?

В этой связи актуальным видится рассмотрение феномена медиатизации через призму конкретной медиатизированной дискуссии; проблемной ситуации, стимулирующей социальных акторов к взаимодействию. В качестве проблемной ситуации была выбрана проблема коррупции и связанный с данной проблемой образ государственного служащего.

На первом этапе исследования важно было обрисовать основные образы, транслируемые СМИ в рамках проблемной дискуссии. С этой целью на основе поисковых запросов пользователей было разработано семантическое ядро, на основе которого был проведен количественный и качественный контент-анализ, а также темпоральный анализ публикаций. Семантическое ядро включало следующие ключевые слова и сочетания: «коррупция», «чиновник», «взятки», «коррумпированные чиновники», «теневая экономика» за 2018–2019 года.

Результаты анализа показали, что проблема, прежде всего, представлена в виде отдельных кейсов, связанных с конкретными личностями, уличенными в коррупции и образом чиновника/государственного служащего (83% публикаций). Коннотация преимущественно (69,2%) нейтральная (простое информирование) или негативная.

«Персонализация» коррупции через сужение этого глобального многоуровневого проблемного нарратива к упрощенному и визуально мощному образу чиновника – человека с неограниченными полномочиями в данном случае является одним из медиатизированных образов – симулякр, созданным в общественном сознании. Дискуссии вокруг данного процесса зачастую упрощаются и драматизируются.

Ключевые образы, транслируемые в СМИ, касающиеся рассматриваемой проблемной конструкции, связаны с категориями «несправедливость», «борьба», «произвол», «продажность», «злоупотребление», «мошеничество». При этом, по результатам интернет-опроса жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области в возрасте от 18 до 45 лет, проблему коррупции они связывают с такими ключевыми категориями, как «власть» (24%), «правительство» (17%), «бюрократия» (9%), «взятки, подкуп» (14%), «круговая порука» (6%) и «безысходность» (8%).

На основе изложенных результатов исследований сделаны выводы о влиянии образов отдельных личностей, уличенных в факте коррупции, на сферу государ-

ственного управления и имидж чиновника в целом. Данный процесс обуславливается результатами анализа отранжированных реципиентами основных источников получения информации о фактах коррупции: более 52% всей информации реципиенты получают из традиционных СМИ (телевидение, новостные издания), 21% – от лидеров мнения и экспертов в области, 14% – публичная деятельность государственных органов в рамках указанной проблематики, и 9% – результаты коммуникативной деятельности чиновников в социальных сетях. Оставшиеся 4% – другие источники.

Результаты исследования показали, что первоначальным источником информации по данному вопросу являются чаще всего СМИ или социальные медиа. Их влияние и внимание создают повестку дня, обсуждаемую в режиме реального времени в социальных сетях, в том числе лидерами мнений. Общественная дискуссия создает резонанс и, подкрепляемая реакцией со стороны базисного субъекта (чиновник/орган государственной власти и т. п.), расширяет взгляды на проблему, способствует её упрощению, включению визуальных образов и стереотипов.

В ходе коммуникативных процессов неизбежно возникновение конфликта интересов и вовлечение публичных личностей в обсуждение проблематики, что, в свою очередь, вновь привлекает внимание СМИ.

С определенными перерывами между инфоповодами цикл повторяется раз за разом, создавая простые устойчивые образы. При этом количество витков в рамках одного цикла зависит от масштабов дискуссии и информационного повода.

На основании полученных эмпирических данных автор исследования делает вывод о «спиралевидности» медиатизированных коммуникативных процессов, где СМИ далеко не всегда имеют ведущую и определяющую роль. Поэтому, по мнению автора исследования, некорректно рассматривать процесс медиатизации с точки зрения усиления влияния института масс-медиа на социальные институты. Наиболее целесообразно в контексте вышесказанного понимать медиатизацию как непрерывный социально-коммуникативный процесс, в рамках которого различные социальные институты трансформируются посредством внедрения медийной логики в сложившиеся паттерны поведения.

Библиографический список

1. Гавра Д. Основы теории коммуникации: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2011. – 288 с.
2. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. Монография / И. М. Дзялошинский. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. – 479 с
3. Couldry N. Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling // *New Media Society*. 2008. Vol. 10 (373). P. 376.
4. Hepp A. The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the Mediation of Everything. URL: http://www.kommunikativefigurationen.de/fileadmin/redak_kofi/Arbeitspapiere/CoFi_EWP_No-1_Hepp.pdf. (дата обращения: 30.07.2020).
5. Krotz F. Mediatization: a Concept with Which to Grasp Media and Societal Change. In K. Lundby (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. – New York: Peter Lang. 2009. – Pp. 19–38.
6. Mazzoleni G., Schulz W. "Mediatization" of Politics: A Challenge for Democracy? / G. Mazzoleni, W. Schulz // *Political Communication*. – 1999. – Vol. 16, № 3. – P. 247–261.

Скуденков Владимир Алексеевич

Соискатель

Иркутский государственный университет

Email: vskudenkov@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИТЯЗАНИЯ: ИНСТРУМЕНТЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности предъявления и реального наполнения экономических притязаний современников в цифровом мире. Показывается, как виртуальное пространство может подменять реальные притязания на ложные, наполняя имеющиеся материальные символы иллюзорными ценностями и смыслами, не имеющими реального материального подтверждения.

Ключевые слова: экономические притязания, цифровой мир, виртуальное пространство.

Skudenkov Vladimir Alekseevich

PhD Student

Irkutsk State University

ECONOMIC CLAIMS: PRESENTATION TOOLS IN THE DIGITAL WORLD

Abstract. The article examines the features of the presentation and real content of the economic claims of contemporaries in the digital world. It shows how virtual space can replace real claims with false ones, filling existing material symbols with illusory values and meanings that have no real material confirmation.

Keywords: economic claims, digital world, virtual space

В современном мире экономические притязания выступают критерием и условием личной и социальной успешности человека. То, что мы хотим, зачастую объясняется социальными нормами и рамками одобрения. Материальные символы выступают сферой желаемых и притягивающих внимание, время и силы людей объектов.

Но цифровой мир и в этой сфере нашей жизни произвел революцию. Нет, квартира, машина, дача также стоят в списке важных материальных составляющих жизни людей. Но сюда добавляются еще и новые компьютеры и ноутбуки, смартфоны и телефоны и другие гаджеты, символы обладания которыми дают право на вхождение в определённый круг или получение определенного статуса или социального имиджа. Гаджеты, при помощи которых можно осуществлять цифровое взаимодействие, становятся более значимыми, чем реальное место, где, как и с кем ты живешь, чем занимаешься, как зарабатываешь деньги.

Экономические притязания имеют контекст переформирования в цифровом мире. Это выражается в том, что, благодаря цифровому виртуальному пространству, можно создавать свои личные образы, имиджи и контексты своего окружения, в том числе и материальных экономических притязаний – имеющихся на сегодняшний день и уже воплощенных в реальность.

Фото и видео на фоне своего дома, дачи, автомобиля и прочих атрибутов материального достатка является обыденностью. Точно так же, как и марка одежды, общий имидж позиционирования себя, которые транслируются через социальные сети и заставляют переоценить свой имидж и имидж ближайшего окружения. В более ранних работах показано, как происходит трансформация сознания под влиянием кризисных и трансформационных периодов общественного развития, а в этой статье делается акцент на роли виртуальных трансформаций под влиянием цифровизации [см.: 4,5].

Благодаря экономическим притязаниям и их отражениям в цифровом пространстве мы конструируем еще одно виртуальное пространство, где в большей степени кажемся не теми, кто мы есть. Так как машина, в которой мы ездим, или дом, в котором живем, не может показать, какой мы человек, какие слабости и преимущества есть у нас. И это может быть арендуемый дом или квартира, машина в кредит – и мы тем самым создаем образ мнимой успешности и достатка, не являясь их реальным собственником или владельцем. В исследованиях Р. Г. Ардашева показана иррациональная основа формирования общественного мнения на основе экономических притязаний [см.: 1,2,3].

Это образ мнимой наполненности экономическими притязаниями жизни, который ничем не подтвержден в реальности. Результатом этого становится то, что человек, предъявляя материальные символы, не чувствует их силу и поддержку, не ощущает себя удовлетворенным и реализованным, по-настоящему успешным человеком, для которого качество жизни не только в предъявляемых материальных символах (оно воспринимается как базовое условие), но и в том, что заставляет его удивляться, смеяться, ставить новые задачи и достигать их.

В 2020 году мы провели опрос граждан России на платформе электронных опросов www.google.com на тему экономических притязаний в цифровом мире. В нем приняли участие 1250 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 60% женщин и 40% мужчин, проживающих в разных регионах РФ.

В результате исследования мы установили, что только 34% фотографий со значимыми для респондентов материальными символами (машинами, квартирами, часами и другими ценными атрибутами) принадлежат респондентам. Для 66% это либо вещи в кредит (соответственно банки являются их собственниками) – и таких 70%, либо это вещи знакомых или не знакомых людей, которые они взяли для того, чтобы сфотографироваться и выставить в социальных сетях. По мнению респондентов, 90% их окружения живет так же, как и они, и используют те же стратегии предъявления своих экономических притязаний.

Респонденты осознанно шли на этот шаг, предъявляя для своего окружения то, что еще не является их собственностью или никогда не было. Цифровое пространство наполняется ложными символами, которым не всегда можно верить. Но на их основе создается мнение окружения о человеке, его успехах и неудачах, его достижениях и промахах.

Также можно сказать, что предъявление материальных символов в цифровом пространстве имеет гендерную специфику. Женщины в три раза чаще, чем мужчины, предъявляют свои материальные притязания – через фото и видео того, что у них есть или чем они хотели бы обладать (женщины 72%, мужчины 28%). Это говорит о желании женщин получить больше материальной стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Этот вывод мы делаем на основе того, что именно так женщины объясняли свое поведение, желая предъявить как можно больше материальных притязаний и реальных экономических символов, которыми мы обладаем. А именно: *это дает дополнительное ощущение уверенности в том, что можно быть уверенным в завтрашнем дне* (Н. Д., домохозяйка, 49 лет); *я получаю дополнительное внимание со стороны подруг и уже понимаю, что у меня нет выбора – мне надо реально иметь ту машину, на фоне которой себя сфотографировала* (А. А., стилист, 27 лет); *я всегда хотела жить в доме с панорамными окнами и всегда это говорила знакомым, сегодня я живу в таком доме и постоянно делаю свои фото на фоне панорамных окон, и так со многими моим целями: что хотела, то и получила. Правда, за ипотеку еще двадцать пять лет платить, но зато я живу там и так, как хочу* (О. Л., экономист, 33 года).

Без понимания того, что в цифровом пространстве можно узнать все о твоём прошлом и настоящем, стоит осторожно относиться к тем предъявляемым материальным социальным символам, которые есть в нашем окружении. По мнению 47%

опрошенных их прошлое, отраженное в социальных сетях, мешает предъявлению их материальных образов в настоящем, 42% их прошлое помогает, и 11% не смогли ответить на этот вопрос. Респонденты приводили следующие объяснения своей позиции: *сложно представить, что если ты мечтаешь о плюшевом мишке, когда тебе 20 лет, что тебе подарят феррари, поэтому те истории моих желаний, которые есть в моей ленте, иногда портят мне мои предъявления в настоящем, так как уровень не тот. Если бы я могла, я бы иные желания ставила во главу угла* (О. Н., массажист, 31 год); *надо конструировать свой имидж в том числе и в сфере виртуального позиционирования своих материальных ценностей, чтобы потом мое прошлое не мешало моему настоящему и будущему* (Н. Д., банкир, 39 лет); *качество жизни зависит от того, что мы хотим, как это позиционируем и что делаем для того, чтобы это стало реальностью* (Г. Г., юрист, 42 года).

Таким образом, экономические притязания в цифровом пространстве наполняются новыми смыслами, не всегда подкреплёнными реальными фактами о том, что и как мы делаем. Более того, благодаря возможностям цифрового пространства формируются механизмы конструирования мнимых притязаний и ложного обладания теми материальными ценностями, которые есть у россиян. По нашему мнению, это приведет к социальному разрыву и усилению надуманных, мнимых ценностей, ложных представлений о других людях.

Библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 40–48.
3. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – 2019. – С. 25–27.
4. Скуденков В. А. Экономические притязания в кризисном обществе // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых. – 2017. – С. 171–173
5. Скуденков В. А. Социально-экономические притязания в кризисном обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы III международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях. – 2018. – С. 84–90.

Собольникова Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова

Email: sobolnikova@list.ru

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ «КИБОРГИЗАЦИИ» ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В исследовании представлена проблема философского осмысления идеи «киборгизации» человека в контексте трех основных подходов: в научном подходе, связанном с «биокиборгизацией» человека; в технологическом, связанном с процессами развития нанотехнологий; в философском подходе, дающем анализ необратимых политических, экономических и антропологических изменений в жизни общества и человека.

Ключевые слова: техника, постчеловек, киборгизация, трансгуманизм, иммортализм, киберфеминизм.

Sobolnikova Elena Nikolaevna

PhD (Philosophy), Associate Professor

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov

PHILOSOPHICAL UNDESTANDING OF MAN'S "CYBORGIZATION" PROBLEM

Abstract. The research presents the philosophical understanding of the idea of man's "cyborgization" from the perspective of three main approaches: a scientific approach connected to man's "biocyborgization"; a technological approach connected to the process of the nanotechnology development; a philosophical approach which provides the analysis of irreversible political, economic and anthropological changes in society and human life.

Keywords: technology, posthuman, cyborgization, transhumanism, anti-aging movement, cyberfeminism.

Термин «киборг» введен Манфредом Е. Клайнсом и Натаном С. Клином в 1960 году для обозначения возможности адаптации человеческого тела к жизни в космосе с помощью механических имплантов. В науке (в кибернетике, в биоинженерии, генетике и других науках) процесс киборгизации связан с возможностью интеграции человеческого тела и механизмов, с постоянно увеличивающимся числом замены живых органов искусственными аналогами (искусственные зубы, искусственное сердце), с внедрением новых органов в тело человека [см.: 1].

С научной точки зрения, киборгизация – это наличие двух качественно различных сред (живой и неживой материи) и границы между ними, которая создаёт проблемы гистологической совместимости, прочности соединения, иннервации, защиты от инфекций. Такой процесс можно назвать «биокиборгизацией», когда новые органы создаются методами управления живой материей, например, введением новых клеток, новых хромосом или тканей, состоящих из клеток других организмов [см.: 1]. Например, в современной медицине процесс «биокиборгизации» станет необходим, если будет возможно спасти жизнь пациента, заменив больной орган здоровым; если появится возможность сделать жизнь человечества более продолжительной в результате «тотальной киборгизации» в результате замены большей части органов тела; если «киборгизация» вместе с носимыми системами обеспечит тело новыми функциями безопасности (более прочные кости, компьютерный контроль параметров крови, системы экстренного вызова помощи и т. д.) [см.: 3].

Таким образом, научное направление «киборгизации» человека получило развитие в нескольких аспектах: первый аспект затрагивает, главным образом, вопросы

комфорта и физических возможностей человека, но не вопросы продления жизни; второй – непосредственно связан с проблемой индивидуального выживания человека («киборгизация» системы жизнеобеспечения, техническое восполнение функций жизненно важных органов), которое может осуществляться двумя методами, когда либо естественный орган может быть заменен искусственным (например, ослабленное естественное сердце заменяется искусственным насосом), либо механизм выполнения функции будет пересмотрен и переведен на промышленную основу (например, при отказе пищеварения пациенту непосредственно вводят в кровоток готовые промышленно изготовленные питательные вещества); третий аспект – техническое вмешательство в мозг человека, возможность создания «мозговых протезов», которые смогут выполнять функции отдельных участков мозга, процесс внедрения чипов (других технологических приспособлений) в мозг человека. Среди наиболее известных сторонников научного подхода к проблеме «киборгизации» человека, можно выделить известного американского футуролога, технического директора Google, создателя Университета Сингулярности Р. Курцвейла, который полагает, что «технологическая сингулярность» может наступить в 2045 году из-за появления мощного искусственного интеллекта и активной «киборгизации» людей, то есть замены частей человеческого тела на искусственные, но более эффективные аналоги [см.: 2].

Технологический подход к проблеме «киборгизации» становится возможным после создания и активного исследования нанотехнологий, что получит свое развитие, скорее всего, ко второй половине XXI века. Данный технологический подход будет состоять в постоянном увеличении концентрации микророботов во внутренней среде человека. Тем не менее можно предположить, что ожидаемая продолжительность жизни такого «киборгизированного» тела составит несколько тысячелетий, а старение в нём будет сведено к нулю. Основной риск для «постчеловека» будут представлять только крупные катастрофы. Интересно отметить, что процесс нанотехнологической «киборгизации» может развиваться быстрее, чем чисто биологические программы замедления старения [см.: 3]. Примером данного подхода является российский проект «Россия 2045», который работает над созданием искусственного тела-аватара, в которое можно «переселить» человеческое сознание (как в цифровой форме, так и с помощью пересадки органического мозга). Таким образом, технологический подход к проблеме «киборгизации» человека, как и научный, стремится к активному развитию технологий для формирования «постчеловека» как более совершенного существа, к воплощению идеологии трансгуманизма (иммортализма), объясняющего феномен «киборгизации» с желанием людей обрести «бессмертие» (в данном случае, речь идет о так называемом «цифровом бессмертии» или биотехнологическом бессмертии).

Собственно, философский подход к проблеме «киборгизации» человека основан на критике сциентистских и футурологических «ожиданий» научного и технологического подходов. Здесь наиболее последовательным и влиятельным критиком трансгуманизма (иммортализма) можно назвать американского политолога Ф. Фукуяму. Среди критических аргументов против научной и технологической «киборгизации» человека Ф. Фукуяма выделяет два основных тезиса: во-первых, долгий процесс эволюции человека содержит в себе множество как позитивных, так и негативных черт, но именно это сложное сочетание позволяет развиваться в дальнейшем, тогда как радикальное вмешательство в этот процесс при помощи технологий может не возвысить человека, а, скорее, дегуманизировать его; во-вторых – и эта проблема наиболее очевидна – появление первых «постлюдей» автоматически разделит людей по беспрецедентному ранее принципу и создаст огромный конфликтный потенциал в социальной, экономической и политической сферах, последствия которого будут катастрофичны: в экономической сфере могут произойти глобальные изменения, ведь технологии «постгуманизации» могут оказаться чересчур дорогими для боль-

шинства людей, а в политической сфере возможно разрушение всей системы либеральной демократии, основанной на концепции «естественного права» (все люди рождены равными в правах и от рождения наделены определенными правами) [см.: 4].

Однако не все философы настроены критично по отношению к процессам «киборгизации» человека. Основатель философского направления киберфеминизма Донна Харауэй полагает, что процессы «киборгизации» являются зонами свободными от любых социальных ограничений (нации, пола, возраста и т. д.): «В конце XX века, в наше время, мифическое время, мы все – химеры, выдуманные и сфабрикованные гибриды машины и организма; короче, мы – киборги. Киборг – наша онтология, от него идет наша политика. Киборг есть конденсированный образ как воображения, так и материальной реальности – два совмещенных центра, структурирующих любую возможность исторической трансформации» [см.: 5]. Таким образом, киберфеминизм связывает появление киборга с преодолением половых различий, организацией нового постгендерного типа личности.

Все названные подходы в философском осмыслении проблемы «киборгизации» человека характеризуют современное постиндустриальное (информационное) общество, где грани между полами «стерты» и возникает «новая постгендерная личность», где с особой остротой возникает проблема «цифрового бессмертия» и биотехнологического совершенствования человека.

Библиографический список:

1. Новый виток эволюции: человек разумный, человек прямоходящий, человек киборг? // news.grimuar.info. URL: <http://news.grimuar.info/новый-виток-эволюции-человек-разумный-человек-прямоходящий-человек-киборг-413.html/> (дата обращения: 20.10.20).
2. Никитин Г. М. Антропогенез и проблемы киборгизации современного общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020 –Том 9 – № 2А. С. 156–163. DOI:10.34670/AR.2020.65.70.018.
3. Турчин А., Батин М. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа [Электронный ресурс] // rudocs.exdat.com. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-188955.html?page=31/> (дата обращения: 20.10.20).
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. МБ. Левина. - М.: ООО 'Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с.
5. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 128 с.

Соловьева Людмила Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Филиал Военной академии РВСН имени Петра Великого в г. Серпухове

Email: luniso@rambler.ru

ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР КАК НОВОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье исследуется влияние процессов цифровизации на жизнь современного человека. Показано, что прогрессивное развитие инфокоммуникативных технологий обусловило превращение глобального виртуального пространства в новое жизненное пространство, в границах которого не только протекает значительная часть жизни современного человека, но и возникают новые способы социального взаимодействия, трансформируется антропологическая атрибутика, меняются способы мировосприятия и форматы существования.

Ключевые слова: виртуальный мир, глобальное информационное пространство, инфокоммуникативные технологии, человек, виртуализация, виртуальная коммуникация.

Solovieva Ludmila Nikolaevna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Branch of the Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great in Serpukhov

VIRTUAL WORLD AS A NEW LIVING SPACE FOR MAN

Abstract. The article examines the impact of digitalization processes on the life of a contemporary person. The progressive development of infocommunication technology has led to the transformation of the global virtual space into a new living space, within which not only a considerable part of modern life takes place, but there appear new ways of social interaction, transformation of anthropological attributes, changes of ways and forms of existence.

Keywords: virtual world, global information space, infocommunication technologies, man, virtualization, virtual communication.

«Что есть реальность?» – вопрос, интересовавший философов во все времена. В условиях перехода на новый виток цивилизационного развития он оказался достаточно актуальным, поскольку к привычному для человека миру физическому добавился и виртуальный мир как новое пространство жизни и деятельности. Инфокоммуникативные технологии и детерминированные ими процессы цифровизации выступают сегодня факторами, трансформирующими социальную реальность, яркими маркерами грядущей информационной эпохи, а Интернет, виртуальная реальность, виртуальная коммуникация из явлений сугубо профессиональных стали широкодоступными и повсеместными, превратившись по сути в самостоятельный культуротворческий феномен и обусловив возникновение новой формы бытия [см.: 6, 7], нового типа мировосприятия [см.: 8, с. 67], нового формата существования человека [см.: 1, с. 50–51]. В этой связи всестороннее философское осмысление заявленной проблематики представляется весьма своевременной и научно необходимой задачей.

Вступление человечества в эпоху цифры связано прежде всего с прогрессивным развитием инфокоммуникативных технологий. Продуцируемые ими явления и расширенные возможности, такие как Интернет, социальные сети, мессенджеры, сервисы и много другое столь незаметно и ненавязчиво, но так прочно вошли в привычную жизнь, что сложно представить современных людей вне этих «радостей» цифровой

жизни. Виртуальная реальность не только расширила рамки социального пространства, раскрыла новые возможности человеческого существования, но и генерировалась в новую форму бытия, став еще одним жизненным пространством человека наряду с миром природы, культуры, техники.

В настоящее время уровень развития технологий таков, что виртуализация может в скором времени обрести статус тотальной тенденции, затронув все без исключения сферы бытия человека. Уже известны проекты виртуализации человеческого тела, не говоря о достаточно успешных шагах в направлении создания искусственного интеллекта. Так, например, системы Smart Living и Интернет вещей сегодня объединяют не только людей, но и сами вещи, технологические устройства, продуцируют виртуальные копии физических объектов и становятся спутниками человека в границах этой «гибридной» реальности, как ее определяет Б. Латур [см.: 5]. Действительно реальный мир виртуализируется, что и предрекали теоретики информационного общества в середине XX столетия, в частности, М. Кастельс говорил о превращении виртуальной реальности в нашу реальность и определял реальность как «реальную виртуальность» [3, с. 343]. Виртуальная реальность как «четвертая природа» в определенном смысле коррелируется с концепцией «постчеловеческой реальности» и «постчеловека», поскольку тотальная погруженность современных людей в глобальное виртуальное пространство по сути уже запустила механизм, трансформирующий традиционную антропологическую атрибутику – субъективность, идентичность, телесность. Жизнь современного человека такова, что протекает в двух временных измерениях: онлайн и офлайн, что до недавнего времени в границах классических представлений о времени казалось немислимым, а не то чтобы возможным, но сегодня это так: не только прошлое и настоящее могут сосуществовать одновременно [см.: 5], но и человек может присутствовать как в мире физическом, так и виртуальном, быть в режиме реального, либо вне реального времени – онлайн и офлайн. За последние 30–40 лет люди действительно значительно изменились. Мобильный телефон, по крайней мере, уже неотъемлемая часть повседневной жизни, и особенно смартфон, сочетающий функции мобильной связи и персонального компьютера. А что до реальности прогнозов Р. Курцвейла относительно ближайших перспектив развития искусственного интеллекта – тотальной интеграции человека и компьютера [см.: 4], то не такими уж футуристическим сегодня они выглядят.

В виртуальном мире человек обладает возможностью частично либо полностью реализовывать собственную субъективность через акты симуляции жизнедеятельности, интерактивно взаимодействуя и изменяя виртуальное пространство. Он создает свой профиль, автопроект, наделяя его биографией, желаемыми личностными характеристиками, репрезентуя свой alter-ego-аватар в виртуальном пространстве. Атрибуты сконструированной виртуальной личности индивид вполне успешно присваивает в реальной жизни, и виртуальная реальность, таким образом, для современного человека оказывается во многом реальнее, чем могла бы представиться. Реальное общение все более вытесняется в информационное пространство и замещается виртуальной коммуникацией. Сайты, блоги, социальные сети, чаты, форумы выступают платформами для виртуального общения и вполне закономерно, «если тебя в Сети нет, значит, тебя нет» – это ли ни маркер современного существования? Быть – значит быть в Сети. Виртуализация бытия человека порождает эффект дереализации, когда постепенно утрачивается способность проводить параллель между действительностью и реальностью. В этих условиях происходит деструкция субъективности. Единство субъекта вытеснено множеством, не образующим целостность. Виртуальная личность – это в большей степени полисмысловой феномен, совокупность множества неконфликтующих «Я», с отсутствием внешней и внутренней определенности и однозначности. Эффект разорванного сознания становится нормой, попытка понять истинную суть человека и ответить на кантовский вопрос «Что есть человек?» расценивается в виртуальном сообществе как патология.

Таким образом, новый виртуальный мир, продуцируемый современными инфокоммуникативными технологиями, обретает статус нового жизненного пространства, в границах которого протекает бытие современного человека. Виртуализация обуславливает трансформацию ключевых антропологических атрибутов: субъективности, идентичности, мировоззрения, телесности, помещая современного человека в ситуацию постоянного поиска собственного «Я». А вопрос: «реален ли человек в социуме сегодня без своего виртуального двойника?» заявлен и открыт для поиска ответов.

Библиографический список

1. Беляев Д. А. Перспективные антропологические модели постчеловека: трансформация человеческой природы и сврхчеловеческая атрибутика // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой всероссийской конференции. – М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 43–52.
2. Ваттимо Дж. Прозрачное общество? – М.: Логос, 2003. – 128 с.
3. Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 327 с.
4. Курцвейл Р. Прогноз развития технологий до 2099 года. URL: <https://www.computerra.ru/226917/predictions-of-raymond-kurzweil/> (дата обращения: 20.10.2020).
5. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметрической антропологии. – СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 240 с.
6. Орлов С. В. Виртуальная реальность как новая форма материального бытия // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2013. – № 2 (2). – С. 82–87.
7. Орлов С. В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2016. – № 1 (11). – С. 12–25.
8. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. – 1997. – №6. – С. 53–68.

Станжевский Федор Алексеевич

кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
Email: stanzh@mail.ru

Заявка поддержана РФФИ, проект № 20-011-00885: Гендерная ревизия истории философии

ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ СЬЮЗАН ХЕРЛИ

Аннотация. Современная информационная теория сознания представляется проблематичной из-за постулируемого ею разрыва между восприятием и действием (как вводом и выводом информации). Показано, что понятие динамической обратной связи предоставляет нелинейную картину отношения между восприятием и действием, а также конститутивную связь между ними.

Ключевые слова: восприятие, действие, динамическая связь, афферентация, энативизм.

Stanzhevskiy Fedor Alexeevich

PhD (Philosophy), Assistant Professor
Saint-Petersburg State Institute of Technology
Email: stanzh@mail.ru

INFORMATION THEORY OF CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF SUSAN HURLEY'S COGNITIVE PHILOSOPHY

Abstract. Contemporary information theory of consciousness is problematic due to the rift that it institutes between perception and action as input and output. It is shown that the idea of dynamic feedback loop gives a non-linear picture of the relation between perception and action and constitutive connection between them.

Keywords: perception, action, feedback loop, afference, efference copy, enactivism.

В настоящей работе представлена концепция динамической взаимосвязи восприятия и действия в философии американско-британского философа Сьюзан Херли (1954–2007). Херли принадлежала к динамической парадигме когнитивной философии, которая, в отличие от вычислительной теории или коннекционизма, постулирует эмерджентное возникновение когнитивных процессов из сложного взаимодействия между информационным входом (input), выходом (output) и миром [см.: 1, с. 39]. Эта концепция позволяет внести существенные коррективы в доминирующую информационную теорию сознания, в которой вход и выход связаны друг с другом лишь линейной, однонаправленной причинной связью.

В соответствии с теорией динамических систем, Херли подвергает критике традиционную информационную теорию сознания, включающую в себя три основных составляющих. Во-первых, восприятие и действие рассматриваются как отдельные друг от друга элементы; кроме того, они играют периферийную роль в сознании. Центральная же роль в сознании (и это вторая составляющая традиционных теорий сознания) отводится мысли и когнитивным процессам обработки информации. Следовательно, восприятие и действие, будучи отделены друг от друга, оказываются отгороженными также и от мысли и познания. Традиционный тип теории сознания основан, таким образом, на идее о сознании как сэндвиче, состоящим из двух половин – восприятия и действия, причем информационные познавательные процессы (когниция) являются его «начинкой»; другими словами, когнитивные процессы служат

интерфейсом между перцептивными и моторными процессами [см.: 2, с. 5]. Третья составляющая «мейнстримовых» теорий сознания требует объяснять основные свойства сознания при помощи процессов, предполагающих синтаксические связи между независимыми от контекста символами. Рациональность основывается на чисто внутренних процессах, таких как манипулирование внутренними символами или репрезентациями.

Херли ставит под вопрос независимость восприятия от действия, а также когнитивных процессов – от сенсомоторных связей. Когниция, по мнению философа, эмерджентно возникает из динамических сенсомоторных систем, сопряженных со средой. Эмерджентность, с точки зрения теории динамических систем, предполагает прерывистое, дискретное изменение структуры по мере непрерывного изменения параметров системы. Херли придерживается экстерналистской концепции сознания, при которой когнитивная система включает в себя не только процессы, имманентные организму, но также и петли обратной связи, проходящие через среду. Таким образом, носители когнитивных процессов не обязательно сводятся к границам мозга или даже организма; некоторые процессы, отвечающие за содержание когнитивного или психического состояния, преодолевают границу между внутренним и внешним, между телом и средой. Когнитивная сфера конституируется динамическим сцеплением мозга, тела и среды; причем под последней следует понимать не только естественную (природную), но и социальную и языковую среду.

В традиционной модели сознания восприятию отдается приоритет перед действием, которое, в свою очередь, имеет подчиненный и производный характер: сознание пассивно воспринимает сенсорный вход из среды, затем когнитивно обрабатывает этот ввод, и реализует результаты когнитивной обработки в действии – таким образом, действие является побочным продуктом чисто ментальной деятельности. При этом перцептивная система и система действия, осуществляющая моторные команды, лишены существенной связи друг с другом. С другой стороны, современные достижения в области нейронауки (в частности, открытие зеркальных нейронов, обладающих как сенсорными, так и моторными полями) заставляют усомниться в верности традиционной теории сознания [см.: 3, с. 3]. Кроме того, экологическая концепция сознания показывает непрерывную петлеобразную связь между модуляцией оптического потока при помощи движения и модуляцией движения посредством изменений в оптическом потоке. Тем не менее, старые привычки разделения сенсорной и моторной сфер в когнитивной науке достаточно устойчивы, что вполне объяснимо, учитывая их славную традицию, укорененную в XVII веке, – в частности, в мысли Декарта и Локка.

Для построения более совершенной теории сознания полезно проанализировать предпосылки и допущения традиционной теории. С точки зрения Херли, следует выделить два основных допущения. Первое предполагает линейный характер задействованных каузальных процессов: мир - ввод через сенсорные системы – восприятие – когниция – моторные системы – действие – мир. Второе допущение предполагает чисто инструментальный характер отношений между восприятием и действием, при котором восприятие является средством для действия, а действие – средством для восприятия. Сьюзан Херли убеждена, что следует отвергнуть оба эти допущения, с одной стороны акцентируя важную роль динамической обратной связи, с другой – признавая конститутивную, а не только инструментальную связь между восприятием и действием. В связи с этим небезынтересно отметить, что, согласно Херли, две психологических теории – бихевиоризм и экологическая психология Гибсона – совершают ошибку, отвергая лишь одно из названных допущений и сохраняя второе [2, с. 12]. В самом деле, бихевиоризм отвергает чисто инструментальную связь между действием и восприятием, усматривая конститутивную связь между ними. Вместе с тем, в концепции действия как выхода он сохраняет линейную концепцию каузальности, отрицая круговую причинно-следственную связь. В свою оче-

редь, Гибсоновская теория отрицает линейный характер связи между восприятием и действием, но сохраняет идею чисто инструментальной взаимосвязи между ними.

Круговая каузальная связь между восприятием и действием позволяет рассматривать действия одновременно как в качестве причины восприятий, так и в качестве их следствия; восприятия и действия возникают из сложной динамической системы обратной связи. Отношение между восприятием и действием имеет характер более тесный, чем чисто инструментальная связь. Такая не-инструментальная каузальная связь, по мнению Херли, успешно описывается двумя типами теорий – моторными теориями восприятия и контрольной теорией действия.

Рассмотрим кратко теории систем контроля за действием, которые утверждают существенное значение обратной связи, а также не только инструментальную, но и конститутивную взаимозависимость между восприятием и действием. Ключевой идеей этого типа теорий является то, что действие выступает в качестве контроля за информационным входом. Действие не управляется только внешним стимулом, но оно и не является чисто внутренне автономным. После того, как система порождает выход, среда создает возмущения. В зависимости от различных возмущений среды один и тот же выход может давать различные эффекты. Так, под влиянием среды тот же самый проксимальный выход может иметь различные дистальные эффекты, а различные проксимальные выходы могут быть связаны с одинаковым дистальным эффектом. Действия организма адаптируются к изменениям в среде: так, мышечное напряжение модифицируется в ответ на обратную связь из среды, чтобы произвести тот же самый предполагаемый результат. Результат действия находится под контролем, если организм защищает его от возмущений среды адаптивными действиями. Результат намеренного действия находится под постоянным контролем [см.: 2, с. 30].

Таким образом, концепция Сьюзан Херли позволяет существенно откорректировать информационную теорию сознания; становится ясно, что сознание предполагает динамическую связь между восприятием и действием, наряду с этим существенная роль отводится среде. Таким образом, сознание невозможно свести к чисто внутренним процессам обработки информации.

Библиографический список

1. Hung Tzu-wei. On Susan Hurley's Shared Circuits Model of Action Learning // NCCU Philosophical Journal. – 2018. – № 39. – Pp. 37–70.
2. Hurley S. Perception and Action: Alternative Views // Synthese. – 2001. – № 129. – Pp. 3–40.
3. Hurley S. The Importance of Imitation // Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science. – Vol. 1. – The MIT Press. – 2005. – Pp. 1–53.
4. Hurley S. Consciousness in Action. – Harvard University Press. – 1998. – 506 p.

Столетов Анатолий Игоревич

доктор философских наук, доцент

Башкирский государственный аграрный университет

Email: aistoletov@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ПЕЩЕРА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Информационное общество рассматривается через призму платоновской метафоры мира как пещеры. Анализ современного человека-в-мире высвечивает, как и у Платона, особую роль философии, претерпевающей трансформацию, подобно тому, как это происходило в «осевое время».

Ключевые слова: Платон, информационное общество, цифровые технологии, философия

Stoletov Anatoliy Igorevich

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Bashkir State Agrarian University

A DIGITAL CAVE OF OUR TIME

Abstract. The study examines information society through the prism of Plato's metaphor for the world as a cave. The analysis of modern man-in-the-world highlights the special role of philosophy undergoing transformation, as it was in the "axial time".

Keywords: Plato, information society, digital technologies, philosophy.

Уже давно развитие науки и технологий перестало восприниматься в духе философии Просвещения как однозначно положительный процесс и источник прогресса. Усилиями философов и ученых немало сделано для того, чтобы исследовать не только положительные достижения цифровизации общества, но и понять сущность, формы и перспективы негативных последствий распространения высоких технологий.

Одним из таких последствий является кризис философского сознания, разрыв логоса, возникшего более двух с половиной тысяч лет назад в ходе распада мифологического мировоззрения доисторической эпохи. Рождение логоса было обусловлено тем, что он лучше, чем миф отвечал на вопросы о мире. Сегодня нечто подобное происходит уже с самой философией. Рождаясь как путь к истине, философия долгое время помогала человеку отвечать на вопросы самого фундаментального характера, но сегодня возникают представления о том, что «...сейчас она мертва. Она не поспевает за современным развитием науки, особенно физики. Теперь исследователи, а не философы держат в своих руках факел, освещающий наш путь к познанию» [1, с. 9]. И, в некотором роде, это так.

Тем не менее такие представления несколько преувеличивают исчерпанность философского потенциала. Нынешний кризис философии в информационном обществе можно рассматривать как фазовый переход с довольно неопределенным вектором трансформации. Попробуем показать, какова общая направленность такого вектора. Он, как представляется, может быть связан с двумя очень отдаленными друг от друга точками, но – при всей отдаленности – сходящимися в некотором глубинном смысле. Одной из этих точек является социальная проблема, ярко продемонстрированная в недавно вышедшем документальном фильме «The social dilemma», посвященном влиянию социальных сетей на жизнь современного человека и социальную структуру [см.: 2]. Одним из пагубных последствий распространения высоких технологий, связанных с искусственным интеллектом, в области коммуникаций оказывается то, что эти технологии создают дифференцированные по интересам группы поль-

зователей, каждая из которых обладает своей базой данных: набором фактов, моделью интерпретации этих фактов и, как следствие, картиной мира. Алгоритмы программ, нацеленных на анализ поведения пользователя, постепенно формируют достаточно закрытые группы единомышленников, изолируя их от данных, противоречащих их интересам и взглядам.

Такое положение дел приводит к неспособности и ненужности поиска компромисса между разными группами, создавая очаги конфликтов и раздоров не только в сетевых структурах, но и в отношениях оффлайн. Очевидно, что решение личных и социальных проблем людей как современного общества, так и общества вообще, невозможно вне доверия и согласия, исчезающего в ходе этой сетевой капсулизации.

Другой точкой, через которую может пройти вектор существования философии в информационном обществе, является знаменитая платоновская метафора мира пещеры. В трактате Платона «Государство» [см.: 3] Сократ в диалоге с Главконом рисует мир пещеры, очень напоминающий состояние человека, погруженного в цифровую реальность современной социальной сети. Некоторым очень важным отличием того мира, о котором говорит Сократ, от цифрового мира является то, что если раньше эти пещеры возникали благодаря усилиям самого человека, то теперь они создаются порождениями человеческого разума – программами, чем дальше, тем больше способными действовать самостоятельно и выходить из-под контроля человека, оказывая на него обратное воздействие. Описания ряда фантастов, описывавших общество будущего, где люди живут в рамках игровой виртуальной реальности, матрицы и т. п. сбываются самым непредсказуемым образом: человечество разъединяется посредством технологии, созданной, чтобы объединять. Впрочем, об этой теневой стороне разума написано и сказано уже достаточно много.

В связи с этим возникает вопрос о том, какова роль философии в информационном обществе, и набросок этой роли виден в том, что Платон говорил о роли философа: «Заметь Главкон, что мы не будем несправедливы к тем, кто становится у нас философами, напротив, мы предъявим к ним лишь справедливое требование, заставляя их заботиться о других и стоять на страже их интересов» [3]. Стоять же на страже интересов сегодня означает для философии то же, что и во времена Платона – выводить человека из пещеры к свету Солнца-логоса и показывать границы применимости его опыта, возникающего в процессе повседневной жизни. Не случайно именно в философии началось активное осмысление негативных последствий технизации общества [см.: 4, 5]. Именно через философию как искусство мыслить иначе, как область знаний, где встречаются разные подходы и взгляды, возможен выход из пещеры замкнутой социальной сети, фэйковой реальности, являющей человеку тени конвенции, возможен поиск компромисса, общего представления о мире.

Но в наши дни задачей философа становится не только исследование основ существования, как это было на протяжении всей истории философской мысли, или оберегание интересов людей. Информационное общество дает возможность нового синтеза того, что некогда, разрушаясь, породило и саму философию. Сегодня философской мысли приходится в поиске пределов возможного ради сохранения вечности обращаться к парадоксальности, которая была свойственна исконному мифу, ищущему взаимосвязи того, что несоединимо при помощи логоса. И, думается, что одной из ключевых задач поэтому является поиск возможности сосуществования с тем, что породило прогресс – высокими технологиями, выходящими из-под контроля и создающими для человека новую – цифровую – пещеру.

Библиографический список

1. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел / пер. с англ. М. Кононова, под ред. Г. Бурбы. – СПб: Амфора. ТИД Амфора, 2013. – 208 с.
2. Социальная дилемма. Реж. Джефф Орловски. URL: <https://www.netflix.com/ru/title/81254224> (дата обращения: 16.10.2020).
3. Платон. Государство. – М.: Академический проект, 2015. – 398 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. – М.: Изд-во «Весь мир», 1997. – С. 164–232.
5. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 221–237.

Стол Анатолий Борисович

кандидат философских наук, доцент

Уфимский государственный авиационный технический университет

Email: anstol@mail.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ ФИЛОСОФИИ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В современной философии происходит кризис, все чаще можно услышать высказывания о конце философии как вида знания. Западная философия ищет новые ориентиры. Изменения, которые произошли в обществе и цивилизации в последние десятилетия, требуют новых идей, полного переосмысления содержания философии. В нашей стране философия тоже переживает кризис, но этот кризис имеет свою специфику.

Ключевые слова: Философия, Ален Бадью, субъект, современность.

Stol Anatoly Borisovich

PhD (Philosophy), associate professor,

Ufa State Aviation Technological University

REFLECTIONS ABOUT THE FUTURE OF PHILOSOPHY IN THE XXI CENTURY

Abstract: A crisis is taking place in modern philosophy. More and more often one can hear statements about the end of philosophy as a kind of knowledge. Western philosophy is looking for new guidelines. The changes that have taken place in society and civilization in recent decades require new ideas, a complete rethinking of the content of philosophy. In our country, philosophy is also experiencing a crisis, but this crisis has its own specifics.

Keywords: philosophy, Alain Badiou, subject, modernity.

В наше время в научных академических кругах и в университетах нередко можно услышать мнение, что философия себя исчерпала, что она является пережитком прошлого, что ее методы и ресурсы развития для нашего времени почти утратили свою ценность. Такие идеи обсуждаются и в России, и в среде западной культурной элиты. Российский философ Ф. Гиренок пишет: «К концу XX века философия уже ничего не значила, никого не касалась, никого не затрагивала. Философия умирала за ненадобностью» [1, с. 15]. А. Бадью в своей работе «Манифест философии» приводит схожее мнение своих французских коллег, Лиотара («Как архитектура философия лежит в развалинах»), Лаку-Лабарта, («Более не следует желать философии») [2, с. 9]. Но сам он не разделяет эту позицию, и на страницах своей книги polemизирует с теми, кто ее формулирует таким образом. Причины заявлений о конце философии могут быть различными, связанными с глобальными переменами в политике, истории, культуре, с трагедиями мировых войн, тоталитаризмом, геноцидом народов, и, конечно же, логикой развития самой философии.

Идея конца философии является не просто выражением пессимизма отдельных авторов, а частью некоторого современного интеллектуального мирового тренда, выражаемого в форме «конца истории», «смерти субъекта» и т. п. Но скорее умирает, конечно же, не история, не субъект, не философия, а то общество, или, еще шире, тот мир, та реальность, в которой человек мог понимать себя, историю, собственное сознание и бытие. В новой реальности надо заново осмысливать мир, заново создавать условия понимания. Мало у кого сейчас есть сомнения в том, что в философии сейчас происходит серьезный кризис. Можно сказать, что последние десятилетия вся мировая культура оказалась в непростой ситуации. Философия, как принято говорить, в качестве зеркала культуры отчетливо это демонстрирует.

В самой науке, в той ее части, которую называют «science» кризис еще не так заметен, его острота проявляется именно в гуманитарных науках, в самой гуманитарной сфере как таковой. Естествознание, прикладные и инженерные науки, техника своим бурным развитием и доминированием в современной цивилизации, с моей точки зрения, усиливает остроту кризиса в духовной культуре. В новой реальности все сильнее проявляется позитивистско-сциентистский взгляд на понимание человека, на развитие общества и культуры. Еще Н. Бердяев почти столетие назад отмечал, что философия теперь вынуждена оправдываться перед наукой, как некогда перед религией, за свое существование. Эта тенденция продолжает развиваться сейчас и это объективная данность нашего времени. И в западном, и в российском обществе слышен постоянный упрек в том, что философия только и способна, что быть отвлеченной теорией, новой схоластикой, всегда далекой от реальных потребностей общества. Академическая философия все время оправдывается, пытается играть на чужом поле, показывая свою «полезность», без которой ей грозят изгнанием из университетов. Авторитет философии в современной мировой культуре снизился и продолжает снижаться.

Что касается нашей страны, то здесь ко всему прочему еще дополнительно накладывает отпечаток то, что отечественная философская мысль долгое время развивалась в тисках политической идеологии. Она была в какой-то степени весьма самобытной, вполне самостоятельной, но во многом как бы выпавшей из единого поля мировой философии. Ортодоксальность, политизированность, ограниченность советской философии стали причиной серьезного скепсиса в обществе по поводу ее статуса и ценности. В последние три десятилетия российская философия серьезно изменилась, но пока, как мне кажется, так и не нашла какую-то новую свою линию развития, нет ярко выраженного вектора, нет систематической рефлексии по поводу своего прошлого, настоящего и будущего. Современная российская философия еще не смогла восстановить тот авторитет, который она имела в обществе в начале двадцатого столетия, и даже трудно сказать, возможно ли это вообще в наше время. Если смотреть критически, честно и непредвзято, не увидим ли мы, что отечественная мысль в некоторых своих важных аспектах на фоне современной мировой философии выглядит несколько архаичной? Например, многие проблемы мировой философии в отечественной культуре продумывались недостаточно активно, есть вопросы также по способности рефлексировать в новых формах и форматах в контексте реалий XXI века. Это касается тем, которые развивались в контексте так называемой «постметафизической ситуации» в рамках феноменологии, экзистенциальной онтологии, когнитивной психологии, аналитической философии, проблематике, заданной современными философами типа А. Бадью, С. Жижekom, М. Чораном, М. Фуко, Ж. Деррида и т. д.

В российской философии конечно же есть созвучные идеи и подходы. Достаточно вспомнить работы М. Бахтина, М. Мамардашвили, А. Пятигорского, С. Хоружего и др. Вопрос в том, чтобы эти идеи продолжали развиваться. Есть новые интересные авторы, новые форматы философской жизни типа «Открытый философский факультет» (ОФФ) в Санкт-Петербурге, различные тематические философские клубы, семинары в Москве и в регионах. Но это все еще лишь локальные шаги. На сегодняшний день философия в России находится на стадии поиска новой самоидентичности, поиска своего собственного пути. В условиях произошедшей недавно сильной деградации уровня духовной культуры общества, падения качества образования, этот процесс может затянуться на десятилетия. Естественно, что будущее философии прямо зависит от общего уровня образования и культуры. Какое будет образование и культура в ближайшем будущем, это вопрос все еще открытый, ведь мы видим, что история нелинейна, во многом иррациональна, неопределенна, стохастична. Олицетворением этого является период пандемии, который мы сейчас все переживаем.

Общество после пандемии будет уже другим, серьезно изменятся не только политика и экономика, но и духовная культура, образование.

Само чувство и осознание пограничной ситуации бытия философии может открыть нам новые горизонты. В западной философии, например, видна большая работа по выработке нового языка, по выработке новых подходов к взаимодействию с новыми областями знания, по интеграции в литературу, искусство и т. д. Эта работа не всегда выглядит удачной, полученные результаты, идеи и подходы много критикуют. Но такая работа просто необходима. В итоге должны появиться свежие перспективные идеи, идеи с большим будущим, с определенным соответствием новым реалиям. Сейчас налицо дефицит таких идей, и сами эти нечастые новые идеи вызывают много вопросов. Мне неоднократно приходилось слышать от коллег философов резко или умеренно негативную оценку тому, что происходит сейчас в западной философии, как и в целом, в самой культуре западного общества. Отчасти я сам разделяю их скепсис. Однако не очень продуктивно быть в оппозиции ко всему новому, тогда как новые реалии, новые поколения требуют чего-то иного.

Для современного молодого поколения, выросшего на IT-технологиях и электронных гаджетах, открыто много информации, но смысловые и ценностные структуры, которые определяют мышление и поведение человека, остаются недоразвитыми, во многом поверхностными. Без философского осмысления культура теряет свою глубину и качество. Стоит немного ослабнуть мышлению, на обыденном уровне общественного сознания сразу проявляются и набирают силы архаичные, примитивно-натуралистические черты. В мировоззрении современного социума все сильнее укореняются утрированные наивно материалистическое или наивно-религиозные представления. Кризис культуры и кризис философии – это во многом разные стороны одной и той же проблемы. Решать ее – наша ответственность, наша задача, общая для всех, кто причастен к соответствующей сфере. Философия должна в очередной раз осмыслить собственные основания, найти новые формы мысли, язык, средства постижения и выражения идей. Движение в этом направлении идет разными путями. Особенно ярко проявил себя путь, идущий через переосмысление самого субъекта. Мы видим очень интересную эволюцию понимания субъекта, самой субъектности, переход от картезианского «*Cogito*» к иной онтологии и гносеологии. Этот новый путь пролегает от «*Dasein*» М.Хайдеггера до «практики себя» и «заботу о себе» М. Фуко и «субъекта» С. Жижека [см.: 3]. Прямо сейчас, как мне кажется, происходит поворот к новой философии через переосмысление феноменологии, герменевтики, когнитивных наук, через принципиально иную этику и антропологию. Эти процессы имеют значительный потенциал для формирования будущей философской парадигмы. Пройдя через кризис, философия вернется обновленной и востребованной.

Библиографический список

1. Гиренок Ф. Фигуры и складки. – М.: Академический Проект, 2014. – 244 с.
2. Бадью А. Манифест философии. – СПб.: Machina, 2003. – 184 с.
3. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 528 с.

Стрункина Елена Сергеевна

аспирант кафедры философии

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Email: strunklena@yahoo.co.uk

РЕЛИГИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ П. БЕЙЕРА И Р. РОБЕРТСОНА

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы П. Бейера и Р. Робертсона к определению места религии в современном политическом дискурсе. Автор анализирует публикации Бейера и Робертсона, в которых исследователи рассматривают процесс глобализации как основной фактор, повлиявший на развития религиозных настроений внутри современного общества.

Ключевые слова: глобализация, религия, П. Бейер, Р. Робертсон.

Strunkina Elena Sergeevna

PhD Student of the Department of philosophy

Pushkin Leningrad State University

RELIGION IN THE PUBLIC SPHERE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION THEORIES OF P. BEYER AND R. ROBERTSON

Abstract. The article considers theoretical traditions regarding the role of religion in the modern political world from the point of views of P. Beyer and R. Robertson. The author analyzes publications of Beyer and Robertson in which globalization is considered as main factor of worldwide religious resurgence.

Keywords: globalization, religion, P. Beyer, R. Robertson.

Появление религиозной тематики в современном политическом дискурсе стало неожиданностью для многих ученых, так как в исследовательской среде долгое время не обращали внимания на те позиции, которые занимала религия в международной политике. «В самом деле, международные отношения как дисциплина или субдисциплина профессионально сформировались совершенно безотносительно к значению религии» [2, с. 33]. Ситуация изменилась кардинальным образом к началу 80-х годов двадцатого века. Появление традиционных институтов церкви в политике и геополитике заинтересовало многих учёных, в том числе и теоретиков глобализации. В 80-е, на рубеже 90-х годов, когда данная проблематика только входила в научный дискурс, Питер Бейер и Роланд Робертсон одними из первых пытались подобрать теоретический инструментарий для осмысления позиций религии в политической жизни современного общества.

По мнению Робертсона, религия оказывает заметное влияние на устройство национальных обществ и взаимоотношений между ними в XIX и начале XX века. В этом смысле, пишет исследователь, «религия» была и остается одним из аспектов международных отношений» [6, р. 2]. Надо отметить, что Робертсон призывал отказаться от довольно упрощенной, по его мнению, дихотомии «религиозное/нерелигиозное». Анализируя связи, которые обозначились между религией и политикой, государством и церковным институтом, Робертсон указывал на то, что взаимоотношения между ними настолько запутанные и тесные, что следует тщательно разбираться по отдельности, как с церковью, так и с государственным институтом [см.: 4, р. 217]. Появление религиозного вопроса в дискуссиях на тему политики не стоит списывать исключительно на возрождение религии, роль самой политики в этой ситуации не менее значима, и исследовать эту проблематику нужно в равной мере, как в политическом, так и в религиозном аспекте [см.: 6]. «Выход религий в глобальное пространство идеологий Робертсон маркировал неологизмом «религи-

зация политики". Он привлек внимание социологов к проблеме вторжения государства и правительства в те ниши приватной жизни индивида, которые прежде были сферой компетенции религии» [1, с. 206]. На практике религиозизация политики проявляется как «моральная оценка проблем аборт, медицинских технологий продления и прекращения жизни, телесности и сексуальности, судеб рода человеческого в связи с распространением ВИЧ-инфицирования» [1, с. 206].

Одновременно с мирными инициативами религиозный ресурс может оказаться источником конфронтации и разобщения в условиях глобального мира. В качестве примера можно привести исламский фундаментализм. Надо отметить, что Робертсон расценивает его не как антиглобалистское явление, а как попытку исламских государств заявить о себе на мировой арене, где долгое время лидирующие позиции занимала европейская культура. В условиях глобализации мировые религии могут играть две достаточно серьезные, но противоречивые роли. Религиозные традиции, с одной стороны, являются механизмом, способствующим интеграции индивидов в глобальное пространство современного мира, а с другой, они же выступают препятствием для этого процесса. Глобализация парадоксальным образом стимулирует одновременное развитие как идей универсализма, так и партикуляризма среди народов, которые оказались вовлечены в проект глобального мира [см.: 6, р. 172]. Процессы секуляризации и десекуляризации, по мнению Робертсона, также протекают в современном обществе одновременно. Несомненным фактом исследователь считает, что в процессе глобализации религия занимает центральные позиции среди факторов, стимулирующих развитие этого проекта, и активно влияет на усиление и ослабление роли государств в этом глобальном мире [см.: 5]. Именно глобализация, по мнению Робертсона, является катализатором религиозных настроений в обществе.

Еще один исследователь, Питер Бейер, придерживался сходной точки зрения. Он также полагал, что глобализация провоцирует усиление позиции религии в публичном пространстве современного общества. «...Глобализация способствует как приватизации религии, так и созданию благодатной почвы для возрождения религии, в качестве влиятельного участника общественной жизни» [3, р. 374]. Под влиятельным участником общественной жизни или, если переводить дословно, под публичным влиянием религии (*public influence of religion*) Питер Бейер подразумевает формирование определенных религиозных норм и правил, которые возникают в рамках какой-либо религии, и коллективные действия под эгидой этих норм становятся легитимными. При этом Бейер указывает на негативные последствия, которые провоцируют эти нормы и правила, так как они представляют собой девиацию специфических религиозных норм (*deviation from specific religious norms*) [см.: 3, р. 374].

«Приватизация» религии, будучи характерной особенностью современного общества, как явление само по себе не становится препятствием для усиления религиозного влияния в публичном пространстве, считает Бейер. Исследователь приводит ряд других аргументов, которые, как он полагает, могут быть в этом задействованы. В первую очередь, следует понимать, что ни высокий уровень индивидуальной религиозности, ни даже формирование институализированной религии силами последователей этой религии при поддержке религиозных лидеров не является предпосылкой для появления религии в публичном пространстве. Бейер расценивает эти факторы лишь как необходимые элементы для существования религии как таковой.

Для усиления своих позиций в публичном пространстве религиозные лидеры должны иметь влияние на профессиональных политиков и ученых, бизнесменов и докторов, другими словами, на те службы, которые расцениваются в современном обществе как важные и жизненно необходимые. Бейер отмечает, что в условиях глобального мира разнообразные идеи и ценностные установки переплетаются в единую пеструю структуру, и это серьезным образом ослабляет влияние каких-то

конкретных религиозных идей и ограничивает влияние религии на важные социальные институты и службы.

Таким образом, именно процесс глобализации становится на пути религии в публичное пространство глобального мира, но при этом тот же процесс усиливает влияние религиозных лидеров на политической арене отдельных государств, где возникает потребность мобилизовать все свои силы в ответ на вызовы глобального мира, полагает Бейер.

Библиографический список

1. Островская Е. А. Социология религии: введение. – СПб.: Изд-во Петербургское Востоковедение. – 2018. – 320 с.
2. Робертсон Р. «Возращение» религии и конфликтная ситуация мироустройства // Век глобализации. – 2010. – №1(5). С. 30–38.
3. Beyer P. Privatization and the Public Influence of Religion in Global Society // *Theory, Culture & Society*. – 1990. – Vol. 7. – No 2–3. – P. 373–395.
4. Cipriani Roberto *Sociology of Religion: an Historical Introduction*. – New Brunswick, London: Transaction publishers, 2015. – 304 p.
5. Robertson R., Chirico J. *Ann. Humanity, Globalization and Worldwide Religious Resurgence: A Theoretical Exploration // Sociological Analysis*. – Vol. 46. – P. 219–242.
6. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. – London, 1992. – 215 p.

Сулейманов Гюндюз Гурбанали оглы

доктор философии по философии

Институт Философии Национальной Академии Наук Азербайджана

Email: gunduzxs@yahoo.com

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается социально-экологическая ситуация в Азербайджане и философская сущность концепции устойчивого человеческого развития. Проанализированы причины возникновения этой концепции, в первую очередь была внесена ясность в определение тех факторов, которые обуславливают необходимость этой концепции. Подчеркивается важность политики президента И. Алиева в обеспечении экологической безопасности республики.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социальная экология, природные ресурсы, экологические проблемы.

Suleymanov Gunduz Qurbanali

PhD (Philosophy)

Institute of Philosophy of Azerbaijan National Academy of Sciences

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND NATIONAL SOCIAL-ECOLOGICAL POLICY UNDER GLOBALIZATION

Abstract. The social-ecological situation and philosophical essence of the concept of sustainable human development in Azerbaijan is studied. The reasons of this conception formation is cleared up and definition of the factors which cause the necessity of this concept is given. President I. Aliyev's politics in ensuring the ecological safety of the republic is stressed.

Keywords: sustainable development, social ecology, natural resources, human development, ecological problems.

It is not difficult to prove the relevance of the topic of environmental problems in modern conditions. First, in the context of the scientific and technological revolution, the fact that the contradictions between society and nature have come to an end is now an indisputable fact. Second, the current environmental situation in the world, or more precisely the environmental crisis, has caused concern and alarm not only to governments, but also to the whole society. Therefore, the study and research of the causes of environmental problems and ways to solve them are very topical and important.

The global top-ranked ecological issues, as one of the major global problems, express the interests of all humanity. What is more, ecological issues conduct themselves as an objective factor in the development of civilization; their intensification slows down the development, and threatens human civilization by destroying.

In addition to the above statement, their adequate analysis requires an integrative approach, in other words, it is required to take the joint efforts of natural, technical and social sciences.

Finally, their effective solution could possibly be found through extensive international cooperation with the participation of all countries of the world. [5, p. 5-6]

In recent years, studies have rightly pointed out that the ecological crisis is an act of natural revenge for the cruel treatment against nature. In order to resolve the ecological issues, researchers suggest respectively three possible ways of resolution of the three major "culprits" (Society, Scientific-technological revolution, Human).

These are 1) the socio-political, 2) scientific-technical, and 3) moral-pedagogical ways of resolution.

1) It requires the implementation of socio-economic policy, which considers the creation of comprehensive environmental programs for the harmonious development of society and nature.

2) It suggests finding a scientific-technical solution to the concrete ecological problems.

3) It considers the formation of ecological culture, ecological consciousness and ecological behavior of an individual.

In conclusion, ecological policy, ecological economics, and ecological ethics are interconnected with each other and constitute the ecological culture and ecological civilization. [4, p. 6]

In the early years of the Soviet period, millions of tons of natural resources were shipped abroad by the state to obtain foreign currency for industrialization. Various official documents, speeches by party and government officials have confirmed that the case was a "provisional process." However, life has again proved that it is not temporary. Over the years, this has become a regular policy and a distinctive feature of our economy. The paradox of the current situation is that the agriculture, which is based on the ecologically safe and renewable solar energy in atmosphere, has now not only become a highly wasteful and dangerous area of energy use in the condition of significant impact of chemical-technogenic processes since the end of the XX, and the early XXI century, but also weakened the population's ability to meet the growing demand for food and raw materials for the industry.

It is very important to use properly the achievements of science and technology for the protection of nature. It means to make the natural resources protectable and reusable. The harmonic development of production and nature and the production process require creating such a model of nature that must be based on important achievements in science and technology, economics and ecology.

The main idea of the ecological-economic model shows up the possibilities of choosing the economic and technological strategies of production development, i.e. achieving high results and maintaining the proper environment. Here, both economic and ecological benefits should be taken into account. In this regard, it should be emphasized that the criticism of the agricultural system, which existed in the 1960s and 1970s, is now characterized by an active search for new concepts and strategies in this area. So there is a great emphasis on biological (bioorganic, biodiversity, etc.) soil treatment in many countries. The biological system of soil refuses to use the achievements of the industrial revolution. Nevertheless, it is not possible to agree with the authors of the concept of sustainable development of agriculture. Because the proposed system does not have a qualitatively new scientific basis for the development of agricultural production. Anyway, the basis of the new concept was not to replace paradigms in the use of the non-renewable natural resources of the Earth. These days, huge opportunities are available to harmonize the interaction between society and the natural environment. People who understand the true ecological situation, for instance, the socialized producers and true entrepreneurs who know the value of their land and industry, must effectively regulate their relationship with nature, in return of dominating over producers. They must execute this exchange in an environment that is most deserving and relevant to their human nature as a natural force of metabolism, the supremacy of the producers. Therefore, ecological safety is one of the key factors in creating a national security environment in every society. The problems of environmental protection and environmental safety are described in paragraphs 3.11 and 4.3.10 of the National Security Concept of the Republic of Azerbaijan [1].

It is necessary to note that environmental protection is one of the priority directions of the state policy of the Republic of Azerbaijan. After gaining the independence of our republic, the national leader Heydar Aliyev, who came to power again in 1993 with the support of the people, and developed the new environmental policy, has created a basis for ensuring the right of the population to live in a healthy environment, as in other areas of public life. In

this regard, the basis of environmental protection and ecological security policy in independent Azerbaijan was founded by the great leader Heydar Aliyev.

The ecological security, which is one of the key factors in ensuring the health of human life, is one of the components of the National Security Concept of the Republic of Azerbaijan.

It should be noted that since 2003, President Ilham Aliyev has always paid serious attention to the protection of the environment and ecological security in our country. As an example of this, Ilham Aliyev, in one of his speeches, stressed that the resolution of the ecological issues in the country is a priority of our state policy: "Attention, attitude to the ecological issues, at the same time, reflects the general policy and culture of our country. Ultimately, this is the most important area. Oil and gas are depleted resources. They are temporary. However, nature and the environment are permanent wealth. Along the centuries and millenniums, there have been nature, the universe, and the world. Our job is to protect them" [2].

Because of the successful ecological policy of President Ilham Aliyev, many things have been done in the field of sustainable development and ensuring ecological security. For this purpose, the country has undergone a major transformation in the area of ecological balance in recent years. A number of important measures have been implemented to protect natural resources, minerals, water, land, air, forests, and biodiversity, solid industrial and domestic waste management, including hazardous waste, and significant progress has been made in the field of environmental protection [3, pp. 61-74].

The main directions of the country's environmental policy are the expansion of contacts with international organizations, the assessment, and solution of national requirements on global ecological problems, using the alternative energy sources and achieving energy efficiency, the effective use of natural resources to meet the needs of present and future generations, minimizing environmental pollution and improving environmental protection to ensure national security.

References

1. Azərbaycan qəzeti, 24 may 2007-ci il
2. Xalq qəzeti, 16 noyabr, 2006-cı il
3. İ.Əliyevin uğurlu ekoloji siyasəti (buraxılışa məsl və tərtib edən: prof. H.Bağirov). Bakı: Şərq-Qərb, 2008, 400 səh.
4. Şükürov A. Müasir qlobalistikada ekoloji problemlərin yeri və rolu. "Ekologiyanın fəlsəfi problemləri" məcmuəsi. Bakı: Elm, 1997
5. Şükürov A. Təbiət və cəmiyyət: fəlakətin astanasında. Bakı: Azərneşr, 1992

Тимошук Алексей Станиславович

доктор философских наук, профессор

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Email: a@timos.elcom.ru

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Возможности овладения дигитальными компетенциями существенно расширились во время пандемии, превратившей цифру в единственную возможность дистанта здесь и сейчас.

Ключевые слова: цифровая культура, дигитализация, виртуализация, оцифрованная культура, цифровая кодификация, коды культуры, технологические навыки, цифровые компетенции.

Timoshchuk Alexey Stanislavovich

Doctor of Philosophy, Professor

Vladimir State University after A. G. and N. G. Stoletovs

DIGITAL CULTURE OF INFORMATION SOCIETY

Abstract. Opportunities for mastering digital competencies have expanded significantly during the pandemic, which turned the Digit into the only opportunity for a distant work and study here and now.

Keywords: digital culture, digitalization, virtualization, digitized culture, digital codification, culture codes, technological skills, digital competencies.

Пандемия предоставила цифровым технологиям уникальный шанс доказать их необратимость, так как цифровизация стала единственным способом продолжения многих процессов, и поэтому понятие «цифровая культура» занимает прочную позицию современных категорий наряду с другими «гипостазированными» понятиями, такими как «виртуальная реальность», «киберпространство», «медиакультура». Вышло несколько отечественных исследований на тему цифровой культуры. Соколова Н. Л. проблематизирует понятия «цифровой секс» и «цифровой Бог», освещает дискуссию между «нарратологами» и «луддологами» [см.: 1]. Шаповалова Г. М. рассматривает явление с учётом правового регулирования культуры и международной Хартии о сохранении цифрового наследия [см.: 2]. Прокудин Д. Е., Соколов Е. Г. проводят сравнение каналов кодирования и процедур символизации [см.: 3]. В дискурсе о цифровой культуре нельзя игнорировать конечный результат, а именно развитие способностей субъекта, формирование человека цифровой культуры с определёнными компетенциями. Эти технологические навыки можно разделить на следующие направления: инструментальные, коммуникативные, прокторинговые.

Инструментальные компетенции – это динамические способности по овладению необходимым программным обеспечением. Цифровая среда обучения сегодня разнообразна, созданы десятки платформ для онлайн обучения. В России наиболее известны Moodle, Google class, Учи.ру, СЭДО.

Один из главных результатов пандемии-2020 заключается в том, что дистанционный труд обучил нас веб-занятиям, познакомил или сделал более продвинутыми в использовании технологий облачного хранилища, проведении онлайн мероприятий и групповых обсуждений, использовании электронной среды. Вслед за флагманом пандемии, программой Zoom, пришедшей на смену Skype, увеличили свою аудиторию сервисы видеоконференций Trueconf и Microsoft Teams, облачные хранилища Google Docs и Yandex disk, мессенджеры Viber и WhatsApp. Последние оказали существенное содействие в организации обучающихся [см.: 4].

Часто в ответ на вопрос, чему учат компьютерные игры, даётся ответ, что они учат лучше действовать в рамках топологии самой игры. Это можно перенести и на ДО. В целом результаты дистанционного обучения хороши, прежде всего, для самого дистанционного обучения, т. к. обучающиеся лучше научились пользоваться электронной почтой, вести деловую переписку, подключаться к онлайн лекциям в Зум, Teams, получать задания в мессенджерах, проводить занятия во внутренней электронной системе Moodle [см.: 5].

Коммуникативные компетенции – это совокупность умений устанавливать, поддерживать и завершать адекватный деловой контакт в меняющейся среде. Другими словами, обучающиеся должны быстро учиться искусству образовательного общения по Ютуб и Зум. Выигрывает такой субъект образовательного процесса, который способен адаптироваться к новым формам обучения, развивать познавательную активность с использованием телекоммуникационных и информационных устройств [см.: 5].

При всех высоких императивах, что касается предметов, то качество образования ухудшилось, а нагрузка на преподавателей и студентов увеличилась; посещаемость студентами лекций и семинаров уменьшилась, и их активность на семинарах тоже уменьшилась. Очень часто обучающиеся делают вид, что выполняют задание, а сами копируют друг у друга; в свою очередь, преподаватели стараются максимально загрузить формальными заданиями, что порождает непродуктивное с точки зрения образования соревнование.

Порядка 10 % обучающихся в каждой группе оказались неспособны обеспечить полноценную удалённую коммуникацию. Распространены отказы на требование включить камеру: «не работает», «отсутствует», хотя Зум определяет устройство. Самые безнадежные пользователи писали абзацы в заголовке письма: «Интернет ловит только на берёзе рядом с трассой. Не могу на дереве выполнять задание». Стандартный ответ преподавателя на претензии к качеству связи, функционирование оборудования, был такой: «Вам жить и работать в этом цифровом мире. Учитесь решать технологические задачи по обеспечению устойчивого сигнала в Вашей местности».

Прокторинговые компетенции – это способность контролировать успеваемость обучающихся удалённо. «Proctog» в англоязычном мире – это служащий, обеспечивающий соблюдение правил прохождения экзамена. В условиях ДО прокторинг заключается в контроле присутствия на виртуальных лекциях и просмотра видеоматериалов; фейс контроле экзамена; наблюдении за прохождением теста; проверке результатов испытаний. Прокторинг должен обеспечить добросовестность обучения и проверки знаний и имеет комплексное содержание, начиная от идентификации личности обучающегося до фиксации попыток списывания. В число актуальных задач современных ИКТ является автоматизация прокторинга, повышение точности машинного зрения, усовершенствование процедур сбора и анализа данных, развитие распознавания клавиатурного подчёрка испытуемого [см.: 6].

Самоизоляция выявила проблемы не только создания онлайн-моделей обучения, способных выдержать массовый переход на дистанционное обучение в условиях профилактики COVID-19, но и сложности в оценивании. В частности, механизм проведения итоговых аттестаций в вузе в системе дистанционного обучения ещё очень несовершенен. Одна крайность – это выставление зачётов и экзаменов по письменным, выполненным удалённо работам; а другая – требования отвечать с закрытыми глазами во время экзамена по Зуму (предосторожность, чтоб студент не наложил экран с ответами на окно чата и не читал с него).

Дистанционный экзамен критикуется как бутафорский. Обучающиеся делают вид, что получают задания вновь, хотя вопросы были известны заранее. В целом, возросло количество академического мошенничества (списывание, копирование, плагиат,

помощь других людей на экзамене). Вместе с тем, в сессию пришлось поставить больше хороших и отличных оценок по формальным показателям.

Итак, онлайн педагогика зависит от технологической грамотности. Преподаватели должны развивать навыки и знания, характерные для сетевых образовательных систем. Полный дистанционный цикл включает в себя способность создавать удалённый образовательный продукт и актуализировать его в режиме реального и виртуального времени; вести коммуникацию с обучающимися; оценивать онлайн результаты обучения. Попутно нужно научиться решать технологические задачи продвинутого пользователя без обращения к персоналу службы технической поддержки. Современный обучающийся, соответственно, должен обладать развитым тайм-менеджментом посещения занятий и выполнения заданий в срок.

Создание эффективного и действенного цифрового класса требует от онлайн-педагогов развития исключительных коммуникативных навыков. Преподавателям XXI века необходимы все навыки, необходимые для разработки занятий для традиционного обучения в классе, при этом они должны уметь применять их в цифровой среде обучения.

Таким образом, информатизация образования позволила смягчить последствия социального дистанцирования во время пандемии. Цифровая экономика, наряду с облачными вычислениями, большими данными, блокчейном, искусственным интеллектом, нейросетями, роботехникой, стандартом 5G, Интернетом вещей, 3D-печатью и дополненной реальностью может быть интерпретирована как наступившая IV НТР. Реализация социокультурных процессов в управлении, образовании, правоохранительной деятельности не может уже проходить по старым лекалам, а должна учитывать новую социальную действительность.

Библиографический список

1. Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3 (8). – С. 6–10.
2. Шаповалова Г. М. «Цифровая культура» и «цифровое наследие» – доктринальные дефиниции в области культуры на этапе развития современного российского законодательства // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2018. – Т. 10. – № 4 (43). – С. 81–89.
3. Прокудин Д. Е., Соколов Е. Г. «Цифровая культура» vs «аналоговая культура» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 83–91.
4. Трофимова Н. Н., Тимошук А. С. Информатизация образовательной среды: борьба за внимание молодёжи // Философия и культура информационного общества Тезисы докладов Седьмой международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Ч. 2. – СПб: ГУАП, 2019. – С. 198–200.
5. Тимошук А. С. Кастомизация образования // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции. – Ярославль: Цифровая типография, 2020. – С. 223–225.
6. Тимошук А. С. Процессы глобализации и тенденции развития образования // Управление человеческими ресурсами в сфере физической культуры, спорта и здорового образа жизни. – СПб.: Политех-пресс, 2019. – С. 211–215.
7. Добровинский Д. С., Ловецкий И. В., Попов М. А. Прокторинг как инструмент развития дистанционного образования // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2018. – Т. 2. – С. 27–32.

Яковлева Елена Людвиговна

доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
Email: mifoigra@mail.ru

Дарчинов Эдгар Вадимович

аспирант кафедры философии и социально-политических дисциплин
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
Email: darchinoved@gmail.com

К ВОПРОСУ О ТАКТИКАХ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО КОЧЕВНИКА

Аннотация. Объектом исследования становятся тактики самоутверждения электронного/цифрового кочевника в социокультурном пространстве. Одной из них является техника мифодизайна, помогающая выгодно позиционировать кочевника в социальных сетях.

Ключевые слова: электронный/цифровой кочевник, социальная сеть, мифодизайн.

Iakovleva Elena Ludvigovna

Doctor of Philosophy, PhD (Cultural Studies), Associate Professor
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Darchinov Edgar Vadimovich

PhD Student of the Department of philosophy and socio-political disciplines
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

ABOUT PERSONALIZATION TACTICS OF THE ELECTRONIC NOMAD

Abstract. The research object is the tactics of self-affirmation of the electronic / digital nomad in the socio-cultural space. One of them is the technique of myth design, which helps to position the nomad favorably on social networks.

Keywords: electronic / digital nomadism, social network, media design.

Необходимыми атрибутами современной личности являются Интернет, мобильный телефон и доступ к сети. В цифровом мире индивид начинает проводить все большую часть времени, постепенно изменяясь под воздействием этого пространства и техноновинок. Приобретая новую форму идентичности – *электронное/цифровое кочевничество*, жизнь личности «являет Глубокую мутацию в экологии человеческого рода» [1, с. 9]. Сотканный из противоречий, кочевник как *человек технологизирующийся* (В. А. Кутырев) пытается самоутвердиться в социокультурном пространстве, быть отличным от Других, стать успешным, приобрести славу и богатство. Одним из способов персонализации современной личности является коммуникация. В цифровом пространстве она бесконтактна, осуществляется в on-line режиме. Рассуждая о ней, Ж. Бодрийяр назвал такой тип контакта *машинерией коммуникации*, для которой характерна «"отчужденная" социальная функция (практикуемая по договоренности от других)» [1, с. 136].

Подобная коммуникация осуществляется в социальных сетях (Instagram, Facebook, YouTube, Вконтакте, Twitter, LinkedIn, Google+ и др.). На этих платформах кочевник свободно общается, образуя разного рода группы по интересам, в том числе профессиональным, возрастным, образовательным, культурным и пр. Социальная сеть позволяет кочевнику не только пассивно потреблять информацию, но и активно формировать ее, обмениваясь идеями/эмоциями/впечатлениями. Нередко именно благодаря социальным сетям кочевник персонализируется, приобретает популярность.

Одной из тактик взаимодействия в социальных сетях и персонализации является *мифодизайн*. Исследователь А. В. Ульяновский, характеризуя его, подчеркивает, что это «вид социально-культурной технологии, отличающийся применением особых системных процедур конструирования коммуникативного качества и коммуникативно-предметного поля товара/услуги и особенным вниманием к поддержанию доверия целевых аудиторий» [2, с. 154–155]. Посредством мифодизайна кочевник конструирует необходимый образ Я, сочиняя мифологизированный нарратив. Демонстрируя на социальных платформах созданное, кочевник привлекает к себе внимание и путем одобрения/недовольства у аудитории становится популярным. Такая коммуникация позволяет приобщиться к абстрактной общности либо виртуальному коллективу, создавая иллюзию сопричастности и мифического участия. Для кочевника целью становится взаимодействие «в магическом контакте с этим теплым и анонимным тождеством» [1, с. 145].

Привлекательным моментом мифодизайна оказывается отсутствие специального обучения и знаний. Он предполагает элементарные навыки работы в Интернете посредством техноновинок, быстроту реакций, опору на принятые в социальном модели, умение работы с информацией, в которой отсутствуют глубокие интеллектуальные знания. Ж. Бодрийяр, характеризуя современную личность, иронично пишет о ее *наименьшей общей культуре*. Контакт в социальных сетях эксплуатирует принцип: *знать – это видеть* (Ж. Бодрийяр). С помощью мифодизайна комбинируются визуальные и вербальные детали образа/событий, что позволяет продемонстрировать модели жизни. Они выступают в роли материала для обмена. Миф, лежащий в основе мифодизайна, обладает привлекательными качествами необычности, воспринимаемой в качестве бытийности не только массовой аудиторией, но и самим создателем. Посредством мифа, отрицающего реальное положение дел, одновременно творится действительность. Для кочевника миф олицетворяет «фантастическое раздвоение мечты: быть одновременно тем и другим» [1, с. 148].

Мифодизайн помогает кочевнику в его персонализации, способствуя своеобразной рекламе в социальном. Именно мифодизайн оказывается одной из популярных техник, обслуживающей идеологию общества потребления. При этом потребление переносится и в сферу коммуницирования. Как справедливо заметил Ж. Бодрийяр, «повседневное общение состоит не в общении с себе подобными, а в получении... благ и посланий и в манипуляции с ними» [1, с. 9].

Рекламируя себя, кочевник повышает и поддерживает собственный статус. Реклама демонстрирует самолюбование кочевника, начинающего потреблять самого себя. Подобное соответствует логике общества потребления: «не только отношение к другим, но и отношение к себе становится потребленным отношением» [1, с. 132]. Воплощая посредством мифодизайна необходимую модель, кочевник обращается к потреблению и одновременно *персонализируется*. Он начинает ценить себя вследствие приобщения к социальной модели. В этом обнаруживается функциональность кочевника, у которого «все естественные ценности красоты, обаяния, чувственности исчезают, уступая место показательным ценностям натуральности (софистифицированной), эротизма, "изящества", экспрессивности» [1, с. 133].

Продукция кочевника в социальных сетях соответствует *системе потребления*, помогая управлять поведением Других. Подчеркнем, сегодня потребительские вкусы, предпочтения, потребности, решения личности намеренно конструируются, но нередко технология остается не замечаемой. Не последнюю роль в данном процессе играют стратегии мифодизайна. Дело в том, что потребление сегодня оказывается связанным с коммуникацией и обменом информацией, приобретая модус культурного потребления.

В заключение выделим следующие моменты. Электронные/цифровые кочевники в качестве ключевой потребности испытывают желание персонализироваться в социальном, что обеспечивает им успешность. Одним из способов, помогающим

воплотить желание, оказываются социальные сети и коммуникация в них. Выступая в качестве активного пользователя на социальных платформах, электронный/цифровой кочевник прибегает к технике мифодизайна. Она помогает сконструировать образ и выгодно преподнести его, что способствует обретению популярности и самоутверждению кочевника.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: АСТ, 2020. – 320 с.
2. Ульяновский А. В. Мифодизайн в рекламе. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 168 с.

РУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ОБЩИЕ ТРАДИЦИИ И РАЗЛИЧИЯ

RUSSIAN AND CHINESE PHILOSOPHY: COMMON TRADITIONS AND DIFFERENCES

Бовыкин Кирилл Александрович

бакалавр

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Email: bowykin.kirill2011@yandex.ru

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ КИТАЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Аннотация: В статье делается попытка представить изменения в некогда монолитном и охранительном менталитете китайского народа в эпоху информатизации и глобализации. Автор пытается предсказать развитие многовековых традиций, основанных на подражательности после контакта с современным, «размывающим» влиянием постмодернизма, подкреплённого информационными технологиями.

Ключевые слова: Китай, история, культура, менталитет, изменение, информатизация.

Bovykin Kirill Alexandrovich

Bachelor

P. G. Demidov Yaroslavl State University

PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS FOUNDATIONS OF THE CHINESE POLITICAL MENTALITY AND ITS CHANGES IN THE ERA OF INFORMATIZATION

Abstract. The article attempts to present changes in once monolithic and protective mentality of Chinese people in the era of informatization and globalization. The author tries to predict the development of centuries-old traditions based on imitation after their contact with modern, "blurring" influence of post-modernism supported by information technologies.

Keywords: China, Chinese, history, culture, mentality, change, informatization.

Прежде всего следует раскрыть все особенности китайской культуры. Это необходимо сделать для того, чтобы спрогнозировать возможные их изменения в эпоху глобализации и информатизации.

Можно точно сказать, что Китай – одно из самых древних из ныне существующих государств. Этим во многом объясняется его склонность к китаецентричности, которая вызвана самобытностью, богатой историей и долгим отсутствием серьёзных конкурентов на историческом для Китая пространстве. Как отмечают в своей статье Ра-китянский и Сунь Цзыци, Китай – это ещё и государство истории [1, с. 59]. В Китае существует крайне сильный дух почитания предков, преданности государству, сохранения лица и мира с другими китайцами, верности сыновнему долгу, восхваления мудрецов прошлого и склонности крайне изобретательно развивать свою собственную культуру, избегая каких бы то ни было переломов в общественном сознании. Можно сказать, что Китай – это государство, в котором принято преклоняться перед стариной, стремиться к всеобщей гармонии, избегать смут и развиваться сугубо эво-

люционно, любой ценой избегая революций и нестабильности. Оправданно утверждение, что в этом заключается один из главных плюсов и один из главных минусов Китая одновременно.

Помимо такой сильной склонности к почитанию традиций, китайский менталитет во многом отличается отсутствием склонности к ярко выраженной религиозности. Самое главное учение Поднебесной – конфуцианство, которое представляет собой скорее социальную философию, которую преподавал Конфуций ученикам, во многом пересказывая учения мудрецов прошлого. В противовес Индии, которую можно по праву считать страной религиозного, Китай всегда был сугубо материалистичен, а китаец был настроен на материальное процветание и социальную гармонию. Показателен тот факт, что в китайской мифологии практически не существует каких-либо однозначно утверждённых, могущественных и несменяемых божеств, как то было хотя бы в Древней Греции или любом ином языческом государстве. Можно однозначно констатировать, что даже до стойкой языческой религиозности китайское общество просто не дошло, такова одна из главных его особенностей. Вместо каких-либо божеств у китайцев выступает некоторое единое Небо, которое ни в коем разе не является разумной константой или, тем более, причиной бытия. Небо – это нечто вроде условия жизни, некий безликий Абсолют, который пронизывает всё, не будучи ничем конкретно. Поэтому поклоняться Небу особой нужды нет, нет необходимости соблюдать какие-либо заповеди и единственный, кто способен осудить тебя и нанести какой-то урон – это ближний твой. Исходя из этой предпосылки, мы можем сделать такой вывод, что в китайском обществе также отсутствует некое универсальное понимание морали или совести, какое было практически у всех цивилизаций, воспринявших в себя, например, те или иные авраамические религии. Вместо боязни некоторого универсального «судьи», перед которым все равны и который всех будет судить одной мерой, у китайцев есть почти экзистенциальный страх выпасть из своего социума, из своей культуры и из своего мира. Поэтому китайцы на протяжении всей своей истории и не стремились привносить что-либо особенно новое в свою культуру. Даже трактат И-Цзин, Книги Перемен, казалось бы, бывший настоящей мистической литературой, на поверку оборачивается чем-то вроде философии числа, несколько замешанной с нумерологией. То же самое касается и даосизма, буддизма и прочих традиционных для китайского культурного пространства окорелигиозных течений. Все они не являются религиями в строгом смысле слова. Всё духовное наследие, которое имеется у Китая – это социальная философия, бытовой оккультизм, культ предков, истории и вера в то, что нет ничего трансцендентного. Последнее можно назвать корнем и основной предпосылкой развития всей китайской культуры. Она абсолютно неспособна к пониманию трансцендентного, выходящего за рамки обыденного и полностью сверхъестественного. В китайском менталитете не предусмотрено места для каких-либо чудес или тайн, всё подчинено принципу посюсторонности и именно это делает китайскую культуру такой, какая она есть. Именно это заставляет её искать высший смысл в абсолютизации не веры в некоторые идеалы или божество, но в своё социальное устройство, свою страну и своих предков. Это и даёт возможность для роста уже упомянутого китаецентризма, пренебрежения к иностранцам и их наследию и полному отсутствию привычных западному человеку моральных норм, которые традиционному китайцу заменяет чувство своей репутации, страх потерять своё «лицо» в обществе.

Теперь стоит поговорить о том, как этот традиционный китайский менталитет сказывается на политическом мироощущении представителей китайского общества. У тех же Ракитянского и Сунь Цзыци во второй части их работы говорится, что при отсутствии какого-то реального религиозного института, священства, Церкви роль священнослужителей заняли чиновники [2, с. 68]. Это даёт достаточно важную основу для понимания политического устройства китайского общества. Если учесть, что в истории Китая никогда не было противостояния между духовным и светским и да-

же, более того, светское и духовное всегда были одним, единым, сакральным управлением, то можно сделать вывод о том, что китайцам более чем многим другим народам свойственна подданическая модель поведения. Даже если учесть, что китайцы не боялись оспаривать решения власти (хотя, если вспомнить множество знаменитых китайских пыток, в этом можно засомневаться), они всё равно радикально не могли выступать против общественного устройства по той простой причине, что подобное неповиновение граничило со святотатством и выпадением из гармонии, что для китайца было равносильно европейской анафеме. А если прибавить к этому типу мышления ещё и склонность китайцев воспроизводить модели поведения друг друга и сопротивляться любым радикально новым, а тем более, зарубежным, веяниям, то мы увидим, что эта страна является страной с подлинно авторитарным стилем управления. Авторитаризм здесь поддерживается многовековой историей, менталитетом местных жителей и служит самим китайцам некоторым предметом для гордости, поэтому можно утверждать, что это и вправду достаточно мощный охранительный режим, способный перенести немало потрясений прежде чем понадобится совершить какие-либо изменения. При этом следует отметить, что даже в таком случае крайне велик шанс того, что произошедшие изменения по-прежнему будут отвечать основам китайского менталитета. Это хорошо видно на примере социалистической революции в Китае. Несмотря на то, что эта революция свергла правящий класс и утвердила нового лидера, глубоких ментальных изменений в китайской нации это не вызвало. Даже по сути смена власти не была серьёзным потрясением, поскольку правящие лица сменяли друг друга и раньше, а подлинной демократией КНР так и не стала.

А теперь следует сказать про столкновение Китая с информатизацией. Для того, чтобы спрогнозировать возможные последствия столкновения Китая с унифицирующим воздействием глобальных информационных процессов, следует провести определённые исторические аналогии. Поскольку Китай является страной, ставшей приоритет на сохранении своего культурного наследия, то очевидно, что отказываться от него, менять и демонтировать в угоду вестернизации или иным чужеродным ценностям вряд ли придётся. Вместе с тем, Китай является слишком амбициозной державой, чтобы закрыться от всего мира как КНДР. Поэтому, наиболее вероятным является приспособление Китаем культурных веяний извне под свою культуру, как-то было сделано с марксизмом. Помимо этого, относительно близкой, пусть и не самой очевидной, аналогией подобным процессам в истории могут являться процессы возникновения двоеверия в языческих областях во время повсеместной культурной экспансии христианства. Как мы знаем из истории, последователи местных культов практически никогда не бывают склонны расставаться со своей, подчас весьма развитой культурой, но порой и не могут отказаться от принятия христианства. Таким образом, часто возникали свои, вольные трактовки приносимой извне религии, некоторые из которых, как например вудуизм или культ Святой Смерти, могут показывать насколько сильно в состоянии быть переработан изначальный культурный посыл.

Библиографический список

1. Ракитянский Н.М., Сунь Цзыци. Опыт концептуального моделирования китайского политического менталитета. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2016. – № 2. – С. 57–79.
2. Ракитянский Н.М., Сунь Цзыци. Опыт концептуального моделирования китайского политического менталитета. Часть 2. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2016. – № 5. – С 64–86.

Гончаров Алексей Романович

Бакалавр политологии, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: Gonlex@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. Анализ основных направлений современной китайской дипломатии, рассмотрение перспектив дальнейшего развития китайской дипломатии.

Ключевые слова: Китай, дипломатия, международные отношения, геополитическое пространство.

Goncharov Alexey Romanovich

Bachelor (Political Science), Graduate Student

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN CHINESE DIPLOMACY

Abstract. Analysis of the main prospects for the development of modern Chinese diplomacy, and identification of the main directions of foreign policy cooperation.

Keywords: China, diplomacy, foreign relations, geopolitical space.

С каждым днем мир стремительно меняется: появляются новые направления в науке и технологиях, развиваются культурные и социальные связи, финансово-экономические отношения. Сегодня Китай представляет большой интерес для многих стран в качестве важного стратегического партнера. КНР проводит независимую, самостоятельную и мирную внешнюю политику. Основные цели данной политики: защищать независимость, суверенитет и территориальную целостность, стимулировать дружественное общение и сотрудничество между всеми странами, формировать благоприятную международную и сопредельную среду, проводить назревшие реформы, способствовать большей открытости и модернизации страны, защищать мир во всем мире и содействовать совместному развитию [2].

В марте 2019 года в рамках двухчасовой пресс-конференции государственный советник и министр иностранных дел КНР Ван И ответил на вопросы китайских и иностранных журналистов о внешней политике и международных отношениях Китая. Он заявил, что китайская дипломатия прошла долгий путь, Китай выстраивал и продолжает выстраивать глобальную партнерскую сеть, во главе которой стоит дипломатия главы государства, внутренние дипломатические усилия и усилия друзей Китая во всем мире [6].

Искусство дипломатии зародилось в Древнем Китае очень давно. Дипломаты существовали уже при императоре Цинь Шихуанди. Энергичную внешнюю политику проводил император У Ди, который решил установить связи с далекими западными державами и в 138 году отправил туда посольство [1, с. 30–31]. С течением времени китайская дипломатия развивалась, менялись ориентиры и приоритеты. В Средние века, на западных границах Китай не раз сталкивался с племенами варваров и кочевников. Потребность в сохранении мира и защите собственных границ дали толчок в дальнейшем развитии дипломатии императорского Китая. После изгнания монголов в середине XIV века и основания государства Мин, китайский флот совершает ряд экспедиций в Индию и Африку. В XVI веке в Китай проникают европейцы, активно развивается торговля и дипломатия с послами из Португалии, Голландии и Испании. В конце XIX века установились довольно тесные политические и экономические от-

ношения между Россией и Китаем, возглавляемым династией Цинь. В конце 1895 года по инициативе Витте был создан Русско-китайский банк, подписан договор о строительстве железной дороги. В 1949 г. к власти в Китае приходит коммунистическая партия (КПК) и провозглашается Китайская народная республика. Вскоре после ее создания, лидер КПК Мао Цзэдун отметил: "Наша генеральная задача состоит в том, чтобы, сплачивая народ всей страны и добиваясь поддержки всех зарубежных друзей бороться за построение великого социалистического государства, за обеспечение мира во всем мире и дальнейший прогресс человечества" [2, с. 54–56]. Речь Мао Цзэдуна стала отправной точкой начала развития дипломатии нового типа в Китае.

Одним из основных направлений внешней политики современного Китая является российское. Первые связи между русскими княжествами и Китаем относятся к XIII—XIV векам. Отношения России с Китаем прошли довольно долгий путь. Успешно развивались и советско-китайские отношения после образования КНР. В современном мире Россия стала первой страной, которую посетил глава КПК Си Цзиньпин в качестве главы государства — председателя КНР [3]. Китайские делегации во главе с Си Цзиньпином неоднократно посещали парады Победы в Москве. Активно сотрудничают между собой и российско-китайские предприятия в самых различных сферах. Сотрудничество прослеживается не только на высшем уровне, но также и между главами регионов и городов. Россия и Китай активно взаимодействуют в военно-технической сфере. Россия оказывает помощь Китаю в создании национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), в оснащении системы ПВО новыми комплексами. Безусловно, в современных российско-китайских отношениях есть определенные трудности, такие как невыгодная для российской стороны структура товарооборота, ведь две трети российского экспорта приходятся на энергоресурсы и древесину, и только 1.5 % на машиностроение. Однако Россия была и будет ближайшим соседом Китая и потребность в тесном всестороннем взаимодействии этих двух стран обусловлена многими факторами как на глобальном, так и на региональном уровне [4].

Дипломатические отношения между Соединенными Штатами и Китаем являются одними из важных двусторонних отношений в мире [5]. Они представляют собой отношения сверхдержавы и потенциальной сверхдержавы. Тесное взаимодействие с КНР, приток инвестиций в развивающуюся экономику Китая, кредитование, разработка совместных проектов, предприятий, а также создание крупнейшего в мире товарооборота между двумя государствами, — все это является характерным этапом развития китайской экономики второй половины XX и начала XXI века. 2018 год стал переломным этапом в истории американо-китайских отношений. Торговая война, в ходе которой вводились пошлины на товары, ухудшились финансово-экономические отношения между предприятиями двух стран, спровоцировала резкие обострения дипломатических связей. Также негативным фактором стал рост числа зараженных вирусом COVID-19. Неоднократно президент США Дональд Трамп обвинял Китай в распространении по всему миру вируса COVID-19.

Помимо России и Соединенных Штатов, большое внимание лидеры КНР уделяют Африканскому континенту. Китайские делегации посещают Африку, чтобы укрепить влияние Китая на континенте. В 2018 году президент Китая Си Цзиньпин посетил ряд стран Африканского континента, такие как: Сенегал, Руанда, Южная Африка и Маврикий. Экономическое влияние и стратегические амбиции Китая в Африке растут и развиваются с каждым годом. Пекин намеревается еще больше укрепить свои позиции в качестве одного из ближайших экономических и дипломатических союзников на африканском континенте.

На первый взгляд кажется необычным, что китайское руководство решило посетить Руанду и Сенегал, ведь эти две страны не получили больших инвестиций от китайских компаний и не являются густонаселенными странами. Однако Руанда за-

нимает ключевую позицию в амбициозной программе «Один пояс, один путь». «Быстро расширяющаяся сеть железных дорог Восточной Африки является частью данной программы, и Руанда надеется интегрироваться в нее. Что касается Сенегала, Визит китайских делегаций в страны Африки показывает, что китайские лидеры проявляют дипломатическую заинтересованность к странам африканского региона. По словам экспертов, Африка всегда имела важное стратегическое значение в дипломатии Китая. Инфраструктура, построенная Китаем, быстро меняет облик Африки. Различные продукты, производимые китайскими фабриками, и наплыв щедрых китайских туристов меняют экономическую ситуацию в регионе. Образовательные проекты и медиа-учреждения, финансируемые Китаем, продолжают расширяться, увеличивая их влияние на молодое поколение жителей африканского континента [6].

Библиографический список

1. История дипломатии. Т. 1 / Под ред. В. А. Зорина [и др.]. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Госполитиздат, 1959. - 896 с.
2. 中国外交/周溢潢著, 赵秀琴译, - 北京五洲传播出版社, 2005. - 189 页.
3. Посол РФ в КНР: развитие Китая стало уникальным примером // Russian.news.cn. URL:http://russian.news.cn/china/2013-05/30/c_132420463.htm (дата обращения 15.10.2020)
4. 2020—2024年俄罗斯与世界形势分析和预测 // iwep.cssn.cn. URL:http://iwep.cssn.cn/xscg/xscg_sp/202006/t20200617_5144618.shtml (дата обращения 15.10.2020).
5. Филиппенко А. А. Проблемы иммиграционной политики США в период 1990—2015 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 2015. — 173 с.
6. 新华网评: 中国外交与世界的一场精彩对话 // acfic.org.cn URL:http://www.acfic.org.cn/zzjg_327/nsjg/bgt/bgtgzhdzt/2019qqlh/2019qqlh_zstg/201903/t20190311_116924.html (дата обращения 15.10.2020)
7. 美媒: 中国在非洲展现外交关爱 // sohu.com. URL:https://www.sohu.com/a/242541256_162522 (дата обращения 15.10.2020).

Ковалёв Дмитрий Викторович

Аспирант

Вологодский государственный университет

Email: 3482041@mail.ru

ПРОЦЕССЫ ТЕХНИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КИТАЯ И РОССИИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Рассматриваются пути формирования философских традиций двух стран под влиянием процессов технизации общества. Прочные традиции реалистической народной философии позволили Китаю создать жизнеспособное государство-цивилизацию. Россия, чья гораздо менее длительная философская традиция разнообразна, но имеет мало связи с менталитетом и установками основной части общества и власти, испытывает проблемы с преодолением негативных сторон технизации.

Ключевые слова: технизация, китайская философия, русская философия, цивилизационный вызов, стратегия развития.

Kovalev Dmitriy Viktorovich

PhD Student

Vologda State University

PROCESSES OF CONSCIOUSNESS TECHNIZATION AND PHILOSOPHICAL THOUGHT EVOLUTION OF CHINA AND RUSSIA: INTERCONNECTION IN THE CONTEXT OF CIVILIZATION CHALLENGES

Abstract. The ways of forming the philosophical traditions of the two countries under the influence of the processes of society technization are considered. Strong traditions of realistic folk philosophy allowed China to create a viable state-civilization. Russia, whose much shorter philosophical tradition is diverse, but has little connection with the mentality and attitudes of the main part of society and power, is experiencing problems with overcoming the negative aspects of technization.

Keywords: technicalization, Chinese philosophy, Russian philosophy, civilizational challenge, development strategy.

Русская и китайская философия формировались в совершенно разные эпохи. Однако при всех различиях цивилизаций и их духовных основ и в Китае, и в России сформировалось тип сознания, не представляющий бытие вне коллектива. Обе цивилизации неоднократно испытывали вызовы-угрозы с Запада, находя рецепты решения проблем как в использовании западных образцов, так и в собственных традициях.

Китайская философия сформировалась еще в период «осевого времени». В этом плане Китай «шел в ногу» с другими мировыми интеллектуальными центрами той эпохи. Оперировавшая религиозно-мифологическими категориями (Неба, Пути, Светлого начала), китайская философия всегда была социально ориентирована. Социально-этическая направленность была обусловлена географическими факторами. Ландшафт Китая способствовали росту сельского хозяйства, торговли, ремесел, и, как следствие, происходило развитие государственного строительства, системы управления, армии, финансовой системы. Неизбежные конфликты, войны, миграция населения, эпидемии и угрозы голода и нашествий дали мыслителям пищу для раз-

мышлений. В результате китайцы прошли специфический путь технизации массового сознания.

Как процесс технизация сознания предполагает упорядочивание деятельности сознания (и окружающей реальности, оставившей свой отпечаток в сознании), что, в свою очередь, вызывает его трансформацию. Технизирующееся сознание создает культуру, которая со временем уступает место цивилизации; в рамках последней сознание рефлексирует и начинает логически мыслить. Важнейшую роль в технизирующей трансформации сознания играет обмен, по каналам которого течет поток информации, впечатлений, образов, способных вывести сознание на новый уровень.

При всех удобствах, которые дает человеку техника, невозможно не видеть потерю ценностно-культурных элементов, составляющих основу человеческого бытия и сконцентрированных в глубинах человеческой психики. Эту проблему решало конфуцианство, апеллировавшее к базовым ценностям. Правительство активно работало с патриархами родов, строя взаимоотношения на основе конфуцианско-легистской этики. Правительство следило за денежным оборотом, не допуская влияния крупного капитала, что могло нарушить разумный баланс в обществе. Начальное образование было доступно даже крестьянам, но не ломало традиции.

В основе «техники мышления» лежит понятие пути (дао), отклонение от которого очень нежелательно (потеря лица – катастрофа) [2]; очень важна категория долга (перед императором, общиной, предками). Эти факторы способны привести сознание в нужное для технизации состояние – человек становился деятельным, но дисциплинированным. Стремление к грамотности породило феномен крестьян-интеллектуалов, способных создать свою интерпретацию (в том числе буддизма или даосизма) и организовать большую общину.

Угроза с Запада в виде техногенной экспансии могла быть решена только с помощью индустриализации. Учитывая тысячелетиями складывающиеся традиции, менталитет и технику мышления, выбор в пользу марксизма выглядит закономерным.

Иной была ситуация в средневековой Руси, где кроме религии долгое время не было иного надежного источника для умственной пищи. В отличие от китайской философии, русская религиозно-(пред)философская мысль не имела ярко выраженного социального характера. Ошибкой думать, что в средневековой Руси процветало невежество, однако в ней не было конфуцианских школ или университетов западного типа, да и качественного богословия тоже не было. Эпоху характеризуют знаменитые слова протопопа Аввакума: «Аз есмь ни ритор, ни философ, дидакалства и логофетства неискусен, простец человек и zelo исполнен неведения».

Технизация массового сознания (в первую очередь, сознания крестьянина) не носила корпоративный характер, что впоследствии сказалось на неготовности к индустриализации. Н. А. Бердяев отмечает дионисийское начало в сознании русского крестьянина [1 По О. Шпенглеру, «вся внутренняя жизнь русских воспринимает жизнь в торгово-денежных понятиях как грех. Русской душе не свойственно чувство злобы, она свободна от воинственно-враждебного отрицания других культур» [4]. Бесписьменная культура предполагала знания особого рода – процедурные, требующие отличной памяти, интуиции, способности наблюдать и созерцать. Технизация сознания шла по этому пути почти тысячелетие; русский логос выплеснул свою энергию в XX в., в годы советской индустриализации.

Философско-политические идеи вроде «Третьего Рима» были в головах царей и высших чиновников и в по-настоящему стройную теорию или философское учение не оформились. Правда, некоторое сходство с китайскими социальными учениями имеют ереси и секты – они часто делали упор на социальную справедливость.

Верхи русского общества за два столетия после Петровских реформ явили отчасти другой тип сознания, способного концентрироваться на выполнении задач, обла-

дающего самодисциплиной и логическим мышлением (в основном, в рамках военной, упорядоченной армейской культурой, техники мысли и восприятия). Секуляризованная русская философия, берущая начало в XVIII в. – преимущественно дворянская и, так или иначе, следующая в фарватере западной мысли – была направлена либо на проектирование будущей полуутопической реальности, либо на осмысление места России в мире. Западники при этом так или иначе размышляли вокруг путей и сроков инкорпорирования западных же институтов и ценностей (как они их себе представляли). Славянофилы, отталкиваясь от концептов и методов западной мысли, критически анализировали последнюю (исправляли недомыслие) и оставляли место русской традиции, но плохо разбирались в жизни народа. В итоге, когда Запад бросил вызов в виде бурно развивающейся индустриализации, ответом смог стать только западный по своей природе марксизм.

Таким образом, исторически разница в характере и последствиях взаимосвязи процессов технизации сознания и развития национальной философии двух стран весьма различна. Китайская философия практична, социально ориентирована, замкнута на себе, чтит традицию даже если дух времени противоречит им. Китайский мыслитель четко знает место в мире своего государства и народа, связан как с народом (его идеи транслируются), так и с правительством (к нему прислушиваются). Русская философия была и остается весьма противоречива в отношении к традиции и до сих пор не пустила корни в общественном сознании. Вместе с тем строительство новой жизни в период сталинской индустриализации было бы невозможным без накопленного за тысячелетие внутреннего скрытого в подсознании потенциала – хилиастической идеи этого строительства.

В середине – второй половине XX в. своеобразие догоняющей модернизации Китая и СССР состояло в сочетании прагматической рациональности с традиционной системой ценностей, в установке на интеграцию истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. К началу XXI столетия бурно модернизирующийся Китай сумел справиться с задачей формирования стратегии и интеграции традиционных и глобалистских ценностей благодаря двухтысячелетней традиции конфуцианской этики. В постсоветской России, переставшей быть идеократическим и внятно идентифицирующим себя государством-цивилизацией, но сохранившей в общественном сознании с советского времени множество артефактных (государство – «здание» или «корабль», власть – «машина», люди – «винтики») и пространственных (развитие государства – «движение по дороге») метафор, а также установку на замену «устаревшей техники» новой «для поддержания работоспособности рассматриваемого механизма», – ситуация гораздо сложнее [3, с. 15]. Стремление подменить выработку национальной идеи и стратегии культурного и социально-экономического развития культом информационно-компьютерных технологий как самоценности порождает самые грубые формы технизирующей деградации массового сознания.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – Париж: YMCA-Press, 1946. – 259 с.
2. Тертицкий К. М. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. – М.: ИСАА МГУ, 1994. – 347 с.
3. Фишман Л.Г. Существует ли современное массовое сознание? // Полития. – 2017. – № 3 (86). – С. 6–24.
4. Шпенглер О. Социнтергум: цивилизационный форум. URL: <http://www.socintegrum.ru/Spengler.html> (дата обращения: 02.10.2020).

ЭСТЕЗИС И ЛОГОС В ГОРИЗОНТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

ESTHESIS AND LOGOS IN THE HORIZON OF MODERNITY

Гурский Николай Маркович

Аспирант

Томский государственный университет

Email: amba88@yandex.ru

ЛОГИКА СТОИКОВ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИНФОРМАЦИОННОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. В докладе обосновывается ключевая мысль современного политического философа Ф. Анкерсмита. Она касается возможности радикального пересмотра отношений рационализированной социальности и эстетической политики.

Ключевые слова: логика, политика, эстетика, возрождение.

Gurskiy Nikolay Markovich

PhD Student

Tomsk State University

STOIC LOGIC AND AESTHETIC POLITICS OF THE INFORMATION COMMUNITY

Abstract. In my report, I intend to develop the key idea of the modern political philosopher F. Ankersmit. It concerns the possibility of a radical revision of the relationship between rationalized sociality and aesthetic politics.

Keywords: logic, politics, aesthetics, Renaissance.

Рациональность, как она сложилась в западном типе сознания, есть наследие стоической логики, сердцевина которой – господство *tertia*, понятий, синтезирующих отношения противостояния. Эти понятия, как «разумные семена», возли подобно «зубам дракона» и обеспечили искажение сознания современных людей, которое вовсе не кажется искажением, но предельно логичным и нормальным «пониманием». Такое понимание привело к катастрофическим последствиям в социальной жизни людей. Ф. Анкерсмита я вижу у истоков возрождения человеческого проекта на принципиально иной основе мышления. Идеи Анкерсмита – это своеобразный якорь (анкер) спасения, его послание – это особый дар, принять и развить его – значит укрепить наши надежды, нащупать действительный путь выхода.

Привычно думать, что разумность – это нечто противоположное чувствам и эмоциям, нечто беспристрастное и логичное. Разуму якобы доступна реальность, он способен ее отображать, систематизировать и тем реалистически планировать жизнь. Законы реальности суть законы нашего мышления. Но рациональность как нечто третье, обосновавшееся между знанием и миром, полностью вытеснило действительное третье – эстезис чувственного восприятия, подменив его рациональными структурами опосредования, скрытыми и оттого более опасными. Начиная с Декарта, западная философия усиленно занималась обоснованием своих *tertia*, таких как «идея», «материя», «разум», по сути же, любого понятия, преломленного через онтологию *tertia*. И все ради того, чтобы не допустить прямого противостояние вещей (людей), опосредуя его понятийными компромиссами – с благим намерением достигнуть гармонии и избежать конфликта. *Tertia* стали маркерами социальных идентичностей. Если прямое противостояние (нечто «противное», криминальное) есть начало политического, то погасив его маркерами идентичного мы уничтожаем поли-

тическое на корню и получаем своеобразный гуманизированный фашизм, где политическое вытесняется полицейским, как на то указывал Ж. Рансьер. По Анкерсмитту, «...государство как коллективный инструмент решения проблем постепенно превратилось в экран, который скрывает от нас самые неотложные политические проблемы, вместо того чтобы дать нам ясно увидеть их» [1, с. 96]. Государство превратилось из института политического представительства в институт социального принуждения – через идеологию, через деньги, через закон. Стоическая логика, которая в начале своего пути (Зенон, Хрисипп) казалась надежным фундаментом человеческой этики, в наши дни оказалась средством убийства человеческого проекта. Отчего это случилось? Намерение у стоиков похвальное – сгладить конфликтное напряжение явного противостояния политических субъектов. Чем более своенравен субъект, тем более актуальна проблема разрешения противостояния. Тут-то и возникает посредник – «идея», а вместе с ней «деньги» как носитель общезначимой ценности, вместе с ней «закон» как инстанция защиты всех и каждого. Они для всех и ни для кого, они как бы беспристрастны. Но это фальшивая беспристрастность – за этими вещами стоят конкретные люди, которые не готовы открыто противостоять и становятся на сторону опосредующих понимание социальных *tertia*, а вместе с тем переходят на сторону скрытой личной жизни, на сторону обезличивания.

Конкретность предполагает смысловое сочетание отдельных сущностей (кратур), то есть конкретность – это политическое событие, никогда не становящееся единичным фактом. В стоической парадигме конкретность фиксируется как единичное и это единичное определяется через понятие. Стоик как бы забывает, что понятие предшествовало суждению, и ставит его впереди суждения. Именно из-за этого этическое перехватывает инициативу эстетического, становится доминирующим. Деонтология этического подменяет политическое с его эстетикой разрыва. Кто ныне посмеет усомниться в первенстве этического начала, ведь оно лежит в основании субъекта как такового – желтка в центре стоического яйца. Стоическая модель ныне обособилась в холистическом мировоззрении – очередной многообещающей обманке, которая насколько привлекательна, настолько и бесплодна – она только усугубляет текущее положение дел.

Речь не о том, чтобы уточнить политические идеи и соответствующие решения, могущие улучшить положение дел в обществе, но о необходимости восстановления самой идеи политического творчества в сердце социальных отношений. К великому сожалению, я не могу отнести к политическому в принципе то, что принято называть «политическим». Большинство «политиков» вообще никоим образом не выражают политическое. Как и большинство «либералов» не являются свободными людьми. Именно в этом пункте кроется корень всех и всяческих проблем. В политической точке зрения, как я полагаю, не может быть в принципе общего понимания, а значит, каждое понятие есть двустороннее суждение о конкретном событии, субъект же, может отобразить в понятии только свою часть суждения. Кант в «Критике способности суждения» вполне осознал значимость понятия в акте его превращения в суждение.

Стоики в своем символическом яйце принципиально различали физику, логику и этику. Я полагаю, что эта троичность неверна в принципе, поскольку вижу этику как продолжение логики – они находятся на одном плане, однородны. Этика вписана в систему логических импликаций. Этика = деонтология. Если физический мир противопоставим логическому (этическому), то попадем на привычные качели логического (рационального) и природного (эмоционального). И эти качели как обычно раскачивает стоическое сознание со своей диалектикой. Я вижу необходимость восстановления троичного кода, где третье – эстетический смысл, ценность, превосходящая любые рациональные выводы, радикально противостоящая любой значимости. Обезмысленное сознание бесчужденно и является основой дигитальной (бинарный код) цивилизации, где люди превращаются в роботов, когда чувственное подменяется рационально обоснованным этическим обявлением, противостоящим наивному

животному чувству. Такие стоические дихотомии неверны в принципе. Вместо, скажем, противопоставления добра злу, истины лжи, свободы рабству или жизни смерти, я нахожу возможным говорить о подлинных дихотомиях добра/блага, правды/истины, воли/свободы, жизни/мышления, в которых второе слово указывает именно на эстетический смысл первого.

Живая мысль по своей природе чувственна, ее эстетизм есть своеобразное смысловое сращение наивно чувственного и рационального. Не этика, а эстетика – желток яйца. И этот желток, словно солнце, – не центр нашей субъективности (единичности), но основание нашей индивидуальности (целостности), которая никогда не единична, но представляет собой конкретную часть эстетического целого, подменяемого у стоиков общим. Общее отлично от целого тем, что выделяет сингулярные содержания, которые только кажутся конкретными, поскольку включены в один класс, тогда как целое видится исключительно формально – бессодержательно. Но именно целое выделяет действительно конкретные вещи, не включая их в общий объем. Каждая вещь целого несравненна и исключительна – потому и конкретна (сделана, завершена, индивидуализирована). Индивидуализированные вещи – это вещи, которые невозможно вписать в общий класс. Они исключительны и потому не участвуют в игре логических парадоксов, которой так увлечены многие из современных философов, логиков – наследников стоиков. Проблема стоиков в том, что в своих поисках «закона разума» они потеряли политическое, а значит в исторической перспективе оказались бесплодными.

Попытка отдельного человека в познавательном и нравственном смысле встроиться в информационное (бинарное) устройство универсума говорит только о попытке превратиться в информационный призрак, попытке стать никем, виртуализироваться. Стоики озабочены сведением (редукцией) неизвестного к уже известному и рационально понятному. Так они уходят от дуального, то есть от диалога. Так величайшее неизвестное, стоящее за словами «стыд» и «совесть» – основание зрелого индивида – сводится к социальному «контролю» и субъективной «сознательности» (когнитивности). А вместо открытия живого чувствующего разума – бесплодные умствования по поводу ИИ.

Хорошо уяснив основной код стоицистского сознания, мы могли бы совершить радикальную ревизию своих мотивов, намерений, целеполаганий и войти в поле политического как реально «духовное» пространство, в котором каждое слово «дышит». И такое дыхание освобождает нас от невротического напряжения «человечности», курируемой стоиками уже «постиндустриальной» цивилизации. Восстановив ровное дыхание в условиях невротической цифровой реальности информационной эпохи, мы можем вновь поднять вопрос о возрождении человечества, но на принципиально иной основе мышления.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 432 с.

Егорова Юлия Рабисовна

кандидат философских наук, доцент

Уфимский государственный авиационный технический университет

Email: yuliageorg2@mail.ru

ЛОГОС И ЭСТЕЗИС – ПУТИ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации понимания взаимодействия Логоса и эстетизиса при переходе от классической философии к современности. Определяются главные черты единства и размежевания этих понятий в философии.

Ключевые слова: Логос, истина, первопринцип, эстетизис, прекрасное, язык, интерпретация.

Egorova Yuliya Rabisovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Ufa State Aviation Technical University

LOGOS AND AESTHESIS. THE WAYS OF TRANSFORMATION

Abstract. The article deals with the problem of transforming the understanding of the interaction between Logos and aesthesis during the transition from classical philosophy to modernity. The main features of the unity and delimitation of these concepts in philosophy are determined.

Keywords: Logos, truth, first principle, aesthesis, language, interpretation.

На протяжении всей человеческой истории отношения эстетизиса и логоса претерпевали различные трансформации, от единства (в классической философии) до противостояния (в философии неклассической). Эстетизис обращает к свободному постижению мира, творческое поле его обширно, оно включает в себя иррациональную сферу нашего духа, и его поле можно определить, как поле неопределенности, связанное со свободой творящего. Вот почему Платону были не угодны художники и поэты, И. Кант утверждал противостояние красоты и пользы, Ф. Ницше спорил с Сократом, позитивисты вообще не считали нужным говорить об эстетическом. Незаконнорожденное дитя – искусство – таило в себе то лишнее, что может увести нас в сторону неизвестную, сбить с верной дороги царственного Логоса. Эстетизис связан с чувственным миром, с миром образов, он заставляет переживать. Со времен античности считалось, что Логос гораздо вернее движется к цели. Он являлся основанием, связанным с истиной, главной субстанцией, поддерживающей и вместе с тем оправдывающей наш мир.

Логос, может таиться и не быть высказанным или понятым, но человек все-таки воплощает его в Слове, соединяя несоединимые размерности сущего. Он может быть Логосом души и первопринципом, но, чем ближе мы становимся к нашему веку, тем более он лишается своих могущественных оснований, которые дают человеку, вслед за божественным правом архе, известным нам с эпохи античности, превращать хаос в порядок. Чуть позже, он будет обозначать качественные различия, а также рассуждение или «отчет» о мыслимом и познаваемом [1]. В метафизическом ракурсе рассмотрения Логоса он сопоставляется с такими признаками, как «возвышенное», «идеальное», «управляющее», «связанное с истиной», «разумное», «сверхчувственное». Постепенно, Логос лишается метафизических оснований, и, в философии постмодерна, например, он понимается уже, как репрессивный признак ортодоксальности и диктата мышления, преобладания «рацио» над речью и творческим мышлением, монолога над диалогом.

Раскол Логоса и эстетизиса, несомненно, связан с эпохой Нового времени, и своего явного выражения он достигает в философии жизни, с идеей заката европейской метафизики у Ф. Ницше, например. Истина уже не может быть связана с доказательством, безусловное не совпадает с обусловленным, а идеальное с реальным, потому что только эстетическое может возвестить истину о трагичности и расколотости этого мира. Что же происходит сегодня? Во-первых, нужно посмотреть, не меняется ли сам Логос. Итак, возможны следующие смыслы Логоса сегодня, которые, несомненно, порождают свои формы взаимодействия с эстетизисом в современности. 1) Логос, как первопринцип в классическом понимании, как устанавливающий принцип, как сосредоточие духа и души, истины и ее связи со всем. (В эстетическом он связан с классическим искусством, с разными формами реализма, с установкой на соответствие формы – содержанию, идеи – воплощению.) 2) Логос, как идея. 3) Логос, как рациональность или секуляризированный Логос. При этом он может выступать как утилитарный (частичный), например, в техногенном и потребительском обществе, отчужденный, как утративший связь с истиной о мире и человеке (бюрократический, например), на уровне явлений проявляясь, как явленная рациональность, без связи с человеком или связи с человеком определенного типа. 4) Логос, как слово, средство и способ выражения ученого, поэта, художника, мыслителя. 5) Логос мировоззренческий, как смысло-жизненная установка человека.

Несмотря на онтологическое превосходство Логоса, как первопринципа мира, мы можем найти общие черты в понимании эстетического и логического в классической интерпретации. Единство это проявляется в непосредственном отношении и того и другого к единству в рамках платоновского понимания прекрасного. Порядок, гармония, идеальное, возвышенное есть то, что объединяет Логос и эстетизис в классическом понимании. Принцип идеализации, идея целостности 3-х ипостасей истины, добра и красоты, идеи связанности в единое разумного, этического и эстетического, а также связь этих составляющих с самим бытием переходит в эстетику и является очень важной русской философией.

Эстетическое связано с нелогическими, до-логическими способами познания. Косвенное зрение, символизм, неопределенность и непредсказуемость в области смысловых ассоциаций – черты эстетизиса. Если смысл проявляется в искусстве, то он проявляется не в доминировании над формой. Поэтому Логос здесь может быть целью непреднамеренной, появляющейся органично, исподволь. Шиллер представлял эстетику, как «отрицательное состояние простой неопределенности» [2, с. 33]. Поэт может изменить язык логики и привычные смыслы до нелогичной логичности, обнаружить парадоксы, пластичность и «косвенное зрение» нашего мышления.

Если Эстетизис в классическом проявлял себя в виде благодати и целостности, то эстетизис, например, с появлением философии Шопенгауэра, понимается оторванным от Логоса и этоса, как истины, ограниченным сферой только чувственных явлений. В результате, прекрасное, совпадающее с красотой, идеальным было потеснено понятием «подлинного». И здесь начинается новая история искусства, искусства непредсказуемости, парадокса, иронии, истории прощания с Логосом.

В философии, по мнению М. Фуко, с приходом Ф. Ницше, З. Фрейда и К. Маркса наступает время интерпретаций. Интерпретация есть то, что отходит от традиционных уже созданных описаний мира, явлений, вещей, событий. «А» уже не равно некому «а» в реальности. При этом интерпретации переходят в бесконечность. Критика морали и добродетели у Ф. Ницше, открытие сфер бессознательного и скрытого в сознании у З. Фрейда, рассмотрение всего сквозь призму метафоры производственных отношений у К. Маркса, порождают род негаций, которые отличны от нашего привычного понимания сознания, морали и социальности в концепции соответствия Логосу, как высшему разуму. Такие способы описания подвергают сомнению принцип Разума, который определяет всю синергию мира – от порядка природы до сознания человека. Поэтому, с точки зрения постмодернизма, в понимании мира,

отношениях мира и субъекта постепенно происходит потеря однозначного смысла и структура не связана уже с Логосом. Структура оказывается бессознательной, уже существующей. Она обуславливает, каким будет субъект, детерминирует его, отрицает свободу, делая «Я» безличностным.

В основании порядка находится способ говорения и видения: «Порядок -- это то, что задается в вещах как их внутренний закон, как скрытая сеть, согласно которой они соотносятся друг с другом, и одновременно то, что существует, лишь проходя сквозь призму взгляда, внимания, языка; в своей глубине порядок обнаруживается лишь в пустых клетках этой решетки, ожидая в тишине момента, когда он будет сформулирован» [3, с. 39] и «нет ничего более зыбкого, более эмпирического (во всяком случае, по видимости), чем попытки установить порядок среди вещей; ничто не требует более внимательных глаз, более надежного и лучше развитого языка; ничто не призывает нас более настойчиво опираться на многообразие качеств и форм» [3, с. 40]. Наша мысль парадоксальна, и в этом она подобна эстезису. Мир Логоса в классическом его понимании все-таки определен и предсказуем. Вместе с тем, отмежеваться от него не получится. Наше сознание устанавливает свои связи, и порядок мира выстраивается в языке и слове, а не навязывается и не детерминируется извне. Отсюда Логос в современности больше становится похож на эстезис. Это верно в отношении новых способов мышления, творчества, человеческого понимания.

Мораль остается с Логосом в выстраивании идеального поля жизни человека и его социальности. Утрата аристотелевского смысла, как Блага в конечной цели этого мира и деятельности человека это большая потеря для современности. При всей свободе нашего сознания от внешних детерминаций сегодня нельзя отмежеваться от деятельностной и светлой природы человека, от совести, от ответа на те вызовы, которые бросает нам реальность.

Если Этос и Логос еще могут заключить между собой союз, то эстезису в современности совсем тяжело. Эстезис сегодня, несомненно, вторичен: посмотрите на то, какое место занимают культурные ценности в архитектурной застройке и логистике современного города, невольно подумаешь про совершенную ненужность искусства при капитализме. Современный Логос есть Логос расколотый, от целостности, идеального остается только рационально-утилитарное. Налицо победа пользы над красотой, Логоса-расколотого над эстезисом. Нельзя забывать о том, что наша душа мыслит не только логически, (хотя умение мыслить логически, и категориально-разнообразно тоже сегодня совсем сходит на нет). Наше сознание не может обойтись без образного понимания, оно умеет сопереживать и наделено способностью находить форму синтеза и нового скачка в области рационального и чувственного познания, как способности души говорить о самой себе, открывать глубины, связанные со знанием собственно-человеческим. Эстетическое это всегда и философское, так как это способ связи человека со смыслом и истиной, это язык при помощи которого, мы говорим о главных вещах, создаем новые разнообразные интерпретации понимания человека и мира. Уберите из жизни Эстезис, и человек перестанет быть творцом, перестанет удивляться тайнам этого мира и рассказывать об этом. И третий, важный момент их взаимодействия – язык – остается главным средством, артикулирующим наше сознание, и существует разница между ним и мышлением.

Библиографический список

1. Логос // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2/ Степин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. и др. – М.: Мысль, 2010. -- С.445–447.
2. Иглтон Т. Идея культуры. – М.: ВШЭ, 2012. – 192 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с.

Лосев Константин Викторович,

Доктор экономических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Email: k.losev@mail.ru.

Носов Николай Владимирович

Фонд «Укрепление православных традиций», научный консультант
Email: pronin1971@mail.ru

ЧТЕНИЕ ИНТЕРТЕКСТА – ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА: ЧИТАТЕЛЬ, АВТОР, КРИТИК

Аннотация: предлагается анализ соотношения текстуального смысла и интертекстуального понимания в процессе чтения.

Ключевые слова: текст, интертекстуальность, авторство

Losev Konstantin Viktorovich

Doctor of Economics, Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Nosov Nikolay Vladimirovich

Foundation "Strengthening Orthodox Traditions"

READING INTERTEXT – UNDERSTANDING THE TEXT: READER, AUTHOR, CRITIC

Abstract. An analysis of the relationship between textual meaning and intertextual understanding in the reading process is proposed.

Keywords: text, intertextuality, authorship.

Всякая интеллектуальная инициация всегда происходит как критика, в которой одновременно происходит перечитывание текста, и возникает первообраз «инога текста». Именно поэтому критика оказывается в положении прединтертекста, процедурой, на интертекст указывающей особым негативным жестом, но сама остающейся «по ту его сторону». Критик формирует и ограничивает «иной текст», создает из него образ-объект и помещает в этот образ-объект спрятавшегося в собственном тексте автора, выводя его из текста на экран интертекстуального зрелища. Но попытка работать с интертекстом, пользуясь только критическим методом или исходя из критической установки, обречена на неудачу. Само интертекстуальное пространство чтения заменит критическую установку объяснения на установку построения «текста-зрелища», в которой место критика потеряет свое центральное положение. Соответственно, вынесение оценки превратится во вторичную процедуру, поскольку на передний план выйдет «говорящий образ текста». Критик всегда оказывается вне самого пространства видения, в пространстве «чистого» говорения, и его слова теряют силу впечатления, которую дают только зримости текста.

Показателен в этом отношении пример работы М. Ямпольского «Память Тиресия» [3]. В ней автор пытается показать работу интертекстуального механизма в качестве некоего «фармакона», осуществляющего «лечение» понимания. То есть главной задачей его оказывается критическая оценка элементов «инога текста» в отношении наличия в них того, что он называет «аномалией понимания». И это замыкает интертекст обратно в изначальный текст — наподобие фрейд-лакановской речевой машины. Интертекст превращается в «систему опознаний» ошибок и недостатков, реализующую в пределе построение абсолютно понятной схемы интертекстуально-текстуальных связей. Аномалии понимания дополняются в данном случае аномалиями восприятия, что предельно усложняет интертекстуаль-

ную игру образов. Происходит не свободная игра случайно увиденных образов встречи в тексте, а намеренная игра «объектами» знания, профессиональный агон эрудитов.

Об этой симуляции мышления писал Мерло-Понти: «Чтобы видеть, недостаточно мыслить: видение – это мышление при определённых условиях, которое рождается «по поводу» того, что происходит в теле, пробуждается телом к мысли» [2, с. 34] Видение, по Мерло-Понти, превосходит не только языковую способность, но и само мышление, оперирующее её формами – мышление соучаствует в видении и само «видит». Впрочем, и без этого известно, что абсолютно прозрачный объект становится невидимым. Поскольку понимание – это главное в общении с произведением, то происходит насильственная экспроприация понимания и передача ее новому тексту, замещающему свободно общающиеся между собой образы текстов исходных. Произведения разрываются и растаскиваются по различным зонам интертекста, становясь цитациями и псевдонимией. Лишаясь, таким образом, собственного видения и собственного авторского голоса, они превращаются в обрывки, «слова, слова, слова», лишённые притягательной силы цельного зрелища.

Конечно, в процессе чтения-восприятия действительно может возникать ощущение «текстуальной аномалии», но перспектива ее излечения совершенно противоположная той, которую предлагает критическая установка. Любое вторжение непонятого текста в зрелище легко устраняется простым актом «устранения» текста. Если автор использует цитату, которую мы не опознаем в качестве цитаты, это вовсе не означает полной потери смысла. Цитата может быть столь же органичной в «новом» тексте, как и в первоисточнике. Но если мы теряем нить нашего проникающего видения в тексте именно в результате того, что использована преднамеренная цитация, это явный признак ошибки письма, неумелой коммуникации.

Сама же интертекстуальность не столько устраняет «текстуальные аномалии», без которых многие произведения лишились бы своего очарования и стали бы просто скучны, сколько вводит текст в единое культурное пространство, на видимую сцену вневременной и внепространственной игры смыслов, в котором именно это произведение получает свое собственное место и играет свою уникальную роль. Наряду с другими произведениями, оно располагается там и тогда, где и когда оно обретает зримый облик и способность соотноситься с видением читающего. Интертекст, собственно, не проясняет реальность текста, но создает ее, «принимает» произведение в свое пространство и размещает его в нем. Именно поэтому в этом пространстве устраняются автор-творец и критик, вместо которых создаются автор-образ и читатель-зритель, образующий свое видение и понимание.

Автор, конечно, может намеренно играть своим произведением, в том числе и в интертекстуальном пространстве, но это не делает его автором, чей образ ткется в игре иных способов воздействия на видение. Должен произойти определенный таинственный переход текста в жизнь, или жизни в тексте автора в жизнь читающего. Никому не дано быть автором интертекста, кроме постоянно воспроизводимого в акте чтения-видения образа автора. Можно лишь говорить об авторстве «при условии», о позиции псевдо-присвоения, поскольку авторство определяется не присвоением, а признанием, и не присвоение определяет, а наоборот, признание дает право на игру в присвоение.

Позицию автора можно справедливо назвать игрой безысходности, фатальной игрой в никогда уже не достигающуюся свободу выбора и призвания, дарованную читателю, который именно в качестве такового становится мыслителем. Автор-творец пытается присвоить у читателя то, что ему самому не принадлежит, но к чему его уже зовет голос видения-текста, и когда читатель призван это присвоение, он делает это так, что автор-творец перестает быть принуждающей к признанию инстанцией письма, но переносится в само чтение в виде образа, «облака», плывущего в середине текста и изменяющего свою форму с каждой переменной точки взгляда,

а ветер, подгоняющий это облако – это читательский интерес, веющий там, где он хочет. При этом видение, объективируя этот интерес, порождает признающую инстанцию именно как следствие заинтересованного видения-чтения, определяя действительную позицию текста в расположенности всех уже существующих текстов.

Место же критики должно быть определяемо только изнутри интертекстуального пространства. В идеале – это собственная читательская позиция, перетекающая согласно интересу чтения-видения и сопровождающая движение нашего взгляда на образы текста в качестве лишь дополнения к самой игре смыслов. Тогда мы можем определить место критика не как режиссера этого внутреннего театра, а как критического зрителя, целью которого является прояснение собственного взгляда. Критика сопровождается конструированием образа автора, критика внимательно следит за возникновением текста-объекта, являясь по сути не «признающей» инстанцией, но одним из агентов внутри признанности. Вообще, сама ее возможность подчинена тому единому процессу, в котором выражается полная игра чтения-видения-постижения.

Таким образом, проблема интертекстуальности становится не проблемой прояснения смысла, но проблемой его расширения. Если что-то становится понятным, то это понимание уже никогда не повторяется, оно либо преобразуется в новое выражение, либо изменяется само понимание, соответственно новой ситуации. Понять нечто новое – это изменить видение всего, что видилось и понималось ранее.

Это говорит нам о том, что понимание действует по аналогии с видением, и, так же, как изменение точки зрения меняет видение объекта в целом, каждый элемент которого видится теперь иначе, так и изменение смысловой «точки» понимания меняет смысловую картину в целом, не оставляя не измененным ни один элемент из прошлого. Смысл интертекстуального включения, в том числе критического, в постоянном движении смыслопорождения и расширения универсума значений, в бесконечной коммуникации и взаимооценивании. Ценность человеческого вообще понимается тогда как ценность любого действия, рассматриваемого в единстве самого принципа наделения значением. Читатель – это постоянный протагонист Автора, то есть он всегда стремится занять его центральное место и в подавляющем большинстве случаев ему это удается. Как писал Р. Барт, «Идеальный текст пронизан сетью бесчисленных, переплетающихся между собой ходов, не имеющих друг над другом власти: он представляет собой галактику означающих, а не структуру означаемых: у него нет начала, он обратим, в него можно вступить через множество входов, ни один из которых нельзя признать главным... этим сугубо множественным текстом способны завладеть различные смысловые структуры, однако, их круг не замкнут, ибо мера таких систем – бесконечность самого языка» [1, с. 14]

То, что осуществилось в пространстве значений, пришло к нам из мира вещей, значение которых образовало теперь новую структуру, новый порядок мира, новое пространство, в котором и протекает наша жизнь. В этом пространстве обладают значением только те смыслы, которые являются собственными смыслами того, кто это пространство обживает. Значимость каждой новой вещи, каждого нового события требует новых значений. И весь процесс в целом предстает как порождение вещей, наделенных возрастающим смыслом как образы внутреннего пространства. И именно эта разделенность бытия вещей и наделения их смыслом позволяет нам поставить точку в чтении и выйти из текста в жизнь.

Библиографический список

1. Барт Р. SVZ. – М.: Ad Marginem, 1994. – 303 с.
2. Мерло-Понти М. Око и дух. – М.: Искусство, 1992. – 64 с.
3. Ямпольский М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. – М.: Ad Marginem, 1993. – 464 с.

Львов Александр Валерьевич

Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Email: av_lyvov@mail.ru

СПЕКУЛЯТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ И СОФИСТИКА

Аннотация: На материале книги К. Мейясу «После конечности» ставится вопрос о софистическом характере представленной в ней аргументации, а также о необходимости переосмысления сущности софистики.

Ключевые слова: метафизика, софистика, контингентность.

Lyvov Alexandr Valerevich

PhD (Philosophy), Associate Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SPECULATIVE REALISM AND SOPHISTRY

Abstract: The article raises a question on sophistical type of argumentation in the book "After Finitude" by Q. Meillassoux, and on necessity of rethinking a point of sophistry.

Keywords: metaphysics, sophistry, contingency

Как принято полагать, Аристотель примиряет философию и софистику. Представленная как заблуждение или ошибка, софистика выводится из парменидовско-платоновской онтологии и теряет самостоятельную сущность, оказываясь вне какой бы то ни было онтологии. Проведенное Аристотелем семантическое различие суждений и вещей («первых сущностей») позволяет ему легко расправляться с оппонентами («софистами и диалектиками»), чему посвящены первые четыре книги «Метафизики». Мощным оружием в этой полемике становится принцип непротиворечия. Философское рассуждение формируется в рамках противоположащих пар «возможного/невозможного», «существующего/несуществующего» и т.п., что изложено им в упоминаемом «перечне противоположностей» («Метафизика», 1004 а) [1, с. 121]. Софист более не представляет угрозы ни для философии, ни для бытия, т.к. лишен своего укрытия, — «темноты небытия» («Софист», 254 а) [4, с. 388], — скрываясь в которой только и имел силу. Таким образом, в аристотелевском «оправдании» софистики скрыта не просто критика, а более того, тонкая процедура исключения софистики из философского дискурса, производимая семантическими средствами: «Если же (возражающий против нас) ничего не высказывает, то было бы смешно искать доводы против него, ведь такой человек подобен ребенку» («Метафизика», 1006а, 15) [1, с.126]. Абсолютизируя свой принцип, он отказывается рассматривать софистику как альтернативную онтологию, когерентность против контингентности. Софистика превращается в нефилософскую дискурсивную практику о несуществующем.

Платон видел в софисте философского двойника, подражателя. Аристотель же догматически не допускает существования таких «совсем других» (другое в качестве «иного» у Аристотеля рассмотрено в нескольких смыслах). Обе позиции, по К.Мейясу, оказываются реалистическими, т.к. претендуют на мыслимость мира без «моего» мышления о мире, т.е. познание того, что не дано ни в качестве факта, ни в качестве опыта. Чего им не хватает, так это Абсолюта, сущность которого так же не зависит от «моего» мышления о нем. И Платон, и Аристотель образцовые метафизики, абсолютизирующие сущности. В общем же, метафизической является абсолютизация самой необходимости существования какой бы то ни было сущности. А это есть вариант формулировки принципа достаточного основания, — «ни одно явление

не может оказаться действительным, ни одно высказывание истинным без достаточного основания» [2, с. 418], – который олицетворяет догматизм в философии. Спекулятивный принцип фактуальности, предлагаемый К. Мейясу, олицетворяет попытку недогматического (неметафизического) осмысления абсолюта. Онтологическая необходимость контингентности, таким образом, исключает действие принципа достаточного основания.

Здесь мы предлагаем к обсуждению простой вопрос: не является ли представленная попытка осмысления контингентности софистическим демаршем? И далее, за последние десятилетия, когда современная философия показывает значительные результаты, не следует ли удерживать во внимании и софистику, но не просто как альтернативу философии, или определенный дискурс. Не является ли софистика вариантом мышления, монополию на которое объявила философия?

Библиографический список

1. Аристотель. Метафизика // Собр. Соч в 4-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1976. – С. 63–368.
2. Лейбниц Г.-В. Монадология // Соч. в 4-х т. Т.1. – М.: Мысль, 1982. – С. 413–429
3. Мейясу К. После конечности. – Екатеринбург, Москва: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
4. Платон. Софист // Сочинения в 4-х т. Т.2. – Санкт-Петербург: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – С. 329–412.

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

POLITICS AND GEOPOLITICS OF THE ERA OF INFORMATION SOCIETY

Багнюк Виталий Евгеньевич

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: VIT1207@ gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ – ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В статье дается краткая характеристика основных теоретико-методологических подходов в современной геополитике. Отдельное внимание уделяется изучению геополитических конфликтов в современной геополитической теории.

Ключевые слова: геополитика, геополитический конфликт, критическая геополитика, неоклассическое направление.

Bagnyuk Vitaly Evgenievich

PhD Student

St. Petersburg State University

STUDY OF CONFLICTS IN MODERN GEOPOLITICS – BASIC THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

Abstract. The article gives a brief description of the main theoretical and methodological approaches in modern geopolitics. Special attention is paid to the study of geopolitical conflicts in modern geopolitical theory.

Key words: geopolitics, geopolitical conflict, critical geopolitics, neoclassical direction.

Современная геополитика отличается высокой динамикой и большим разнообразием своих теоретических подходов [1, с. 199–215]. В современной геополитической теории выделяются два направления: неоклассическое направление и критическая геополитика. Неоклассическое направление во многом продолжает и развивает с учетом изменившихся международных реалий классические геополитические идеи.

Вторым направлением, возникшим под влиянием постмодернистской философии, является критическая геополитика. Данное направление осуществляет деконструкцию существующих представлений о геополитике, критикует классическую геополитическую традицию и предлагает новое понимание геополитики.

Современные концепции Збигнева Бжезинского [2], Сола Козна, Самуэля Хантингтона, Маккабина Оуэнса, Конрада Дика формируют собственные геополитические модели с учетом колоссальных изменений геополитической картины мира в XX веке. Географический фактор продолжает играть центральную роль, но кроме него в поле зрения неоклассического направления попадают новые факторы. Так, американский геополитик Маккабин Оуэнс утверждает в геополитике скорее технологический, чем географический детерминизм, говоря о том, что, например, изменение в двигателях от паруса к углю, от нефти к ядерной энергетике изменили геополитический ландшафт так же, как и развитие железных дорог [3].

Отдельным актуальным направлением в современной геополитике является геоэкономика, изучающая взаимосвязь географических факторов с экономической деятельностью акторов международных отношений [4].

После создания ядерного оружия и средств его доставки многие эксперты стали говорить о конце геополитики. Затем глобализация, развитие информационных технологий и создание киберпространства как бы стерли границы, что ставило под сомнение сам концепт территориальности.

В это связи неоклассическое направление в геополитике исходило из того, что технический процесс действительно меняет значение географического фактора, но не отменяет его полностью. Соответственно ученые-геополитики должны изучать влияние географического фактора на политику в реалиях современного мира.

Таким образом, современная геополитика не должна ассоциироваться только с географическим детерминизмом; она все же основывается на предположении, что география определяет возможности и пределы в международной политике: государства могут реализовать свои геополитические возможности, а могут стать жертвами своего геополитического положения. Следовательно, геополитика не статична, а вполне способна к динамическому развитию, отражая международные реалии и мировую структуру власти, возникающей в результате взаимного влияния географии, технологий и экономического развития.

В конечном итоге геополитика утверждает некоторые стратегические императивы внешней политики, тем самым обеспечивая руководство для достижения стратегической эффективности. Неоклассическое направление не предлагает новой дефиниции понятия «геополитический конфликт», но вносит новые факторы в причинную обусловленность геополитических конфликтов.

Критическая геополитика, отстаивая тезис о дискурсивной сущности геополитических проектов, утверждает, что в интеллектуальных концепциях и построениях, носящих геополитический характер в том или ином виде, предлагается некоторая модель мироустройства, географическое представление о мире, в центре которого находится страна или организация, представляемая авторами геополитических проектов [5]. При этом данная модель в сфере практической политики может вступать в конфликт с аналогичной практикой и представлениями о мировом устройстве других стран и народов. То же самое можно сказать и о формальных геополитических рассуждениях ученых и мыслителей. Например, если сравнить геополитические работы таких геополитиков, как Збигнев Бжезинский и Александр Дугин, можно выделить некоторые общие подходы в их представлениях о мировой политике. Кроме этого, так как в центре работ как Бжезинского, так и Дугина находится тема установления контроля над Евразийским континентом, можно также проанализировать и выявить ключевые географические районы, которые с точки зрения указанных деятелей являются зонами вероятных конфликтов. Затем, вероятно, следует изучить конкретные политические действия двух стран в данных географических районах, официальные заявления политических деятелей или, например, стратегические документы, касающиеся внешней политики.

Таким образом, нас как исследователей должна интересовать корреляция между особенностями изображения пространства профессиональными геополитиками и реальной геополитической практикой. С точки зрения критического подхода, геополитические конфликты фактически представляют собой форму дискурса, в ходе которого происходит столкновение различных геополитических представлений.

При этом конфликт может развиваться на различных уровнях. Это могут быть формальные геополитические высказывания политических лидеров, отдельные стратегические доктрины и документы, которые также могут пересекаться с интеллектуальными конструкциями и моделями государственных стратегов. Отдельной темой являются геополитические представления отдельных групп гражданского общества.

В результате современные геополитические конфликты могут протекать в различных формах. Перемещение войск на стратегической карте, переговоры о принадлежности какой-либо территории, введение санкций, информационные войны, непосредственные военные и вооруженные конфликты. Все это рассматривается критической геополитикой как проявление конфликтотенного дискурса. Например, Карибский кризис 1962 года и сопровождавшую его блокаду острова Куба можно рассматривать как способ общения, как язык, на котором разговаривали лидеры СССР и США. Современный конфликт в Украине и последующий за ним «обмен» санкциями между Российской Федерацией и странами Европейского Союза вместе с США в СМИ и общественно-политическом дискурсе представляется как геополитический конфликт между Россией и «Западом».

Библиографический список

1. Исаев Б.А. Геополитика и геостратегия. Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 458 с.
2. Бжезинский Збигнев. Великая Шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы – М.: Астрель, 2013. – 702 с.
3. Owens M.T. Geopolitics, Con and Pro. / Foreign Policy Research Institute. URL: <http://www.fpri.org/articles/2015/03/geopolitics-con-and-pro>. (дата обращения. 04.09.2020).
4. Luttwak E. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict: Grammar of Commerce // The National Interest. – 1990. – № 20. – Pp.12–34.
5. O'Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy // Political geography. – 1992. – Vol. 11. – № 2. – Pp. 190–204.

Билаш Мария Игоревна

Бакалавр политологии

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: mibilash@bk.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ 2019 ГОДА В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Аннотация. Проведен анализ освещения экологических протестов 2019 года в российских СМИ, его влияние на формирование общественного мнения, отношение СМИ к протестным акциям.

Ключевые слова: экологические протесты, активисты, экология, СМИ, контент-анализ.

Bilash Mariia Igorevna

Bachelor (Political Science)

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

REFLECTION OF ENVIRONMENTAL PROTESTS IN 2019 IN ELECTRONIC MEDIA: EXPERIENCE IN CONTENT ANALYSIS

Abstract. The article analyses of the coverage of environmental protests in 2019 in the Russian mass media, its impact on the formation of public opinion, the media's attitude to protest actions.

Keywords: environmental protests, ecology, activists, mass media, content analysis.

В 2019 году Россию охватила волна экологических протестов, покрывшая практически всю карту страны. В значительной степени недовольства в России вызвали «мусорная реформа», вступившая в силу 1 января 2019 года; постройка мусорного полигона рядом со станцией Шиес в Архангельской области, берущая свое начало еще в 2018 году, и возведение храма Святой Екатерины на месте сквера в Екатеринбурге.

Данная тема получила достаточно широкое освещение в средствах массовой информации, которые в современном мире являются основным источником данных, способом построения и осуществления коммуникации.

Освещение экологических протестов в средствах массовой информации, как и любых протестных движений, имеет огромное значение. Смысловая нагрузка сообщений, их объем и место, занимаемые в общем потоке информации, использование манипуляторных тактик, литературных и стилистических приемов помогает в восприятии и формировании общественного мнения по данному вопросу.

Было проведено исследование при помощи контент-анализа электронных версий средств массовой информации: портал газеты федерального значения «Независимая газета», сайты региональных СМИ Архангельской и Свердловской области и такой известный электронный ресурс как «Медуза» за 2019 г.

Электронный портал «Независимой газеты» достаточно слабо отражал экологические протесты за период с 1 января по 31 декабря 2019 года. Это, вероятно, вызвано иными приоритетами газетных изданий на тот момент: внешняя политика или проблемы Украины. «Независимая газета» разместила на сайте 34 статьи по экопротестам, что является незначительным показателем для новостного портала выпускающего более 30 сообщений в день. В статьях представлены экологические протесты на территории Российской Федерации, стран Европы и СНГ. Часть корреспондентов пишут статьи с позиции протестующих, другая – с позиции власти, в некоторых статьях ощущается сочувствие к митингующим и желание им помочь [1].

В региональных электронных ресурсах ситуация обстоит иначе. В целом, изученные региональные СМИ активно освещали экологические протесты.

Региональные средства массовой информации в Екатеринбурге и Свердловской области отдавали предпочтение двум из трех сторон конфликтной ситуации вокруг сквера: властям и активистам. Третью сторону, РПЦ, в ряде статей не упоминают, таким образом уменьшая причастность церкви к данному вопросу и акцентируя внимание на других участниках. Результаты исследования выявили, что сайт телеканала «Екатеринбург-ТВ», лидирующий по общему количеству статей, 79 материалов по экологическому протесту, в своих текстах поддерживает протестующих, сочувствует их задержанию и даже организовал сбор денежных средств для обеспечения необходимым задержанных граждан. Сайт телеканала отражает события достаточно нейтрально. Власть, граждане и меры наказания выступают как основные темы сообщений на портале, а действия протестующих расцениваются, как сохранение зеленой территории и борьба населения с властными структурами [2].

Похожей точки зрения придерживается портал Екатеринбурга — «66.ru». Данный сайт ориентирован, в основном, на молодежь, поэтому авторы статей свое внимание уделяли идентичным блокам. В своих материалах корреспонденты поддерживают защитников сквера, действия власти, особенно мэра города и губернатора области, воспринимаются ими с легкой насмешкой. Власть не понимает суть протестов жителей города, ищет антирелигиозный подтекст [3]. Похожую оценку авторы статей дают РПЦ, отмечая, что мнение граждан не учитывается при строительстве храма.

Сайт газеты «МК - Урал. Свердловская и Курганская область» традиционно занимает позицию власти, отношение издания к протестующим носит противоположный характер, чем у двух других источников [4]. Действия властей описывает с положительной точки зрения, авторы оправдывают их реакцию, а действия митингующих граждан называют радикальными и провокационными. Протестные акции, по мнению авторов портала, носят политизированный характер, вопрос о защите сквера и зеленых территорий города отодвигается на второй план. Особо хорошо это заметно в сообщениях, посвященных задержанию, потому что показана только одна точка зрения: со стороны следствия [5].

Во всех трех источниках особенно отмечаются противостояние мэра города Екатеринбурга А. Высокинского с губернатором Свердловской области Е. Куйбашевым. В «МК - Урал. Свердловская и Курганская область» больше внимания изданием уделено действиям мэра города, его решению вопроса со сквером и взаимодействию с активистами. Таким образом, можно предположить, что симпатии властных структур находятся на стороне А. Высокинского, так как издание традиционно придерживается позиции власти, особенно федеральной, [6].

Что касается СМИ Архангельской области, то там ситуация довольно интересная. В протестном движении против строительства полигона под хранение московских твердых коммунальных отходов в фокусе освещения СМИ две активные стороны: местная власть, где преобладающей фигурой является губернатор Архангельской области, и население, включающее в себя экологов и активистов.

В ходе изучения материалов: портала сайта частого независимого издания «Двина Сегодня» и сайта издательского дома «Северная неделя» было выявлено, что в источниках преобладает активная поддержка экологов и активистов. Проводятся агитации с целью пророста социально активных граждан и призыва выступать на стороне противников стройки полигона [7]. У авторов проявляется сочувствие к протестующим, они стараются высказать свою поддержку. Основными причинами такого сильного протестного движения выступают нежелание власти слушать жителей области, попустительское отношение к акциям митинга, фигура губернатора, выставленная в статье в самом негативном свете [8].

Последним изучаемым источником является «Медуза», где общее количество статей равно 85, что больше, чем освещение экологических протестов на портале «Независимая газета», но география протестов не так широка.

«Медуза» предоставляет информацию по экопротестам, происходящим только на территории Российской Федерации, в то время как остальные источники затрагивают митинги в странах Европы и СНГ. Однозначного отношения к протестным явлениям «Медуза» не имеет, позиция постоянно меняется и сложно уследить за ходом мыслей авторов [9].

Таким образом, в результате исследования можно сделать вывод, что экологические протесты освещены не в полном объеме, часть дается поверхностно, а отношения к протестным акциям колеблется от негативной критики до полной поддержки. Данный вывод возможно связать с традиционной низкой активностью граждан и отсутствию популярности освещения темы экологических протестов.

Библиографический список

1. Гармоненко Д. Протестная активность продолжает зеленеть // Независимая газета. – URL: https://www.ng.ru/politics/2019-12-05/1_7745_green.html (дата обращения 05.10.2020).
2. Войнакова М. Защитники сквера в Екатеринбурге привлекут на свою сторону экспертов // Екатеринбург-ТВ. – URL: https://ekburg.tv/novosti/obshchestvo/2019-05-26/zashhitniki_skvera_v_ekaterinburge_privlecut_na_svoju_storonu_ehkspertov (дата обращения 04.10.2020).
3. Александр Высокинский отвечает, как мэрия будет решать конфликт со сквером у Драммы. Текстовый онлайн // 66.ru. – URL: <https://66.ru/news/society/221729/> (дата обращения 04.10.2020).
4. Маерский М. «Защитники сквера» наносят новый удар // МК - Урал. Свердловская и Курганская область. – URL: <https://eburg.mk.ru/social/2019/05/22/zashhitniki-skvera-nanosyat-novuyu-udar.html> (дата обращения 05.10.2020).
5. Евстафьев Д. В Екатеринбурге проходят обыски по делу о беспорядках в сквере у Драмтеатра // МК – Урал. Свердловская и Курганская область. – URL: <https://eburg.mk.ru/incident/2019/07/12/v-ekaterinburge-prokhodyat-obyski-po-delu-o-besporiyadkakh-v-skvere-u-dramteatra.html> (дата обращения 11.09.2020).
6. Рошин И. Мэр назвал отказ епархии от «Храма на Драмме» мужественным поступком // МК – Урал. Свердловская и Курганская область. – URL: <https://eburg.mk.ru/social/2019/06/16/mer-nazval-otkaz-eparkhii-ot-khrama-na-drame-muzhestvennym-postupkom.html> (дата обращения 12.10.2020).
7. Козицына О. В Северодвинске состоялся массовый пикет против мусорных планов властей // Северная неделя. – URL: https://vdvsn.ru/articles/society/v-severodvinske-sostoyalsya-massovyy-piket-protiv-musornykh-planov-vlastey/?sphrase_id=1450723 (дата обращения 15.10.2020).
8. Губернатор Игорь Орлов: «Шиес — богом созданное место, чтобы там строить что-то серьезное» // Двина Сегодня. – URL: <http://dvinatoday.ru/obshchestvo/gubernator-igor-orlov-shies-bogom-sozdannoe-mesto-chtoby-tam-stroit-cto-to-seryeznoe/> (дата обращения 15.10.2020).
9. Перцев А. В 2019 году Москва регулярно идет на уступки протестующим. Кто это решает и почему? И какие протесты Кремлю кажутся по-настоящему опасными? // Медуза. – URL: <https://meduza.io/feature/2019/06/19/v-2019-godu-moskva-regulyarnoidet-na-ustupki-protestuyuschim-kto-eto-reshaet-i-pochemu-i-kakie-protesty-kremlyu-kazhutsya-po-nastoyaschemu-opasnymi> (дата обращения 08.05.2020).

Буцикова Елена Алексеевна

магистрант

Южный федеральный университет

Email: bucikova@sfedu.ru

«МЯГКАЯ СИЛА» В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕДИА-ИНСТРУМЕНТЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. В статье проводится обзор медиа-инструментов, используемых для применения концепции «мягкой силы» в геополитических целях. Автор рассматривает особенности и характерные черты СМИ при форматировании общественного сознания, выявляет конкретные примеры политического медиа-манипулирования.

Ключевые слова: медиа, СМИ, мягкая сила, геополитика.

Butsikova Elena Alekseevna

Graduate student

Southern Federal University

SOFT POWER IN MODERN INFORMATION SOCIETY: MEDIA TOOLS IN GLOBAL POLITICS

Abstract. The article gives an overview of the media tools used to apply the concept of soft power for geopolitical purposes. The author examines the features and characteristics of the media when formatting public consciousness, identifies specific examples of political media manipulation.

Keywords: media, mass media, soft power, geopolitics.

В XXI веке взаимопроникновение культур разных стран значительно возрастает. Эти интеграционные процессы, известные как «глобализация», существенно повлияли на правила игры в международных отношениях. В этих условиях политика давления проигрывает политике убеждения. На первый план выходят имиджевые проблемы государства и её статуса в политическом пространстве.

И хотя государства современного мира отказываются от применения силы, они не отказываются от задачи достижения своих национальных интересов. Информационные процессы в современном обществе играют важнейшую всепроникающую роль во всех сферах жизни людей. Поэтому на данный момент все «боевые» операции переносятся в конференц-залы международных организаций, сайты и страницы мировых медиа.

Понятие «мягкая сила» было определено в 1990 году американским политиком и специалистом по международным отношениям Джозефом Наем в произведении под названием «Призвание к лидерству: меняющаяся природа Американской мощи» [см.: 1]. Автор определил три элемента – 1) культуру; 2) ценности; 3) внешнюю политику, с помощью которых страна может оказывать влияние.

Медиа занимают самую главную позицию в конструировании массового сознания и общественного мнения. Изначально имеющие функцию непосредственного распространения информации, т.е. передачи её от одного источника многим получателям, СМИ в настоящий момент являются самостоятельными акторами мировой политики [см.: 4]. Медиа являются основными каналами манипуляторных и пропагандистских приёмов информационных спецслужб. Таким образом, медиа «форматируют» общественное мнение под конкретные геополитические задачи.

Современные средства массовой информации не ограничиваются местным или национальным пространством и аудиторией, выступая в качестве действующих лиц современного мира [см.: 2]. CNN, BBC, Al-Jazeera, Russia Today, Euronews являются

не только инструментами влияния мировых держав, но и оказывают большое влияние на мировое массовое сознание, национальную и мировую политику.

Действия медиа как инструментов «мягкой силы» включают в себя: 1) прогнозирование политической деятельности властей, включая их инициирование и коррекцию; 2) форматированное информирование внутренней и внешней общественности в «выгодном» ракурсе; 2) манипулирование и убеждение граждан; 3) развлечение общественности, отвлечение населения от проблем и турбулентных явлений во внутренней и внешней политике.

Важно отметить, что медиа как инструменты «мягкой силы» пропагандируют государственную идеологию, навязывают собственные культурные ценности, модели поведения и мышления, деморализуют противника, формируют общественное мнение о внешней политике государства и т.д.

Конкретными примерами основных способов представления информации, с помощью которых медиа достигают необходимой цели, являются: искажение реальности; отображение фрагмента реальности, вырванного из контекста; интерпретация реальных событий с точки зрения определенных политических сил или заинтересованных сторон; прогнозирование развития событий, предвидение угроз; подавление фактов. В то же время важно отметить, что все политические события выбираются для конкретной задачи, в частности для выполнения политического заказа ведущих мировых держав, распространения их мировоззренческих стандартов и т.д.

В современном информационном мире атрибутом мировых международных отношений и политических процессов, «мягкой силой», определяющей победителя в конфликтах 21 века, являются информационные войны. Эффективность медиа развивающихся стран в мировой политике крайне низка, о чем свидетельствуют провальные информационные кампании в конфликтах с Западом, а также стремление создать собственные медиа с альтернативной повесткой дня. В то же время следует отметить, что это скорее эффект вещания на зарубежные страны, в отношении российской медиа аудитории ситуация складывается более благоприятно. Таким образом, освещение международных конфликтов в медиа России и западных стран создает разные образы мира и разные идентичности «чужих» и «своих» [см.: 3]. Российское общество в целом отдает предпочтение российскому информационному образу мира.

Сегодня присутствие медиа в мировой политике включает интернет-сообщества и социальные сети, что позволяет им массово влиять на мировое сообщество, используя не только линейные информационные каналы, но и вовлекая широкую общественность разных стран в процесс обсуждения актуальных мировых проблем. Бесспорно, такого рода системные и комплексные воздействия могут оказать значительное влияние на процесс принятия политических решений в рамках мировой политики.

Библиографический список:

1. Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004. – 191 p.
2. Зегонов О. В. Роль «глобальных» СМИ в мировой политике. Автореф. дис. на соискание уч. степени кандидата политических наук. – М., 2009. – 30 с.
3. Николайчук И. А. Политическая медиаметрия // *Зарубежные СМИ и безопасность России*. – М.: РИСИ, 2015. – 230 с.
4. Фокина В. В. СМИ как акторы мировой политики // *Вестник МГИМО-университета*. – 2013. – № 1 (28). – С. 61–65.

Васильева Юлия Денисовна

Бакалавр политологии

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения

Email: Vasilyeva.julia.denisovna@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Анализ специфики функционирования социальных сетей в политическом процессе и рассмотрение конкретной политической деятельности в различных социальных сетях.

Ключевые слова: социальная сеть, партия, электорат, краудсорсинг.

Vasilyeva Julia Denisovna

Bachelor (Political Science)

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SPECIFICS OF SOCIAL NETWORKS FUNCTIONING IN THE POLITICAL PROCESS

Abstract. Analysis of the specifics of the functioning of social networks in the political process and consideration of specific political activities in various social networks.

Keywords: social network, party, electorate, crowdsourcing.

Социальные сети можно смело назвать инструментом политической власти не только в Российской Федерации, но и во всём мире. В социальных сетях пользователи знакомятся с политическими деятелями, лидерами государств, представителями оппозиционных сил. Молодежи это дается проще, так как она наиболее открыта для новой информации и знакомств [5]. Сейчас каждая партия имеет свое сообщество в социальных сетях и у всех есть определенные задачи [6, с. 132–134]. В нашем случае – это:

- создать положительный имидж партии;
- проанализировать общественное мнение и аудиторию в социальных сетях;
- вести открытый диалог и иметь обратную связь с пользователями;
- продвигать кандидата на выборах, создав ему определенный имидж;
- собрать статистику политического сообщества для построения предвыборной кампании;
- политически воспитать пользователей.

Для всех этих задач социальная сеть является идеальной платформой, так как ежедневно количество новых пользователей растет, а вместе с ним растет и уровень заинтересованности в политической деятельности.

Существует такое понятие, как «краудсорсинг» (от англ. crowdsourcing, crowd - толпа и sourcing - использование ресурсов) [4]. Оно используется в различных сферах человеческой деятельности, но я рассмотрю его применение в политике. Его можно рассматривать как метод сбора полезных концепций и инициатив непосредственно из социальных сетей. Краудсорсинг довольно быстро стал популярен среди политических деятелей, которые нашли ему применение в своей деятельности для создания краудсорсинговых проектов с различными целями и задачами, но с одной главной идеей – предоставить избирателям право выбора и стать частью глобальной работы [1, с. 31-39].

Так, в 2013 году премьер-министр Австралии Кевин Радд, избираясь в парламент, привлек пользователей социальных сетей к разработке слогана и футболок своей предвыборной кампании. Он обратился к помощи своих избирателей,

поскольку традиционные методы привлечения электората оказались неэффективными. Он просмотрел все 405 предложений избирателей и выбрал подходящие варианты. Это привлекло внимание к его политической кампании и помогло ему переизбраться на высший пост в стране.

В настоящее время краудсорсинг применяется в пяти направлениях практической политики.

1. Использование социальных сетей. Например, конституционная комиссия Исландии во время принятия новой конституции принимала предложения граждан через такие социальные сети как «Twitter» и «Facebook» и стала первой страной, где основной закон был создан с помощью краудсорсинга.

2. Сбор денежных пожертвований. Многие политики пользуются краудфандинговой площадкой под названием «Fundly», привлекая пожертвования для своей предвыборной кампании. Ее особой чертой считается высокая степень интегрированности с социальными сетями.

3. Создание политического имиджа. В своей избирательной кампании Барак Обама работал совместно с компанией «Artworks», предоставляя возможность создать плакаты на тему, приуроченную к увеличению рабочих мест в США. Три лучших плаката были подписаны лично Обамой, а копии проданы, чтобы заработать для предвыборной кампании дополнительные денежные средства.

4. Влияние населения на топонимику. В США в 2012 году в честь президента Билла Клинтона и выдающегося политика Хиллари Клинтон был переименован аэропорт штата Арканзас, родины четы Клинтон. В 2019 году в России были переименованы в честь выдающихся личностей 44 аэропорта с помощью всероссийского общественного голосования. Инициатором этого выступили: Русское географическое общество, Российское историческое общество, Общество русской словесности и Российское военно-историческое общество.

5. Усиление помощи населению, находящемуся в кризисе. Например, южноафриканская политическая краудсорсинговая партия «Agang South Africa», созданная активисткой Мамфелой Рамфеле, поставила себе одной из главных целей «восстановление страны» [2].

Всё большее число политиков прибегает к краудсорсингу как к способу прямого воздействия на избирателей, и социальные сети позволяют делать это эффективно. В Финляндии краудсорсинговые методы работы введены на официальном уровне.

Основной политической особенностью социальных сетей является возможность сплочения их участников. Каждое из многомиллиардных сообщений и постов не является влиятельным или авторитетным, но как только пост набирает определенное количество комментариев, обсуждений и репостов (транслирование поста на свою личную страницу) других пользователей, мнение его автора становится сильной основой для возможных дальнейших социально-политических действий.

Для предотвращения роста заинтересованности в сообщении необходимо постоянно мониторить ситуацию и быть готовым действовать оперативно, в случае какого-либо массового конфликта, способного выйти за пределы социальных сетей.

По моему мнению, в ближайшем будущем конфликты, вырастающие в социальных сетях, станут таким же обычным явлением, как митинги и публикации в СМИ.

Социальные сети предоставляют возможность анализировать настроения в обществе и волнующие темы через посты, медиа-материал, и сообщения. Здесь действует принцип: «владеющий информацией – имеет власть».

Для распространения официальной актуальной государственной информации в социальных сетях создаются аккаунты с подтвержденным официальным статусом. Например, «kensingtonroyal» - страница королевской семьи Великобритании в сети «Instagram». Вся информация, которая появляется в этом и других аккаунтах, принимается пользователями за безоговорочную истину [3].

Социальные сети помогают найти сторонников для политических деятелей. Их правильно построенная презентация способна сформировать объективное мнение о себе и своей работе. Общение с пользователями, в удобной для них форме воспринимается для них максимально легко, что способствует проявлению интереса к политике и в дальнейшем. Но только правильно подобранный метод общения с аудиторией, понимание специфики социальной сети и верно подобранная образованная команда помощников могут в полной мере обеспечить выполнение поставленных целей и задач политика.

Сегодня социальные сети признаются как квазиполитические объединения людей. Марк Смит и Питер Коллок предположили, что люди становятся пользователями социальных сетей по трём основным причинам, а именно.

1. Надежда на выгодное сотрудничество для обеих сторон. Ведь пользователь всегда заинтересован в полезной для него информации, это является стимулирующим фактором для возможного сотрудничества. Предоставив нужную информацию, пользователь с наибольшей вероятностью внесет ответный вклад в виде, например, прохождения какого-либо опроса. Здесь важно не перегрузить пользователя большим объемом текста и избытком научных терминов;

2. Улучшение своей позиции в близком кругу. Если пользователь регулярно использует материалы политического сообщества, пересылая их своим знакомым или показывая всем на своей странице с помощью репоста, постепенно его имидж улучшается;

3. Чувство полезности [7, с. 52–62]. Регулярно принимая участие в жизни политического сообщества в социальных сетях, пользователь начинает чувствовать себя как его полноценный член.

Библиографический список

1. Мирошниченко И.В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике: российский опыт и зарубежные практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – Т. 4, Кн. 6. – С. 31–39.

2. Agang South Africa. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Agang_South_Africa (дата обращения 15.05.2020)

3. Kensingtonroyal. URL: <https://www.instagram.com/kensingtonroyal/> (дата обращения 15.05.2020)

4. Краудсорсинг. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Краудсорсинг> (дата обращения 15.05.2020)

5. Перспективы использования социальных сетей для политического продвижения. URL: <http://blog.greensmm.ru/?p=98> (дата обращения 15.05.2020).

6. Исаев Б.А. Современное состояние теории партий и партийных систем// Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – С.128–140.

7. Smith M., Collock P (Ed.). Communities in Cyberspace. – London: Routledge. 1999. – 336 p.

Гурбатов Тимур Алиевич

Бакалавр политологии

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; Генеральный директор ООО «Гранд Эвент»

Email: gurbatovtimur@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Аннотация. Проанализированы теории и методологические подходы, применяемые при исследовании партийно-политической системы России. При применении системного метода партийно-политическая система как предмет исследования вписывается в систему «общество – государство», выступающую в данном случае как объект исследования. Методология исследования партийной системы России должна базироваться на таких основаниях, как: концепция истории партийного генезиса, выдвинутая И. Блюнчли, теория партийных расколов С. Липсета и С. Роккана, теория поляризации партийных систем Дж. Сартори, концепция связи темпов расширения избирательного корпуса и организационного развития политических партий и некоторых других.

Ключевые слова: теории, методологические подходы, концепции, исследование партийно-политической системы России.

Gurbatov Timur Alievich

Bachelor (Political Science)

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation; CEO of Grand Event Ltd.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FUNDAMENTALS OF FUNCTIONING OF RUSSIA'S PARTY-POLITICAL SYSTEM

Abstract. Theories and methodological approaches used in the study of the party-political system of Russia are analyzed. In the application of the systemic method, the party-political system as the subject of the study fits the system "society – state", acting in this case as the object of the study. The methodology of the study of the party system of Russia should be based on such grounds as: the concept of the history of party genesis, put forward by I. Blinchley, the theory of party splits of S. Lipset and S. Rokkan, the theory of the polarization of the party systems of J. Sartori, the concept of linking the pace of electoral expansion and organizational development of political parties, etc.

Keywords: theories, methodological approaches, concepts, research of the party-political system of Russia.

Для того, чтобы лучше понять суть методологических основ функционирования партийно-политической системы, необходимо систематизировать основные теории, концепции, которые очень важны для исследования партийной системы России. Главным отличием разных подходов партологии (философского, исторического, социально-психологического, социально-экономического, политического) является объект исследования, то есть та окружающая среда, в которую исследователи «погружают» политические партии, как предмет исследования, выявляя тем самым различные пути развития различных партий, начиная с момента их образования.

С точки зрения изучения определенного партийно-политического образования, одна из важнейших идей в исследовании формирования и трансформации политических институтов и самой политической системы – это идея функционирования его как

единой системы. Самым близким объектом, то есть непосредственным окружением партийной системы выступает политическая система. Действительно, трудно представить функционирование партийной системы без должного влияния на нее всех политических институтов, составляющих политическую систему: ведь сама партийная система, другими словами, совокупность партий данной страны, является составной частью системы политической [1, с. 263–265; 2, с. 135–138]. Более отдаленным объектом для партийно-политической системы, но оказывающим на ее функционирование немалое влияние, выступают все значимые процессы, протекающие в государстве и гражданском обществе (экономический, социальный, культурный), а также состояния самого общества (мирное поступательное развитие, состояние войны, кризиса, экономической депрессии, этнического мира или различных конфликтов) [3, с. 46–51].

Политическая система даже без изменения конституции может функционировать в разных режимах, которые дают варианты использования ее возможностей, порядка взаимодействия ее институтов и учреждений, предоставляя свободу тем ее отдельным частям. Демократическая политическая система может функционировать в демократическом, либерально-демократическом, социально-демократическом, консервативно-демократическом, демократическо-авторитарном, авторитарно-демократическом и иных режимах. Каждый из режимов создает свои собственные условия функционирования партий и партийно-политической системы в целом [4, с. 89–91].

Методология исследования партийной системы России базируется на следующих теориях и концепциях.

Концепция зарождения партий и партийно-политических систем как в ходе мирного, неконфликтного развития общества, так и, что более важно, под непосредственным воздействием великих революций. Эта концепция была выдвинута Алексисом де Токвилем [5, с. 144–145].

Концепция Великой русской революции, длившейся с 1905 по 1991 г., оказавшей непосредственное воздействие на зарождение и весь ход партийно-политических изменений в России XIX–XX вв. и продолжающей влиять на современный российский и мировой партийно-политический процесс [6, с. 232–239].

Концепция истории партийного генезиса, выдвинутая Иоганном Блюнчли и переработанная Исаевым Б.А. [7, с. 82–99; 8, с. 8–16], согласно которой партийная история партий подразделяется на периоды доминирования партий определенной идеологической направленности, а именно: либеральный, социалистический, тоталитарный и современный, плюралистический период. В настоящее время отсутствует какой-либо определенный «восходящий» тип политической идеологии. Поэтому сегодня на равных конкурируют либеральный, консервативный и социалистический типы партий, занимающие центральную часть идеологического поля. На периферийные позиции вытеснены партии радикальных идеологий, которые либо запрещены законом (например, фашистские), либо, потеряв сторонников в конкурентной борьбе, в одних странах сошли, в других сходят с политической арены.

Теория партийных расколов Сеймура Липсета и Стена Роккана, которые выделили четыре основных конфликта, оказавших наибольшее влияние на становление определенных типов партий и партийных систем, а именно: между центром и периферией, между государством и церковью, между городом и селом, между собственниками и рабочими. Разрешение первых двух конфликтов исследователи связали с конфессиональными и национальными революциями, а преодоление конфликтов «город против села» и «собственники против рабочих» — с промышленной революцией [9].

Теория поляризации партийных систем Джованни Сартори. Под поляризацией Сартори понимает центр притяжения, состоящий из одной или нескольких партий и играющий определяющую роль в партиоуме. Для анализа партийной системы России

особенно актуальны два типа систем, описанные Сартори: система ограниченного плюрализма и система крайнего (поляризованного) плюрализма. Российская партия, с точки зрения теории Сартори, находится в промежуточном положении между крайним и ограниченным плюрализмом [10, с. 148–154].

Концепция связи темпов расширения избирательного корпуса и организационного развития политических партий.

Все эти теории и концепции, описывающие общие закономерности партийного генезиса, имели место и в России, однако проявляли себя своеобразно. Поэтому при исследовании российской партийно-политической системы следует, отталкиваясь от общих теоретико-методологических основ, обязательно вводить поправки, учитывающие российскую специфику, в том числе историю российских партий, российские традиции, образ мышления и состояние общественного сознания россиян, социально-экономические и социально-политические условия, в общем, все факторы, составляющие ближайшее окружение российской партийно-политической системы.

Библиографический список

1. Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический проект, 2000. – 558 с.
2. Исаев Б. А. Современное состояние теории партий и партийных систем // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – С. 128–140.
3. Исаев Б. А. Теоретико-методологические основы исследования партийной системы России // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. – 2015. – Т. 11, №1. – С. 46–61.
4. Исаев Б. А. Зарождение, становление и функционирование партийной системы современной России. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 1998. – 401 с.
5. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс. 1992. – 554 с.
6. Исаев Б. А. Что означает и для чего нужна концепция "Великая русская революция"? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. т. 7. № 4. с. 232–248.
7. Bluntschli J.K. Der Charakter und Geist der politischen Parteien. Norlingen: Verlag: «C.H. Beck». 1869. – 165 p.
8. Исаев Б. А. Практическая партология: генезис партий и партийно-политических систем. Учебник. СПб.: Петрополис. 2010. – 514 с.
9. Lipset S. Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment. An Introduction / Party Systems and Voter Alignment. New York: Free Press. 1967. – 64 p.
10. Sartori Giovanni, Parties and Party systems: A framework for analysis. New York: Cambridge university press. 1976. – 370 p.

Игнатьева Ирина Федоровна

Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Email: iifed@mail.ru

МИРОВОЙ ТУРИЗМ: ГЕОЭКОНОМИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Аннотация. В статье анализируются геополитические и геоэкономические аспекты мирового туризма, выявляются основные проблемы геополитики туризма как нового направления в геополитических исследованиях.

Ключевые слова: мировой туризм, геополитика туризма, гео-экономика туризма, туристские потоки.

Ignatyeva Irina Fedorovna

Doctor of Philosophy, Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

WORLD TOURISM: GEO-ECONOMICS AND GEOPOLITICS

Abstract. The article analyzes the geopolitical and geo-economic aspects of world tourism, identifies the main problems of tourism geopolitics as a new direction in geopolitical research.

Keywords: world tourism, geopolitics of tourism, geo-economics of tourism, tourist flows.

Туризм связан с перемещением человека. Перемещение людей в тех масштабах, как это происходит сегодня, превращает туризм в явление глобального масштаба, имеющего явный геополитический аспект. Сегодня много пишут о развитии у современного человека потребности к перемещению в пространстве, посещению других стран и регионов.

В классической геополитике имеет место раздел мира с помощью силы, борьба за колониальное господство. Разделение основано на геополитическом давлении: прямое давление и прямой захват. Реальная политика основывается на политике силового давления. В сегодняшнем мире силой ничего не решишь. Современная геополитика – это геополитика влияний [см.: 3, с. 235]. Геополитика связана с освоением географического пространства. Одним из способов такого освоения является туризм [см.: 1, с. 213–223]. Политические процессы, взаимодействия между государствами существенно влияют на развитие туризма. Планирование туристских процессов, осуществляемое на государственном и международном уровнях, также имеет геополитический аспект. Имеет смысл говорить о возникновении нового направления в геополитических исследованиях – геополитике туризма. Геополитика туризма изучает следующие проблемы:

- влияние международных геополитических процессов на развитие туризма;
- влияние современных геополитических факторов на развитие туристской индустрии;
- воздействие политики санкций на формирование туристских потоков;
- влияние геополитики на функционирование туристских дестинаций;
- воздействие международных туристских потоков на политику государств;
- воздействие международного туризма на социокультурные и политические процессы в мире;
- влияние международных туристских потоков на устойчивое развитие общества.

Туризм является одной из самых быстрорастущих и важных отраслей в мире и основным источником дохода для многих стран [см.: 2, с. 111–115]. Однако, как и другие формы развития, он вызывает ряд проблем, таких как проблемы сохранения

культурного наследия, экологические, социальные, экономические проблемы. В этом смысле, основные геополитические влияния туризма являются геоэкономическими.

Мировой туризм влияет на позитивные сдвиги в политике и экономике, которые в свою очередь создают успешное развитие социума, порождая стратегии, которые позволяют доминировать положительным воздействиям туризма. Прогнозируется, что индустрия туризма будет продолжать расти быстрыми темпами. Это означает, что любые негативные воздействия, вызванные туризмом, также будут возрастать, что указывает на настоятельную необходимость управления ими со стороны государственных и международных организаций. В мире есть много мест, которые подверглись существенному изменению в результате бурного роста индустрии путешествий и туризма. В большинстве случаев это произошло в отношении региональных природных ресурсов, местной экономики и коренного населения. Становятся все труднее найти области, не затронутые туризмом.

Геополитическими акторами и геоэкономическими центрами являются крупные города. Они выступают местами концентрации экономической и политической власти, научными и культурными центрами. Вместе с тем, города привлекают огромные потоки туристов. Туристов привлекает городская архитектура, культурные и исторические достопримечательности, музеи, выставки, услуги медицинского туризма, шопинг-туризма, конференц-туризма наряду с комплексным снабжением и культурным разнообразием. Города имеют различную природу, они разнообразны и универсальны с точки зрения их размера, имиджа, географического положения, роли или культурного наследия. Города – населенные пункты с широким культурным предложением для гостей, соответственно они привлекают туристов, интересующихся культурой. Разнообразие и многогранность городских зон само по себе является мотивом путешествий. В городах сосредоточены развлекательные объекты и достопримечательности, удовлетворяющие потребности, как туристов, так и местных жителей. Туристов привлекают в города те специальные функции и услуги, которые предлагаются для качественного досуга.

Города – это узлы и пункты назначения туристских потоков с функцией ворот для прибывающих и выезжающих путешественников. Число гостей, прибывающих в города, может стабилизироваться на высоком уровне также и вне туристского сезона. Мотивацией поездок является деловой туризм, связанный с экономическими целями. Города – это промышленные, коммерческие и финансовые центры, а также места получения качественных услуг. Многие визиты связаны с работой в городе (командировки, конференции, выставки и т. д.). Все это мотивирует путешествия, генерируют потребление, стимулируют межэтнические и кросс-культурные взаимодействия. Туристы посещают города в первую очередь из-за большего по сравнению с другими населенными пунктами разнообразия поставок товаров и услуг, с помощью которых можно удовлетворить самые разнообразные потребности рынка. Именно города как объекты туризма становятся центрами геополитических влияний и взаимодействий. Города – это места с высокой плотностью населения. Поколения городских жителей, различаются по этнической принадлежности, социальным характеристикам, разнообразию образа жизни и т. д. Стремление к путешествиям быстро растет, а города, обеспечивающие возможности приема туристов, привлекают большие потоки туристов, которые будут и впредь направляться в города. Согласно последним исследованиям специализированного учреждения ООН Всемирной туристской организации (UNWTO), международные туристские потоки и в 2018, и в 2019 годах продолжали расти. С января по июнь 2019 года выросли на 4% в период по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [см.: 5].

В 2020 году мир столкнулся с беспрецедентной глобальной проблемой в области социальной и экономической безопасности, связанной с пандемией COVID-19. В мире сложилась чрезвычайная экономическая ситуация. Путешествия и туризм оказались в числе наиболее пострадавших секторов экономики. В связи с пробле-

мами здравоохранения практически во всех странах мира были введены ограничения на поездки, на авиационные перелеты, были закрыты аэропорты и национальных границы, перестали работать отели, рестораны, центры развлечений, отменены выставки и массовые мероприятия. В своем ударе по туристскому сектору пандемия КОВИД-19 беспрецедентно сократила международные туристские потоки в первом квартале 2020 года. Имеющиеся данные указывают на двукратное снижение международных туристских прибытий (в первом квартале 2020 года на 22% меньше, а в марте - на 57%). Это привело к потере 67 миллионов международных прибытий и около 80 миллиардов долларов США финансовых поступлений за полгода [см.: 6]. По последним данным Всемирной туристской организации в течение всего 2020 года по сравнению с показателями 2019 года международный туризм может сократиться на 60-80%. Согласно опросу группы экспертов UNWTO, изменение ситуации начнется в 2021 году, ожидается, что внутренний спрос восстановится быстрее, чем международный [см.: 4].

Несмотря на сложности мирового кризиса, туристская отрасль не собирается отказываться от принципа устойчивости. Туризм продемонстрировал свою приверженность принципам гуманизма, ставя людей на первое место. Туристский сектор выступает за постепенный процесс восстановления экономики, призывая страны ослаблять или отменять ограничения на поездки, только когда это безопасно. Проводя беспрецедентные исследования глобальных ограничений на поездки, UNWTO поддерживает своевременное и ответственное осуществление стратегий выхода из кризиса [см.: 7].

Как мы видим из приведенных данных, развитие туризма происходит как единый глобальный процесс, тесно связанный с общемировой геополитической ситуацией. В данное время она определяется влиянием на общественную жизнь пандемии КОВИД-19. Решения правительств разных стран зависят от единой геополитической ситуации, определяющей развитие туристских потоков в это время. В связи с тем, что современная экономика любой развитой страны может быть осмысленна только в глобальной и геополитической перспективе, туризм как экономическое явление приобретает глобальный и геополитический характер. Геополитические стратегии развития туризма должны коррелировать с геополитическими и геоэкономическими стратегиями развития стран.

Библиографический список

1. Игнатъева И. Ф., Исаев Б. А. Геоэкономика как структурный элемент геополитики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 44. – С. 213–223.
2. Игнатъева И. Ф. Пространство потоков: экономический и геополитический анализ туризма // Общество. Среда. Развитие. – 2013. – № 1 (26). – С. 111–115.
3. Исаев Б. А. Геополитика и геостратегия: – М.: Юрайт, 2020. – 658 с.
4. International Tourist Numbers Could Fall 60-80% In 2020, UNWTO Reports. URL: <https://www.unwto.org/news/covid-19-international-tourist-numbers-could-fall-60-80-in-2020> (дата обращения 09.08.2020).
5. UNWTO World Tourism Barometer (English version). URL: <https://www.e-unwto.org/toc/wtobarometereng/17/3> (Дата обращения 08.08.2020). DOI: <https://doi.org/10.18111/wtobarometereng>.
6. UNWTO World Tourism Barometer May 2020 Special focus on the Impact of COVID-19 (Summary). URL: <https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/S3fs-public/2020-05/Barometer - May 2020 - Short.pdf> (дата обращения 09.08.2020).
7. 100% of Global Destinations Now Have Covid-19 Travel Restrictions, UNWTO Reports. URL: <https://www.unwto.org/news/covid-19-travel-restrictions> (дата обращения 09.08.2020).

Ирхин Юрий Васильевич

доктор философских наук, профессор

Российский государственный гуманитарный университет

Email: irkhine@mail.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КЛАССИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ В ДИСКУРСЕ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

Аннотация. Анализируются достижения и противоречия классических закономерностей и особенности современной геополитики в дискурсе «новой реальности». Автор рассмотрел новые подходы к изучению геополитики, комплексно выделил и систематизировал ее черты и свойства.

Ключевые слова: геополитика, геоэкономика, «новая реальность», цифровое общество.

Irkhin Iouri Vassilyevich

Doctor of Philosophy, Professor

Russian State University for the Humanities

COMPLEX ANALYSIS OF CLASSICAL REGULARITIES AND FEATURES OF MODERN GEOPOLITICS IN THE DISCOURSE OF THE “NEW REALITY”

Abstract. The article analyzes the achievements and contradictions of classical laws and features of modern geopolitics in the discourse of the "new reality". The author has considered new approaches to the study of geopolitics, comprehensively identified and systematized its modern features and properties.

Keywords: geopolitics, geo-economics, “new reality”, digital society.

Геополитика представляет собой разновидность, сферу, направление или курс политики (внешней, мировой, региональной), определяемой политико-территориальными интересами государств, народов, стран, других ее субъектов. Важнейшей проблемой геополитики является изучение сочетания государственной, региональной и мировой стратегии развития и безопасности в связи с анализом всего комплекса политико-географических факторов. Особую роль геополитика, – как справедливо отмечает известный российский исследователь Б.А. Исаев, – играла и продолжает играть в генезисе российского общества [см.: 1, с. 141].

Неоклассическое направление в геополитике, рассматривает ее как аналитическую дисциплину, призванную способствовать формированию государственной стратегии с учетом влияния, как географического положения, так и экономики, культуры и особенностей развития современных технологий. Да и сама идея гегемонии, которая в классической геополитике достигалась, в основном, военными средствами, в современной геополитике постепенно меняется на идею лидерства в самых разнообразных сферах [см.: 2, с. 179].

Внимание ученых в последнее десятилетие все больше обращается на роль всей совокупности географических факторов. Свой вклад в развитие теории геополитики и геоэкономики вносит деятельность государственных и представительных российских и зарубежных экспертных сообществ: Валдайский клуб, Всемирный экономический форум (Давос), Санкт-Петербургский международный экономический форум, Совет по внешней и оборонной политике РФ, Херитидж фаундейшн (США) и др. Среди актуальных геополитических теорий: этно-цивилизационные подходы; концепции национальных интересов и патриотизма (в т. ч. в духе неомодернизма); исторических

прав народов и права наций на самоопределение; глобализации и альтерглобализации (деглобализации) и др.

Существенное значение для осмысления современной геополитики имеет концепт «новой политической и экономической нормальности» («реальности»), возникший как результат анализа новых тенденций глобального развития после всемирного экономического кризиса (2008 г.), проявляющихся и в ходе нынешнего пандемического, а также структурного кризиса. Понятие *new normal* было вызвано к жизни необходимостью, объяснить природу необыкновенно долгого, стагнационного периода, характерной чертой которого явилось медленное, затянувшееся на десятилетие, амбивалентное восстановление мировой экономики. Поначалу воспринимаемый как термин чисто экономического (геоэкономического), *new normal* покрывает теперь глобальное пространство, а также несет политическое, геополитическое, социальное и даже идеологическое содержание. Можно выделить свойства и черты «новой реальности», значимые для геополитического анализа.

1. Современная глобализация в точки зрения замедления темпов мирового экономического развития стала выглядеть сначала как *слоубализация* (от *slow* – медленный). Убедительные темпы экономического роста за предыдущие 10 лет смогли показать лишь США (3%), КНР (6%), Индия (5%). Россия вышла на прирост ВВП в 2,3% лишь в 2018 г. и в 1,7% в 2019 г. Однако в 2020 г., в связи пандемией коронавируса, мировая экономика попала в невиданный за последние десятилетия кризис и упала (за исключением КНР) на 5-10% ВВП. К сожалению, можно говорить уже о *локдаунизации* (*lockdown*) экономики и общества.

2. В мировой экономике и политике сформировались уже минимум 5-6 ключевых игроков, с разными представлениями о геополитике, мировом и региональном лидерстве, политической культуре, экономическом взаимодействии и противодействии. Международное право подвергается серьезным испытаниям, как и вся система безопасности.

3. Меняется цель геополитического противодействия: от уничтожения вооруженных сил и средств производства противника к нейтрализации его современной цифровой инфраструктуры, ослепления и оглушения его цифровых сенсоров и систем управления. Геополитическая задача – путем гибридного воздействия, технологически и государственно-организационно отбросить конкурента обратно в XX век, получить доступ к его георесурсам.

4. Парадигма экономической открытости в мировой экономике сместилась в сторону жесткого протекционизма. Но если в XX в. ее основным инструментом протекционизма служили торговые барьеры в виде высоких импортных пошлин, то теперь их дополняют механизмы санкций, военно-политических угроз и др. Многостороннее соперничество крупных центров силы протекает в условиях их многослойной зависимости. Происходит формирование новой, остро-протекционистской, конфликтной модели глобализации. Динамика валютных курсов, задолженность, сужение доступа к финансовым рынкам, падение курса и отток валют развивающихся стран – становятся мощными инструментами геоэкономики. Миграционные процессы влияют на геополитический ландшафт [5, с. 126].

5. Глобальная конкуренция за человеческий капитал, становится важным фактором решения стратегических, геополитических задач любой страны. Обострилась конкурентная борьба за обладание передовыми технологиями и лидерством на рынках будущего. Технологическая революция создает предпосылки для надграницного перемещения ее продуктов в любые страны и регионы мира. Те государства и корпорации, которые обеспечивают эти процессы, получили глобальное геополитическое и геоэкономическое преимущество. Увеличивается скорость внедрения алгоритмов искусственного интеллекта и робототехники, информационных манипуляций для управления геополитическими процессами. Сегодня крупнейшие по капитализации корпораций составляют цифровые компании США (Amazon, Apple, Alphabet

Facebook, Microsoft) и КНР (Alibaba, Tencent, Baidu, Xiaomi). Объем их капитализации (по нисходящей – от Amazon) составляет от 1 трлн. до 100 млрд. долл. Это результат способности концентрировать доступ к информации о глобальных интер-аудиториях и сетях пользователей, умения ее эффективно использовать в интересах обогащения и контроля [см.: 4, с. 141].

6. Очевиден рост социально-экономического неравенства, как внутри стран, так и между ними, выступающий в качестве важного фактора, напрямую влияющего на уровень социально-политической стабильности и выступающего ограничителем экономического роста [см.: 6, р. 15].

Указанные выше факторы влияют на разработку геополитических концепций и практик. Применительно к России – это обеспечение национального суверенитета, безопасности и интересов страны; качественные сдвиги в эффективности государственного управления; преодоление последствий пандемии коронавируса; выполнение задач, поставленных в Национальных программах и проектах развития страны [3, с. 3–10].

Библиографический список

1. Исаев Б. А. Геополитические эпохи развития российского государства // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2005. – Т.1. № 2. – С. 140–152.
2. Багнюк В. Е. Особенности геополитики информационного общества // Седьмая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»: тезисы докл. в 2 ч. Ч. 1. – СПб.: ГУАП, 2019. – С. 178–180.
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента России от 07.05.2018. № 204.
4. Тироль Ж. Наше цифровое будущее // Труды Вольного экономического общества России. Т. 218. – М.: Вольное экономическое общество России, 2019. – С.114–115.
5. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии // Под общ. ред. М. Е. Родионовой. – М.: Кнорус, 2018. – 370 с.
6. Lachapel G., Onate P. 2018. Borders and Margins: Federalism, Devolution and Multi-Level Governance. – Berlin&Toronto: Barbara Budrich Publishers. Opladen. – 340 p.

Исаев Борис Акимович

Доктор социологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Email: isaevboris@yandex.ru

АТЛАНТИЗМ И КОНТИНЕНТАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Аннотация. В статье анализируются атлантизм и континентализм как геополитические концепции и политические практики ведущих мировых держав. Рассматриваются взгляды ведущих теоретиков атлантистской и континенталистской концепций. Анализируется противостояние современных государств, приверженных континенталистской или атлантистской геостратегии.

Ключевые слова: континентализм, атлантизм, евроконтиненталисты, евроатлантисты, новый российский континентализм.

Isaev Boris Akimovich

Doctor of Sociology, Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

ATLANTICISM AND CONTINENTALISM IN MODERN GEOPOLITICS

Abstract. The article analyzes Atlanticism and Continentalism as geopolitical concepts and political practices of the world's leading powers. The views of leading theorists of the Atlanticist and Continentalist concepts are considered. The confrontation between modern states committed to Continentalist or Atlanticist geostrategy is analyzed.

Keywords: Continentalism, Atlanticism, Eurocontinentalists, Euro-Atlanticists, the new Russian continentalism.

В современной геополитике, которая ведет свое начало с окончания Второй мировой войны, противостояние континентальных и морских держав, Востока и Запада нашло свое продолжение в разделе Европы и мира на зоны влияния США и СССР, стран НАТО и Варшавского договора.

При этом геополитики европейских стран во время холодной войны (1945-1990) разделились на:

– евроатлантистов, для которых объединяющим началом служил Атлантический океан, на берегах которого расположена Западная Европа и Северная Америка. Евроатлантисты рассматривали Запад как единое целое в культурном и политическом смысле, признавали доминирование США и призывали к усилению евроатлантистской интеграции. На государственном уровне концепцию евроатлантизма поддерживало руководство практически всех стран-членов НАТО, на научном уровне линии евроатлантизма были привержены большинство ведущих геополитиков США: Збигнев Бжезинский [1, с. 44–51], Фрэнсис Фукуяма [2, с. 167–169], Самюэль Хантингтон [3, с. 281–286], Генри Киссинджер и др. и Европы: Арнольд Тойнби, Питер Тейлор, Мануэл Кастелз, Игнасио Рамоне [4, с. 356–386] и др.;

– евроконтиненталистов, для которых объединяющим началом служила принадлежность той или иной страны к европейскому континенту. Евроконтиненталисты позиционировали себя как сторонники самостоятельной и независимой от США и СССР Европы, объединенной политически и экономически в отдельное образование со своими культурными и цивилизационными особенностями, экономическими и энергетическими интересами, со своей системой безопасности и т.д. Ярким выразителем европейского континентализма на государственном уровне стал президент де Голль, выдвинувший концепцию «Европы от Атлантики до Урала» и добившийся вы-

хода Франции из военной организации НАТО (1966). На научном уровне общая линия эволюции евроконтиненталистов развертывалась от позиции «ни СССР, ни США» к позиции «лучше с СССР, чем с США». Эту линию можно проследить в трансформации идей некоторых европейских геополитиков, а именно: Пьера Галлуа, Алена де Бенуа, Жана Тириара, Йордиса фон Лохаузена, Карло Террачино, Жана Парвулеско, Эмрика Шопрада [5, с. 80–87] и др.;

– политиков государств Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), куда входили СССР и страны народной демократии, которые не признавали геополитики и деления на страны Суши и Моря. Их объединяющей идеей служила программа построения социализма и коммунизма;

– просоветских политологов и политиков в странах Запада, как правило, коммунистов и левых социалистов. Наиболее сильны просоветские настроения были в странах, в которых действовали многочисленные и влиятельные коммунистические партии: в Италии, Франции, Испании, Португалии.

Подчеркнем, что во время холодной войны при образовании коалиций государств Запада и Востока, военно-политических союзов НАТО и Варшавского договора внутри этих организаций не соблюдалось правило принадлежности государств-членов к континентальным или морским державам. В НАТО оказались и исторически континентальные Франция, ФРГ, Италия, Турция, Люксембург и ставшие в виду утери заморских колоний и ослабления своих военно-морских флотов преимущественно континентальными Испания, Португалия, Бельгия и исторически морские США, Великобритания, Нидерланды, Греция, Норвегия.

Правда, если посмотреть на противостоящие военно-политические союзы времен холодной войны в целом, можно сделать вывод о том, что преимущественно морские державы во главе с морскими США объединились в морскую Организацию Северо-Атлантического договора против преимущественно континентальных держав во главе с континентальным СССР в континентальную организацию Варшавского договора.

После окончания холодной войны (1990), распада СССР, Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, после ухода от власти КПСС и значительного сокращения влияния коммунистических идей и коммунистических партий в мировой и европейской геополитике произошли существенные изменения. Во-первых, не стало двух важных ее составляющих: государств Варшавского договора и организованных в компартии просоветских сил. Во-вторых, существенно увеличилось число евроатлантистов в странах Запада за счет вхождения центрально- и восточноевропейских стран в НАТО и ЕС. В-третьих, Россия вместе с некоторыми континентальными странами Восточной Европы положила начало новому восточно-европейскому континентализму, создав континентальный Союз независимых государств (СНГ), а затем Евразийский союз (ЕАС).

С точки зрения геополитической теории и практики сегодня противостояние континентальных и морских держав, Востока и Запада продолжается и, если западные страны по-прежнему опираются на концепцию атлантизма, то основой нового российского континентализма стало геополитическое учение евразийства. Современное российское евразийство в своих разработках использует как учения классических евразийцев: П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского, так и теории неоевразийцев: Л. Н. Гумилева, А. Г. Дугина [см.: 4, с. 199–215, с. 407–414] и др.

Следует заметить, что в государственной политике и стратегиях современной России не всегда однозначно просматривается континентальное евразийское начало, которое требует подчинить всю деятельность людей государственной идее, идентифицировать всех россиян как евразийцев, одинаково дистанцироваться от зарубежной Европы и Азии, держать курс на самообеспечение и развитие внутренней геополитики, то есть использовать все ресурсы на строительство идеократического государства и евразийского общества [см.: 5, с. 223–231].

Современное российское государство в качестве цели и стратегий выбрало социально-экономическое развитие, основу которого составляют двенадцать государственных программ, экономическое и политическое сотрудничество как с европейскими и азиатскими, так и со странами других континентов, укрепление суверенитета и безопасности страны, взаимодействие всех конфессий и дружбы всех народов, населяющих многонациональную Россию.

Современное российское руководство осознает, что Россия является преимущественно континентальной страной, но это не означает, что она не нуждается в торговом и рыболовецком флоте, мощном военно-морском, в том числе подводном флоте, морских платформах для добычи полезных ископаемых, строительстве новых морских и речных портов и т.д. Развитие современной России тесно связано с освоением природных богатств Сибири, Северного Урала, Дальнего Востока, Крайнего Севера, Арктики. Все это требует взвешенной государственной как континентальной, так и морской политики.

Библиографический список

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения. 1998. – 256 с.
2. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. – М., ООО «Издательство АСТ», 2007. – 224 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
4. Исаев Б.А. Геополитика и геостратегия. Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 458 с.
5. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – М.: АРКТОГЕЯ-Центр, 2000. – 928 с.
6. Проблемы безопасности и военно-силовой политики в международных отношениях / Под ред. С. М. Виноградовой, В. Н. Конышева, Н. С. Ниязова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 407 с.

Куцаенко Екатерина Игоревна

старший преподаватель

Пятигорский государственный университет

Email: kutsaenkoei@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Аннотация. Автор обсуждает два основных механизма, объясняющих негативное влияние социальных медиа на информационные привилегии политических элит: 1) распространение социальных медиа – выравнивание информационного поля в ходе протестной активности – утрата информационных привилегий; 2) распространение социальных медиа – интенсификация демократических практик и рост числа оппонентов – утрата информационных привилегий.

Ключевые слова: политическая элита, социальные медиа, информационное пространство, политический протест, демократические практики

Kutsaenko Ekaterina Igorevna

Assistant Professor

Pyatigorsk State University

MECHANISMS OF THE NEGATIVE INFLUENCE OF SOCIAL MEDIA ON THE INFORMATION PRIVILEGES OF POLITICAL ELITES

Abstract. The author discusses two main mechanisms that explain the negative impact of social media on the information privileges of political elites: 1) the spread of social media – leveling the information field during protest activity – loss of information privileges; 2) the spread of social media – the intensification of democratic practices and an increase in the number of opponents – the loss of information privileges.

Keywords: political elite, social media, information space, political protest, democratic practices

В ходе нашего исследования, посвященного активности политических элит в современном информационном пространстве [1; 2], мы установили наличие двух основных механизмов, объясняющих негативное влияние социальных медиа на информационные привилегии этих ключевых акторов. С одной стороны, социальные медиа подрывают информационное превосходство элит в условиях острого политического кризиса, т. е. в тот момент, когда это превосходство необходимо как никогда. С другой стороны, социальные медиа способствуют интенсификации демократических практик, противоречащих в своей основе элитарным моделям управления обществом и зачастую напрямую интересам элит.

В условиях политического кризиса одной из задач, стоящих перед элитами, является предотвращение нарастания волны протестной активности, способной дестабилизировать ситуацию. Социальные же медиа, как показывают многие события, служат хорошей площадкой для разжигания недовольства и расширения масштабов протестов. Социальные медиа, если рассматривать их с этой точки зрения, выполняют три функции: познавательную, дистрибутивную и прикладную. Пользователи социальных медиа, используя возможности соответствующих сервисов, получают информацию о политической жизни и политической ситуации в стране, которая может вызвать как обоснованное, так и необоснованное недовольство, трансформирующееся при определенных условиях в протестную активность [3]. Социальные медиа дают возможность своим пользователям не только получать политически ориентированную информацию, но и делиться аналогичной информацией с другими пользователями, выражать свое политическое мнение. Как известно, выражение политическо-

го мнения запускает неформальную политическую дискуссию, часто предшествующую политическим протестам [4]. Социальные медиа выступают инструментом, объединяющим разрозненных индивидов в группы, что также повышает вероятность присоединения их к протестам. Другими словами, через социальные медиа индивиды передают и получают информацию прикладного, практического плана, касающуюся деталей протестной активности и упрощающую процесс мобилизации. Мобилизующая информация может быть трех видов, каждый из которых циркулирует в пространстве социальных медиа в ходе протестов: идентификационная (например, имена и контакты лиц и групп, к которым можно присоединиться для выражения протеста), локационная (например, место и время протестной акции) и тактическая (например, инструкции, как вести себя в ходе протестной акции) [5].

Второй механизм по своей природе сложнее, чем первый. Социальные медиа предоставляют дополнительные возможности для выражения политических мнений, повышения уровня политической образованности и, как следствие, политического участия, что, в свою очередь, затрудняет поддержание элитами своего информационного превосходства. Социальные медиа упрощают публичное выражение политического мнения, устраняя необходимость прямого контакта с аудиторией, к которому многие потенциальные «ораторы» просто не готовы, а также позволяют стать такими публичными «ораторами» индивидам даже с минимальными коммуникативными способностями и минимальными ресурсами [6]. Социальные медиа повышают уровень политической образованности индивидов, которая дает возможность им более критично воспринимать информацию, транслируемую политической элитой, и ориентирует их на демократические практики. Не секрет, что демократическая система функционирует эффективней, когда граждане обладают адекватным представлением о политической сфере [7]. Упрощая публичное выражение политических мнений и повышая уровень политической образованности, социальные медиа стимулируют политическое участие. Социальные медиа расширяют перечень доступных для граждан видов политического участия, увеличивая его традиционные виды, имеющие место в реальной жизни, и генерируя принципиально новые, имеющие отношение к онлайну-среде [8]. Социальные медиа снижают издержки политического участия, уравнивая различных игроков и тем самым выравнивая все игровое поле, на котором остается все меньше места традиционным привилегированным акторам, политическим элитам.

Подводя итоги, отметим, что в условиях массового распространения социальных медиа политическая элита утрачивает часть своих информационных привилегий, что может быть приписано действию двух каузальных механизмов. Первый из них заключается в том, что социальные медиа лишают элиты информационного превосходства в период острого политического кризиса, выравнивая информационное поле для всех игроков. Второй механизм заключается в том, что социальные медиа интенсифицируют демократические практики, увеличивая число политических оппонентов с сопоставимыми информационными возможностями.

Библиографический список

1. Нефедов С. А., Куцаенко Е. И. Политическая элита и ее информационные привилегии // Современная наука и инновации. – 2019. – № 3. – С. 157–165.
2. Куцаенко Е. И. Интенсификация демократических практик и информационные привилегии политических элит в условиях развития социальных медиа // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 5. – С. 44–47.
3. Gil de Zuniga H., Junk N., Valenzuela S. Social Media Use for News and Individuals' Social Capital, Civic Engagement and Political Participation // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2012. – Vol. 17. – № 3. – Pp. 319–336.

4. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. *The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign*. – New York: Columbia University Press, 1948. – 211 p.

5. Lemert J. B. News Contexts and the Elimination of Mobilizing Information: An Experiment // *Journalism Quarterly*. – 1984. – Vol. 61. – № 2. – Pp. 243–259.

6. Barnidge M. et al. Social Media as a Sphere for «Risky» Political Expression: A Twenty-Country Multi-Level Comparative Analysis // *The International Journal of Press/Politics*. – 2018. – Vol. 23. – № 2. – Pp. 161–182.

7. Eveland W. P., Schmitt J. B. Communication Content and Knowledge Content Matters: Integrating Manipulation and Observation in Studying News and Discussion Learning Effects // *Journal of Communication*. – 2015. – Vol. 65. – № 1. – Pp. 170–191.

8. Park C. S., Kaye B. K. News Engagement on Social Media and Democratic Citizenship: Direct and Moderating Roles of Curatorial News Use in Political Involvement // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. – 2018. – Vol. 95. – № 4. – Pp. 1103–1127.

Нейштубе Никита Леонидович

Магистр политических наук

Европейский университет в Санкт-Петербурге

Email: nneyshtube@eu.spb.ru

АВТОКРАТИИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Вместе с изменениями во всём мире связанных с увеличением важности информации во всех сферах жизни человека происходят изменения в авторитарных режимах, которым необходимо приспособиться к миру свободной и всюду проникающей информации.

Ключевые слова: цифровая автократия, имитация демократии.

Nejsh tube Nikita Leonidovich

Master (Political sciences)

The European University at Saint Petersburg

AUTOCRACIES IN THE INFORMATION AGE

Abstract. Along with changes around the world related to the increasing importance of information in all spheres of human life, changes are taking place in authoritarian regimes that need to adapt to the world of free and pervasive information.

Keywords: informational autocracy, imitation of democracy.

Мир за последний век существенно преобразился: увеличение числа демократий в мире; трансформация самих демократий в их либеральную форму (либеральная демократия), что в свою очередь привело к появлению горизонтальных общественных организаций, способных вести переговоры с государством по поводу защиты своих интересов; формирование «демократического мира», стремящегося демократизировать оставшуюся часть мира [8, с. 475–478]. А связано это с новым пониманием и подходом к термину «информация». Информация отныне становится важнейшим фактором в любой из человеческих сфер деятельности. Человечество обязано научному и техническому прогрессу, позволившим мгновенно передавать информацию и верифицировать её. Всё это повлияло на формирование новых политических институтов и на способы взаимодействия друг с другом старых, что, например, и привело к формированию либеральной демократии. Но трансформировалась отнюдь, не только демократия.

Под политическим режимом понимается совокупность явных и неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к власти [6, с. 73]. Данное определение политического режима удачно тем, что, исходя из него, легко дать дихотомическую классификацию политических режимов. В данном определении важна часть про «каналы доступа к власти», предполагающая наличие или отсутствие таких каналов. Демократия, предполагающая власть народа, будет определяться наличием у граждан доступа к власти и принятию решений. Автократия, в свою очередь, понимается как политический режим, в котором у народа отсутствует возможность влиять на процессы приобретения власти и принятия решений.

Учёные предлагали различные стадии процесса демократизации, но общей можно назвать последнюю стадию, предполагающую закрепление демократии, благодаря чему откат обратно к авторитаризму становится гораздо менее вероятным, чем при установлении лишь начальной достаточно формальной демократии. Это процесс консолидации демократии, означающий, что всеми приняты демократические нормы и правила игры как на уровне элит, так и на уровне граждан.

В конце XX века среди транзитологов царила эйфория по поводу неотвратимости победы демократии в мире. Позже стало очевидно, что большинство стран, начав

демократизироваться, так и не завершили этот процесс, что, в свою очередь, привело к популярности использования понятия «гибридного режима»: так говорили о политическом режиме тех стран, которые вроде бы не являются ни демократиями, ни автократиями, хотя по существу своему такие страны, конечно, были ближе к автократиям. Следует помнить, что понятие «гибридный» ещё в совместной работе С. Левицки и Л. Вея [4, с. 52] был фактически синонимом соревновательного авторитаризма. Название «гибридный» никак не отражает в себе недемократический характер режима [7, с. 112–113], из-за чего стали возникать различные варианты названий для нелиберальных демократий, которые можно объединить в одну группу - так называемые «демократии с прилагательными» [1, с. 430–431]. Л. Даймонд [2, с. 24–27] назвал режим, где имеются формальные демократические институты, но деятельность и важность которых не может быть никак оценена, «псевдodemократией». Такой режим можно разбить на две категории, тем самым предлагая классификацию гибридных режимов. Л. Даймонд разделил гибридный режим на «электоральную демократию» и «электоральный авторитаризм», и любое государство может тяготеть к одному из вариантов.

Последний термин нас и интересует. В отличие от автократий прошлых столетий современные содержат в себе электоральные признаки (институт выборов). Вторым названием таких режимов предложенным отечественным экономистом С.М. Гуриев является «цифровая автократия». В современном мире большая часть автократий скрывает свою истинную сущность за ширмой демократических институтов. Факт проведения конкурентных выборов не создаёт демократии, если выборы не способны привести к смене власти. Вводя демократические институты, но не давая им реальной свободы действия, авторитарный режим стремится к повышению собственной легитимности как в глазах общественности, так и в глазах международных организаций и демократических государств. Таким образом, отдельные элементы демократии не являются признаками процесса демократизации, в современности демократические институты вводятся и эксплуатируются автократиями с целью повышения собственной жизнеспособности. Но у автократа имеются сильные стимулы не допустить институциональное развитие в своей стране. Иначе при ослаблении власти автократа, оппозиция через демократические институты сможет перехватить власть.

Почему автократиям потребовалось вообще использовать элементы характерные для демократических государств? Первая причина: в прошлом принадлежность к демократическому сообществу для диктатора не было жизненно важным принципом, это связано с тем, что, во-первых, в прошлом число демократий было весьма ограничено, во-вторых, демократиям не было никакой разницы с кем иметь дело и как вообще живут люди в автократиях. Вторая причина: автократиям было сравнительно легко удерживать власть в стране. Для этого они использовали силовые структуры, идеологию и пропаганду, т.е. старались эффективно использовать свою монополию по распространению информации. Самыми яркими примерами из прошлого тут могут выступить национал-социалистическая Германия, фашистская Италия и коммунистический СССР. Странами формировались образы внешнего врага, в борьбе с которым смогут помочь лишь лидеры. Это и формирование представлений о том, что их страна является лучшей во всех смыслах, а за территорией их стран люди живут в ужасном состоянии виной чему является их «несправедливый людоедский» режим.

Сейчас подобно автократы себе позволить не могут. Исключением является только небольшая КНДР, которая смогла закрыться от всего мира и свободно манипулировать своим населением для удержания власти. Сегодня крупная автократия, стремящаяся быть частью мирового сообщества, не сможет действовать столь откровенно из-за свойства информации проникать во все доступные места. Введение всеохватывающей цензуры и запрет на существования альтернативных точек зрения

мгновенно выдает авторитарную сущность государства. Мировое либеральное сообщество сегодня не готово смириться с ограничением гражданских свобод и политических прав, а значит, откровенные автократии исключаются из мирового сообщества и будут существовать под давлением санкций, пока в стране не начнётся регулярная смена власти по воле изъявления граждан.

Не следует забывать, что практически любая автократия уступает по своему экономическому развитию демократии, реальным исключением является лишь Сингапур, другие автократии подобными экономическими успехами не могут поделиться. Это связано с тем, что автократии могут быть просто неэффективны из-за монополии власти, либо специально создавать неэффективную систему, чтобы из-за её не совершенности извлекать дополнительную ренту и замедлять ползучую демократизацию [6, с. 44–79]. Как правило количественные показатели демократии и экономический рост коррелируют друг с другом, и возникновение демократии связывается с экономическим ростом. Открытость информации или её проникновение в закрытую авторитарную систему способствует увеличению числа недовольных граждан, осознающих уровень качества жизни в соседних демократиях (присутствует регулярная смена власти).

Таким образом, имитация демократия используется автократиями для двух задач: внутренняя и внешняя легитимация режима. Для стабильного существования автократии требуется признание со стороны международного сообщества и со стороны собственных граждан. Именно по этому автократии объявляют себя демократиями и имитируют их за счёт контролируемых выборов, ограниченной цензуры и понижение политической активности граждан, способных выразить своё недовольство. Само понижение политической активности происходит через кооптацию элит и подкуп определённого слоя населения социальной поддержкой государства. Мир, где информация распространяется моментально, где информация способна мгновенно мобилизовать граждан, представляет опасность для существования автократий. Электоральные / цифровые автократии находят в подвешенном положении, ибо ряд не осторожных действий способных раскрыть истинную суть государства может положить конец режиму. Например, откровенная фальсификация на выборах Мексики, Сербии, Украины и других странах послужило причиной либо падения авторитарного режима, либо остановки процесса авторитарной консолидации. Как мы видим, сегодня в цифровом обществе авторитарные режимы преобразовались ради своего выживания, приспособились к миру свободной и слабо контролируемой информации. Развитие средств связей заставило диктаторов изменить свои привычные стратегии по удержанию власти, а также дать гражданам урезанные политические права и гражданские свободы.

Библиографический список

1. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // *World Politics*. – 1997. – Vol. 39. – №. 3. – Pp. 430–451.
2. Diamond L. Elections without democracy: Thinking about hybrid regimes // *Journal of democracy*. – 2002. – Vol. 13. – №. 2. – Pp. 21–35.
3. Levitsky S., Way L. A. Elections without Democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. – 2002. – Vol. 13. – №. 2. – Pp. 51–65.
4. Merkel W., Weiffen B. Does Heterogeneity Hinder Democracy? // *Comparative Sociology*. – 2012. – Vol. 11. – №. 3. – Pp. 387–421.
5. O'Donnell G., Schmitter P. C. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Lipset Uncertain Democracies. – JHU Press, 2013. – 120 p.
6. Гельман В. Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. — СПб.: ЕУСПб, 2019. — 254 с.
7. Голосов Г. В. Сравнительная политология. — СПб: ЕУСПб, 2018. — 462 с.
8. Исаев Б.А. Политическая история: Демократия: — М.: Юрайт, 2019. — 490 с.

Пономарева Наталья Сергеевна

Магистрант

Башкирский государственный университет

Email: natalya17017@mail.ru

Закиров Ильнур Вагизович

Кандидат географических наук, доцент

Башкирский государственный университет

Email: ziv7702@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАН БРИКС В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются социально-экономические показатели, характеризующие положение стран БРИКС в современном мире. В качестве критериев оценки были взяты такие показатели как площадь территории страны, численность населения, номинальный ВВП, экспорт и импорт, золотовалютные резервы, численность вооруженных сил и многие другие показатели. Была дана оценка социально-экономической конкурентоспособности стран БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, социально-экономическое положение, социально-экономические показатели, экспорт, импорт.

Ponomareva Nataliya Sergeevna

Graduate Student

Bashkir State University

Zakirov Ilnur Vagizovich

PhD (Geography), Associate Professor

Bashkir State University

SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE BRICS COUNTRIES IN THE MODERN WORLD

Abstract: This article examines the socio-economic indicators that characterize the position of the BRICS countries in the modern world. Such indicators as the area of the country's territory, population, nominal GDP, exports and imports, gold and foreign exchange reserves, the size of the armed forces, and many other indicators were used as evaluation criteria. The socio-economic competitiveness of the BRICS countries was assessed.

Keywords: BRICS, socio-economic situation, socio-economic indicators, export, import.

Влияние политико-экономических организаций и политико-административных блоков в современном мире постоянно растет. Значительно увеличивается количество региональных торговых соглашений [2, с. 23]. БРИКС выступает на мировой арене как новая организация, которая создана на основе международного соглашения в целях управления частью мировой экономики. В данную организацию входят пять стран: Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика. С каждым годом на данную организацию возлагают большие надежды, и многие экономисты полагают, что потенциал стран, входящих в данный альянс, настолько велик, что они могут стать одними из господствующих экономик к 2050 году.

За 2000–2017 годы экономики Китая и Индии выросли в 4,5 и 3,3 раза в реальном выражении соответственно. Две быстрорастущие страны прошли мировой кризис 2008–2009 годов с замедлением роста, но без глубокого падения макроэкономических показателей, вернувшись к докризисным темпам прироста ВВП уже в 2010 году. Но среднегодовой темп роста экономики Китая снизился с 10,8% в 2000–2007 годах

до 8,1% в 2008–2017 годах, что повлияло на динамику развития мировой экономики в посткризисные годы [4, с. 269].

В таблице 1 представлено позиционирование стран БРИКС в мире по общим характеристикам. Страны данного объединения являются крупнейшими по площади территории и входят в первую десятку стран мира по данному показателю, за исключением ЮАР. Численность населения данных стран так же представляет весомую часть численности населения мира, так как по данному показателю страны организации так же занимают лидирующие места, за исключением ЮАР. Согласно общей оценке, среднегодовая численность населения стран БРИКС составляет около 3 млрд человек. Из них население Индии составляет 41,4%, а Китая - более 45,3%. По показателю военной мощи (численность вооруженных сил), три страны (Китай, Индия, Россия), входящие в данную организацию, занимают лидирующие позиции среди стран-лидеров мира по данному показателю.

Таблица 1 – Позиционирование стран БРИКС в мире по общим характеристикам, занимаемые места [3]

Показатель	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Площадь	5	1	7	3	25
Население	5	9	2	1	25
Численность вооруженных сил	14	5	3	1	59

В таблице 2 представлены основные макроэкономические и социальные показатели стран — членов БРИКС в 2017 году. Китай, сравнимый по численности населения с Индией, производит ВВП по ППС, почти в 2,5 раза превышающий соответствующий показатель Индии (23,2 трлн межд. долл. и 9,5 трлн межд. долл. соответственно в 2017 году). Разброс показателя ВВП по ППС на душу населения в текущих ценах 2017 года внутри БРИКС составляет 3,9 раза. Значения душевого показателя для Китая, Бразилии и ЮАР близки: 16,7, 15,6 и 13,5 тыс. межд. долл./человек соответственно. Россия по ВВП по ППС на душу населения почти в два раза опережает эти страны (27,8 тыс. межд. долл./ человек), а Индия — в два раза отстает от них (7,2 тыс. межд. долл./ человек). При этом максимальное социальное неравенство отмечается в ЮАР, которая находится в середине распределения.

Таблица 2 – Основные макроэкономические и социальные показатели стран — членов БРИКС, 2017 год [6]

Показатель	Бразилия	РФ	Индия	КНР	ЮАР
ВВП по ППС, трлн межд. долл.	3,2	4,0	9,5	23,2	0,8
ВВП номин., трлн долл. США	2,1	1,5	2,6	12,0	0,3
ВВП на душу населения по ППС, тыс. межд. долл. (текущ., 2017)	15,6	27,8	7,2	16,7	13,5
Норма накопления, % ВВП	15,5	24,3	31,7	44,4	18,6
Безработица, % рабочей силы	12,8	5,2	3,5	3,9	27,5
Население, млн человек	207,7	144	1317	1390	56,5
Сальдо госбюджета, % ВВП	-1,7	-0,9	-2,1	-3,0	-1,0
Госдолг, % ВВП	84,0	17,4	70,2	47,8	52,7
Счет текущих операций, % ВВП	-0,5	2,6	-2,0	1,4	-2,3
Доля 10-го дециля в доходах, %	40,4	29,7	29,8	31,4	50,5
Индекс человеческого развития	0,754	0,80	0,62	0,74	0,67

Столицы всех стран и крупные финансовые центры выделены в отдельную категорию, что позволяет, в частности, оценить различия в уровне благосостояния столичных и провинциальных регионов. Наиболее высокие показатели у Федерального округа Бразилии (47,2 тыс. межд. долл./ человек) и Пекина (28,9 тыс. межд. долл./ человек) [5, с. 126].

В структуре доходов доля 10-го дециля в 2017 году была равна 50,5% в ЮАР, 40,4% в Бразилии, 31,4% в Китае, 29,8% в Индии и 29,7% в России. Индекс человеческого развития отражает различия в социально-экономическом положении стран: по данным за 2015 год в рейтинге из 188 стран Россия обгоняет ЮАР на 70 рейтинговых позиций, а Индию — на 82.

Значение нормы накопления является одним из ключевых параметров экономического роста в стране. В Бразилии и ЮАР ярко выражена проблема низкой нормы накопления (15,5% и 18,6% соответственно при характерном значении показателя свыше 20% для развивающихся стран). Кроме того, в этих странах острее всего стоят вопросы высокой безработицы (в Бразилии — 12,8%, ЮАР — 27,5%). В Китае, напротив, сверхвысокая норма накопления (44,4%) обеспечивает близкие к двузначным показатели экономического роста, а безработица сохраняется на стабильно низком уровне (3,9–4,1% в 2010–2017 годах). Также Китай вышел на ведущие позиции в международной торговле [1, с. 624].

Приведенный анализ социально-экономических показателей позволяет сделать вывод о том, что в современном мире страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) позиционируются как крепкая геополитическая организация. Данные страны конкурентоспособны в современной экономической и геополитической обстановке. С точки зрения пространственного мышления, данное объединение практически охватывает весь мир, так как страны, входящие в него, охватывают три материка: Евразия (Индия, Китай, Россия), Африка (ЮАР), Южная Америка (Бразилия).

Библиографический список

1. Закиров И.В., Абдуллина Д.Р., Литвинова С.А. Современные тренды развития международной торговли // Доклады Башкирского университета. – 2019. – Т. 4. № 6. – С. 622–627.
2. Закиров И.В. Политическая география и геополитика. – Уфа: БашГУ, 2017. – 40 с.
3. Каратаев С.В. Рейтинговое агентство БРИКС как шаг к многополярности международной финансовой системы. URL: <https://www.riss.ru/article/6929/> (дата обращения 21.09.2020).
4. Смирнова А.С., Ляшкова Е.С. Динамика развития России и Китая на основе выбранных социально-экономических показателей // Вестник современных исследований. – 2019. – № 1.5 (28). – С. 268–271.
5. Социальная политика в России и Китае: монография / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Новый хронограф, 2016. – 528 с.
6. Страны G20: ВВП в долларах URL: https://www.economicdata.ru/economics.php?menu=macroeconomics&data_type=economics&data_ticker=GDPIMF (дата обращения 21.09.2020).

Праведенков Александр Андреевич

Бакалавр политологии

Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения

Email: Geniqwe@yandex.ru

ПРИЧИНЫ ПОВЫШЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА К АРКТИКЕ

Аннотация. Анализ причин повышения геополитического интереса к Арктике, рассмотрение ресурсного и транспортного потенциала региона, возможностей расширения геополитического пространства России.

Ключевые слова: Арктика, нефть, природный газ, СМП, СЗП, геополитическое пространство.

Pravdenkov Alexander Andreevich

Bachelor (Political Science)

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

REASONS FOR INCREASING GEOPOLITICAL INTEREST IN THE ARCTIC

Abstract. Analysis of the reasons for the increase in geopolitical interest in the Arctic, consideration of the resource and transport potential of the region, opportunities to expand Russia's geopolitical space.

Keywords: Arctic, oil, natural gas, NSR, NWP, geopolitical space.

Глобальное изменение климата сделало Арктику одним из центров геополитики. Постепенно тающий лед превращает регион из объекта преимущественно научного интереса в центр геополитических интересов. Арктика нагревается в два раза быстрее, чем остальная часть Земли, и лед в летние месяцы исчезает гораздо быстрее, чем в прошлом [см.: 1].

Рекордно малое количество морского льда в Арктике было зафиксировано в 2007 и 2012 годах, и, по прогнозам большинства ученых, Арктика будет свободна ото льда летом в 2030-х годах, а полное исчезновение льда произойдет уже в этом столетии. Недавние исследования показывают, что потепление будет продолжаться до конца XXI века, при этом среднегодовая температура Арктики увеличится в пределах от +1° до +9,0° С.

С изменением климата ожидается изменение характера ледового покрова, который станет более хрупким, тонким и изменчивым [см.: 2]. Это открывает возможности для развития судоходства через Северо-Западный и Северо-Восточный проходы, добычи потенциальных нефтегазовых ресурсов, расширения рыболовства и туризма [см.: 3].

Таким образом, есть две основные причины повышения геополитического интереса к Арктике.

Во-первых, это изобилие природных ресурсов. В докладе 2008 года геологическая служба США опубликовала первую в истории широкомасштабную оценку арктических нефтегазовых ресурсов. Согласно оценке, на долю Арктики приходится около 20% неразведанных мировых запасов углеводородов, 13% сырой нефти и 30% природного газа. По оценкам специалистов, эти ресурсы находятся в основном на шельфе под толщей воды менее 500 метров [см.: 4].

В геологической службе США считают, что месторождения составляют более «90 миллиардов баррелей нефти, 1,669 триллиона кубометров природного газа и 44 миллиарда баррелей жидкого природного газа». Из общего объема в 412 млрд. бар-

релей нефтяного эквивалента около 84%, как ожидается, будет найдено на шельфе и около 2/3 (67%) от общего объема составляет природный газ. Россия, по оценкам, владеет более чем половиной всех арктических ресурсов (примерно 52%), обладая наибольшим объемом природного газа, в то время как крупнейшие нефтяные ресурсы находятся в американской части Арктики (Аляска), составляя более чем 20% всех арктических ресурсов [см.: 5].

Таяние арктического ледового щита делает регион более легким для извлечения сырья. Уменьшение полярных льдов в летние месяцы, вероятно, позволит исследовать месторождения нефти и газа в прибрежных районах. Аналогичным образом, сокращение льдов на суше может привести к появлению новых и более выгодных экономически месторождений золота, железной руды, никеля и других полезных ископаемых, которые ранее были закрыты ледниковым льдом [см.: 6].

Однако большинство ученых утверждают, что, хотя Арктика может иметь огромный потенциал в долгосрочной перспективе, ее вклад в энергетические ресурсы в краткосрочной перспективе не следует переоценивать, поскольку другие области, где можно найти энергетические ресурсы, являются более экономически эффективными и менее технологически сложными для освоения. Транспортные трудности добавляя проблем, которые необходимо преодолеть. Природный газ требует трубопроводов и дорогостоящей, сложной инфраструктуры сжижения. Но самой большой детерминантой добычи арктических углеводородов является цена нефти и газа на мировом рынке. Падение цен на нефть в 2014 и 2020 годах вынудило многие энергетические кампании сократить свои расходы, особенно в арктических проектах, где разведка, бурение, эксплуатация и логистика являются более сложными, дорогими и рискованными. Но в любом случае увеличение продолжительности периодов отсутствия льда позволили улучшить поиск углеводородов, а новые технологические разработки в области морской надводной и подводной логистики, технологии глубоководного бурения повысили геополитическую значимость региона и подняли вопросы, связанные с расширением соответствующих континентальных шельфов прибрежных государств [см.: 7].

Вторая причина повышения геополитического интереса к Арктике заключается в развитии трансарктических водных путей: Северного морского пути (СМП) – по российской Арктике и Северо-Западного пути (СЗП) по канадскому северу, которое, как ожидается, значительно сократит расстояние глобальных судоходных маршрутов. Поиск более короткого маршрута из Атлантики в Азию был одной из целей морских держав со времен Средневековья. Таяние арктических льдов открывает возможность сократить на тысячи километров и на несколько дней плавания между крупными торговыми партнерами Европы, Америки и Азии. Важность СМП и СЗП в качестве жизнеспособных маршрутов доставки может быть выгодна для Южной Кореи, Китая и Японии, поскольку их продукция, экспортируемая в Северную Америку или Европу, будет менее дорогой по сравнению с другими новыми производственными центрами в Юго-Восточной Азии, такими как Индия. Таким образом, тающий лед потенциально может открыть два трансарктических маршрута - СМП и СЗП.

В настоящее время большая часть плаваний грузовых судов в Арктике связана с транспортировкой природных ресурсов из Арктического региона, а также с доставкой грузов в арктические населенные пункты и объекты освоения природных ресурсов. Однако существует несколько препятствий для арктического судоходства. Да, потепление вызывает таяние льда, а более тонкий лед может быть легче разрушен ледоколами или судами ледового класса, но более открытые воды в Арктике приводят к другому потенциальному барьеру для судоходства: непредсказуемым ледовым потокам. Потоки ледяных блоков или айсбергов, когда они впадают в потенциальные маршруты судоходства, трудно предсказать. Но лед не является единственным препятствием для арктического судоходства. Сильные морозы, штормы и шквалы могут повредить палубную технику судов. Летние туманы и отсутствие

базовой навигационной инфраструктуры за пределами российской Арктической зоны препятствуют нормальной навигации. Все это повышает эксплуатационные расходы доставки грузов. Поэтому сокращение срока доставки не обязательно означает более дешевый, безопасный и быстрый маршрут [см.: 8].

Третья важная причина повышения интереса к Арктике заключается в возможности расширения геополитического пространства приарктических держав за счет объявления исключительных двухсотмильных экономических зон вокруг отдаленных островов, разработки прибрежного шельфа на предмет добычи полезных ископаемых, геологическая разведка, строительства научно-исследовательских пунктов, и военных и военно-морских баз. Кроме того, Международная конвенция по морскому праву допускает возможность расширения исключительных двухсотмильных экономических зон еще на 150 миль морской акватории [8, 254–262].

После ратификации Международной конвенции (1997) Россия значительно активизировала свою деятельность в Арктике. Учитывая существенное истощение месторождений углеводородов, находящихся на суше, российские нефте- и газодобывающие кампании стали уделять больше внимания разработке морских месторождений. Однако экономическая деятельность в Арктике сталкивается с объективными препятствиями и трудностями. После 2014 г. ведущие западные корпорации ExxonMobil, Total, BP отказываются сотрудничать с российскими кампаниями. Тем не менее, геэкономическое и геополитическое значение Арктики столь велико, что Россия, безусловно, будет продолжать свою геостратегическую линию в этом регионе [9, с. 219–220].

Библиографический список

1. Gannon M. Arctic is Heating up Twice as Quickly as Rest of World. URL: <https://www.livescience.com/49172-arctic-heats-up-twice-as-quickly.html> (дата обращения 01.10.2020)
2. Rourke O`Ronald. Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service, 2017. – Pp. 17–19.
3. Порфирьев Б. Н., Катков В. М., Рогинко С. А. Изменение климата и международная безопасность – М.: РАН. Отделение общественных наук, 2011 – 86 с.
4. Donald L. Gauiter. Assessment of Undiscovered Oil and Gas in the Arctic. Science. URL: <http://www.sciencemag.org/content/324/5931/1175.full.pdf> (дата обращения 01.10.2020).
5. EY. Arctic Oil and Gas. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Arctic_oil_and_gas/\\$FILE/Arctic_oil_and_gas.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Arctic_oil_and_gas/$FILE/Arctic_oil_and_gas.pdf) (дата обращения 01.10.2020)
6. Rourke O`Ronald. Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service, 2017 – 28 p.
7. Charles K., Ebinger and Evie Zambetakis. The Geopolitics of Arctic Melt. // International Affairs 85, 2009 – №6 – 1216 p.
8. Исаев Б.А. Геополитика и геостратегия: учебник для вузов. 2 изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. – 458 с.
9. Игнатьева И.Ф., Исаев Б.А. Геэкономика как структурный элемент геополитики. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 44. – С. 213–223.

Сирота Наум Михайлович

доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Email: sirotanm@mail.ru

Мохоров Геннадий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор
Военная академии связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного
Email: g.mohorov@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ» В МИРЕ

Аннотация. Раскрыто происхождение термина «новая нормальность». Излагаются основные особенности формирования «новой нормальности» в формирующейся миросистеме. Предлагается авторское видение перспектив глобального развития.

Ключевые слова: «новая нормальность», миросистема.

Sirota Naum Mihailovich

Doctor (Political Sciences), Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Mokhorov Gennadiy Anatolievich

Doctor of Letters (History), Professor
Budyonny Military Academy of the Signal Corps

THE FORMATION OF A "NEW NORMALITY" IN THE WORLD

Abstract. The origin of the term "new normality" is revealed. The main features of the formation of a "new normality" in the emerging world system are outlined. The authors' vision of the prospects for global development is proposed.

Keywords: "new normality", world system.

Последние годы применительно к переживаемой миром стремительной и глубокой трансформации в научной литературе и публицистике широко употребляются выражения «новая нормальность» и «новая реальность», приобретшие терминологический смысл. Изначально выражение «New Normal» («новая нормальность» или «новая реальность») возникло в связи с мировым экономическим кризисом 2008-2009 гг. и активно используется в условиях пандемии коронавируса в 2020 г. В качестве термина оно означает послекризисное состояние общества и экономики, при котором невозможно их восстановление до прежних докризисных показателей. Распространение термина «новая нормальность» связывают с активностью Мохамеда Эль-Эрмана – руководителя одной из крупнейших американских инвестиционных компаний на рынке облигаций (PIMCO – Pacific Invest Management Company). Этим термином он определил длительный процесс нормализации экономики после мирового кризиса. Термин использовался в 2009г. на Саммите G-20 в Питтсбурге (Пенсильвания), посвященном мировому финансовому кризису. В дальнейшем термин прочно закрепился во фразеологии научной и бизнес-общественности.

В России термину «новая нормальность» в экономическом смысле широкую огласку придали бывший премьер Д. А. Медведев и нынешний вице-премьер А. Г. Силуанов. В 2020 г. идею новой нормальности продвигает глава Роспотребнадзора А. Ю. Попова, подразумевающая самоизоляцию, ограничение массовых мероприятий, удаленную работу сотрудников, социальное дистанцирование, повышенное внимание к своему здоровью, частую дезинфекцию помещений. Как и в случае с экономикой предполагается, что возвращение к допандемическому состоянию окажется невозможным. Переломный период в развитии глобальной миросистемы рос-

сийско-американский авторский коллектив оценил как становление «новой нормальности» в мире [см.: 1]. В прогнозе на 2020 г., подготовленном ИМЭМО РАН, в качестве важнейшей характеристики современных международных отношений последних лет рассматривается высокий уровень неопределенности, уступающей место негативной неопределённости на среднесрочном горизонте 2024–2025 гг. [см.: 2, с. 99]. Причина этой трансформации, по мнению авторов прогноза, кроется в росте напряженности на глобальном уровне и конфликтогенности – на региональном и национальном, синергия которых будет усугублять негативные ожидания и препятствовать установлению доверия, достижению взаимоприемлемых решений и компромиссов. Одновременно в русле наметившейся в последние годы тенденции теряют легитимность и эффективность функционирующие правовые, регулятивные механизмы, институты и инструменты. Пандемия коронавируса актуализирует вопрос о формулировании мировым сообществом новой парадигмы общественной динамики – ответственного социального развития. Её инструментарий на национальном и глобальном уровне предстоит выработать.

В систематизированном виде, исходя из комплексного подхода к феномену формирующейся «новой нормальности» в глобальной миросистеме, можно назвать следующие основные её особенности:

- усиление процессов локализации и фрагментации политического пространства, фиксируемых в таких терминах, как «глокализация» и «фрагментация»;
- повышение значимости Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой политике и экономике, меняющее мировую конфигурацию в соотношении сил;
- неопределённость иерархической структуры в системе международных отношений на статусно-ролевом уровне;
- нарастание глобальной турбулентности, вызываемой разнонаправленностью действий множества акторов, участвующими социальными и международными конфликтами, ситуациями хаоса и неопределенности;
- усиление глобальной конфликтности и снижение её порога, создающих ситуацию, которую можно охарактеризовать как «международный беспорядок»;
- нарастающая напряжённость в отношениях между ведущими странами мира и увеличивающаяся вероятность конфронтации между ними;
- рост числа угроз и вызовов безопасности государств, имеющих экзистенциальный характер и требующих консолидированной реакции разнообразных акторов – от местного самоуправления до глобальных ТНК и руководства великих держав;
- снижение управляемости мировым социальным и экономическим развитием;
- кризисное состояние нормативного уровня мировой системы, проявляющееся в разном толковании международных норм и двойных стандартах, что определяет хаотичность в мировой политике;
- дезинтеграция системы и режимов контроля за вооружениями, усугубляемая дефицитом ответственности правящих кругов крупнейших государств;
- выход на первый план международной повестки комплекса проблем, связанных с изменениями климата, технологического уклада и социальной нестабильности.

В арсенале исследований социально-политической динамики современного мира широкое применение получили такие аналитические концепты, как мир-системный (И. Валлерстайн), «столкновения цивилизаций» и «волн демократизации» (С. Хантингтон). Они обнаружили релевантность для осмысления определённого исторического опыта, в том числе сравнительно недавнего, и вместе с тем ограниченный когнитивный потенциал для изучения противоречивой динамики современного мира. На наш взгляд, формирующуюся новую нормальность глобальной миросистемы следует рассматривать в контексте более широкой и малоизученной проблемы переходных периодов в мировой политике, отличающихся по содержанию и продолжительности. Если современной наукой с различных идейных позиций исследуются процессы смены общественных отношений, а политической транзитологией изучают-

ся переходы от диктатуры (авторитаризма и тоталитаризма) к демократии, то проблематика переходных периодов в мировой политике, сопровождающихся коренным изменением принципов функционирования системы международных отношений, в значительной степени остается вне поля зрения ученых. Для таких периодов характерны следующие закономерности: 1) кризисное состояние международной системы, эрозия принципов и норм, на которых она зиждится; 2) рост числа и резкое обострение конфликтов во многих регионах мира, возникновение «международного беспорядка»; 3) утрата эффективности и функциональности институтов и норм, обеспечивающих стабильность и предсказуемость международных отношений, отсутствие или нахождение в стадии становления новых институтов, способных предотвратить хаотизацию политики; 4) существенное усиление социально-экономической нестабильности в структурообразующих государствах уходящей в прошлое миросистемы, вызванной экономическим упадком, деградацией правящей элиты, утратой обществом духовных ориентиров. За сравнительно короткий период человечество прошло несколько переходных периодов – от биполярности, в рамках которой за мировое лидерство противоборствовали сверхдержавы – США и СССР (1945–1986 гг.), к доминированию сверхдержавы – США (1990-е – начало 2000-х гг.) и, наконец, после глобального кризиса 2008–2009 г. – к «плюралистической однополярности» (А. Д. Богатуров), перспективы которой не вполне определены [3, с. 105–122]. Столь быстрая трансформация миропорядка уникальна для мировой истории.

Сложившаяся в мире ситуация вызывает ряд вопросов: когда завершится хаос и оформятся контуры нового миропорядка; в каких формах будет протекать процесс становления нового миропорядка; каким будет новый миропорядок и возможен ли он в принципе. Как показывает опыт, опорами мирового порядка служат прежде всего баланс сил и престиж наиболее влиятельных акторов при наличии определённой общности ценностей и интересов. Ответы на эти вопросы могут занять десятилетия. Факторами, открывающими перспективу завершения хаоса и придания мировому развитию конструктивного содержания, являются интересы человечества в следующем: 1) в сохранении фундаментальных основ самого существования человечества и прежде всего в предотвращении мировой войны; 2) в предотвращении распространения ОМУ, террористических сетей и транснациональной преступности; 3) в решении проблем экосистемы и биосферы, угрожающих существованию жизни на Земле; 4) в обеспечении более или менее стабильного развития глобальной экономики и устойчивости финансовой системы; 5) в сотрудничестве в предотвращении и преодолении экстремальных ситуаций, угрожающих многим странам (пандемии, природные и антропогенные катастрофы).

Достаточно ли будет этих факторов для преодоления «мирового беспорядка», покажет время. Не исключая апокалиптических сценариев, можно утверждать, что ответственное поведение наиболее влиятельных государств могло бы способствовать формированию миропорядка, учитывающего интересы человечества. Этому, безусловно, способствовало бы создание новых и реорганизация действующих институтов, наделение их эффективными контрольными функциями, разработка обобщающих их деятельность правовых норм.

Библиографический список

1. Глобальная система на переломе: на пути к новой нормальности // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 8. – С. 5–25.
2. Россия и мир: 2020. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 172 с.
3. Сирота Н. М. Мировая политика и международные отношения. Учебник для бакалавров и магистров. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2020. – 226 с.

Талышинский Эльвин Бахруз оглы

Доктор философии по политическим наукам, зав. кафедрой «Общественных наук»
Бакинский Исламский Университет

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ФОРМА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. В статье дается понятие информационного терроризма, который является формой международного терроризма. Также исследуются виды и способы борьбы с информационным терроризмом.

Ключевые слова: информационный терроризм, информационное общество, борьба с терроризмом.

Talishinski Elvin Bahruz ogly

PhD (Political science), Head of "Social Sciences" Department
Baku Islamic University

INFORMATION TERRORISM AS A FORM OF INTERNATIONAL TERRORISM

Abstract. The article gives the concept of information terrorism, which is a form of international terrorism. The types and methods of combating information terrorism are also investigated.

Keywords: information terrorism, information society, the fight against terrorism.

Современная цивилизация характеризуется рядом глобальных проблем: экологическими угрозами, экономическими проблемами, угрозой ядерной войны и т. д. Самая главная среди них проблема, которая является самой опасной угрозой для человечества – это международный терроризм. Эта проблема представляет собой большую опасность и имеет глобальное значение. Если раньше терроризм позиционировался как социально-политическое явление, в основном, с национальными границами, то сегодня он характеризуется как глобальная проблема, с которой сталкиваются все участники международных отношений. Слово «террор» в переводе с латыни означает «запугивать».

В настоящее время трансграничная деятельность террористических организаций – это не только угроза конкретному человеку или стране, но и глобальная проблема всей цивилизации. Для террористических организаций терроризм уже стал образом жизни. Поэтому борьба с ним должна быть многогранной.

Международный терроризм – это многогранное явление, которое имеет тенденцию постоянно меняться в зависимости от социально-экономических, политических, религиозных и других условий того или иного региона. По этой причине изучение методов борьбы с терроризмом и решения проблем международной безопасности является сегодня одним из важнейших вопросов всей международной политики. К сожалению, нет однозначных ответов на эти очень сложные и чрезвычайно острые для мирового сообщества вопросы. Понятно, что ни материальные ресурсы, ни передовые технологии ни одной мировой державы не могут гарантировать победу над современным терроризмом.

В. И. Михеев дает такое определение терроризма: «Преступное деяние, состоящее в применении насилия или в угрозе насилием в отношении отдельных лиц либо группы лиц, сопровождающееся устрашением населения и преднамеренным созданием обстановки страха, подавленности, напряженности с целью оказания воздействия на принятие решений, выгодных для террористов и отличающееся повышенной общественной опасностью и публичным характером его совершения. При этом,

цели террористов могут быть различными: религиозными, политическими, экономическими и т. д.» [4, с. 9].

Закон Азербайджанской Республики «О борьбе с терроризмом» от 18 июня 1999 года дает следующее определение терроризма: «Терроризм – это угроза жизни, здоровью людей, значительный материальный ущерб, взрыв, пожар или иное действие, а также угроза совершения таких действий или другие общественно опасные действия с целью подрыва общественной безопасности, создания паники среди населения или влияния на принятие решений государственными органами или международными организациями» [3].

В условиях растущей глобализации и формирования информационного общества в мире терроризм стал выступать в качестве самостоятельного фактора, угрожающего государственности и целостности стран, международной стабильности. В настоящее время эффективность борьбы против современного терроризма растет не только во внутренней политике отдельных государств, но и в сфере международной безопасности.

В начале XXI века терроризм стал не только одним из самых опасных и трудно предсказуемых явлений, но еще и проник в различные сферы общества, приобрел множество различных видов. Хотя самыми опасными видами терроризма для человечества считаются химический, биологический, ядерный, но и такие «сферные» его виды, как политический, экономический, идеологический, этнический или национальный терроризмы также являются одной из актуальных проблем для государств. Несомненно, в силу требований современности одним из приоритетов политики любого государства сегодня является противостояние информационному терроризму, которое может иметь место как в военное, так и в мирное время.

Сегодня информация играет очень важную роль: это связано с тем, что мы живем в информационном обществе. Используя информацию, можно сделать много хорошего и плохого. Широко известны такие выражения как: «Кто владеет информацией, тот владеет миром», «В информационной войне, как правило, побеждает тот, кто нападает и постоянно увеличивает давление», «Сегодня информационная война – это война цивилизаций», «Информационная война – это противостояние знаний и теорий» и т. д.

Следует отметить, что информационный терроризм возник в результате стремительного развития современных технологий. Информационный терроризм можно рассматривать как психологическое давление и воздействие без использования физических средств. Воздействовать на противника с основной целью посеять страх и удержать население в страхе. Известный английский государственный деятель Эдмунд Бёрк так сказал о страхе: «Нет эмоций, которые так же лишают человеческого разум всех действий и мыслей, как страх» [1, с. 88].

Информационный терроризм осуществляется в моральной сфере, которая сочетает в себе политические, философские, правовые, религиозные и другие составляющие, где происходит борьба идей. Доступность и бесплатное использование информационных технологий значительно увеличивает риск такого терроризма. Таким образом, чем более информировано общество, тем оно более чувствительно к последствиям массового психологического террора.

Психологическое воздействие обычно осуществляется через средства массовой информации, а информация, которая используется для применения такого эффекта, должна быть легко усвояема. Специально разработанные для этого программы прививают человеку способность легко усваивать любую информацию и верить ей, не задумываясь. Комплексно собранная информация предназначена для манипулирования общественным мнением, сознанием людей; для ее усвоения используются физиологические и психологические приемы, например, использование специально подготовленного текста, определенного темпа и модуляции языка. Манипуляция сознанием осуществляется путем погружения людей в определенную

контролируемую область информации, которая создает несуществующий взгляд на мир. Если можно так сказать, основой для формирования виртуального информационного поля является ложная (недостоверная) информация.

Проблема манипуляции сознанием в последнее время всё больше находится в центре внимания социологов, психологов и политологов. В наше время ряд исследователей назвали это психолингвистическое явление главным объектом исследования и описали такую манипуляцию, как побуждение человека сделать что-то, не думая или против своей воли: информировать, выполнять какое-либо действие, изменять свое поведение. Такая манипуляция используется в смысле целенаправленного управления человеческим разумом в определенном направлении.

Информационный терроризм может быть дифференцирован на два вида. Во-первых, – это кибертерроризм. Основная цель кибертерроризма – использование компьютерных сетей в качестве средства нарушения важных национальных инфраструктур: энергетики, транспорта, управления и запугивание правительства и гражданского населения.

Один из ведущих экспертов в области компьютерных преступлений и информационной безопасности, профессор Джорджтаунского университета Дороти Э. Деннинг в своей книге «Активность, хактивизм и кибертерроризм: Интернет как средство воздействия на внешнюю политику» пишет: «Кибертерроризм это попытка незаконного нападения на компьютеры и сети, для того, чтобы заставить правительственные органы изменить свои политические или социальные цели» [5, с. 285–289].

Другая разновидность информационного терроризма подразумевает использование Интернета террористическими группами не для непосредственного совершения терактов, а для имущественного, финансового, информационного и прочего обеспечения своей деятельности. Известный американский терроролог Габриэль Вейман выделяет восемь способов использования Интернета террористами: 1) проведение психологической войны; 2) поиск информации; 3) обучение террористов; 4) сбор денежных средств; 5) пропаганда; 6) вербовка; 7) организация сетей; 8) планирование и координирование террористических действий [см.: 2].

Таким образом, терроризм – одна из самых острых проблем в современном мире, и борьба с ним – важная часть политики любого государства. В свою очередь, борьба с информационным терроризмом как новой формой международного терроризма – одна из наиболее обсуждаемых проблем всех государств и международных организаций.

Библиографический список

1. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного: Пер. с англ. /Общ. ред., вступ. статья и коммент. Б. В. Мееровского. – М.: Искусство, 1979. – 237 с.
2. Вейман Г. Как современные террористы используют Интернет. Специальный Документ №116. URL: <http://scienceport.ru/library/literature/5170-spetsialnyiy-doklad-№116-kak-sovremennyye-terroristy-ispolzuyut-internet/> (дата обращения 01.10.2020).
3. Закон Азербайджанской Республики «О борьбе с терроризмом» от 18 июня 1999 года. № 687-IQ. <http://e-qanun.az/framework/3855> (дата обращения 01.10.2020).
4. Михеев. И. Р. ТЕРРОРИЗМ: Понятие, ответственность, предупреждение (уголовно-правовое исследование). Квалификационная работа. – Владивосток: ЮИ ДВГУ, 2003. – 80 с.
5. Mark M.Pollitt, "Cyberterrorism: Fact or Fancy?" Proceedings of the 20th National Information Systems Security Conference, October 1997, pp.285–289.

Франц Валерия Андреевна

Кандидат политических наук, доцент

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Email: val-franc@yandex.ru

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-3018.2019.6 «Когнитивный код "soft power" как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)

Аннотация. Основной целью статьи является демонстрация влияния цифровых технологий на специфику распространения протестных настроений в среде городской молодежи на примере Екатеринбурга. В качестве инструментов эмпирического исследования были использованы опрос молодежи Екатеринбурга и экспертные интервью. Результаты исследований позволили выявить общее социальное самочувствие молодежи Екатеринбурга, степень распространения в ее среде протестных настроений, их характер, причины, предпочтения, предпочитаемые каналы потребления информации, а также когнитивные коды, связанные с протестом.

Ключевые слова: городская молодежь, социально-политический протест, протестные настроения, диджитал-коммуникации, когнитивный код.

Frants Valeriya Andreevna

PhD (Political Sciences), Associate Professor

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

SPECIFICS OF THE SPREAD OF PROTEST MOODS AMONG RUSSIAN URBAN YOUTH UNDER CONDITIONS OF INFORMATION SOCIETY (CASE OF YEKATERINBURG)

Abstract. The main purpose of the article is to demonstrate the influence of digital technologies on the specifics of the spread of protest moods among urban youth on the example of Yekaterinburg. As tools for empirical research, we used a survey of young people in Yekaterinburg and expert interviews. The results of the research revealed the general social well-being of young people in Yekaterinburg; the degree of spread of protest moods in their environment, their nature, reasons, preferences, preferred channels of information consumption, cognitive codes associated with them.

Keywords: urban youth, socio-political protest, protest moods, digital communications, cognitive code.

В последние несколько лет повсеместно в мире, включая Россию, наблюдается существенный рост протестной социально-политической активности. Значительную роль в подобных процессах играет молодежь, проживающая в крупных мегаполисах. Информационный характер современного общества и появление все новых технологий и инструментов цифровых коммуникаций накладывает отпечаток на распространение и интенсивность протестных настроений городской молодежи, а также характер и предпочитаемые формы ее протестных действий. В этом смысле коммуникационный аспект социально-политического протеста представляет существенный научный интерес, особенно в свете специфики социально-политических процессов

в России, накладывающих свой отпечаток, в первую очередь, на возможность трансформации онлайн-протеста в офлайн-формат с последующими трансформациями различных элементов социально-политической действительности.

В своем понимании категории политического протеста мы опираемся на работы Р. Мертона, Д. Дэвиса, Р. Инглхарта, У. Милбрайта, рассматривая политический протест как разновидность политического участия. Протестные настроения мы, в свою очередь, определяем как вид социальных настроений, характеризующихся неудовлетворенностью социальных групп или индивидуумов сложившейся социально-политической ситуацией, неоправдавшимися ожиданиями и, одновременно, готовностью предпринять конкретные действия с целью изменения ситуации.

Выявляемые перечисленными теориями причины и факторы возникновения протестных настроений и действий были заложены нами в основу эмпирического инструментария исследования (вопросов анкеты и экспертного интервью). Важной целью нашего исследования стало выявление наиболее значимых среди таких факторов и причин в контексте распространения протестных настроений в среде молодежи Екатеринбурга. Помимо вышесказанного, мы рассматриваем такие аспекты социально-политического протеста, как пространство реализации (классификации и подходы Г.Г. Почепцова, А.В. Скиперских), а также формы реализации в соответствии с классификацией Л. Милбрайта.

В рамках нашего исследования для нас важно, какую роль играют именно информационное пространство и онлайн-коммуникации в распространении протестных настроений в среде городской молодежи, а также какие каналы и формы такой коммуникации преобладают, являясь для молодежи наиболее значимыми и удобными. Еще одной нашей значимой задачей было выяснить, какой характер протестного поведения преобладает в среде городской молодежи Екатеринбурга, по каким причинам, как и до какой степени на факт преобладания того или иного характера протестных настроений и действий молодежи влияет факт распространения в современном обществе цифровых технологий. В этом контексте за основу нами была взята классификация видов протестного поведения У. Милбрайта.

Социально-политический протест и протестные настроения мы рассматриваем с точки зрения концепции «когнитивного кода». Мы ставим себе задачу изучить, какие когнитивные коды (стереотипы, схемы, диспозиции и др.) преобладают в среде российской городской молодежи в контексте ее протестных настроений, а также какие факторы влияют на их формирование. Термин «когнитивный код» был заимствован нами из теории «конструктивистского структурализма» (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Н. Луман и др.), и рассматривается в ее контексте.

Что касается эмпирических методов сбора информации, был проведен опрос екатеринбургской молодежи, а также серия экспертных интервью. Опрос осуществлялся на базе Уральского федерального университета в 2020-м г. В связи с действующим на момент проведения исследования карантинными мерами, опрос проводился без личного контакта с респондентами, путем интерактивного анкетирования на платформе Google Forms (однако при отборе респондентов тщательно контролировалось их соответствие квотным признакам). Всего в ходе исследования были опрошены 506 представителей молодежи города в возрасте от 14 до 29 лет, отобранные на основании квотной выборки по критериям района проживания, пола и возраста. В рамках применения метода экспертного интервью было взято 5 интервью у экспертов, двое из которых являются академическими исследователями, специализирующимися на проблеме молодежного протеста и ведущими соответствующие исследования в течение нескольких лет, а еще трое – практиками в сфере политики.

Результаты исследования в целом подтверждают основные тезисы теории коллективного поведения, в особенности такого ее подвида, как теория относительной депривации. Проведенный опрос показал, что екатеринбургская молодежь обеспокоена, главным образом, именно проблемами экономического характера и, в первую

очередь, своим материальным положением (уровень материального достатка в целом, включая оплату труда, возможность приобретения жилья). Также молодые люди особенно подчеркивают значимость проблемы коррупции и недостатка справедливости в обществе, больше половины респондентов заявляют о непосредственном личном столкновении с несправедливостью в недавнем прошлом. Доля молодежи, недовольная ситуацией в стране в целом составляет 71%. Опрошенными, со своей стороны, подчеркивают несоответствие ожиданий молодежи и реальности.

Примечательно, что на вопрос «Какие формы протестного поведения Вы бы назвали наиболее эффективными в современной России?» большая часть опрошенных отвечает «Таких форм нет» (33,2%), а третьим по популярности ответом является «Игнорирование выборов, неучастие в политике в целом» (17,8%). На втором месте, правда, располагается ответ «Принять участие в акции протеста» (27,1%). Однако в целом можно говорить о высоком уровне политического абсентеизма в среде молодежи Екатеринбурга, являющегося следствием отсутствия возможностей и ресурсов реализации молодежью социально-политических трансформаций в режиме оппозиционной или протестной активности.

На втором и третьем местах в распределении ответов на вопрос «В чем из перечисленного Вы бы приняли личное участие, если бы хотели как-то привлечь внимание к какой-то острой проблеме в обществе?» заняли варианты «Игнорирование выборов, неучастие в политике в целом» (40,1%), «Не стал бы ничего делать» (29,2%). Первое же место предсказуемо оказалось за вариантом «Написать пост в Интернете, социальной сети». В целом, эмпирические данные показывают, что активность, связанная с выражением и распространением протестных настроений, осуществляется, главным образом, в Интернете.

В целом в молодежной среде наиболее распространены умеренные протестные действия в онлайн-пространстве – подписание петиций, потребление и чуть реже поддержка и распространение протестного контента. Но здесь же и кроется проблема – такая активность, в том числе в силу ее функции «выпуска пара», редко переходит в оффлайн-формат или приводит к реальным изменениям. В этом смысле средства и каналы цифровой коммуникации нельзя рассматривать в контексте теории «мобилизации ресурсов», что связано со спецификой российских социально-политических реалий. Среди источников информации о жизни в России, которыми пользуются молодые люди Екатеринбурга, также преобладают онлайн-форматы. Наиболее популярны с данной точки зрения социальные сети, на втором месте находятся средства массовой информации, на третьем – видеоблоги.

Библиографический список

1. Бурдые П. Начала. Choses dites. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.
2. Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
3. Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // ПОЛИС. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 19–30.
4. Milbrath L. Political Participation: How and Why Do People Involved in Politics. Chicago: Rand McNally & Company, 1965. – 223 p.
5. Почепцов Г.Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Издательство: Европа, 2005. – 513 с.
6. Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 108–113.

Чурашова Екатерина Александровна

кандидат политических наук, старший преподаватель
Казанский государственный энергетический университет
Email: varskvlavi@list.ru

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО ДЕЛЕГИТИМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Аннотация. В информационную эпоху направленная дискурсивная атака активно используется для подрывания доверия к политической системе. Основным инструментом информационной войны за сохранение либо разрушение легитимности становится риторика.

Ключевые слова: политический дискурс, легитимность, информационная война.

Churashova Ekaterina Aleksandrovna

PhD (Political Science), Assistant Professor
Kazan State Power Engineering University

ACCUSATIVE DISCOURSE AS A TOOL OF DELEGITIMATION (A STUDY ON REPUBLIC OF BELARUS)

Abstract. Directed discourse attack is used actively for the erosion of credibility in political system and political leaders in the information age. The rhetoric becomes the main instrument of the information warfare for keeping or destroying the legitimacy.

Keywords: political discourse, legitimacy, information warfare.

Достижение и сохранение легитимности – это обязательное условие функционирования режима, независимо от его типа. На легитимность в большой степени влияют «чувства, установки, ориентации и убеждения граждан» [8, с. 139] в праве на власть того или иного политического деятеля. Установки и убеждения, в свою очередь, формируются и изменяются с помощью средств массовой информации. Таким образом, политические лидеры вынуждены управлять информационным процессом и реагировать на информационные атаки оппонентов, направленные на делегитимацию власти.

В условиях современного медиaprостранства поводом для дискурсивной атаки на оппонента может служить любой незначительный проступок (как реальный, так и сфальсифицированный). Наиболее эффективным для риторического обвинения в политических коммуникациях является электоральный период, что связано, во-первых, с высоким уровнем общественного напряжения и, во-вторых, пристальным вниманием к событию СМИ. Наложение высокой активности массмедиа и блогосферы на социальное напряжение влечет за собой эффект интерференции, при этом увеличение и уменьшение амплитуды волны зависит от дискурсивной защиты.

Для выстраивания эффективного дискурсивного ответа в кризисной ситуации необходимо проанализировать обвинительную риторику. Для изучения особенностей построения обвинительного дискурса был проведен контент-анализ высказываний, направленных на делегитимацию переизбранного на пост президента Республики Беларусь А. Лукашенко, набравшего по данным ЦИК 80,8% голосов. Всего было проанализировано более 50 новостных сообщений в период с 8 августа по 1 сентября 2020 г.

У. Бенойт выделяет два обязательных условия для необходимости формирования дискурсивной защиты: во-первых, действие должно восприниматься негативным; во-вторых, обвиняемый в глазах общественности несет ответственность за случившееся [1, с. 79]. Обвинительная речь может быть направлена против действий политического лидера либо против личности политика. В последнем случае под удар ста-

ваются морально-этические качества обвиняемого. В кризисной ситуации, сформировавшейся после президентских выборов, атаковались как личность, так и действия переизбранного президента. При атаках на действия утверждалось: 1) фальсификация результатов выборов; 2) жестокий разгон демонстрантов.

Как правило, на первом этапе обвинительные высказывания устанавливают виновность на деянии (статус установления Квинтилиана) [см.: 4]. Заявления о фальсификациях на президентских выборах Беларуси, а соответственно, и о нелегитимности выборов, стали появляться в первые часы после закрытия участков для голосования из штаба одного из кандидатов в президенты С. Тихановской, при этом уверялось о поддержке ее кандидатуры большинством населения страны [см.: 7]. Все дальнейшие дискурсивные атаки были направлены на усиление обвинения. На втором этапе - статусе определения (что именно было совершено?) – внимание публики концентрируется на конкретных примерах нарушений, указывая, в первую очередь, на заведомо высокую явку на досрочных выборах [см.: 6].

Большая часть обвинительных высказываний в Беларуси формировалась вокруг статуса оценки Квинтилиана, отвечающий на вопрос «Какого типа это действие?». Сформулированный дискурс в этом случае вызывает скорее к эмоциям, чем к логике. На первый план здесь выходят атаки на личность вновь избранного президента: *«Мы... требуем одного – чтобы господин Лукашенко в лучшем случае сел на свой самолет и покинул страну»* [см.: 5]. Лейтмотивом атаки на личность А. Лукашенко стал лозунг «Перемен!». Большую роль в формировании обвинения на данном этапе сыграли США и европейские страны, а также межнациональные организации (ЕС, НАТО), значительная часть дискурса которых также формировалась вокруг статуса оценки. При этом в дискурсе зарубежных политиков преобладают негативные оценочные высказывания, касающиеся политического режима Белоруссии в целом: *«систематические репрессии», «политические заключенные», «диктатура», «жестокое и коррумпированное правление»*.

Согласно исследованиям У. Бенюта и Б. Дорриеса, усилить воздействие дискурса обвинения можно двумя способами:

- 1) увеличить воспринимаемую ответственность;
- 2) увеличить воспринимаемый негативный эффект [см.: 2].

Исследование показало, что значительная часть обвинений была направлена на развитие негативного эффекта. Во-первых, отрицательный эффект усиливался заявлениями о негативном воздействии на жителей государства: обвинения в жестоким разгоне протестующих, пытках в тюрьмах, давлении на журналистов и отсутствии свободы слова. Во-вторых, обращалось внимание аудитории на постоянство негативных эффектов, перечисляя все отрицательные и неизменные, по утверждению обвинителей, стороны 26-летнего правления А. Лукашенко [см.: 3].

Третьим направлением усиления негативного эффекта стало фокусирование внимания публики на обязанности защищать жертву, при этом в качестве «жертвы» в обвинительном дискурсе имеется в виду как не только протестующие, но и все население республики [см.: 9]. В-четвертых, обвинители утверждают о невиновности и беззащитности жертвы. Все протесты, согласно обвинительным высказываниям, носят мирный характер.

Таким образом, для сохранения легитимности апологетический дискурс вновь избранного президента Белоруссии должен соответствовать риторике обвинения. Во-первых, в дискурсивной защите нуждается как действия (апология по статусу установления), так и личность А. Лукашенко (апология по статусу оценки). Во-вторых, в защитительной риторике необходимо применить стратегии, направленные на минимизацию негативного эффекта, а также усиление положительных эмоций по отношению к обвиняемому.

Библиографический список

1. Benoit W. L. Accounts, excuses, and apologies: A Theory of Image Restoration. – Albany: State University of New York Press, 1995. – 208 p.
2. Benoit W., Dorries B. "Dateline NBC's persuasive attack on Wal-Mart." *Communication Quarterly*. – 1996. – № 44. – Pp. 463–477.
3. Ануфриева Н. Тихановская заявила о готовности стать национальным лидером Белоруссии. URL: <https://vz.ru/news/2020/8/17/1055381.html> (дата обращения: 10.09.2020).
4. Беликов А. Е. Учение о статусах у Квинтилиана (ad inst. Or. 3. 6. 88, 94) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. – 2018. – №1. – С. 91–101. DOI :10.30842/ielcp230690152207.
5. Зубарев Д. Работники МАЗа потребовали от Лукашенко отпустить задержанных и уехать из страны. URL: <https://vz.ru/news/2020/8/14/1055081.html> (дата обращения: 10.09.2020).
6. Наблюдатели заявили о завышении явки на выборах в Белоруссии. URL: <https://www.interfax.ru/world/721274> (дата обращения: 10.09.2020).
7. Никитин А. Тихановская заявила о поддержке большинством граждан Белоруссии. URL: <https://vz.ru/news/2020/8/9/1054098.html> (дата обращения: 10.09.2020).
8. Скиперских А.В. Легитимация власти в теоретических построениях российского и зарубежного политического дискурса // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. – 2007. – № 8 (4). – С. 136–144.
9. Юдина А. В ОБСЕ призвали Минск немедленно отпустить задержанных. URL: <https://vz.ru/news/2020/8/13/1054906.html> (дата обращения: 10.09.2020).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

INTERDISCIPLINARY CULTURAL STUDIES IN THE EPOCH OF INFORMATION SOCIETY

Басалаева Оксана Геннадьевна

кандидат философских наук, доцент
Кемеровский государственный институт культуры
Email: oksana_basalaeva@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К КОММУНИКАЦИИ КАК К АСПЕКТУ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Анализ взаимосвязи и взаимодействия коммуникации, культурной картины мира и информационной картины мира базируется на синтезе новейших концептуальных подходов к методологии междисциплинарности и реализуется, прежде всего, в институциональной сфере культурологии и социальной информатики.

Ключевые слова: информационный подход, культурная реальность, коммуникация.

Basalaeva Oksana Gennadievna

PhD (Philosophy), Associate Professor
Kemerovo State University of Culture and Arts

INFORMATION APPROACH TO COMMUNICATION AS AN ASPECT OF THE CULTURAL PROCESS

Abstract. Analysis of the relationship and interaction between communication, cultural picture of the world and information worldview is based on a synthesis of the latest conceptual approaches to the methodology of interdisciplinarity and realized primarily in the institutional field of cultural studies and social Informatics.

Keywords: information approach, cultural reality, communication.

В современном информационном обществе взаимодействуют системы не только разнообразные по уровню экономического развития, но и обладающие различной культурной спецификой, ценностным содержанием, системами представлений, картинами мира. Такой коммуникативный подход является востребованным и результативным в ситуации множественности культур и социокультурного разнообразия, открытости к интеграции в глобализирующемся мире.

В течение длительного времени вокруг центрального понятия «коммуникация» ведутся серьезные дискуссии. В зависимости от его трактовки и смыслового наполнения коммуникация становится объектом исследования разных областей научного знания; категорией, вокруг которой выстраиваются концепции и формируются подходы к исследованию мира материальных объектов и символов, ценностей, искусственных порядков и человеческих отношений.

В обсуждении данной проблемы сложились несколько подходов (например, информационный, деятельностный и др.). Один из них представлен в концепции информационного общества. Считается, что информационные средства являются единственным стимулом и источником социокультурного развития. В этом случае знание и информация движутся от одного социального субъекта – индивида – личности, социальной группы и т. п. к другому социальному субъекту. Но это движение

рассматривается не само по себе, а как результат взаимодействия информационной картины мира, культурной картины мира, личности и общества.

В этом плане, как подчеркивает Т. Ф. Кузнецова, следует различать «картину мира» как форму научной идеализации философско-теоретической реконструкции культуры и картину мира как «общий образ мира, включающий в себя логические и образные представления в форме системы художественных констант и динамических структур и цепочек» [6, с. 66].

Информационная картина мира имеет системную организацию, системообразующим признаком которой выступает понятие информации. Характер понятия «информация» выражает способ осознания и понимания действительности в информационной картине мира. Мир становится резервуаром еще не освоенной информации. Субъект становится приёмником и преобразователем информации. Результатом такой преобразовательной деятельности становятся технические объекты и процессы, а также развивается понимание того, что психические, биологические, социальные процессы следует интерпретировать как информационные [3, с. 277].

Феномен коммуникации как процесс общения, как процесс передачи того или иного содержания от одного сознания (коллективного или индивидуального) к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях, позволяет интерпретировать коммуникацию как информационный процесс.

В культурологии коммуникация рассматривается с разных позиций как важнейший аспект культурных процессов и систем [2, с. 129]. Следует отметить, что коммуникации в культуре в качестве результата, с одной стороны, репрезентируют в содержании культурной картины мира ценности, смыслы, типы деятельности и их результаты и т. п., а с другой – сами перестраиваются под влиянием и усвоением в интервидной сфере личности соответствующих ценностей, смыслов, типов деятельности и их результатов и т. п. Это взаимовлияние и представлено в жизнедеятельности людей разнообразными видами коммуникаций.

Культурная картина мира является продуктом философско-культурологических изысканий ряда ученых и мыслителей, формирующих знание о культуре во всем его многообразии – культурной реальности [см.: 1; 4, с. 218]. Одной из составляющих культурной реальности является наличие фундаментальных теоретических законов в культурологическом знании. К ним относится, прежде всего, закономерность межкультурной коммуникации. Межкультурные коммуникации могут позволить преодолеть межнациональные барьеры во всем мире, а также культурные барьеры, которые возникают между субкультурами в пределах одной страны. Здесь основная задача – определить эффективные способы передачи информации культурно различными группами таким образом, чтобы избежать культурной поляризации.

Эффективная коммуникация между культурами – это инструмент успеха, в том числе, и в культурной политике. В «Основах государственной культурной политики» к объектам культурной политики отнесены системы межличностной и общественной коммуникации [см.: 7]. Коммуникация, развивающаяся в разных направлениях, как на фундаментальном, так и на прикладном уровнях, в полной мере готова отвечать на вызовы времени [см.: 5]. Соответственно, применительно к культурной политике культурологический подход к коммуникации также претерпевает значительные трансформации, что связано с переосмыслением базовых категорий в контексте социальных и культурных изменений современного мира. Так как важнейшей задачей, стоящей на пути к достижению основных целей государственной культурной политики, является не только широкое информирование о ее сущности, но и понимание этой сущности. Решение данной задачи, с одной стороны, служит расширению каналов коммуникации между государством, культурой (включая науку и образование) и мультикультурным обществом (симбиоз традиций и обычаев различных народов,

национальных культур, религий), а с другой – готовность мультикультурного общества принять и усвоить передовые идеи.

Если коммуникация приобретает широкий общественный характер и становится систематически организованной, то она становится массовой коммуникацией. Коммуникация и массовая коммуникация выступают различными формами процесса взаимосвязи и взаимодействия общественных субъектов, в котором происходит обмен деятельностью, информацией, опытом, способностями, умениями и навыками, а также он выступает в качестве одного из необходимых и всеобщих условий формирования и развития общества и личности. В его изучении принято выделять прямое общение – непосредственный контакт, обладающий большей силой эмоционального воздействия, внушения и социально-психологическими механизмами «заражения» и «подражания». Кроме того, в изучении феномена общения выделяют косвенное общение, когда между партнёрами существует пространственно-временная дистанция. В этом случае осуществляется усвоение общественного сознания посредством литературы, восприятия произведений искусства, средств массовой коммуникации и т. п. Подобное общение имеет большое значение для обогащения всей системы отношений личности с миром, разрывает рамки непосредственного окружения, делает индивида причастным ко всем событиям мира, к разным поколениям, странам, эпохам [см.: 8, с. 448].

Таким образом, феномен коммуникации и общения является процессом взаимосвязи и взаимодействия социальных субъектов (классов, групп, личностей), в котором происходит обмен деятельностью, информацией, опытом, способностями, умениями и навыками, а также результатами деятельности. В общем плане, коммуникация представляет собой, с одной стороны информационный процесс, а с другой – социокультурный процесс, отражающий общественную структуру и выполняющий в ней связующую функцию.

Библиографический список

1. Basalaeva O. G. Features of Cultural Reality in Cultural World-View // Journal of Siberian Federal University. – Humanities & Social Sciences. – Krasnoyarsk. – 2016. – Vol. 9. – № 2. – Pp. 342–349.
2. Басалаева О. Г., Балабанов П. И. Особенности процессов коммуникации в науке, культуре и обществе // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово. – 2015. – № 32(3). – С. 127–132.
3. Басалаева О. Г. Информационный образ мира: функциональный подход // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 24. – С. 274–280.
4. Басалаева О. Г. Функция понимания в частнонаучной картине мира // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 18. – С. 215–220.
5. Басалаева О. Г. Процедура коммуникации и понимания в информационной картине мира // Социальные коммуникации и эволюция обществ. – Новосибирск: НГТУ, 2018. – С. 181–186.
6. Кузнецова Т. Ф., Луков Вл. А. Культурная картина мира в свете тенденции развития культурологии // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). – 2009. – № 1. – С. 66–69.
7. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706. (дата обращения: 01.10.2020).
8. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Вейнмейстер Анастасия Валентиновна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова

Email: an.wein@mail.ru

Григорьева Юлия Викторовна

кандидат культурологии, старший преподаватель

Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова

Email: neweloise@mail.ru

**МАРГИНАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. Рубеж XX–XXI вв. связан с распространением новой культурной и технологической среды – виртуальной реальности. Эти процессы в современной культуре оказывают значительное влияние на социально-культурную сферу, трансформируя способ мировосприятия и образ жизни человека. Статья посвящена характеристике маргинальной картины мира современного человека, находящегося на границе физического и виртуального пространства.

Ключевые слова: реальность виртуального, информационное общество, маргинальность, антропология, идентичность.

Veinmeister Anastasiia Valentinovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

St.Petersburg State Conservatory

Grigoreva Iuliia Viktorovna

PhD (Cultural Studies), Assistant Professor

N.G. Kuznetsov Naval Academy

THE MARGINAL ANTHROPOLOGY IN INFORMATION SOCIETY

Abstract. The virtual reality appeared at the turn of the late twentieth and early twenty-first centuries as a new cultural and technological phenomenon. The process of virtualization in contemporary culture has a significant impact on the socio-cultural sphere, transforming the way of worldview and the way of life of humans. The article is devoted to the marginal view of the world of contemporary people.

Keywords: virtual reality, information society, marginality, anthropology, identity.

Исследование социокультурного пространства XXI в., которое образуется в результате сложного соотношения виртуальности и реальности в информационном обществе, позволяет констатировать формирование и развитие специфических антропологических феноменов. Эти явления свидетельствуют об изменении традиционных представлений о человеке, его поведении и формах жизни, в связи с чем возникает необходимость нового определения границ человеческого бытия.

Тотальная маргинализации культуры информационного общества связана не только и не столько с нахождением человека вне «магистральной», некоего символического «центра», за его границей или на границе, сколько с открытостью и гетерогенностью. Необходимость переосмысления маргинально-магистральных границ приводит к размыванию таких классических оппозиций, как традиции и новации, старое и новое, своё и чужое, сакральное и профанное и многих других. Строгая дихотомия воспринимается как излишний онтологический и социальный опыт, что требует постулирования и обоснования новых форм определения и называния способов концептуализации окружающего мира.

За последние несколько десятилетий были сформированы новые научные направления (маргинальная антропология, медиаантропология, киберантропология,

цифровая антропология и др.), изучающие отношение человека и цифровой техники, физической и виртуальной реальности, широкий спектр культурных практик сети Интернет (работа, учеба, общение, отдых, ритуалы и пр.). В фокус внимания попадают труд и образование, повседневные способы общения и организация свободного времени, заказ разнообразных товаров, воображаемые прогулки по виртуальным музеям и городам, даже ритуальное пространство онлайн-браков, похорон, религиозной службы в виртуальной церкви.

Перечисленные примеры свидетельствуют о постепенном складывании культуры современного информационного общества как «реальной виртуальности», формирующей воображаемые идентичности внутри виртуальных сообществ. Появление во второй половине XX в. «культуры виртуальной реальности» [1, с. 237] означало не только и не столько технологический прорыв в компьютерных технологиях, сколько создание новой «среды обитания» человека. Виртуализация культуры привела к таким явлениям, как миграция границ и форм идентичностей, диктат визуальных образов, метаморфозы в понимании человека и культурных границ, изменение телесности. Редукция жизненной реальности к «окну» киберпространства, полагает С. Жижек, в перспективе приведет к «тотальной субъективизации» и «тотальной объективизации» [1, с. 232]. Человек, погруженный в киберпространство, сам станет его продуктом.

Культура реальной виртуальности соединяет разнонаправленные тенденции: глобализация и мультикультурализм не исключают локализацию и кластеризацию общения, потребления, труда и досуга; компьютеризация, информатизация и виртуализация бытия человека сочетаются с повышенным вниманием к физическому миру, телесности, здоровью, правильному питанию, спорту.

Виртуализация затрагивает не только досуг и общение, но в большей степени производство товаров и особенно услуг. Развитие новых технологий, появление и стремительное расширение рынка электронных гаджетов, набирающая обороты потребность в знаниях компьютерной техники, бизнеса и аналитики, появление новых объектов для исследования (например, виртуальные миры, массивы данных – big data, «облачные» технологии), появление новых языков программирования, растущая значимость пользователя как главного потребителя сайтов компаний – таковы современные тенденции. Появились новые профессии: игропрактик, цифровой лингвист, программист-разработчик мобильных приложений, интернет-маркетолог, специалист в области кибербезопасности, 3D-проектировщик, IT-медик, дизайнер интерфейсов и виртуальной среды, аналитик big data.

Виртуальные технологии размывают пространственно-временные границы. Восприятие времени субъективно и, как полагают ученые, основано на внутренних обменных процессах («биологических часах», к которым относится, например, и ритмическая смена возбуждения и торможения в головном мозгу). Темпоральные характеристики промежутков времени при этом зависят от степени включенности внимания человека (чем интереснее дело, тем быстрее летит время, если судить по ощущениям). Человек привязывает восприятие времени к своему телу. Восприятие пространства ещё больше, чем время, связано с восприятием человеком своего тела, более того, оно концентрируется в понятии места. До появления культуры виртуальности быть в конкретном месте пространства означало занимать одну точку пространства, ибо человек ощущал себя как физическое тело, способное к нахождению в определенном месте пространства и времени.

Маргинальность положения человека в культуре реальной виртуальности связана также с тем, что пространство «приватной публичности» Глобальной деревни ориентировано на индивидуальные переживания, но является феноменом массовой культуры. Постулировавшие еще недавно права и свободы (в том числе вседозволенность и анонимность) пользователей Интернета стремительно изменяются. В последние годы подвергаются все большим ограничениям, в том числе цензуре,

различные типы активности в Глобальной Сети. Благодаря повсеместному внедрению ИТ-разработок в области труда и досуга современный человек переносит в Интернет большую часть действий по выстраиванию личных и профессиональных связей, формированию идентичности и осуществлению разнообразных действий от поиска работы, оформления документов и управления собственностью до общения с «френдами», заказа вещей в Интернет-магазинах и записи к врачу. При этом многосторонняя презентация себя другим имеет в качестве логичного следствия раскрытие персональной информации пользователей: интересы, увлечения, желания, симпатии и комментарии превращаются в элементы публичного образа, не всегда сознательно выстраиваемого.

Игровые моменты переплетаются с реальной информацией о личности. Благодаря ресурсам Интернета о человеке, с которым происходит общение, известно много информации, которую он сам распространяет (например, пол, возраст, внешность, место учебы/работы, круг знакомств, политические и иные предпочтения, предпочитаемые места путешествий и принятия пищи, формы досуга и прочее). Зачастую эта информация является частью сознательно конструируемого образа (и образа пользователя, и его воображаемого образа жизни).

Антропологическая ситуация XXI в. требует осмысления тотальной виртуализации культуры и её последствий. К позитивным последствиям виртуализации человека можно отнести рост познавательных возможностей и увеличившуюся скорость поиска и первичной обработки информации, интерес к новым гаджетам, расширение количества социальных взаимодействий, навык коммуникации с различными людьми во всевозможных ситуациях, увеличение роли визуальной памяти, поощрение инициативности, доступность творческого самовыражения. К негативным последствиям относятся: качественное снижение взаимодействия индивидов внутри социума, отчуждение от реальности вплоть до полного эскапизма, эмоциональная дистанция, развитие депрессивных состояний, утрата ценностных ориентиров, размывание идентичности.

Подводя итог, можно констатировать несколько ключевых аспектов маргинальной антропологии современной цифровой эпохи. Распространение виртуальных феноменов и в целом культуры реальной виртуальности ставит под вопрос понятие человека, границы культурных миров, а также телесность, эмоциональность и идентичность личности. Существование человека XXI в. является маргинальным, потому что он вынужден преодолевать границы пространства и времени как в реальном (физическом), так и виртуальном (воображаемом, технически обусловленном) мире, определять себя в этих мирах, создавать новую идентичность, решать проблему вневхождения в пространство и времени, отсутствия «своего места» и многочисленность ролей в атомизированном обществе.

Библиографический список

1. Капель М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
2. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Чума фантазий. – Харьков: Гуманитарный центр, 2012. – С. 219–282.

Вовк Мария Алексеевна

студентка гуманитарного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Email: mari.vovk.98@mail.ru

ВЗГЛЯД СЕРДЦА В ПЕЙЗАЖАХ КАСПАРА ДАВИДА ФРИДРИХА

Аннотация. В работе анализируется творчество художника эпохи немецкого романтизма Каспара Давида Фридриха, затрагивается проблема взгляда и образа на картине, взаимоотношений человека и природы, природы и художника.

Ключевые слова: Каспар Давид Фридрих, живопись, эстетика, образ.

Vovk Maria Alekseevna

Student, the Faculty of Humanities
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE VIEW OF THE HEART IN THE LANDSCAPES OF KASPAR DAVID FRIEDRICH

Abstract. The article considers and analyzes the work of the artist of the era of German romanticism Kaspar David Friedrich, touches on the problem of the view and image in the picture, the relationship between man and nature, nature and the artist.

Keywords: Kaspar David Friedrich, painting, aesthetics, image.

*Закон для художника — его чувство. Чистое ощущение не может противоречить природе, может лишь соответствовать ей.
Каспар Давид Фридрих (1774–1840)*

Эпоха немецкого романтизма (конец XVIII — середина XIX века) захватила все сферы культуры и предстала перед человеком и обществом как целостное явление, отразившееся во многих памятниках изобразительного искусства. Вклад романтического движения в эстетику характеризуется рассмотрением красоты в искусстве и в жизни, проблемы художественного смысла и художественного знака с определенного ракурса. Эстетические взгляды в этот период выстраивают под собой натурфилософское основание, подразумевающую связь между чем-то прекрасным и постоянно развивающейся природой в широком смысле этого слова. «Эстетика романтизма есть, в самом общем виде, эстетика организма, эстетика натурфилософски понятого организма» [5, с. 16]. Какая-то часть мира в натурфилософской концепции содержится в себе и остальной мир, развитие одного организма отражает развитие жизни и ее форм в целом.

Важно отметить, что все художественное творчество у немецких романтиков постепенно превращается в «предмет сердца», «в душевную потребность», «в человеческую поэзию» [5, с. 23]. Эстетическое для романтика — это живое и вечно меняющееся, обретающее все новые формы и скользящее сквозь них. «Живое — органический элемент мироздания и момент всеобщего, проходящего сквозь всё бытие движения» [5, с. 31]. Романтическая эстетика — это, прежде всего, живая эстетика образа, в котором нашла отражение связь внутреннего и внешнего. Кроме того, из внешних явлений и вещей прорастает не только их внутренняя сущность, но и сам наблюдаемый их человек, который в свою очередь оказывается тоже наблюдаемым извне этими вещами. Так окружающий мир становится универсумом, в котором вещи отражают друг друга, замыкая бесконечное послание образа в форму, доступную человеческому глазу.

Роль взгляда на картине играет первостепенную роль, так как именно он, совершающий свой акт познания через движение по предметам, превращает невидимое

в видимое и доступное нам в момент рассматривания картины. Французский феноменолог М. Мерло-Понти в работе «Око и дух» [4] очень четко указывает на эту таинственную задачу и способность художника — раскрыть посредством видимых средств сущность изображаемого и сделать его для нас реальным. Он пишет, что освещение, тени, отблески, цвет подобны призракам: они обладают лишь видимым существованием и видны не всем. «Взгляд художника спрашивает их, каким образом им удастся соединиться, чтобы перед нами оказалось нечто сущее и эта вот вещь, чтобы сложился таинственный талисман мира и чтобы мы увидели видимое» [4, с. 20]. Сам художник Каспар Давид Фридрих в своих записях, опубликованных после смерти его другом Карлом Густавом Карусом (1789 – 1869) – крупнейшим теоретиком романтизма в искусстве – решает эту задачу так: «Закрой свои глаза, чтобы сначала увидеть свою картину духовным взором. А потом извлекая наружу все, что видел во тьме, чтобы все это воздействовало на других — извне и изнутри» [3, с. 20]. Подобные рассуждения встречаются и у современного философа, исследователя искусства Франсуа Жюльена, рассуждающего об образе и форме в живописи Востока и Запада. В своей работе «Великий образ не имеет формы, или Через живопись – к не-объекту» [2] он также отмечает, что в вопросах живописи приоритетная роль отдается взгляду, способному соединить разрозненное и невидимое в целостное и видимое. Еще одна цитата самого художника говорит нам о роли внутреннего зора в искусстве: «Художник должен рисовать не просто то, что видит перед собою, но и то, что видит в себе» [3, с. 20].

Пример такого зора мы наблюдаем во всем творчестве Каспара Давида Фридриха, чьи пейзажи демонстрируют знаковую взаимосвязь, сопряженность всего отдельного. Изображение здесь символично или скрывает в себе символ. Каждая деталь на картине живет, дышит не в разделенности, но во взаимосвязи и гармоничности. «Всякая вещь и все они вместе — все они, как знаки, указывают на внутреннее, что стоит за ними и им предшествует. Однако отношение — не абстрактное: знак здесь — сигнатура, шифр, очертание внутреннего, его видимая поверхность, зримый образ того, что скрыто и находится внутри вещей, всякая вещь выводит наружу то, что иначе осталось бы без образа и без имени. Кроме того, это отношение — живое: знак не прибавлен к вещи или к сущности, и он не в стороне от нее, но вещь как знак есть сама же проросшая, означившаяся ее сущность» [5, с. 32]. Так, деревья на картине «Мужчина и женщина, созерцающие луну» вырастают из земли, но и в землю уходят, питаются от нее, находя там исток, тем самым предстают как зримый образ скрытого в глубинах почвы. А луна и звезды будто смотрят с неба, это «глаза неба»: они протискиваются светом через покров небес и взирают на нас изнутри невидимого. Все сплетено. Эти образы связаны не только друг с другом, но и с главным героем на картине — с человеком и его душой. Сердце человека вплетается в сердце мира, находя в нем покой. Немецкий историк искусства Норберт Вольф уже в названии своей работы [1] замечает, что спокойствие парадоксально характерно для кисти Каспара Давида Фридриха и проявляется именно благодаря находящимся в постоянном потоке движения страстям, идеям, перевоплощениям, происходящим в природе и человеческой жизни — когда постоянно находишься в центре шторма, именно он и становится источником расслабления и спокойствия. Делая остановку на этой мысли, можно предположить, что образы океана и захваченных его стихией кораблей, изображенных на картине «Северный Ледовитый океан» (второе название — «Крушение надежды») отсылают не к бушующим чувствам немецких романтиков, но к внутреннему покою наблюдательного сердца, сумевшего найти красоту и гармонию в метаморфозах судьбы и истории.

Библиографический список

1. Вольф Н. Каспар Давид Фридрих. 1774-1840. Художник спокойствия. – М.: Арт-родник. – 2006. – 96 с.

2. Жюльен Ф. Великий образ не имеет формы, или Через живопись – к не-объекту. – М.: Ад Маргинем Пресс. – 2004. – 368 с.

3. Карус К. Г. Фридрих-пейзажист // Эстетика немецких романтиков. – М.: Искусство. – 1987. – С. 797–505.

4. Мерло-Понти М. Око и дух. – М.: Искусство. – 1992. – 63 с.

5. Михайлов А.В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. – М.: Искусство. – 1987. – С. 7–43.

Вольнов Илья Николаевич

кандидат технических наук

Московский политехнический университет

Email: ilja-volnov@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ №20-511-00003.

ИСКУССТВО, ПОРОЖДАЮЩЕЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Рассмотрены механизмы порождения времени в современной науке и истории. Показана уникальная значимость искусства порождать время, в ситуации системного кризиса цивилизации, когда наука и история останавливаются в беспомощности.

Ключевые слова: история, наука, искусство, время, спонтанность, сакральное, самоорганизация, прошлое, будущее, сингулярность.

Volnov Ilya Nikolaevich

PhD (Engineering Sciences)

Moscow Polytech University

ART THAT GENERATES TIME

Abstract. The paper considers mechanisms of time generation in modern science and history. It shows the unique time generating value of art in the situation of a systemic crisis of civilization, when science and history stop helplessly.

Keywords: history, science, art, time, spontaneity, sacred, self-organization, past, future, singularity.

Понимание истории как науки о прошлом сегодня в ситуации большого цивилизационного сдвига меняется. Эти изменения радикальны, неожиданны и многообещающи. Проследим их, сделав акцент на мировоззренческих аспектах и взаимоотношении истории и искусства. Главная задача истории – изучение событий прошлого и связывание их в хронологическую последовательность, порождая историческое время и переводя его из бесформенного состояния в форму понятного, связанного времени, в котором наше сознание чувствует себя комфортно и может в нем мыслить. Простейшая форма такого времени определена в классической физике линейным, бесконечным временем, направленным из прошлого в будущее и механически измеряемым хронометрами. Однако время физики и истории не совпадает. Если в первой оно однозначно и просто определено, то «...историческая наука до сих пор не выработала единого и более-менее ясного определения исторического времени, определяя его как темпоральное воплощение социального... время человеческое...» [1, с. 59]. Это различие проходит по противоречию «материализм – идеализм». В материализме время существует объективно (время физических наук), в идеализме – оно есть свойство сознания.

Но время науки меняется вместе с ней самой. Первое такое изменение: осознание конечности времени, к которому приводит развитие физики в направлениях термодинамики, космологии и др. Отметим, что эта идея была ясно представлена во всех ненаучных системах мировоззрения (эсхатология, Атропос и др). Из современных построений конечность времени выражена в концепциях «конца истории» Ф. Фукуямы и «технологической сингулярности» Р. Курцвейла. Последняя интересна тем, что быстро и радикально преобразовывая техносферу, обладает особенностью, на которую предпочитают не обращать внимания. С экспоненциальным ростом симметрично нарастает инерция техносферы, ее зависимость от принятых ранее решений и приводящая к тому, что будущее как пространство выбора схлопывается до

одного единственного сценария, а мы оказываемся заложниками истории, пойманными в ловушку прошлого без возможности из нее выбраться средствами этого прошлого. Единственный выход – это перенос сознания в будущее, туда, где оно уже не предопределено прошлым, а время еще не оформлено, и к его оформлению могут быть приложены творческие усилия сознания. Возникает большой интерес к методам работы с будущим, которые создаются во второй половине XX в. и включают в себя как научные методы математического моделирования истории и будущего, так и ненаучные методы его прогнозирования: форсайт, стратегирование, средовое прогнозирование и др. История обретает новое измерение и получает возможность работы не только с событиями прошлого, но и формировать события будущего и связывать их между собой.

Следующий аспект – создание неравновесной термодинамики и открытие процессов самоорганизации. Порождение времени как нового структурного состояния системы связано здесь не только с объективными внешними факторами воздействия на систему, но и с определенным уровнем сложности ее строения, т.е. внутренним фактором, в некотором смысле субъективным. Структура времени усложняется, в нем теперь есть не только привычный греческий Хронос, но и непривычный Кайрос – событийные качественные изменения, обусловленные спонтанной совокупностью внешних обстоятельств и внутренней к ним готовностью. История теперь фокусируется не только на объективных процессах и событиях, связанных рационально, но и субъективных, допускающих спонтанное.

Спонтанность, как указывает В.В. Налимов, только сейчас обретает статус философской категории, являясь одной из самых трудных для понимания: «она трудна тем, что должна проявлять себя вне причинно-следственных связей; тем, что она находится вне привычных временных представлений, т.к. в спонтанности решения всегда есть забегание вперед, смешивание будущего с прошлым и, наконец, тем, что спонтанность – трансличностное начало, несущее в себе нечто, непонятным образом связующее личностное и вселенское и тем самым задающее единство Мира ...» [2, с 255]. Через спонтанность хронологическое поле истории расширяется, обретая черты мифологического или сакрального, в которых время циклично и бесконечно. Именно в циклическом времени возможно «забегание вперед» и «смешивание будущего с прошлым». Присваивая себе циклическое время мифологического и сакрального, история редуцирует его актуальную бесконечность в потенциальную.

Осматривая все поле исторического знания, мы замечаем ряд присущих ему противоречий:

- история, с одной стороны, не знает сослагательного наклонения, с другой – только с ним и работает;
- история имеет дело только с эмоционально окрашенным временем, тогда как в своих формализованных построениях она тщательно абстрагируется от эмоциональной сферы;
- история как наука требует воспроизводимости, и в тоже время она есть невоспроизводимый поток неповторимых событий, формирующих историю как уникальный сценарий развития.

Наличие этих противоречий указывает на высокую подвижность исторического знания и возможность развития через проектные преобразования этих противоречий. Так, сейчас мы наблюдаем предложения новых хронологий (А. Фоменко), развитие исторического знания в сторону мета- и психоистории (А. Азимов, С.Б. Переслегин), возникновение математической истории и др. Отметим, что структурные противоречия становятся ресурсом развития истории только в определенных условиях. Так, классическая наука, исключая противоречия в своих построениях, сегодня не может быть приемлемым инструментом развития, тогда как инженерия с ее диалектическим мышлением и проектными методами больше подходит для этой цели. Но с учетом большого интереса к будущему, с которым инженерия работает только

в ограниченных пределах, уникальную значимость в современных условиях обретает искусство и его способы оформления и эмоционального окрашивания времени в областях, недоступных исторической хронологии (миф, эпос, сакральное, будущее).

Современные методы работы с будущим ограничены. Горизонт прогноза или предел предсказуемости науки для сложных нелинейных динамических систем составляет не более 2 недель [3], а ненаучные методы прогнозирования типа форсайта сводятся к техникам согласования позиций группы экспертов. Один из аспектов кризиса научного формата мышления – кризис модельного подхода, понятый как принципиальная методологическая ограниченность науки, когда ни модель, ни ансамбль моделей уже не отвечают вызову сложности. Но процесс познания может быть организован иначе, через создание сред мышления, в которых нет ограничений модельного подхода. Такие среды могут быть созданы искусством в художественных произведениях как формы схематизации мышления, организации среды существования мысли, наглядного представления абстракций высокого уровня и сложных разновременных и разнопространственных процессов с сочетанием в них образности и языка.

Особую значимость искусство получает в сценариях, где имеет место потеря уже существующего, оформленного времени. Это сценарии кризиса индустриальной фазы развития общества при его столкновении с фазовым барьером и выбором одного из двух исходов: перехода через этот барьер в следующую когнитивную фазу развития или «отскока» в новые «темные века» по типу кризиса поздней Римской империи. Другой сценарий экзистенциального кризиса потери всех имеющихся оснований – модель исторической сингулярности А. Д. Панова, согласно которой в середине текущего десятилетия ожидается окончание действия законов планетарной эволюции [4], их полная смена на иные законы, предсказать которые не представляется возможным. Человека наполняет ужас потери оснований, перед «лицом» актуальной бесконечности бесформенного времени. На этом эмоциональном фоне и при сознательной деконструкции существующих исторических форм времени (одна из практик постмодерна) происходит «всплытие реликтов» – форм времени, не относящихся к историческим (сакральное, мифологическое). Задачу «одомашнивания» или «приручения» времени таких реликтов в сжатые, короткие сроки может взять на себя, пожалуй, только искусство.

Подведем итог. Искусство сегодня становится навигатором цивилизации, который прокладывает путь в неизведанные пространства и приручает неоформленные времена там, где современные наука и история останавливаются в своей беспомощности. Искусство принимает на себя сложную задачу вывода цивилизации из ловушки прошлого через перенос в будущее фокуса сознания в целостности его чувственного восприятия и мышления. Оно также устремляет нас в иные области вне современной исторической хронологии, где привычные три формы времени – прошлое, настоящее и будущее – сливаются в его четвертой форме – Вечности.

Библиографический список

1. Чеканцева З.А. Время историческое // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. - М.: Аквилон. – 2014. – 576 с.
2. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. - М.: Водолей Publishers. - 2007. – 368 с.
3. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего / 4-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 384 с.
3. Панов А.Д. Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С.122–137.

Выжлецова Наталья Викторовна

кандидат культурологии, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: maus72@mail.ru

Л. ФЕВР И Э. БЕНВЕНИСТ О ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛОВА «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Аннотация. Слово «цивилизация» появляется практически одновременно во французском и английском языке в середине XVIII в. Рождение этого слова связано с научной и философской деятельностью мыслителей Просвещения, формированием исторического взгляда на поступательное развитие общества, свободного от теологии.

Ключевые слова: цивилизация, культура.

Vyzhletsova Natalya Viktorovna

PhD (Cultural Studies), Associate Professor

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

L. FEVRE AND E. BENVENISTE ON THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF THE WORD “CIVILIZATION”

Abstract. The word "civilization" appears almost simultaneously in French and English in the middle of the XVIII century. The birth of this word is connected with the scientific and philosophical activity of Enlightenment thinkers, the formation of a historical view of the progressive development of a society free from theology.

Keywords: civilization, culture.

Происхождение слова «цивилизация» в середине XVIII в. связано с коренными изменениями в европейском мышлении и культуре. Выдающийся французский историк, один из основателей «школы «Анналов»» Л. Февр осуществил тщательное исследование истории слова «цивилизация» и связал ее с «глубочайшей» революцией, «которую совершила и через которую прошла французская мысль от второй половины XVIII века и по наше время» [5, с. 239].

До XVIII в. во французском языке употреблялись глагол «civiliser» («смягчать нравы», «просвещать») и причастие «civilise» («благовоспитанный», «просвещенный»). Кроме того, в судебной практике существовало слово «civilisation», означавшее «превращение уголовного процесса в гражданский» [1, с. 390].

На протяжении всего XVII в. французские мыслители классифицировали различные народы в соответствии со следующей иерархической шкалой: первая ступень — «дикари»; вторая — «варвары»; третья и высшая — народы, обладающие «civilité» (способностью вежливо вести себя и держать беседу), «politesse» (любезностью) и «police» [5, с. 249]. Причем понятие «police» осознавалось как законы, правила приличия и поведения, которые противостоят варварству и должны соблюдаться для поддержания человеческого общества и государства. Вместе с тем, у слова «police» было «компрометирующее» прошлое, которое «сильно досаждало новаторам», поскольку одно из значений этого слова — «полиция» [5, с. 254].

Появление слова «цивилизация» во французском языке, с одной стороны, связано с увеличением в XVIII в. количества отглагольных существительных на «-isation». С другой стороны, рождение этого понятия стало результатом научной и философской деятельности просветителей, занятых поисками слова, которое означало бы «торжество и расцвет разума не только в сфере законности, политики и управления, но и в области моральной, религиозной и интеллектуальной» [5, с. 253].

Впервые, согласно Февру, слово «цивилизация» (фр. *civilisation*) появляется в посмертном издании книги Н. А. Буланже «Древность, разоблаченная в своих обычаях» (1766), осуществленном благодаря переработке рукописи покойного «инженера мостов и дорог» философом П. А. Гольбахом. При этом в прижизненных работах Буланже данное понятие не встречалось, зато Гольбах впоследствии употреблял его в своих сочинениях.

Французский лингвист Э. Бенвенист нашел более раннее употребление слова «цивилизация» в сочинении В. де Мирабо «Друг людей, или Трактат о народонаселении» (1756–1757). Кроме того, Бенвенист упоминает набросок первой части незаконченного сочинения Мирабо, целиком посвященного рассматриваемому вопросу — «Трактат о цивилизации. Часть первая, эра первая. Глава I. Лепет» (около 1768). По определению Мирабо, соблюдение правил приличий — лишь маска добродетели, цивилизация должна дать обществу «основы и формы добродетели» [1, с. 389]. В целом, «для Мирабо *civilisation* есть процесс становления того, что до него называлось «*police*»» [1, с. 389].

Как убедительно доказал Л. Февр, «слово «цивилизация» появилось на свет вовремя»: в ходе осуществления «великого подвига» по созданию и изданию «Энциклопедии» (с 1751 по 1772); распространения среди образованных европейцев 7 тысяч экземпляров первого тиража книги Вольтера «Опыт о нравах и духе народов» (с 1757 г.), который «установил в первой попытке синтеза связи между некоторыми из основных направлений человеческой деятельности — политической, религиозной, социальной, литературной, художественной — и сделал их неотъемлемой частью истории» [5, с. 255]. Именно в это время «начала приносить плоды философия, четыре основания которой составили Бэкон, Декарт, Ньютон и Локк...» [5, с. 255]. Наконец, особенно важно то, что «порожденная всей «Энциклопедией» в целом, начинает формироваться великая идея рациональной и экспериментальной науки, единой в своих методах и подходах — идет ли дело о покорении природы <...> или о том, чтобы вслед за Монтескье сводить человеческие общества с их бесконечным разнообразием в абстрактные категории» [5, с. 255].

Итак, слово «цивилизация» появляется «вовремя», в ходе «великого подвига» мысли Просвещения, формирования рациональной и экспериментальной науки (Л. Февр) и исторически-оптимистического взгляда на общество, основанного на понимании его эволюции и порвавшего с теологией (Э. Бенвенист).

В английской мысли и языке в середине – второй половине XVIII столетия протекают сходные процессы. Лексема «*civilization*», по мнению Л. Февра и И. Мораса, впервые появляется в «Новом английском словаре» Меррея (1772). Э. Бенвенист же обнаружил это слово у профессора университета Глазго Джона Миллара в «Мыслях, касающихся различия рангов в обществе» (1771), который с ним настолько «свободно обращается <...>, что возникает сомнение, он ли употребил его впервые» [1, с. 394]. А еще четырем годами раньше слово «цивилизация» можно найти в сочинении, опять-таки, шотландца, профессора философии морали Эдинбургского университета Адама Фегюсона «Очерк истории гражданского общества» (1767): «Не только индивид продвигается вперед от детства к зрелому возрасту, но и сам род людской от варварства к цивилизации» [цит по: 1, с. 394].

Как отмечал Бенвенист, у Фергюсона слово появляется на 10 лет позже, чем у Мирабо. Однако нет никаких доказательств того, что Фергюсон находился под влиянием француза или хотя бы его читал. «Напротив, есть основания считать, что термин *civilization* мог появиться в его произведениях или его лекциях до 1767 года» [1, с. 394]. Тем более что, по словам Д. Юма (в его письме от 12 апреля 1759 г. к А. Смитту), Фергюсон уже к этому времени «улучшил свой трактат об Усовершенствовании». Именно этот трактат был издан в 1767 г. под названием «Очерк (опыт) истории гражданского общества».

Интересна судьба слова «цивилизация» в русском языке, которую пытается прояснить лингвист, семиотик, культуролог Ю.Б. Степанов. В своем труде «Константы: Словарь русской культуры» (2001) он упоминает, что лексема «цивилизация» впервые фиксируется в словарях В. Даля (1863–1866) и Ф.Г. Толля (1863–1864). При этом такие синонимы (при отсутствии самого слова), как «гражданские законы» и «гражданское общество», можно найти уже в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) [3, с. 638].

Вместе с тем, еще до появления в русских словарях слово «цивилизация» уже использовалось русскими мыслителями. Слово «цивилизация», как и «культура», входит в словарный состав русского языка уже к середине 30-х годов XIX в.: например, его уже использовал Пушкин в своих письмах на французском языке и в дневниковых записях [4]. Но в «Карманной книжке для любителей чтения книг, газет и журналов» (1837), где впервые появляется слово «культура», «цивилизация» отсутствует.

Первое появление слова «цивилизация» в русских словарях можно зафиксировать в «Полном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1861). Здесь слово обозначается как латинское по происхождению и толкуется как «гражданственность, гражданские добродетели, смягчение нравов» [2, с. 549].

Однако заметим, что появление слова «цивилизация» в русских словарях могло состояться на 15 лет раньше. В 1845–1846 г. вышли два выпуска «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» в издании Н.С. Кириллова (псевдоним М.В. Буташевича-Петрашевского). В связи с «делом петрашевцев» второй выпуск был изъят и уничтожен и стал одним из главных пунктов обвинительного заключения во время суда. Таким образом, третий выпуск словаря, в котором могло быть представлено слово «цивилизация», не был осуществлен в 40-х гг. XIX в.

В качестве обобщающих выводов следует сказать, «что в любом случае история слова civilization в английском языке, по крайней мере в своих начальных этапах, в 1759 году, свободно от французского влияния», и соответствующее исследование в этом направлении «было бы необходимо» [1, с. 396]. Во всяком случае, Бенвенист в отличие от Февра оставляет вопрос открытым: было ли слово «цивилизация» изобретено французами или возникло одновременно и независимо в мысли Англии и Франции в середине XVIII в.

В русских словарях слово «цивилизация» впервые появилось в реформационном 1861 г. При этом столь важное понятие вполне могло бы войти в третий выпуск «Карманного словаря иностранных слов» Петрашевского, если бы это издание увидело свет.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова // Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 2010. – С. 386–396.
2. Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [составленный по образцу немецкого словаря Гейзе]. – СПб.: Е. П. Печаткин, 1861. – VIII, 574 с.
3. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
4. Сугай Л. А. Культура как философский термин. URL: http://www.pseudology.org/Psychology/Culture_termin.htm (дата обращения: 18.10.2020).
5. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бои за историю. – М.: Наука. – С. 239–281.

Карнажицкая Татьяна Вадимовна

Кандидат культурологии, доцент
Институт философии НАН Беларуси
Email: lira @ tut.by

ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ ПОНЯТИЙ КУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ТРАНЗИТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме культурной динамики, которая рассматривается как система культурной реальности, культурной памяти и транзитивности. Культурная динамика не является единым процессом, а представляет собой сложную систему процессов, которые могут быть однонаправленными или иметь разный временной ритм.

Ключевые слова: культурная реальность, культурная память, транзитивность, традиция, социокод.

Karnazhitskaya Tatiana Vadimovna

PhD (Cultural Studies), Associate Professor,
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

THE PROBLEM OF CORRELATION OF CULTURAL REALITY, CULTURAL MEMORY AND TRANSITIVITY CONCEPTS IN MODERN CULTUROLOGY

Abstract. The article is devoted to the problem of cultural dynamics, which is considered as a system of cultural reality, cultural memory and transitivity. Cultural dynamics is not a single process, but is a complex system of processes that can be unidirectional or have different temporal rhythms.

Key words: cultural reality, cultural memory, transitivity, tradition, sociocode.

Проблема культурной реальности, транзитивности и культурной памяти относится к культурологическому ракурсу изучения динамических трансформаций культуры и социума. Важным оказывается практика содержательного наполнения и использования данных понятий в научном дискурсе и, параллельно, осмысление системности связи объективации данных концептуальных реалий в практике преподавания культурологии в вузах. Многие базовые элементы философско-культурологического знания функционируют в современном научном дискурсе как монопонятия. Однако современность требует строгой системности в применении теоретических понятий и их актуализации в новом смысловом пространстве фундаментальной науки.

Понятия культурной реальности, культурной памяти и транзитивности объединены проблемным полем изучения специфики разных временных стадий культурного пространства. При этом контекстуальность этих понятий оказывает влияние на понимание характера текучести времени, культурной процессуальности и пространственных характеристик культурной реальности. Понимание систем культурной памяти и роли в ней транзитивности становится осознанием системы «жизни» реального культурного пространства. Данный ракурс доказывает, что, несмотря на большое количество существующих определений и результативных подходов к пониманию культуры, она остается до конца не осознанным процессуальным феноменом, функционирующим во времени.

Интерес к реформированию социально-культурного характера традиционно обусловлен интересом к созданию будущего, последующего состояния общества. Исследователи отмечают, что объекты реальности становятся неактуальными и теряют

динамику в своем потреблении в реальности, превращаясь в «мертвые» артефакты. Е. Г. Соколов пишет: «...попадая в музей, предмет умирает, исчезает и, невзирая на свою стойкость, не теряя ни йоты в своих феноменологических характеристиках, он, тем не менее, моментально утрачивает подлинность жизни, первичной жизни» [4, с. 65]. Культура, оторванная от реального времени, становится неактуальной и нуждается в сохранении, архивации и систематизации. Такие арт-объекты становятся образами культурного наследия, обладающими скрытым, «законсервированным» культуротворческим потенциалом. Этот потенциал определяет уже иной их культурный статус, который проявляет себя в новых культурных контекстах (экономической ценности, идеологической престижности, брендовой стоимостью и т.д.).

Культурная реальность включает в себя не только предметный, но и символический мир. Именно прочтение символического содержания культуры определяется историчностью. В. Виндельбанд и Г. Риккерт рассматривали историю как целенаправленный процесс, направленный на воспроизводство реального, конкретного события, обладающего уникальностью [3]. Эта уникальность проявляется в символике культуры.

Понятия культурной реальности, транзитивности и культурной памяти можно сопоставить с понятиями традиции и инновации в ракурсе обусловленности разными комплексными интенциями человеческой культуры. Все названные процессы и феномены свойственны разным историческим периодам, в которых всегда имели место традиции передачи из поколения в поколение и осваивания всеми членами социального сообщества необходимых навыков, умений и знаний. Рост культурных (и далее цивилизационных) потребностей социума постепенно увеличивался, что привело к возрастанию культурной вариативности, индивидуальности.

Для динамики цивилизации требовалось наличие устойчивого механизма инновационной динамики. Обеспечение систем преемственности требовало создание устойчивой базы, на которую смог бы опираться инновационный процесс. Поэтому традиция стала ядром культурной памяти, которое обеспечивает устойчивость культурной реальности. Их взаимопроникновение создает культуротворческую платформу для транзитивности. Новая позиция – понимание памяти как культурного феномена. Культурологический ракурс технологий памяти был предложен в работах таких исследователей, как А. Йейтс, Ю. М. Лотман, П. Нора, Я. и А. Ассманн, А. Моль, Д. Лоуэнталь, М. Мак-Люэн, Т. Брейер, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, Э. Тоффлер, П. Хаттон. Культурная память в их исследованиях стала объектом, позволяющим интерпретировать прошлое в культуре с различных позиций истории, социологии, философии и т.д.

Развивается система социокодов, которые многовариантны и принадлежат теме исторической памяти. Это многосложный комплекс символики и ее прочтения в религиозных и художественных системах, идеологии, мифологии и системах коммуникации. Разделение понятий культурной и исторической памяти ставит новые исследовательские задачи.

Возникновение и закрепление в научной практике понятия «культурная память» связано с немецким египтологом Яном Ассманом, который обосновал это понятие как научный термин в ряде работ [1; 2]. В результате в современном научном сообществе оформилось две научных школы: одна обосновывает утверждение, что настоящее определяет наше понимание прошлого; вторая — что прошлое влияет на наше поведение в настоящем. Существует и альтернативное понятие – «мемориальная культура», которая представляет в жизни социума интеллектуально-творческое и нравственное наследие, обуславливающее необходимость использования актуальных форм сохранения, трансляции и освоения культурных образов.

Самостоятельным направлением становится развернутый анализ подходов к исследованию памяти как социокультурного феномена. В современной научно-исследовательской практике равноправно функционируют такие понятия, как коллек-

тивная, общественная, собирательная, историческая, социальная, культурная, индивидуальная, автобиографическая и др. память. Вопрос соотношения всех вариантов осмысления вариативности памяти как технологий культурной практики сохранения и развития осуществили М. Каррутерз, Э. Кейси и др.

В последнее время активно используется понятие культуры памяти, которое отражает комплекс судьбоносных исторических событий и посвящен частным вопросам истории конкретных событий индивидуального характера (работы Дж. К. Олика, А. Ассманн, В. Б. Устьянцева и др.). Для белорусской истории это вопросы исторической событийности Великой Отечественной войны, период распада СССР.

Культурная память есть философское понятие, выражающее единство противоположных категориальных характеристик социально-исторического процесса, обеспечивающее соотношенность изменчивости, устойчивости и преемственности.

Современная культурологическая позиция рассматривает системы деконструкции как закономерного процесса, как результата некоторых противоречий культурного развития. Современные потребности экономико-технологического и социально-культурного характера на стадии трансформации социальной и культурной организации, рецепции существующих форм политической и идеологической культуры в своих национально-этнических формах активизируют диверсификационные процессы. Формирование нового межкультурного и глобального пространства происходит через реструктурирование социокультурных связей и конструирование новых форм социокультурных общностей на новых системах культурной реальности, культурной памяти и транзитивности. Главным ядром становится культурная память, которая выступает объективным механизмом воспроизводства социокультурного целого культурной реальности.

Библиографический список

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемуарная культура и историческая политика / А. Ассман. Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман, Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
3. Бурханов, Р. А. Учение Генриха Риккерта о культуре / Р. А. Бурханов // Историко-философский ежегодник – 2004: сб. науч. тр. / отв. ред. Р. А. Бурханов. Екатеринбург, 2004. – С. 45–50.
4. Соколов, Е. Г. Опыты интерпретации культурного наследия в горизонте пост-модерна / Е. Г. Соколов // *Studia culturae* Вып. 11.: Альманах кафедры теоретической и прикладной культурологии и Центра изучения культуры факультета философии СПбГУ. Лаборатория метафизических исследований. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2008. – С. 34–39.

Кравченко Владимир Иосифович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email Harisma52@mail.ru

Кузнецова Марина Анатольевна

доцент

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Email posolon@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Авторы представили свое видение исследования проблемы интеграции традиционной культуры в условиях информационного общества. Опираясь на собственный опыт экспедиционной практики и ссылаясь на первоисточники, авторы приводят, в качестве примера, краткое описание процесса «погружения» человека в традиционную культуру, быт, песенный фольклор и при этом акцентируют наше внимание на видоизменении мировоззренческой культуры человека.

Ключевые слова. Культура, интеграция, традиции, экспедиция, обычаи, быт, человек, личность, мировоззрение, нравы, осознание, долг, ответственность, общественная мысль, актуальность, анализ, проблема, перспектива.

Кравченко Vladimir Iosifovich

Doctor of Philosophy, Professor

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Kuznetsova Marina Anatolevna

Associate Professor

St. Petersburg State Institute of Culture

FEATURES OF THE INTEGRATION OF TRADITIONAL CULTURE IN INFORMATION SOCIETY

Abstract. The authors presented their vision of the study of the problem of integrating traditional culture in information society. Based on their own experience of expeditionary practice and referring to primary sources, the authors cite, as an example, a brief description of the process of a person's "immersion" in traditional culture, everyday life, folk songs, and at the same time, they focus our attention on the modification of a person's worldview culture.

Keywords: culture, integration, traditions, expedition, customs, everyday life, person, personality, worldview, morals, awareness, duty, responsibility, social thought, relevance, analysis, problem, perspective.

Дорога исчезает тогда, когда по ней перестают ходить, – гласит мудрость древних инков. Народ умирает (отмирает) тогда, когда его дети перестают ценить свои традиции и свою связь с наследием предков. Показателем культуры в любом обществе служит утвердившееся в обычае и сознании человека чувство долга и ответственности. «Там, где оно исчезает, там начинается одичание нравов. В простейшем виде это сознание обязанности каждого сводить свои счета в связи со своими средствами, платить долги свои, в деле частном и общественном давать себе и всем, кому должно, отчет в употреблении денег по долгу или поручению, сознание обязанности мастера исполнить заказанную работу. Когда общество доходит до того, что это самое элементарное сознание истощается, когда самая мысль общественная извиняет и оправдывает явное нарушение долга в малом, тогда истощается малопомалу способность протеста и негодования на нарушение дела в великом, обще-

ственным и государственном деле, бледнеют и спутываются самые основные понятия, на коих утверждается порядок общественной жизни. И тогда, столько бы ни усиливалось в обществе умственное развитие, как бы ни совершенствовались внешние условия цивилизации, культурное состояние такого общества жалкое и опасное» [1. с. 63–64].

Принято считать, что своеобразие культуры определяется не только институциональными факторами, но и характером господствующих в обществе культурных ценностей. В этой связи безусловную актуальность представляет анализ проблем и перспектив становления и интеграции традиционной культуры, с точки зрения исследования состояния культуры российского общества. Сегодня в современной науке не существует единого подхода к пониманию культуры, однако актуальным остается философское высказывание древнеримского оратора Цицерона: «Культура ума есть философия». Универсальность такого высказывания, на наш взгляд, определяется тем, что каждому обществу свойственны свои «культурологические установки», которые не только формируют мировоззренческие ценности человека, но и всегда конкретизируют культуру общества. Признание столь высокого значения традиционной культуры привело современных исследователей к выводу о том, что институты и типы действия в каждой общественной системе должны соответствовать культуре нации.

Любые изменения в обществе, связанные с интеграцией традиционной культуры, представляют собой взаимодействие между субъектами управления культурологическими процессами (в роли которых выступают носители традиционной культуры) и объектами управления (представленными социальными, этническими группами, общественными организациями, обществом в целом и т.д.). Ярким примером подобного рода интеграции традиционной культуры можно считать работу большого числа культурных центров, самодельных коллективов, институтов культуры. Преподаватели и учащиеся такого рода учреждений проводят большую научно-исследовательскую работу по сохранению и развитию традиционной культуры в различных формах её проявления. Самым распространенным методом исследования культуры с последующей интеграцией её в различные слои общества сегодня признан «полевой», или экспедиционный метод. Особенностью такого полевого метода является живое общение участников экспедиции с носителями традиционной культуры.

Если принято считать, что театр начинается с вешалки, то постижение фольклора и исследование традиционной культуры берут свое начало от наших бабушек, носителей и хранителей культуры прошлого. Всякий, кто хотя бы однажды бывал в фольклорных или этнографических экспедициях, хорошо знает, что главное в такой работе – встреча и разговоры с людьми. «Люди, от которых записывали песни и узнавали об обрядах, о годовом порядке работ и праздников, о диковинных словах и музыкальных инструментах, – не бывают забыты... их имена помещаются в комментариях к каждой записи, но их личности, судьбы уходят в тень. А с ними исчезает полнота впечатлений, теряются важные связи: ведь песня не вычерпывается сравнением вариантов, анализом её строения. Самым главным бывает то, что не поддается измерению – то, как она возникает в душе и в слухе» [2. с. 1].

Принято считать, что традиционная культура начинается с убранства, а вернее, костюма. В одной из телепередач, посвященной русскому традиционному костюму, на канале «Культура» уроженка Курской области, носившая когда-то яркий богатый традиционный костюм, на вопрос телеведущего, как правильно его носить, сказала следующее: «Спереди я лицом доторгую, а вот сзади надо потрудиться». В этой короткой фразе отражены ответы на многие вопросы, а именно: что такое народный традиционный костюм, когда надевали его люди прошлого века, что означают ленты, банты и пояса на костюме и многое другое. Об этом можно узнать только во время экспедиционных выездов в глубину нашей необъятной страны. Однако мало услы-

шать историю костюма, необходимо научиться «ступать и молвить», надев на себя костюм, чтобы с определенной аутентичностью показать себя в танце, в *караоке*, в песне, припевке и т.д. Эта задача не из легких, но в этом и есть теоретическое и практическое воплощение интегративной функции традиционной народной культуры. Важно заметить, что экспедиционное «погружение» в традиционную культуру (знакомство с бытом, прикладным творчеством и исполнительством разного рода) позволяет каждому участнику экспедиции не только прикоснуться к культуре прошлой эпохи, но и «познать живую» особенности конкретной традиции, обычая, обряда, т. е. постичь подлинный язык общения. Дальнейшее исследование собранного материала – песенного фольклора, различных артефактов быта, музыкальных инструментов – превращают каждого участника экспедиции во «вторичного» носителя и, если хотите, «дистрибьютора» традиционной культуры. У каждого человека, «окунувшего» себя в традиционную культуру, происходит переоценка ценностей, обогащается его мировоззрение, культура восприятия реальности.

Сегодня большой популярностью пользуются народные гуляния, посвященные праздникам народного календаря, фольклорные фестивали. Принимая участие в них, каждый человек «от мала до велика» может не только «себя показать» в различных жанрах традиционной культуры, но и прикоснуться к истокам традиционной культуры прошлых лет.

Встает закономерный вопрос о том, в чем же причина эффективности такого взаимодействия и самого процесса интеграции. Во-первых, интеграция культуры, построенная на принципах партнерского взаимодействия, требует активного, и, что может быть даже более важно, осознанного участия людей в различных традиционных праздниках, где каждый человек сам себе «режиссер и исполнитель». Без этой жизненно необходимой предпосылки празднества невозможен процесс интеграции традиционной народной культуры. Во-вторых, интегративная функция культуры близка к коммуникативной, поскольку сама культура объединяет народы, социальные группы, государства и любые социальные общности.

Таким образом, традиционная культура, интегрируя и систематизируя такие феномены, как «национальный характер и национальный дух, менталитет и фундаментальные ценности народа», является, по существу, системой ориентации на культурологическое действие внутри данного общества.

Библиографический список

1. Вопросы жизни. Сборник статей. – М.: Синод.Тип. 1904. – 70 с.
2. Судьбы и песни: по рассказам, записанным от трех женщин из курских сел Суджанского района / сост. Е.Е.Васильева. – СПб.: СПбГУКИ., - Курск: ОГУК ОДНТ, 2009. – 32 с.

Макарушина Елена Александровна

Студентка

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: el.makarushina@gmail.com

ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПАРТИЦИПАТОРНОСТИ В МУЗЕЕ КАК УЧРЕЖДЕНИИ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ Н. САЙМОН)

Аннотация: Вопрос о применении партиципаторной культуры в музейной практике начинает возникать в 90-х годах XX столетия. В работе «Партиципаторный музей» Нина Саймон подробно описывает конкретные партиципаторные техники и приёмы работы с посетителями, обосновывает важность их использования для привлечения публики и повышения степени её удовлетворённости. Автор статьи, основываясь на анализе работы Нины Саймон, выявляет причины отсутствия распространения искусства участия и предлагает пути решения возникающих проблем.

Ключевые слова: партиципаторность, феномен партиципации, музей.

Makarushina Elena Aleksandrovna

Student

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

MANIFESTATION OF THE PHENOMENON OF PARTICIPATION IN THE MUSEUM AS A CULTURAL INSTITUTION (BASED ON THE WORK OF N. SIMON)

Abstract. The question of the use of participatory culture in museum practice begins to arise in the 1990s. In her work "Participatory Museum", Nina Simon describes in detail specific participatory techniques for working with visitors, justifies the importance of using them to attract the public and increase its satisfaction. The author, based on the analysis of Nina Simon's work, identifies the reasons for the lack of dissemination of the art of participation and suggests ways to solve the problems connected with them.

Keywords: participativeness, the phenomenon of participation, museum.

Принципы партиципаторной культуры могут применяться в различных организациях, учреждениях. Однако самым ярким примером является музейная сфера. Во-первых, музей — традиционное, классическое пространство, именно поэтому его трансформация крайне сложна. Во-вторых, несмотря на сложность, музейное пространство изменяется и старается следовать временным канонам.

Основной вклад в развитие теории внесла Нина Саймон — специалист в области организации взаимодействия музеев с публикой, куратор выставок, директор Музея искусств и истории города Санта-Крус (штат Калифорния, США). В работе «Партиципаторный музей» Нина Саймон рассматривает различные примеры организованных партиципаторных проектов, однако не даёт историко-социального и философского обоснования феномена партиципации.

Саймон предложила переосмыслить понятия публичных учреждений культуры, в частности, музеев; рассматривать музей как партиципаторное учреждение культуры, то есть как место, где посетители могут заниматься творчеством, обмениваться впечатлениями и общаться на связанные с учреждением темы [1, с. 13].

Партиципаторность является специфической особенностью музеев самого разного направления — от художественных до научных. Разработчики перформансов по-разному отвечают на вопрос о целях посещения и впечатлениях зрителей. Лишь профессионалы знают, как организовать мероприятие, способное удовлетворить

разные группы посетителей; как вовлечь зрителей в игру или наоборот, склонить к спокойному созерцанию. Этим целей не всегда удается добиться, однако исследователи уверены, что оптимальный формат обязательно позволит правильно организовать контент музея и получаемые в нем впечатления [1, с. 19].

Главным отличием между традиционным форматом и форматом соучастия является способ организации потоков информации между учреждением и пользователями.

В традиционном формате посетитель потребляет информацию, которую ему предоставляет музей. Задача традиционного формата — предоставить публике связанное и высококачественное содержательное наполнение, чтобы каждый посетитель, вне зависимости от подготовленности или интересов, получил положительные впечатления.

В формате соучастия учреждение организует разнонаправленные потоки информации. Учреждение культуры выступает в качестве платформы, объединяющей разных пользователей, а те выступают в роли создателей, распространителей, критиков и сотворцов контента.

Партиципаторное учреждение предоставляет возможность каждому посетителю получить собственное впечатление, поучаствовать в его создании. Именно поэтому оно не может гарантировать всем одинаковых впечатлений.

Критерием успешности использования формата соучастия выступает привлекательность контента и платформ для всех участников процесса, вне зависимости от степени их профессионализма. Партиципаторные учреждения должны стремиться не только создавать достойный контент, но и внедрять культурные практики, с помощью которых зрители смогут делиться друг с другом идеями и мнениями различных формах.

Для организации контента концепция партиципаторного искусства предлагает применение различных моделей соучастия. В результате исследований было выделено четыре возможные категории соучастия: собирательство, сотрудничество, сотворчество, гостевое соучастие.

В собирательских проектах процесс контролируется профессионалами, посетителям предлагается лишь привносить строго определенные объекты, действия и идеи. Среди самых распространенных платформ для собирательства можно выделить книги отзывов и компьютеры, где можно оставить свой рассказ, то есть — способы получения обратной связи.

В проектах сотрудничества процесс организуется и контролируется учреждением, посетители могут выступить в роли активных партнеров. По итогам выставок вклад зрителей определяют организованные дизайн и контент.

В проектах сотворчества желающие непрофессионалы с самого начала работают в сотрудничестве с представителями музейного штата, определяют цели проекта, продумывают программу или экспонат. В результате взаимодействия сотрудники в партнерстве с посетителями создают выставки и программы, основанные на общественных интересах и на коллекциях музея.

В рамках гостевых проектов учреждение передает свои ресурсы, помещения под нужды программ, разработанных и осуществляемых любительскими группами или случайными посетителями. Авторы таких программ могут использовать реестры экспонатов как основу для собственных научных исследований или проектов. Гостевые проекты позволяют участникам удовлетворять свои собственные потребности при минимизации роли учреждения [1, с. 243].

Многие партиципаторные проекты предполагают деятельность, которая способствует пополнению контента учреждения. В таких проектах важны три аспекта:

- 1) обучение (посетители осваивают определенные навыки);
- 2) социализация (посетители понимают, что могут внести вклад в работу учреждения или в осуществление конкретного проекта);
- 3) работа (посетители выполняют работу, полезную для учреждения).

В некоторых учреждениях технологии соучастия применяются не только для того, чтобы улучшить жизнь посетителей. Такие технологии могут использоваться с целью повышения стратегической значимости учреждения. Партиципаторные проекты способны изменить имидж учреждения в глазах местных жителей, способствовать установлению новых партнерских отношений. Привлекая граждан к участию в работе учреждения, руководители стремятся оживить и разнообразить деятельность.

Сейчас широко применяются трансформации, связанные с наличием концепции «Музей 2.0». Она предполагает, что любые современные институции, связанные с трансляцией культурных ценностей и культурных объектов, должны не только привлекать пользователей, но и создавать предпосылки, чтобы посетитель мероприятия сам создавал нечто новое. В этом случае очень активно используются цифровые инструменты и устройства, которые дополняют собой некоторые коллекции, выставки, требующие машинно-человеческого взаимодействия, и делают опыт человека, посетившего музей, более интенсивным. Все это добавляет рекреационный и развлекательный компонент, который делает посещение музея более желательным [2].

Таким образом, концепция соучастия предполагает доверие к способностям посетителей создавать, перерабатывать и перераспределять информационный контент. Она подразумевает готовность учреждения к тому, что проект может разрастись и уже гораздо позже выйти за рамки изначального замысла. Партиципаторные проекты позволяют создать гибкие и в какой-то степени равноправные отношения между посетителями и сотрудниками учреждений культуры. Они оказываются способны открыть самым разным людям новые возможности для самовыражения и участия в жизни культурных учреждений, в частности, музеев.

Изучив и проанализировав работу Нины Саймон, автор статьи предлагает выделить и подробно рассмотреть причины, препятствующие широкому распространению феномена партиципаторного искусства в культурной сфере. Среди них можно выделить: отсутствие подготовки музейного персонала к организации и курированию проектов, связанных с искусством участия; отсутствие качественной оценки имеющихся и реализованных проектов; неготовность посетителей к активному участию и другие. В статье автор не только рассматривает причины отсутствия распространения искусства участия, но и предлагает пути их решения.

Библиографический список

1. Саймон Н. Партиципаторный музей. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 368 с.
2. Мороз О. Партиципация как культурная практика. // «ПостНаука». URL: <https://postnauka.ru/video/75977/> (дата обращения: 10.09.2020).

Максимович Валерий Александрович

доктор филологических наук, профессор

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Email: valery.maximovich@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Раскрыта стратегическая роль национальной культурной традиции как значимого фактора социальной стабилизации, сохранения мировоззренческого и внутренне-психологического баланса в социокультурной сфере современного информационного общества. Выявлены основные детерминирующие условия и предпосылки, напрямую влияющие на социокультурное самоопределение субъекта, процессы самоидентификации и самоопределения.

Ключевые слова: культурная традиция, ценности, информационное общество.

Максимович Valery Alexandrovich

Doctor of Philology, Professor

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

NATIONAL CULTURAL TRADITION IN THE SOCIOCULTURAL DYNAMICS OF INFORMATION SOCIETY

Abstract. The strategic role of the national cultural tradition as a significant factor of social stabilization, the preservation of the ideological and internal psychological balance in the socio-cultural sphere of the modern information society is revealed. The main determining conditions and prerequisites are identified, which directly affect the socio-cultural self-determination of the subject, the processes of self-identification and self-determination.

Keywords: cultural tradition, values, information society.

Национальная культурная традиция занимает особое место в системе фундаментальных ценностно-символических средств постижения и освоения жизненных смыслов человека и общества. Само понимание культурной традиции прежде всего подразумевает процесс и результат передачи информации, коммуникативное взаимодействие поколений в межвременной перспективе. Она представляет собой уникальное информационное поле, удерживающее в себе интеллектуально-духовное наследие и обеспечивающее социокультурную преемственность в условиях возрастания системного кризиса, переоценки и девальвации духовных ценностей как таковых. Именно в субстратных структурах культурно-исторической традиции, обладающих определенными онтологическими константами, особое значение приобретает момент иррационального, подсознательного, напрямую влияющий на мировоззренческий и моральный выбор личности, его рефлексивную деятельность. Онтологический статус традиции позволяет сохранять и творчески развивать смысловое поле культуры благодаря непрерывному диалогу с наследием прошлого, а также, что важно, воссоздавать картину человеческого бытия в контексте культуры. Как известно, каждая отдельно взятая культура выступает в роли носителя конкретного национально-культурного кода или нормативно-институционального регистра общепринятых системообразующих ценностей, в соответствии с которыми осуществляется духовная связь между многими поколениями людей. «Через горизонт собственного переживания времени, замкнутого на вечность, человек, по Рикёру, осознает свою сопричастность отдельным дискретным “культурно-историческим тотальностям” и одновременно пытается понять традицию прошлого в ее значении для настоящего, обрести целостное видение истории» [1, с. 24].

Система системообразующих ценностей зависит от культурно-исторического контекста социума – справедливости этого тезиса подтверждает сама жизнь. В условиях современной действительности, когда прежние социально-политические образования подвергаются ощутимым деформациям, а новое находится в стадии формирования, человек и общество в целом проходят непростые духовные испытания: многие нравственные парадигмы, которые совсем недавно были актуальными, утрачивают свою социокультурную востребованность, актуальность, а предлагаемые вместо них модели, как правило, имеют преходящий, «ситуационный» характер и лишены долгосрочной перспективы. Вследствие этого у человека теряется ощущение уверенности в завтрашнем дне, набирает силу социальный дисконфорт, апатия, отчаяние, появляется растерянность перед масштабом перемен, возникают сомнения в их целесообразности и необходимости. И в данной ситуации оправданным и целесообразным представляется опора на традиционные ценности, которые, по утверждению Л. В. Баевой, «связывают в единое целое мир природы, общества, сознания, ощущений, деятельности» [2, с. 11]; они «выступают семантическими кодами культуры и жизнедеятельности, расшифровка которых позволяет не только описать исторические явления в плоскости», но и понять их внутренний смысл «в перспективе» [2, с. 17]. Можно согласиться с мнением автора, что особенностью ценностей как вида информации о субъекте является способность «не только отображать то или иное качество, но и моделировать надлежащий, совершенный вариант реальности» [2, с. 63].

Следует признать, что наряду с глобализацией имеют место и альтернативные подходы и тенденции, связанные в первую очередь с внутренне мотивированными потребностями общества в осмыслении и «реинкарнации» духовных устоев как значимого фактора социальной стабилизации, сохранения мировоззренческого и внутренне-психологического баланса. Как представляется, именно субъективно-оценочная, экзистенциально-личностная, инстинктивная необходимость человека в социально-групповой самоидентификации является определяющим фактором, тем противовесом, обеспечивающим необходимую устойчивость, защищенность культурной традиции, ее онтологическую и бытийственно-сущностную востребованность в современном мире. Речь никоим образом не идет, к примеру, об игнорировании или тотальном отрицании процесса информатизации, о противлении расширению коммуникативного пространства информационного общества, представляющего собой закономерный итог научно-технического прогресса. В данном случае резонно говорить о сохранении экзистенциального пространства личной идентичности, о локализации общественного и личностного, индивидуального самосознания и самопознания этносубъекта, включенного в сеть объективных общественных отношений. На этом приходится акцентировать внимание, учитывая постоянно возникающие риски, связанные с кризисом личностной идентичности и идентификации. Сохранить свою личностную экзистенциальную целостность, эго-самость возможно только в случае самопозиционирования себя в рамках картины мира, сложившейся в процессе автохтонного исторического генезиса определенной национально-этнической группы, как нельзя лучше отвечающей внутренним запросам личности.

Благодаря созидательной деятельности человека как главного основания социальной действительности, его особому общественному статусу, внутренней интенции сохраняется и усвершенствуется онтологическая парадигма его миробития. При этом важно учитывать место человека во взаимоотношении с традиционным тезаурусом смыслоценностного плана, его огромную роль в процессе личностного самоопределения, социализации и индивидуализации. В этом заключается антропологическое, гуманистическое содержание традиционных общественных норм и представлений. В.А. Аверьянов в этой связи замечает: «Только человек, специально воспитанный в традиции, может быть хранителем и полноценным ретранслятором полноты традиции-системы и полноты события наследования, поскольку он соизмеряет

культурные явления не с абстрактными критериями, а с личностным опытом такой полноты» [3, с. 25].

Именно в традиционных, исторически сложившихся коллективных представлениях заключена относительно целостная совокупность идей, образов, верований, представлений и отношений, складывающихся и формирующихся под влиянием морально-нравственных устоев, идеалов добра и зла, понятий справедливости / несправедливости, должного / вероятного. Эти аксиологемы лежат в основании и коллективного мировосприятия, мировоззрения, поведения и являются базисом индивидуального сознания.

Незаменимость национальных культурных форм в становлении человека как личности и субъекта социокультурного процесса заключается в обеспечении его реального участия в многочисленных культурных контекстах современности. Обладая в известной мере и прагматичностью, и нормативностью, эти традиционные формы задают определенную программу социального поведения. Актуализированный исторический опыт напрямую воздействует на взаимоотношения людей, на их социальную деятельность и взаимодействие с окружающим миром. Сопричастность к общепринятым принципам и нормам, убеждениям и идеям, которые составляют основу, базис общественной структуры, позволяет сцементировать, соединить в единое целое различные части социального организма, консолидировать общество, активизировать процесс национальной самоидентификации, а тем самым и достичь духовного единства. Восприятие мира как космоса – упорядоченной и структурно организованной целостности, которая развивается по своим объективным законам и закономерностям, благотворно влияет на биопсихологический статус индивидуума, помогает ему осознать свое место в системе общественных и социокультурных отношений, полноценно и полноправно позиционировать себя в той или иной форме культуры. Именно следование родово-генетическим «культурным программам» как базовым механизмам самосохранения и воспроизводства исторического опыта позволяет определенным образом структурировать сознание, активизировать его созидательную доминанту.

Выработанные на протяжении веков гуманистические принципы и идеалы убедительно засвидетельствовали свой непреходящий характер, жизнестойчивость и востребованность в извечном поиске путей к познанию сущности бытия. Ведь и в сегодняшний переходный период национальная культурная традиция остается незаменимым средством выработки стратегий укрепления мировоззренческих и духовно-нравственных основ общества и личности, гармонизации всех сфер общественной жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Губман Б. Л. Современная философия культуры. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 536 с.
2. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии. – М.: Прометей, 2003. – 238 с.
3. Аверьянов В. В. Традиция и динамический консерватизм. (Издательская серия ИДК). – М.: Институт динамического консерватизма, ООО «Центральный издательский дом», 2012. – 696 с.

Петрин Иван Сергеевич

магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: is_petrin@mail.ru

Научная публикация выполнена при поддержке Ассоциации выпускников СПбГУ.

ЛОГИКИ «НЕЙРО-ОБРАЗА»: ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье рассматриваются концепт П. Пистерс «нейро-образ» и его методологические предпосылки. Раскрывается единство компонентов трансдисциплинарного метода, который включает в себя шизоанализ Делеза и открытия нейронауки. На основе исследовательской оптики Пистерс анализируются фильмы и сериалы последних десятилетий, затрагивающие проблемы взаимодействия и взаимопроникновения телевидения, современных медиа и пространств ментального («Шучу», «Шерлок» и др.).

Ключевые слова: нейро-образ, шизоанализ, экранная культура, телевидение, интерфейс.

Petrin Ivan Sergeevich

Graduate Student

St. Petersburg State University

«NEURO-IMAGE» LOGIC: AESTHETIC ASPECTS OF CONTEMPORARY SCREEN CULTURE

Abstract: The article examines Pisters's concept of «neuro-image» and the methodological background of the creation of this type of image. This transdisciplinary method includes Deleuze's schizoanalysis and current findings of neuroscience. Based on Pisters's research optics, the author analyzes movies and series of recent decades that are touching upon the problems of interaction and interpenetration of television, modern media and mental spaces ("Kidding", "Sherlock", etc.)

Keywords: neuro-image, schizoanalysis, screen culture, television, interface.

Относительно осмысления специфики цифровой культуры и способов ее репрезентации в искусстве данная работа предлагает анализ введенного П. Пистерс понятия «нейро-образ». Мир глобальной экранной культуры предстает в качестве бесконечного, неструктурированного множества образов [см.: 6, с. 10]. «Нейро-образ» артикулируется как третий тип в классификации Делеза, дополняющий деление на «образ-движение» и «образ-время» [см.: 2, с. 331]. Этот тип образа предполагает прямую презентацию бессубъектного ментального пространства – ментальное в данном случае распространяется за пределы субъекта и формируется за счет ассоциаций различных материальных ассамбляжей, которые включают в себя медиа, интерфейсы, потоки цифровых изображений и т. д. Сложность такого типа образа предполагает и выработку особой методологии, которая охватывает шизоанализ Делеза, кино и экранную культуру и современные достижения нейронаук [см.: 6, с. 3–4]. Этому есть несколько причин. Во-первых, в качестве исследовательского вектора задается предложенное Делезом в «Кино» [см.: 1, с. 433] тождество «экран – это мозг», которое скорее оказывается онтологической корреляцией между ментальным и медиумическим/экранным. Можно говорить о том, что особенности церебральной активности проецируются на механизмы производства образов, которые, в свою очередь, репрезентируют и даже формируют режимы ментального. Эта ситуация взаимозависимости элементов корреляции «мозг-экран» и оказывается основанием для

концептуализации «нейро-образа». Во-вторых, Пистерс фиксирует тенденцию шизофренизации культуры: вместо «иллюзии реальности», которую привнесло послевоенное кино, утверждается многообразие «реальности самой иллюзии», ассоциация и взаимопроникновение ментальных пространств, существующих уже не как репрезентация сознания субъекта, а как вне-субъектный шизофренический поток, сцепляющий реальное и виртуальное, внутренне и внешнее [см.: 6, с. 20]. Для шизоанализа кино эта вне-субъектность приобретает особую значимость в теории аффекта и полемике с психоанализом по поводу непосредственной данности аффективности и ее аналитики. В психоанализе аффект существует посредством размещающей его идентификации, тогда как шизоаналитика исследует аффектацию вне ретерриторизации интенсивностей внутри идентификации [см.: 4, с. 110]. Иными словами, аффект формируется не за счет детерминации психического пространства героя, а за счет свободных материальных взаимодействий визуальных потоков. В этом смысле «нейро-образ» позволяет обратить внимание на креативный режим существования культуры, эксплицирующий своеобразную логику конструирования ментальных коллажей в визуальных текстах и так называемых фильмов-головоломках.

В докладе предпринимается попытка анализа с точки зрения представленного подхода некоторых артефактов экранной культуры последних десятилетий и специфических черт различных форм «нейро-образа», обнаруженных в их структуре.

Первый блок примеров связан с тем, как взаимодействуют телевизионные структуры (визуальные потоки, транслируемые телевизорами, и сами телевизоры как аффективные агенты) и структуры ментального. Рассматриваются проблемы идентификации персонажей в условиях тотального телевидения и внутреннего сопротивления этой идентификации (становление-собой в «Шоу Трумана», 1998) и проблемы интенсивных вмешательств экранных образов в ландшафты ментального (рассматриваются такие фильмы, как «Внутренняя империя», 2006 года, где экранная история оказывается частью ментальной реальности главной героини, «Зимние братья», 2017, где телевизионное преобразует ментальное, включая героев повествования в сценическую архитектуру транслируемой по телевизору программы, и сериал «Шучу», 2018-20, в котором репрезентации сознания Джеффа Пикклза (де)конструируются персонажами детского теле-шоу).

Второй блок связан с подробным анализом сериала «Шерлок» (2010) и того типа «нейро-образа», который функционирует в качестве визуальной системы трансляции ментальных и церебральных процессов через механизмы работы интерфейсов и интернет-среды. Относительно фигуры Холмса можно выделить два аспекта «нейро-образа». Во-первых, модус киборганической репрезентации, который возникает за счет включения в репрезентацию ментального моделей технических средств и аппарата современных медиа (что позволяет говорить о сходстве фигур детектива и киборга) [см.: 3, р.211]. Так, мышление Шерлока воплощено в полупрозрачных интерфейсах с множеством опций (например, в моментах с «ментальными картами») сознание визуализируется в виде тачскрина), а построение маршрутов перемещения Шерлока по Лондону структурируется по модели GPS-навигатора [см.: 5, р. 69-70]. Концептуально такое кинематографическое решение говорит о натурализации структур ментального посредством инкорпорации в систему образов материальности современных медиа. Во-вторых, запускается *шизофренический* режим репрезентации, где ментальное подключается к разным кодам (память, чувства, ассоциации) и демонстрируется множеством случайных образов, зачастую деформирующих, а не воссоздающих действительность, и смешивающих органическую (представляющую описание действительности в сознании Холмса) и киборганическую репрезентации: элементы реальности буквально становятся экранами или зеркалами шизо-потоков ментального, а реальности разных событий сшиваются в одном пространстве. Возникает «нейро-образ», в котором происходит окончательный отрыв образа мышления от

причинно-следственной модели и который начинает работать на симуляции ментальных структур и их пересборки за счет ассамбляжей медиа-среды.

Таким образом, анализ «нейро-образа» эксплицирует стратегию шизофренизации визуального в случае интенсивной и катастрофической работы ментального, которая отказывается от примата органической корреляции и позволяет рассмотреть вне детерминации психики субъекта производство новых способов материализации мышления в современном экранном искусстве.

Библиографический список

1. Делез Ж. Кино. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 560 с.
2. Эльзессер Т., Хагенер М. Теория кино. Глаз, эмоции, тело. – СПб., 2016. – 440 с.
3. Coppa F. Sherlock as Cyborg: Bridging Mind and Body // L. Ellen Stein and K. Busse (ed.) Sherlock and transmedia fandom : essays on the BBC series. – North Carolina: McFarland, 2012. – Pp. 210–223.
4. Deleuze and the schizoanalysis of cinema/ edited by Ian Buchanan and Patricia McCormack. – London: Continuum, 2008. – 159 p.
5. Lamerichs N. Productive Fandom: Intermediality and Affective Reception in Fan Cultures. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. – 235 p.
6. Pisters P. The Neuro-Image: A Deleuzian Film-Philosophy of Digital Screen Culture. –Stanford: Stanford University Press, 2012. – 376 p.

Сайфуллин Булат Ильдарович

магистр истории

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области
Email: bulatnaab@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНИЗАЦИИ (ВВЕДЕНИЯ ЛАТИНСКОГО АЛФАВИТА СРЕДИ ТЮРКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ) В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (РСФСР)

Аннотация. Работа посвящена одному из аспектов языкового строительства в СССР – латинизации (практике создания письменностей на основе латинского алфавита), по отношению к дисперсно проживающему тюркоязычному населению Уральской области (РСФСР). Языковая политика рассматривается как процесс геополитики, имеющая прямые связи с современной ситуацией.

Ключевые слова: яналиф, языковое строительство, языковая политика, тюркские языки, этно-дисперсные группы.

Sayfullin Bulat Ildarovich

MA (History)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Leading specialist in historical and archival research

SPECIFIC FEATURES OF LATINIZATION (INTRODUCTION OF THE LATIN ALPHABET AMONG THE TURKIC SPEAKING POPULATION) IN THE URAL REGION (RSFSR)

Abstract. The work is devoted to one of the aspects of language planning in the USSR, i.e. latinisation (the practice of creating writing systems based on the Latin alphabet), in relation to the dispersed Turkic-speaking population of the Ural region (RSFSR). Language policy is considered as a process of geopolitics that has direct links with the current situation.

Keywords: yanalif, janalif, language planning, language policy, Turkic languages, ethno-dispersed groups.

В данном исследовании на основе исторических предпосылок, исторического и географического контекста рассмотрен яркий феномен языковой политики – латинизация тюркоязычных народов. На макроуровне процесс латинизации изучен достаточно, однако, лакунами являются вариации ее процессов в ситуативном контексте, т. к. в фокусе исследователей всегда находились типичные регионы и население в их современных политико-административных границах (Азербайджан, Татарстан, Башкортостан, Средняя Азия).

В данной работе под тюркоязычным населением, не всегда поддающимся идентификации, я подразумеваю две условные и технические категории – татар и башкир. Однако, за технической стороной стоят недостаточно четкие критерии, не позволяющие использовать их без дополнительного разъяснения их значения. В исследуемый период мы имеем дело с процессами неустойчивой, колеблющейся самоидентификации, и речь пойдет о несомненной идее некоторой тесной общности, что не поддается описанию в чистых категориях. Во-первых, это обусловлено географическими рамками исследования (Уральской Области (РСФСР)), этнокультурной и языковой близостью этих народов. Эти категории имели свою историю государственности, общую систему традиционного образования [см.: 3] и локальный вариант исламской

традиции, исторически связанной с мусульманским историко-культурным ареалом [см.: 1, с.132–296].

Во-вторых, в период 1900–1930 гг. (усл.), когда национальные идентичности были неустойчивыми, одни тюркские интеллектуалы Волго-Уральского региона, основываясь на предыдущем опыте экономических и культурных достижений (используя коммуникационное поле, созданное печатным капитализмом), предлагали термины: тюрко-татары, татаро-башкиры и т. д., для обозначения единой нации близких тюркоязычных народов, другие под руководством Заки Валиди были сторонниками башкирского автономизма.

В-третьих, в используемых мной статистических данных (Перепись населения СССР в 1926 г.) и в архивных материалах закреплён термин татаро-башкиры, наряду с татарами и башкирами, что подтверждает мой тезис о трудностях идентификации внутри этой смеси политики и этнографии.

После Октябрьской революции вопрос письменности как части языковой политики стал важным пунктом политической повестки: на части языков, на которых говорили в СССР, не существовало стандартизированной орфографии, в то время как другие (особенно в районах, где имела исламская традиция) использовали письменность на основе арабского алфавита и его модификаций. В 1920-х–1930-х гг. реформа алфавитов – узкая и специализированная область – приобрела исключительное значение. Сам феномен реформы алфавитов наталкивает нас на мысль о практической стороне философии языка (так как письменность – неотъемлемая часть языковой структуры). Латинизация была начата с языков, использующих в своей письменности арабский алфавит – в массе своей тюркских. Проект латинского алфавита получил название яналиф.

Важным условием внедрения яналифа являлся учёт особенностей проживания тюркоязычного населения. Не останавливаясь на подробном историческом анализе сложного в этнокультурном плане населения Урала, отметим лишь, что здесь сформировались и существуют три этнокультурных пласта – финно-угорский, тюркский и восточнославянский. Тюрки-мусульмане являлись населением постзолотоордынских этнополитических образований с широкой географией, где границы постоянно менялись, были проницаемыми и нечеткими, а суверенитеты неощутимо переходили один в другой, и группы населения пребывали в состоянии более или менее непрерывной миграции. Русская Политика ввела эти территории в состав России в XVI–XVII вв. и столкнулась с существующими культурными системами: развитыми государственными и религиозными традициями, что подразумевало и наличие элит. Тюрки-мусульмане, будучи территориально рассеянными группами, в связи с реформами местного управления в Российской Империи и процессами районирования в СССР, оказывались в разных административных единицах. К 1923 г. для большинства крупных советских национальностей уже были созданы свои национально-административные территории, но этот подход не отражал реальную этнографическую ситуацию, и проблема территориально рассеянных национальных меньшинств, таких, как тюркоязычное население Урала, проживающих экстерриториально, оставалась неразрешенной.

В данном случае сама проблема выходит за рамки сугубо исторического поля, но подразумевает междисциплинарность. Каким образом опыт латинизации (то есть системная смена алфавита) повлиял на самосознание? Вызвала ли данная реформа принципиальный отрыв населения от сложившегося ранее письменного наследия? Эти вопросы остаются актуальными. Однозначного вывода в данном предметном поле (сочетающем как исторический анализ, так и философию языка), к сожалению, пока быть не может. Однако сама постановка проблемы актуализирует потребность методологического исследования проблем этничности, формы письменности и самого языка. По словам русского философа С. Н. Булгакова, «человеческое познание совершается в слове и чрез слово, мысль неотделима от слова, а саморефлексия

неизбежно требует анализа того, что составляет ее первичный элемент или материал, то есть оно должно начинаться с анализа слова, с исследования его существа» [см.: 2, с. 7]; то же самое можно применить и к самой форме фиксации языка – письменности. Отдельным аспектом предстает изучение опыта латинизации в русле постколониальных исследований. В данном случае наша задача – указать на данную проблему, которая, безусловно, представляет интерес для различных областей гуманитарных исследований. Таким образом, сама по себе постановка проблемы предстает результатом философского осмысления, что, в свою очередь, указывает на необходимость рефлексии и глубокого анализа в рамках постколониального дискурса.

Библиографический список

1. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. Российский ислам: Очерки истории и культуры. 2-е изд., М.: ИВ РАН, 2018. – 456 с.
2. Булгаков С.Н. Философия имени. – Париж: YMCA-PRESS, 1953. – 279 с.
3. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 655 с.

Салихова Эльвина Ахнафовна

доктор филологических наук, профессор

Уфимский государственный авиационный технический университет

Email: salelah12@yandex.ru

Лунев Никита Олегович

студент

Уфимский государственный авиационный технический университет

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Определяя понятие «цифровая культура» как междисциплинарное явление исследований, авторы обращаются к тенденциям ее развития в социогуманитарном дискурсе.

Ключевые слова: дигитализация, кибернетическая картина мира, медийная аскетика, цифровые гуманитарные науки, цифровая культура.

Salikhova Elvina Akhnafovna

Doctor of Philology, Professor

Ufa State Aviation Technical University

Lunev Nikita Olegovich

Student

Ufa State Aviation Technical University

SEPARATE TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL CULTURE IN THE SOCIOHUMANITARIAN ASPECT

Abstract. Defining the concept of "digital culture" as an interdisciplinary phenomenon of research, the authors turn to the trends of its development in the socio-humanitarian discourse.

Keywords: digitalization, cybernetic picture of the world, media asceticism, digital humanities, digital culture.

Обзор трактовок понятия «цифровая культура» (ЦК) основывался на принципах гуманитарных наук о характере взаимосвязи языка и мышления и объективации природной сущности человека в технологиях [2, с. 197]. К анализу тенденций в развитии ЦК привлечены эмпирические материалы из области образования, науки, современной коммуникации с использованием интернет-данных. Рассматриваемое понятие отражает изменения в структуре культуры, представляя модели интеграции цифровых технологий с другими видами знаний и формами деятельности [4]. Методика анализа междисциплинарности ЦК осуществлялась с целью определения её сущности и специфики взаимодействия ЦК и традиционных культур.

Цифровая культура – междисциплинарная область исследований, определяемая и как «культура цифровых автоматов», которая основывается на ее универсальной технической реализации и трансформируется в третьем тысячелетии в культуру «искусственной жизни» [см.: 1]; и как «совокупность практик в современной культуре, возникающих на пересечении художественной культуры, компьютерных технологий и семиотических систем информационного общества в связи со сменой мировоззренческих и нравственных установок» [2].

В образовательной системе ЦК, медиатизируясь, становится частью корпоративной культуры. Влияние электронной среды на человека значительно усилилось в период пандемии за счет включения членов университетского сообщества в системы онлайн-курсов, видеоконференций, интерактивных технологий как способов не только НИР, но и организации образовательного процесса. Погружение

в электронную среду меняет характер мышления: отмечается становление «кибернетической картины мира» (термин М. Б. Игнатьева), формируется поколение Digital Humanities.

Проблема дигитализации в гуманитарных и социальных науках сводится к тому, что при передаче исполнения части телесных, сенсорных, интеллектуальных функций человек постепенно превращается в придаток техники. «Оцифровка» человека в конечном итоге приведет к существенному ограничению свободы, что, безусловно, порождает опасные тенденции. Для профилактики её деструктивных последствий важно воспитывать потребности в использовании культуры коммуникаций и продуктов цифровых технологий с учетом преемственности культуры. Дигитализация приводит к технизации мышления, социальной памяти и всей системы знаний. Интернет как гипертекст выступает актуализатором внутреннего содержания виртуального сообщества, включая агрессию и «сетевой мусор». Дискутируемая в настоящее время обществом проблема внедрения имплантируемой электроники небезосновательна, поскольку это реальная угроза социального расслоения. Развитие ЦК посредством Big Data и «интернета вещей» также приводит к тотальному контролю социума [4].

Область научных исследований за счет внедрения цифровых технологий пополнилась такими парадигмами, как компьютерная лингвистика, лингвистическая информатика, киберкоммуникации, киберпсихология и прочие, свидетельствующие о цифровизации областей гуманитарного знания, в которых указанные тенденции требуют повышения ответственности представителей социально-гуманитарных наук за разработку и контроль данных научных зон.

Отмеченное в сфере научных коммуникаций обращение к цифровым технологиям обеспечило как широкий доступ к базам знаний, так и сохранение культурного наследия. По данным совместного исследования Microsoft и TAdviser более [8], 85% опрошенных музеев Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Москвы и Московской области признают необходимость цифровой трансформации. В фокусе внимания находится интерактивное взаимодействие с клиентами во время посещения выставок и посредством онлайн-формата. Как показало исследование, более половины респондентов используют или внедряют технологии дополненной реальности, треть используют аудиогиды, около четверти – виртуальных помощников и навигацию по музею. Большинство опрошенных в качестве инструмента для цифровизации музейных процессов использует технологии искусственного интеллекта. За 2020 г. более трети информантов внедрились VR / AR для решения различного рода задач, столько же планируют обратиться к мультимедийным решениям. 26% организаций обращаются к публичному облаку, 22% предпочитают гибридные сценарии. Отмечается, что современные музеи активно взаимодействуют с аудиторией дистанционно: предлагают онлайн-билеты, используют виртуального гида, поддерживают программу лояльности, реализуют онлайн-магазин с предложением дополнительных услуг [8].

В условиях ЦК трансформируется и современная коммуникация. По мнению В. В. Миронова, у оперирующего bigdata формируется иной тип мышления, базирующийся на количестве и корреляции разнообразных массивов информации, при этом «истина отступает на второй план» [5, с. 7]. Ориентир на общее благо в таких информационных потоках сомнителен: достаточно обратиться к искажению информации в СМИ, порождающему многочисленные судебные процессы, чьи участники, будучи субъектами сетевой социально-культурной системы, нарушают нормы речевого поведения и в последующем выступают в качестве истцов / ответчиков. Нельзя не упомянуть и об общении молодежи посредством СМС с сокращениями в словах и с использованием особой терминологии, графических элементов и изображений («смайликов»), выражающих чувства и эмоции [4]. Структурированность речи нарушается, поскольку исчезает умение анализировать прочитанное. Последнее затруднительно на фоне снижения интереса к чтению и отсутствия стремления к запоминанию информации. Допускается авторское заявление о возникновении то-

тальной зависимости человека от глобальной информации. Предполагается, что информационные потоки, создающие сегодня новые алгоритмы гипертекста и формирующие клиповое сознание, ведут нас к возможной утрате привычного синтаксиса. Об этом свидетельствуют данные многолетних психолингвистических экспериментов, проводимых на кафедре языковой коммуникации психолингвистики УГАТУ под руководством проф. Т. М. Рогожниковой. Пока серьезность этой утраты, означающей постепенное исчезновение способности формировать слитную связную речь, не осознается. За способность описывать сложные взаимосвязи объектов и явлений действительности отвечает именно синтаксис. Не исключено, что именно эта синтаксическая потеря станет причиной возникновения иных структур, которые заменят нам старые ориентировочные основы речемышлительного действия [6].

Представленные в рамках публикации отдельные тенденции развития ЦК в социогуманитарном аспекте порождают вопрос о неоднозначности этого процесса. Появление в жизни социума неизбежных для человечества экономических и технологических новаций перерабатывается культурой, которая воспринимает, переосмысляет их с опорой на наработанные традиции и ценности. В последние годы формируется медийная аскетика как признак социальной элиты, заключающийся в сознательном ограничении доступа к массовой информации и к использованию гаджетов, отмечается усиление «архаизации регионов во всем мире», когда в ответ на внедрение цифровых технологий начинается массовое возвращение к традиционным ценностям в новой «цифровой упаковке» [7].

Переформатирование социокультурного пространства неминуемо приведет к различным трансформациям с открытым социокультурным финалом, итоги которого можно только спрогнозировать.

Библиографический список

1. Галкин Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3 (8). – С. 11–16.
2. Елькина Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2018. – Вып. 2. – С. 196–203.
3. Кравченко С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. – 2019. – № 8. – С. 48–57. DOI: 10.31857/S013216250006186-7
4. Лунев Н. О. Новые вызовы в цифровизации российской и мировой экономики // Цифровой регион-2020: Материалы Международной научной конференции. – Киров: РусАльянс, 2020.
5. Миронов В. В. Платон и современная пещера bigdata // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35, вып. 1. – С. 4–24.
6. Навалихина А. И. Ассоциативная структура значения слова и модальности восприятия: автореф. дис. ...канд. филол. н. – Ижевск: Удмуртск. ун-т, 2013. – 23 с.
7. Фролова С. М., Листвина Е. В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, вып. 4. – С. 408–412. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-4-408-412.
8. Цифровизация в сфере культуры и искусства. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_в_сфере_культуры_и_искусства (дата обращения: 05.10.2020).

Санникова Людмила Ивановна

Старший преподаватель

Пермский государственный институт культуры

Email: 614088L@gmail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИСКУССТВА

Аннотация. Природа искусства предполагает обязательное наличие эмоциональности в художественном образе, которая порождает искренность высказывания художника. Творческая личность живет в политизированном обществе, поэтому ее эмоции также имеют политическую окраску. Идеология, которую пропитана политика, всегда имеет отношение к патриотическим чувствам людей. Эти чувства имеют глубокие родовые корни. Художник, который пытается сформулировать политическую выгодную мысль, не веруя в нее, фактически, не может создать подлинное художественное произведение. Более того, он рискует потерять профессиональную честь.

Ключевые слова: идеология, эмоции, искренность, художественный образ, профессиональная честь художника, политика, свобода творчества.

Sannikova Lyudmila Ivanovna

Assistant Profesor

Perm State Institute of Culture

ETHICAL HORIZONS OF THE IDEOLOGICAL FUNCTION OF ART

Abstract. The nature of art presupposes the obligatory presence of emotionality in the artistic image, which generates the sincerity of the artist's statement. A creative person lives in a politicized society, so their emotions also have a political connotation. The ideology that permeates politics always has to do with people's patriotic feelings. These feelings have deep ancestral roots. An artist who tries to formulate a politically advantageous idea without believing in it, in fact, cannot create a genuine work of art. Moreover, they run the risk of losing professional honor.

Keywords: ideology, emotions, sincerity, artistic image, professional honor

Искусство – это один из способов познания мира и один из способов повествования об устройстве мира. У художника есть свое мировоззрение. Оно может быть мифологическое, религиозное, философское и научное. Но художник живет в обществе, от которого нельзя быть свободным. Общество пронизано политической, идеологической борьбой. Даже если художник декларирует свою независимость от политики, его творчество все равно несет на себе черты той или иной идеологии. Это происходит произвольно, часто на уровне подсознания художника.

Властные структуры с древних времен, зная о силе воздействия искусства на общество, о высоком его авторитете, старались ангажировать художественное творчество на свои политические цели.

Ни одна другая функция искусства не влияет так сильно на покой и равновесие в обществе. Именно идеологические смыслы художественных произведений вызывают те или иные общественные акции. Примеров в мировом и отечественном искусстве достаточно. Энергию этой функции в значительной степени обеспечивает всегда актуальная у мыслящей части общества проблема свободы творчества художника.

Болезненная и репрессивная реакция властных структур на те или иные художественные произведения, на деятельность общественных и художнических организаций являются не просто результатом отсутствия гармонии взаимоотношений художника и власти, то есть политической подоплеки. Существенную роль играют причины, уходящие в саму природу искусства.

Известно, что критерием искусства является наличие в произведении художественного образа, который является мыслью, выраженной не фронтально, как во всех других способах познания мира, а иносказательно. У художественного образа есть особенности, отличающие его от познания в науке и практике жизни. Среди них особое место занимает такое его качество, как эмоциональность. Художественное произведение обязательно должно вызывать у зрителя, читателя яркую чувственную реакцию, порождающую эмоциональный всплеск. Отсутствие такой реакции говорит о слабости художественного образа. Но наполнить произведение эмоциональной энергией может только человек, способный остро и ярко сам переживать жизнь.

Высказываемая мысль может быть правдива, а может быть и лжива, а эмоция всегда правдива, потому что импульсивна. Художественный образ, наполненный эмоцией, гарантирует правдивость мысли, которую выражает автор. С этой мыслью не все могут соглашаться, но искренность высказывания уже придает доверие к качеству художественного произведения.

Другой очень важной особенностью художественного образа является его индивидуальный характер. Ни в науке, ни в практике жизни мысль не носит уникального характера. Рано или поздно такая же мысль придет в чью-нибудь другую голову. А в искусстве мысль – образ всегда несет на себе печать нравственной и психологической индивидуальности творца. Художник, конечно, дорожит этим уникальным качеством, отражающим его духовный, личностный статус.

Эти особенности природы искусства приводят к тому, что подлинное художественное произведение – всегда результат искреннего высказывания автора. Искренность, исповедальность творческого продукта свидетельствует о профессиональной чести художника. Л. Н. Толстой считал это нравственное качество особенно важным в искусстве. Он говорил, что писатель должен заражать читателя своими личными авторскими переживаниями, чтобы его мысль наиболее полно и точно понималась читателями. Только искренность порождает правду в искусстве [4, с. 13; 5, с. 72].

Если произведение позитивно отражает действительность, значит, художнику комфортно в этой стране с такой политикой, и он распространяет это убеждение. Если художник вскрывает какие-то проблемы общества, подчеркивает социальную несправедливость, страдания людей – значит, он выступает как борец и солидарен с теми политическими силами, которые противопоставляют себя текущей политике.

И тот, и другой художник создают полноценное художественное произведение. Но если художник изображает жизнь такой, как требует политическая установка какой-либо политической силы, а сам равнодушен к идеям этой силы, он просто **не сможет** создать настоящее художественное произведение, каким бы высоким ремеслом он ни обладал. Причина в том, что в этом произведении не появится правда чувства и полноценный художественный образ.

Известный советский и российский писатель Ю. Поляков пишет: «В советское время от литературы все ждали правды куда больше, чем сегодня. Больше всего меня в нынешних коллегах по перу бесит их уверенность в том, что литература существует для того, чтобы скрывать свои подлинные мысли. А ведь все наоборот, и лукавые книги устаревают быстрее газет. Жаль молодых авторов, задавивших в себе искренность ради «Букаера» [2, с. 18].

Когда художники борются за свободу творчества, они, в сущности, выступают за право иметь возможность быть подлинными художниками.

Есть еще одно важное нравственное обстоятельство, влияющее на работу идеологической функции искусства. Любая идеология непосредственно связана с патристическими чувствами человека, которые существенно влияют на его самосознание.

Любовь к Родине – чувство, имеющее родовые корни, она носит инстинктивный характер. Не у всех и не всегда она способна подчиняться сознанию. Поэтому пред-

меты искусства, задевающие эту большую струну, могут вызывать и вызывают в обществе социальный протест. Какую боль мы чувствуем и слышим в стихотворении И.А. Бунина «Родине»:

«Они глумятся над тобою,
Они, о, Родина, корят,
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...
Так сын, спокойный и нахальный
Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей...» [1, с. 43].

За этими строками мы ощущаем отзвуки политической борьбы в России конца XIX века. Этой же болью проникнуты и сегодня, например, фильмы Н. С. Михалкова.

Выражение патриотических настроений тоже далеко не всегда бывает искренним. И это сразу отражается на качестве художественных произведений. Тот же Ю. Поляков говорит: «Почти все информационно-премиальное пространство литературы отдано «Гормональным либералам» и «бюджетным патриотам», книги которых, за редким исключением, можно читать только по приговору суда. Похожая ситуация и в театре, где установлен диктат «Новой драмы».

Вопрос взаимоотношения искусства с властью достаточно деликатен в нравственном отношении. Художник часто вступает с властью в рыночные отношения просто потому, что ему и его семье нужно на что-то жить.

Для этого должен существовать посредник – меценат или какая-либо общественная структура, выполняющая подобные функции. «Проблема в том, – считает А. Фурсов, – что в России нет достойного заказчика искусства, с умом, волей, знаниями и прогностическими качествами» [3, с. 14]. Не хватает и меценатов, тем более, что большинство из тех, что есть, ориентируются на художественный рынок Запада.

Художники, искренне отражающие жизнь в наше время, не нужны рынку, ориентированному на деградационные идеалы постмодернизма.

Сегодня, когда политические партии становятся огромными идеологическими машинами, художник вынужден «продаваться». В результате в мире все меньше становится спектаклей, возвышающих душу, книг, пробуждающих самые высокие чувства, фильмов о самом главном в жизни человека.

Библиографический список

1. Бунин И. А. Стихотворения и переводы. – М.: Современник, 1986. – 527 с.
2. Ефремова Д. Писатель Юрий Поляков: «Литература – это самовыражение, но читателю она интересна лишь когда автор выражает не только себя, но и свое время» // Культура. – 2020. - № 8. – С. 18–19.
3. Коленский А. Фурсов А.: «Чтобы выжить, нам нужна более сложная элита» // Культура. – 2020. - № 8. – С. 14.
4. Панченко Н. В., Батуева Н. Л., Гоголев А. М. Л. Н. Толстой: человек, поступок, личность (очерки о нравственной жизни русской личности). – Пермь, 2000. – 145 с.
5. Толстой Л. Н. Литература, искусство. – М.: Современник, 1978. – 272 с.

Sibogatova Regina Rinatovna

Студент

Уфимский государственный нефтяной технический университет

Email: regina.sibogatova@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЁ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить роль информационной культуры в обеспечении информационной безопасности личности.

Ключевые слова: информационная культура, информационная безопасность, информационное общество.

Sibogatova Regina Rinatovna

Student

Ufa state petroleum technological university

INFORMATION CULTURE OF PERSONALITY AS A FACTOR ENSURING THEIR INFORMATION SECURITY

Abstract. The article attempts to identify the role of information culture in ensuring personal information security.

Keywords: information culture, information security, information society.

Становление глобального информационного пространства характеризуется не только стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и телекоммуникационных систем, но и формированием сложноорганизованной, качественно новой и информационно крайне насыщенной среды жизнедеятельности. Не так давно возникшая информационно нагруженная реальность создает невиданные ранее возможности для развития социума, но одновременно с этим порождает новые проблемы. Информационное общество, которое ряд авторов именуют «обществом риска», сопровождается минимизацией контроля и управления информационными потоками, что подвергает риску информационную безопасность личности в современном мире.

Динамичный характер протекания информационных процессов приводит к возникновению новых видов угроз и вызовов, направленных на личность как на уязвимый субъект информационных отношений. Основными информационными факторами, оказывающими негативное влияние на человека, являются.

1. Фрагментарность, отрывочность, разрозненность информационных потоков, формирующих «клиповое» мышление. Данное явление в первую очередь характерно для современного телевидения, структура которого состоит из разнородных по своей тематике, качеству и продолжительности передач, постоянно сменяющих друг друга. В результате человек становится неспособным долго концентрироваться на информации, она не задерживается в его сознании, быстро сменяется другой, у него заметно снижается способность к критическому анализу.

2. Сохранение внутри общества неравенства по отношению к информационным ресурсам. Возможности, предоставляемые современными информационно-коммуникационными технологиями, оказываются доступными в различной степени для отдельных людей.

3. Чрезвычайной избыток и разнообразие информационных потоков, синдром «информационной усталости». В результате несоответствия объемов поступающей информации объективным возможностям человека ее воспринимать и перерабатывать возникает информационная перегрузка.

4. Распространение информационной преступности, направленной против личности.

Сосредоточение информации о человеке в автоматизированных банках данных создает риски, связанные с возможностями несанкционированного доступа преступных группировок к этой информации, а также ее хищения и преднамеренного искажения.

5. Виртуализация жизненного пространства личности. Взаимопроникновение и сращивание повседневной жизни человека и виртуальной реальности, размытость границ между ними усложняют процесс самоопределения и самоидентификации индивида, порождают проблемы его отчуждения от общества и самого себя, экзистенциально-нравственной фрустрации, ценностного релятивизма.

Надежная и всесторонняя защита личности в информационном пространстве от воздействия на нее особого вида угроз, выступающих в форме организованных или стихийно возникающих информационно-коммуникационных потоков, является приоритетным направлением государственной политики. На сегодняшний день российскую нормативно-правовую базу в сфере реализации конституционных прав и свобод человека в области обеспечения информационной безопасности составляют ряд федеральных законов: ФЗ №149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [см.: 6], ФЗ №114 «О противодействии экстремистской деятельности» [см.: 7], ФЗ №436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [см.: 8], ФЗ №152 «О персональных данных» [см.: 9]. Обезопасить отечественный сегмент интернета от внешнего воздействия призван принятый в 2019 году ФЗ №90 «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [см.: 10], носящий неформальное название «закон о суверенном Рунете». Однако, несмотря на значимость и актуальность принимаемых мер, следует отметить их несистемный, декларативный, формальный характер, направленный на ограничение доступности информации определенного рода, а на не регулирование взаимодействия членов общества с информационными потоками.

В эпоху полномасштабного проникновения новейших информационных технологий во все области жизнедеятельности современного человека, перехода информации в категорию важнейших ключевых ресурсов, роста информационных потребностей противостоят информационным угрозам зависит не только от обеспечения правовой защиты, но и от уровня информационной культуры каждого человека. Информационная культура характеризует способность личности осознавать собственные информационные потребности, критически оценивать и анализировать источники информации и выявлять среди них наиболее достоверные и полные, ориентироваться в новом высокоавтоматизированном пространстве, адаптироваться к нему, участвовать в его формировании. Личность, осознающая важность строгого соблюдения правовых и этических норм в сфере информационных технологий, может эффективно использовать ее возможности и противостоять всем вызовам.

Особую актуальность данная проблема приобрела в связи с переходом ЮНЕСКО от концепции информационного общества к концепции общества знаний [см.: 5]. Принципиальное отличие общества знаний от информационного общества заключается в том, что движущие силы его развития – это не столько информация и достижения в сфере высокоэффективных наукоемких технологий, сколько человек, являющийся главным генератором знаний в обществе и определяющий направления и последствия информатизации всех сфер жизнедеятельности. В рамках данной концепции информационная культура становится стратегическим адаптационным ресурсом личности в современном обществе. В условиях развития новой культуры в информационном пространстве закономерно возникновение и информационной этики, определяющей и регулирующей поведение людей в этом пространстве. Саморегуляция личности, основанная на морально-этических нормах, является действен-

ным механизмом защиты от поведения и действий антисоциального характера участников информационного взаимодействия [см.: 1]. В дальнейшем устоявшаяся информационная этика может стать фундаментом для формирования новых правовых норм и совершенствования существующего законодательства в области информационной безопасности личности.

На пути становления информационного общества информационная культура является одним из важнейших факторов безопасного и устойчивого развития личности. Она направлена на обеспечение ее безболезненной и активной адаптации к условиям быстро изменяющейся информационной среды, на формирование ее способности к саморегуляции и самоанализу собственного поведения в информационном поле, на ее подготовку к восприятию достижений научно-технического прогресса и возможностям их последующего использования. Информационная культура личности формируется на протяжении всей ее жизни, основными факторами ее развития являются система качественного и непрерывного образования, развитая информационная инфраструктура общества, благоприятная правовая база, демократизация общества, грамотная и эффективная государственная информационная политика. Следует заметить, что качественная информационная культура личности наиболее успешно формируется в студенческие годы, когда молодые люди активно включаются в научно-исследовательскую, поисковую деятельность. Именно в среде сотворчества студентов и преподавателей-исследователей формируются компетенции, способствующие эффективной работе с информационными потоками, вырабатываются механизмы обеспечения информационной безопасности личности [см.: 2–4].

Библиографический список

1. Кононов О. А., Кононова О. В. Социальные и этические аспекты информационной безопасности // Проблемы управления. – 2009. – №1. – С. 76–79.
2. Махов А. А. Социальные проблемы развития научно-технического творчества студентов в системе инженерного образования дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06: защищена 09.06.2000 / А.А. Махов: БашГУ. – Уфа, 2000. – 279 с.
3. Махов А. А. Инновационная деятельность студенческой молодежи как позитивная девиация // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество студентов и социология: новые реалии и новые идеи». – СПб.: Изд-во "Скифия", 2000. – С. 199–200.
4. Махов А. А., Усманова А. Т. Роль университета XXI века в формировании человеческого капитала // Педагогика и психология: актуальные проблемы исследований на современном этапе: Сборник материалов 1-й международной науч.-практ. конф., 1 марта 2013 г./ НИЦ «Апробация» – М.: Изд-во Перо, 2013. –С. 75–83.
5. Чурашева О. Л. Информационная культура и информационная безопасность личности // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №16. – С. 188–190.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149 – ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 25.07.2002 г. №114 – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 29.12.2010 г. №436 – ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 27.07.2006 г. №152 – ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 01.05.2019 г. №90 – ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

Смирнова Тамара Михайловна

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: mokva@inbox.ru

АССИРИЙЦЫ В ПЕТРОГРАДЕ – ЛЕНИНГРАДЕ: УРБАНИСТИЧЕСКАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ (1920-е – 1930-е гг.)

Аннотация. Рассматривается опыт аккультурации в многонациональном русскоязычном мегаполисе новой этнической группы – ассирийцев (айсоров), самоназвание атурая, беженцев Первой мировой войны из Турции и Персии, где они подвергались геноциду.

Ключевые слова: ассирийцы (айсоры), атурая, город, Петроград, Ленинград, Дом просвещения народов Востока.

Smirnova Tamara Mikhailovna

Doctor of Letters, Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Email: mokva@inbox.ru

ASSYRIANS IN PETROGRAD – LENINGRAD: URBANIST ACCUULTURATION (1920s – 1930s)

Abstract. The experience of acculturation in the multinational Russian-speaking metropolis of a new ethnic group - Assyrians (Aysors), the self-name of Aturai, refugees of the World War I from Turkey and Persia, where they were subjected to genocide, is considered.

Keywords: Assyrians (Aysors), Aturaia, city, Petrograd, Leningrad, House of Education of the Peoples of the East.

Ассирийцы стали первым народом, подвергшемся геноциду в период Первой мировой войны: в Турции было уничтожено около полумиллиона представителей этого христианского народа. Резня и преследования ассирийцев происходили также в Персии, в регионе Урмия. В 1914–1918 гг. примерно 100 тыс. ассирийцев бежали на территорию России, в Закавказье. После окончания мировой войны не менее 50 тыс. из них вернулись в Иран, а остальные расселились в России [см.: 1; 2]. (Цифры эти представляются несколько завышенными). При этом традиционные сельские жители-горцы, ассирийцы оказались преимущественно в городах, в том числе в Москве и Петрограде.

Первая Всесоюзная перепись 1926 г. зафиксировала в СССР 9808 ассирийцев, в том числе 6452 чел. (68 %) – в городах. На территории РСФСР соотношение городского и сельского ассирийского населения было еще выше: из 2843 ассирийцев в российских городах обосновались 87 % (2472 чел.) [3]. В Петрограде первые ассирийцы (именуемые сирийцами) фиксируются в городских переписях 1920 и 1923 гг., причем отмечен взрывной рост численности: в 1920 г. их было всего 14 чел., в 1923 г. – уже 215 чел. [4; 5] Еще через три года, в 1926 г., ассирийцев в Ленинграде насчитывалось 353 чел. [3], а по переписи 1939 г. – 740 чел. [6] Появление ассирийцев в городе носило характер родственного и земляческого заселения: первые приехавшие узнавали обстановку, затем привозили семьи, за ними подтягивались односельчане. Несколько сотен ленинградских ассирийцев селились в городе «кустами» (известны несколько адресов, по которым проживала их основная масса), и все знали друг друга.

По принятой в тот период классификации, ассирийцы относились к культурно-отсталым народностям. Основные трудности адаптации ассирийцев в Петрограде носили социокультурный характер: во-первых, необходимость резкого изменения жизненного уклада (сельской жизни – на городскую, патриархальных отношений и традиционных хозяйственных занятий – на принятые и востребованные в новых условиях); во-вторых – необходимость получения образования и овладения русским языком. Большую роль в урбанистической аккультурации ассирийцев играл Дом просвещения народов Востока (ДПНВ) (1928–1937) – государственная организация, занимавшаяся политико- и культурно-просветительной работой среди представителей более 30 восточных национальностей Ленинграда. Среди национальных секций ДПНВ была и ассирийская.

Главным производственным занятием ассирийцев в городах стало обувное дело: ремонт и чистка обуви. Индивидуальные ремесленники в конце 1920-х гг. создали в Ленинграде национальную производственную артель «Труд-Ассириец», объединявшую большинство трудоспособных мужчин. В 1934 г. артель располагала тремя ремонтными мастерскими в центре (улицы Плеханова и Восстания, просп. 25 Октября – Невский) и гуталиновым цехом (ул. Чайковского), а чистка обуви и продажа «сапожных принадлежностей» производились по всему Ленинграду. [7, с 136] Производственная кооперация давала возможность ее членам быть активными участниками общей созидательной работы. Характерен в этом отношении вопрос чистильщика обуви Искандарова на собрании актива ассирийской секции в январе 1936 г.: «Может ли чистильщик обуви быть стахановцем?» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 19. Л. 18].

Постепенно в производство вовлекались и женщины, но все же основным занятием ассирийских женщин оставалось домашнее хозяйство. Скованные в значительной мере архаическими традициями и предрассудками, обремененные детьми, неграмотные ассирийские женщины нуждались в социально-культурной эмансипации. Однако их повседневная жизнь менее всего поддавалась изменениям, старый семейный уклад и быт не сдавали своих позиций. Но ассирийская секция ДПНВ много внимания уделяла работе среди женщин. Был организован ассирийский кружок кройки и шитья, в котором занимались до 20 женщин. Кружок обеспечивал возможность не только обслуживать свои семьи, но также получить профессию, иметь самостоятельный заработок. Для привлечения женщин к производительному труду проводились экскурсии на производство (на бумажную и мебельную фабрики и др.). Кроме общих экскурсий и культпоходов, ДПНВ организовывал отдельные музейные экскурсии и посещения театров для женщин. Проводились собрания ассирийских женщин, беседы на тему «Что дала национальная политика партии и правительства женщинам Востока», доклады «Роль женщины на производстве и в быту» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 6. Д. 9, 13, 15, 19, 53].

В ДПНВ работали ассирийские кружки политграмоты и стрелковый, а также два художественных кружка – драматический и музыкальный. Выступления ассирийской художественной самодеятельности имели большой успех как в самом ДПНВ, так и на районных и городских праздниках. В библиотеке имелась литература на ассирийском языке.

Общей проблемой была неграмотность и малограмотность многих ассирийцев. В ДПНВ работала школа ликбеза и кружок для малограмотных, занятия проводились в вечернее время по четным дням шестидневки (во второй, четвертый и шестой день). Каждое занятие состояло из 4-х уроков, в программе ликбеза были ассирийский и русский языки, арифметика и обществоведение, а в кружке для малограмотных к ним прибавлялись еще география и естествознание. Родной язык изучался по 10 часов в месяц, а остальные занятия шли на русском языке. Это создавало интенсивную языковую среду для инофонов, но одновременно вызывало определенные

трудности в овладении материалом. Учащиеся обеспечивались, хотя и не всегда регулярно, учебниками, тетрадами и карандашами. Конечно, заниматься систематически удавалось не всем, ведь занятия требовали много времени – они проходили с 20 час. до 23 час. 15 мин., поэтому с посещаемостью были проблемы. И все же это была возможность для взрослых преодолеть культурную отсталость. Дети учились в городской школе № 21 (ул. Рубинштейна, 13), где изучался ассирийский язык [ЦГАЛИ СПб. ф. 258. Оп. 6. Д. 13. Л. 40; Д. 19. Л. 5 – 5-а, 9, 12, 18 об. - 19; Д. 22. Л. 3].

Борьба за новый быт, понимаемый как разрыв с прошлым, преодоление невежества, изживание негативных явлений в семье, в том числе угнетения женщины, также занимали значительное место в работе ассирийской секции ДПНВ. Проводились тематические вечера с докладами на темы семьи и быта, врачи читали лекции о гигиене и здоровом образе жизни, на родительских собраниях обсуждали вопросы учебы и воспитания детей. Практиковались беседы на дому среди жильцов коммунальных квартир, тесно заселенных ассирийцами. Так, в 1935 г. по нескольким адресам были проведены беседы «по вопросу быта и отношения к женам», «о семье и быте на примерах разложения» [бытового]. Приходилось бороться и за соблюдение трудовой дисциплины членов артели «Труд-Ассириец» – в октябре 1935 г. состоялся товарищеский суд над ее нарушителями [ЦГАЛИ СПб. ф. 258. Оп. 6. Д. 13. Л. 41, 43–44, 54, 56, 58; Д. 19. Л. 23, 37].

В ассирийской диаспоре Ленинграда было также несколько студентов рабфаков и вузов. На курсах нацмен советского Востока учились активисты ассирийской секции ДПНВ Аюдинов и Сливоев. О.Д. Оганесов после окончания рабфака при Ленинградском финансово-экономическом институте поступил в Педагогический институт им. Герцена. В Институте живописи, архитектуры и скульптуры (Академия художеств) учился А.Б. Бриндаров. Все эти молодые люди в детском возрасте оказались беженцами, потом работали чистильщиками обуви на улице, но сумели дорасти до высшего образования [ЦГАЛИ СПб. ф. 258. Оп. 6. Д. 19. Л. 18 – 19; Д. 30. Л. 21–23, 38].

Особенно удивительна судьба Аняния Бархшабовича Бриндарова (1907–1983). Подростку помогли поступить на рабфак при ВХУТЕМАСе (Москва), после окончания которого в 1930 г. он учился в Академии художеств в Ленинграде. Его дипломной работой в 1937 г. стала большая картина «Ассирийцы-беженцы», запечатлевшая переход колонны беженцев через реки Джульфа и Аракс. Несколько лет А. Бриндаров работал художником-реставратором в Перми, в 1946 г. переехал в Ленинград и поступил в мастерскую реставрации живописи Русского музея, а с 1949 по 1977 гг. возглавлял отдел реставрации музея. Долгое время А. Бриндаров собирал национальный фольклор, и в 1950 г. в Детгизе вышел первый сборник ассирийских сказок «Охотник Харибу», собранных и проиллюстрированных А. Бриндаровым. В 1967 г. он был удостоен звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР» [8; 9; ЦГАЛИ СПб. ф. 258. Оп. 6. Д. 30. Л. 21–23].

Небольшая ленинградская ассирийская диаспора в 1920-х–1930-х гг. превратилась в составную часть многонационального городского социума.

Библиографический список

1. Михайлов С. Неизвестная трагедия // Новый Вавилон. – 1996. – №1. – С. 56–58.
2. Эрлихман В. Непокоренные // Родина. – 2006. – № 8. – С. 75–78.
3. Национальный состав населения СССР по переписи 1926 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (дата обращения 19.10.2020).
4. Население Петрограда по переписи 28 августа 1920 г. // Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Вып. 5-й. – Пг.: Госиздат, 1921. – С. 64–65.

5. Население Ленинграда по переписи 15 марта 1923 г. Табл. 42. Национальный состав населения // Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. – Л.: [Б.и.], 1925. – С. 236.

6. Национальный состав населения СССР по переписи 1939 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php (дата обращения 19.10.2020).

7. Весь Ленинград на 1934 год. Адресная и справочная книга. – Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1934. – 1205 с.

8. Жизнь, отданная искусству. Ананий Бархшабович Бриндаров. Из воспоминаний современников // Атра (Родина). 1991. № 2. – С. 24–26.

9. Бриндаров Ананий Бархашабович. URL: <http://restoration.ruseum.ru/rest-brindarov-resoration.htm> (дата обращения 19.10.2020).

Архивные источники

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 258 – Объединенный фонд национальных домов просвещения.

Оп. 6 – Дом просвещения народов Востока.

Улитина Анна Сергеевна

Студент

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: annaulitina99@gmail.com

ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В настоящее время наблюдается процесс смешивания, взаимопроникновения и переплетения культур, который неизбежен в связи с общим ростом взаимозависимости мира, экономических, политических и других тенденций к сближению. Глобальные процессы, характеризующиеся стремительным развитием, вовлекают в свою орбиту представителей разных культурных миров, которые нередко кардинально отличаются друг от друга по многим ключевым параметрам, характеристикам и качествам. Поэтому особый интерес у ученых вызывает феномен межкультурного взаимодействия и вопрос его регуляции.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, культура, диалог, результаты взаимодействия.

Ulitina Anna Sergeevna

Student

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE PHENOMENON OF INTERCULTURAL INTERACTION

Abstract. Currently, there is a process of mixing, interpenetration and intertwining of cultures, which is inevitable due to the general growth of the interdependence of the world, economic, political and other tendencies towards rapprochement. Global processes, characterized by rapid development, involve representatives of different cultural worlds into their orbit, which often radically differ from each other in many key parameters, characteristics and qualities. Therefore, scientists are particularly interested in the phenomenon of intercultural interaction and the issue of its regulation.

Keywords: intercultural interaction, culture, dialogue, results of interaction.

Проблема межкультурного взаимодействия и его форм становится одной из важнейших в рамках современных глобальных процессов. В частности, этим вопросом были посвящены IX Международные Лихачевские чтения 14–15 мая 2009 года «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Диалог как одна из форм взаимодействия культур и другие формы межкультурного взаимодействия были рассмотрены как примеры адекватных ответов на современные вызовы цивилизации, а также как значительная сторона современного культурно-исторического процесса и одно из условий регулирования современных общественных отношений между народами, странами и цивилизациями [см.: 5].

Рассмотрение понятия феномена межкультурного взаимодействия изначально может сводиться к осознанию сути понятий «культура», «взаимодействие» и дальнейшему синтезу их смысловых значений.

Культура в данном случае понимается как сложная, саморазвивающаяся система, а также «особый духовный опыт человеческих сообществ, накапливаемый и передаваемый от поколения к поколению» [5, с. 19], который объединяет в пространственно-временной среде ценности, нормы, традиции, менталитет, мысли и другое многообразие человеческих проявлений, выраженное в определенных знаках и знаковых системах. Культура является одним из предметов усвоения и в разных обществах оказывается различной.

Взаимодействие же отражает тип связи тех или иных отношений между субъектами, которое предполагает одновременное существование данных субъектов и их влияние друг на друга. Взаимодействие выступает как интегрирующий фактор, способствующий образованию новых структур.

«Взаимодействие культур — это особый вид непосредственных отношений и связей, возникающих по меньшей мере между двумя культурами» [3, с. 70], а также порождающих новые смыслы и синтетические формы. Важное значение в процессах межкультурного взаимодействия имеет изменение внутренних структур, состояний, качеств, сфер деятельности, системы ценностей, традиций, ценностных ориентиров вступивших в него культур.

Существенным механизмом межкультурного взаимодействия может являться политика модернизации, национальная и культурная политика, осуществляемые на уровне государства, а также внутри самостоятельных корпоративных структур, муниципальной власти, обществ, организаций и культурно-национальных объединений [см.: 1].

Процесс взаимодействия культур, как правило, является крупномасштабным по длительности явлением: а именно, данный процесс осуществляется на протяжении не менее нескольких десятилетий. Простой обмен товарами, информацией, временные соприкосновения культур или же какие-либо отношения, не касающиеся глубоких уровней в структуре культурной активности, в ценностных ориентирах, в образе жизни резидентов той или иной культуры, не могут быть отнесены к межкультурному взаимодействию. Однако они могут представлять формы сосуществования или контактов культур друг с другом.

Именно поэтому крайне неопределенными оказываются результаты взаимодействия культур, особенно если рассматривать их в краткосрочной ретроспекции. Оценить данные результаты достаточно сложно, так как еще не разработаны точные критерии, благодаря которым можно было бы говорить о полностью положительных или отрицательных последствиях межкультурного взаимодействия. Однако это не касается случая, когда одна культура «гниет» под воздействием другой и в итоге растворяется в ней или же вовсе исчезает.

Такой результат можно проследить на примере культур архаического типа при их неожиданном столкновении с культурами современного типа. Культуры архаического типа зачастую оказываются неготовыми в сжатые сроки освоить те сложные формы культурной активности, которые им навязывает более динамичная и дифференцированная культурная среда.

В наше время достаточно остро стоит вопрос решения данной проблемы. Нужно найти такие способы адаптации подобных культур к актуальным установкам, чтобы, не разрушая их внутреннего содержания, попытаться сделать их взаимодействие с современным миром менее губительным.

Более сложным по результатам и последствиям бывает взаимодействие между культурами, у которых нет сильного разрыва по типологическим параметрам, по способности к динамическим переменам, а также по степени внутренней дифференциации.

Так, передача или распространение в какой-либо культуре орудий труда, современных технологий, новых критериев оценки поведения людей в повседневной жизни, взятых из инокультурного опыта, не может считаться позитивным или негативным до тех пор, пока не станет ясно, какое именно воздействие оказали те или иные приобретения на глубинные особенности культурной жизни этого народа [см.: 2]. Новые предметы или явления культурного характера должны быть оценены не сами по себе, а лишь с точки зрения того, насколько они помогли данной культуре приспособиться к изменениям внешнего мира, развить ее творческие возможности.

Несмотря на то, что в процессе межкультурного взаимодействия возникает поэтапная адаптация к меняющимся условиям существования путем «изменения сте-

реотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни и элементов картин мира» [3, с. 15], само взаимодействие не ограничивается простым перенесением культурной формы. Процесс межкультурного взаимодействия вызывает различного рода реакции, которые ускоряют или замедляют его. Такими реакциями могут выступать: притяжение — отталкивание, вызов — ответ, уход — возврат, реконструкция — революция и другие.

Более того, в любой культуре есть система защитных механизмов, которые убегают ее от слишком сильного инокультурного воздействия. Такими являются механизмы сохранения и репродукции своего предыдущего опыта и традиций, создания у людей чувства культурной идентичности. Данные механизмы обозначают границы всего того, что «служит оформлением собственной самобытности, собственной оригинальности» [4, с. 103].

Во взаимодействии друг с другом культуры проходят проверку на уровень открытости, на решимость принимать в расчет чужое мнение. Изолированность культур приводит к существенной отсталости в различных сферах жизнедеятельности. Следовательно, взаимодействие «является одним из важных условий для успешного развития любой культуры» [1, с. 154].

Таким образом, межкультурное взаимодействие — отношение между двумя или более культурными средами, в рамках которого стороны оказывают существенное взаимное влияние друг на друга. Результаты взаимодействия культур могут быть позитивными или негативными в зависимости от того, насколько сильно данная культура смогла приспособиться к изменениям. Поэтому феномен межкультурного взаимодействия представляет собой сложный процесс, вид отношений, который еще требует дальнейшего детального изучения со стороны культурологов и антропологов.

Библиографический список

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. — 247 с.
2. Иконникова Н. К. Механизмы межкультурного восприятия // Социологические исследования. — 1995. — № 11. — С. 26–34.
3. Культурология. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 2007. Т.1. — 447 с.
4. Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами / Очерки по философии художественного творчества. СПб.: БЛИЦ, 1999. — 191 с.
5. Теория культуры: учеб. пособие / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. СПб.: Питер, 2008. — 592 с.

Яковлева Лилиана Сергеевна

аспирант

Сибирский федеральный университет

Email: l.yakovleva128@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: Цифровизация является тенденцией, которая распространяется на ключевые аспекты жизни человека. Цель данной работы – проанализировать путь трансформации фотографического образа и его влияние на самоидентичность личности в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: фотографический образ, цифровое общество, личность.

Yakovleva Liliana Sergeevna

PhD Student

Siberian Federal University

TRANSFORMATION OF THE PHOTOGRAPHIC IMAGE IN A DIGITAL SOCIETY

Abstract: Digitization is a trend that is spreading to key aspects of human life. The purpose of this work is to analyze the path of transformation of the photographic image in the digital age.

Keywords: photographic image, digital society, personality.

В эпоху аналогового изображения фотография представлялась средством автобиографической памяти. Как правило, фотографии бережно хранились в семейных альбомах и передавались следующим поколениям. Доступ к фотографической памяти семьи имели только те избранные люди, которым предъявлялся фотоальбом. В настоящее время фотография становится частью социальной и технологической трансформации, где личность является центром виртуальной реальности (компьютерной). «Люди сами делают свою историю, – писал Маркс, – но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [1, с. 119].

В последнее время мы наблюдаем изменения в социальных практиках фотографии, когда происходит явный переход от семейного использования к индивидуальному. Кроме того, легкий процесс фотосъемки, информационные технологии, мгновенное распространение снимков посредством сети Интернет лишили фотографию сакральности, которой она обладала в аналоговую эпоху.

Фотография в цифровую эпоху ставит антропологические, политические, социальные и философские вопросы. Нам представляется важным проанализировать фотографию с социально-философских позиций и ответить на следующие вопросы. Что мы можем узнать *о себе* и *о Других* по фотографии? Какова сила цифровых технологий в формировании фотографического образа? Представляют ли для нас ценность современные функции, позволяющие видоизменять, преобразовать фотоснимки? Наконец, главный вопрос, на который нам предстоит ответить: как технические изменения в сочетании с трансформациями фотографического образа повлияли на современного человека?

Итак, что мы можем узнать *о себе* и *о Других* по фотографии? Исследуя сложный цикл образов, французский философ, социальный теоретик и критик Ролан Барт в «Camera Lucida» замечает, что процесс фотосъемки – это замкнутое поле, где пересекаются четыре образа. Перечислим каждый из них.

1. Ментальный образ себя («тот, кем я себя считаю»).
2. Идеализированный образ себя («тот, кем я хочу, чтобы меня считали другие»).
3. Сфотографированный образ себя («тот, кем меня считает фотограф»).
4. Публичный образ себя («тот, которым пользуется фотографирующий или фотографируемый, презентуя снимок» [2, р. 13]).

Фотография становится моделью поведения для своего адресата, который реагирует на ее визуальное послание, чтобы определиться со своим положением в социуме. Одна фотография вытесняет другую, но каждая становится средством коммуникации, основой для поиска самоидентичности. Любое переживание, даже персональные или социальные ценности, могут быть проанализированы посредством фотографии.

В заключение доклада подчеркнем следующее. Процесс трансформации фотографического образа в условиях цифровизации продолжается вследствие того, что прогресс не стоит на месте. В дальнейшем нам еще предстоит узнать новые трансформации образа фотографии.

Сегодня человек, прибегнув к современным информационным технологиям, способен сконструировать любой фотообраз, предъявив «себя Другого» в сети Интернет. Другой тип личности, обладающий эгоцентризмом и нарциссическими чертами характера [см.: 3], добровольно информирует социум, представляя не только доступ к личным фотографиям, но и заполняя досье о себе в социальных сетях. Социальная сеть, как и фотография – это инструменты, с помощью которых люди делятся информацией. Проблема в том, что характер данной информации зачастую не всегда отражает реальность. Тем не менее «мы» склонны «трансформироваться» в то, что мы «постим».

Библиографический список

1. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 115–217.
2. Barthes R. Camera Lucida: Reflections on Photography, trans. Richard Howard. – New York: Hill and Wang, 1981. – 119 p.
3. Яковлева Л.С. Феномен селфи как форма трансформации нарциссизма личности в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2020. - №1 (27). – С. 70–79. URL: <http://fikio.ru/?p=3880> (дата обращения: 11.10.2020).

НАУКА И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЧЕЛОВЕК, ИНФОРМАЦИЯ, КОСМОС

SCIENCE AND RUSSIAN PHILOSOPHY: MAN, INFORMATION, SPACE

Битюцкая Алла Альбертовна

Аспирант

Воронежский Государственный Университет

Email: alla-bituzk@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ БЕЛОГО

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен концепции жизнетворчества Андрея Белого в рамках русской философии Серебряного века.

Ключевые слова: символ, слово, эстетика.

Bityutskaya Alla Albertovna

PhD Student

Voronezh State University

ANDREY BELY'S CONCEPT OF LIFE CREATION

Abstract. This article examines the phenomenon of the concept of Andrey Bely's life-creation in the framework of Russian philosophy of the Silver age.

Keywords: symbol, word, aesthetics.

Андрей Белый – идеолог символизма, который воплотил философию творчества в жизнь. Он был соседом четы Соловьевых в Москве, поэтому сказалось сильное влияние «властителя умов и судеб». Как и Блок, поэт задумывается над основой жизнетворчества и обновлением религиозно-культурных начал. По мнению А. Белого, зачины новой парадигмы содержатся в символизме. Главным символом будущего является соловьевская София: «Но Ее Образ – окончательный. Ее веяние – веяние конца» [1, с. 116].

Символизм становится религией Серебряного века. Автор пытается дать полноценное определение символу: «Когда же мы изучаем способ воздействия на нас форм, мы говорим о содержании данного искусства. Здесь форма и содержание только методические приемы изучения данного нам художественного единства. Таким единством является символ» [1, с. 123]. Символ наделен чертами духовного переживания, став определением эмпирической эстетики. Автор показывает, что не все виды искусства подходят для символического использования. Существует четыре вида жизнетворчества: *музыка* – пространство + время; *поэзия* – время + аполлонистическое начало; *зодчество* – гармония формы + гармония пространства; *живопись* – «красочное» пространство + время.

Классификация создана под влиянием трудов А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, В. Вундта. Белый старался объединить немецкие работы с русской созидательностью. Он подчеркивал, что вышеуказанные виды действуют у нас в рамках закона сохранения творчества, то есть закона сохранения творческой энергии. России соответствует внутренний (иранский) тип духовный переживаний, в котором имплицитные сублимации дают толчок к созданию неизведанного. Переживание экспонируется в настроении творца, передающего своим поведением содержание художественной формы. Белый называет этот процесс кристаллизацией творчества по аналогии

с работой Стендаля о кристаллизации любви. Он считает, что внутреннее сохранение творческого переживания помогает создавать новые символы. Отсюда исходит смысл творчества: открывать миру безусловное эстетическое начало и проявлять его во всех целях. Воплощать эстетику должен символизм, возведенный в чин гностической религии: «Видимость переживается в искусстве, т. е. становится в подчиненное отношение к опыту внутреннему; зависимость внешнего опыта от опыта внутреннего не создается нами непосредственно; искусство явно выражает эту зависимость. <...> Процесс построения моделей переживания посредством образов видимости есть процесс символизации» [1, с. 197]. Творчество становится способом познания личности. Познание уже трансцендентально предопределено, в него вложен образ единства. Творчество носит троичную схему (проявление свободной теософии Соловьёва): символ – видимость, символ – аллегория, символ – побуждающего призыва.

Кодирование эстетических символов направлено на упрощение жизни индивида, чтобы он с помощью краткого руководства мог воплощать эпистемы искусства и вывести категории эстетики из спектра метафизических наук в поле диалектических рассуждений. Чтобы воплотить переход в будущем, нужно, по мнению поэта, создать новый вид активности.

Белый, вслед за коллегой Блоком, задумывается над процессом мифотворчества – легендой. Легенда для поэта – это акт личной истории. Если у Александра Александровича легенда это практика соучастия, то у Андрея Николаевича – это мистерия, которая преобладает над высшими музыкальными символами. Создать мистирию можно через слова (символы категории поэзия). Слово рождает причинность и несет в себе магию живого знания. Творческое слово окутывает своего творца самобытным миром-мистерией. «Творческое слово созидает мир. Творческое слово есть воплощенное слово (слово – плоть), и в этом смысле оно действительно; символом его является живая плоть человека; слово-термин – костяк» [1, с. 271].

Слово проходит, как и символ, три стадии: эпитета, сравнения, выбора аллюзии (метафора, метонимия, синекдоха). Получается, что творчество — это переживание стадий языковых троп, процесс «заклинания слов», потому что в языке мы проговариваем собственное «art de vivre» и благодаря этому живем. Позднее Павел Флоренский разовьёт эту концепцией «заклинателя слов», назвав её «имяславие».

Следовательно, образ теурга Белого напоминает образ соловьёвского богочеловека. Жизнь становится личным творчеством и личной неповторимой мистерией. Поэтому концепция индивидуального творчества и символическая схема будет заимствоваться последователями уже после смерти автора. Например, в работах В. Набокова: «Несколько позже монументальное исследование Андрея Белого о ритмах загнипотизировало меня своей системой наглядного отчисления и подсчитывания. <...> Я немедленно просмотрел с этой новой точки зрения, страшно был огорчен и с той поры, в продолжении почти года, – скверного, грешного года, – я старался писать так, чтобы получилась как можно более сложная и богатая схема» [2, с. 169].

Концепция жизнотворчества в русском символизме носит эпохальный характер. Каждый поэт оставил свой вклад в развитие «жизнотворчества»: кто-то пытался осмыслить в стихах мироздание, кто-то фиксировал свои размышления в эстетических вестниках. Большая заслуга принадлежит младосимволистам, которые возвели в культ Софию Владимира Соловьёва. София стала первым жителем новой эстетической реальности, что проиллюстрировано в таких стихах, как «Стихи о Прекрасной Даме», «Незнакомка», «Дух». В данной поэзии обожание «вечной женственности» тождественно гностической религии, во главе которой было творчество. А. Блок и А. Белый пытались решить проблему религиозного поиска через эстетику и созидательную рецепцию. Их образ человека творческого зона – жрец (термин теург

не употреблялся). Впоследствии многие исследователи отмечали, что концепты символистов связаны с практиками исихастов, где эстетизация мира превратилась в аскетическую позицию постоянно умственного творения.

Библиографический список

1. Белый А. Принцип формы в эстетике. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 46 с.
2. Набоков В. Дар: роман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 416 с.

Бурова Мария Леонидовна

кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Email: marburova@yandex.ru

ПРАГМАТИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА

Аннотация. Рассматривается критика представителями философии всеединства прагматизма в аспекте онтологии, гносеологии, методологии и философии науки.

Ключевые слова: всеединство, прагматизм, эмпиризм, действительность, абсолютное, истина, наука.

Burova Mariya Leonidovna

PhD (Philosophy), Associate Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PRAGMATISM IN THE MIRROR OF THE PHILOSOPHY OF UNITY

Abstract. The article considers the criticism of pragmatism by representatives of the unity philosophy in the aspect of ontology, epistemology, methodology and philosophy of science.

Keywords: unity, pragmatism, empiricism, reality, absolute, truth, science.

Одной из особенностей русской философии является отношение к познанию как событию в процессе жизни, как включенному в человеческое действие в мире [3, с. 15–16]. Русская философия изначально прагматична в широком, метафизическом смысле. Поэтому прагматизм как философское и гносеологическое направление вызвал большой интерес в аспекте его происхождения, целей и ценностей, особенно в период 1910-х годов, когда шли многочисленные идеологические и гносеологические споры о связи науки, жизни и человеческой деятельности.

Представители русской философии всеединства видели в философских учениях конца XIX – начала XX веков кризис онтологии. Истоки этого кризиса В. Ф. Эрн усматривал в прагматическом игнорировании природы как сущего у Ф. Бэкона, в механистической философии Р. Декарта, в последующем отказе от материи Дж. Беркли и трансцендентализме И. Канта [8, с. 36–47]. Схематичность рационализма, считал он, не позволяет осознать природу мысли, мир мыслится в категории вещи, механистически, детерминистски, что приводит к иллюзии материи и личности [8, с. 291]. Сходна с этим позиция С. Н. Булгакова, выделяющего в философии природы Нового времени два крайних полюса: механистический материализм как философию чистого объекта и идеалистический субъективизм как философию чистого субъекта, также возводящего прагматизм к Канту [1, с. 18–19, 28]. Прагматизм оценивался Эрном как симптом, но не выход из кризиса, поскольку попытка «синтеза» осуществляется в рамках все того же рационалистического отрыва от природы [8, с. 286–287]. Эрновская дилемма рации и логоса предстает у Булгакова как противопоставление рассудка (отвечающего за область науки) разуму. «Становясь по отношению к миру в научную позу, надевая на себя ледяную личину рассудка, решаясь «не плакать, не смеяться, но понимать», человек вырывает у природы если не ее тайны, закрытые холодному рассудку, то ее секреты, полезные для жизни». Рассудочность коренится в утилитарно-прагматическом отношении к природе. В этом тайна рационализма, которую разгласил современный прагматизм, «сделав своим боевым принципом то, что молча, потихоньку делала и делает европейская мысль в новейшую эпоху». Но в качестве философии прагматизм, как всякий радикальный скептицизм, является самоубийством рассудочности. [1, с. 28].

Наиболее часто русские философы всеединства обращались к работам У. Джемса. В его двойственной трактовке природы, и проявляющей колоссальное мотовство, и являющейся в своей основе священной материей, просветленной в красоте природы [8, с. 19; 1, с. 28] они видели не только проявления своеобразия его личности, но выражение противоречивости прагматизма в отношении мира, действительности, реальности.

В понимании действительности прагматизм «смешивает факты как факты, являющиеся всегда результатом анализа и предвзятой классификации, с первобытно-нетронутую и непосредственной действительностью, всегда являющейся индивидуальным, единичным, неповторимым и неразложимым единством целой серии и запутанной комбинации фактов» [8, с. 27]. В этом он близок к эмпиризму. Последний, полагал Эрн, всегда отождествлял факты как схемы с действительным состоянием объекта, изучаемого наукой, принимая схемы за подлинно сущее, непостижимую действительность [8, с. 28]. Реальностью, отмечал С. Л. Франк, прагматизм признает только конкретные опытные содержания знания, абсолютная действительность как идеал признается фикцией [6]. Поэтому прагматизм возражает против метафизики и онтологии, как религиозной, так и философской. Характерным для прагматизма в целом считал Эрн высказывание У. Джемса о «Берлоге Абсолютного», из которой нет выхода к конкретной действительности. Это обеднение переживаемого, стремление прагматизма к трезвому отношению к действительности, позволяло Эрну показать прагматизм как трансформацию эмпиризма не только в гносеологическом, но и в антропологическом смысле [8, с. 32]. Мир для человека в прагматизме («гуманизме» Ф. К. Шиллера) гибок и пластичен, создается самим человеком, отмечал С. Л. Франк, не существует абсолютной, независимой от человеческих целей действительности. Шиллеровский взгляд на борьбу с «абсолютизмом» как спора с платонизмом во имя правоты Протагора требует обращения к сущности человеческой природы [6], является продолжением идей Канта об антропоморфизме человеческого опыта и ведет к антропологии в науке. [1, с. 28; 2, с. 182].

Общее отношение прагматизма и его отдельных представителей к абсолютному не всегда совпадали. Отмеченная Эрном «уязвленность» Джемса абсолютным нашла отражение в поздних работах Н. О. Лосского и С. Л. Франка, посвященных мистическому опыту, где встречаются ссылки и цитаты из работы Джемса. Так, Франк подчеркивал заслугу Джемса в введении самого понятия религиозного опыта, его определения как чувства присутствия невидимого [7, с. 248], но указывал, что религиозный опыт не может быть обоснован методом радикального эмпиризма или при помощи спиритизма. Для Франка, постулирующего веру-достоверность как реального присутствия предмета знания в нашем сознании, опыту достаточно быть, чтобы быть истинным. Опыт как обладание свидетельствует о реальности обладаемого [7, с. 234]. Для Лосского Бог открывается в религиозном опыте как абсолютная полнота бытия, как высшая абсолютная ценность, совершенство и наполняет душу блаженством [5, с. 51]. Философ согласен со словами Джемса, что созерцанию, высшего мира мешает наше тело как занавес, и только мистический опыт позволяет увидеть небо сквозь его дыры [4, с. 353].

Оценка гносеологии прагматизма в теоретическом и методологическом аспектах связана с проблемами философии науки. Сущность гносеологии прагматизма без отсылки к его ценностной мировоззренческой составляющей была вскрыта Франком. Он подчеркивал сведение в этом учении логики и гносеологии к психологии, а истины как продукта человеческой потребности к ориентированию человека в мире, орудийный, инструментальный характер знания. Стремление к упрощению философских проблем и споров сами прагматисты возводили к Беркли и Локку [6]. Но достижение упрощения и единства, по мнению Эрна, сомнительно, ибо не менее спорным, чем вопрос об истинности мысли, является и вопрос о полезности, практическом значении следствий [8, с. 21]. Предлагаемое Джемсом теоретическое оперирование, отме-

чал Франк, тождественно понятию познания, и может привести либо к тавтологии, либо к признанию полезных «рабочих гипотез», что также не является чем-то новым. Общезначимость и объективность практической ценности как критерия истинности связана как с общими нуждами человеческой природы, так и пригодностью для большинства. Согласие или разногласие между идеями и опытными данными, наличным и отсутствующим является соответствием или несоответствием целей и средств. Прагматизм рассматривается Франком как необходимый логический этап в развитии эмпиризма, и в субъективных «обработках» опыта и множестве картин мира близок к эмпириокритицизму Р. Авенариуса. Без трактовки истины как соответствия действительности знание становится свободным комбинированием данных опыта, хаоса ощущений без отвлеченных понятий и общих суждений. Но тогда понятия и суждения, в том числе математические, имеют только символическое значение, дают упрощенное описание явлений, являются названием. Поэтому для Франка прагматизм делает логически формальный вывод из номинализма, отрицая теоретический смысл и ценность знания [6].

Методология прагматизма оценивалась Эрном как эклектическая, релятивистская и спорная в своей сущности. Признание фактического существования полезности не дает возможности решить вопрос о реальном существовании эстетических, моральных, религиозных ценностей. К спору о ценностях сводятся наука, философские школы и религии, и средний путь здесь невозможен. Упрощенность, схематичность прагматистского метода Эрн подчеркивал и в его дихотомической оценке мыслителей разных школ [8, с. 21–22]. Отказывая прагматизму в теоретическом значении, Эрн признавал его философскую ценность в поисках истины. Но, считал Франк, это не поиск общеобязательной теоретической истины, а «восстание против науки» [6]. Связь прагматизма с изменением научного самосознания, с признанием осознанной относительности научного знания видел Булгаков. Логика развития науки, движение к специализации, дифференциации показывает ее прагматический характер и отделяет от Истины. Появляются частные научные истины с их инструментальным характером [2, с. 177–178], Булгаков связывал идеалистический анализ познания, подчинение науки гносеологии и логике с критическим отношением к условным понятиям отдельной науки. Идеализм и прагматизм становятся формами релятивизма в науке, а итогом неокантианства и прагматизма, имеющих разные предпосылки, является подчинение философии науки, наукословия философской антропологии [2, с. 182].

Таким образом, философия всеединства выделила как основные черты прагматизма отказ от метафизики, историческую преемственность традиций античной софистики, эмпиризма и номинализма, близость к эмпириокритицизму, конвенционализму, неокантианству в постановке вопроса о статусе научных понятий.

Библиографический список

1. Булгаков С.Н. Природа в философии Вл. Соловьева // Сочинения в 2-х т. Т.1. – М.: Наука – 1993 – 604 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Сочинения. в 2-х т. Т.1. – М.: Наука – 1993 – 604 с.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. ч. 1. – Ленинград, ЭГО – 1991. – 222 с.
4. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
5. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
6. Франк С.Л. Прагматизм как гносеологическое учение // Новые идеи в философии. – СПб.: Образование, 1913, сб. 7. – С. 115–157.
7. Франк С.Л. С нами Бог // Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992–С. 217–404.
8. Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 576 с.

Выжлецов Павел Геннадиевич

кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Email: vyzhletsov@mail.ru

О ПОНЯТИИ «ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ» У М. ШЕЛЕРА

Аннотация. В тезисах выявляются основоположения и основные смыслы понятия «философская антропология» некоторых работ М. Шелера.

Ключевые слова: М. Шелер; философская антропология; «дисциплина»; «наука»; специфическая философская антропология; «метаантропология»; метафизика.

Vyzhletsov Pavel Gennadievich

PhD (Philosophy), Associate Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

**M. SCHELER' S CONCEPT
OF "PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY"**

Abstract. The article reveals the foundations and basic meanings of the concept of «philosophical anthropology» in some works of M. Scheler.

Keywords: M. Scheler, philosophical anthropology, «discipline», «the science», specific philosophical anthropology, «meta-anthropology», metaphysics.

Сложности, возникающие при реконструкции философско-антропологического «проекта» М. Шелера в целом, раскрываются, в частности, М. Л. Хорьковым. Так, согласно Хорькову, поскольку многие фрагменты и наброски из наследия М. Шелера до сих пор не опубликованы, то «реконструкция эволюции шелеровского проекта философской антропологии возможна лишь пунктирно» [4, с. 41].

В свою очередь реконструкция содержания работ Шелера 1920-х гг., в которых разрабатывался указанный «проект», осложняется: многосторонностью его интересов (осмысление наряду с антропологической проблематикой проблем метафизики, теории познания, социологии знания и др.) [4, с. 42]; переходом «от теистической метафизики к метафизике отношений духа и порыва» [4, с. 43]. При этом следствием переходности мысли выступает понятийное смешение, вызванное к жизни ограниченностью используемого им «понятийного аппарата» [4, с. 43].

Наряду с наблюдениями М. Л. Хорькова, необходимо отметить, что не все работы Шелера по указанной теме отличаются последовательностью и систематичностью изложения. По-видимому, это стало следствием как масштабности и сложности одновременно решаемых задач, так и недостатка времени.

Обращаясь к идеям М. Шелера, необходимо отметить, что в предисловии к сочинению «Положение человека в космосе» он подчеркивает, что такие философские вопросы, как «Что есть человек и каково его положение в бытии?» интересовали его с самого начала философской деятельности и выступили в качестве наиболее значительных [5, с. 131]. С содержательной точки зрения, в качестве основоположений философской антропологии М. Шелера и, с определенной долей условности, его поздней философии, в первую очередь, следует выделить: метафизику; пантеизм; представление о человеке, как микрокосмосе; концепцию личности.

Обращаясь к первому основоположению, следует отметить, что в лекциях, посвященных истории философии, в процессе анализа новоевропейской мысли Г. Гегель утверждал: «Метафизика есть тенденция к субстанции, так что она в противоположность дуализму утверждает существование одного единства, одного мышления, как, например, у античных философов — бытие» [3, с. 318]. В области

метафизики он обнаруживал две противоположных тенденции — «субстанциализм» (Р. Декарт, Б. Спиноза) и «индивидуализм» (Д. Локк), причем в первой утверждалось «единство бытия и мышления» [3, с. 318]. Вместе с тем, в «Лекциях» отношение Гегеля к дуализму Р. Декарта весьма противоречиво и неоднозначно [2, с. 49]. В свою очередь М. Шелер, критикуя дуализм Р. Декарта, развивает и переосмысливает, в частности, идеи Б. Спинозы и Г. Гегеля в области метафизики. Указанные выше основоположения раскрываются М. Шелером, в частности, в работе «Положение человека в космосе» в процессе решения важного вопроса. А именно — есть ли «сущностное различие» [5, с. 152] между человеком и животным, поскольку и высшие животные наделены, например, практическим интеллектом.

Необходимо также отметить, что в докладе, посвященном проблемам знания и образования, Шелер предлагает определение сущности человека как способного к духу живого существа, то есть микрокосмоса [5, с. 26, 50]. В этом плане человек взаимосвязан с божественным макрокосмосом и причастен к духовной основе мира.

В тексте «Положение человека...» Шелер подчеркивает наличие принципиального содержательного аспекта, определяющего человека как такового, возвышающего последнего не только над практическим интеллектом, но и над жизнью вообще и даже ей противоположного. Шелер характеризует этот аспект как «принцип» и обозначает понятием «дух» [5, с. 153]. «Дух» восходит к субстанции, то есть к «высшей основе вещей» [5, с. 153], проявлением которой является и все живое. Метафизическое основоположение обнаруживается через наличие у человека взаимосвязи «между сознанием мира, самосознанием и формальным сознанием Бога» [5, с. 187]. Эти три способности также относятся к человеческой сущности. По Шелеру, посредством формального подхода Бог описывается, как «“священное” “бытие через себя”» [5, с. 188], абсолютное бытие, субстанция.

Такое основоположение, как пантеизм, Шелер уточняет, в частности, в статье «Человек и история». Согласно Шелеру, новое положение «акосмического пантеизма» восходит к идеям Дж. Бруно и Б. Спинозы: «Бог не есть мир, скорее, сам мир есть Бог...» [5, с. 72]. Кроме того, пантеизм в учениях Б. Спинозы и Г. Гегеля предполагал «частичную идентичность человеческого и божественного духа» [5, с. 72]. Согласно М. Шелеру, Бог как предельная субстанция предполагает наличие таких двух атрибутов, как «дух» и «порыв». «Порыв» определяется как динамическая мощь, «в которой... коренятся силовые центры и поля органической природы и одна, ритмически проявляющаяся во всех живых формах... единая жизнь» [5, с. 10]. В свою очередь принцип человеческого духа включает в себя: процесс мышления посредством идей, «созерцание» сущностей, эмоционально-волевые акты, например, любовь [5, с. 153]. На этой основе Шелер развивает свои персоналистические представления: «Центр этих актов, в котором дух являет себя... мы будем называть личностью...» [5, с. 153]. Согласно Шелеру, человек, раскрывая в себе духовное начало, способен к становлению в качестве личности. Он обретает свободу от влечений, потребности организма и, вследствие духовного принципа, открыт миру, в отличие от животного [5, с. 153]. Если животное приспосабливается к миру, то человек приспосабливает мир к себе [5, с. 188]. Вместе с тем, поскольку духовный центр человека укоренен в высшей субстанции, в божественном абсолюте, то он эксцентричен миру. Таким образом, обозначенные основоположения обуславливают такие базовые философско-антропологические идеи М. Шелера, как открытость человека миру и его эксцентричность. Последние предопределяют два способа «поведения» человека, которые воплощаются как в метафизике, так и в религии [5, с. 188–189]. Указанные идеи обладают значительным эвристическим потенциалом.

Свой замысел создания новой по сравнению со специфической (от Аристотеля по Г. Гегеля) философской антропологией М. Шелер реализует, в первую очередь, в сборнике «Философское мировоззрение» (1929) и работе «Положение человека

в космосе» (1928). На основе изучения указанных текстов Шелера можно прийти к следующим выводам.

1) В статье «Философское мировоззрение» (1928) М. Шелер определяет место философской антропологии в качестве дисциплины как промежуточное и переходное между первым и вторым порядками метафизики. Согласно Шелеру, «современная метафизика... есть метаантропология...» [5, с. 12], иначе говоря, метафизика, по сути, представляет собой философскую антропологию. Кроме того, по Шелеру, философская антропология как «дисциплина» [5, с. 11], во-первых, уже существует, и, во-вторых, ее «значение» [5, с. 11] возрастает. Все же утверждение Шелера относится к началу ее становления, когда дисциплиной она еще не стала [1, с. 207], то есть не сформировалась как особая, отчасти самостоятельная область философского знания и не была признана в этом качестве.

2) В статье «Человек и история» (1926) Шелер считает, что необходимо создать философскую антропологию, то есть «фундаментальную науку о сущности и сущностной структуре человека» [5, с. 70]. Философская антропология в качестве науки способна выступить как предельным «философским основанием», так и «определить исследовательские цели» специальных «наук» [5, с. 70], изучающих человека.

3) В указанной статье Шелер утверждает также, что в историко-философском плане существует «специфически философская антропология от Аристотеля до Канта и Гегеля» [5, с. 77]. Вместе с тем, уже в этом тексте он полагает наличие новой проблемной ситуации человека, которая не разрешима имеющимися теоретическими средствами, включая специфическое философско-антропологическое знание.

4) Примечательно, что в работе «Положение человека...» Шелер не развивает представлений о философской антропологии как дисциплине, так и науке. Здесь также не содержится формального определения рассматриваемого понятия. Вместе с тем, исходя из контекста его высказываний, философская антропология представляет по своей задаче метафизику человека, но разработку последней еще нужно осуществить. Этот смысл понятия «философская антропология» является определяющим для остальных, и в том же 1928 году он использует для нее особый термин — «метаантропология» [5, с. 12]. При этом метафизика и есть философская антропология.

Многие идеи и представления М. Шелера актуальны и обладают значительным эвристическим потенциалом. Так, наряду с идеями открытости человека миру и его эксцентричности, человек, в частности, есть: «место», «возможность», «способность». Человек выступает в качестве места, где встречаются [5, с. 90] и взаимодействуют «дух» и «порыв». Указанное представление о месте человека в мире может иметь значительные следствия для новой постановки центральных философско-антропологических проблем, а также для развития проблематики философии постиндустриального общества.

Библиографический список

1. Выжлецов П. Г. К проблеме определения понятия «философская антропология» // Шестая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»: тезисы докл. – СПб.: ГУАП, 2018. С. 207–209.

2. Выжлецов П. Г. От Р. Декарта к И. Гёте как тенденция к реализму в поздних фрагментах Ф. Ницше // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12. – Ч. 5. – С. 49–52.

3. Гегель Г. Ф. Лекции по истории философии. Т. 3. – СПб.: Наука, 1994. – 584 с.

4. Хорьков М. Л. Контуры поздней философии Макса Шелера в свете его неопубликованного наследия // Шелер М. Философские фрагменты из рукописного наследия. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – С. 40–47.

5. Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.

Душабаев Зафаржан Раимжанович

Кандидат психологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения»

Email: zrdushabaev@mail.ru

НОВАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Аннотация. В работе обсуждается проблема психофизиологического механизма зрительного восприятия. Приводятся вопросы, на которые затрудняется ответить существующая теория зрения. Выдвигается новая гипотеза процесса зрительного восприятия.

Ключевые слова: зрение, зрительное восприятие.

Dushabaev Zafarzhan Raimzhanovich

PhD (Psychology), Associate Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

A NEW MODEL OF THE VISUAL PERCEPTION PROCESS

Abstract. The paper discusses the psychophysiological mechanism of visual perception. The existing theory of the visual perception process cannot answer some questions. A new hypothesis of the process of visual perception is offered, which logically explains the mechanism of visual image formation.

Keywords: vision, visual perception.

Существующая модель процесса зрительного восприятия основана на допущении аналогий в работе фотоаппарата и глаза. Процесс восприятия начинается с отражения объектом потока солнечных лучей. Благодаря движению отраженных солнечных лучей, световая копия объекта достигает сетчатки глаза. При этом после прохождения зрачка световая копия объекта на сетчатке уменьшается и переворачивается по горизонтали и вертикали. Аналогичный процесс уменьшения и переворачивания изображения на стеклянной фотопластинке можно было наблюдать в фотоаппаратах в начале двадцатого века, которые напоминали камеры-обскуры.

Нет никаких сомнений в том, что глаз выполняет функцию фотоаппарата. Тем не менее, только фотографическая функция глаза не объясняет все феномены зрительного образа человека. Во-первых, то, что мы видим, не перевернуто и не уменьшено, и, во-вторых, то, что мы видим, находится не внутри глаза и не внутри мозга, а во внешнем физическом пространстве на дистанции от зрителя. Световая копия, возникшая на сетчатке глаза, преобразуется палочками и колбочками глаза в электрические нервные импульсы. После этого преобразования световая природа проксимального стимула исчезает. В мозг зрителя поступают лишь электрические импульсы. Согласно современным теориям зрения субъект не видит образы, а с помощью мозга вычисляет параметры дистального стимула. Нам представляется, что здесь имеет место явная недооценка оптических преобразований, совершаемых глазом. Интересно, что Леонардо да Винчи полагал, что на каком-то этапе зрительного процесса глаз вновь переворачивает световое изображение, возникающее первоначально на сетчатке.

Что касается вопроса о местонахождении психологических зрительных образов, то нас привлекла идея Ч. Шеррингтона [1, с. 306] о том, что «зрительные дистантные рецепторы посылают наши ощущения обратно в окружающий мир в точном соответствии с реальными направлениями и расстояниями их действительных источников». Этот процесс перемещения образов восприятия в пространстве Ч. Шеррингтон назвал проецированием. Исходя из работ Ч. Шеррингтона, мы предположили, что

глаз человека выполняет не только функцию фотографирования, но и функцию проецирования зрительного образа к источникам его возникновения.

Согласно нашей гипотезе местоположение внешнего объекта и спроецированного образа предмета совпадают. Зрительный образ в отличие от материальных предметов может находиться в окружающем физическом пространстве, но не занимать отдельного места. В ситуации проекции зрительный образ предмета достигает объекта и располагается на его поверхности. Зритель видит образ. Но за этим образом располагается предмет. Поэтому у зрителя создается впечатление, что он видит не образ, а материальный предмет, вещь.

Естественно, новая проекционная модель процесса зрительного восприятия требовала экспериментального подтверждения. В качестве испытуемых мы привлекли умеющих рисовать студентов Академии художеств им. И. Е. Репина. Предметом исследования были отрицательные последовательные образы. Стимульный раздражитель предъявлялся монокулярно. В наших экспериментах один глаз испытуемого выступал в роли стартового, а другой в роли финишного глаза. При работе стартового глаза закрывался финишный, при функционировании финишного, наоборот, закрывался стартовый. Стартовый глаз испытуемого выполнял фотографическую функцию, то есть он только смотрел на негативное изображение портрета, но не проецировал последовательный образ. Финишному глазу испытуемого мы не показывали негативное изображение, но, тем не менее, предоставляли возможность после работы стартового глаза посмотреть на белый экран. Стартовый глаз видел стимульный раздражитель, например, негативную версию женского портрета, но не проецировал полученный извне сетчаточный образ на экран. Финишный глаз не видел находящийся во внешнем пространстве стимульный раздражитель, но имел возможность продолжительно смотреть на белый экран. Эксперименты на десяти испытуемых показали, что глаз, играющий роль финиша, обладает проекционной функцией, то есть он способен информацию, пришедшую не из внешнего пространства, а из мозга, преобразовать в световую копию стимульного раздражителя и проецировать это изображение во внешний мир. В экспериментах обнаружился парадоксальный феномен «не демонстрированное вижу», а именно финишный глаз проецировал на белый экран изображение, которое до этого не наблюдал во внешнем физическом пространстве.

Существующая модель процесса зрительного восприятия описывает первую половину перцептивной системы, а именно структуру глаз – мозг. На самом деле существует вторая половина перцептивной системы в виде структуры мозг – глаз. По нашим представлениям, информация от дистального стимула первоначально попадает из глаза в мозг, после обработки в мозге сведения об объекте возвращаются в рецептор и далее в виде преобразованного сетчаточного светового образа проецируются к дистальному стимулу.

Библиографический список

1. Шеррингтон Ч.С. Интегративная деятельность нервной системы. – Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1969. – 306 с.

Жданова Ирина Владимовна

аспирант

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

Email: tihomirova_iv@mail.ru.

Мальцева Анна Викторовна

кандидат политических наук, доцент

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

Email: maltsevaannav@mail.ru

Мальцев Ардалион Константинович

студент

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

Email: pavic@mail.ru.

О «ГРАНИЦАХ СВОБОДЫ»: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ В СВЯЗИ С РУССКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация: Для либерального понимания свободы существенно, что она «пустая», и ее граница – необходимо «внешняя». В русской философии начала XX века, в горизонте «дифференциации проблемы свободы», осуществлена попытка «содержательного определения» свободы как синтеза онтологического понимания свободы и ее понимания как ценности посредством представления ее как структурного единства «внешней, внутренней и политической свободы». Утверждение о невозможности (логической и практической) политической свободы помимо ее «онтологического углубления» и недействительности ее понимания только как «ценности» актуально для современных исследований «метаморфоз свободы».

Ключевые слова: свобода, ценность, автономия, необходимость, авторитет.

Zhdanova Irina Vadimovna

PhD Student

Belgorod State Technological University named after V.G.Shukhov

Maltseva Anna Viktorovna

PhD (Political Science)

Belgorod State Technological University named after V.G.Shukhov

Maltsev Ardalion Konstantinovich

Student

Belgorod State Technological University named after V.G.Shukhov

THE “FRONTIERS OF FREEDOM”: SEVERAL COMMENTS ON THE LIBERAL CONCEPT OF FREEDOM IN CONNECTION WITH RUSSIAN PHILOSOPHY AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Abstract. For a liberal understanding of freedom, it is essential that it is “empty” and its border must be “external”. In Russian philosophy at the beginning of the 20th century, in the horizon of the “differentiation of the problem of freedom”, an attempt was made to “define substantively” freedom as a synthesis of the ontological understanding of freedom and its understanding as a value by presenting it as a structural unity of “external, internal and political freedom”. The statement about the impossibility (logical and practical) of political freedom, apart from its “ontological deepening” and the invalidity of its understanding only as a “value”, is relevant for modern studies of the “metamorphosis of freedom”.

Key words: freedom, value, autonomy, necessity, authority.

Либеральная интерпретация «свободы» (классическая формула, восходящая к Д. Локку: граница свободы – это признанная, то есть «правовая» «линия соприкосновения» двух автономных индивидов-собственников) предполагает, что ее «граница» – существенно «внешняя», то есть «свобода» здесь «сама по себе» – нечто совершенно «пустое». Это явно противоречит пониманию свободы как одного из онтологических определений человеческого бытия, отчетливо высказанных в немецкой классической философии (М. Хайдеггер: [8]); завершение метафизики (у Гегеля и Ницше), появление в середине XIX века «философских антропологий» и «философии ценности» (немецкое неокантианство) означало «переинтерпретацию» свободы как «ценности», то есть открыло возможность для «философского фундирования» интерпретации свободы как «пустой формы» в «либеральной метафизике». В отношении «границы» это означает повсеместно господствующий отказ мыслить ее как «самоограничение», то есть как логос самого сущего (М. Хайдеггер [7]).

Это движение в понимании свободы имело несколько направлений и вариаций, среди которых были и такие, в которых более или менее противоречиво сочеталось «старое» онтологическое понимание свободы – с новым, «ценностным». В отечественной философии начала XX века названная «коллизия» является почти «наглядной». В. В. Розанов сумел *увидеть* и *показать* пустоту нового (либерального) понимания свободы; он писал: «Свобода равна бессодержательности» [6, с. 356]; и еще: «Франция гибнет и уже почти погибла (даже население вырождается) в судорожных усилиях достигнуть просто глупой темы – Свободы. Нужно достигать гармонии, счастья, добродетели, героизма, хлеба, женщин; ну, если брать отрицательное, – достигать разврата. А не пустоты; а свобода есть просто пустота, простор. «Двор пуст, въезжай кто угодно. Он не занят, свободен. Эта квартира пуста, она свободна. Эта женщина свободна. У нее нет мужа, и можешь ухаживать. Этот человек свободен. Он без должности». Ряд отрицательных определений, и «свобода» их все объединяет. «Я свободен, не занят». От «свободы» все бегут: работник – к занятости, человек – к должности, женщина – к мужу. Всякий – к чему-нибудь. Все лучше свободы, «кой-что» лучше свободы, хуже «свободы» вообще ничего нет, и она нужна хулигану, лоботрясу, сутенеру» [6, с. 332]. Парадоксальным может показаться, что едва ли не самый «внутренне свободный» из русских философов так недвусмысленно третирует почти главный «лозунг современности» (и до настоящего времени главный); почти *очевидно*, что требуется «дифференциация проблемы свободы» (см. подробнее: [5]), – помимо Розанова, мы обнаруживаем ее и тоже почти «наглядно представленную» у Н. А. Бердяева или у И. А. Ильина.

Ильин отрицал существование (и даже возможность) «метафизической свободы» (например, как ее понимал Н. А. Бердяев [1]); различая «три свободы»: внутреннюю, внешнюю и политическую. Ильин устанавливает между ними очень четкое соотношение. Внутренняя свобода есть для Ильина не что иное, как «живая духовность человека» [2, с. 106]; свобода есть не только «нечто для духа и ради духа, свобода есть нечто в духе зреющее и от духа исходящее» [2, с. 109], но она есть, в точном соответствии с определением Ильина, сам человеческий дух. Смысл внешней свободы, таким образом, заключается в том, чтобы способствовать человеку «стать духовным центром, чтобы приобрести внутреннюю свободу» [2, с. 106]. Политическая свобода, по Ильину, «гораздо больше – и по объему и по ответственности, – чем внешняя отрицательная свобода» [2, с. 107], а это значит, что «политическая свобода предполагает в человеке, которому она дается, гораздо большую зрелость, чем свобода духа» [2, с. 107]. Политическая свобода является разновидностью внешней свободы, «предполагает, что человек воспитал и освободил самого себя, и потому она дается ему для того, чтобы он мог воспитывать других к свободе» [2, с. 107]. Как разновидность внешней свободы, «...человеку предоставляется самостоятельно говорить, писать, выбирать, решать, и подавать свой голос в делах общественного устройства» [2, с. 106]; политическая свобода подчинена целям свободы внутренней:

«Политическая свобода есть нечто драгоценное и ответственное, но именно постольку, поскольку за ней живет и действует духовная, внутренняя свобода» [2, с. 106].

Далее. Внутренняя свобода человека совпадает с внутренней и правильно понятой необходимостью. В политике «познанная необходимость» соответствует началу дисциплины и самообязывания: «И долг, и дисциплина, верно и глубоко понятые, суть лишь видоизменения внутренней свободы, которая добровольно приемлет эти внутренние связи и свободно определяет себя к внутренней и внешней связанности» [2, с. 106]. «Извратить» свободу очень легко: индивидуальному человеку достаточно только «освободить» себя от требований духа, то есть «разнуздать» инстинкты, чтобы утратить свободу (как ее понимал Ильин) и стать рабом этих инстинктов. В политике этот процесс утраты свободы протекает еще «легче; политическая свобода не в разнуздании, но в свободной лояльности: «Человек призван не к внешнему самоосвобождению от закона (таков путь революции, анархии и деспотизма); но к внутреннему самоосвобождению в пределах закона (таков путь лояльности, правопорядка и здорового развития). «Краткая формула» политической свободы может быть определена так: «Свобода есть умение сочетать независимость с лояльностью...» [3, с. 41]. Из этого следует, что «ни внешняя свобода духа, ни политическая свобода никогда не должны проводиться последовательно, до конца, до беспредельности и разнуздания» [2, с. 108]. Сказанное не означает каких-то внешних ограничений для духа, ибо для него они просто не нужны: он живет необходимостью – вполне свободно. Таким образом, «автономия, или, что то же, свобода, есть свойство духа, и потому судьба политической свободы определяется тем, ведет или не ведет народ духовную жизнь, то есть возрастает ли он умственно, нравственно, эстетически... Духовное возрастание народа есть единственный путь к политической свободе, и всякий другой путь создает только пустую и опасную видимость. Политика есть социальная форма духовной жизни – и потому она всегда определяется экстенсивностью и интенсивностью этой жизни, ее уровнем и ее размерами» [4, с. 341].

Сказанное Ильиным прямо – невозможно в горизонте «либерального понимания свободы», принципиальная установка которого – абсолютность автономии индивида как субъекта и существенно внешний («акцидентальный») характер его самоопределений: «война всех против всех», приостановленная «обменом свободы на безопасность». Обмен, осуществленный в специфически правовом режиме («свобода делать все, что прямо не запрещено законом»), есть действительность, где свобода выступает «бессодержательной формой», для которой положена существенно внешняя граница.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Философия свободы // Философия свободы. Смысл творчества. - М.: – Правда, 1989. – С.12–252.
2. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. - М.: Русская книга, 1993. – 400 с.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений. Т.2. Кн. 2. - М.: Русская книга, 1993. – 480 с.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. - М.: Русская книга, 1994. – 624 с.
5. Мальцев К.Г., Мальцева А.В. «Своя смерть» и Русское царство: Философия политики В.В. Розанова. – Белгород: БГТУ им. В.Г. Шухова, 2020. – 284 с.
6. Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 30. Листва. - М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – 591 с.
7. Хайдеггер М. Введение в метафизику. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 302 с.
8. Хайдеггер М. О существе человеческой свободы. Введение в философию. – СПб.: Владимир Даль, 2018. – 416 с.

Караваяев Эдуард Федорович

доктор философских наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: ek1549@ek1549.spb.edu

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

ТЕХНИЦИЗМ П. К. ЭНГЕЛЬМЕЙЕРА КАК ВЕРСИЯ РУССКОГО ПОЗИТИВИЗМА

Аннотация. Рассматриваются идеи П. К. Энгельмейера, предложенные им для философского осмысления феномена техники, в контексте критики им религиозно-философской традиции русской мысли, с одной стороны, и творческого усвоения эмпириокритицизма, с другой. Делается вывод об актуальности философии техники Энгельмейера.

Ключевые слова: эмпириокритицизм, русский позитивизм, философия техники, Энгельмейер, история русской философии.

Karavaev Eduard Fedorovich

Doctor of Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University

TECHNICISM BY P. K. ENGELMEYER AS A VERSION OF RUSSIAN POSITIVISM

Abstract. The article considers the ideas of P.K. Engelmeyer, proposed by him for a philosophical understanding of the phenomenon of technology, in the context of his criticism of the religious and philosophical tradition of Russian thought, on the one hand, and the creative development of empiriocriticism, on the other. The author concludes that Engelmeyer's philosophy of technology is still relevant nowadays.

Keywords: empiriocriticism, Russian positivism, philosophy of technology, Engelmeyer, history of Russian philosophy.

Философию техники П. К. Энгельмейера (1855–1942), или, точнее, его «технизм» следует рассматривать прежде всего в контексте влияния на взгляды выдающегося русского инженера-механика русского позитивизма второй волны – эмпириокритицизма. Обладая поистине энциклопедическими познаниями в области многих наук, Энгельмейер, как и многие передовые мыслители его времени, искал выход из того интеллектуального и мировоззренческого «тупика», в котором оказалось мыслящее человечество на рубеже XIX–XX века по причине установившегося господства метафизического истолкования мира. В связи с этим Энгельмейер и обратил внимание на феномен техники и предложил его философский анализ, надеясь избежать изъянов как технического, так и гуманитарного типов мышления.

В русской религиозной философии интерес к осмыслению техники был проявлен еще в XIX веке, однако он стимулировался исключительно стремлением показать недостатки и губительность «европейского рационализма» (в специфической трактовке, например, славянофильской), ставшего, согласно русским религиозным мыслителям, причиной культурной и нравственной деградации Европы: в стремительности технического прогресса западной цивилизации как раз и видели безупречное доказательство этого тезиса. Так, например, И. В. Киреевский, видный идеолог славянофильства, подчеркивал, что промышленность стала новым богом для западного мира, лишённого веры и поэзии: «...ей поклоняются, ей строят храмы, она дей-

ствительное божество, в которое верят нелицемерно и которому повинуются» [2, с. 315]. Н. А. Бердяев, вскрывая «метафизическое» и «космическое» значение техники, писал, что сущность технической эпохи заключается в дегуманизации жизни, в разложении целостного человеческого образа на безличные элементы: «Современный бестиализм и дегуманизация опираются на идолатрию, на идолопоклонническое отношение к технике» [1, с. 326]. Попадая во власть техники, человек утрачивает образ Божий и уподобляется машине, он «живет в новой, металлической действительности, дышит иным, отравленным воздухом» [1, с. 345].

Свои взгляды на феномен техники Энгельмейер формулирует в резком противостоянии религиозному истолкованию техники, находя при этом теоретическое подспорье в идеях русского эмпириокритицизма. Начинает он с доказательства недопустимости «морального истолкования» техники, заключающегося в отождествлении технического прогресса со злом и духовной деградацией человека. Согласно Энгельмейеру, «техника есть приложение нашего знания о жизни к самой жизни» [3, с. 45], а значит, она нравственно нейтральна. Более того, «техника есть средство борьбы со вредом и обращения его в пользу» [3, с. 45], и поэтому технику надлежит скорее рассматривать в контексте добра, а не зла, хотя, конечно, бывают и исключения, когда технические изобретения попадают в руки злодеев. Но эти исключения, делает вывод Энгельмейер, не отрицают, а, наоборот, доказывают правило: техника и технический прогресс в целом служат достижению людьми блага.

Энгельмейер критикует и тезис о том, что техника создает искусственный мир и заковывает в нем человека, в результате чего тот теряет органическую связь с космосом и Богом. Технический прогресс, согласно Энгельмейеру, не противостоит, а вытекает из естественного прогресса человечества. Техника – это результат творческой деятельности человека, продолжающей развитие природы, и в этом следует видеть «космическую» функция техники. «Техника, – пишет Энгельмейер, – в известном отношении дополняет естественную эволюцию и обратна ей: естественная эволюция состоит в том, что хотения (потребности) приспособляются к природе, тогда как техника, наоборот, приспособляет природу к хотениям» [3, с. 49].

Энгельмейер рассматривает технику в более широком контексте – не только как то, что создано человеком для достижения конкретных целей, но и как то, что определяет само существование человека и его деятельности, ведь «что бы человек ни начал делать, при всяком переходе от идеи к вещи, от цели к достижению мы должны пройти через некоторую специальную технику» [4, с. 101]. Таким образом, понятие «технический» относится к разумной деятельности как таковой. Техническими являются те вещи, которые образуют искусственную среду существования человека, а также интеллектуальные конструкции, художественное творчество, духовно-религиозные учения и проч. Это положение Энгельмейер аргументирует, указывая на то, что древние греки считали технические орудия продолжением и дополнением человеческих органов: «Их слово *ὄργανον* означало вместе и член (орган) и орудие. Аристотель называет руку *ὄργανον τῶν ὀργάνων*, т. е. член членов, или орудие орудий. Так же можно назвать и всю технику» [3, с. 45]. Отсюда вытекает, что искусственная природа, создаваемая техникой, – это вторая природа человека, так же важная для него, как и первая. А поскольку технический прогресс изменяет и самого человека, то нельзя не заметить влияния техники на сущность человека. Поэтому, делает вывод Энгельмейер, допустимо говорить о технической природе человека. Он формулирует даже своеобразную максиму, выражающую значение техники: «Скажи мне, какими орудиями ты работаешь, и я скажу, кто ты» [3, с. 45].

Энгельмейер анализирует причины негативного отношения большинства философов к технизации жизни: они заключаются не в технике, а в философии. Такой вывод он сделал, побывав на VI Международном философском конгрессе (1911) и убедившись в том, что современная философия находится в глубоком кризисе: «Ревизуются бесконечно разнообразные толкования основных понятий, каковы: истина и

заблуждение, реальность, бытие, природа, мир, вещь» [5, с. 143], что приводит в итоге, с одной стороны, к сомнениям в человеческой способности рационально познавать мир, а с другой, к попыткам восстановить авторитет догматической метафизики: «...естественно оживает все то, что основано на вере, т. е. разные религии, разновидности мистицизма... а за ними и всякое суеверие, всякое мракобесие» [5, с. 48]. Энгельмейер указывает на следующие причины кризиса философии: 1) дуализм, сопряженный с «мучительным сознанием разлада между тем, что есть, и тем, что должно быть» [5, с. 9], закрепляющий разрыв между мыслью и вещью, непреодолимый агностицизм; 2) чрезмерный гнет культуры, налагаемый на человека, резкое и догматически аргументированное противопоставление человека (мира свободы) и природы (мира необходимости); 3) редукция существа человека исключительно к разумности или к духовности, вследствие чего утверждается статическое, а не динамическое понимание человека, а значит, запрет на творческую деятельность человека, изменяющего не только мир, в котором он живет, но и самого себя.

Для преодоления кризиса в философии Энгельмейер и предложил свою теорию техницизма. Она сводится к следующим основным смысловым блокам: 1) критика метафизики и конституирующего ее дуалистического истолкования мира; обоснование динамической картины мира, согласно которой мир – это вечный процесс, нечто принципиально незавершенное и всегда находящееся в творческом становлении; 2) критика одностороннего представления о существе человека, исходящая из тезиса о том, что человек «не живет затем, чтобы думать, а наоборот, думает, чтобы жить» [5, с. 6]; тезис о том, что человек – это существо техническое, «т. е. такое существо, которое не только может себе составлять прекрасные, возвышенные цели, но и может проводить их в жизнь, делая ее разумною, красивою и справедливою» [5, с. 56]; 3) обоснование возможности творчества вследствие обладания человеком особого рода интуицией, которая представляет собой «голос самой жизни» [5, с. 150] и дополняет рациональное мышление; «человек есть организующая сила мира» [5, с. 104], *homo faber* – человек фабрикующий, или творящий, создающий; 4) трактовка науки и техники в контексте их необходимости и для доказательства прогрессирующего развития человечества по пути к благу: наука и техника обеспечивают «небывалый подъем жизни» [5, с. 18], выражают техническую волю всего человечества; 5) обоснование особой методологии познания – «философии техники», получающей право на существование потому, что теперь уже не разум, а техника позволяет человеку подступиться к вещам и познать жизнь, которая «сделалась насквозь технической» [5, с. 55].

В результате развития техницизма, полагал Энгельмейер, будет преодолен разрыв между культурой и жизнью, а философия вновь «сядет на трон руководительницы жизнью» [5, с. 157] и будет «способна внести в иррациональную жизнь разумность, красоту и справедливость» [5, с. 141]. Философия техники – это «наука будущего XX века» [4, с. 100].

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире: К пониманию нашей эпохи // Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 318–363.
2. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Критика и эстетика. – М.: Искусство, 1979. – С. 293–332.
3. Энгельмейер П. К. Критика научных и художественных учений гр. Л. Н. Толстого. – М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898. – 71 с.
4. Энгельмейер П. К. Технический итог XIX-го века. – М.: Тип. К. А. Казначеева, 1898. – 107 с.
5. Энгельмейер П. К. Философия техники. Вып. 2: Современная философия. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1912. – 96 с.

Коломийцев Сергей Юрьевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: kolomiytsev@yandex.ru

ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ КОНВЕНЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

Аннотация. В тезисах рассматривается концепция конвенционализма и особенности его развития в России. Выделяются три направления его развития: математический, естественно-научный, исторический. Делается вывод, что, несмотря на неприятие данной концепции советской идеологией и отсутствие её прямых последователей в нашей стране, каждое из обозначенных направлений всё же затрагивалось как минимум косвенно в концепциях русских мыслителей.

Ключевые слова: конвенционализм, философия науки, русская философия.

Kolomiytsev Sergey Yurevich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THREE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF IDEAS OF CONVENTIONALISM IN RUSSIA

Abstract. The paper describes the concept of conventionalism and the peculiarities of its development in Russia. Three directions of its development can be marked out: mathematical, natural-scientific, historical conventionalism. Despite the rejection of this concept by Soviet ideology and the absence of its direct followers in our country, each of the designated areas was affected at least indirectly in the concepts of Russian thinkers.

Keywords: conventionalism, philosophy of science, Russian philosophy.

Крупной концепцией современной философии науки является концепция конвенционализма. Её суть заключается в том, что основные научные понятия, законы и теории рассматриваются не как являющиеся абсолютно истинными и описывающими объективную реальность, а лишь как условные соглашения между учёными, выбирающимися исходя из соображений простоты, удобства, эффективности и т. п. [см.: 2, с. 256–257].

Данное направление возникло в начале XX века, и его появление связывают с идеями крупного французского математика Анри Пуанкаре (1854–1912), выраженными в работах «Наука и гипотеза» (1903), «Ценность науки» (1905), «Наука и метод» (1908). Размышляя о появившейся в то время неевклидовой геометрии, он высказал утверждение, что, несмотря на то, что в них могут быть получены противоречащие друг другу результаты, нельзя утверждать, что какая-то одна из данных геометрий является истинной, а все остальные – ложными. Согласно Пуанкаре, основным требованием, предъявляемым к теории, должна быть её внутренняя непротиворечивость, а вопрос об истинности не имеет смысла, поскольку выбор теории зависит от договорённости между учёными: «Никакая геометрия не может быть более истинна, чем другая; та или иная геометрия может быть только более удобной» [5, с. 49]. Аналогичные взгляды у Пуанкаре были и на физику: он утверждал, что законы и понятия, лежащие в её основе – это соглашения между учёными, следующие из опытов с аналогичными предметами.

Идеи конвенционализма в советской философии были подвергнуты критике Лениным. В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» он назвал Пуанкаре «крупным физиком и мелким философом» [4, с. 178] и сказал, что его философию

«...достаточно только отметить и пройти мимо» [4, с. 314]. Это могло стать одной из причин того, почему идеи конвенционализма напрямую не развивались в отечественной науке и философии. Тем не менее, в ней всё же были выдвинуты концепции, в которых наблюдается влияние конвенционализма. Условно их все можно разделить на 3 направления: математический, естественно-научный, исторический конвенционализм.

1) Предвестником математического конвенционализма можно считать Николая Ивановича Лобачевского (1792–1856), создателя неевклидовой геометрии. Подвергнув сомнению необходимость пятого постулата Евклида для построения геометрии, согласно которому через точку, не лежащую на прямой, можно провести только одну прямую, которая не будет пересекать имеющуюся, он предложил новую геометрию, в которой таких прямых можно провести несколько. Данная геометрия стала первой неевклидовой геометрией и получила своё название в честь своего первооткрывателя. Именно данное открытие послужило одной из причин появления математического конвенционализма, согласно которому «...аксиомы не могут быть очевидными истинами, а их целенаправленно выбирают и как установки согласовывают; они должны только удовлетворять построению формально непротиворечивой системы аксиом» [3, с. 215–216]. Генрих Шмидт в первой половине XX века не без иронии заметил, что «...конвенционализм до такой степени находится в центре внимания сегодняшней математики, что можно утверждать: могло бы существовать столько же равноправных («истинных») математик, сколько существует математиков» [3, с. 216].

2) Сторонником естественно-научного конвенционализма можно назвать Павла Соломоновича Юшкевича (1873–1945), называвшего свою философию философией эмпириосимволизма. Он обратил внимание на то, что познавательная деятельность человека – это результат соединения фактического (эмпирического) и символического (созданного человеком). В связи с этим Юшкевич назвал человека «символообразующим животным», а всё знание человека о мире – эмпириосимволическим, то есть состоящим из символов, образованных на основе эмпирических фактов. Знание человека о мире – это символическое познание. По Юшкевичу, в результате своего развития «...символы развиваются безусловно от эмбриона, безусловного символа... до конвенциональности... В конце развития слова как устного, так и письменного наиболее сильна конвенциональность» [1, с. 43–44]. Таким образом, видно, что философия Юшкевича вполне соответствует концепции конвенционализма, поскольку он утверждал, что такими эмпириосимволами, имеющими условное значение, «...являются, во-первых, научные понятия, а во-вторых, устанавливаемые между ними отношения, или так называемые законы природы, теории, гипотезы [7, с. 126]».

3) К сторонникам исторического конвенционализма можно отнести Георгия Васильевича Флоровского (1893–1979). В своей работе «Смысл истории и смысл жизни» он утверждал, что любые попытки интерпретировать ход истории и найти в ней смысл являются несостоятельными в том смысле, что человек может конструировать модели истории лишь задним числом, подгоняя произошедшие события под определённые модели. Согласно Флоровскому, объективные рациональные законы развития истории не могут быть открыты человеком, а все модели развития истории имеют временный статус и являются лишь договорённостями между учёными, созданными с целью объединения многообразия имевших место фактов в единую картину: «Когда длинные ряды исторических явлений протекут, и за определёнными событиями наступили другие, то, стараясь связать их в своем понимании по принципу причинности, мы склоняемся думать, что достигнутое и было “задачей” стремлений. А между тем, оно лишь выглядит таковым, и выглядит только потому, что случилось» [6, с. 112]». Видно, что такой взгляд вполне соответствует идее конвенционализма применительно к истории.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что конвенционализм возник как одна из теорий философии науки, его идеи вышли за рамки данного раз-

дела философии и нашли применение в других областях человеческой культуры. На основе рассмотрения истории отечественной науки и культуры было выделено три направления развития и применения идей конвенционализма – математический, естественно-научный, исторический, а данные идеи можно считать актуальными и в настоящее время.

Список литературы

1. Бурова М. Л. Образы науки в русской философии XIX–XX веков. – СПб.: ГУАП, 2013. – 54 с.
2. Зотов А. Ф., Рузавин Г. И. Конвенционализм // *Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. – 7 изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
3. Конвенционализм // *Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. – 22-е, новое, переработ. изд. под ред. Г. Шишкоффа / Пер. с нем. / Общ. ред. В. А. Малинина. – М.: Республика, 2003. – 575 с.*
4. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. – М.: Политиздат, 1986. – 478 с.
5. Пуанкаре А. Наука и гипотеза // *О науке: научное издание / пер. с фр. под ред. Л. С. Понтрягина. – 2-е изд. стер. – М.: Наука, 1990. – С. 5–196.*
6. Флоровский Г. В. Смысл истории и смысл жизни // *Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998. – С. 104–123.*
7. Юшкевич, П. С. Современная энергетика с точки зрения эмпириосимволизма // *Русский позитивизм. – СПб.: Наука, 1995. – С. 107–164.*

Коробкова Светлана Николаевна

доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Email: korobkova@hf-guap.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

«ТРЕНД УХОДА»: К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Аннотация. Актуализируется проблема разрыва в технологическом и гуманитарном развитии. Ставится задача поиска нового ценностного определения человека. Этика окружающей среды рассматривается как экотренд, в контексте которого может осуществляться исследование.

Ключевые слова: постчеловек, экотика, окружающая среда, энергия.

Korobkova Svetlana Nikolaevna

Doctor of Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

**“THE TENDENCY TO LEAVE”: ON THE ISSUE
OF ENVIRONMENTAL ETHICS**

Abstract. The problem of the gap in technological and humanitarian development is being updated. The task is to find a new value definition of a human being. Environmental ethics is considered as an ecotrend in the scope of which research can be carried out.

Key words: posthuman, ecoethics, environment, energy.

Тезис о существенном разрыве в технологическом и гуманитарном развитии в настоящее время является аксиомой. Предисловием к этому разрыву был позитивистки-сциентистский настрой европейского знания, которое активно осваивалось русской мыслью.

Речь о достоинстве человека, определившая место человека в мире, «окрасив» все пространство и время (местопребывание человека) в гуманистические и антропоцентрические краски, потеряла свою актуальность еще на рубеже XIX–XX вв., когда «Бог умер». Ницшеанский дух переоценки ценностей продолжает витать над миром, заставляя ломать стереотипы и все более критически относиться к «вечным» ценностям. Постмодернистская философия поставила вопрос о бессубъектности мира и смерти Человека в его сущностном состоянии. Постмодернистские философские теории предлагают «...одностороннее представление либо о мире, лишенном человека, либо о человеке, выброшенном из мира, либо о безличных силах и вещах» [4, с. 175].

С этим соглашается классик современной русской философии С. Хоружий. В одном из интервью в 2016 г. он говорил: «...сложился господствующий тренд ухода. Человек вознамерился совершить уход с исторической сцены» [6]. На место Человека должен прийти постчеловек. Хоружий отмечает, что современные научные сообщества решают это вопрос в практической плоскости и предлагают в качестве такой замены искусственный интеллект, киборга и т. п. Ярким течением в этом контексте является трансгуманизм.

Но драма заключается не в том, что «в полный рост» возникает реальная возможность такой замены, а в том, что реальный, действительный человек с удовольствием с этим соглашается. Хоружий акцентирует внимание: «Сегодня уже

разрабатываются методически, от стадии к стадии, программы создания определённых вариаций того самого постчеловека, другого существа, которому человек рад уступить своё место. Тут две принципиально новые грани. Первая – уже разрабатываются конкретные научные программы, как его создать, в отличие от 20-х годов, вторая – у человека развились настроения. Такой эмоциональный климат несёт в себе этот дух генетической усталости и исчерпанности» [6].

Именно здесь кроется главная этическая проблема современности – в человеке нивелировано *ценностное отношение к себе*. Человек настолько увлекся познанием мира, преобразованием окружающей среды и самоактуализацией, что в этом пространстве им созданной технократической культуры «утерян светоч» (А. А. Ухтомский) собственного существования. Это один из основных глобальных вызовов современности – этический вызов: человеку самостоятельно необходимо найти новые ресурсы целесообразной трансформации в постоянно меняющемся мире, в мире с высокой степенью неопределённости.

Мир становится «нечеловекомерен» (из интервью Т. Черниговской), соответственно, на смену европейской познавательной парадигме «Человек есть мера всех вещей» должна прийти новая. Необходима актуализация (или выработка) иных практик бытия/существования. Решение этого вопроса лежит не в плоскости классических онтологий, или гносеологии, или антропологии, и тем более, решение не может быть найдено в рамках какой-то конкретной науки или области знания. Достаточно смело можно сказать, что результат может быть достигнут синергично, при реализации междисциплинарного подхода в теоретических исследованиях и методологически основываясь на этике.

Известно, что в классическом понимании этика – это *практика* жизни (Аристотель, И. Кант). Вопреки распространённому стереотипному мнению следует сказать, что этика это не столько про то, «что такое хорошо и что такое плохо» (В. Маяковский), а про то, что есть этос здесь и сейчас, в частности, этос человека. (см. др.-греч. *ethos* – место совместного проживания, устойчивое сочетание чего-либо).

В поисках этоса человека необходимо искать тренды устойчивого развития в социальном пространстве с неопределёнными границами (в европейской коннотации) или почву (интерпретация отечественной традиции). Категория «этос» - не нова для современных исследователей, но все еще требует актуального осмысления. Один из ведущих специалистов в области этики Н. В. Голик констатирует: «...мудрость просторечья давно «стерла» оттенки... смыслов, и три термина («этика», «мораль», «нравственность» – *прим., авт.*) обрели статус синонима, отражающего существование *особого пространства* в мире ценностей, заставляющего индивида *соразмерять* (*курсив – авт.*) свою жизнь со специфическими законами общества. Это пространство и можно назвать *этическим*» [3].

Видится целесообразным на настоящем этапе шире развернуть дискуссию об экологии жизни или этике окружающей среды. Возникает задача выявить плоскость пересечения различных пространств, где человек выступает действующим элементом – биологического, социального, культурного, этического, психического, космического и др. Возьмем на себя смелость утверждать, что наиболее продуктивное формирование экотренда в философии и этике возможно именно в рамках традиции русской философии, которая изначально отличается панморализмом, антропоцентричностью и ориентацией на «смысложизненные» искания, то есть имеет богатый теоретический материал.

Истоки современной экологической философии можно увидеть в работе Бехтерева «Рефлексология морали». Идея ученого заключается в том, что в момент рождения личности в человеке формируется новый уровень отношения человека к окружающей среде – нравственный. Нравственность Бехтерев рассматривает как неизбежное следствие социальной сферы человека и преобладание последней в его

реакциях, как благоприятствующее обстоятельство существованию отдельных индивидов. Рефлекс как тотальный механизм взаимосвязи человека и окружающей среды, позволяет Бехтереву строить «рефлексологию морали», суть которой выражается формулой: «Моральное поведение, как и всякое поведение, стоит в [причинной] связи с биосоциальной [природой] личности» [2, л. 3.]. На уровне нравственного сознания рефлекс как метод в учении Бехтерева теряет свое физиологическое содержание, и рефлексология из науки об объективной психике становится наукой о биосоциальной среде и личности.

В «Коллективной рефлексологии» ученый пишет: «Личность является существом социальным в настоящем смысле слова, повторяя не свои особые, а общие всем взгляды, выполняя общие всем обычаи, обнаруживая в известных случаях общие всем действия и т.п.» [1, с. 69]. Однако психика, по убеждению рефлексолога, только с одной стороны является отраженной деятельностью; с другой стороны, она – физиологический процесс нервных центров, обеспечивающих нетипичную, субъективную реакцию.

Личная реакция человека подчинена определенной «законности» по механизму совершения, и, в этом смысле, поведение человека предсказуемо при знании внешних обстоятельств; с другой стороны, оно свободно от какой-либо обреченной определенности по содержанию, поскольку фактические действия и поступки человека в значительной степени зависят не от актуальных обстоятельств, выступающих лишь стимулом, а определяются следами прошлого опыта; в этом случае без знания «истории» человека прогнозировать результат его деятельности затруднительно. «История» человека проявляется в продуктах его творчества в широком смысле.

Постчеловек Бехтерева – это «прогенератив», «социальный герой», который собственную внутреннюю энергию трансформирует в цивилизационную энергию с тем, чтобы обеспечить переход на иной уровень бытия.

Современная синергичная антропология поддерживает неклассическую модель человека, в рамках которой он проектируется исходя из своих предельных проявлений, как энергичный феномен [5].

Экоэтика имеет отношение к новому бытийному пространству, где человек осваивает этос не как опыт по ограничению своей природы, а как практику расширения личной сферы за пределы естественных границ, в область трансцендентного.

Библиографический список

1. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Петроград: Колос, 1921. – 432 с.
2. Бехтерев В.М. Рефлексология морали. Архив ЦГИА, Фонд 2265. Оп. 1. Д. 362.
3. Голик Н.В. Тайна этоса // Серия “Symposium”, Религия и нравственность в секулярном мире. Выпуск 20 / Материалы научной конференции. 28-30 ноября 2001 год. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С.86–90.
4. Разова Е.Л. Насущность этоса // Альманах «Vita Cogitans», Vita Cogitans. Выпуск 3. – 2003. – №3. – С.174–191.
5. Что такое «синергичная антропология». URL: <http://synergia-isa.ru/ob-institute/chto-takoe-sinergijnaya-antropologiya/> (дата обращения 20.10.2020).
6. Я есть мир: Философ Сергей Хоружий о постчеловеке, вечной жизни и поиске себя. URL: <https://life.ru/p/896224> (дата обращения 20.10.2020).

Левченко Евгений Васильевич

протоиерей, магистр психологии

Приход новосибирского Храма во имя святого апостола Андрея Первозванного

Email: pevl@narod.ru

Меньшикова Лариса Владимировна

доктор психологических наук, профессор

Новосибирский государственный технический университет

Email: melavl@mail.ru

ЦЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОГО ОБЩЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА РОССИИ

Аннотация. Рассматриваются основные ценности христианского общения и их значение для укрепления национального единства России.

Ключевые слова: христианское общение, национальное единство

Levchenko Evgeny Vasilevich

Protopriest, Master of Psychology

Novosibirsk Church of St. Andrew Pervozvanny

Menshikova Larisa Vladimirovna

Doctor of Psychology, Professor

Novosibirsk State Technical University

VALUES OF CHRISTIAN COMMUNICATION AND THEIR ROLE IN STRENGTHENING THE NATIONAL UNITY OF RUSSIA

Abstract. The main values of Christian communication and their significance for strengthening the national unity of Russia are considered.

Keywords: Christian communication, national unity.

Православная Церковь с момента ее появления в России всегда была одним из главных оснований единства между всеми народами, населяющими огромную территорию нашей страны и сформировавшими на фундаменте христианской веры свое мировоззрение. Сама православная Церковь в силу уникальных обстоятельств ее возникновения, духовной обращенности к Творцу этого мира и сакральности тех Таинств, которые составляют ее основу, представляет собой совершенно особую форму единства людей, которая отличает ее от всех других форм социальной общности.

Рассматривая принципы, на которых основано единение людей в рамках христианской Церкви, можно выделить характерные черты, которые коренным образом отличают идеалы и ценности этой общности людей от всех других. Рассмотрим эти отличия подробнее.

1. *Ориентация на общение, основанное на взаимной любви.* Внутреннюю сущность единства людей внутри Церкви можно глубже раскрыть, если обратиться к богословскому догмату о святой Троице. Учение о Пресвятой Троице сводится к следующим основным положениям.

«1) Бог троичен и троичность состоит в том, что в Боге – Три Лица (Ипостаси): Отец, Сын, Святой Дух.

2) Каждое Лицо Пресвятой Троицы есть Бог, но Они суть не три Бога, а один Бог.

3) Все три Лица отличаются личными, или ипостасными, свойствами» [1].

Каждое Божественное Лицо является Истинным Богом, обладает всей полнотой Божественного Естества или Природы. Каждое Божественное Лицо пребывает в нераздельном и неслитном единении с остальными Лицами, взаимопроникая друг в друга. Согласно определению, данному Апостолом и евангелистом Иоанном Богословом, Бог есть любовь. «Бытие Единого Бога – это со-бытие Божественных Ипо-

стасей, пребывающих между собой в «вечном движении любви» (греч. ἀχρόνως καὶ ἀυαπτήτικῶς), по слову преподобного Максима Исповедника [цит. по 2, с. 48].

Подобно этому должны строиться отношения между членами Церкви, внутри которой личности отдельных людей объединяются в единое целое на основе взаимной любви. Каждый человек внутри этой общности уникален, он не должен растворяться в других, а наоборот должен развиваться по своей жизненной траектории, сохраняя свое своеобразие и выполняя замысел Божий об особом предназначении его в этом мире. При этом единство всех членов Церкви обеспечивается любовью, обращенной к Богу и другим людям.

2. *Сохранение и поддержка уникальности личности членов христианской Церкви в процессе общения.* В этом отношении Церковь как форма общности людей отличается от любых светских социальных институтов и организаций, в которых объединение людей на основе общей идеологии, организационных ценностей часто ведет к утрате различий, не поддерживая и даже стирая уникальность отдельной личности в стремлении сформировать среднестатистического эффективного функционера.

Христианская Церковь выбирает путь открытости и общения, но подчеркивается, что люди в своем взаимодействии с другими, оказывая влияние друг на друга, остаются уникальными личностями. В православии особо делается акцент на уникальности, неповторимости каждой личности, ее особом жизненном пути, предначертании Божиим о ее судьбе, а также подчеркивается забота Господа Бога о спасении каждого отдельного человека.

3. Важной отличительной чертой христианского единства внутри Церкви является *наличие строгого порядка, иерархии* и ее особый смысл, который раскрыт в Евангелии. Согласно христианскому представлению есть Церковь земная, состоящая из всех христиан, живущих на земле, и есть Церковь небесная, в которую входят христиане, усопшие в истинной вере, а также небесные силы – ангелы. Существует иерархия небесных сил и иерархия земных служителей Церкви, которые в Таинстве Священства получают особый дар благодати Святого Духа для совершения Таинства и богослужения, научения людей христианской вере и управления делами Церкви.

Определенная позиция в церковной иерархии означает не только власть, но и смиренное служение людям. Это коренным образом отличает церковную иерархию (от греч. ἱερός «священный» и ἀρχή «правление») от субординации (от лат. subordinatio – подчинение) в любой социальной светской организации, в которой на первый план ставятся интересы дела, а не люди. Руководитель выполняет свои управленческие функции, ориентируясь на производственные задачи и не принимая во внимание то, что, в конечном счете, его должность предполагает выполнение миссии служения другим людям.

4. Следующим признаком, который является отличительной чертой Христианской Церкви, является ориентация на *идеал жертвенного служения* другим людям. Сам Господь Бог принес в жертву своего Сына для спасения рода человеческого, обрекая его на распятие и мучительную смерть. Жертвенное отношение друг к другу заповедано Иисусом Христом всем людям в Евангелии. Идеал жертвенного поведения является одной из центральных ценностей христианского мировоззрения.

В основе жертвенного отношения должна лежать любовь. Иначе жертва может быть не принята Богом и не принесет никакой пользы душе человека. В обычной жизни часто бывает так, что приносимые людьми жертвы никак не связаны с любовью, а связаны скорее с чувством долга; иногда они даже направлены на замещение любви. В Священном Писании есть такие слова: «Если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13: 3). Иисус Христос говорит о любви как главном сокровище сердца, с которым должна быть неразрывно связана жертвенность: «Сия есть заповедь

Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит свою душу за други своя» (Ин. 15: 12-13).

Следует признать, что описанные выше черты Христианской Церкви, которые можно рассматривать как заповеданный Иисусом Христом образец единения людей на земле, к сожалению, не всегда и не в полной мере можно наблюдать даже в реальной жизни церковного сообщества. Причина этого кроется в греховности человеческой природы, подверженной всевозможным страстям и искажающей первоначальный замысел Божий о земной Церкви.

При всей слабости греховной природы человека и подверженности соблазнам есть нечто самое важное, что отличает христиан от неверующих людей: вера в наличие Истины на земле; идеала, воплощением которого является образ Иисуса Христа и к которому должен стремиться человек, созданный согласно христианскому учению по образу и подобию Божьему; и есть указание пути, по которому нужно идти, чтобы осуществить главное, к чему призван человек на земле: преобразование и восстановление своей природы, поврежденной в результате грехопадения. Огромная роль в этом принадлежит Покаянию. Людям надо смотреть на мир глазами покаяния, как учит Ефрем Сирийский в своей Великопостной молитве: «Даруй мне зрети моя прегрешения».

Православная культура «уклонения от зла и сотворения блага» играет важную роль в сложных экономических и геополитических условиях развития нашей страны на современном этапе. Размышляя о проблеме национального единства, митрополит Иоанн (Снычев) писал: «Настоящее, жизнеспособное, внутренне прочное объединение происходит не внешним, "организационным" путем, не под давлением силы или выгоды. Оно происходит только на основании общего мировоззрения и миропонимания, общего толкования понятий добра и зла, того, что "можно" и что "нельзя", что допустимо в общественной, личной, семейной и государственной жизни, а что – нет. Народ, спаянный единством мироощущения, живущий "единым сердцем", – неодолим. Так вот, Церковь может – и станет – опорой возрождающейся России, духовной основой объединения русского народа потому, что именно она наиболее полно, ясно и обоснованно выражает религиозное, нравственное, моральное, этическое и правовое мироощущение простого, душевно здорового русского человека, его понятия о справедливости и благе, добре и зле, чести и совести» [3].

Христова Церковь оставалась и остается во все времена твердым оплотом веры, духовной силы и спасения для всех людей, разделяющих христианские ценности.

Она не утратила свое значение как один из важных факторов национального единства. Наоборот, в условиях идейного вакуума и неопределенности социально-культурных, нравственных ориентиров, возникших в результате резкой смены социально-экономического строя в нашей стране, интегрирующая роль Православной Церкви в создании единства всех народов, населяющих Россию, только возрастает. Она поднимает народный дух, умеет строить равноправные, уважительные отношения с другими традиционными религиозными конфессиями многонациональной России, имеет огромный духовный опыт в деле оздоровления и спасения души человека.

Библиографический список

1. Догматическое богословие. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/4139> (дата обращения 10.09.2020).
2. Иларион (Алфеев), митр. Православие. – Том 2. – М.: Сретенский монастырь. – 2012. – 876 с.
3. Иоанн (Снычев), митр. Одоление смуты. Слово к русскому народу. URL: http://www.golden-ship.ru/knigi/8/ioann-snichev_OS.htm#q1 (дата обращения 15.10.2020)

Лойко Лариса Егоровна

кандидат философских наук, доцент
Академия МВД Республики Беларусь
Email: larisa.loiko@tut.by

НАУЧНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОГО КОСМИЗМА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Показана роль русского космизма в конвергенции духовных и научных традиций Беларуси и России на примере творчества К. Семяновича, Н. Федорова, К. Циолковского, В. Вернадского А. Чижевского, О. Шмидта, Я. Зельдовича.

Ключевые слова: русский космизм, духовность, наука, Семянович, Федоров, Циолковский, Вернадский, Чижевский, Шмидт, Зельдович.

Loiko Larisa Egorovna

PhD (Philosophy), Associate Professor
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

SCIENTIFIC AND SPIRITUAL BASES OF RUSSIAN COSMISM: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. The role of Russian cosmism in the convergence of spiritual and scientific traditions of Belarus and Russia is shown on the example of works of K. Semyanovich, N. Fedorov, K. Tsiolkovsky, V Vernadsky A. Chizhevsky, O. Schmidt, Y. Zel'dovich.

Keywords: Russian cosmism, spirituality, science, Semyanovich, Fedorov, Tsiolkovsky, Vernadsky, Chizhevsky, Schmidt, Zeldovich.

Основной тезис данной работы заключается в рассмотрении русского космизма в пространственном измерении культуры Беларуси и России. Научные основы русского космизма были сформулированы уроженцем Беларуси К. Семяновичем в XVII в. под влиянием достижений новоевропейской науки, в частности, работ Р. Декарта. Тематика космизма вошла в творчество К. Семяновича в процессе подготовки системного труда по баллистике, который был издан на латинском языке под названием «Большое искусство артиллерии». В нем автор выделил специальную главу, посвященную космическим ракетам на пороховой двигательной основе. Издание имело большой успех в Европе.

Дальнейшее развитие тематики космических технологий нуждалось не только в научном и техническом обосновании проблемы, но и в создании междисциплинарной картины мира космической реальности. Ее предпосылки выработали в свое время античные греки. В рамках преемственной культурной традиции они трансформировали космическую тематику в предметном поле православной теологии. В период Средневековья эта тематика не стала предметом интерпретаций созвучных научному стилю мышления. В России эта ситуация сохранялась до конца XVIII в. и даже в XIX столетии. В известном смысле она способствовала необычному теологическому стилю русского космизма. Именно в этом предметном поле были сформулированы основные постулаты космизма.

1) Бог-творец создал мир и человека в нем. Отношения между человеком и миром несовершенны и негармоничны и в этом замысел творца – он тем самым оставил человеку возможность дальнейшего творческого развития и совершенствования мира.

2) Человек – это естественный элемент космического единства, органическая часть космоса. Необходимым атрибутом человека является активность, он – художник и творец мира, поэтому способен организовать и направить свою активность на творческое изменение мироздания.

3) Поскольку преобразование мира является смыслом человеческой жизни, постольку человек должен совершенствовать свою внутреннюю природу, гармонизировать свои отношения с внешним миром. На этом пути он обнаруживает в себе «бого-человека».

4) В процессе своей деятельности человек осваивает природу как в планетарном, так и в космическом масштабах. Но при этом он должен учитывать свою общность с миром как общность микрокосма и макрокосма. В результате будет достигнуто подлинное всеединство, биосфера перейдет в ноосферу, сформируется экологическое сознание [1, с. 124–126].

Тематику русского космизма в предметном поле православной теософии сформировали Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский. Ими акцентированы гуманитарные ценности в отношении к миру, разработан идеал «богочеловечества», конкретизированы задачи совершенствования внутренней природы человека.

Н.Ф. Федоров (1828–1903) – один из самых оригинальных религиозных космистов. Он разработал учение об «активном христианстве», которое было издано посмертно его учениками под названием «Философия общего дела». Цель общего дела – расселение человечества в космосе и воскрешение всех прежде живших поколений (патрорификация). Задача – преобразование природного, смертного мира в неприродный, бессмертный. Конкретные механизмы достижения цели – регуляция природы, управление космическими процессами, совершенствование организма человека, воспитание сыновьяго сознания, культ предков. Такое общество будет называться психократией. Осваивать космос необходимо потому, что всем воскрешенным поколениям не уместиться на одной планете.

В.И. Вернадский, Н.А. Умов, Н.Г. Холодный, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, О.Ю. Шмидт осуществили эволюцию русского космизма на научных и инженерно-конструкторских основах деятельности. В.И. Вернадский (1863–1945) – естествоиспытатель, мыслитель, основоположник геохимии, биогеохимии, радиогеологии. Центральная идея – эволюция жизни на Земле есть космический процесс. Разработал учение о переходе биосферы в ноосферу. Вещество биосферы появляется из космоса и на всех дальнейших этапах своего развития испытывает космическое влияние. Благодаря космической энергии вещество биосферы становится активным и превращает космическую энергию в земную. Важнейшей геологической силой на этой стадии является жизнь. На стадии ноосферы человек выходит в космос, и человеческий разум становится космической силой. Науку рассматривал как движущую силу для перехода биосферы в ноосферу.

Н. Г. Холодный (1882–1953) – биолог, представитель экологического направления в микробиологии. Разработал концепцию возникновения органических веществ на Земле и проанализировал их роль в развитии жизни. Философские идеи Н. Г. Холодного составили основу его концепции антропокосмизма. Человек как единство интеллекта, чувств и воли должен осознать свою связь с природой и сформировать в себе космическое чувство ответственности за нее, стать подлинным носителем космической жизни.

Под влиянием теософии русского космизма сформировался ученый-самоучка – К. Э. Циолковский (1857–1935). Он разработал теоретические основы космонавтики и философские проблемы космологии. Его ученики, в частности, С. Королев, реализовали уникальный проект СССР как космической державы. В этом проекте ключевую роль сыграл полет Ю. Гагарина.

А. Л. Чижевский (1897–1964) – один из основателей биофизики, структурной гематологии, космической эпидемиологии и космической биологии. Изучил влияние физических факторов космоса на живые организмы. Высказал мысль о влиянии солнечной радиации на психическое состояние человека и общества и обеспечил инженерное применение этих научных результатов.

Уроженец Могилева О. Ю. Шмидт (1891–1956) сформулировал один из важнейших вопросов естествознания – происхождение Земли и планет. Он проанализировал историю планетной космогонии от Канта и Лапласа до наших дней. В основе его теоретической концепции астрономическая история возникновения и эволюции нашей планеты связана с геологическими процессами [2]. Академик О. Ю. Шмидт сочетал исследования в области астрономии с геофизическими исследованиями в Арктике. При его участии СССР стал одним из основных морских государств в акватории Северного Ледовитого океана.

Я. Б. Зельдович (1914–1987) родился в Минске. Его научные интересы были связаны с физикой и астрофизикой. Он внес весомый вклад в разработку проблемы образования крупномасштабной структуры Вселенной. Его работы создали теоретические основы современной космологии.

Биографии А. Л. Чижевского и О. Ю. Шмидта, Я. Б. Зельдовича связаны с территорией Беларуси. Уроженцы Беларуси были представлены и в отряде советских космонавтов (П. И. Климук, В. В. Коваленок). Белорусские корни есть и у других космонавтов – В. Терешковой, О. Артемьева, А. Шаплерова, Г. Гречко. Инженерами Беларуси успешно освоены технологии создания искусственных спутников Земли, создан центр управления космическими полетами.

Таким образом, русский космизм способствовал развитию естествознания (астрономии, биофизики); космической техники (ракетостроение); философии и методологии науки, а также межкультурному сотрудничеству народов Беларуси и России. Космические исследования и технологии остаются и сегодня важным фактором активного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках программ Союзного государства.

Библиографический список

1. Лойко Л. Е. Философия: Курс лекций. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2011. – 245 с.
2. Шмидт О. Ю. Четыре лекции о теории происхождения земли. – Москва: Академия наук СССР, 1957. – 140 с.

Пильяк Сергей Александрович

Кандидат архитектуры

Музей «Смоленская крепостная стена», директор

Email: s.pilyak@mail.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Российская культурная идентичность на протяжении столетий ее развития приобрела многослойный характер. Внимание одновременно к национальной, региональной и локальной идентичности позволило не только создать крупнейшую страну мира, но и сформировать неповторимый культурный ландшафт России, в значительной степени подверженный одновременно процессам глобализации и локализации.

Ключевые слова: культурное наследие, культурная идентичность, цивилизационные особенности.

Pilyak Sergey Aleksandrovich

PhD (Architecture)

Smolensk fortress wall Museum, Director

CIVILIZATIONAL FEATURES OF THE RUSSIAN CULTURAL IDENTITY

Abstract. Russian cultural identity has acquired a multi-layered character over the centuries of its development. Attention to national, regional and local identity simultaneously allowed us not only to create the largest country in the world, but also to form a unique cultural landscape of Russia, which is largely subject to the processes of both globalization and localization.

Keywords: cultural heritage, cultural identity, civilizational features.

Культурное наследие является важным фактором формирования культурной идентичности территории. Процессы глобализации, отражающиеся во многом именно на сглаживании культурной идентичности, естественно, негативно влияют на использование ресурсов в охране и сохранении объектов культурного наследия. Одновременно с этим культурная идентичность в современном мире становится дефицитным товаром и ценным ресурсом. Формирование идентичности как понятия было связано с процессом коренной перестройки культурно-национальной карты Европы в ходе масштабных социально-экономических процессов XIX–XX веков: «Поиск национальной идентичности является одной из ярких особенностей европейской культуры постнаполеоновского времени. В этом же историко-культурном контексте происходит закрепление России в роли одного из наиболее значительных игроков на политической арене континента» [1, с. 425]. Ощущение постепенной утраты культурных скреп народа, региона или местного сообщества привело к научному осознанию ценности идентичности. Одним из основоположников концепции идентичности является американский психолог Э. Эриксон. Исследователь, анализируя междисциплинарную природу понятия идентичности, отмечает: «С одной стороны, ее можно отнести к сознательному ощущению личной идентичности, с другой – это бессознательное стремление к целостности личного характера, а третьей – это критерий для процесса синтеза Эго. И, наконец, внутренняя солидарность с групповыми идеалами и групповой идентичностью» [8, с. 206].

В целом обращение к культурному наследию является одним из векторов самоотжествления человека с гранями историко-культурной реальности [2]. Сопричастность определенной эпохе, близость собственных духовных воззрений мировоззре-

нию человека иной эпохи к настоящему моменту является модным явлением, причем в следовании этой моде невозможно обойтись без обращения к объектам культурного наследия как маркерам иных эпох. При закреплении в сознании человека, образы, связанные с объектами культурного наследия, обретают ценностно-смысловую значимость и эмоциональную окраску. При этом в сознании человека данные образы неминуемо «вступают во взаимодействие с границами его идентичности» [2]. Объекты культурного наследия выступают некими зримыми символами эпох, верстовыми столбами истории. Как отмечают современные исследователи, «в результате одни грани культуры могут позиционироваться человеком как чуждые или «кинные», а другие восприниматься как близкие, сопричастные и в итоге тождественные его идентичности» [2]. Мысленное приближение человека и объекта наследия позволяет с известной степенью успеха «встроить» наследие в систему человеческого мировоззрения.

В 70-е гг. XX в. была опубликована работа французского социолога А. Моля «Социодинамика культуры» [5], в которой показано, что средства массовой коммуникации стали тотальными по воздействию на человека, что мозаичная культура противоположна гуманистической системной культуре. Мозаичная культура — это идеальная среда для манипуляции. В современном глобализирующемся мире огромная концентрация СМИ делают глобализм привычной технологией PR-коммуникации продвижения мифологии глобализма, массовой культуры и формирования «массового человека» [6]. Согласно А. Молю [5], важным направлением социодинамики культуры является разработка рекомендаций по управлению процессами развития культуры, выраженная в форме концептуализации культурной политики. Для этого, в первую очередь, необходимо повышение ее качества путем увеличения «коэффициента разнообразия» и противодействия распространению стереотипных ценностей. Как известно, постмодернизм утверждает: сегодняшний мир — мир полифонии и конфликтующих друг с другом неравенств, что воплощено (в том числе) и в форме «национальных идентичностей».

В условиях России особое внимание следует уделить понятию двойной идентичности, разработанному К. Хьюбером [7, с. 12]: «После того, как Россия вобрала в себя Великую Степь и разнородные культуры своих южных соседей, она сформировала двойную идентичность — этническую и общенациональную» [4, с. 285–286]. Именно эта особенность российского менталитета объясняет исключительный характер российского государства и масштаб освоения различных территорий, населенных сотнями народов.

Как отмечают исследователи, «...вследствие глобализации и усиления миграционных процессов на современной карте мира практически не осталось моноэтнических государств» [3]. В России при этом создание государственной многонациональной идентичности возможно и реализуется при условии сохранения национальной идентичности каждым регионом, что заметно отражается и на региональной культурной политике в целом.

К примеру, вопрос включения Москвы в перечень мировых не только политических и культурных, но и экономических столиц занял особое место в повестке 1990-х годов. Поэтому отражение в московской застройке символа деловой активности — лондонского Сити — стало одним из крупнейших и вместе с тем наиболее ожидаемых и амбициозных проектов. Масштаб проекта обогнал и колоссальный для современного деvelopeмента период реализации. Начатый в конце 1990-х годов, административно-деловой комплекс создается до сих пор.

Квартал небоскребов, Москва-Сити трудно назвать традиционным для московской застройки. Напротив, Сити приобретает особое символическое значение благодаря контрасту со средой. Изменение системы высотных доминант и постепенный перенос центров активности в западную часть города отразились в целом на городской застройке. Кроме этого, следует особо отметить, что Москва не одинока

в стремлении попасть в когорту мировых центров за счет ретрансляции архитектурных символов. Аналогичные проекты по возведению комплексов небоскребов реализованы в Абу-Даби, Куала-Лумпуре, Гонконге и других городах. Одним из первых примеров стал район Дефанс в Париже, также перенесший акцент городской застройки в западную часть города. Вполне возможно, что со временем «западная» ориентация небоскребов станет градостроительной традицией, родственной ориентации алтарей православных храмов на восток, а мечетей – в сторону Мекки. Не исключено, что в дальнейшем этому будет создано культурологическое или даже религиозное объяснение. Однако этот процесс неминуемо затянется на столетия.

Несколько позже потребность в презентации региональной идентичности в формате «столичного кремля» была реализована созданием в Йошкар-Оле в 2000-х годах нескольких зданий, сформировавших неординарную архитектурную среду, до сих пор вызывающую споры как в профессиональном сообществе, так и в широкой аудитории. Несмотря на претенциозный характер этого проекта, в определенной степени его можно считать успешным. Город получил яркие архитектурные кремлеподобные символы, в некоторой степени вырос туристический поток. Однако непродуманность вопросов содержания и использования построенных объектов, а также полное отсутствие региональной привязки в облике Царевкокошайского кремля и Благовещенской башни изначально сделали проект реализованным не полностью.

Таким образом, сложный характер российской культурной идентичности следует признать одной из цивилизационных особенностей.

Библиографический список

1. Будрина Л.А. «Новый порфир» или национальный символ? Трансформация образа малахита / Актуальные проблемы теории и истории искусства — 2018: Тезисы докладов VIII Международной конференции / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. — СПб.: НП-Принт, 2018. — С. 425–426.
2. Иконникова С.Н., Леонов И.В. Основные векторы самоощущений в формировании культурной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2019. — № 2 (39). — С. 6–10.
3. Козловцева Н.А. Региональные практики консолидации русского мира на основе русского языка // Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы НКО в социокультурном развитии регионов России. Теория и практика социокультурного развития: Сборник материалов III Культурного форума регионов России. Москва-Волгоград-Новосибирск-Рязань-Сыктывкар, (февраль-сентябрь 2017 г.). Вып. 2/ Составители и общая редакция: О.Н. Астафьева и О.В. Коротеева. — М.: ИП Лядов К.В.. — 2017. — С. 48–55.
4. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. — М.: Логос, 2005. — 800 с.
5. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. — 407 с.
6. Савка А.В. Современность и кризис цивилизации // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров. — М.: Институт Наследия, 2019. — С. 137–164.
7. Хюбнер К. Нация. — М.: Канон, 2001. — 396 с.
8. Эриксон Э. Детство и общество. — СПб.: Речь, 2002. — 416 с.

Плотникова Валентина Александровна

Аспирант, старший преподаватель

Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения

Email: valya.plotnikova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ В РЕФЛЕКСОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В. М. БЕХТЕРЕВА

Аннотация. В докладе рассматриваются основные положения представления о сознании, сформированного в трудах В. М. Бехтерева: понятие, структура, качественные характеристики, функция, филогенез и онтогенез явления. Производится попытка переосмыслить смысловое содержание понятия в терминах современной психологии.

Ключевые слова: сознание, психика, бессознательное, рефлекс.

Plotnikova Valentina Alexandrovna

PhD Student, Assistant Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROBLEMS OF CONSCIOUSNESS IN V. M. BEKHTEREV'S REFLEXOLOGICAL THEORY

Abstract. The report discusses the key points of the concept of consciousness formulated in the works of V. M. Bekhterev: concept, structure, qualitative characteristics, function, phylogenesis and ontogenesis of the phenomenon. An attempt is made to rethink the semantic content of the concept in terms of modern psychology.

Keywords: consciousness, psyche, unconscious, reflex.

Основные вопросы и проблемы сознания разбирались В. М. Бехтеревым в нескольких статьях, в которых освещаются вопросы сущности, функционального и структурного содержания данного явления. Так как в основных его трудах затрагиваются проблемы личности, формирования коллективного «психического багажа» человечества и другие [1; 2], тесно связанные с понятием сознания, то представляется необходимым рассмотреть данные представления автора.

1) Определение сознания является ключевым вопросом для дальнейшего понимания рассуждений Бехтерева о границах, генезиса и эволюции сознания. Формулировки данного определения немного различаются в отдельных публикациях, под сознанием понимается «все то, что относится к области внутреннего мира» [3, с. 7], «субъективную окраску или то субъективное, то есть внутреннее, непосредственно нами воспринимаемое, состояние, которую или которыми сопровождаются многие из наших психических процессов» [4, с. 7]. Данные определения фактически не проясняют суть понятия, что Бехтерев также отмечает, признавая крайнюю трудность проблемы. Первая из дефиниций практически приравнивает сознание к психической деятельности в целом, второе, вне соответствующего контекста, может сойти за определение настроения или любого другого явления из сферы эмоций. Определения сознания в данной форме выводятся Бехтеревым из внутренне переживаемого соотношения и субъективной дифференциации сознательных и бессознательных процессов.

2) В структуре психической деятельности Бехтерев выделяет несколько основных категорий явлений: простые рефлексy, которые являются в большей степени бессознательными, психические акты, в большей степени осознаваемые, подчиненные воле человека, а также промежуточную категорию психических рефлексов, соотношение сознания и бессознательного в которых является примерно равным. Примером психического рефлексy может служить эмоция, сочетающая в себе вегетативные

неконтролируемые элементы и осознаваемое переживание. В результате выстраивается ряд переходных степеней психических элементов и их «наполненности» сознанием: рефлекс – психический рефлекс – психический акт [3].

3) Качественными характеристиками сознания, рассматриваемыми Бехтеревым, является интенсивность или степень сознания. Степень сознания определяется яркостью представленных в нем образов и процессов, которая может быть различной у разных людей (детерминируя такое личностное качество, как впечатлительность) и для одного человека, сообразно обстоятельствам (в зависимости от времени суток, физического состояния, общего эмоционального фона). Зона, в которой сфокусировано внимание и впечатления представлены особенно ясно, называется сферой ясного сознания. Отчетливость впечатлений уменьшается центробежно, достигая в определенный момент границы, где представлены образы, «захваченные» органами чувств, но не прошедшие определенный порог. «Подпороговая» зона становится сферой бессознательного. Стоит отметить, что термин бессознательное используется в смысле отсутствия процесса в сознании, а не в Фрейдовском, психоаналитическом смысле. Бехтерев, как клиницист-практик, разграничивает также степень неполного сознания и болезненное содержание сознания, возникающее в результате патологических психических состояний. В связи с наличием границ ясного сознания, ставится вопрос о его объеме, делается вывод об обратной зависимости объема сознания от степени его ясности [4].

4) Содержание сознания составляют все представленные в нем в конкретный период времени психические явления: ощущения, представления, влечения, эмоции и т. д. То есть под содержанием подразумеваются не структурные компоненты самого явления, а все те элементы, которые находятся в сфере ясного и неполного сознания. С точки зрения сложности содержания, Бехтеревым выделяются несколько уровней развития или видов сознания:

– простейшая форма, «неясное безотносительное чувствование собственного существования» [4, с.9];

– перцептивное и апперцептивное сознание (включающее представления);

– осознание пространства;

– осознание времени;

– осознание собственной личности (связанное с развитием волевой сферы);

– рефлексивное сознание (полное самосознание).

Развитие (онтогенез), угасание и восстановление сознания происходят согласно генетико-иерархическому принципу, на основе выделенных видов.

5) Филогенез сознания рассматривается Бехтеревым в рамках философских принципов теории эволюционного монизма. Историческое развитие психических способностей определяется пятью основными законами:

– принципом борьбы за существование и естественного отбора;

– принципом дифференцировки и перехода от неопределенного к определенному;

– законом новообразования признаков путем флуктуации и мутации;

– законом сохранения энергии;

– законами взаимоотношения высших и низших психических способностей [5].

Сознание в его простейшей форме определяется Бехтеревым в качестве атрибута жизни, наравне с движением. Соответственно, данный вид сознания появляется в филогенезе до возникновения нервной системы, которая только на уровне сложных многоклеточных организмов принимает на себя роль «седалища сознательной деятельности» [3]. Данное положение особенно подвергалось критике в начале 20 века, признаваясь результатом излишнего уклона в антропоморфизм и недостаточности психологического анализа [6]. Однако, с учетом того, что дефиниция сознания, предложенная Бехтеревым, предполагает расширение понятия до психики в целом, то подобное представление вполне соответствует взглядам современных психологов

о наличии психики уже на уровне простейших, согласно критерию наличия чувствительности А.Н. Леонтьева [7]. Причем в качестве неотъемлемого свойства живого организма, обладающего сознанием (в понимании Бехтерева), движение (спонтанная активность) совпадает с системоформирующим фактором психики в сегодняшнем ее значении [8].

6) Что касается функции сознания, за таковую Бехтеревым принимается субъективный анализ внешних и внутренних условий, произведения сравнения результатов анализа с личным опытом (что требует наличия памяти) и соответствующая коррекция поведения [3]. Данная формулировка содержит прямые аналогии с определением психики и ее основными тремя составляющими в наши дни (активное отражение условий, построение картины окружающего мира и регуляция на данных основаниях собственного поведения) [9].

Таким образом, в трудах В. М. Бехтерева можно найти полноценное описание феномена сознания. Включающего попытку определить понятие, охарактеризовать развитие, структуру, функцию, дать классификацию основных видов и форм. Тем не менее, учитывая сложность проблемы, даже в настоящее время вызывающей затруднения философов и психологов, данное видение сознания нельзя назвать непротиворечивым и целостным. Непроработанность вопроса может объясняться, в частности, ориентацией рефлексологии на изучение объективных проявлений жизни человека и отказом от фиксации на внутренних, субъективных переживаниях. Тем не менее невозможно полноценно оценить некоторые аспекты рефлексологической теории и теории эволюционного монизма В.М. Бехтерева, являющейся ее философской основой, без представления о смысловом наполнении термина «сознание». Следует помнить, что под ним автором понимается большая часть психики в ее современном понимании, все психические явления и свойства, на которых фокусируется человек, внутренняя жизнь, в противоположность сочетательным рефлексам, образующим проявляющееся внешне поведение.

Библиографический список

1. Бехтерев В. М. Психика и жизнь. – СПб.: «Алетейя», 1999. – 256 с.
2. Бехтерев В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема. // Психика и жизнь. – СПб.: «Алетейя», 1999. – С. 225–252.
3. Бехтерев В. М. О локализации сознательной деятельности у животных и человека. – СПб.: К.Л. Риккер, 1896. – 62 с.
4. Бехтерев В. М. Сознание и его границы. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1888. – 32 с.
5. Бехтерев В.М. Пути эволюции психических способностей и ее законы // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 306
6. Виноградов Н.И. В.М. Бехтерев, о локализации сознательной деятельности у животных и человека. Обзор книги. // Вопросы философии и психологии. Кн. 38. – М., 1897. – С. 308–313.
7. Беломестнова Н.В. Уровни знаковой регуляции (от простейших до человека) // Психология человека: интегративный подход. Сб. статей. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2007. – С. 15–35.
8. Беломестнова Н.В. Системообразующий фактор генезиса психики // Материалы Международной научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 2008. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. – С.174–175.
9. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. - 3-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 672 с.

Рыбас Александр Евгеньевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Email: a.rybas@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

ЭМПИРИОСИМВОЛИЗМ П. С. ЮШКЕВИЧА: ПОПЫТКА АКТУАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Эмпириосимволизм П. С. Юшкевича рассматривается с целью возможной актуализации основополагающих его идей (идеи констанционализма и понимания философии как мировоззрения) в современном философском дискурсе.

Ключевые слова: эмпириокритицизм, русский позитивизм, эмпириосимволизм, Юшкевич, история русской философии.

Rybas Aleksandr Evgenievich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Saint Petersburg State University

EMPIRIOSYMBOLISM BY P. S. YUSHKEVICH: A WAY TO MAKE IT RELEVANT

Abstract. The theory of empiriosymbolism by P. S. Yushkevich is considered with the aim of making it sound relevant for contemporary philosophical discussions. The author examines the idea of constantism and the understanding of philosophy as a worldview proposed by Yushkevich in his conception of empiriosymbolism.

Keywords: empiriocriticism, Russian positivism, empiriosymbolism, Yushkevich, history of Russian philosophy.

В свое время П. С. Юшкевич (1873–1945) пользовался большой популярностью как актуальный философ – автор эмпириосимволизма, одной из влиятельных позиций в русском эмпириокритицизме, как публицист, переводчик, политический деятель, математик и ученый. Однако в современном философском дискурсе идеи Юшкевича оказываются маловостребованными; к тому же, как правило, они излагаются только в историко-философском контексте, да и то далеко не всеми историками русской философии [1; 2; 3]. На наш взгляд, этот факт объясняется прежде всего спецификой традиционного восприятия идей русского «махиста» в отечественной историко-философской литературе, а не незначительностью их философского потенциала.

В современном пространстве философствования эмпириосимволизм Юшкевича может быть представлен, как минимум, следующими идеями: идеей констанционализма и пониманием философии как мировоззрения.

Идея констанционализма была выдвинута Юшкевичем в процессе критики метафизики и обоснования ее несостоятельности в объяснении процесса познания. Метафизика, согласно Юшкевичу, – это «субстанциальное мышление», которое основывается на вере в субстанцию – «художественный символ», созданный первобытным человеком с целью систематизации довольно ограниченного круга явлений, а именно его опытов с твердыми телами. Таким образом, «субстанциализм есть по преимуществу идеология твердых тел, идеология возведенных в абсолют осязательных ощущений» [4, с. 145], и границы его применимости определяются степенью примитивности человеческого опыта. Так, для обыденной жизни метафизика субстанциализма

вполне пригодна, поскольку представляет сущее в его конечной определенности, а мир в целом – как логически упорядоченную совокупность сущего, или картину, в результате чего человек обретает ту «простоту взгляда», которая и позволяет ему видеть в преходящем нечто неизменное, «подлинное». Но для актуального философского познания субстанциализм недопустим, так как, акцентируя внимание исключительно на «подлинном», он теряет из виду действительное содержание опыта. Следствием субстанциального мышления непременно должен быть агностицизм.

Юшкевич противопоставляет метафизическому субстанциализму философский *констанциализм* – такой подход к интерпретации сущего, который позволяет создать динамическую картину мира, отражающую, с одной стороны, онтологическое единство сущего, а с другой, относительность и бесконечность его познания. «Если субстанциальное мышление определяется господствующим в нем образом твердой основы, подпорки, то типичный для констанциализма образ – это поток, течение, но поток с присущей ему закономерностью, постоянством» [4, с. 146].

Идея констанциализма тесно связана с пониманием философии как мировоззрения. Юшкевич подвергает критике традиционное отождествление философии с познанием – от обычных до «строгих научных» его трактовок. Прежде всего критике было подвергнуто широко распространенное мнение, что философия – это знание наиболее общих законов природы, социума и т. д., полученное в результате согласования противоречий между выводами частных наук. Очевидно, пишет Юшкевич, что если бы философия была нужна для того, чтобы устранять противоречия между положениями различных наук, то вскоре потребовалось бы создать некую гиперфилософию для устранения противоречий между системой философии и системой наук и для образования еще более универсальных синтезов, а затем особую верховную науку, способную согласовать новые противоречия, и т. д. до бесконечности, что невозможно.

Более последовательной выглядит метафизическая трактовка философии как привилегированного знания. Философское знание, с этой точки зрения, описывает подлинную реальность и является поэтому абсолютным, а его метод позволяет обходиться без апелляции к эмпирии, в результате чего сущее как таковое постигается прямо, интуитивно, причем во всей его полноте. Критикуя эту позицию, Юшкевич не пытался опровергнуть возможность интуитивного познания, а предложил обратить внимание на следствия, вытекающие из принятия такого взгляда: философское знание, полученное при помощи интуиции, не может являться знанием в собственном смысле этого слова, поскольку оно не выразимо в понятиях и не поддается адекватной трансляции. Таким образом, замечает Юшкевич, если познание абсолюта возможно, то только в форме индивидуального постижения, содержание которого нельзя не только передать другому человеку, но и как-то зафиксировать для самого себя. А это значит, что называть философское знание знанием нет никаких оснований.

Понять, что представляет собой философия, утверждает Юшкевич, можно лишь при условии рассмотрения ее в более широком контексте – не знания, а идеологии, которая представляет собой смешанное интеллектуально-эмоциональное образование, своеобразное сочетание «логики чувств» и «логики ума». Идеология возникает вследствие того, что все стороны аффективной жизни человека ассоциированы с явлениями интеллектуального порядка: восприятиями, представлениями, воспоминаниями, понятиями и т. д. Точнее, идеологические образования изначально даны человеку как его психологическая реальность, в которой еще нет различения между субъективным (эмоционально-волевой стороной жизни) и объективным (познанием). Специфика философии, как формы идеологии, заключается в том, что она представляет собой опыт осмысления мира как целого. «Философия, – пишет Юшкевич, – это своеобразная целостная психологическая реакция человека на совокупность сущего. Основной философский вопрос гласит: “Что есть всё? Что значит это “всё” для меня и что я значу в нем?”» [5, с. 9].

Очевидно, что суждение обо «всём» является незакономерным умозаключением от ограниченной части опыта к необъятному целому. «Однако это логически неправомерное умозаключение имеет для делающего его огромную эмоциональную ценность, да в нем собственно и заключается вся ценность мировоззрения для человека» [5, с. 15]. Философия скорее похожа на художественное творчество, потому что «целое» – это эстетическая категория, необходимая для создания сущего, а не для его описания. Каждая философская система представляет собой опыт эстетического воззрения на мир, когда границы собственного «Я» раздвигаются настолько, чтобы можно было включить в них все сущее. Вот почему философ ищет абсолют не вовне, а внутри себя, «в тайниках самых интимных индивидуальных переживаний» [5, с. 165].

Итак, делает вывод Юшкевич, «философия (как мировоззрение) совсем не наука, а только наукообразна, и в своем развитии подчиняется поэтому совсем иной закономерности, чем развитие науки» [5, с. 179]. Философские интуиции принципиально отличаются от методологии научного познания. «Это своего рода художественные “навязчивые идеи” о мировом целом, непреодолимые космические метафоры, одной своей навязчивостью и непреодолимостью вызывающие в переживающих их познавательную эмоцию» [5, с. 170]. Философские интуиции не истинны, а истиннообразны; они также уподобляются познанию при переходе в сферу высказывания, при соприкосновении с рационализирующим все словом.

Современная философия, по мысли Юшкевича, должна отказаться от универсалистского дискурса и претензий на абсолютное познание, превратившись в свободное творчество личности. Однако это не значит, что философское творчество должно быть безосновным и произвольным. Наоборот, подлинное творчество предполагает высокий уровень образованности философа, его знакомство с последними достижениями в сфере наук, так как только положительное знание является основанием для философии и определяет направленность философских интуиций. Эти границы, созданные наукой для философии, довольно эластичны, «это, скорее, односторонние границы, границы снизу, мешающие нам опуститься, но не препятствующие полёту вверх побуждаемой космическим темпераментом творческой фантазии» [5, с. 17–18]. В будущем философия, согласно Юшкевичу, сблизится с поэзией и превратится в «вольное мироощущение личности». Это будет «позитивное мифотворчество, сознательная иллюзия, серьёзная игра, поэзия понятий» [5, с. 183]. Выработается новый духовный тип человека, который сможет, создавая иллюзию познания мира как целого, примирить полярности «разума» и «сердца».

Библиографический список

1. Soboleva M. A. Bogdanov und der philosophische Diskurs in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Zur Geschichte des russischen Positivismus. – Hildesheim: Olms-Verlag, 2007. – 277 s.
2. Бродский А.И., Рыбас А.Е. Проекты Серебряного века. Философские идеи русского модерна. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. – 324 с.
3. Стейла Д. Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). – М.: Академический проект, 2013. – 363 с.
4. Юшкевич П.С. Мировоззрение и мировоззрения: Очерки и характеристики. – М.: Либроком, 2011. – 184 с.
5. Юшкевич П.С. Современная энергетика с точки зрения эмпириосимволизма // Русский позитивизм: Лесевич, Юшкевич, Богданов. – СПб.: Наука, 1995. – С. 107–164.

Тяпин Игорь Никифорович

доктор философских наук, доцент

Вологодский государственный университет

Email: i.n.tyapin@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Аннотация: Актуальность вопроса о значимости русской и советской философии для мирового «духовного капитала» возрастает в связи с завершением системного кризиса западной философии, превратившейся в так называемую информационную эпоху в инструмент разрушения человека и культуры.

Ключевые слова: русская философия, философия в СССР, постфилософия; содержательная полнота, методологический потенциал.

Tyapin Igor Nikiforovich

Doctor of Philosophy, Associate Professor

Vologda State University

SIGNIFICANCE AND POTENTIAL OF DOMESTIC PHILOSOPHY IN THE INFORMATION AGE

Abstract: The relevance of the question of the significance of Russian and Soviet philosophy for the world's "spiritual capital" is increasing due to the end of the systemic crisis of Western philosophy, which has become a tool for the destruction of man and culture in the so-called information age.

Keywords: Russian philosophy, philosophy in the USSR, post-philosophy, content completeness, methodological potential.

Споры о том, является ли отечественная философия значительным явлением в истории мировой мысли, до сих пор носят жесткий характер. Необходимость взвешенной оценки отечественной философии до и после 1917 г. давно назрела, что особенно актуально в ситуации аналитическо-постмодернистского кризиса западной философии, отказавшейся сегодня от понимания собственного «дискурса», избегающей системного подхода, опирающейся на спекулятивные аргументы релятивистского толка, конструирующей образ псевдореальности, подменяя знание информацией, а информацию – набором математических символов, шумом и т. п.

Позиция скептиков сводится к следующим положениям: 1) отсутствие в России длительной философской традиции; 2) существование философии в режиме «идейного импорта»; 3) контекстуальный характер решения важнейших для «классической» философии онтологических и гносеологических проблем; 4) фрагментарность идейного влияния русских мыслителей на зарубежную философскую мысль; 5) крайняя догматизированность философии в СССР.

С другой стороны, большинство специалистов по русской философии, внимательно и с уважением относящихся к ее наследию (*М. А. Маслин, И. И. Евлампиев, В. Л. Обухов, В. В. Сербиненко и др.*), по сути, видит главное значение русской мысли в разработке методологического подхода, основанного на принципах нестрогой систематизации, отказа от крайностей и содержательной полноты (онтолого-гносеолого-аксиологического синтеза). Стоит привести мысль И. И. Евлампиева о том, что в конце XIX – начале XX в. русская философия стала лидирующей традицией в общеевропейском движении к новым формам содержательной философии (в связи с продолжавшимся наступлением эмпиризма), где сохранилась парадигма подлинной – *мистической* – философии (исходящей из того, что все самое важное в мире глубоко спрятано от непосредственного опыта и требует развития особых

форм постижения, не поддающихся строгой рационализации и систематизации) [см.: 1, с. 138]. Добавим, что, хотя ее спецификой стали уход от наукообразного, аналитического характера, гуманитарность, «образно-синтетическое» видение мира, интуитивизм, прорицательность, тем не менее это была в основном философия доказательная. Не терявшая связи с логикой, здравым смыслом и *исправлявшая недомыслие* (по выражению А. Ф. Замалева) западной философии. Мессианская, но редко утопическая (напротив, выработавшая принципы органического единства морали и права, личности и общества и т. д.). Не принявшая культурно и ментально «догму Гераклита о единстве Логоса (разума) и войны, догму, ставшую “мудростью” диалектики и “перводвигателем” Запада» [4, с. 66]. Убежденная в осуществимости полноты Истины, торжества Добра, возрождения Красоты. Несущая тем самым, наряду с познавательной, мировоззренческой, методологической и другими традиционными для философии функциями еще и функцию художественно-эстетической оценки природного и социального бытия.

Важно помнить, что релятивизм ценностей, нигилизм (пост)современности отчасти характеризовал и конец Нового времени. Однако тогда философы смогли противопоставить хаосу антиморали проверенные временем идеалы, что опять же актуализирует необходимость целостного осмысления духовного наследия отечественной мысли. Важно, помня и сохраняя национально-цивилизационную специфику философии, понять то великое (пусть и не(до)оцененное мировым сообществом), что есть в отечественной мысли различных периодов и что внесла отечественная философская культура в сокровищницу человечества.

Своеобразный отзвук эта методология полноты, взвешенности, апеллирования к высшим ценностям в конце концов нашла и в советской философии «высокого» периода (к примеру, метафизические интуиции А. А. Зиновьева, Э. В. Ильенкова или философский «спор с самим собой» А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина). Оценки ее истории также различны при доминировании признания наличия в СССР выдающихся философов-одиночек, существовавших в системе схоластического диамата. Однако в совокупности можно назвать не один десяток имен таких «одиночек», самореализация которых не была бы возможна вне «общего контекста» и деятельности значимого философского сообщества. В рамках марксистской парадигмы советская философия достаточно плодотворно развивалась в таких областях, как онтология, теория познания, логика и методология науки, эстетика. Успехи были достигнуты при рассмотрении проблем идеального, деятельности, образа жизни, системного подхода, анализа всеобщих категорий. Реально советская философия выступала примером синтеза классического и неклассического способов философствования; диалектический материализм соединился здесь с философским сциентизмом и этическим абсолютизмом. Это была все-таки «философия жизни», но не столько индивида, сколько гармонично развитой «коллективной личности». По словам В. Н. Поруса, «диалектико-логические принципы наполнялись конкретным содержанием... Диалектико-материалистическая философия была поставлена в условия, когда ей приходилось доказывать свои положения, а не стоять в позе глашатая несомненных истин» [3, с. 163].

Разумеется, результаты такой конкретизации оказывались неоднозначными, чему примером может служить методологическая концепция Г. П. Щедровицкого, основанная на идее о неизбежности технологизации человека и социума и онтологическом релятивизме. Утверждая, что «не человек мыслит, а мышление мыслит через человека», человек же есть «случайный материал, носитель мышления» [5, с. 120], Щедровицкий распространял взгляд о безграничной возможности человека как объекта к инженерному конструированию, о возможности игнорировать существующую реальность, не считаться с ней.

В постсоветское время отечественная философия, лишившись высокого статуса «царицы наук» и основания практики, пережила период столкновения нескольких

парадигм (мистического идеализма, прагматизма, постмодернизма, техницизма и др.). Однако то обстоятельство, что в современную «эру» пост/псевдофилософии (принципом функционирования которой является не истина, а достижение поставленной манипулятивной цели), где «мелкие будто бы философы суетно воспроизводят и по мере силы своих, плененных текущей ситуацией путано безжизненных умов, подобно мотылькам летящим на гибельный свет, плодят все новые и новые формы суицидной идеологии» [2, с. 16] некоторые представители российского философского сообщества, не «искусившиеся дискурсом» или преодолевшие тотальность «игры в бисер», по-прежнему выбирают между истиной и ложью, а не между фантомами «старого» и «нового», «прогрессивного» и «реакционного», служит главным индикатором ее потенциала в реализации миссии критического анализа взаимодополняющих псевдофилософских доктрин (трансгуманизма, гендерологии, глобализма, цифровизации и др.) и использования мировоззренческо-методологического наследия для построения адекватных концепций человека, общественного устройства, а также (в условиях, когда сфера этического трансформирована в манипулятивную технологию) социальной этики.

В реализации указанной миссии опорой могут стать историко-философские исследования. Их ближайшей целью выступает выделение составных компонентов идейной значимости русской, советской и современной российской философии в единстве параметров оригинальности, глубины и адекватности при объяснении, понимании и предсказании ключевых тенденций эволюции основных сфер бытия. Указанная цель не исключает оценку аксиологической адекватности и достоверности, ибо «правильность» ценностей вполне определяется исходя из опыта человечества, социальных последствий распространения тех или иных установок. Конечный результат видится в *создании целостной истории достижений отечественной мысли как продолжающегося явления философской культуры.*

Библиографический список

1. Евлампиев И. И. Историческое значение русской философии // Вече. – 2015. № 27-1. – С. 131–143.
2. Кутырёв В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). – СПб.: Алетей, 2018. – 526 с.
3. Порус В. Н. Феномен «советской философии» // Высшее образование. – 2006. № 11. – С. 154–166.
4. Шулевский Н. Б. Софиасофия – современное бытие спасения // Философия хозяйства. – 2015. № 6. – С. 63–78.
5. Щедровицкий Г. П. На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. – М.: Школа культурной политики, 2004. – 195 с.

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

MODERN EDUCATION: PHILOSOPHY, PSYCHOLOGY, PEDAGOGY

Андреева Юлия Владимировна

Кандидат педагогических наук, доцент

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия

Email: andreeva_u_v@insto.ru

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. ЗЕЛИГМАНА КАК ПЕРСПЕКТИВА МОДЕРНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИКИ

Аннотация. Осуществление модернизации системы высшего образования возможно на основе оптимистической теории М. Зелигмана, дающей возможность преодоления учебных трудностей в единой системе мировосприятия учителя и ученика. Вектором развития высшего образования становятся принципы анализа и понимания причин неуспеха; опоры на положительное; признания самооценности каждой личности и ряд других.

Ключевые слова: оптимизм, учебные результаты, учебные трудности, философские принципы, педагогический оптимизм.

Andreeva Yulia Vladimirovna

PhD (Pedagogy), Associate Professor

Eastern Economic and Legal Humanities Academy

THE PHILOSOPHICAL CONCEPT OF OPTIMISM BY M. SELIGMAN AS THE PROSPECT OF PEDAGOGY MODERNIZATION

Abstract. Modernization of the higher education system can be based on M. Seligman's optimistic theory, which makes it possible to overcome educational difficulties in a unified system of teacher and student perception of the world. The vector of higher education development is the principles of analysis and understanding of the causes of failure; reliance on the positive; recognition of the self-worth of each individual, etc.

Keywords: optimism, learning outcomes, learning difficulties, philosophical principles, pedagogical optimism.

В ситуации кризиса 2020 года, в условиях пандемии, трудно оставаться оптимистами, поскольку риски возрастают и для выпускников университетов, и для работников среднего звена, и для преподавателей предпенсионного возраста. Общемировая ситуация диктует скорее не взлет карьеры, само понятие которой разрушено, а умение разрешать конфликты и устранять проблемы. Такое гибкое стремление к лучшему американский философ М. Зелигман называет оптимизмом. Он понимает его как талант радости и способность вести свою жизнь к новым свершениям. Сама концепция выкристаллизовалась на основе теории выученной беспомощности, согласно которой одни люди преодолевают трудности, а другие пребывают в них. М. Зелигмана заинтересовало такое различие, и он установил, что те, кто преодолевают проблемы, являются оптимистами в силу того, что считают трудности временными и преодолимыми. Тогда как есть люди, которые считают, что ситуация не зависит от них и перестают ее улучшать, именно они считаются пессимистами. Как только человек перестает влиять на ситуацию, он впадает в беспомощность, которая, повторяясь из раза в раз, становится выученной.

Тогда М. Зелигман выработал ряд методик, призванных помочь человеку в преодолении трудностей и теперь приглашает научиться быть оптимистами, помогая изменить способ мышления и стиль реакции на беду.

Выводы М. Зелигмана относительно причин оптимизма представляют определенную педагогическую ценность: причины оптимизма формируются в детстве. Так, философ считает, что, «не достигнув половой зрелости, дети 8–11 лет чрезвычайно оптимистичны и имеют большой ресурс, запас надежды и иммунитет к беспомощности, которыми больше никогда не будут обладать после полового созревания. Именно тогда они теряют большую часть своего оптимизма» [1, с.125]. Утрачивая потенциал надежды, ребенок легче поддается депрессии и страху [см.: там же, с.127].

Причины детской беспомощности закрепляются у взрослого и влияют на его дальнейшую жизнь и ее достижения негативным образом. М. Зелигман выделяет три причины: 1) обвинительный стиль матери. Ребенок постоянно слышит упреки, замечания и другие негативные оценки в свой адрес и в адрес других людей и постепенно приобретает привычку ругать себя больше, чем хвалить; 2) стиль преподавания учителей. Мальчики получают больше замечаний и подвержены унынию, но в силу их непоседливости, вырастая, быстрее учатся преодолевать эти трудности. Девочки более дисциплинированы, но, как и все женщины, склонны переживать и ничего не делать для выхода из кризиса; 3) эффективность решения происходящих в детстве семейных и личных кризисов. Если они были успешно преодолены, то вырастает оптимист, если нет – пессимист.

М. Зелигман призывает преподавателей быть осторожными с критикой и замечаниями, особенно в вузах, поскольку обучающиеся находятся уже в таком возрасте, когда природный оптимизм детства стремительно убывает. Если студенты не в состоянии справиться с окружающей средой, с сессией и экзаменами и постоянно испытывают стресс, то мы можем вырастить неудачников, постоянно теряющих свои возможности в профессиональной сфере.

Мы считаем, что данная система методов может быть применима и в российском образовании, но с некоторыми оговорками и сменой психологической направленности на педагогическую и с учетом российской специфики образования.

М. Зелигман рассуждает в лучших просветительских традициях античной философии и Нового времени (Г. В. Лейбниц, ранний И. Кант). В его трактатах формула оптимизма сохранила свой педагогизм и тему Человека, поскольку здесь она основана на самосовершенствовании личности и ее качеств, на воспитании ума и преодолении трудностей, стремлении стать лучше и достигать высот в избранной профессии.

Так, педагогическая суть просвещенного оптимизма Лейбница состоит в том, чтобы остаться Человеком в самых сложных обстоятельствах жизни; уметь не только не сломиться под их тяжестью, но и конструктивно их преодолеть, а затем своим трудом достичь намеченных целей. Этому способствует умение во всем видеть позитивные стороны и беречь те ценности, которые достались человеку большим трудом: правдивость, практичность и трудолюбие.

Философский принцип Г. В. Лейбница – *опора на положительное* был долгое время принят в классической педагогике, он формирует стойкость ума, основанную на стремлениях: побуждает искать и находить благо во зле, которое может послужить уроком для того, чтобы не повторять прежних ошибок.

Под влиянием Г. В. Лейбница формировался и метафизический оптимизм «раннего» И. Канта. В своих ранних произведениях, в частности, «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме» И. Кант писал: «Именно потому, что из всех возможных миров, которые бог знал, он избрал только этот мир, надо полагать, что он считал его наилучшим. Вот почему я рад возможности рассматривать себя как гражданина такого мира. Я, тем более ценю свое существование, что был предназначен занять неко-

торое место в самом лучшем из замыслов творения. Я взываю ко всякому творению, не лишённому достоинства, воскликнуть: слава нам, мы существуем и доставляем радость творцу» [2, с. 47–48]. Это настоящая любовь к человеку объединилась у Канта с любовью к жизни, а оптимизм – с гуманизмом.

Несмотря на отвращение позднего И. Канта к метафизике Г. В. Лейбница, и в поздних своих произведениях он латентно вводит оптимизм, понимая его как философское воззрение, согласно которому развитие жизни идет по пути совершенствования; и как личную склонность во всем видеть позитив и верить в успех. Основным вопросом философии И. Канта: «Что есть человек?» остается и побуждает человека проанализировать свои познавательные способности.

Оптимистический тезис И. Канта: «Имей мужество пользоваться собственным умом!» перерос в философский принцип анализа и понимания причин собственных неудач, здесь детальная работа над собой, совершенствование духовно-нравственного потенциала позволяет познающему субъекту не опасаться будущего, а видеть, благодаря знаниям, личностные перспективы.

В кратком курсе лекций для студентов «О педагогике» воспитание трактовалось И. Кантом как совершенствование человеческой природы. Педагогика здесь несет в себе философскую миссию: сотворить человека из природного существа, а затем побудить его к самосовершенствованию. Открывая в себе новые силы, о которых вне воспитания человек и не задумывался, он тем самым получает широкую возможность опоры на самого себя и собственные достоинства.

Таким образом, оптимизм – это мировоззрение, которое имеет цель преобразовать жизнь человека и развить его способность самому влиять на обстоятельства собственной жизни так, чтобы двигаться по пути самосовершенствования.

Многие философы высказывают мысль, что каждый должен строить жизнь по собственному сценарию, управлять ею и быть ответственным за успехи, справляться с неудачами, самостоятельно решать возникающие проблемы, должен осознавать, что без проявления инициативы и воли к жизни он окажется беззащитным в дисгармоничном обществе, но современнику М. Зелигману мы отводим особую роль. Именно оптимизм играет большую роль в обучении, так как придает уверенности ребенку в преодолении им учебных трудностей. Мы выражаем искреннюю надежду, что принципы, о которых рассказано в этой статье, помогут в воспитании оптимизма.

Библиографический список

1. Зелигман М. Как научиться оптимизму. – М: Вече, 1997. – 432 с.
2. Кант И. Опыт некоторых рассуждений об оптимизме // Сочинения: в 6 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1964. – С. 39–48.

Боровинская Дарья Николаевна

кандидат философских наук, доцент

Сургутский государственный педагогический университет

Email: sweetharddk@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МЫШЛЕНИЯ И КРЕАТИВНОСТИ: ПОДХОДЫ И КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. На основе существующих результатов, полученных за весь период развития науки в различных сферах жизнедеятельности, в исследовании мышления формулируются всё новые и новые подходы, теории, концепции, обладающие интегративными свойствами. Однако значимым является не формирование новых теорий, а установление возможных и невозможных «сбоев» уже существующих.

Ключевые слова: мышление; креативность; подходы к изучению мышления, логический полюс креативного; коммуникация, текст.

Borovinskaya Daria Nikolaevna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Surgut State Pedagogical University

PHILOSOPHICAL EXPLICATION OF THE INTERCONNECTION OF THINKING AND CREATIVITY: APPROACHES AND CONCEPTS

Abstract. Based on the existing results obtained over the entire period of the development of science in various spheres of life, more and more new approaches, theories, and concepts with integrative properties are being formulated in the study of thinking. However, it is not the formation of new theories that is significant, but the identification of possible and impossible "failures" of existing ones.

Keywords: thinking; creativity; approaches to the study of thinking, the logical pole of the creative; communication, text.

Большая часть фундаментальных работ в области мышления формирует определённое единство логических и психологических представлений о нем, что наложило отпечаток и на развитие научных взглядов на креативное мышление. Отдельный интерес представляют результаты работ, появление которых было продиктовано идеями информационного подхода, активно развивавшегося с середины XX века.

Данный подход широко используется в когнитивных науках, на стыках психологии, нейрофизиологии, компьютерных наук, при разработке проблематики искусственного интеллекта. В современных исследованиях человеческой психики, в которых преобладает естественно-научная ориентация, для концептуального выражения проблем и результатов широко используется комплекс общенаучных понятий, ядром которого выступает категория информации [см.: 2].

«Сформировался новый тип теоретического объяснения, связанный прежде всего с принципами информационной причинности и организации, информационного управления и функционирования самоорганизующихся систем, которые, повторяю, не противоречат физическим объяснениям, но расширяют горизонты научных исследований и создают новые концептуальные возможности решения междисциплинарных проблем. Именно в этом плане главную роль играют информационные подходы. Их плодотворность обусловлена тем, что они способны создавать *концептуальные мосты* между физическими, биологическими, психологическими и социогуманитарными исследованиями» [1, с. 86]. Образ предмета, создаваемый в результате мыслительных процессов, так или иначе «есть информация, воплощённая в определённом мозговом коде» [2, с. 147].

В качестве центральной задачи представителями информационного подхода выделяется задача расшифровки мозговых нейродинамических кодов психических явлений. Более того, данный подход активно используется и для выяснения методологических способов междисциплинарных исследований социокультурной динамики [см.: 4].

Попытка обосновать единство трёх элементов мышления – проблема, метод и результат – была предпринята в рамках технологического подхода, где мышление предстаёт в виде знания, которое структурируется в последовательность актов, дающую в итоге новую когницию.

Вкупе с теорией информации и на основе кибернетических разработок появляется направление, исследующее «искусственный интеллект» (ИИ).

Познание стало трактоваться как получение, обработка, хранение и передача знаний. В исследованиях по ИИ чётко выделялись два направления: распознавание образов и решение задач.

Работы в этой области позволили выявить значительное многообразие видов задач. Одна из их разновидностей специфична тем, что исходные данные задачи неизменны, а характеристики модели могут меняться. Такая задача фиксируется путём описания примеров (стимулов), указания названий (классов) и условий предъявления стимулов.

К числу актуальных сегодня направлений в понимании мышления, сознания, мозга также относится и «вычислительная теория сознания» (The Computational Theory of Mind). Базовая идея – признание наличия некоторой функциональной связи между объектом или явлением и их символическим описанием, между когнитивными процессами и их языковыми репрезентациями.

На основе существующих результатов, полученных за весь период развития науки в различных сферах жизнедеятельности, в исследовании мышления формулируются всё новые и новые подходы, теории, концепции, обладающие интегративными свойствами. Однако значимым является не формирование новых теорий, а установление возможных и невозможных «сбоев» уже существующих.

Так, начиная уже с середины XX в. в изучении мышления активно формируется междисциплинарный подход. При этом особенность реализации данного подхода заключается в том, что он не отрицает другие подходы, а, вбирая в себя их достоинства и существуя на стыке научного знания, позволяет интегрировать существующие подходы в такую модель, которая открыта для дальнейшего развития.

«Будучи сознательной деятельностью, мышление органически связано с информационными процессами, протекающими на бессознательно-психическом уровне. По-видимому, правильнее было бы даже сказать, что реальный процесс мышления осуществляется в едином сознательно-бессознательно-сознательном психическом контуре, анализ которого является специальной и весьма сложной задачей» [2, с. 77].

Исследования в области мышления претерпели значительные изменения. Сегодня подробно анализируются внешние и внутренние формы мышления. Например, на основе восприятия внешних предметов или специальных знаковых систем, данных субъекту внешним образом. Это могут быть текст, схема, изображения, а также формы на основе речевых высказываний, когда исследуются закономерности формирования языка, предпосылок осуществления коммуникации.

Более того, наука идёт в направлении создания искусственной, виртуальной, компьютерной действительности. И «эта рукотворная реальность есть некая другая картина мира. Не та, которая сидит в наших головах или описана в книгах, а именно другая, чего раньше не было в арсенале человечества. Это принципиально иной прибор для познания действительности, для добывания нового знания» [3, с. 10].

Безусловно, суммируя всю совокупность полученных результатов исследований мышления в рамках обозначенных подходов, отметим, что их актуализация сегодня

позволяет точнее и определённое раскрывать предмет креативности через возможность изображения вхождения предмета в любое состояние дел. Их результаты дают обширный материал для философского анализа проблем, связанных с мышлением и его спецификой.

Библиографический список

1. Лекторский В. А., Пружинин Б. И., Бодякин В. И., Дубровский Д. И., Колин К. К., Мейлик-Гайказян И. В., Урсул А. Д. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 84–112.
2. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002. – 368 с.
3. Макаров В. Л. Получение нового знания методом компьютерного моделирования // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского – М.: ИИнтелЛЛ, 2006. – С. 5–10.
4. Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. – М.: Физматлит: Наука, 1998. – 191 с.

Доронина Светлана Геннадиевна

Аспирант

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Email: svetadoris@mail.ru

ОТНОШЕНИЯ «ВЗРОСЛЫЙ – РЕБЕНОК» В КОНТЕКСТЕ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК: ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье проводится историческая реконструкция отношений детей и взрослых в западной культуре, основанная на анализе двух логически дополняющих друг друга понятий – «ребенок» и «взрослый». С опорой на концепцию психоистории американского ученого Ллойда Демоза автор предлагает исследовать историческую динамику репрезентаций понятий «взрослый» и «ребенок» в западной культуре, а также выявить их взаимную корреляцию. Выдвигается гипотеза о существовании связи между трансформацией этих понятий и изменениями атрибутивных представлений взрослых о детях, на основании которых формируются их отношения, воспитательные и образовательные практики.

Ключевые слова: проективная идентификация; стиль воспитания; понятия «взрослый» и «ребенок»; диалектическое развитие; диалогические взаимоотношения.

Doronina Svetlana Gennadievna

PhD Student

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences, Belarus

THE "ADULT – CHILD" RELATIONSHIP IN THE CONTEXT OF EDUCATIONAL PRACTICES: A PSYCHOHISTORICAL VIEW

Abstract. The author conducts a historical reconstruction of the relationship "adult-child" in Western culture, which is based on the analysis of two informative and logically complementary concepts of "child" and "adult". Based on the concept of psychohistory by Lloyd Demos, the author proposes to investigate the historical dynamics of the representations of the concepts of "adult" and "child" in Western culture, as well as to identify their mutual correlation. The author puts forward a hypothesis about the existence of a connection between the transformation of these concepts and changes in the attributive ideas of adults about children, on the basis of which upbringing and educational practices are formed.

Keywords: projective identification; parenting style; the concepts of "adult" and "child"; dialectical development; dialogical relationships.

В настоящий момент существует несколько концепций детства, основанных на реконструкции и анализе исторических форм отношений «взрослый – ребенок» [см.: 2; 3; 5], которые можно объединить под общей рубрикой «История взросления» человека. Еще одна классификация представлена в психоисторической концепции американского ученого Ллойда Демоза [см.: 1], в которой описаны и проанализированы способы историко-психологической реакции взрослого на ребенка, обусловленные как скоростью протекания психогенной эволюции, так и историко-культурными, социальными условиями. По утверждению исследователя, существует шесть стилей воспитания, отражающих культурно-историческую эволюционную схему «сближения» взрослых и детей, способность родителей распознавать и поддерживать потребности ребенка. К ним относятся [см.: 1, с. 83–86]:

- 1) инфантицидный стиль (древняя античность до IV в. н. э.);
- 2) оставляющий стиль (IV–XIII в. н. э.);
- 3) амбивалентный стиль (XIV–XVII вв.);
- 4) навязывающий стиль (XVIII в.);

5) социализирующий стиль (XIX – середина XX вв.);

6) помогающий (эмпатический) стиль (возникает в середине XX в.).

Ключевым понятием этой концепции, позволяющим выявить степень «сближения» взрослых и детей, является «проективная идентификация». Л. Демоз вводит этот термин с целью продемонстрировать степень влияния бессознательных попыток взрослого человека проецировать собственные желания и фантазии на детей таким образом, чтобы последние воспринимали их как имманентные. Первые три стиля воспитания характеризуются высоким уровнем проективной идентификации и низкой степенью дифференциации детей и взрослых.

Согласно классификации Л. Демоза, момент исторического разделения взрослых и детей приходится на период конца XV – начала XVIII вв., характеризующийся *амбивалентным* стилем воспитания, возникновение которого совпадает с переоценкой ценностей детства в позднем средневековье. Культ Девы Марии и младенца Христа позволил по-новому взглянуть на ребенка, который, являясь одновременно и презренным греховным существом, и новым представителем обещанного спасения призывает взрослых к любви и преодолению отвращения [см.: 3, р. 114]. Начиная с XVI века выходит большое количество книг и руководств по этикету, и, хотя, как утверждает французский историк Ф. Арьес, в это время «чрезвычайно трудно различить то, что предназначено для взрослых, и то, что предназначено для детей» [3, р. 119], последние являются главным объектом насилия и проективного мышления взрослых.

Характерной чертой *навязывающего* стиля воспитания XVII в. является систематизация и институционализация дисциплинарных практик. Как в кальвинистской теологии, так и либеральных взглядах Джона Локка взрослые люди считают ребенка примером фундаментальной порочности, характерной для всего человечества. Несмотря на то, что ребенок является рациональным существом, имеющим право на свободу и обращение к Богу, он воспринимается как объект постоянного воспитания, контроля и наказания. С позиции современных концепций детства, навязывающий стиль воспитания посягает на свободу и права ребенка, в то время как в период Нового времени и эпоху Просвещения – за редким исключением Ж.–Ж. Руссо – считалось, что данный стиль воспитания и образования является благом для ребенка, поскольку позволяет «формовать» из него воспитанного взрослого человека.

Общий переход от навязывающих стилей воспитания к *социализирующим* происходит в середине XVIII в. Тенденции прежних веков использовать понятие «ребенок» в качестве символа, позволяющего конструировать представления о добре и зле, индивидуальной автономии и социальной гетерономии обнаруживаются и в элементах романтического движения конца XVIII – начала XIX вв. Однако в этот период происходит радикальная трансформация представлений о детстве, существенно повлиявшая на современные методы воспитания и образования. Ребенок романтиков перестает быть символической конструкцией амбивалентных и навязывающих стилей воспитания, а описывается с помощью таких категорий, как «гений», «целостная личность», «божественная искра», «невинность». Ребенок, обреченный на потерю целостности и невинности, в этом контексте представлял собой духовный идеал, цель пожизненного психического и духовного развития взрослого (ностальгия по утраченному экзистенциальному единству «я»), исходную точку, к которой взрослый стремился вернуться. Вследствие таких метаморфоз – под лозунгом «Давайте становиться детьми!» – в середине XIX в. возникают первые институциональные заведения (детские сады, школы, высшие учебные заведения), ориентированные на понимание и удовлетворение потребностей ребенка. Позже ребенок романтиков появляется в психоаналитическом дискурсе, вслед за З. Фрейдом, установившим связь между травмами детства и психологическими проблемами взрослого возраста, что, в свою очередь, привело к появлению идеи здорового баланса между инстинктами и методами воспитания в XX в. Психоаналитический смысл истории детства демон-

стрирует нерушимое бессознательное желание взрослого человека вернуться к принципам удовольствия, культу тела и игры, которые присущи ребенку.

Помогающий (эмпатический) постмодернистский стиль вносит существенные изменения в способы воспитания и образования детей. Признание ценности и уникальности ребенка, акцентирование внимания на его потребностях приводит к тому, что появляются воспитательно-образовательные практики, требующие больших временных и энергетических затрат, большого профессионализма взрослых, работающих в сфере воспитания и образования. Эмпатическая реакция на детей приводит к необходимости формирования гуманных диалогических методов интеграции детей в психологический мир взрослых. В этот период институализируются права ребенка, появляются новые формы репрезентации детства, указывающие на реконструкцию понятий «ребенок» и «взрослый» в XX в. Ребенок становится разумной личностью, способной к саморегуляции, творчеству, открытиям и т. д., в то время как взрослый человек все больше допускает в свою жизнь элементы детской жизни (становится инфантильным). В позитивном аспекте инфантильность (*infantia* – от лат. младенчество), в терминологии французского философа Ж.–Ф. Лиотара – это гарантия того, что в человеке остается загадка, свидетельствующая о закате взрослого периода и появлении на арене европоцентристской культуры маргинализированных «других» [см.: 4, р. 416], зарождении новых взглядов и знаний, касающихся человеческого опыта.

Анализ ключевых, наиболее логически взаимосвязанных и информативных понятий «ребенок» и «взрослый» позволяет выявить диалектический закон совместного исторического развития взрослых и детей, психосоциальные отличия которых являются основным критерием их дифференциации. Трансформация понятия «ребенок» в различных культурах и цивилизациях тесно связана с изменением представлений об идеальном взрослом, лежащих в основании исторических концепций детства, вокруг которых формируются воспитательно-образовательные практики.

Библиографический список

1. Демоз Л. Психоистория. – Ростов-на-Дону: «Феникс». – 2000. – 509 с.
2. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. – М.; СПб.: Университетская книга. – 2001. – Т 1. – 332 с.
3. Aries E. Centuries of Childhood: A Social History of Family Life, R. Baldick trans. – New York: Knopf. – 1962. – 304 p.
4. Lyotard J. F. & Larochelle, G. That Which Resists, After All // Philosophy Today. – № 36 (4). – Pp. 402–427.
5. Postman N. The Disappearance of Childhood. – New York: Delacorte, 1988. – 177 p.

Журавлева Ирина Александровна

Кандидат философских наук, заведующая кафедрой

Иркутский государственный университет

Email: irlend@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются образовательные стратегии, которые возникают в цифровом обществе. Анализируются их достоинства и недостатки, а также приводятся результаты экспертного опроса представителей различных возрастных и профессиональных групп, позволяющие судить о перспективах цифрового обучения.

Ключевые слова: образовательные стратегии, информационное общество, плюсы цифровизации, минусы цифровизации.

Zhuravleva Irina Alexandrovna

PhD (Philosophy), Head of the Department

Irkutsk State University

EDUCATIONAL STRATEGIES IN INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article examines educational strategies that are emerging in a digital society. Their advantages and disadvantages are analyzed, as well as the results of an expert survey of representatives of various age and professional groups, which make it possible to judge the prospects of digital learning.

Keywords: educational strategies, information society, advantages of digitalization, disadvantages of digitalization.

Чему учиться, когда и как – эти вопросы как никогда актуальны для современного общества. Встает вопрос о качестве знаний и качестве преподавания, о необходимости личного взаимодействия или достаточности удаленного диалога.

Информатизация и цифровизация образовательного пространства привела к тому, что само представление о знаниях и о получении образования меняется кардинально. Пожалуй, за последние 2000 лет это один из самых кардинальных переосмотров образовательных стратегий. Более того, меняется контекст и условия того, чему стоит учить молодое поколение. Уже можно не говорить о префигуративном, постфигуративном и конфигуративном типе культуры (М. Мид), этот вопрос отпадает, так как виртуальные образовательные технологии включают не только молодое поколение, но и более старшие. Все более актуальным становится вопрос об образовании через всю жизнь, об образовании пожилых людей и так далее. Современное образование во многом строится на иррациональных стратегиях конструирования (Р. Г. Ардашев [см.: 1,2]) и актуальных образовательных мотивах современников (И. А. Журавлева [см.: 3]). Наиболее доступным, востребованным и актуальным инструментом выступает дистанционное виртуальное образование (Р. В. Иванов [см.: 4], С. В. Малых [см.: 5], О. А. Полюшкевич [см.: 6], А. Н. Пружинина [см.: 7]).

Для изучения данного вопроса мы провели экспертный опрос среди представителей различных возрастов и социально-профессиональных групп в возрасте от 18 до 75 лет, 62% женщин и 38% мужчин. Всего в исследовании приняло участие 280 человек. Основной темой было изучение вопросов образовательных стратегий в информационном обществе, применимых как для себя, так и для ближайшего окружения.

Говоря о представлениях об образовательных стратегиях в информационном обществе, можно выделить две тенденции – это позитивная ретроспектива будущего уровня и качества образования и отрицательная. К первой (59,8%) относятся более

молодые, мобильные и активные люди, готовые черпать знания из разных источников. Они оперируют актуальными понятиями, не рассчитывают на фундаментальность знаний, а лишь на их практическую применимость здесь и сейчас. Ко второй (40,2%) относятся представители более старших поколений, для которых образование все еще выступает основополагающим институтом не только личного, но и социального развития, позволяющим человеку иметь все то, что необходимо для комфортной жизни, и эти знания могут обновляться, дополняться, расширяться, но не уничтожаться. Тогда как для первой группы новый опыт вполне может перечеркнуть предшествующий.

Рассмотрим несколько аргументов каждой из групп. Среди аргументов представителей первой группы находится изменчивость системы, социальных, культурных, политических и иных задач, где также быстро должно меняться образование (32,5%).

Сегодня меняется многое, мы как никогда живем в текучей современности, о которой писал З. Бауман, поэтому и образование должно быть максимально гибким (И. А., кандидат философских наук, доцент, 38 лет).

Мир меняется, старые стандарты и образцы образования уже просто устарели, поэтому надо держать руку на пульсе, чтобы обучать новому и по-новому (Т.Т. руководитель высшего звена транспортной компании, 47 лет).

Вторым аргументом выступает мобильность – образовательные курсы, переподготовка подстраиваются под потребности и возможности потребителей, а не создают для них ограничения.

Сегодня даже работодатели не могут вам сказать, какие специалисты понадобятся им завтра. Особенно это актуально для тех сфер, что находятся в сфере инноваций, экономики, прогресса. Да и все остальные также встраиваются в новые правила и всем нужно обновлять старый багаж знаний. Сегодня очень востребованы курсы переподготовки – точечные, предметные, лаконичные, позволяющие быстро переключить мышление (А. А., экономист, аналитик, 36 лет).

Я готов сам мобильно и быстро учиться новому и полагаю, что это своего рода тренд современности – если новое не для тебя, то ты уже устарел как человек и как функциональный сотрудник. В таких точно отпадет нужда даже уже через лет пять (М. В., программист-дизайнер, 25 лет).

Третьим аргументом является пространственная доступность, когда из любой точки мира человек может получить те знания, что ему необходимы здесь и сейчас.

Дистанционное образование позволяет находиться в любой точке мира и получать опыт, знания и навыки. Это же куча времени экономится. Ты что-то узнал и сразу можешь применить на практике, не думая о том, что надо куда-то переместиться, уехать, приехать. Это экономия времени и сил (П.Е., юрист, 31 год).

Быть всегда в онлайн, всегда быть в потоке информации – активно и мобильно на ее реагировать, не заморачиваясь на пространственные ограничения. Это не жизнь – это мечта. И в этом залог хорошего образования будущего! (С.Я., стилист, 27 лет).

Аргументы представителей второй группы опираются на иные утверждения. Первым аргументом является потребность в качественном образовании, получаемом через постепенное усвоение знаний от более простых к сложным, где необходима преемственность предметов, позволяющая получать фундаментальные знания, понимания и открытия.

Без основы нет общего понимания – что мы делаем. Разрозненные навыки не сделают хорошего мастера, только исполнительного подмастерья, и то – не всегда. Дистанционным цифровым образованием мы ворует сами у себя – философию мастерства (Н. Г., мастер спорта по каратэ, директор спортивного клуба, 49 лет).

Можно не работать по специальности, но имея хорошее образование – всегда устроиться в жизни, иметь заработок, иметь сферу применения своих мозгов.

А это на сегодняшний день великое счастье – быть занятым тем делом, что тебя увлекает. А цифровое обучение такого эффекта никогда не даст! (Н. А., писатель, фотохудожник, 55 лет).

Вторым аргументом выступает личное общение педагогов и учеников, которое может дать больше в становлении и социализации личности, нежели удаленное взаимодействие не всегда с конкретным человеком, а порой с роботом или информационной системой.

Преимущество передачи знаний и опыта происходит только в личном контакте учителя и ученика. Без этого тонкого чувствования друг друга нет будущего ни в знаниях, ни в навыках, ни в жизни (С. А., переводчик, 37 лет).

Общение с машиной или с экраном, за которым сидит человек, которому все равно с кем он общается – это обесценивает знания, делает его формальным и не дает личного опыта, инсайта, осознания. Все образование становится пустым (Л. Ю., юрист, 44 года).

Третьим аргументом выступает личное общение в группе живых людей, с кем совместно обучаются студенты.

Не только знания, которые транслирует учитель, помогают приобретать необходимые знания и навыки, но и живое общение с одногруппниками, совместные мероприятия, вечеринки. Эта неформальная коммуникация закладывает связи на десятилетия, а порой и на всю жизнь. Дистанционное обучение лишает нас этого тесного общения, лишает нас потенциальных друзей (П. Б., телеведущий, 57 лет).

Неформальное общение во время обучения в школе, вузе делает нас теми, кто мы есть. Там приобретаются друзья на всю жизнь. Если этого не будет, то мы погрузимся в мир одиночества в цифровой сети (О. А., эксперт-аналитик, 33 года).

Таким образом, образовательные стратегии в информационном обществе дают разнообразную почву для размышлений. Каким оно будет – образование будущего – сейчас определяем мы.

Библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 40–48.
3. Журавлева И. А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. – 2020. – № 1. – С. 279–286.
4. Иванов Р. В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов. Научно-методические материалы. – Иркутск: ИГУ, 2016. – С. 107–109.
5. Малых С. В. Виртуальные университеты будущего // Социология. – 2019. – № 6. – С. 263–267.
6. Полюшкевич О. А. Образование в социокультурном пространстве региона // Иркутск: традиции и проектирование будущего материалы Международной научно-практической конференции. – 2011. – С. 261–263.
7. Пружинин А. Н. Академическая мобильность как ресурс развития человеческого капитала Иркутска // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы. Материалы XXII межрегиональной молодёжной научно-практической конференции. – Иркутск, 2019. – С. 275–279.

Иванов Антон Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент

Казанский государственный медицинский университет

Email: Antonivanof@yandex.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ВУЗОВСКОМ КУРСЕ «ИСТОРИЯ»

Аннотация. Исследование носит теоретический характер и посвящено определению возможностей использования эго-документов в ВУЗовском курсе «История». Актуальность изучения источников личного происхождения требует особого внимания к использованию соответствующих методов и пониманию специфики их психолого-педагогического воздействия на личность студента. В этой связи значительное внимание уделено определению функций эго-документов в культурной коммуникации, конструируемой образовательным процессом.

Ключевые слова: педагогика, педагогическая психология, история, источники личного происхождения.

Ivanov Anton Yurievich

PhD (History), Associate Professor

Kazan State Medical University

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF USING SOURCES OF PERSONAL ORIGIN IN THE UNIVERSITY COURSE "HISTORY"

Abstract. The article is a theoretical one and devoted to the study of the possibilities of using ego-documents in the university course "History". The relevance of the study of personal origin sources requires special attention to the use of appropriate methods and understanding the specifics of their psychological and pedagogical impact on the student's personality. In this regard, considerable attention is paid to the definition of the functions of ego-documents in cultural communication taking place in the educational process.

Keywords: pedagogy, educational psychology, history, sources of personal origin.

В условиях распространения цифровых технологий в связи с возникновением пандемической ситуации в современной России особую ценность представляет использование технологий обучения, направленных на формирование гуманистически-ориентированной личности. В этой связи при всех изменениях целей, содержания, а также образовательных технологий незыблемыми должны оставаться общепринятые ценности – всесторонне развитая личность, способная к эмпатии и глубокому сопереживанию, что отличает духовно зрелого человека. Согласно этому представлению, неизбежно повышаются требования к преподавателю как к человеку, формирующему базу личностного роста студентов, поднимающему их на новый, более высокий уровень мотивации, творческого мышления и способности к неуклонному саморазвитию и самосовершенствованию. В современных вузах России такой подход к формированию гуманистической личности реализуется в терминах универсальных (ранее общекультурных) компетенций, сформулированных в федеральных стандартах высшего образования. В многочисленных исследованиях, направленных на рассмотрение различных аспектов психологической составляющей педагогических технологий, далеко не полно рассмотрены вопросы использования эго-документов в процессе обучения студентов, вопросы влияния личностно опосредованных фактов, зафиксированных в эго-источнике, на формирование значимых свойств личности

студента. Именно поэтому высшая школа современной России, в определенном смысле находящаяся в ситуации внедрения новой модели образования, способна предложить и реализовать ряд интересных и эффективных методик [см.: 2]. Эффективное их использование невозможно без определенного опыта деятельности, связанной с поиском подходов к проблемам, связанным с апробацией методов обучения [см.: 4].

Анализ специфики источников, иллюстрирующих лекционный и семинарский курс основной дисциплины ВУЗа, формирующей универсальные компетенции – Истории, является приоритетным с точки зрения гуманитаризации. Одним из способов достижения поставленной цели служит организация исследовательской деятельности в вузе, использование такого метода учебного исследования, как применение эго-источников, например, фронтовых писем, в качестве иллюстрации лекционного материала. Курс истории входит в обязательный цикл гуманитарных дисциплин, защищенных Государственным стандартом, и предназначен для обучения студентов всех специальностей, что существенно актуализирует изучение информационных, а также и психолого-воспитательных возможностей источников материала личного происхождения.

Для чего возможно их применение в вузовском курсе истории? Отвечая на эти вопросы, необходимо отметить, что частная переписка наряду с выполнявшей ею формальной функцией передачи информации служила незаменимым средством самовыражения. Таким образом, личное письмо можно рассматривать в качестве «зеркала» авторской индивидуальности, воспринимаемого отражением личностного эмоционального начала. Используя это свойство письма, а также принимая во внимание междисциплинарный характер современной исторической науки, можно утверждать, что в процессе создания и реализации лекционного курса особое внимание необходимо отводить ознакомлению студентов с философскими, социологическими и психологическими подходами к изучению личных особенностей автора эпистолярного или иного автобиографического нарратива. В зависимости от профиля студенческой аудитории возможно более углубленное рассмотрение психологических, культурологических, исторических и иных аспектов фронтовых писем, конкретизирующих человеческую составляющую исторического процесса.

В научно-педагогических кругах разделяется мнение, что ряд проблем, связанных с эффективностью высшего образования, невозможно решить в ситуации дегуманизации и дегуманитаризации педагогического процесса [см.: 1]. Важную роль в становлении гармонично развитой, гуманистически ориентированной личности играет элемент концентрации внимания лектора на особенностях историко-антропологической доминанты прошлого. У студентов вырабатываются определенные способы фиксации исторического опыта, невозможного в целях гуманитаризации без персонификации исторического факта. Фронтовые письма – один из наиболее персонифицированных документов, позволяющих воспитывать чувства, основываясь на патриотическом и героическом духе повествования. Это можно связать с тем, что задатки творческой души лучше всего развиваются и совершенствуются в процессе размышления над смыслом судьбы другого [см.: 3]. Студент, у которого будут сформированы навыки исследователя, быстрее и шире разовьет их, если в лекционном курсе мировоззренческие основы его личности будут дополнены общими представлениями о постановке и методах решения проблем, связанных с определением сущности человеческой жизни. Это можно сделать с помощью источников личного происхождения.

Через изучение фронтовых писем реализуется важная функция процесса обучения: инициирование интереса студентов к познанию мира и себя в этом мире, так как содержащиеся в письме размышления автора о жизни и судьбе в экстремальной ситуации войны способствуют пробуждению эмоционального содержания сознания студента и приводят к катарсису. Это, в свою очередь, оказывает эстетическое влия-

ние, способствующее реализации воспитательной функции педагогического воздействия.

Какие организационные рамки имеет практика использования фронтальных писем в курсе истории? Эффективными методами организации использования писем являются иллюстративный и историко-типологический методы. Сопоставляя содержание писем различных фронтальных комплексов, можно установить сходство и отличия, характеризующие конкретную эпоху. Методологически эта процедура исходит из представления, согласно которому фронтальной эпистолярный текст рассматривается как коммуникативно-репрезентативный объект, конструируемый макроструктурной семантической интерпретацией. Так, текст фронтального письма содержит заголовок, вводную фразу, перечисление событий, комментарий, реакцию и т. д., в совокупности определяющих целостность сообщения. Основу понимания эпистолярного текста в этом случае составляют актуализации различных моделей фронтальной ситуации, личностных знаний носителей языка (солдата – автора письма), аккумулирующих их предшествующий опыт.

Частная переписка наряду с выполнявшейся ею формальной функцией передачи информации служила незаменимым средством самовыражения. Таким образом, личное письмо можно рассматривать в качестве «зеркала» авторской индивидуальности, отражения личностного эмоционального начала. Цели лекционного занятия с использованием фронтальных писем могут быть сведены к следующему: во-первых, формирование яркого, целесообразного образа-представления об исторических фактах, иллюстрируемых с помощью фронтального письма и их интерпретации, формулирование и аргументация личных оценочных суждений; во-вторых, развитие и совершенствование умений анализировать эпистолярный исторический документ, различные объективные исторические факты и их авторскую интерпретацию; оценивать исторический документ на предмет достоверности; сравнивать исторические сведения, содержащиеся в разных письмах, сопоставлять толкования исторических фактов. Использование фронтальных писем в вузовском учебном процессе позволяет: во-первых, формировать универсальные способы использования исторических источников, что дает импульс к саморазвитию, к самоанализу, самоорганизации, самоконтролю и самооценке; во-вторых, значительно расширить кругозор в области, связанной с оценкой роли личности в историческом процессе; в-третьих, приобщить студентов к культуре интеллектуального труда, к культуре работы с историческими источниками, критически оценивать достоверность свидетельств прошлого.

Библиографический список.

1. Антипов А. Г. Гуманизация и гуманитаризация образования: состояние и проблемы // Высшее образование в России. – 2009. – №6. – С. 98–102.
2. Борытко Н. М., Моложавенко А. В., Соловцова И. А. Методология и методы психолого-педагогических исследований. – М.: Академия, 2014. – 320 с.
3. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение. Теория и практика. – М.: Academia, 2011. – 320 с.
4. Смирнов С. Д. Педагогика и психология высшего образования. От деятельности к личности. – М.: Academia, 2014. – 400 с.

Иванова Анастасия Михайловна

старший преподаватель

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Email: anastivanova321@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать опыт полностью дистанционного обучения студентов-переводчиков с проведением занятий в режиме реального времени с помощью платформ Skype, MsTeams, Zoom, а также использованием электронной почты, рассматриваются достоинства и недостатки такого формата, а также трудности, возникающие при таком формате работы.

Ключевые слова: компьютерные технологии, дистанционное обучение.

Ivanova Anastasia Mikhailovna

Assitant Professor

Moscow Aviation Institute (National Research University)

IT-BASED DISTANCE LEARNING FOR STUDENTS OF TRANSLATION AND INTERPRETING

Abstract. The author attempts to analyse the experience of full-time distance learning for students of translation and interpreting with the use of such platforms as Skype, MsTeams and Zoom in combination with email. The article analyses the advantages and disadvantages of this mode and the challenges associated with it.

Keywords: information technology, distance learning.

Информационные технологии активно используются в образовательном процессе в целях повышения его эффективности, при этом технологии, как правило, рассматриваются как вспомогательный инструмент. О. И. Пащенко отмечает следующее: «В настоящее время сформировалась новая перспективная предметная область — “Информационные технологии в образовании”. К этой области относится проблематика интеллектуальных обучающих систем, открытого образования, дистанционного обучения, информационных образовательных сред» [2, с. 6].

В начале 20-х годов XXI века мир столкнулся с ситуацией, в которой очная форма обучения оказалась значительно ограничена. Информационные технологии позволили продолжить образовательный процесс даже при невозможности находиться в аудитории. Это, несомненно, является большим преимуществом данных технических средств.

В процессе обучения, однако, возникали различные сложные ситуации. В первых, не все студенты имели доступ к отдельному компьютеру с хорошей камерой, микрофоном, стабильным интернет-соединением. У таких студентов была возможность просмотреть запись проведенного занятия, выполнить письменно различные задания, записать свой ответ (сделать видео- или аудиозапись) и переслать преподавателю при невозможности подключиться к собранию. Стоит отметить, что, как и при аудиторных занятиях, не все студенты ответственно относились к учебному процессу. Приведем некоторые примеры различных сценариев: студент выходил из собрания в середине занятия, ссылаясь на проблемы со связью; не включал микрофон и/или камеру, указывая на технические проблемы, в результате мог не ответить, когда ему задавали вопрос (вроде бы присутствовал на занятии, но в реальности занимался своими делами); высылал чужое домашнее задание; находил варианты перевода некоторых текстов и заданий в Интернете, копировал и пересылал.

Были также выявлены следующие технические трудности: при включении камер снижалось качество связи; при включении камеры прерывался звонок (в Skype и MsTeams); при попытке включить демонстрацию экрана для видеозаписи звонок также прерывался; происходили сбои в работе Интернета; ломалась техника, а также отключали электроэнергию.

Следует отметить, что при проведении занятий в режиме реального времени через Интернет студенты должны выработать новые модели поведения и проявлять тактичность. В аудитории возможно активное обсуждение вопроса, когда сразу несколько человек высказывают свою точку зрения, все они обсуждаются, после чего вырабатывается единое решение, оптимальный вариант перевода. При работе через электронные средства это становится проблематично, поскольку студенты заглушают друг друга, если начинают говорить одновременно. В этом случае в какой-то мере может помочь чат, в котором студенты могут написать свой вопрос, вариант ответа, комментарий и прочее (чатом также пользовались студенты, у которых были проблемы с микрофоном). Сложность заключается в том, что преподавателю необходимо следить еще и за чатом. Кроме того, пока студент пишет свой вопрос, он не может полноценно слушать и воспринимать информацию, а также происходит отставание, поскольку печать текста занимает некоторое время. На ряде платформ также есть полезная функция «Поднять руку», что позволяет в некоторой степени упорядочить процесс.

Рассмотрим структуру занятия. Студенты-переводчики в ходе занятия отрабатывают различные виды перевода: перевод с листа, абзацно-фразовый перевод, двусторонний перевод. Также будущие переводчики работают с прецизионной информацией и переводческой скорописью. Все эти задания можно выполнять при работе через Интернет, но с рядом оговорок. К сожалению, при переводе с листа недобросовестные студенты успевали обработать предложенный текст с помощью одной из систем машинного перевода (как правило, Google Translate) и использовали полученный текст для ответа. Если камера не была включена, об этом можно было судить по скорости ответа (текст явно зачитывался) и по саморедактированию в процессе ответа. При отработке перевода на слух студенты жаловались на то, что им тяжело воспринимать информацию (поскольку в полном объеме не задействован визуальный канал восприятия информации), на проблемы со звуком. В результате приходилось больше, чем в аудитории, повторять переводимый фрагмент. Эту проблему можно попробовать решить следующим способом. Для того чтобы не приходилось повторять многократно один и тот же отрывок из интервью или текста для абзацно-фразового перевода, можно заранее его надиктовать и проигрывать запись многократно на занятии, если студент просит повторить. Однако недостатком такого решения является то, что, возможно, нужно будет повторить в замедленном темпе, выделяя голосом определенные слова, которые вызвали у студента трудность.

При отработке переводческой скорописи, если у студентов камеры включены, можно работать в режиме реального времени: студенты делают запись, а потом подносят к камере, чтобы показать результат преподавателю. Есть вероятность, что изображение будет слишком маленьким. Тогда можно сделать снимок и выслать преподавателю через чат используемой платформы, по электронной почте, через WhatsApp и прочие средства связи. Задания на скоропись предлагались и в качестве домашнего задания. Необходимо было записать с помощью скорописи некоторый текст – потом студенты получали обратную связь и рекомендации.

Компьютерные технологии позволяли давать аудиозадания на дом. Например, студентам предлагалось прослушать текст и записать максимально подробно перевод или же сделать реферативный перевод. Более слабым группам предлагался материал с субтитрами или опорным текстом. Во втором случае был риск, что недобросовестные студенты не будут прослушивать запись, а просто сделают перевод письменного текста. В этом случае для проверки можно включить пройденные аудио-

записи в зачет/экзамен, попросив студента перевести аудиозапись после прослушивания на зачете/экзамене. Также более слабым группам предлагалась запись в замедленном режиме (такие представлены, например, на сайте Voice of America) [см.: 3].

Частью домашнего задания также являлся письменный перевод либо статьи, либо предложений на определенное лексическое или грамматическое явление. При проверке письменных заданий использовалась функция «Исправления» в Microsoft Word. Однако были выявлены некоторые трудности. Ответственные студенты отмечали, что не все исправления отображаются корректно. Причина, скорее всего, заключается в разных версиях ПО. В результате был использован более трудоемкий, но верный способ: все комментарии и исправления вводились шрифтом другого цвета (обычно синим), а ошибочные варианты зачеркивались с помощью соответствующей функции Word.

Следует также отметить, что такой формат обучения показал, что не все студенты-переводчики, для которых одним из главных инструментов в работе станет компьютер с различными специальными программами, умеют в полной мере работать на компьютере. Если при использовании информационных технологии в качестве вспомогательного средства на очных занятиях это не было столь заметно, то при полностью дистанционном обучении этот факт стал очевидным.

Хотелось бы также выразить согласие с точкой зрения Кривоногова С. В. и Петрова В. А., что «компьютеры вредят здоровью, поэтому при планировании урока необходимо строго соблюдать санитарно-гигиенические требования» [1, с. 18]. Однако в условиях полностью дистанционного обучения сделать это крайне трудно. Результатом становится повышенная утомляемость, снижение зрения, проблемы со спиной и прочее как у студентов, так и у преподавателя.

Информационные технологии, безусловно, могут способствовать повышению уровня образования и позволяют не прерывать учебный процесс в условиях, когда занятия в аудитории невозможны, а также дают некоторые преимущества по сравнению с традиционным форматом. Но полная компьютеризация учебного процесса также имеет большое количество недостатков. Требуется найти способы противодействия всем вышеуказанным уловкам студентов. Также необходимо выработать более эффективные способы работы со студентами-переводчиками в новых условиях.

Библиографический список

1. Кривоногов С. В., Петров В. А. Применение информационных технологий в обучении как средство повышения качества образования // Карельский научный журнал. – 2015. – №3 (12). – С. 15–19.
2. Пашенко О. И. Информационные технологии в образовании: Учебно-методическое пособие. – Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2013. – 227 с.
3. Learning English // Voice of America. URL: <https://learningenglish.voanews.com> (дата обращения 01.10.2020).

Лбова Екатерина Михайловна,

кандидат исторических наук,

Институт философии и права СО РАН

Email: kate.lbova@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В условиях развития информационной культуры появился запрос на изменение существующих моделей высшего образования. Это связано как с экономическими условиями, так и с необходимостью соответствия специалистов новым требованиям глобального рынка труда. Анализ различных типологий современных университетов показывает, что систем образования, соответствующей данному требованию, пока что не существует.

Ключевые слова: информационное общество, система высшего образования, университет.

Lbova Ekaterina Mikhailovna,

PhD (History)

Institute of Philosophy and Law SB RAS

TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION SYSTEMS IN MODERN INFORMATION SOCIETY

Abstract. In the context of the development of information culture, a request has appeared to change the existing models of higher education. This is due to both economic conditions and the need for specialists to meet the new requirements of the global labor market. Analysis of various typologies of modern universities shows that education systems, which meet this requirement, do not yet exist.

Keywords: information society, higher education system, university

Активное развитие цифровых технологий привело к появлению нового типа общественного устройства, при котором «информационные процессы способны усиливать или замещать умственные возможности человека» [1, с. 75]. Повсеместное распространение культа знаний и рост доступности информации обусловили необходимость глобального реформирования систем высшего образования. Речь идет прежде всего о трансформации классической модели университета и появлении новых типов учебных заведений.

С момента присоединения России к Болонскому процессу, в 2003 г., вышло значительное количество работ российских, а также зарубежных исследователей, посвященных истории развития высшей школы и типологии университетов. Обращение к опыту прошлого и аналитика настоящего помогли сформулировать представление об актуальном состоянии высшего образования и его возможном будущем.

Примером рассмотрения трансформации университетской системы через призму истории развития высшей школы являются исследования С. А. Смирнова. Для того чтобы охарактеризовать изменения, произошедшие в системе российского высшего образования, ученый выделил следующие типы университетов [см.: 2, с. 234–237]: ремесленная цеховая корпорация (XI–XV вв.); классический исследовательский университет (XVII–XVIII вв.); университет-предприятие; университет-супермаркет; проектный университет; сетевой университет. В информационном обществе, по мнению исследователя, больше распространены гибридные формы университетов, характеризующиеся как сетевые предпринимательские университетские корпорации. Появление гибридных форм университетов явилось следствием перехода к информационной экономике и формированию нового типа мышления и действия –

предпринимательства. Прежняя модель классического исследовательского университета, особое назначение которого состояло в создании «универсума культуры, общества, человека и всех областей знаний» заменилась моделью бизнес-корпорации, решающей прикладные задачи [3, с. 94]. Частично эта идея выразилась в концепции «Университета 3.0», одна из ключевых характеристик которой – взаимодействие с промышленными корпорациями и коммерциализация результатов деятельности [см.: 4]. Возникновение данной концепции связывают с развитием мульти-кампусных университетов в США и популярностью англо-саксонской системы высшего образования в мире.

Свою типологию университетов предложил Д. Н. Песков в дискуссии о будущем высшей школы [см.: 5]. Согласно ему, существует четыре типа университетов в современном мире. Учреждения первого типа действуют в рамках аналоговых экономик и нацелены на удержание активной молодежи в определенном возрасте; ко второму типу относятся университеты, созданные для решения прикладных задач развивающихся экономик; третий тип – это знаменитые британские и французские университеты культурной монополии; четвертый тип – «воронки» – лидирующие американские университеты, аккумулирующие талантливую молодежь со всего мира. При этом Д. Н. Песков отмечает, что на сегодняшний день нет ни одной модели университета, адекватной вызовам цифровой экономики [см.: 5, с. 206].

Не значит ли это, что существующие системы высшего образования, вне зависимости от их популярности и престижности, не соответствуют требованиям современного информационного общества? Более того, приоритет количественных показателей над качественными, погоня за выгодой и отход от гуманистических начал привели к появлению идеи «смерти университета» [4, с. 131]. По мнению немецкого ученого Ю. Миттельштрасса, «настоящее университета невыносимо, и оснований для оптимизма не видно <...> университет превратился в унылое учреждение, в котором единообразие вытеснило универсальность» [6, с. 120].

Что касается российской специфики, то реформы в области образования, нацеленные на реализацию концепции «Университета 3.0», позволили добиться пока что только внешнего соответствия желаемому идеалу. Возможно, это связано как с особенностями советской высшей школы, перенявшей принципы классического немецкого университета, ориентированного на трансляцию знаний, так и с экономической ситуацией [см.: 7]. Ведь, по сути, «мы готовим кадры для действующей аналоговой экономики, а не для экономики данных» [5, с. 207].

В современном информационном обществе существует запрос на креативного специалиста, способного выдавать быстрый результат в условиях высокой интеллектуальной конкуренции. Университеты, готовящие таких работников, должны стать генераторами новых отраслей и новых компаний. По мнению Д. Н. Пескова, с этой задачей сможет справиться университет, ориентированный либо на моделирование окружающего мира (setting university), либо «на максимизацию вызова» (singularity university) [5, с. 210]. Учреждение такого типа не предполагает массовости и должно привлекать исключительно талантливую и одаренную молодежь. Эта тактика в корне противоречит глобальной идее доступности и массовости высшего образования, прописанной во Всемирной декларации ЮНЕСКО [см.: 8].

Таким образом, можно отметить существование двух противоположных позиций относительно трансформации систем высшего образования в современном информационном обществе. С одной стороны, поддержка и реализация идей, связанных с повышением студенческой мобильности и доступностью высшего образования, с другой – отрицание существующего позитивного опыта и поиск новых форм университета. Так или иначе, невозможно дать объективную оценку происходящим процессам, поскольку полноценный переход к обществу знания в глобальном пространстве еще не завершен.

Библиографический список

1. Климова А. Б. От информационного общества – к обществу знания // *Дискуссия*. – 2016. – № 7(70). – С. 73–79.
2. Смирнов С. А. Российская высшая школа: на пути к новым институциям // *Вестник НГУЭУ*. – 2008 – № 1. – С. 232–241.
3. Коява Л. В., Новгородов П. А., Смирнов С. А. Предпринимательский университет. Концепт // *Современная конкуренция*. – 2018. – Т. 12. – № 4 (70)–5 (71). – С. 93–105.
4. Петров В. В. Реорганизация университетской системы: фундаментальные основания и прикладные проблемы // *Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности: сб. науч. трудов конф.* – Новосибирск: НГУ, 2018. – С. 130–136.
5. Кузьминов Я. И., Песков Д. Н. Дискуссия «Какое будущее ждет университеты» НИУ ВШЭ, 14 июля 2017 г. // *Вопросы образования*. – 2017 – № 3. – С. 202–231.
6. Миттельштрасс Ю. Будущее науки и настоящее университета // *Логос*. – 2013. № 1. – С. 100–121.
7. Абрамова М. А., Каменев Р. В., Крашенинников В. В. Высокие технологии: влияние на социальные институты и применение в профессиональном образовании: монография. – Новосибирск: Манускрипт, 2018. – 222 с.
8. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901839539> (дата обращения: 20.10.2020).

Лобеева Вера Михайловна

доктор философских наук, доцент

Брянский государственный технический университет

Email: doktor70@bk.ru

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. Обсуждается проблема определения эффективности научно-педагогической деятельности преподавателей вузов. Проблема усматривается в противоречии между объективной потребностью определения эффективности и используемыми для этого методами. Утверждается, что несовершенство системы мониторинга деятельности преподавателей заключается в том, что она основана главным образом на количественных методах. Данные методы позволяют отслеживать объемы деятельности преподавателей, но практически не позволяют объективно оценивать качество деятельности. В этой связи формулируются конкретные предложения, реализация которых могла бы способствовать совершенствованию системы определения эффективности.

Ключевые слова: вузы, научно-педагогическая деятельность преподавателей вузов, эффективность научно-педагогической деятельности преподавателей, эффективный контракт, мониторинг, количественные методы.

Lobeeva Vera Mikhailovna

Doctor of Philosophy, Associate Professor,

Bryansk State Technical University

SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES OF UNIVERSITY TEACHERS: THE PROBLEM OF DETERMINING THEIR EFFECTIVENESS

Abstract. The article discusses the problem of determining the effectiveness of scientific and pedagogical activities of university teachers. The problem appears to be in the contradiction between the objective need to determine the effectiveness and the methods used for this purpose. The author argues that the imperfection of the system for monitoring the activities of teachers is due to mainly quantitative methods. These methods allow you to track the volume of the teachers' activities, but almost do not make it possible to assess objectively the quality of their activities. In this regard, the author formulates specific proposals, the implementation of which could contribute to improving the system of determining the effectiveness of scientific and pedagogical activities of university teachers.

Keywords: universities, scientific and pedagogical activity of University teachers, effectiveness of scientific and pedagogical activities of university teachers, effective contract, monitoring, quantitative methods.

Научно-педагогическая деятельность преподавателей вузов, как любая иная человеческая деятельность, может характеризоваться через понятие «эффективность», которое указывает на ее качество и результаты. Определение эффективности научно-педагогической деятельности — это непростая задача, поскольку речь идет о сложном и многомерном творческом феномене. Однако в последние годы в вузах нашей страны активно реализуется комплекс мероприятий, направленных именно на это. Начало административному решению вопроса было положено государственной программой «Развитие образования на 2013–2020 годы» и Постановлением Правительства РФ № 792-р от 15.05.2013 г.

Профессиональным вузовским сообществом система «эффективного контракта» с самого начала воспринимается и оценивается по-разному. Одни видят в этом долгожданный инструмент оценки результативности научно-педагогической деятельности. Более того, они утверждают, что такая система непременно будет стимулировать дух состязательности и свободной конкуренции среди научно-педагогических работников, а, следовательно, будет способствовать повышению качества их труда [см.: 1-2]. Другие считают его лишь эффективным инструментом управления в условиях ограниченного финансирования системы высшего образования [см.: 3].

В большинстве вузов страны в качестве основного способа определения эффективности был избран мониторинг различных направлений научно-педагогической деятельности, основанный, главным образом, на фиксации количественных показателей и их математической обработке. И вот здесь возникла серьезная проблема, поскольку сразу стало выясняться, что «картина эффективности», получаемая таким способом, зачастую не является ни полной, ни объективной. И это при том, что именно на основе данных мониторинга администрацией вузов решается вопрос о возможности заключения с научно-педагогическим работником эффективного контракта и, следовательно, о дополнительных денежных выплатах.

Очевидно, что создатели инновации при разработке самих алгоритмов мониторинга не учли одно из основных правил социального познания, согласно которому при определении способов исследования и описания социально-антропологических явлений следует быть весьма осторожными с количественными методами и помнить о том, что они далеко не всегда способны отобразить сущностные характеристики данных явлений. А ведь научно-педагогическая деятельность – именно такое явление.

Заметим также, что несовершенство мониторинговой системы проявилось не только при определении эффективности деятельности конкретных научно-педагогических работников, но и обернулось известным деформированием жизнедеятельности вуза в целом.

Так, с введением системы мониторинга в вузах отчетливо обозначилась нездоровая тенденция гонки за количественными показателями. Мониторинг «стимулировал» невиданную прежде активность в проведении бесчисленных псевдомероприятий, в настоящем «производстве» псевдонаучных публикаций, учебно-методических материалов плохого качества. В результате первые позиции в вузовских рейтингах эффективности зачастую стали занимать те, кто быстро и цинично начал использовать предоставленные системой возможности. Они оставили далеко позади тех, кто вовремя не понял или по моральным и профессиональным соображениям не принял данную инновацию.

Кроме того, возникла атмосфера психологического недовольства введенной системой. Причем, недовольны как сторонники определения эффективности методами мониторинга, так и противники. Сторонники недовольны тем, что приходится работать на износ, повышая собственные количественные показатели, и начисто забыть о чувстве удовлетворения от собственного труда. А противники страдают от абсурдности возникшей ситуации, от того, что оказываются втянутыми в несовершенную систему и вынуждены подчиняться ее правилам.

Исходный же вопрос о создании действительно объективной системы оценки эффективности научно-педагогической деятельности преподавателей во многом остается открытым, хотя и очень важным для государства, для различных управленческих структур системы образования и, конечно, для самих научно-педагогических работников. В этой ситуации само научно-педагогическое сообщество, коль скоро оно уже вовлечено в процесс определения собственной эффективности, может и должно формулировать предложения, направленные на его совершенствование. Наши предложения таковы.

1. Необходимо, чтобы информация, предоставляемая в отчетах научно-педагогических работников, обрабатывалась не только автоматическими системами, но также анализировалась и проверялась специалистами. Такой анализ особенно важен именно при определении качества выполненной работы.

2. Чрезвычайно важно более четко разграничить уровни научных публикаций и учитывать, прежде всего, новаторство сформулированных научных идей, а также затраты времени, необходимые для их написания. Примитивный подсчет в штуках недопустим, поскольку он фактически уравнивает сложные научные работы с публикациями, представляющими собой лишь компиляции ранее сформулированных идей, откровенный плагиат, пустые и малограмотные тексты.

3. Следует абсолютно и повсеместно исключить из учета монографии, изданные в сомнительных издательствах, в которых нет даже признаков издательской деятельности: не осуществляется научное и литературное редактирование текстов, отсутствует обязательная рассылка экземпляров издания в институты хранения научной информации и библиотеки.

4. При корректировании систем мониторинга следует учитывать географию публикаций. Наука — не «местечковый» феномен. Если же научно-педагогический работник из года в год публикует свои работы исключительно в родном вузовском издательстве, то это не должно бесконечно множить его рейтинговые баллы в равной степени с теми, кто публикуется в различных издательствах, в других регионах и странах.

5. Из систем учета, вероятно, следует исключить заочные конференции, «проводимые» в интернете. Думается, нет необходимости доказывать то, что и так ясно: в большинстве случаев никаких конференций не проводится, а сами «научные мероприятия» представляют собой хорошо отлаженный конвейер, благодаря которому организаторы действия зарабатывают деньги, а «участники конференций» — баллы для отчетности.

6. Вероятно, что следует ограничить количество предоставляемых отчетных материалов более-менее разумными пределами. Нынешняя ситуация, когда цифры в отчетах за семестр порой достигают сотен наименований, недопустима. Это демонстрирует не результативность деятельности, а некую легитимацию абсурда, когда всем понятно, что в реальности такого количества выполненной работы быть не может, но поскольку механическая система допускает введение любых цифр, то нередко допущениями пользуются.

7. Было бы справедливо определять эффективность деятельности рядовых научно-педагогических работников и администрации вузов отдельно друг от друга, поскольку эти группы работников находятся далеко не в равных условиях: у представителей администрации значительно больше возможностей иметь большие количественные показатели, недостижимые для рядовых преподавателей.

Библиографический список

1. Стернина М. А., Чупандина Е. Е. Рейтинг эффективности преподавателя как фактор повышения качества образования и престижа вуза // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования — 2015. — № 2. — С. 64—66.
2. Никулина И. Е. Эффективный контракт в вузе как драйвер повышения качества труда научно-педагогических работников // Высшее образование в России. — 2018. — № 5. — С. 9—19.
3. Морозов Г. Б. Эффективность «эффективных контрактов» вузовских педагогов при ограниченном финансировании высшего образования // Педагогическое образование в России. — 2017. — № 9. — С. 18—25.

Малькова Марина Владимировна

Старший преподаватель

Санкт Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: malkovaguap@mail.ru

КОНФЛИКТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины и факторы, влияющие на возникновение внутриорганизационных конфликтов в образовательной среде.

Ключевые слова: организационные конфликты, организационная среда, образовательная среда

Malkova Marina Vladimirovna

Assitant Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

CONFLICTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

Abstract. The article discusses the main causes and factors affecting the occurrence of intra-organizational conflicts in the educational environment.

Keywords: organizational conflicts, organizational environment, educational environment.

Любая организация, в том числе и образовательная, – это совокупность людей, с присущими им индивидуальными особенностями характера, темперамента, воспитания. В настоящее время особенно важным становится эффективное управление человеческими ресурсами вуза, что обусловлено проведением организационно-структурных изменений кафедр, трансформацией структуры самих вузов, повышением требований к качеству профессорско-преподавательского состава.

Вуз является достаточно сложной структурной единицей, выполняет образовательные, воспитательные, научные, социальные, хозяйственные функции. В свою очередь факторы внутренней и внешней среды оказывают влияние на внутривузовскую (внутриорганизационную) среду.

Возникновение и развитие внутриорганизационных конфликтов обусловлено действием объективных и субъективных причин. Объективные причины связаны с проблемами и недостатками, возникающими в процессе функционирования и развития организации, и приводят к созданию предконфликтной ситуации. Субъективные причины конфликтов обусловлены индивидуальными психологическими особенностями участников конфликта, которые приводят к выбору конфликтного, а не другого способа разрешения образовавшегося объективного противоречия. Конфликты, вызванные субъективными причинами, по своей природе эмоциональны и часто являются результатом психологической несовместимости людей, их непонимания и нежелания понять друг друга [см.: 1]. Компонентом социальной среды, в которой происходит развитие и профессиональное становление молодежи, является образовательная среда вуза. Важнейшим требованием к образовательной среде вуза сегодня должно быть признано ее конкурентно формирующее воздействие на студентов, поскольку одним из основных критериев качества деятельности вуза является конкурентоспособность его выпускников [см.: 3].

Структура образовательной среды содержит три базовых элемента: а) пространственно-предметный, т. е. пространственно-предметные условия и возможности осуществления обучения, воспитания и социализации; б) социальный, т. е. пространство условий и возможностей, которое создается в межличностном взаимодействии между субъектами учебно-воспитательного процесса; в) психодидактический, т. е. комплекс

образовательных технологий (содержания и методов обучения и воспитания), построенных на тех или иных психологических и дидактических основаниях. Образовательная сфера характеризуется множеством социальных взаимодействий и социальных связей, разнообразных по своей природе и статусу субъектов. Взаимодействия, порождающие столкновение интересов сторон, часто носят конфликтный характер, составляя неотъемлемый атрибут вуза [см.: 3]. Конфликты в образовательной среде вуза неизбежны, поскольку ее субъекты являются носителями различных социальных статусов, характеризующихся различием ролей и функций.

В классической системе образования в отношениях между преподавателями и студентами конфликты встречаются довольно часто. Во-первых, в силу социально-ролевого, информационного и интеллектуального неравенства сторон, в результате которого одна сторона имеет право не только оценивать другую, но и устанавливать правила этой оценки. Во-вторых, в силу естественного антагонизма поколений. В-третьих, из-за объективно недостаточной формализованности образовательного процесса, когда субъективные взгляды и личные отношения сторон оказываются первичными по отношению к содержанию и цели делового общения между ними. В-четвертых, в силу нежелания сторон признать друг друга деловыми партнерами и равноправными субъектами образовательного процесса.

Конфликт – ситуация, актуализирующая противоположные позиции сторон или демонстрирующая противоположные цели и средства разрешения существующей проблемы. В конфликтах образовательной реальности объективируются противоречия менталитетов, ценностных установок и поведенческих стилей. Конфликты субъектов образовательного процесса включают объективные основания (цели, интересы, позиции сторон), но в большей степени они имеют субъективные основания (отношения сторон и интерпретацию сторонами этих отношений). Содержательно и формально конфликты субъектов образовательного процесса – преподавателей и студентов – имеют свои особенности.

Зона конфликта, как правило, неизменна – это информационное, коммуникативное и дисциплинарное пространство образования. И в связи с этим выделяют различные типологии классификации конфликтов. В образовательной среде вуза встречаются все виды конфликтов, возникающие именно в образовательном информационном, коммуникативном и дисциплинарном пространстве–времени [см.: 4]. Приведем примеры возможных причин часто встречающихся конфликтов.

1. Абсолютизация значения своего предмета в учебном процессе. Для преподавателей характерны две крайности:

а) преувеличение загруженности студентов и их когнитивной беспомощности (не найдет книгу, не сможет все запомнить);

б) преувеличение значения своего предмета, вернее, игнорирование факта существования других учебных дисциплин и заданий по ним.

Как правило, данный конфликт протекает вяло. Исключение составляют случаи, когда преподаватель затрагивает интересы другого преподавателя (например, назначает контрольную работу на время зачета по другой дисциплине).

2. Необоснованная требовательность. Несоответствие требований значимости предмета, объему курса, возможностям студента. Поводом для развития конфликта такого рода является изменение требований в процессе обучения, а причиной – неадекватное поведение группы. Дополнительной причиной конфликта может оказаться специфика психологического типа и поведенческого стиля преподавателя. Конфликт протекает остро. Этот конфликт деструктивен, поскольку субъективен по своей природе, и отсутствуют объективные основы для его прогнозирования и профилактики. Он деструктивен, поскольку вызывается личностью, а разрешается снижением авторитета группы, предмета или цикла.

3. Смешивание профессиональных требований и моральных претензий. Причина конфликта – в неразрывной связи преподавательской деятельности с воспи-

танием. Отношения «учитель – ученик», «старший – младший», «знающий – обучаемый» провоцируют на синтез передачи знаний с передачей собственных ценностей и принципов. Основание конфликта – в несовпадении субкультур, в отсутствии со стороны студентов признания права со стороны старшего поколения, преподавателей (или именно этого преподавателя) их воспитывать, в необоснованном придании профессиональным требованиям характера моральных обязательств. Конфликт протекает вяло. Конфликт деструктивен, поскольку бесполезно пытаться трансформировать неформальное в формальное и оценивать и то, и другое по одним и тем же критериям [см.: 4].

4. Нерегламентированные способы разрешения конфликтных ситуаций. Основание конфликта – принципиальная возможность появления нестандартных ситуаций (например, пьяный студент или преподаватель; влюбленный студент; предложение взятки). Причина – психологическая неподготовленность субъектов образовательного процесса к управлению ситуацией и собой в условиях риска. Такие конфликты не часты, и не остры, и поэтому особенно запоминаются. Деструктивная функция данного конфликта – в разрушении дисциплинарного пространства образовательного процесса вплоть до вытеснения из него участников конфликта.

5. Нарушение ритуальных норм общения без согласия другой стороны. Основание конфликта – в нерегламентированности в высшей школе основных ритуальных форм общения между преподавателями и студентами. Причина – в непризнании студентами равноправной стороной образовательного процесса.

6. Несовпадение ожиданий. В основе конфликта лежит несоответствие компетентности и требовательности преподавателя потребностям, уровню и ожиданиям студентов. Эти конфликты также протекают остро, в них помимо основных участников вовлекаются коллеги, руководство.

Таким образом, конфликт в вузе есть специфическая форма социального взаимодействия. Он представляет собой процесс разрешения противоречий, возникающих в учебно-воспитательном процессе, обретающий особую форму социального взаимодействия, для которой характерна повышенная степень несовпадения ценностно-нормативных установок субъектов конфликтного взаимодействия [см.: 1]. Причинами конфликтов в студенческих группах обычно являются личные антипатии, различие точек зрения на содержание групповых ценностей, а также состояние высокого психического напряжения членов группы. Но более всего они связаны с учебным процессом и с личными причинами социального и психологического характера. Способы разрешения конфликтов могут быть различными. Их выбор зависит от особенностей конфликтной ситуации и сторон конфликта. Основой в поиске путей разрешения и предупреждения конфликтов служит проблема их выявления. Ведь без понимания того, что движет развитием и появлением конфликта, трудно, а порой и невозможно оказать на него эффективное регулирующее воздействие. Также очень сложно выявить прямую связь между конфликтом и факторами, которые его вызвали, в связи с большой дистанцией, которая их разделяет.

Библиографический список

1. Иванова А. О. Управление конфликтом: от дисфункции к конструктивности // Наука XXI века: открытия, инновации, технологии. – Смоленск: 2019. – С. 41–43.
2. Анцупов А. Я. Баклановский А. Я. Конфликтология в схемах и комментариях. – СПб. Питер, 2009. – 304 с.
3. Ан Ю. Н. Классификация внутриорганизационных конфликтов в вузе // Вестник СИ-БИТ. – 2017. – №1(9). – С. 85–89.
4. Иванова А. О. Конфликты в студенческой среде // Конфликты в современной России: исследование и регулирование. Материалы Всерос. научн-практ. конф. – М., 2019. – С. 61–63.

Полянкina Софья Юрьевна

старший преподаватель, аспирант

Новосибирский государственный технический университет

Email: polyankina@corp.nstu.ru

ОНТО-ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ, ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ И СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье поднимается вопрос о соответствии онто-эпистемологии образования социальной онтологии постиндустриального общества в трёх его вариациях: информационном, сетевом и обществе знания. Автор сопоставляет эпистемологические теории обучения с типами постиндустриального общества и приходит к выводу о необходимости гармоничной согласованности доминирующей онто-эпистемологии образования с социальной онтологией.

Ключевые слова: информационное общество, общество знаний, сетевое общество, социальная онтология, онто-эпистемология образования.

Polyankina Sophia Yurievna

Assistant Professor, PhD Student

Novosibirsk State Technical University

ONTO-EPISTEMOLOGY OF EDUCATION IN INFORMATION SOCIETY, KNOWLEDGE SOCIETY AND NETWORK SOCIETY

Abstract. The article raises the issue of compatibility of onto-epistemology of education and social ontology of postindustrial society in its three versions, i.e. information society, network society, and knowledge society. The author matches the epistemic theories of education with the types of postindustrial society and draws the conclusion about the necessity of harmonious co-existence of the dominant onto-epistemology of education with the social ontology.

Keywords: information society, knowledge society, network society, social ontology, onto-epistemology of education.

Глобальный вызов пандемии в 2020 г., принудивший большинство обучающихся во многих странах мира к дистанционной форме обучения, и резкое неприятие данного формата подавляющим большинством родителей, учителей и студентов вновь подняли вопросы онто-эпистемологии образования (т. е. вопросы бытийных оснований образования в отношении к познанию). Можно ли говорить о бытии образования как явления в отрыве от общества? Если нельзя, то каким образом та или иная модель постиндустриального общества определяет онто-эпистемологию образования?

Образование, будучи порождением социальной реальности, то есть социальным конструктом, в своём бытийном аспекте изучается социальной онтологией. В отличие от онтологии философской, устанавливающей предельные основания бытия реального мира, она имеет дело с объектами, одновременно сконструированными человеческим обществом и не менее реальными для него, чем окружающая объективная действительность. По этой причине социальная онтология теснее всего связана с социальной эпистемологией. Связаны с эпистемологией и теории обучения, лежащие в основе образовательных парадигм. Среди наиболее влиятельных теорий обучения называют бихевиоризм, объективизм, когнитивизм, конструктивизм и коннективизм. В основе каждой из теорий – определённое отношение к знанию. Так, бихевиористы (Б. Ф. Скиннер) смещают акцент со знания на умения и навыки и сводят обучение к выработке нужных реакций на предлагаемые стимулы. Но все последующие

теории уделяют большое внимание высокому статусу знания в процессе обучения, а расходятся лишь в подходах к его определению и генезису.

Согласно теории объективизма (Л. Пейкофф), знание составляет совокупность проверенных фактов, принципов и теорий, отражающих истину о реально существующем независимо от человеческого сознания мире, а обучение равнозначно передаче этой информации от учителя ученикам. С позиций когнитивизма (Ж. Пиаже; Б. С. Блум и др.), обучение – результат мыслительных операций (от простейших до сложных) по обработке информации, превращению её в знание и применение полученного знания на практике. Обучающийся является активным сознательным участником процесса образования, учитывающего его индивидуальный когнитивный стиль и когнитивные стратегии (обработки информации, запоминания, самоконтроля, удержания внимания и т. д.). Конструктивистский подход к обучению тесно связан с когнитивным (Ж. Пиаже; Дж. Дьюи; Л. С. Выготский и др.), также является личностно-ориентированным и признаёт приоритет усилия обучающегося по созданию нового знания в процессе обучения и социального взаимодействия (социальный конструктивизм). Принципиальным отличием от предыдущих теорий является то, что конструктивисты призывают признать зависимость реальности от сознания наблюдателя и, соответственно, тот факт, что она принципиально конструируема; во-вторых, объявить логическое рациональное мышление не единственным инструментом постижения реальности, а лишь одним из многих; и, самое главное, – допустить относительный характер истины для индивида и сообщества. Коннективистская теория (Дж. Сименс, С. Даунс, Д. Кормье) постулирует, что знание, по сути, процессуально и образуется в ходе сетевого взаимодействия субъектов между собой и с артефактами и контентом. Она является своеобразным ответом на возрастающую сложность, непредсказуемость, нелинейный порядок и даже хаос социальной реальности во взаимодействии с реальностью природной. Образование в таких условиях должно готовить к неупорядоченной и неструктурированной жизни

Так как социальная реальность может быть понята только в своей динамике, онтологизации общества и его институтов исторически и культурно обусловлены и ценностно нагружены. Мы являемся свидетелями формирования постиндустриального общества в многочисленных его вариантах.

Информационное общество – комплексное понятие, обозначающее широкий ряд феноменов, знаменующий собой постиндустриальную фазу развития цивилизации, в которой главными движущими силами являются информация и знания, а не материальное производство. Дигитализация является одним из ведущих конститутивных принципов информационного общества.

Известно, что, начиная с последней четверти XX столетия, рост объёма информации стал экспоненциальным, что получило название «информационного взрыва». При этом человечество все менее эффективно справляется с трансформацией информации в знания, необходимые для адекватного развития. Концепция «общества знания», выработанная в качестве альтернативы информационному обществу, призвана снять это и другие его противоречия. Отдельное общество может иметь различные ориентации по отношению к знаниям: выступать в роли так называемого просьюмера (производящего потребителя знаний) или же только потреблять их. Отличие общества знаний от информационного общества – не в фактической доступности информации и её высокой ценности, а в способности членов первого генерировать новые научные знания и применять их в инновационных высоких технологиях.

М. Кастельс объясняет выбор в пользу «сетевого общества» как версии постиндустриального тем, что информационное общество и общество знаний по сути своей всегда существовали в рамках общества на протяжении истории. Но что изменилось с внедрением и расцветом сетевых технологий на базе микроэлектроники – так это небывалая актуализация и интенсификация сетевого взаимодействия в глобальных

масштабах [см.: 1]. Более того, он приравнивает феномен глобализации к выкристаллизовывающейся сетевой структуре общества.

Мы убедились, что информационное общество, общество знаний и сетевое общество – взаимосвязанные концепции общественного развития в постиндустриальную эпоху. Признаки каждого из них можно найти в настоящее время в развитых странах. Более того, эволюция обществ неравномерна, и отдельные сообщества вправе выбирать ту или иную модель своего дальнейшего развития.

Если попытаться соотнести существующие эпистемологические концепции обучения с типом постиндустриального общества, в котором они функционируют, то получится следующее.

Вероятно, когнитивизм может отвечать требованиям информационного общества, поскольку акцент в данной теории ставится на мыслительные операции, совершаемые с информацией для её превращения в знание. Конструктивизм вполне отвечает вызовам общества знаний, в котором значительную роль играет созидательная и коллективная работа над получением нового знания, приоритет отдаётся исследовательской деятельности и внедрению инноваций. Коннективизм же, бесспорно, отражает принципы построения и функционирования сетевого общества. Интегрируя положения бихевиористского, когнитивного и конструктивистского подходов к обучению, коннективизм переводит их в сетевую парадигму, поскольку три ведущих способа обучения на нейробиологическом, концептуальном и социальном уровне предполагают образование сетей (нейронных, понятийных и социальных соответственно). Согласно коннективистскому подходу, обучение – это истинно сетевой феномен, обусловленный технологиями и социализацией, в ходе которого происходит объединение специализированных узлов-источников информации. Обучение и генерируемое знание зиждутся на разнообразии мнений, подходов и отношений; обучение присуще не только людям, но и машинам.

В заключение необходимо отметить, что именно тип постиндустриального общества, к построению которого стремятся отдельные правительства или инициативные группы населения, в совокупности с теорией обучения, находящейся в гармонии с этим типом общества, обеспечивает непротиворечивую социальную онто-эпистемологию образования. В случае, когда заявленный тип общества и эпистемологическая ориентация в нём вступают в противоречие, наблюдается дисфункциональность образования как социальной системы. Неоднозначное отношение к онлайн-образованию, по нашему убеждению, порождено несопадением фактической социальной онтологии общества и порождающей его как феномен онто-эпистемологии. Представляется, что социальная онтология сетевого общества будет наименее чувствительна к дигитализации образования в виду органично вписанной в неё коннективистской эпистемологической концепции.

Библиографический список

1. The Network Society. From Knowledge to Policy / Ed. by M. Castells, G. Cardoso. – Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. – 434 p.

Приходько Фёдор Степанович

кандидат философских наук, доцент

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

Email: prikhodko.fedor@yandex.ru

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОГО ВАРИАНТА

Аннотация. Анализируются цели и задачи интеграции системы высшего образования Республики Беларусь в европейское пространство высшего образования, проблемы и трудности этого процесса. Как перспективный вариант рассматривается образовательная интеграция в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: интеграция, высшее образование, Болонский процесс, ЕАЭС.

Prikhodko Fiodor Stepanovich

PhD (Philosophy), Associate Professor

Belarusian State Agricultural Academy

HIGHER EDUCATION SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN INTEGRATION PROCESSES: SEARCH FOR THE OPTIMAL OPTION

Abstract. The article analyzes the goals and objectives of integration of the higher education system of the Republic of Belarus into the European higher education space, as well as the problems and difficulties of this process. A promising option is educational integration within the EAEU.

Keywords: integration, higher education, the Bologna process, the EAEU.

Республика Беларусь, как и другие страны постсоветского пространства, включилась в разнообразные процессы образовательной интеграции, осознавая, что определенная институциональная унификация в современных условиях повысит конкурентоспособность на рынке образовательных услуг, создаст условия для превращения в значимых участников региональных и даже глобальных процессов. В XXI в. республика рассматривает присоединение к европейскому пространству высшего образования (т. е. Болонскому процессу) как важное направление реформирования национальной системы высшего образования. Стратегическая задача состоит в повышении конкурентоспособности системы образования и повышении качества образования с целью последующего наращивания экспорта образовательных услуг, а также обеспечения страны высококвалифицированными кадрами. Формально Беларусь присоединилась к Болонскому процессу в 2015 г. Это позже, чем другие страны восточного партнерства.

Беларусь в Болонском процессе делает только первые шаги, при этом некоторые белорусские авторы европейскую интеграцию рассматривают как панацею, как важнейшее условие достижения существующей системой высшего образования «европейского уровня» [1]. Признаем, однако, такой единый уровень – это абстрактное понятие, в реальности его нет: Европа, Америка и другие регионы располагают престижными университетами, имеющими всемирную известность, выпускники которых имеют все шансы успешно начать карьеру, например Гарвардского университета, Калифорнийского университета в Беркли, Оксфордского университета, Национального университета Сингапура, Токийского университета и др. Одновременно в этих же странах и регионах функционирует немало университетов, не являющихся известными и разительно отличающихся от престижных [см.: 2, с. 106]. Это означает, даже успешно и полностью включившись в Болонский процесс, нет гарантии, что система высшего образования Беларуси выйдет на высший уровень. Убедительно звучит

точка зрения, что более перспективной является образовательная интеграция в рамках ЕАЭС, поскольку она базируется на основе многих существующих договоров о международном сотрудничестве в рамках ЕАЭС и учитывает специфику стран. Интеграция между ними осуществляется целенаправленно, на долгосрочной основе согласно существующим договоренностям. Особое внимание следует уделить разработке общих образовательных стандартов стран ЕАЭС и устранению их существенных различий. Это относится как к принципам учреждения и организации работы учебных заведений, так и к содержанию образования. Успешное развитие интеграции требует единых государственных образовательных стандартов и программ, соответствующего нормативного правового обеспечения для гармонизации законодательства как между странами ЕАЭС, так и с международными стандартами. Такая стратегия даст возможность более эффективно использовать экономический и интеллектуальный потенциал государств ЕАЭС и повысить их конкурентоспособность.

От включения в процесс европейской образовательной интеграции страна ждет признания белорусских дипломов и роста престижа учебных заведений. Ожидалось, что не только белорусские студенты поедут учиться в страны Евросоюза, но и из Европы будет приезжать больше студентов и преподавателей. Однако пока далеко до того, чтобы эти ожидания оправдались. Европейская образовательная интеграция – часть интеграционной стратегии Евросоюза. Развитие академической мобильности тормозится недостаточным финансовым подкреплением на национальном уровне и тем, что полученные за рубежом знания и умения молодые специалисты не всегда могут применить в Беларуси по многим причинам.

Неспешный темп адаптации белорусского высшего образования к Болонским соглашениям нередко критикуется независимыми экспертами. Так, некоторые принципы, по их мнению, нарушаются: обязательное распределение, неравномерные финансовые льготы для выпускников бюджетной и платной форм обучения, сохранение пятилетнего обучения по ряду специальностей и др. Однако интеграция не может произойти в короткие сроки. Беларусь, как и многие страны – члены Болонского процесса, придерживается курса на сохранение и усиление национальной компоненты в системе образования. В связи с этим Беларусь развивает свою систему высшего образования в соответствии с болонскими принципами и с учетом национальных интересов. Болонские соглашения допускают, что не все принципы могут применяться в той или иной национальной системе высшего образования. В самой Западной Европе некоторые университеты отказались от ряда принципов Болонского процесса или используют их частично, с учетом своих интересов и в своей интерпретации.

Белорусские эксперты придерживаются позиции, что присоединение к Болонскому процессу не должно сопровождаться отказом от качества, содержания и формы национального образования; иначе говоря, мы не должны копировать Болонью, нам необходимо сохранить свои приоритеты: традиции, которыми мы гордимся, и от которых не следует отказываться.

В целом экспертная оценка вступления Беларуси в Болонский процесс скорее положительная, хотя эксперты видят пока больше нерешенных проблем и препятствий, чем реальных позитивных изменений. Эти проблемы понимаются почти всеми одинаково. Нет четкого видения, что именно и ради чего модернизируется. Не понятен окончательный, прогнозируемый итог. В ходе дискуссий неоднократно высказывались сомнения в необходимости и целесообразности внедрения ряда принципов. Так, не все эксперты согласны с введением выборности ректоров учебных заведений, ссылаясь на неудачный опыт в начале 2000-х гг., и рекомендуют ограничиться выборностью деканов. Эксперты не согласны с идеей сократить обучение на первой ступени до четырех лет по ряду естественных и технических специальностей, ввиду невозможности за четыре года обучения предоставить и усвоить весь объем знаний, умений и навыков, которые необходимы будущему специалисту в современном обществе. Не всеми экспертами поддерживается предоставление студентам полной

свободы выбора дисциплин, относящихся к дисциплинам по выбору, которые в действительности ныне чаще определяются деканатами факультетов. Опыт УВО, в которых такая идея была реализована, показал, что студенты предпочитают либо самые легкие, с их точки зрения, дисциплины, либо при выборе решающую роль играют симпатии или антипатии к конкретным преподавателям. В большинстве УВО Беларуси академические обмены со странами Европейского союза и даже на уровне межвузовского обмена внутри страны несущественны во многом из-за отсутствия чётких финансовых и организационных механизмов таких обменов. В отдельных региональных УВО трудно найти достаточное количество студентов, которые желали бы отправиться учиться по обмену в европейские университеты на один-два семестра, поскольку по возвращению, независимо от введения кредитно-рейтинговой системы, студенты вынуждены будут сдавать зачёты и экзамены по всем неосвоенным дисциплинам [см.: 2].

Нерешенной проблемой, возникшей в связи с вступлением Беларуси в Болонский процесс, является неопределенность места магистратуры в новой структуре высшего образования. Магистратура пока не наполнена конкретным содержанием, ее место и роль в подготовке будущих специалистов четко не определены. Пока нормативно-правовыми актами не определено, на какие должности может претендовать молодой специалист с дипломом магистра, а на какие бакалавр, и в каких вузах следует открывать магистратуру, а где этого не надо делать. По содержанию дисциплины, преподаваемые в магистратуре, часто дублируют курсы, которые уже изучались студентами на первой ступени образования, чем недовольны магистранты. Неопределенность места магистратуры проявляется прежде всего в том, что пока востребованность магистра на белорусском рынке труда ничем не отличается от таковой бакалавра.

Таким образом, осуществляя реформирование системы высшего образования, Республика Беларусь пытается, с одной стороны, перенять передовой иностранный (и не только западный, но и стран ЕАЭС) опыт, а с другой – следовать своим собственным традициям и национальным интересам.

Библиографический список

1. Куиш А. Л. Направления интеграции высшего образования: выбор Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2018. – №3 – С. 104–109.
2. Титаренко Л. Г. Заславская М. И. Европейская интеграция систем высшего образования Республики Беларусь и Республики Армения. // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2019. – №1. – С. 102–112.

Рахматуллина Зугура Ягануровна

доктор философских наук, профессор

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

Email: rahmatullina@duma.gov.ru

ДУХОВНАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Современное образование должно готовить не только специалистов-профессионалов, но и воспитанного, духовного человека, сочетающего в себе единство добра, истины и красоты.

Ключевые слова: образование, духовность, личность.

Rakhmatullina Zugura Yaganurovna

Doctor of Philosophy, Professor

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

SPINUTAL PERSONALITY AS A PRIORITY OF MODERN NATIONAL EDUCATION

Abstract. Modern higher schools have to train not only qualified professionals but also educated, well-bred, spiritual people possessing such characteristics as kindness, truth and beauty.

Keywords: education, spirituality, personality.

Российское общество живет сегодня в условиях новой духовно-мировоззренческой парадигмы: пришло осознание того, что в основе единой, сильной, успешной страны, способной защищать свои национальные интересы, развивать инновационную конкурентоспособную экономику, воспитывать творчески мыслящую, активную молодежь, обеспечивать высокое качество жизни своих граждан, мир и согласие на многонациональной земле и др., лежит культура в ее широком философском понимании: культура мысли, духа, души, отношения к себе, другим, нуждающимся, природе, к своей истории и Родине, культура творчества, поведения, управления, хозяйствования. «Именные годы», имеющие прежде всего духовное измерение (2014 – Год культуры, 2015 – Год литературы, 2016 – Год отечественного кино, 2017 – Год экологии, 2018 – Год добровольца и волонтера, 2019 – Год театра, 2020 – Год памяти и славы), во многом изменили приоритеты государственно-политического мышления, личного и общественно-национального сознания, рефлексию социальных институтов, в том числе и системы отечественного образования, ответственной за качественный «мобилизационный ресурс» страны: детей и молодежь, от ценностных ориентиров, мотивации поведения, мирочувствования, миропонимания и мироотношения которых зависят их физическое и духовное здоровье, самореализация и осмысленная жизнь – как личная, так и социальная.

Очевидно, что главными задачами национального образования (воспитания и обучения) в условиях современных вызовов (внешних и внутренних – геополитических, технологических, экономических, информационных, социокультурных и др.) являются не только формирование высокообразованных молодых людей с широкими компетенциями, будущих специалистов-профессионалов, конкурентоспособных в нынешней рыночной среде, но и целенаправленное и системное воспитание «рыцарей Духа» (С. И. Гессен), «духовной личности» [1, с. 27–34] на всех его ступенях, включая и семью. В обществе сегодня ощущается потребность в ответственности и справедливости, этизме, добре и добродетелях, подлинной красоте и творчестве по ее законам, научной истине и исторической правде, очищенной от варварства куль-

туре, во взаимопонимании и мирном со-бытии в поликультурном пространстве многонациональной России.

Как известно, для отечественной педагогики формирование человеческого в человеке, широкого мировоззренческого кругозора индивида, его этического и эстетического начала, культивирование в личностном и национальном духе таких жизненно важных смыслов, как «Родина», «родная земля», «справедливость», «совесть», «патриотизм», «гражданственность», «дружба» были одними из принципиальных методологических позиций, которые приобретают особую актуальность сегодня. Современное образование, преимущественно практико-, а не «духоориентированное», безусловно, шагает в ногу с динамичным временем, основано на новейших педагогических технологиях и креативных приемах, призванных, как правило, умножать багаж получаемой информации (в школе) профессиональных и специальных знаний (в сфере профессионального образования). Оно нацелено на конструирование прежде всего образованных интеллектуалов, забывая о том, что интеллект без духа и души, ум без связи с добром и красотой, знания, не преломленные через человеческие добродетели, уважительное и ответственное отношение к природе, другому, к «Ты» и «Они» – другой культуры, иной веры и языка, миропонимание и мироотношение, не одухотворенные патриотизмом и гражданственностью, в современной жизни могут стать разрушительным, а не созидательным началом. Более того, в нынешней сложной геополитической ситуации и условиях активной информационной войны со стороны фаустовской культуры следует помнить о том, что без должного внимания к теме духовности и формированию человеческого в человеке в учебно-образовательном процессе (и в детском садике, и в школе, и в профессиональных учебных заведениях) можно воспитать поколение просвещенных и вооруженных знаниями, умениями, навыками интеллектуальных грабителей-прагматиков и расчетливых перфекционистов, которые будут использовать свое конкурентное преимущество исключительно для собственного обогащения и в корыстных (возможно, и антигуманных) целях, подтверждая опасения отечественного ученого Д. И. Менделеева, что «знания без воспитания – меч в руках сумасшедшего».

Очевидно, что необходимость углубления гуманитарного измерения организации современного учебно-образовательного процесса становится актуальной социальной необходимостью. Гуманитарный подход дает системный взгляд на человека, его место в обществе и природном мире, на его дух и душу, позволяя комплексно и с человековедческих позиций оценивать различные стороны общественной жизни. К сожалению, именно недооценка в свое время возможностей целенаправленного формирования духовной личности в рамках учебного процесса на всех уровнях системы отечественного образования, гипертрофия технократического подхода, ориентация на модные западные образовательные практики, не учитывающие особенности отечественной социокультуры, её педагогические традиции, и соответствующая политика явились, на наш взгляд, одной из серьезных причин постепенного разложения отечественной духовности и нравственности и отчуждения от культуры особенно подрастающего поколения. Умение отличать истину от лжи, защитить правду, в том числе и историческую, от попыток перефразировать ее в угоду чьим-то политическим интересам и целям, творить добро и бороться со злом, не путать подлинную красоту с фальшивым блеском ложных и чужих ценностей, стремление к творчеству своего жизненного мира и своего окружения по законам добра и красоты – это не прирожденный дар, а способности, приобретаемые индивидом не только в процессе его противоречивого жизненного опыта (зачастую методом проб и ошибок) на пути к самопознанию и самосовершенствованию, но и в результате его целенаправленного воспитания и просвещения родителями и педагогами – в семье, в классе, в студенческой аудитории.

Духоформирующие, миростроительные и культуротворческие предметы социально-гуманитарного цикла «Этика», «Эстетика», «Культурология», «Конфликтоло-

гия», «Религиоведение» и др. (изначально призванные приобщать «молодежные души» к добру и красоте, развенчивать безответственность, бесстыдство, моральное зло и безобразное, ограничивать «царство Сатаны»), учить порядочности, человечности, культуре общения и поведения, умению слушать и слышать другого, уважительному отношению к другому, к другой культуре, иной вере) сегодня в образовательных стандартах, в частности, высших учебных заведений стали всего лишь предметами по выбору как механизм развития в студенте «УК-5» - универсальной компетенции, позволяющей, как подчеркивается в соответствующих инструкциях, воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах.

Безусловно, существовавшая в системе высшего образования прошлых лет практика внедрения в учебный процесс (практически на всех направлениях подготовки специалистов) данных дисциплин в определенной степени восполняла недостаточность духоформирующих предметов в школьном обучении и препятствовала размыванию традиций классического гуманитарного образования. Думается, что выбор в пользу предметов социально-гуманитарной направленности является сегодня одним из возможных действенных механизмов формирования гуманистически ориентированной, духовно развитой, эстетически и художественно просвещенной личности.

Включение данных дисциплин в учебные планы специальностей является прежде всего показателем уровня гуманитаризации учебно-образовательного процесса, влияющего на формирование культуры мышления и поведения студентов, определяющего во многом их мировоззренческий, этический и эстетический кругозор, гражданскую и социальную позиции, отношение к истории своего Отечества, гуманизацию межличностных отношений. Эти учебные предметы – уроки патриотизма, ответственности, добра, истины и красоты, уроки жизненной мудрости, формирующие иммунитет ко многим современным социальным порокам и болезням, противостоящие тому, что убивает человеческое в человеке и обществе.

Сегодня «судьба» данных предметов и того, принесут ли с собой будущие специалисты вместе со знаниями и компетенциями в свои трудовые коллективы, свои семьи, в собственный жизненный и окружающий мир ценности добра, истины и красоты, справедливость и ответственность за себя и за свои поступки, во многом зависит от руководителей образовательных организаций, задумывающихся о судьбе своих выпускников. Как известно, молодым специалистам современный открытый мир без границ и рынок труда предъявляют самые высокие требования: они должны быть безукоризненными во всех отношениях - не только в профессиональном, но и в духовном, человеческом плане, знать правила хорошего тона, владеть конфликтологической культурой, культурой общения и поведения.

Библиографический список

1. Кульева А. А., Рахматуллина З. Я. Духовная личность: портрет современника. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – 114 с.

Стерликова Арина Анатольевна

Кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: arinast@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования социальных сетей в сфере образования на примере преподавания истории.

Ключевые слова: социальные сети, процесс образования, история, Facebook, YouTube, Instagram, блог, блогер, ученый, преподаватель, лидер общественного мнения.

Sterlikova Arina Anatolievna

PhD (History), Associate professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

USE OF HIGH TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS: SOCIAL NETWORK AND THE PROBLEMS OF HISTORY TEACHING

Abstract: The article deals with the analysis of using social network in the educational process, taking history teaching for illustration.

Keywords: social network, educational process, history, Facebook, YouTube, Instagram, blog, blogger, scientist, leader of public opinion.

Современная ситуация и современная система образования требует новых подходов в обучении, прежде всего массовое внедрение информационных технологий на всех ступенях образования. При этом основной целью становится превращение современных информационных ресурсов и информационно-коммуникационных технологий в ресурс образовательного процесса, обеспечивающий формирование качественно новых результатов образования.

Необходимо отметить, что система образования в России оказалась стремительно вовлечена в новые реальности дистанционного обучения, хотя во многих странах Западной Европы и Северной Америки эти формы использовали уже десятилетие назад, а в нашей стране наметилось очевидное отставание в этой сфере.

Практика внедрения дистанционных форм обучения показала необходимость использования возможностей социальных сетей в процессе образования. Социальные сети достаточно давно являются новой реальностью для современного общества, однако очень долго к ним относились как к источнику развлечения, а не получения знаний, и в настоящий момент стало очевидной необходимостью их использования в обучении студентов и школьников. Для учителей и преподавателей социальные сети – это не только способ связи, это инструмент более широкой коммуникации с обучающимися, возможность использования широкого технического и информационного потенциала социальных сетей.

В педагогической и научной среде уже делались попытки осмысления использования социальных сетей в образовательном процессе. Например, работы Бондаренко С. В. [см.: 1], Клименко О. А. [см.: 2] и др. [см.: 3]. Но, очевидно, новая реальность требует новых подходов к проблеме. Основная идея данных работ заключается в том, что социальные сети – удобная платформа для новых образовательных технологий. Например, социальная сеть Facebook во всем мире является источником популярных инструментов обучения и развития. Facebook (пользуется практически 1

млрд. людей) позволяет преподавателям университетов создавать курсы для студентов, организации могут создать закрытую корпоративную сеть сотрудников на платформе Facebook [см.: 2]. Примерно по тому же принципу работает MySpace, которая практически не известна в России, хотя имеет большие возможности для системы образования.

В данном докладе хотелось бы обратиться к конкретной практике использования социальных сетей в преподавании истории. История является обязательным федеральным компонентом всех программ высшего профессионального образования. О проблемах преподавания истории говорят на самом высоком уровне, очевидно, понимая важность данной дисциплины для формирования мировоззрения общества, сохранения исторической памяти.

Использование социальных сетей в процессе познания истории становится актуальной методологической проблемой, так как современная молодежь предпочитает черпать информацию от блогеров из YouTube, а не из научных работ и монографий. С этим процессом бессмысленно бороться, его можно только использовать в целях повышения эффективности образования. Нельзя просто критиковать популярных блогеров, так как в современном мире они часто становятся лидерами общественного мнения. К тому же современные школьники и студенты предпочитают именно видеоконтент традиционным формам изучения материала. Таким образом, использование социальных сетей позволяет удерживать внимание обучающихся на необходимом предмете или вопросе.

Однако научная, вузовская общественность с трудом продвигается в данном направлении, преподаватели и ученые продолжают использовать традиционные формы распространения информации (статьи, доклады на конференциях, монографии). В результате это приводит к тому, что стремительными темпами происходит популяризация мифов и фейковой истории. В связи с этим уместно привести мнение академика А. О. Чубарьяна, научного руководителя Института всеобщей истории РАН, который призывает историков идти в социальные сети с документами, архивами, фактами и делиться ими с широкой аудиторией [см.: 4]. Только таким образом возможно противостоять распространению исторических мифов в электронной среде, а значит, и в сознании общества.

Перейдем к конкретным примерам и рекомендациям. Одной из самых популярных сетей на просторах Рунета является YouTube, потому студенты часто предпочитают смотреть блогеров, которые затрагивают и исторические темы. Например, широко известен фильм популярного журналиста и блогера Ю. Дудя «Колыма – родина нашего страха», который набрал более 22 млн просмотров. Фильм вызвал широкий резонанс, и на YouTube можно также найти несколько роликов, которые призваны разоблачать факты, приведенные в фильме, как не соответствующие действительности. Однако количество их просмотров сильно уступает показателям фильмов Ю. Дудя.

В данном материале мы не рассматриваем, кто прав в большей степени из участников приведенной дискуссии. Вопрос состоит в том, что становится очевидным, что профессиональному ученому трудно соревноваться в популярности с блогером за влияние на общественное сознание. Но он может и, вероятно, должен сам стать таким блогером, иначе общественным сознанием окончательно завладеют исторические мифы. Некоторые историки, часто именно преподаватели школ и вузов, уже идут по этому пути и используют YouTube или другие социальные сети. В качестве примера можно привести проект «Цифровая история», который выкладывает видео специалистов по разным проблемам истории, многие ролики набирают до 0.5 млн просмотров. Несмотря на критику авторов проекта в научной среде, многие известные историки соглашаются на сотрудничество, понимая, что это удобная площадка для позиционирования своих взглядов и распространения исторических знаний.

Следует отметить и сложности использования YouTube для рядового преподавателя или ученого: записать видео, соответствующее требованиям рядового зрителя, – это сложный не только с технической точки зрения процесс. Необходимо соблюдать все правила видеосъемки: хорошо держаться перед камерой, грамотно излагать мысли, владеть психологическими навыками и приемами, долей актерских способностей. Поэтому появление качественных ютуб-каналов по истории – сейчас большая редкость.

Гораздо более доступный формат социальной сети – это Instagram.com. Инстаграм, который задумывался в 2010 году как приложение для обмена фотографиями и видеофайлами, но стал самостоятельной популярной социальной сетью, через которую даже введется бизнес.

Отметим основные преимущества Инстаграм для образовательной сферы. С одной стороны, визуальное пространство, популярное среди молодежи, которое можно использовать для обучения, если правильно подобрать визуальный контент (фотографии, схемы, карты и пр.). С другой стороны, это очень популярная социальная сеть, в ней можно быстро набрать подписчиков, тех же учащихся, и раскрутить свой блог. В Инстаграм уже существуют крупные популярные блоги на темы культуры и истории, аудитория их может колебаться от тысячи человек (блоги преподавателей или репетитора ЕГЭ) до десятков и сотен тысяч, если владеть инструментами продвижения в Инстаграм.

Два главных условия могут сделать блог в Инстаграм достаточно популярным: интересный визуальный ряд (фотографии, картины) и сжатая, краткая подача материала. Грамотно построенный блог в Инстаграм может не только способствовать усвоению материала учениками или студентами, но и сделать ученого или преподавателя блогером с большой аудиторией, позволить ему оказывать влияние на эту аудиторию, т. е. превратить в лидера общественного мнения. А это как раз является одной из задач современного образовательного процесса.

Библиографический список

1. Бондаренко С. В. Практическое использование социальных сетей в учебном процессе // Педсовет. URL: <https://pedsovet.su/publ/164-1-0-6058> (дата обращения: 19.10.2020).
2. Клименко О. А. Социальные сети как средство обучения и взаимодействия участников образовательного процесса // Теория и практика образования в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). — Т. 2. — Санкт-Петербург: Реноме, 2012. — С. 405-407. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/21/1799/> (дата обращения: 19.10.2020).
3. Можяева Г. В., Фещенко А. В. Использование виртуальных социальных сетей в обучении студентов-гуманитариев. URL: http://ido.tsu.ru/files/pub2010/Mojaeva_Feschenko_Isolzovanie_virtualnyh_social_nyh_setei.pdf (дата обращения: 19.10.2020).
4. Новоселова Е. 1 сентября 1939 г. Почему у западных политиков плохая память на даты? // Российская газета – столичный выпуск. №193. 20.12.2019. URL: <https://rg.ru/2019/08/29/chubarian-istoriki-dolzny-idti-v-socseti-s-dokumentami-arhivami-faktami.html> (дата обращения: 19.10.2020).

Суханова Наталья Петровна

Кандидат философских наук, доцент

Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

Email: konfngi@yandex.ru

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. Ускоряющийся темп жизни как следствие глобализации демонстрирует недостаточность традиционного формального обучения, нацеленного на передачу и накопление знаний. Критическое мышление как принципиально значимая цель современного образования в рамках учебного процесса в вузе формируется посредством реализации курса «Логика и критическое мышление». Делается вывод о том, что развитие критического мышления можно рассматривать как когнитивный навык при условии надлежащего сочетания теоретических установок и целенаправленной практики.

Ключевые слова: глобализация, критическое мышление, логика, определение понятий.

Sukhanova Natalya Petrovna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Novosibirsk State University of Economics and Management

CRITICAL THINKING: THEORY AND PRACTICE

Abstract. The accelerating pace of life as a result of globalization demonstrates the inadequacy of traditional formal education aimed at transferring and accumulating knowledge. Critical thinking, as a significant goal of modern education, within the educational process at the university is formed in the course "Logic and Critical Thinking". The development of critical thinking can be considered as a cognitive skill, provided that the proper combination of theoretical attitudes and purposeful practice is reached.

Keywords: globalization, critical thinking, logic, definition of concepts.

Мы можем по-разному относиться к процессам глобализации, но так или иначе глобализация влияет на каждого из нас, поскольку нам приходится систематически сталкиваться с такими проблемами, как финансовые кризисы, экологические бедствия, эпидемии. Эти проблемы невозможно игнорировать, они затрагивают человека независимо от его географического местоположения. Следствием процессов глобализации становится ускоряющийся темп жизни, в результате чего традиционное формальное обучение становится неактуальным, так как его ценность состоит в накоплении и передаче знаний [см.: 1, с. 32]. Современная образовательная модель, отвечающая вызовам времени, есть исследовательское образование. Если представить метафорически мир знаний как библиотеку, то становится очевидным то, что нельзя знать всю библиотеку, но можно знать, как она устроена, происходит смещение акцентов: снижается востребованность в максимально возможном усвоении информации, требуется повышение качества рассуждающей способности. Исследовательское образование ориентирует человека на то, что образование не может быть завершено, это постоянный процесс длиною в человеческую жизнь и поэтому на сегодняшний день принципиально важно научиться учиться. В настоящее время создается «модель мышления для формирования будущего» [6, с. 21].

Для того чтобы быть успешным в глобальном мире, где все больше увеличивается спрос на работу в удаленном формате и конкуренция возрастает в разы, не обойтись без креативных идей и навыков эффективного мышления, способствующих принятию правильных решений. «Опорный принцип современной образовательной стратегии: необходимо обучать разумно мыслить, формировать навыки мыслительной

деятельности, позволяющие успешно ориентироваться при решении разнородных задач» [5, с. 60]. Эффективно мыслить – это значит обладать навыками критического мышления, уметь мыслить рационально и четко, логически правильно и систематично.

В основании критического мышления находится логика как наука о правильном мышлении. Мыслить критически, следовательно, видеть логические связи, выстраивать и определять аргументы, анализировать факты и гипотезы, обнаруживать логические ошибки, обосновывать свои и чужие убеждения, анализировать собственные навыки мышления [см.: 3, с. 14]. Развитие критического мышления является важнейшей целью образования [см.: 4]. Проблема заключается в том, как найти баланс между теоретическими положениями логических знаний и практическими навыками критического мышления, как привить студенту привычку мыслить критически?

В Новосибирском государственном университете экономики и управления студентам читается курс «Логика и критическое мышление». Тема «Определение понятий» представляется одной из ключевых тем курса и тщательно разбирается на практическом занятии. Студентам предоставляется возможность самостоятельно обосновать определение понятия как важнейший способ для передачи информации в максимально концентрированном виде. Учащиеся приводят примеры определений с целью демонстрации его значимости в науке и познании мира в целом. Особое внимание уделяется правилам определения понятий. Разбирая правило соразмерности, требующее, чтобы объем определяемого понятия был равен объему определяющего, студентам предлагаются примеры верных и ошибочных определений и инициируется дискуссия на предмет логических ошибок, таких как узкое и широкое определение. Задача учащихся показать, почему в языковой практике мы должны избегать подобных логических ошибок. Следующее правило определения понятий гласит: в определении не должно быть круга. Это отнюдь не сложное требование, предполагающее, что, давая определение понятию, мы не должны прибегать к исходному понятию. Студентам требуется не только продемонстрировать умение видеть логическую ошибку, например, в определении «смешного как того, что может вызвать смех», но и объяснить, почему это правило достаточно часто нарушается и не только в обыденной речевой практике, но и в научном дискурсе. Третье правило определения понятий указывает на то, что оно должно быть ясным. Разбор этого правила осуществляется с привлечением всевозможных определений из профессиональной лексики, собственной группе обучающихся. Критическому осмыслению подвергается проблема двусмысленности, метафоричности, сравнений. Наконец, анализируется четвертое правило, суть которого заключается в том, что определению не следует быть отрицательным, поскольку такое определение не будет раскрывать определяемое понятие, указывая, чем не является предмет, но не говоря о том, чем он является. Студенты исследуют на предмет обнаружения данной ошибки предлагаемые им языковые конструкции, а также создают собственные определения, намеренно фиксируя соблюдение и нарушение данного правила. В качестве блиц-опроса в финале обсуждения могут быть предложены такие примеры с ошибками в определениях, которые следует установить: «Экономист – это человек, занимающийся экономикой»; «Фонтан – водопровод в экстазе»; «Язык есть знаковая система»; «Шотландия – это страна, где бережливые мужья донашивают юбки своих жен»; «Материалист является человеком материалистических убеждений»; «Газета – это не журнал»; «Дети – цветы жизни».

Сочетание теории и целенаправленной практики позволяет говорить о развитии критического мышления как когнитивного навыка. В дискуссиях и спорах совершенствуется мастерство критического мышления и логический словарь, лежащий в его основе, способствует принятию правильных установок и формированию более эффективного взаимодействия, необходимого для понимания окружающих. Критическое мышление требуется человеку всегда, когда предстоит «делиться идеями, принимать решения, анализировать ситуации» [2, с. 14]. Личностная трансформация

также невозможна без критически осознанного отношения к самому себе. Являясь фундаментальной опорой жизни и деятельности человека, критическое мышление требует систематического развития в образовательной среде и методологического осмысления в научных исследованиях.

Библиографический список

1. Гарднер Г. Мышление будущего: Пять стратегий, ведущих к успеху в жизни. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 224 с.
2. Лау Джо У. Ф. Введение в критическое мышление и теорию креативности. – М.: Эксмо, 2017. – 368 с.
3. Каку М. Будущее разума. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 457 с.
4. Ключкина Л. А. Роль дисциплины «Логика» в формировании критического мышления в современной отечественной высшей школе // Седьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы докл.: в 2 ч. Ч. 2. – СПб.: ГУАП, 2019. – С. 161–163.
5. Суханова Н. П. Современная образовательная стратегия: обучение навыкам эффективного мышления // Вестник Омского университета. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 59–63. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(1).59-63.
6. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.

Шершнёва Татьяна Викторовна

Кандидат психологических наук, доцент

Белорусский национальный технический университет

Email: shershniova_t@mail.ru

Мисюченко Ирина Сергеевна

Студент

Белорусский национальный технический университет

ПРОБЛЕМА ЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ ОТ ОЦЕНКИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. Рассматривается феномен зависимости личности от внешней оценки. Анализируются особенности коммуникации в социальных сетях, позитивное и негативное значение внешних оценок личности и ее поведения.

Ключевые слова: внешняя оценка, зависимость, социальные сети.

Shershniova Tatiana Viktorovna

PhD (Psychology), Associate Professor

Belarusian National Technical University

Misyuchenko Irina Sergeevna

Student

Belarusian National Technical University

THE PROBLEM OF PERSONALITY DEPENDENCE ON ASSESSMENT IN SOCIAL NETWORKS

Abstract. The phenomenon of personality dependence on external assessment is considered. The features of communication in social networks, the positive and negative significance of external assessments of a personality and their behavior are analyzed.

Keywords: external assessment, addiction, social networks.

Каждый человек в своей жизни сталкивается с мнением окружающих, которые оценивают наш внешний вид и поведение, наш выбор и точку зрения, содержание и форму наших высказываний. Не каждая внешняя оценка приятна и полезна для нас. Однако игнорировать оценку социальной группы нельзя, равно как и полностью подчиняться ей. Воспитанный человек с адекватной самооценкой внимательно относится к оценкам значимых людей, пытается найти свое место в социуме.

В интернете, в частности, в социальных сетях, люди публикуют подробности своей жизни: фотографии, видео, истории и плоды своего творчества, и любой пользователь сети может оценить это, оставив свой комментарий или просто поставив лайк. Однако не все комментарии могут быть положительными, не под каждой публикацией может накопиться большое количество лайков. В социальных сетях пользователи сравнивают себя и свою жизнь с другими, более успешными людьми, у которых, судя по выкладываемому контенту, жизнь идеальна. В такие моменты человек начинает искать в себе проблемы, изъяны. «Это часто приводит к тревожности, депрессии, неуверенности в себе. Особенно чувствительными к чужой демонстрируемой в сети “красивой жизни” оказываются подростки, но и у взрослых могут возникать сомнения в собственной привлекательности, если их фотографии получают меньше лайков, чем фотографии друзей, или в качестве своих постов, если речь идет, например, о популярных блогерах» [см.: 1]. Однако яркая фотография может скрывать за собой такие подробности, о которых автору фото хотелось бы никому не рассказывать, ведь тогда не будет того самого желаемого впечатления «успешного человека». Пока один старается произвести на всех в интернете хорошее впечатление, скрыть за красивыми фото свою настоящую жизнь, получить как можно больше одобрения,

позитивных комментариев, другой человек смотрит на такие фотографии и завидует. 60% пользователей социальных сетей, согласно проведенному нами среди студентов опросу, наблюдали агрессивное онлайн-поведение по отношению к другим, а 30% – сталкивались с агрессией по отношению к себе.

Внешняя оценка в социальных сетях играет и положительную роль. Лайк – это простая, понятная и удобная форма невербального общения, часть социальной архитектуры сетей. Это закладка, которая хранит информацию, сигнал для искусственного интеллекта (реакция на контент для анализа интересов пользователя), на котором, в том числе, основан таргетинг. Лайки влияют не только на охваты постов, но и на формирование рекомендованного контента, выбор рекламы.

Одна из главных проблем социальных сетей – это оценка качества контента по количественным показателям, где больше лайков – тот и лучше. Накрутка количественных показателей (лайки, подписчики, репосты) приводит к тому, что по-настоящему интересная и полезная информация не находит своего адресата. Согласно О. Берек, «люди стали слишком концентрироваться на цифрах под постами и судить о контенте, не анализируя глубоко его содержание. Социальные сети устали от гонки вооружений и накруток. Блогеры-новички болезненно воспринимают отписки и скачки лайков. Обычные пользователи чувствуют себя некомфортно на фоне агентов влияния с тысячами откликов» [см.: 1]. Лайки в социальных сетях влияют на настроение, поведение и действия миллионов людей. Подобная форма социального одобрения порочна. В погоне за лайками и подписчиками люди рискуют жизнью, подвергают опасности себя и окружающих. Со временем у пользователей социальных сетей формируется зависимость от оценок и мнения других. Нередко виртуальная жизнь замещает реальную.

В связи с такой проблемой многие социальные медиа начинают тестировать отказ от показа количества лайков в постах пользователей. Идея состоит в том, чтобы скрыть счетчики от всех, кроме авторов, чтобы избавить людей от сравнения себя с другими. Первым, кто начал внедрять новый функционал, стал Instagram, позже к нему присоединился и Facebook. Российская социальная сеть «ВКонтакте» тоже не осталась в стороне, начав свой эксперимент по сокрытию лайков. Тенденцию поддержал и сервис YouTube, где начали округлять количество просмотров роликов. В Instagram сообщалось, что преследуется цель сместить фокус внимания непосредственно на фотографии и видео, которыми делятся пользователи, а не на количестве лайков. В YouTube считают, что округление количества просмотров сместит акцент со слежения за изменением аудитории на анализ содержания и оценку качества контента. В социальной сети «ВКонтакте» назвали несколько причин проведения эксперимента [см.: 1]. По словам А. Законова, «отметка “мне нравится” – это только один из многих способов вовлечения пользователя, есть, к примеру, еще счетчик комментариев. Но если говорить об аналитике поста, то это только вершина айсберга. В статьях важны дочитывания, в видео – досмотры, в подкастах – время прослушивания, в постах со ссылками – клики. Из этого следует, что количество лайков не дает никакой возможности адекватно оценить пост» [см.: 1].

Таким образом, социальные сети позволяют в некоторой степени удовлетворять потребность личности в общении. Однако многие исследователи отмечают, что современные технологии мешают развитию коммуникативных способностей личности, формированию необходимых навыков социального взаимодействия. При этом в качестве доказательства приводится тот факт, что часть активных пользователей современных гаджетов пренебрегают учебой, работой, семейными обязанностями, едой и сном ради того, чтобы побыть в Сети [см.: 4]. С одной стороны, общение происходит в реальное время, нет никакой потребности в долгом ожидании ответа, также в любой момент можно ограничить возможность общения с неприятным человеком, что сводит вероятность появления конфликтных ситуаций к минимуму. С другой стороны, как в любом другом общественном пространстве, в интернете появля-

ется своя мода, свои отличительные признаки. Пытаясь соответствовать данным модным веяниям, человек начинает терять свое Я. С помощью интернета человек получил возможность самовыражения при помощи текста, фото, видео, музыки, но в попытке приукрасить свою жизнь люди порой показывают ее не столь объективно, как она есть на самом деле: выставляют только лучшие фотографии, делятся только хорошими новостями. На этом фоне некоторые люди начинают из зависти считать, что их собственная жизнь скучна и неинтересна. Данный феномен породил так называемую «Facebook-депрессию», которую психолог Роберт Краут выявил в 1998, обнаружив взаимосвязь между депрессивными состояниями и временем, проведенным в интернете [см.: 5]. Данной болезнью, по мнению ученых, болеет 25% пользователей социальных сетей. Когда человек не получает одобрения своих интернет-друзей на свои новости, фото и видео, он начинает негативно оценивать свои собственные действия и поступки. Постоянное сравнение с другими расшатывает веру в себя. Проведенное исследование среди студентов Белорусского национального технического университета показало, что 11% отмечают у себя наличие упадка сил, а 39% – как упадка сил, так и депрессивных состояний. 3% опрошенных заявили о наличии у них суицидальных мыслей [см.: 3]. Помимо депрессии, это грозит развитием и других психических заболеваний, например, синдрома дефицита внимания и гиперактивности. Это происходит из-за возможности делать в интернете несколько дел одновременно (например, переписываться и попутно смотреть видео). Мозг не способен концентрироваться на нескольких задачах одновременно. Так, принявшим в нашем исследовании студентам, проводящим более 3 часов в мессенджерах, свойственна прокрастинация и отсутствие желания живого общения со сверстниками вне учебного процесса [см.: 3].

Библиографический список

1. Почему соцсети избавляются от счетчиков лайков? URL: <https://rspectr.com/articles/552/pochemu-socseti-izbavlyayutsya-ot-schetchikov-lajkov> (дата обращения 19.10.2020).
2. Психология лайкозависимости. URL: <https://academy-resource.online/news/psikhologiya-laykozavisimosti/> (дата обращения 19.10.2020).
3. Шершнёва Т. В., Дигаленя И. К. Влияние киберкоммуникативной заивисмости на психическое состояние личности // Психология в системе производственных отношений: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. (17 апреля 2020 г., Красноярск) / Редкол.: Н. В. Лукьянченко и др. – Красноярск: ФГБОУВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева», 2020. – С. 234–237.
4. Шершнёва, Т. В. Психологические особенности безопасного поведения при виртуальном общении // Вестник Прикамского социального института. – 2019. – № 2 (83). – С. 80–85.
5. Too Many 'Friends,' Too Few 'Likes'? Evolutionary Psychology and 'Facebook Depression'. URL: https://www.researchgate.net/publication/277580726_Too_Many_'Friends'_Too_Few_'Likes'_Evolutionary_Psychology_and_'Facebook_Depression' (дата обращения 19.10.2020).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБУЧЕНИИ В ВУЗЕ: ПОЗИТИВНОЕ И НЕГАТИВНОЕ

INFORMATION TECHNOLOGY IN MODERN EDUCATION AT A UNIVERSITY: POSITIVE AND NEGATIVE FACTORS

Бакулин Михаил Алексеевич

студент

Уфимский государственный авиационный технический университет

Email: misha.bakulin.2013@mail.ru

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗЕ

Аннотация. В работе проведен анализ влияния информационных технологий при обучении в вузе. Рассмотрены преимущества и недостатки их применения.

Ключевые слова: информационные технологии, обучение, студент, преподаватель.

Bakulin Mikhail Alekseevich

Student

Ufa State Aviation Technical University

ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF USING INFORMATION TECHNOLOGIES IN HIGHER EDUCATION

Abstract. The paper analyzes the impact of information technologies on the pedagogical process in higher schools. The advantages and disadvantages of this application are considered.

Keywords: information technology, training, student, teacher.

В наше время технологические достижения оказали глубокое влияние на образование. В области медицины, инженерии и архитектуры современные технологии сделали все лучше и проще. Но информационные технологии, как и все остальное, имеют свои достоинства и недостатки. Широко распространены утверждения, что некоторые недавние изобретения делают студентов ленивыми и способствуют ухудшению здоровья и другим проблемам. Но Интернет также позволил ввести в учебный процесс множество технологических инструментов. Вместо того чтобы смотреть образовательные телевизионные программы, студенты теперь могут играть в интерактивные игры и соревноваться друг с другом, чтобы продолжить процесс обучения. Использование информационных технологий имеет определенные преимущества и недостатки.

Преимущества. Широкое использование мобильных устройств, Интернета и специализированных программных средств для обучения облегчило процесс обучения. Далее будут рассмотрены основополагающие преимущества.

Автоматизация учебного процесса. Программные платформы позволяют легче отслеживать успеваемость отдельных студентов, выявляя пробелы в обучении с большей скоростью. Благодаря автоматизации большей части утомительной работы, которую преподаватели выполняют каждый день, появляется больше времени для реального обучения и меньше времени, затрачиваемого на просмотр работы дома.

Самостоятельное обучение стало проще и эффективнее. Интернет может предоставить информацию в любой области. Независимо от того, что нужно знать, можно

легко найти это в Интернете. Не всегда можно доверять этим данным, но все же можно использовать такие источники в качестве образовательных ресурсов. Содержание веб-сайтов и электронных книг регулярно обновляется, и в результате учащиеся могут легко получать актуальную информацию.

Хорошая подготовка к будущему. Совершенно очевидно, что обучение в будущем будет основываться на информационных технологиях. Студенты, которые используют информационные технологии сейчас, легко смогут конкурировать в будущем. Именно поэтому студентов следует поощрять к сотрудничеству и общению с использованием цифровых технологий. Использование цифровых технологий в студенческой жизни – это хорошо, потому что это готовит студентов к основанному на технологиях конкурентному миру будущего. Когда эти ученики вырастут, они будут чувствовать себя комфортно с цифровыми устройствами.

Современные технологии снизили цены на обучение и учебники. В настоящее время имеется большое количество ресурсов, и эти ресурсы легко доступны. Студенты теперь меньше зависят от учебников, и в результате стоимость учебников снизилась, а также доступ к таким ресурсам можно получить, не выходя из дома. Многие учащиеся не покупают нужные им учебники. Скорее они сейчас используют электронные книги. Сотни тысяч книг сейчас переводятся в цифровой формат. Поскольку студенты учатся онлайн, они меньше зависят от обучения. В результате стоимость обучения снизилась. Студенты теперь могут получить образование мирового класса гораздо легче, чем ранее. В результате как богатые, так и бедные студенты получают качественное образование по относительно низкой стоимости.

Обучение с применением информационных технологий намного интереснее. В наш век цифровых технологий учащиеся могут использовать множество средств обучения, включая мобильные устройства, компьютеры и другие инструменты, которые позволяют визуализировать те или иные процессы. Существует большое количество эмуляторов, благодаря которым студент может применить полученные знания на практике и для этого не требуется каких-либо больших ресурсов, достаточно установить такой эмулятор к себе на устройство. Они могут найти информацию о чем угодно, если только знают, как конструктивно использовать сеть Интернет. Когда студенты используют эти инструменты, обучение становится более интересным. Если им что-то не нравится, они могут научиться этому с помощью других методов. С помощью изображений графики и видео уроки могут быть доставлены более интересными способами.

Разрабатываются новые методы обучения. Благодаря развитию современных технологий разрабатываются новые эффективные методы обучения. Учителя и преподаватели теперь используют различные методы обучения, такие как социальные сети, блоги и подкасты. Многие учебные заведения в настоящее время используют технологии веб-конференций. Использование веб-конференций позволяет общаться на расстоянии, не контактируя друг с другом. Такое взаимодействие бывает зачастую единственным выходом из сложных ситуаций, например, пандемия COVID-19, когда режим веб – конференций стал спасательным кругом практически всех учебных заведений. Примером такой технологии является широко распространенный в 2020 году «ZOOM». В декабре 2019 данный сервис насчитывал 10 миллионов участников видеоконференций за сутки, а уже в апреле 2020 года количество участников в сутки достигло 300 миллионов [см.:1].

Возможность обучения людей с ограниченными возможностями. Многие учащиеся имеют особые потребности, и уже нетрудно научить их этому. Такие инструменты, как преобразователь текста в речь, распознавание голоса, регулятор громкости дают практически каждому человеку возможность обучаться.

Возможность обучения иностранных студентов. Благодаря технологиям онлайн перевода можно проводить обучение независимо от того, знает человек тот или иной язык или нет.

Недостатки. Основное обвинение против цифровых устройств состоит в том, что они делают студентов ленивыми и влияют на их состояние здоровья. Рассмотрим основные недостатки применения информационных технологий в обучении.

Отсутствие интереса к тяжелой работе. Из-за доступности всех видов информации в Интернете многие студенты становятся ленивыми. Они больше не хотят учиться на горьком опыте. Некоторые студенты даже не посещают занятия, ошибочно полагая, что все можно найти в Интернете. Они думают, что преподаватели больше не нужны. В результате многие студенты пренебрегают основами образования. Поскольку они забывают основы, они не могут изучить продвинутые темы. Из-за использования автоматического орфографического исправления текста многие не учатся правильно писать слова. Когда дело доходит до решения математических уравнений, студенты полагаются на компьютеры. Используя поисковые системы, они пытаются найти ответы напрямую.

Потенциальная ловушка. Иногда студенты пропускают занятия из-за сбоев в работе компьютера и других технических проблем. В результате иногда студентам приходится сталкиваться со стрессом. Они сталкиваются с проблемами из-за медленного подключения к Интернету и чувствуют себя демотивированными. Студенты также просматривают сайты, которые не связаны с их учебой, и, таким образом, они тратят много времени впустую. Цифровые устройства отвлекают внимание, и учащимся трудно сосредоточиться на том, что действительно важно для них.

Неправильное использование технологии. Мобильные устройства, компьютеры и другие технологии обычно рассматриваются как средства развлечения, а не образования. Учебники известны как инструменты для обучения, а информационные технологии начинают рассматриваться зачастую как инструмент развлечения. Обучающиеся, как правило, учатся только по учебникам и используют компьютеры и мобильные устройства для развлечений.

Учебные задачи. Профессора и учителя, если их не обучать регулярно, часто не в состоянии обучить своих учеников. Учителя, которые привыкли преподавать традиционными методами, иногда не могут идти в ногу с технологией. Некоторые преподаватели избегают информационных технологий, потому что они не находят удобным использовать их. Большинство преподавателей считают, что такие технологии оказывают негативное влияние на уровень внимания их учеников. Это убеждение может быть субъективным, но это правда, что технология может изменить способ, которым мы учимся.

Создание медицинских проблем для некоторых студентов. Пристальный взгляд на экран компьютера, смартфона или планшета может вызвать напряжение глаз. Когда это происходит, симптомы могут включать раздражение глаз, чувство усталости и даже помутнение зрения. Это также может привести к более тяжелому состоянию, которое называется «синдром компьютерного зрения» [2]. Согласно статистике Минздрава, от болезней глаз сегодня страдает каждый седьмой житель страны [см.: 3]. И главной причиной таких болезней являются гаджеты [см.: 3].

Интеграция информационных технологий в образование имеет свои преимущества и недостатки, но правильное внедрение может помочь свести недостатки к минимуму. Необходимо лучшее планирование внедрения таких технологий и их использования.

Библиографический список

1. Чемпионы карантина. URL: <https://thebell.io/chempiony-karantina-kak-zoom-netflix-i-amazon-vyrosli-za-vremya-pandemii> (дата обращения 13.10.2020).
2. Компьютерный синдром. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Компьютерный_синдром (дата обращения 14.10.2020).
3. Минздрав РФ. URL: <https://sakhglaz.ru/news/minzdrav-rf-bet-trevogu/> (дата обращения 14.10.2020).

Батьянова Людмила Николаевна

Кандидат философских наук, доцент

Иркутский государственный университет

Email: batyanovaanastasia@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье рассматриваются условия развития образования в цифровом пространстве. Анализируются контексты и практические механизмы развития цифрового образования и цифрового обучения. Выявляются эволюционные этапы развития цифрового обучения.

Ключевые слова: образование, цифровая среда, цифровое образование, виртуальность, цифровизация

Batyanova Lyudmila Nikolaevna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Irkutsk State University

EDUCATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Abstract. The article examines the conditions for the development of education in the digital space. The contexts and practical mechanisms for the development of digital education and digital learning are analyzed. The evolutionary stages of digital learning development are identified.

Keywords: education, digital environment, digital education, virtuality, digitalization

Средовой подход в естественных и гуманитарных науках стал одним из самых востребованных в исследованиях XXI века, обозначив важность систематического изучения «окружения» объектов и процессов и выявления определенных закономерностей и условий, при которых появляются новые возможности и изменения.

В современных условиях развития образования ряд ученых представляют образовательную среду как естественное и искусственно созданное социокультурное окружение человека, включающее учебное содержание и различные средства образования, обеспечивающие продуктивную деятельность обучающихся и благоприятные условия для этого. При этом образовательная среда представляется как некая субстанция, отличающаяся от пустого, незаполненного людьми пространства, она ориентирована на предоставление возможности обучающимся идентифицировать себя в социуме, удовлетворение собственных потребностей в обучении, восприятии образования как личностной ценности.

Идеи проектирования образовательной среды, ставшей актуальной сегодня благодаря необходимости создания нового образовательного контента и персонализированных образовательных маршрутов, во многом соответствуют своеобразию сообщества обучающихся и связаны с внедрением инновационных педагогических технологий, использованием новых инструментов (электронных, цифровых), проектированием современного содержания образования, увеличением объема самостоятельной работы обучающихся, изменением системы диагностики и контроля образовательных результатов, предоставлением возможностей для профессиональных проб и получения реального опыта деятельности и т. п.

В Национальном проекте «Образование» появилось понятие «цифровая образовательная среда», обозначив целое направление исследовательских и научно-практических работ по реализации ключевых проектов по развитию российского образования [см.: 5]. Может ли быть образовательная среда «цифровой» и существует ли образовательная среда «аналоговая» (нецифровая), которую также необходимо исследовать и поддерживать для создания определенных возможностей?

Обратимся к «цифровой среде» и ее особенностям и влиянию на современный мир, на изменение окружения образования и создание новых возможностей для всех обучающихся.

Цифровой мир пришел на смену материального (искусственного) мира, точно так же, как в свое время искусственный мир стал массово замещать природный. При этом полного замещения никогда не происходило и, наверное, эти миры должны развиваться параллельно, создавая среду взаимодействия с человеком (социумом). В течение многих веков человек изучал искусственный мир, развивая естествознание, технику и технологические области науки и практики, при этом регулярно возвращаясь к проблемам взаимодействия искусственного и природного – на уровне экологии и охраны окружающей среды, концепций устойчивого развития, гуманитаризации и «человековизации» образования и пр.

Но отрицать цифровой мир и новую среду для жизни, обучения и воспитания человека невозможно, и поэтому обсуждать, исследовать, экспериментировать сегодня просто необходимо, используя при этом весь спектр цифровых технологий и ресурсов для решения образовательных задач.

Цифровая среда возникла благодаря процессам цифровизации, которые в общем виде описываются как переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую. Однако не все так просто, цифровая среда не возникнет благодаря только «оцифровке» информации или процессам автоматизации рабочих процессов. Цифровизация – это в меньшей степени про технологии, а в большей – про культуру, про изменения и про модель взаимодействия [см.: 4].

Цифровая среда понимается как интегрированные коммуникационные среды, в которых электронные, цифровые и беспроводные устройства представляют собой инструменты, которые организуют общение, взаимодействуют и управляют контентом и действиями внутри самой себя [см.: 1].

Педагогически ориентированное понимание цифровой среды – это понимание ее как системы условий и возможностей, подразумевающей наличие информационно-коммуникационной инфраструктуры и предоставляющей человеку набор цифровых технологий и ресурсов для самореализации, личностно-профессионального развития, решения бытовых и профессиональных задач [см.: 2].

В исследованиях «среды» всегда присутствуют специфические особенности данного понятия как научного [см.: 3]:

- культурно-исторический характер развития, так как среда не имеет четко определенных и строго фиксированных границ в пространстве и времени;
- целостность восприятия среды;
- приоритет человеческой деятельности и его самореализации – среда всегда воспринимается в логике человеческой деятельности и целей его развития и самореализации;
- иерархичность и структурность среды – среда часто неоднородна и многокомпонентна, в ней как минимум можно выделить главную (ядерную) часть и другие составляющие;
- целостность развития среды;
- избыточность среды – среда всегда содержит больше компонентов (информации, ресурсов и пр.), чем те, которые мы можем исследовать и использовать.

Исходя из анализа приведенных определений и обсуждений особенностей цифровой среды в средствах массовой информации можно выделить следующие варианты соотношения цифровой и образовательной среды.

1) Цифровая среда – это более общее понятие по отношению к другим средам – социальной, производственной, образовательной, что в контексте образования позволяет говорить о необходимости создания цифровой среды для решения образовательных задач. В этом случае не может возникнуть научного понятия «цифровая образовательная среда», так как именно в образовательной среде будут целевым

способом отбираться и реализовываться определенные цифровые технологии и ресурсы.

2) Цифровые технологии являются универсальным (и всепроникающим) инструментом, который проникает во все среды и решает специфические (для данной среды) задачи на новом качественном уровне. Тогда понятие «цифровой образовательной среды» определяет характеристику современной образовательной среды, которая подвержена процессам цифровизации и начинает активно использовать цифровые технологии и ресурсы, решая, как было сказано выше, в первую очередь образовательные задачи (учебные, воспитательные, развивающие, а также задачи самореализации как личности и как профессионала).

3) Цифровая среда взаимодействует (и пересекается) со средой искусственной (физической), отражая особенности перехода из преимущественно материального мира в мир цифровой; при этом возникают киберфизические системы, которые точно также будут реализовываться в образовании, как в производстве. Тогда в исследованиях мы будем говорить об образовательной среде в киберфизических системах и о некоем «киберфизическом» способе обучения, когда обучающийся должен учиться одновременно (параллельно) в реальной и виртуальной средах [см.: 6].

Вполне вероятно, что можно рассуждать и о других вариантах взаимодействия понятий цифровой и образовательной среды, но при этом ясно, что всегда в центре этих рассуждений будет находиться человек, его самореализация и субъектность, а не «программа» или «средства (технологии)» обучения, воспитания или развития. И синтез цифровых и педагогических технологий, независимо от того, являются ли они традиционными (доцифровыми) или «цифророжденными», будут не задавать миллионы индивидуальных образовательных траекторий благодаря адаптивным системам и большим данным, а создадут возможность для осознанного выбора человеком персонализированных стратегий, направленных на его самореализацию и устойчивое развитие.

Библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – №2. – С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Международной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2020. – С. 25–29.
3. Журавлева И. А. Образование в ресурсном пространстве молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. – 2019. – С. 136–139.
4. Малых С. В. Виртуальные университеты будущего // Социология. – 2019. – № 6. – С. 263–267.
5. Иванов Р. В. Социальные факторы виртуализации общества // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. – Иркутск: Иркутский государственный университет. 2019. – С. 15–18.
6. Пружинин А. Н. Академическая мобильность как ресурс развития человеческого капитала Иркутска // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы. Материалы XXII межрегиональной молодежной научно-практической конференции. – Иркутск, 2019. – С. 275–279.

Карпукхин Сергей Васильевич

доктор философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

Email: karpukhin.s@yandex.ru

Лобажевич Валерий Владимирович

доцент

Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

Email: pvo_vl@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Виртуализация образовательного процесса позволяет совершенно по-иному выстраивать систему педагогической деятельности. При этом принципиально важной является проблема воспитания личности обучающегося.

Ключевые слова. Самоидентификация личности, виртуальная личность, виртуальная образовательная среда, образовательный процесс.

Karpukhin Sergey Vasilyevich

Doctor of Philosophy, Professor

St. Petersburg State Institute of Technology (Technical University)

Lobazhevich Valery Vladimirovich

Associate Professor

Military medical Academy named after S. M. Kirov

PROBLEMS OF SELF-IDENTIFICATION OF THE STUDENT'S PERSONALITY IN THE CONTEXT OF VIRTUALIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Abstract. Virtualization of the educational process allows you to create a completely different system of pedagogical activity. At the same time, the problem of educating the student's personality is fundamentally important.

Keywords: Self-identification of a person, virtual personality, virtual educational environment, educational process.

Виртуализация различных сторон нашей жизни в последнее время становится устоявшейся нормой, хотя всего лишь полвека назад сеть Интернет считалась закрытым военным проектом и выполняла роль резервной системы связи, а также закрытым банком хранения конфиденциальной информации. Вместе с тем сегодня замещение реальности мы видим повсеместно: это и в экономике, и в политике, в искусстве, в области межличностного общения и т. д. Что же касается виртуализации образовательного процесса, то здесь наблюдается создание принципиально новой сконструированной виртуальной реальности в виде электронной образовательной среды, которая как для педагогов, так и для учащихся порождает принципиально иные парадигмы обучения и следующие за ними все образовательные технологии.

Справедливости ради надо отметить, что истоки самой идеи виртуальной реальности следует искать в недрах классической философии и философии модерна. Очевидны как минимум два базовых основания виртуальной реальности – это идеалистическая трактовка бытия и трансцендентные миры, которые представляются различными религиями. Об этом в своё время писал американский философ Майкл

Хейм [см.:1]. Ведь не случайно постмодернизм очень часто именуют своеобразной идеологией информационного общества.

Исследуя виртуальную реальность сегодня, многие учёные отмечают предоставляемые ею уникальные возможности и методологические ресурсы философии постмодерна, которые в значительной мере дополняют уже сложившиеся принципы классической реальности. Однако виртуализация социальной коммуникации и складывающиеся на этой основе общественные отношения не так однозначны, тем более, что мы имеем отношение к образованию. Смысл образования сводится в большей степени к формированию образа учащегося как личности, гражданина с присущими им определёнными качествами. И здесь не следует забывать, что технологии виртуального образования несут в себе огромный потенциал и манипуляций сознанием личности [см.:2].

Помимо того, что безмерное использование интернет-ресурсов уже приводит к негативным явлениям в молодёжной среде, которые связаны с излишней раздражительностью, повышенной утомляемостью, пониженным вниманием и эмоционально-волевой саморегуляцией, в последнее время отмечается также и рост количества детей с проявлениями аутизма и синдрома дефицита внимания. Конечно, значительную долю всех этих проблем порождают социальные сети, различного рода форумы и мессенджеры, в формате которых проводят своё время молодые люди, но в определённой степени усугубить ситуацию может и виртуализация образовательного процесса.

Учебное заведение как здание, как храм науки, как социально-культурный объект перестаёт носить сакральный смысл. Те трансформации, которые порождает виртуальное пространство, изменяют социальные связи людей, понятия, укоренившиеся в поведенческой практике, например, понятие «друг» и т. п. В конечном итоге это может привести к изменению персонального аспекта идентичности личности. Именно идентичность, понимаемая как целостность и непротиворечивость, подвергается деформациям и на повестку дня выносятся проблема «кризиса идентичности», поскольку традиционное понимание личности дополняется характерными чертами виртуальной личности.

Исследователи феномена виртуального пространства отмечают следующие характеристики черты виртуальной личности:

- бестелесность: она выражается в редукции личности к её семиотическим манифестам (те есть к текстам в самом широком смысле);
- анонимность: здесь данный признак рассматривается не как отсутствие имени, а как сокрытие истинного имени; даже если имеются некоторые анкетные данные о субъекте, то их будет недостаточно для адекватной идентификации и восприятия личности;
- вольное конструирование идентичности: в этом случае виртуальная личность имеет неограниченную возможность идентификации с наделением её любым набором характеристик;
- полиидентичность: то есть множественность, возможность иметь ряд различных виртуальных личностей одновременно и/или последовательно;
- автоматизация: это возможность полностью или частично симулировать активность виртуальной личности, используя компьютерные программы (что связывает виртуальную личность с искусственным интеллектом и робототехникой) [см.:3].

Формирование виртуальной идентичности личности происходит либо за счет переноса элементов идентичности из реального мира в виртуальный и создания на его базе идентичности в Интернете, либо через активную позицию субъекта деятельности в интернет-пространстве [см.:4].

Сегодня технические средства довольно успешно позволяют отличить собственный личностный опыт от опыта, полученного с привлечением технических каналов коммуникации. И всё же созданный образ личности в виртуальном пространстве

продолжает воздействовать на неё и в повседневной неопосредованной жизни. Кстати, это в полной мере можно отнести и к личности самого педагога, поскольку виртуальная образовательная среда конструируется только теми субъектами и объектами, которые являются участниками образовательного процесса.

В настоящее время с учётом различных ограничений, связанных с пандемией, наиболее отчётливо стали обнаруживаться проблемы работы с учащимися «на удалёнке». Прежде всего, это:

– неравномерная обеспеченность компьютерной техникой и отсутствие возможности доступа к интернету;

– использование лишь той информации, которая имеется в компьютерной среде; технические средства обучения институтов, наглядные пособия, потенциал учебных аудиторий и лабораторий остался невостребованным; учебные дисциплины, предполагающие гриф секретности, оказались в ещё более уязвимой ситуации;

– длительность нахождения обучающихся за компьютерной техникой, что, безусловно, сказывается на их физическом здоровье.

Ещё одной существенной проблемой можно считать пребывание обучающихся в некоем «поле знаний», созданном на базе принципиально новых средств коммуникации. Они оказались значительно сложнее, содержательнее и насыщеннее, чем те, которые утвердились как традиционные.

В этой связи преподаватель в большей мере выполняет функцию менеджера, который обеспечивает учебный процесс скорее как провайдер обучающих информационных носителей, а не как педагог, который помимо всего должен быть ещё и воспитателем.

Не умаляя всех достоинств виртуализации образовательного процесса, хотелось бы обратить внимание на то, что мы закладываем не лучшие базовые основы технократизации образования. Следствием этого в ближайшее время могут быть дегуманизация и гуманоидизация обучающихся, не способных к формированию самостоятельных смыслов, типов и образов объективной реальности.

Библиографический список

1. Heim M. The Metaphysics of Virtual Reality. – New York: Oxford University press, 1993. – 175 p.
2. Бодрийяр Жан. Симулякры и симуляция. Перевод с французского и вступительная статья О.А. Печенкиной. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
3. Горный Е. Онтология виртуальной личности // Бытие и язык: Сб. статей по материалам международной конференции. – Новосибирск: Новосибирский институт экономики, психологии и права (Новосибирский классический институт); Новосибирское книжное издательство, 2004. – С. 78–88.
4. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков – пользователей Интернета // Образование и информационная культура. Социологические аспекты: труды по социологии образования. Т. V. Вып. VII / под ред В.С. Собкина. – Москва: Центр социологии образования РАО, 2000. – С. 431–460.

Клюкина Людмила Александровна

Доктор философских наук, доцент
Петрозаводский государственный университет
Email: klyukina-la77@yandex.ru

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЫ MOODLE В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ» ОБУЧАЮЩИМСЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФАРМАЦИЯ»

Аннотация. Описаны результаты опыта использования образовательной платформы Moodle в процессе преподавания дисциплины «Философия» обучающимся специальности «Фармация» в Петрозаводском государственном университете. Автором был сделан вывод, что использование платформы Moodle в образовательном процессе является эффективным и рациональным вспомогательным средством обучения.

Ключевые слова: Moodle, дистанционная образовательная система, электронный учебно-методический комплекс дисциплины.

Klyukina Lyudmila Alexandrovna

Doctor of Philosophy, Professor
Petrozavodsk State University

USING THE MOODLE EDUCATION PLATFORM FOR TEACHING PHILOSOPHY TO PHARMACY STUDENTS

Abstract: This article describes the experience of using the Moodle platform as an education platform for teaching philosophy to students of the pharmacy department of the Petrozavodsk State University. The author concludes that the Moodle education platform is an efficient and rational auxiliary means of teaching.

Keywords: Moodle, distance learning system, digital methodological complex for given subject.

В настоящее время министерством образования активно проводится политика по внедрению в учебный процесс дистанционных образовательных технологий. С 2006 года в Петрозаводском государственном университете широко используется платформа Moodle (Модульное объектно-ориентированная динамическая обучающая среда (МООДУС)) в рамках формирования единой электронной информационно-образовательной среды. Система Moodle используется для разработки, управления и распространения учебных онлайн-материалов с обеспечением совместного доступа преподавателя и студентов. Вузом система была выбрана по таким критериям как функциональность, удобство использования, мультимедийность, модульность, стабильность, масштабируемость, аналитика, стоимость. Доступ к данной образовательной платформе преподаватели и обучающиеся получают через Информационно-аналитическую интегрированную систему управления вузом ИАИС ПетрГУ, используя логин и пароль из ИАИС. На платформе Moodle размещаются электронные учебно-методические комплексы дисциплин (ЭУМКД). В помощь преподавателям вуза было разработано учебное пособие, содержащее рекомендации по созданию электронных образовательных ресурсов в системе Moodle [см.: 3].

Автором данного доклада был разработан электронный учебно-методический комплекс дисциплины «Философия» для специальности «Фармация» на основе учебной рабочей программы дисциплины. С 2018 года осуществляется апробация данного ЭУМКД. Дисциплина «Философия» входит в базовую часть учебного плана

основной образовательной программы специалитета по данному направлению подготовки и является обязательной для изучения дисциплиной. Общая трудоемкость дисциплины составляет три зачетных единицы (108 академических часов). Согласно учебному плану, ориентированному на ФГОС 3++, дисциплина формирует следующие универсальные компетенции: УК-1 – способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, выработать стратегию действий; УК-5 – способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия. В результате освоения дисциплины обучающийся должен: 1) *знать*: основные направления, проблемы, теории и методы философии, содержание современных философских дискуссий по проблемам общественного развития; 2) *уметь*: использовать положения и категории философии для оценивания и анализа различных социальных тенденций, фактов и явлений; 3) *владеть*: навыками анализа текстов, имеющих философское содержание, с целью построения диалога с представителями различных культур. ЭУМКД по «Философии» создавалось как вспомогательное средство для изучения дисциплины, с целью более эффективно организовать подготовку к лекциям, семинарским занятиям и самостоятельной работы, составляющей 54 часа (50 % от всего курса). В соответствии с целью был сформирован контент, в состав которого были включены материалы лекций, задания для семинарских занятий, задания для самостоятельной работы (темы эссе, рефератов, докладов, тесты), методические рекомендации обучающимся по изучению дисциплины, критерии оценивания различных заданий, экзаменационные вопросы, список обязательной и дополнительной учебной литературы, сайты философско-научных сообществ и организаций, электронные каталоги библиотек.

В ходе использования платформы Moodle были выделены следующие достоинства этой образовательной системы для обучающегося и преподавателя. В рамках системы можно логично структурировать учебный материал по модулям. Каждый модуль соответствует определенному разделу дисциплины. В состав каждого модуля включались материалы лекций, вопросы к лекциям и литература, задания для семинарских занятий и самостоятельной работы, причем все материалы были связаны путем взаимных ссылок. Такой способ структурирования материала позволял обеспечить доступом к информации каждого студента, сформировать у студента целостное представление о процессе обучения. Система предполагает учет учащихся, возможности их персонализации и разграничения прав доступа к учебным материалам.

В любом формате можно предоставлять задания для самостоятельной работы и ответы на эти задания: в виде текста, в виде файла или нескольких файлов, что удобно преподавателям и студентам. Существует возможность определения срока сдачи ответа, фиксации времени ответа, изменения ответов, комментирования ответов. Студенты получают информацию о критериях оценивания того или иного задания. Особым преимуществом системы является способ формирования и проверки тестов. Можно сформулировать вопросы разного типа: множественный выбор, на соответствие, короткий ответ, развернутый ответ и т.д. Автоматическое оценивание ответов значительно упрощает работу преподавателя. Есть возможность ограничения временных рамок и количества попыток прохождения теста, а также использования комментариев к ответам. Аналитика теста каждого студента показывает: сколько времени выполнял студент тест, на какие вопросы он ответил неправильно. Аналитика тестов студентов группы в целом дает представление о том, какие вопросы оказались наиболее трудными для студентов. Такую статистику по обучению преподаватель может вести и по другим формам самостоятельной работы, обобщая результаты всех выполненных заданий по каждому студенту и по группе в целом.

Основными способами коммуникации между преподавателем и студентами являются форум и чат, где можно создавать темы и общаться в режиме онлайн или офлайн. Сообщения от преподавателя автоматически приходят на персональную почту студентов.

Таким образом, опыт использования образовательной системы Moodle показал, что наиболее эффективно в рамках системы можно организовать текущий контроль знаний в процессе самостоятельного изучения каких-либо тем или повторении пройденного в аудитории материала. Вместе с тем новый образовательный контекст (ФГОС 3++) предполагает следующую цель курса «Философия»: «развитие навыков самостоятельного активного анализа социально-гуманитарных проблем на основе критического мышления и выработка проблемно-аналитической позиции студента в исследованиях, проектировании, мировоззрении» [2, с. 69]. Для реализации такой цели необходимо аудиторное взаимодействие преподавателя и студентов, когда, используя метод мозгового штурма, студенты учатся анализировать проблемы, критически осмысливать различные варианты решения проблемы, сотрудничать друг с другом, рефлексировать по поводу результатов своей мыслительной деятельности, учитывая экспертную оценку их результатов преподавателем. В этой связи процесс обучения нужно не только индивидуализировать, но и грамотно социализировать. Вне опыта непосредственного живого общения, обмена мнениями, невозможно сформировать у студентов вышеназванные компетенции. Поэтому мы согласны с другими коллегами, имеющими подобный опыт, и пришли к выводу, что использование платформы Moodle в образовательном процессе является эффективным и рациональным вспомогательным средством обучения, не заменяющим аудиторную работу, но дополняющим ее [см.: 1, с. 155].

Библиографический список

1. Иванов А. Ю. Использование электронной образовательной среды Moodle в процессе преподавания гуманитарных дисциплин студентам медицинского вуза // Седьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы докл.: в 2 ч. Ч. 2. – СПб.: ГУАП, 2019. – С. 153–155.
2. Карелин В. М., Кузнецова Н. И., Грифцова И. Н. «Философия» как учебный курс: смена концепта // Высшее образование в России. – 2017. – № 10 (216). – С. 64–74.
3. Кириллова Т. А. Методика создания и использования электронных образовательных ресурсов (программная среда Moodle): учебное пособие для преподавателей. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. – 56 с.

Маковецкая Мария Владимировна

кандидат философских наук, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

Email: mnemi@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В данной статье описываются теоретические и практические следствия рассмотрения образовательного процесса в системе понятий, выработанных в теории информации. Последовательность ложных (или по крайней мере ограниченно верных) отождествлений (знание – информация, образование – передача сообщения) порождает фундаментальное искажение в теории и практике учебного процесса.

Ключевые слова: теория информации, информация и знание, семантическая информация.

Makovetskaya Mariya Vladimirovna

PhD (Philosophy), Assistant Professor

Saint Petersburg State Institute of Technology

INFORMATION APPROACH IN EDUCATION

Abstract. The paper describes the theoretical and practical consequences of considering the educational process in the system of concepts developed in the information theory. The sequence of identifications (knowledge – information, education – message transmission) generates fundamental distortions in the theory and practice of the educational process.

Keywords: information theory, information and knowledge, semantic information.

В эпоху тотальной информационной доступности особенно проявляется проблема отождествления образовательного процесса с процессом получения информации. Не оказались ли мы в плену неотрефлексированных языковых метафор, закрепленных в многозначности употребляемых нами слов? Мы получаем знание, мы получаем информацию. Есть ли различие между информацией и знанием? На самом деле при всей очевидности ответа на этот вопрос, достаточно сложно найти и обосновать это различие. В свете последних тенденций, определяющих пути развития современного образования, можно сказать, что знание негласно отождествляется с информацией, а весь образовательный процесс если буквально и не описывается как процесс передачи информации, то по крайней мере структурно ему уподобляется. Но однако же мы можем обнаружить еще один уровень смыслового искажения. Это искажение производится неверным пониманием сути процесса передачи информации, происходящим опять же от многозначности слов употребляемого нами языка.

Теория информации зародилась в рамках развития кибернетики как теоретическое обоснование математической теории связи и технических способов передачи информации (способов коммуникации) от одного физического объекта к другому [см.: 5]. Структура системы связи представлена конечным набором элементов и их функциональными связями. Это само сообщение, источник информации, передатчик, передаваемый сигнал, шум и источник шума, принятый сигнал, приемник и адресат. Два крайних элемента фактически стоят на границах системы связи. Источник информации наделен функцией выбора сообщения. Таким образом, источник информации – это условно начальная точка отсчета, или условно определяемая граница системы связи. Аналогично получатель сообщения или адресат – это условно выделенная граница системы связи, носитель нового состояния.

Понятие объективной информации, взятой в ее количественном аспекте, описывается через процесс передачи состояний от одной материальной системы к другой, процесс производства структурных изменений в получателе. Нужно иметь в виду, что информация не перемещается подобно некоему физическому объекту. Информация – это не то, что можно передать из рук в руки наподобие вещи. Информация (она же – условно выделяемое нами состояние материальной системы) может только дублироваться. Таким образом, даже в этом смысле информация (объективная информация) должна быть отнесена нами к миру идеального. Однако «передачу» состояния от одного носителя информации (источника информации) к другому (получателю информации) можно объективно зафиксировать и измерить. Можно также и прогнозировать степень точности переданной информации, имея данные о каналах связи, устройстве передатчика, приемника и о возможных шумовых помехах. Но есть и другая сторона информации, или же качественное ее определение. Это то, что называют субъективной или семантической информацией. Именно об этом аспекте информации идет речь в известном определении Н. Винера: «Информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему» [1, с. 30]. Информация, взятая в ее семантическом аспекте, должна быть прежде всего семантически значимой. Как пишет Э.Ф. Макаревич, «информация становится семантически значимой, если она обеспечивает информационные потребности определенной системы; если отношения между отправителем и получателем информации в границах системы определены соответствующей ролевой моделью; если передаваемая информация несет нужные смыслы; если она имеет определенные каналы трансляции» [4]. В этом смысле не всякий процесс передачи сообщений будет удовлетворять критериям семантической значимости.

Очевидно, что понятие знания не отождествимо с понятием объективной информации. Но быть может его правомерно будет отождествить с семантической информацией? В теории семантической информации, разработанной Ю. А. Шрейдером [см.: 6], информация и знания действительно приобретают схожие черты. Шрейдер рассматривает процесс передачи информации исходя из оценки ее смыслового содержания. Акцент при этом смещается на выявлении свойств приемника (получателя) информации. Восприятие внешней информации приемником зависит от объема и структуры информации внутренней (тезаурусом), которой приемник уже должен обладать.

Но вернемся к описанию схемы процесса передачи информации. Наша задача состоит в том, чтобы понять, подходит ли она для описания образовательного процесса в общем и процесса обучения, в частности. Начнем с того, что сам образовательный процесс ставит во главу угла не пару обучающий-обучаемый, но самого обучающегося как активного субъекта, субъекта деятельности. Образовательный процесс не есть процесс передачи знаний или информации. Это процесс формирования условий, которые дают возможность организовать и мотивировать деятельность обучающегося по получению знаний. И уже в первом приближении мы видим расхождение, не позволяющие говорить об допустимости применения схем, заимствованных из теории информации, к образовательному процессу. В теории семантической информации постулируется наличие потенциально измеримой внутренней информации, обладающей определенными структурными характеристиками (тезаурус), и внешней информации, которая в идеале должна быть преобразована во внутреннюю. Однако это явно недостаточно, чтобы понять, какие условия должны быть соблюдены, для того чтобы сам процесс этого преобразования был запущен. Еще менее возможным видится создание самих способов и критериев выявления содержания и структуры внутренней информации, которой владеет обучающийся. Фактически рассматривая обучающегося с подобной точки зрения, мы имеем дело с черным ящиком, которому приписываем свойства не исходя из его внутренней природы, а исходя из содержания и структуры внешней информации, которую мы в него «загрузили» на предыду-

щих этапах. Предполагается некое автоматическое усвоение, то есть включение в тезаурус последовательно загружаемой внешней информации. Теория информации уподобляет человеческий разум машинному интеллекту. Но нельзя сказать, что это является в полной мере ошибкой. Машинный интеллект, созданный с применением человеческого, и человеческий интеллект могут иметь схожую структуру, но структура не идентичную. Когда П. П. Гайденко в статье «Информация и знание» разграничивает эти понятия, она понимает их как результаты действия машинного и человеческого интеллекта соответственно. И если «разум» машины направлен только на вычисление, то разум человека на мышление, то есть на собирание смыслов ради целеполагания, принятия решений и вынесения суждений. «Информация и знания – понятия отнюдь не тождественные. Знание предполагает опыт, а информация – чаще всего нет. Информация, как правило, передает человеку вторичный опыт до того, как он вообще получил первичный» [2, с. 189–190].

Говоря о следствиях неправомерных отождествлений, нужно упомянуть следующие моменты. Новые образовательные технологии, развивающиеся столь стремительно, все больше и больше вытесняют традиционные методы обучения. Вытеснение это происходит под давлением весьма прагматических причин, но идеологическое обоснование этих изменений происходит при негласном принятии информационного подхода к пониманию образования. В информационной модели функции преподавателя как источника информации сводятся к отбору сообщений. Функции обучающихся к восприятию новой (внешней) информации на основе уже полученной (внутренней). Функции административного звена в том, чтобы обеспечить бесперебойные каналы связи. Чтобы информация превратилась в знание (или в иных терминах из внешней обратилась во внутреннюю), необходимо мотивация, запускающая работу понимания (интерпретации, перевода во внутренний тезаурус). В этой простой и прозрачной схеме опускается важный элемент: человек как существо целеполагающее.

Библиографический список

1. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер; пер. с англ. И. В. Соловьева, Г. Н. Поварова; под ред. Г. Н. Поварова. – 2-е изд. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
2. Гайденко П. П. Информация и знание // Философия науки. Вып. 3 – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 185–190.
3. Дресвянников В. А. Информация, знания, интеллект: свойства и отношения. Модель преобразования информации в знания // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2015. – №3 (15). – С. 214–223.
4. Макаревич Э. Ф. Информация как семантически значимая величина // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – №1. – С. 141–148.
5. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд. иностр. лит., 1963. – 830 с.
6. Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической информации. // Проблемы кибернетики. М.: Наука, 1965, вып. 13. – С. 233–240.

Малых Светлана Владимировна

Кандидат исторических наук, доцент

Иркутский государственный университет

Email: lana.malyx@bk.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ И РИСКИ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы и условия цифрового развития университетского обучения, социальные эффекты и риски цифровизации высшей школы. Обозначаются основные перспективы развития цифровизации университетского образования.

Ключевые слова: цифровизация обучения, виртуальный университет, социальные эффект, социальный риск, цифровой университет.

Malykh Svetlana Vladimirovna

PhD (History), Associate Professor

Irkutsk State University

DIGITALIZATION OF UNIVERSITY LEARNING: SOCIAL EFFECTS AND RISKS

Abstract. The article discusses the prospects and conditions for the digital development of university education. The social effects and risks of digitalization of higher education are considered. The main prospects for the development of digitalization in university education are outlined.

Keywords: digitalization of education, virtual university, social effect, social risk, digital university.

Цифровые технологии – это ресурс для развития университетов. Благодаря цифровизации обмен опытом, знаниями, идеями происходит быстрее и качественнее. Результатом этого выступают более продуманные решения и качественный исход дел.

Онлайн-обучение становится все более востребованной технологией получения знаний. Это меняет ландшафт университетского образования как такового [см.: 1; 2]. И приводит ко все большему разнообразию курсов, специальностей, профилей и прочего образовательного контекста, который становится все более доступным и адаптированным для любого пользователя.

Такие элементы цифрового обучения, как цифровые библиотеки или базы данных, цифровые кампусы университетов стали обязательной карточкой любого современного вуза. Доступность информации становится пороговой и превышает все когда-либо имеющиеся возможности в истории человечества [см.: 6; 7].

Для университетов встает важный вопрос – какова стратегия будущего виртуального цифрового развития и на чем стоит сконцентрироваться прямо сейчас [см.: 5]. Конкурентоспособность университетов в будущем закладывается сегодня – выбором того, на что будет направлено внимание администрации, профессорско-преподавательского состава и самих студентов.

Для университетов это важно, прежде всего, тем, что необходимо войти в международное образовательное пространство. Это может выражаться как в доле иностранных студентов, так и в курсах, читаемых на английском языке или же количестве приглашенных иностранных преподавателей [см.: 8]. Также это может отражаться в уровне и качестве академической мобильности преподавателей и студентов, возможности прохождения зарубежных практик и прочее.

Переход университетов на цифровое обучение связан не только с внедрением IT-технологий, онлайн обучения, но и изменения корпоративной культуры, оптимизации процессов управления, гибкого карьерного продвижения преподавателей и мобильности студентов [см.: 3; 4].

В повседневной жизни студенты все больше используют цифровые технологии не только для образования, но и для коммуникации и профессиональной социализации. Если их будет недостаточно в образовательном пространстве, то это может стать поводом для перемещения в другие цифровые университетские сообщества. Поэтому цифровизация университета делает его более адаптированным для целевой аудитории. Это однозначно приведет к повышению конкурентоспособности вуза на рынке образования, созданию дополнительной ценности и привлечению студентов.

Также рост конкуренции университетов за абитуриентов в будущем будет происходить не в отдельном регионе или даже стране, а в мировом масштабе. Поэтому конкурентоспособность университета будет определяться внедренными современными цифровыми технологиями и новыми образовательными дистанционными виртуальными возможностями. Помимо этого, цифровизация университетской среды способствует более оптимальному взаимодействию между подразделениями внутри самой этой среды.

Таким образом, в наше время происходит максимальная концентрация новых цифровых технологий в сфере университетского образования. Большинству вузов еще предстоит внедрить и освоить многие виртуальные технологии, но уже сегодня видны основные векторы развития цифрового виртуального образования будущего.

Библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 40–48.
3. Иванов Р. В. Культурные, социальные и естественные пространства современного человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2017. – № 8. – С. 166–172.
4. Пружинин А. Н., Вершинина Ю. В. Воспроизводство человеческого капитала как инструмент формирования социального неравенства // В поисках социальной истины. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – 2019. – С. 293–296.
5. Журавлева И. А. Социозащитная функция высшего образования в публичном пространстве гражданского общества // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов. Материалы Всероссийской конференции. под науч. ред. А. П. Суходолова, И. С. Карпиковой. – 2019. – С. 166–171.
6. Малых С. В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. – 2020. – № 1. – С. 312–316.
7. Малых С. В. Виртуальные университеты будущего // Социология. – 2019. – № 6. – С. 263–267.
8. Полюшкевич О. А., Колесников В. А. Роль образования в жизненном мире молодежи // В мире научных открытий. – 2013. – № 3–1 (39). – С. 312–327.

Неренц Дарья Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет

Email: ya.newlevel@yandex.ru

СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ЖУРНАЛИСТИКИ РОССИЙСКОГО ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Аннотация. Статья посвящена анализу роли информационных технологий в учебном процессе российского вуза. Активное использование технических средств в рамках очного обучения и дистанционного обучения в период пандемии позволил выделить два подхода к использованию информационных технологий в образовательной среде.

Ключевые слова: информационные технологии, факультет журналистики, дистанционное обучение, технические средства.

Nerents Daria Valer'evna

PhD (Philology), Associate Professor

Russian State University for the Humanities

METHODS OF USING INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE FACULTY OF JOURNALISM OF A RUSSIAN UNIVERSITY (ON THE EXAMPLE OF THE FACULTY OF JOURNALISM OF THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Abstract. The article analyzes the role of information technologies in the educational process of a Russian university. The active use of technical means in the framework of full-time education and distance learning during the pandemic allowed us to distinguish two approaches to the use of information technology in the educational environment.

Keywords: information technology, Department of Journalism, distance learning, technical means.

Информационные технологии (ИТ) сегодня активно используются во всех сферах жизнедеятельности, и в образовательной среде они прочно укоренились в первую очередь как средство модернизации учебного процесса.

Л. В. Красовская и Т. И. Исабекова отмечают, что подобная практика связана с компьютеризацией и обновлением всей образовательной системы. Внедрение в учебную практику ИТ способствует повышению уровня обучения, развивает профессиональные компетенции и раскрывает интеллектуальный потенциал личности [см.: 1, с. 32].

К видам ИТ, применяемым в системе образования, стоит отнести демонстрацию аудио- и видеозаписей, работу с интернет-ресурсами (в том числе в рамках практических занятий) и с компьютерным программным обеспечением, лекции-визуализации (с использованием материалов в формате презентаций) и др. В рамках обучения на факультете журналистики использование подобных методов представления учебного материала является актуальным, если не сказать – необходимым. Дисциплины, реализуемые на факультете журналистики, предполагают постоянное обращение к источниковой базе, материалам из различных СМИ не только

интернет-формата, но и телевизионного, радиального. В этом ключе наилучшим выходом является их демонстрация в учебной аудитории в ходе лекционных или семинарских занятий с помощью компьютера и проектора. Подобный подход позволяет подкреплять теоретические знания значимыми наглядными примерами, что способствует более быстрому и четкому усвоению материала со стороны студентов.

Использование ИТ в преподавательской деятельности позволяет студентам с самого начала ориентироваться на компьютерные возможности в профессиональной деятельности. В учебном плане по стандарту ФГОС 3++ для бакалавриата факультета журналистики РГГУ отмечен ряд профессиональных компетенций, напрямую связанных с умением использования ИТ. В частности, ПК-2 – способность участвовать в производственном процессе выпуска журналистского текста и (или) продукта с применением современных редакционных технологий (подразумевает и знание поэтапного процесса выпуска журналистского продукта, и отслеживание тенденций развития современных редакционных технологий, и использование всех возможных медиаканалов и платформ для выпуска журналистского продукта); ПК-4 – способность осуществлять редакторскую деятельность в соответствии языковыми нормами, стандартами, форматами, жанрами, стилями, технологическими требованиями разных типов СМИ и других медиа (подразумевает контроль за соблюдением всех технологических требований разных типов СМИ).

Важным материалом для студентов является сайт Института массмедиа и рекламы РГГУ. Благодаря этому ресурсу студенты могут получить информацию о методических рекомендациях по выполнению курсовой и выпускной квалификационной работ, правила оформления научных текстов, примерный перечень тем для выполнения собственных научных исследований, образцы документов по прохождению ежегодной производственной практики.

В связи с прошедшей пандемией коронавируса можно говорить о значительном расширении влияния ИТ на учебный процесс. С переходом на дистанционную форму обучения в марте 2020 года появилась острая необходимость в освоении инструментария для онлайн-общения. На рынке появились предложения различных компьютерных программ, начиная от всем известных Skype и WhatsApp и заканчивая неизвестными Microsoft Teams или VideoMost. На факультете журналистики РГГУ (как и в большинстве российских вузов) в качестве рабочей и основной была выбрана платформа Zoom. На базе платформы стало возможно проводить онлайн-занятия с демонстрацией презентаций, видеофрагментов и т.п. Однако здесь стоит отметить ряд негативных последствий, с которыми столкнулись преподаватели. Прежде всего, отсутствие четкой обратной связи: студенты не включали свою видеотрансляцию, в связи с чем было непонятно, насколько хорошо усваивается учебный материал и действительно ли все присутствуют на занятии. Еще одна проблема относится к технической стороне: постоянные перебои в интернет-соединении, нередко – отсутствие звукового сопровождения, непонимание со стороны студентов относительно принципов работы чата, сложности с созданием конференции.

На первом этапе также затруднение вызывали ограничения по времени. Лимит в 40 минут не позволял представить полную версию лекционного материала, однако потом, с появлением общеузовской подписки, эта проблема исчезла.

Важным этапом развития ИТ в РГГУ стало внедрение электронно-образовательной среды, появление личных кабинетов студента, преподавателя, аспиранта. В личном кабинете студента есть возможность видеть все объявления касательно учебного процесса (отмена или перенос занятий, домашние задания, вспомогательные материалы, дополнительные материалы к лекциям и т. д.), загрузить портфолио своих работ (научных статей, рефератов, творческих проектов), ознакомиться с учебным планом. В личном кабинете преподавателя в онлайн-формате заполняются экзаменационные и зачетные ведомости, эффективный контракт, есть возможность создания учебного чата с конкретным студентом или всей

группой, в период пандемии особым спросом пользовались электронные объявления касательно учебного процесса, которые могли видеть или конкретные студенты, или весь курс, в зависимости от выбора преподавателя. Данный ресурс демонстрирует свою эффективность по нескольким причинам. В первую очередь это возможность связаться со студентами без дополнительных шагов (поиск телефонов, электронной почты и т. д.). Кроме того, это упрощение в заполнении ведомостей, когда сумму баллов высчитывает компьютер, а также сохранение всей важной документации без боязни ее потери.

Немаловажную роль в учебном процессе играет и общение со студентами посредством электронной почты. Данный вид связи позволяет поддерживать контакт с заболевшими учениками, студентами, имеющими академические задолженности в связи с переводом или длительным отсутствием и закрывающие их в индивидуальном порядке, со студентами, желающими получить дополнительные задания для повышения своей оценки и т. д. Данная коммуникация удобна как студенту (которому нет необходимости «ловить» преподавателя возле аудиторий или во время обеда), так и преподавателю, которому проще сосредоточиться и четко ответить на письмо.

В целом, можно отметить два подхода к использованию ИТ в рамках учебного процесса. Первый – это применение ИТ в рамках оффлайн-обучения, то есть традиционное использование презентаций и вспомогательных материалов для лекционных и семинарских занятий. Второй – это применение ИТ в онлайн-обучении, что подразумевает использование технических средств для дистанционной формы лекций, выполнения контрольных заданий, проверки домашней работы, налаживания коммуникации с каждым студентом.

И если в традиционной контактной форме обучения информационные технологии применяются уже не первый год и стали привычным инструментом работы преподавателя факультета журналистики, то работу по онлайн-обучению можно рассматривать как важный опыт, продемонстрировавший недостаточный уровень владения онлайн-инструментами как со стороны профессорско-преподавательского состава, так и со стороны студентов. Однако этот опыт позволил увидеть перспективы внедрения элементов онлайн-обучения в традиционную систему образования, что говорит о востребованности и расширении влияния информационных технологий на процесс обучения в вузах.

Библиографический список

1 Красовская Л. В., Исабекова Т. И. Использование информационных технологий в образовании // Научный результат. Педагогика и психология образования. – Т. 3. – №4. – С. 29–36.

Русак Сергей Георгиевич

Студент

Иркутский государственный университет

Email: rusak200281@gmail.com

ДОСТУПНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ВУЗЕ

Аннотация. В статье поднимается вопрос об актуальности использования информационно-образовательной среды, её понятие и структура. В качестве примера анализируются информационно-образовательной среды Educa и Forlabs.

Ключевые слова: информационно-образовательная среда, Educa и Forlabs.

Rusak Sergey Georgievich

Student

Irkutsk state University

AVAILABILITY OF THE INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT AT THE UNIVERSITY

Abstract. The article raises the question of the relevance of using the information and educational environment, its concept and structure. As an example, the information and educational environments Educa and Forlabs are analyzed.

Keywords: information and educational environment, Educa and Forlabs.

Массовое развитие и внедрение информационных технологий побуждает к совершенствованию различных сфер деятельности человека. Вопрос внедрения информационных средств в образовательный процесс с каждым днем становится всё более актуальным. Перемены, возникшие вследствие компьютеризации и развития интернета, стимулируют учебные заведения модернизировать методы обучения в соответствии с мировыми тенденциями.

Новый импульс информационного развития в сфере образования придала мировая ситуация в сфере здравоохранения и массовых переход на дистанционное обучение учебных заведений всех уровней. COVID-19 не только обнажил пробелы в здравоохранении, но и подчеркнул неготовность ряда учебных заведений, преподавателей, так и не обучившихся работать в новом формате.

Не все информационно-образовательные среды учебных заведений могли справиться с возросшим количеством пользователей, обращенным к ним в процессе дистанционного обучения. Подобных сбоев можно было избежать, если бы этому вопросу уделялось достаточно внимания.

Целью создания информационно-образовательной среды является усовершенствование системы образования. Это выражается в модернизации процесса обучения, повышении доступности и качества предоставляемого образования. С применением новых методов и форм обучающиеся и преподаватели приобретают новые компетенции, необходимые в цифровом обществе.

Информационную образовательную среду можно охарактеризовать как совокупность взаимосвязанных информационно-образовательных ресурсов, оснащенных современным методическим, технологическим и техническим сопровождением, которое предоставляет платформу образовательному учреждению для реализации и управления образовательным процессом [см.: 2].

Информационно-образовательная среда должна соответствовать четырем критериям, на которых строится её эффективность и доступности.

Первый критерий – объемность. Информационная образовательная среда включает в себя множество элементов, позволяющих вести многостороннее обучение.

Такая среда в себе содержит большой массив учебно-методического материала, различных баз данных, контрольно-измерительных средств и т. д. Все составляющие взаимосвязаны друг с другом. Важным для критерия объемности является заложенная в среде возможность хранения большого массива информации.

Второй критерий – системность. Такая среда не только должна выступать хранителем информации, вложенной в неё преподавателями вуза, но и являться дополнительным источником информации о предмете. Исходя из специфики направления обучения, среда направляет студентов на поиск информации по достоверным источникам в мировой сети. Современная наука движется в междисциплинарном направлении, этот вектор необходимо учитывать в информационно-образовательной среде для реализации многопрофильной подготовки студентов.

Третий критерий – распределенность. Для удобства поиска информации необходимо предусмотреть хранение данных с учетом всех особенностей современных технических средств и экономической эффективности. Для пользователей устройство информационно-образовательной среды должно обеспечивать быстрый поиск информации и логичность её размещения.

Четвертый критерий – гибкость. Информационно-образовательная среда должны выступать понятным, доступным элементом для всех участников образовательного процесса. Важным для неё является мягкая интеграция в систему образования, не разрывая существующую структуру и принципы обучения. А также следует реагировать и подстраиваться под существующие запросы общества и рынка труда [см.: 1].

На примере информационно-образовательной среды Иркутского государственного университета проведен анализ двух образовательных сред: Educa и Forlabs на предмет доступности и удобства для пользователей.

Анализ производился по трем основным параметрам: интерфейс, наполнение платформы, функционал.

Интерфейс Educa. Стартовой страницей является личный кабинет. В нем расположен большой массив информации, состоящий из информации о доступных курсах, новостях, а также дополнительные элементы, такие как календарь, настройка интерфейса для людей с ограничением по зрению, различные документы об электронно-образовательной среде.

Из недостатков интерфейса можно отметить следующее: в разделе «Личный кабинет» новости не систематизированы по пользователю, то есть представлена информация как для студентов, так и для преподавателей вуза. Присутствуют нелогичные элементы, например, на странице «Личный кабинет» находится кнопка, пересылающая пользователя на страницу личного кабинета. Данная функция не имеет смысловой нагрузки, так как пользователь уже находится на соответствующей странице. Некоторые элементы интерфейса обладают неинтуитивными функциями: кнопка «Меню» при нажатии должна открывать соответствующее поле, однако оно по умолчанию уже отображено.

В отличие от Educa, интерфейс Forlabs понятен и прост в графическом наполнении, не перегружен элементами. Все содержимое равномерно распределено по соответствующим вкладкам: личный кабинет, расписание, информация об учебной группе и другие. Подобрана соответствующая информация для конкретного обучающегося.

Наполнение платформы. Так как главным для электронных образовательных платформ является создание доступного дистанционного сопровождения учебного процесса, Educa и Forlabs имеют схожее наполнение платформы. Главным составляющим наполнения является наличие образовательных курсов. Они представляют собой информацию о предмете изучения, о доступных темах для изучения, а также задания для самостоятельного выполнения.

Интересным различием двух платформ является возможность доступа в Educa к учебным программам других специальностей и направлений. Данная функция поз-

воляет получить доступ к изучению дополнительных дисциплин и курсов вне выбранной программы обучения.

Функционал Едука является базовым для всех подобных информационно-образовательных сред и представляет собой взаимозависимую систему логически выстроенных элементов обучения. Она представлена в форме расписания занятий, преподаваемых курсов, учебно-методических материалов для оценки знаний. В целом функционал Едуки прост и понятен, на взгляд пользователя он не имеет существенных недостатков.

Фоблабс обладает схожим по наполнению функционалом, при этом не обделен как позитивными, так и негативными моментами. В качестве плюсов данной информационно-образовательной среды можно выделить возможность для студентов опубликовывать в сети Интернет сайты, используя мощности хост-машин, на которых находится Форлабс.

Из недоработок Форлабса пользователи замечают отсутствие системы уведомлений. Например, преподаватель оставляет текстовое объявление для студентов, однако увидеть его можно, только произведя переход на необходимый предмет. Для удобства пользователей функцию уведомлений необходимо вынести на панель заголовка (Header bar). Ещё одним недостатком является следующая ситуация: пользователь производит выход с одного устройства, но это вызывает последующий выход со всех устройств, с который ранее был произведен вход.

В результате анализа информационно-образовательных сред Иркутского государственного университета наиболее доступным можно назвать Фоблабс. Он соответствует критериям: объемности, системности, распределенности и гибкости. Едука уступает Фоблабсу по трем параметрам: интерфейсу, наполнению платформы и функционалу.

Сравнивая информационно-образовательные среды, можно прийти к выводу, что данные платформы в целом справляются со своей основной функцией, однако требуется дальнейшая доработка ресурсов для большего удобства пользователей.

Библиографический список

1. Дубинина Д. А. Информационная образовательная платформа вуза // StudNet. – 2020. – № 8. – С. 308–312.
2. Смирнова В. А. Особенности формирования современных информационно-образовательных сред // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 243–245.

Селиверстова Нина Андреевна

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

Email: nina-seliverst@yandex.ru

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Одним из проблемных и неоднозначных феноменов современного информационного общества в сфере высшего образования являются дистанционные формы обучения. Поднимается вопрос о возможности их использования в преподавании мировоззренческих дисциплин.

Ключевые слова. Дистанционное обучение, межличностное общение, интеллигенция, мировоззрение, нравственные идеалы.

Seliverstova Nina Andreevna

PhD (Philosophy), Associate Professor

Saint Petersburg state technological Institute (Technical University)

DISTANCE LEARNING: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. One of the problematic and ambiguous phenomena of modern information society in higher education is distance learning. The possibility of its use in teaching worldview disciplines is considered.

Keywords. Distance learning, interpersonal communication, the intelligentsia, worldview, moral ideal.

Информационное общество, появление которого предсказывали мыслители последней трети XX столетия, в частности, О.Тоффлер [см.: 1, с. 450], уже стало реальностью, но процесс его теоретического осмысления далёк от завершения. Главная причина перманентности исследования информационной реальности социума – её постоянная трансформация. Информационное социальное пространство эволюционирует, захватывая новые сферы общественного бытия, «мутирует», порождая непредвиденные феномены общественного сознания, создает проблемные зоны, требующие новых исследовательских подходов и методов решения. Одним из таких проблемных и неоднозначных феноменов современного информационного общества в сфере высшего образования являются дистанционные формы обучения.

Внедренное в образовательный процесс в виде эксперимента в конце прошлого века приказом Минобразования России, сегодня, спустя два десятилетия, дистанционное обучение не только прочно укоренилось в системе образования, но и потеснило (с намечающейся тенденцией полного вытеснения) классические формы преподавания. Несомненно, современный процесс модернизации высшего образования уже не мыслим без дистанционных форм обучения, что детерминировано самой логикой эволюции информационного общества.

Это, во-первых, – фактор тотальной компьютеризации (перерастающей в цифровизацию) практически всех сфер жизнедеятельности современного социума. Без компьютерной техники и информационных технологий современный учебный процесс в высшей школе уже просто невозможен. В итоге дистанционное обучение давно весьма эффективно и обосновано стало применяться в заочной форме обучения и в процессе образования отдельных социальных слоев населения: лиц с ограниченными возможностями, военнослужащих, жителей отдалённых местностей и т. п.

Вторым значимым фактором, активизирующим процесс использования дистанционных форм обучения, является внедрение в социум идеи «непрерывного образо-

вания», что предполагает поиск принципиально новых способов обновления профессиональных знаний и технологической обучения. Причем сегодня речь идет не только о постоянном развитии личности в профессиональном и общекультурном аспектах, а о реальной проблеме профессионального переобучения людей, чьи профессии радикально трансформировались или оказались невостребованными в изменившейся социально-экономической реальности. В решении этой проблемы дистанционная форма передачи знаний и навыков зачастую просто незаменима.

В-третьих, как показали последние события, дистанционное обучение становится буквально панацеей в условиях эпидемий и пандемий, ибо другого способа продолжить образовательный процесс в условиях тотальной самоизоляции пока просто нет.

В итоге дистанционное обучение сегодня позиционируется как наиболее прогрессивный способ получения образования: открытый и общедоступный благодаря Интернету; относительно дешевый и демократичный, позволяющий совмещать обучение и работу; мобильный, благодаря наличию переносных интернет-источников, позволяющих обучаться практически везде: и в транспорте, и на отдыхе и т. п.

Однако при всех достоинствах дистанционного обучения нельзя не учитывать ряд факторов, которые обесценивают этот вид образования. Оставив в стороне факт ограниченности его применения (ряд профессий в дистанционном формате, без практических навыков, освоить невозможно), хотелось бы остановиться на проблемной стороне явно наметившейся тенденции трансформировать высшее образование в дистанционную форму, ограничивающую межличностное взаимодействие преподавателя и студентов.

Успех любых инноваций в сфере образования всегда необходимо соотносить с ценностными ориентациями и нравственными установками участников образовательного процесса. Особенно это касается преподавания дисциплин социально-гуманитарного профиля, которые несут (помимо чисто профессиональных задач) нагрузку воспитательного характера: формируют личность будущего специалиста.

В настоящее время из повседневного употребления как-то незаметно почти исчезли такие термины, как «интеллигенция», «интеллигент», «интеллигентность». В советскую эпоху, когда общество официально делилось на классы, к интеллигенции («прослойке» между рабочим классом и трудовым крестьянством) относились люди с высшим образованием, которые выделялись из основной массы населения не наличием диплома, а культурой поведения, воспитанием, правильной речью.

Сегодня высшее образование стало массовым явлением, что привело и к его обесцениванию, и, как следствие, к исчезновению «интеллигентности» у значительной части обладателей дипломов о высшем образовании.

В свое время русский философ и публицист Г. П. Федотов назвал русскую интеллигенцию «единственным, неповторимым явлением истории». Он отметил, что интеллигенция – это не профессиональная категория людей умственного труда, а скорее, «некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности, – своё призвание...» [2, с. 406]. Всех этих людей объединяет наличие идеала, которому они служат, который включает в себя личную этику и общественное поведение и который «коренится в теоретическом мировоззрении, построенном рассудочно и властно прилагаемом к жизни, как её норма и канон» [2, с. 407]. Интеллигентность – не врожденное качество, а результат образования, воспитания и самовоспитания, самоопределения личности. Интеллигенции свойственна «идейность» – качество, которое Федотов определяет как «этически окрашенный рационализм» [см.: 2, с. 408].

Закономерно возникает вопрос о том, в какой степени успешность технократических инноваций в образовании способствуют идейному развитию личности, её готовности к служению нравственным идеалам? Или предсказанная русским мыслителем «трагедия интеллигенции» стала явью, и мы сегодня наблюдаем процесс её окончательного вымывания из социальной структуры информационного общества?

С одной стороны, технологический подход к образованию как к процессу передачи профессиональной информации от одного субъекта (носителя информации) другому акцентирует внимание на качестве транслируемой информации только в аспекте её практической значимости для будущего специалиста, но не в использовании этих знаний для служения высоким идеалам. С другой стороны, необходимость нравственного воспитания студенчества, которое включает широкий спектр идейных компонентов (нравственные идеи, патриотические чувства, нетерпимость к идеям экстремизма и национализма) по-прежнему провозглашается важнейшей задачей российского образования.

В свое время Р. Хатчинс (президент Чикагского университета) в статье «Атомная бомба и образование» обращал особое внимание на значимость гуманитарных дисциплин для формирования мировоззренческого фундамента личности, отсутствие которого в эпоху ядерных технологий опасно для цивилизации, ибо личность с неустойчивой системой нравственных ценностей несет в себе потенциальную угрозу человечеству [см.: 3, с. 172].

Однако процесс формирования мировоззренческих установок и социально-нравственных идеалов возможен лишь при личном контакте студента и преподавателя (учителя и ученика), ибо этот аспект образования относится к так называемому «неявному знанию» (М. Полани). Неявное знание – это личностное знание, вплетенное в убеждения и пристрастия человека (преподавателя) и проявляющееся в особенностях интерпретации и структуре изложения учебной информации, в расстановке акцентов и рекомендаций в изучении материала. Этот аспект особенно важен при изучении дисциплин мировоззренческого характера (например, философии), где большинство вопросов носят проблемный характер, что требует непосредственного контакта со студенческой аудиторией для своевременной корректировки неадекватно воспринятой информации и разрешения дискуссионных проблем.

Следовательно, вопрос о перспективах использования дистанционных форм обучения в преподавании различных дисциплин требует рационального подхода и взвешенного анализа.

Библиографический список

1. Тоффлер О. Третья волна. – М.: Издательство АСТ, 1999. – 784 с.
2. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 403–443.
3. Захаров И. В., Ляхович Е. С. Миссия университета в европейской культуре. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994. – 240 с.

Сидоренко Александр Сергеевич

кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения

Email: sidspb@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ЭЛЕКТРОННОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ MOODLE

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности, основные достоинства и недостатки системы дистанционного компьютерного тестирования студентов вуза на платформе Moodle с точки зрения объективной оценки итогового уровня знаний обучаемых. На основании проведенных исследований и опыта работы в системе Moodle преподавателям даются практические рекомендации по более качественному созданию контрольных тестов с целью получения максимально объективных знаний студентов по различным учебным дисциплинам.

Ключевые слова: система управления обучением Moodle, дистанционное компьютерное тестирование, ЛМС ГУАП, студенты вуза.

Sidorenko Alexander Sergeevich

PhD (Pedagogy), Associate Professor

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

FEATURES OF STUDENTS' KNOWLEDGE CONTROL BY MEANS OF THE MOODLE LEARNING MANAGEMENT SYSTEM

Abstract. The work discusses the features, main advantages and disadvantages of the system of remote computer testing of university students based on the Moodle platform, from the point of view of an objective assessment of the final level of students' knowledge. Based on the research and experience in the Moodle system use, teachers are given practical recommendations for better creation of control tests in order to obtain the most objective students' knowledge in various academic disciplines.

Keywords: Moodle learning management system, remote computer testing, LMS GUAP, university students.

Повсеместное внедрение информационных технологий в учебный процесс вузов, а также вынужденный переход на дистанционное образование вследствие пандемии заставили преподавателей активно использовать в образовательном процессе студентов системы дистанционного обучения (LMS), которые в вузах Санкт-Петербурга представлены, в основном, платформами *Moodle* и *Blackboard*. Одним из главных преимуществ данных платформ является мощная система оценки качества тестирования с помощью методов математической статистики. Так, анализируя ответы студентов, составитель теста может оперировать такими параметрами как «*индекс лёгкости вопроса*», отражающий процент правильно ответивших на вопрос студентов; «*стандартное отклонение*», определяющее разброс значений оценок испытуемых за данный вопрос; «*индекс дискриминации*», оценивающий взаимосвязь данного вопроса и остальных вопросов теста и другие [см.: 3]. Данные показатели при их грамотном использовании могут дать возможность преподавателю не только скорректировать непосредственно сам тест, переработав слишком простые или сложные задания, но и понять ход мыслей студентов при ответе на тот или иной вопрос, выявить основные тенденции самостоятельной работы студентов и определить наиболее проблемные для испытуемых области знаний [см.: 2].

Пятилетний опыт использования системы управления обучением Moodle (ЛМС ГУАП) при изучении студентами теоретического раздела дисциплины «Физическая

культура» позволяет сопоставить преимущества и недостатки дистанционного обучения в сравнении с классическим, где в качестве основного критерия выступает итоговый уровень знаний обучаемых [см.: 4].

Анализируя ответы большого числа студентов 3 курса ГУАП на вопросы контрольного тестирования, используя описанные выше механизмы математической статистики, можно выделить три основные тенденции в работе студентов над предложенными заданиями и их отношение к процессу обучения в целом.

1. *При ответах на вопросы студенты стараются найти ответ в конспекте лекции или интернете, а не опираются на свои собственные знания. При этом большинство студентов испытывают большие проблемы с ответами на вопросы, прямого ответа на которые нет в тексте лекции и при ответе на которые нужно думать и логически мыслить.*

Если правильный ответ на вопрос есть в тесте лекции или интернете, практически 100% испытуемых дают на него точный ответ. Если же при ответе на вопрос требуется минимальное логическое мышление, сразу возникают проблемы и успешность ответа падает в среднем на 30-40%. Так, например, на вопрос: «*Чему равна сила тяжести, действующая на диск в полёте?*» правильный ответ дали все 247 опрошенных, а на вопрос «*Чему равна сила тяжести, действующая на диск массой 1 кг, выпущенный со скоростью 17 м/с, спортсменкой ростом 168 см и весом 74 кг?*» правильно ответил только 61 студент из 218 т. е. только 28%.

Чем ближе к началу текста лекции находится ответ на вопрос, тем меньше времени требуется опрашиваемому на поиск правильного ответа. Так, при электронном варианте лекции размером около 20–25 страниц текста скорость ответа на любой прямой вопрос средней сложности, правильный ответ на который находится на первых 5 листах составляет в среднем 18 секунд, а если ответ на вопрос находится на 5 последних страницах лекции, то время ответа возрастает примерно до 34 секунд из 60 секунд, отведенных на ответ.

При этом соотношение тех, кто ищет ответ в тексте лекции и интернете, примерно 60% к 40%. Это можно определить в случаях, когда ответы в лекции и интернете немного не совпадают. Например, если на вопрос «*Как назывался бег на два стадиа на Античных Олимпийских играх?*», в тексте лекции ответ *диаул*, то в интернете - *диаулос*.

2. *Многие студенты невнимательны при чтении формулировки вопроса.*

Наиболее частые ошибки возникают в случаях, когда следует выбрать один или несколько вариантов ответа (почти всегда студенты выбирают только один), а также тогда, когда в тексте вопроса находится отрицание «не». На вопрос: «*В каком году состоялись запланированные в Берлине Олимпийские игры?*» правильный ответ (в 1936 году) дали 100% опрошенных, а на вопрос: «*В каком году не состоялись запланированные в Берлине Олимпийские игры?*», правильно ответили (в 1916 году) только 108 студентов из 226 (48%), причём 95 из неправильно ответивших дали ответ в 1936 году.

Невнимательность студентов также часто отмечается и при навигации по тесту, что приводит к досрочному выходу из теста, потерям попыток, а также потерям времени для ответов на вопросы.

3. *Часть опрашиваемых торопятся отвечать на вопросы, не до конца используя отведенное на ответ время, или стараются дать ответы наугад.*

Среднее время на прохождение теста по физической культуре из 15 вопросов составляет 12 минут 26 секунд из отведенных 15 минут, при этом студенты получившие максимальный балл за попытку, тратят примерно 9 минут 5 секунд, а на попытку с количеством баллов от 1 до 9 (без учета попыток, в которых испытуемый просматривал содержание теста без ответов на вопросы) в среднем затрачивается 11 минут 51 секунда, в то время как среднее время попыток с результатами от 10 до 14 баллов составляет 13 минут 44 секунды. Выделяется группа студентов, которые подходят

к прохождению любого теста поверхностно и затрачивают на его прохождение не более 5 минут, используя при этом максимальное число попыток.

Кроме вышеперечисленного на качество ответов влияет и то, на каком типе мобильного устройства работают опрашиваемые, так как выполнять тестирование на смартфоне или планшете крайне неудобно.

Таким образом, главным недостатком удаленного контрольного тестирования является возможность студентов пользоваться интернетом и лекционными материалами. Поэтому для повышения объективности знаний опрашиваемых, учитывая опыт своих коллег, ведущих специалистов в области создания тестов [см.: 1,5], преподавателю следует постоянно работать над улучшением качества самого теста, принимая во внимание следующие ключевые моменты:

- в тесте должны отсутствовать или быть сведены к минимуму прямые вопросы, ответы на которые можно легко найти в интернете или курсе лекции; нужно заставлять студента создавать логические цепочки хотя бы 1 и 2 уровня;
- при возможности в тексте вопроса следует использовать изображения;
- при создании теста следует использовать вопросы типа «соответствие», «с запросом ранжирования», «верно-неверно», которые позволяют испытуемым в большей степени проявить свою самостоятельность;
- обязательно ограничивать время, данное студенту для ответа на вопрос;
- редактируя настройки теста, необходимо следить за тем, чтобы вопросы и ответы теста выдавались студентам в случайной последовательности;
- после окончания очередной попытки испытуемые должны видеть свои баллы, но не свои ошибки в конкретных вопросах;
- общее количество вопросов по данной теме должно как минимум в 3–3,5 раза превышать количество вопросов в тесте, время от времени следует добавлять новые задания и изменять старые;
- создав тест и разместив его в системе, преподаватель должен, используя статистику, контролировать качество теста, анализируя его результаты как в целом, так и по каждому отдельному заданию, удалять из теста слишком легкие и сложные вопросы, мониторить возможные ошибки в тесте и своевременно их исправлять.

Библиографический список

1. Васильев В. И., Кирилюк А. А., Тягунова Т. Н. Требования к программно-дидактическим тестовым материалам и технологиям компьютерного тестирования. Учебно-методическое пособие. – М.: МГУП, 2005. – 29 с.
2. Крокер Л., Алгина Д. Введение в классическую и современную теорию тестов. – М.: Логос, 2010. – 668 с.
3. Нестеров С. А., Сметанина М. В. Оценка качества тестовых заданий средствами среды дистанционного обучения Moodle // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2013. – №5 (181). – С. 87–92.
4. Сидоренко А. С. Лекционный курс по дисциплине «Физическая культура». <https://lms.guap.ru/new/course/view.php?id=99> (дата обращения 01.10.2020).
5. Сидоренко А. С. Оптимизация компьютерного тестирования студентов: минимизация влияния на ответы помощи Интернета // Информатика и образование. – 2020. – № 5 (314). – С. 50–55.

Научное издание

ВОСЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

20–22 ноября 2020

Санкт-Петербург, ГУАП/Saint Petersburg, SUAI

ТЕЗИСЫ

ISBN: 978-5-8088-1530-8

9 785808 815308

Публикуется в авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. Н. Каравановой*

Сдано в набор 18.11.2020. Подписано к печати 20.11.2020.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 24,9. Тираж 200 экз. Заказ № 401.

Редакционно-издательский центр ГУАП
190000, Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 67